ПЬЕР КАБАНИС
ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ
ФИЗИЧЕСКОЙ
И
НРАВСТВЕННОЙ
ПРИРОДОЙ
ЧЕЛОВЕКА
ECHAFAUD
2026

Пьер Жан Жорж Кабанис

Отношения между физической и нравственной природой человека

Перевод с французского и вступительная статья П.А. Бибикова

Перепечатано группой Echafaud из первоначального документа, с дореволюционной орфографией (без текстового слоя), в 2026 году. Онлайн-версия доступна на нашем сайте, в формате по главам.

До второго мемуара мы ещё исправляли некоторые старые обороты на современные (например, слово неделимый на личность), но дальше вернулись к простой транслитерации оригинала.

Содержание

Заметка Кабаниса 2

Систематическое извлечение, автор Дестют де Траси 3

Первый мемуар 3

Второй мемуар 6

Третий мемуар 9

Четвертый мемуар 12

Пятый мемуар 15

Шестой мемуар 18

Седьмой мемуар 21

Восьмой мемуар 24

Девятый мемуар 27

Десятый мемуар 30

Одиннадцатый мемуар 40

Двенадцатый мемуар 42

Предисловие ко второму изданию 44

I: Общие рассуждения об изучении человека и об отношениях между его физической организацией и его умственными и нравственными способностями 55

II: Физиологическое исследование ощущений 86

III: Продолжение физиологического исследования ощущений 116

IV: О влиянии возрастов на представления и на нравственные побуждения. 144

V: О влиянии полов на характер представлений и нравственных побуждений. 173

VI: О влиянии темпераментов на образование представлений и нравственных побуждений. 207

VII: О влиянии болезней на образование представлений и нравственных побуждений. 240

VIII: О влиянии условий жизни на нравственные побуждения и привычки. 270

IX: О влиянии климатов на нравственные привычки. 329

X: Рассуждения о животной жизни, о первых проявлениях чувствительности, об инстинкте, о симпатии, о сне и о бреде. 374

XI: О влиянии нравственной природы на физическую. 447

XII: О приобретенных темпераментах. 463

Заметка Кабаниса

Ко второму изданию (1804) сочинения:

Отношения между физической и нравственной природой человека.

Благосклонный прием этого сочинения публикой побудил меня внимательно пересмотреть его.

Главная моя задача состояла в том, чтобы сделать его общепонятным. Я вовсе не ласкаю себя надеждой, что успел освободить читателя от всякого усилия; но я полагаю, что, при некоторой внимательности, ему можно будет без особых затруднений следить за всей цепью мыслей и рассуждений.

С той же самой целью я присоединил к сочинению две таблицы: одна, систематическое извлечение, была тщательно составлена моим товарищем г. де Траси; другой таблицей, т.е. алфавитным указателем, я обязан любезной услуге моего трудолюбивого и ученого собрата г. Сю, профессора и библиотекаря в Парижской медицинской школе.

Сделанные мной поправки касаются более редакции, чем сущности самых мыслей. Я не решился изменять внешнего вида Мемуаров, в котором они впервые явились, ибо он [т.е. их внешний вид], кажется мне, характеризует собою эпоху их составления и издания в свет. Ещё менее, казалось мне, должен был я уступать совету - соединить в одном мемуаре то, что мною сказано во втором, третьем и десятом, о первых жизненных определениях, об инстинкте, о симпатии, и проч. Если бы я поместил во втором и третьем то, что говорится об этом предмете в десятом, то было бы совершенно невозможно понять меня, так как все эти предметы должны быть объяснены ранее, в промежуточных мемуарах; а если бы я отнес к десятому то, что составляет содержание второго и третьего, то я выключил бы из последних предметы, необходимые для понимания следующих. Мне кажется, что во всем сочинении все вопросы расположены в естественном порядке, изменить который невозможно, не нарушая связи между ними и ясности.

Систематическое извлечение, вместо подробного оглавления, автор Дестют де Траси

Изучение физической природы человека равно интересно, как для врача, так и для моралиста. Для достижения цели, имеющейся в виду, как для одного, так и для другого, одинаково необходимо исследование человека в обоих отношениях, физическом и нравственном. Нельзя составить точного понятия об одном, без другого.

Изучение нравственной природы человека основано было на одних метафизических гипотезах с тех пор, как она отделена была от физической. Локк и его последователи сблизили одну с другой, но недостаточно. Нравственные науки следует перестроить на этом новом основании. В этом состоит цель этого сочинения; в этом заключается единственное средство - доставить им возможность принять участие в необыкновенных успехах наук физических и указать им дорогу, с которой бы они не сбивались.

Настоящая эпоха самая благоприятная для этого. Общественная наука, личная нравственность и воспитание только выиграют от этого. Впрочем, здесь не будет сделано ни приложений к этим наукам, ни рассуждений о первых причинах. Здесь будет говориться только о философской части физиологии.

Первый мемуар

Общие рассуждения об изучении человека и об отношениях между его физической организацией и его способностями

Введение. Взгляд на все науки, как на ветви одного и того же дерева, составляет великую и плодотворную идею. Никакие отрасли науки не переплетены между собою так тесно, как физическое изучение человека с изучением его умственных отправлений. Вот почему Институт назначил физиологов в отделение философских наук.

§ I. - Мы ощущаем, и от получаемых нами впечатлений зависят одинаково, как наши побуждения, так и действие снарядов, служащих для их удовлетворения. Мы решаемся действовать прежде, чем отдадим себе отчёт о средствах, и даже прежде, чем составим себе точное понятие о цели, к которой стремимся. Это постоянный путь, избираемый человеком: следы его видны в каждом его шаге. Рациональная философия всегда шла об руку с физиологией.

§ II. - Первые мудрецы Греции изучали медицину, логику и науку о нравственности. Пифагор, Демокрит, Гиппократ, Аристотель и Эпикур одинаково

полагали в основу своих рациональных систем и нравственных принципов знание физической природы человека.

Сочинения Пифагора не дошли до нас; но учение о переселении душ и о числах доказывает, что он хорошо заметил вечное превращение материи и постоянную перемежаемость всех явлений природы. Не более знакомы нам сочинения Демокрита; но производимые им трупорассечения доказывают, что он хорошо понимал цену наблюдения и опыта. Несколько больше знакомы мы с Гиппократом. Сочинения его доказывают, что он перенес, по собственным словам его, философию в медицину и медицину в философию. Аристотель прославился в одинаковой мере, как своими наблюдениями, так и своими теориями. Эпикур шел по следам Демокрита; но он придал ошибочное значение слову *сладострастие*. [1]

Бэкон, восстановитель искусства мыслить и возобновитель ума человеческого, усердно занимался животной физикой. Тоже самое можно сказать о Декарте. Гоббс, ученик Бэкона, не имел этого преимущества; он особенно замечателен необыкновенным совершенством своего языка. Напротив того, Локк, оказавший такие услуги рациональной философии, изучал физического человека. Карл Бонне был более замечательным натуралистом, чем метафизиком. Достойно сожаления, что такого рода достоинств недоставало Гельвецию и Кондильяку.

§ III. - Чувствительность есть последнее выражение явлений, составляющих то, что мы называем жизнью; она же представляет первое из явлений, составляющих наши умственные способности; таким образом, нравственная природа наша то же, что и физическая, рассматриваемая только с иной точки зрения.

С той минуты, как мы чувствуем, - мы существуем, мы сознаем наше существование. Как только нам становится возможным убедиться, что причина наших впечатлений находится вне нас, мы составляем понятие о том, что не мы. Различие в наших впечатлениях заставляет нас предположить различие в их причинах, по крайней мере относительно нас. Для нас не может существовать иных причин, кроме действующих на наши чувства, и иных истин, кроме таких, которые обусловлены способом ощущений, общим для всей человеческой природы.

Но этот способ получать ощущения не всегда одинаков до малейших подробностей. Он различается от одного человека к другому и находится в зависимости от пола, от первоначальной организации, от темперамента.

В каждой человеческой личности он изменяется под влиянием возраста, состояния здоровья или *болезни*. Он изменяется во всех людях от климата и от совокупности физических условий или условий жизни. Вот что должен принять в

[1] Де Траси явно ошибается: не Эпикуром придана была ошибочная оценка этому слову; глубоко-нравственное и в высшей степени гуманное значение, придаваемое родоначальником знаменитой эпикурейской философии этому слову, искажено было его узкими и недалекими последователями. То же говорит и Кабанис (примечание переводчика).

соображение мыслитель, моралист и законодатель и на что уже древние обращали свое внимание.

§ IV. - Они различали четыре темперамента или различные физические организации, из которых каждой соответствует особенное нравственное расположение. Они назвали *умеренным темпераментом* преимущественно такой, который состоит из самого счастливого соединения всех четырех. Это - род прекрасного идеала, к которому более или менее приближаются все *умеренные темпераменты*, существующие в действительности.

§ V. - Новейшие наблюдатели усовершенствовали и исправили это учение; они ограничили общее влияние некоторых жидкостей, существующих в человеческом организме. Они приняли в соображение преобладание то чувствительных сил, то сил двигательных; количественное отношение твердых частей и жидкостей; развитие, и относительную силу или слабость некоторых органов; симпатические пути между ними; и, наконец, влияние болезней на нравственную природу человека, прежде даже чем это пагубное влияние произведет *бред* или *помешательство*.

§ VI. - Проводя эти исследования далее, особенно следует изучать отдельные органы ощущений. Непосредственные опыты доказали, что ощущающие органы суть несомненно нервы; что человек получает ощущения в головном мозгу, в продолговатом, а также, вероятно, и в хребетном; и что состояние брюшных внутренностей оказывает сильное влияние на образование мыслей.

Множество отдельных наблюдений проливает свет на различные последствия этих общих истин. Таким образом, доказано, что изучение организации уже оказало большие услуги исследованию образования мыслей. Необходимо, чтобы оно дало основания для нравственности. Здравый ум не может искать их нигде больше, ибо отношения между людьми вытекают из их потребностей, а нравственные их потребности не менее зависят от их организации, сколько и физические, только не так заметно.

За мыслями необходимо следуют их выражения, *знаки*, появление которых вызывает в нас особое расположение, называемое *симпатией*, при посредстве которой человек наслаждается и страдает с подобными себе людьми, а вследствие этого, и со многими существами.

§ VII. - Изучение всех этих предметов дает нам множество средств действовать на усовершенствование даже наших наших органов и наших способностей. Предметы эти будут рассмотрены в следующем порядке:

1) Физиологическое исследование ощущений;
2) Влияние

- возрастов,
- полов
- темпераментов,
- болезней,
- условий жизни,
- климата,

На образование мыслей и нравственных побуждений;

3) Соображения о животной жизни, инстинкте, симпатии, о сне и бреде;
4) Влияние, или обратное действие нравственной природы на физическую;
5) Приобретенные темпераменты.

Второй мемуар

Физиологическое исследование ощущений

Различиям и видоизменениям в органах постоянно соответствуют различия и видоизменения в мыслях и страстях. Исследование ощущений должно заполнить пробелы, отделяющие физиологические наблюдения от результатов, полученных философским анализом.

§ I. - Впечатления, получаемые чувствительными органами, служат таким же источником для всех мыслей, как и для всех *жизненных движений.*

Но между побуждениями животных существуют ли такие, которые были бы вполне независимы, как от сознания, так и от воли, и которые заслуживали бы названия *инстинктивных*?

В тех же органических движениях существуют ли такие, которые бы зависели от особенного свойства, называемого *раздражаемостью*, самостоятельно и независимого от чувствительности?

Оба вопроса тесно связаны между собою.

Если допустить второе предположение, то можно будет легче понять, или будет казаться более понятным зарождение в нас различных побуждений; инстинктивные побуждения будут находиться в зависимости от раздражаемости (что, впрочем, нисколько не объясняет их).

Но если допустить первое, то нужно будет сделать некоторые изменения в общепринятом способе объяснения зарождения всех наших мыслей и всех наших побуждений от ощущений.

Второе предположение составляет вопрос только о словах и не изменяет ничего в философском анализе. Совсем иное представляет нам первое; мы и обращаемся к нему.

§ II. - Жить значит чувствовать. Движение есть признак жизненности. Но многие из наших движений произвольны, другие происходят без нашего участия. Такие различные последствия могут ли быть приписаны одной и той же причине, чувствительности?

Опыт. - Если перевязать или перерезать все нервные стволы какой либо части, то в тот же самый момент она становится бесчувственной и в ней исчезает всякая способность к какому бы то ни было произвольному движению: способность воспринимать некоторые впечатления и производить неопределенные мускульные сокращения сохраняется ещё на незначительное время, но скоро наступает полное прекращение жизни и разложение.

Следствие. - Нервы представляют исключительный источник чувствительности. Они распределяют ее между всеми органами, которым сами служат сообщением и оживотворением.

Отдельные впечатления, беспорядочные движения, еще остающиеся в частях на некоторое время после того, как нервы будут перерезаны, зависят от остатка местной чувствительности, которая более не возобновляется. Раздражаемость есть только последствие чувствительности, а движение - выражение жизни, ибо нервы чувствуют, но не двигаются. Они составляют душу мускульного движения, но сами не одарены непосредственною раздражаемостью.

§ III. - Из этого следует, 1) что органы чувствительности суть нервы; 2) что рождающиеся в нас впечатления зависят от одной только чувствительности; 3) что произвольные движения вызываются только этими впечатлениями и что двигательные органы подчинены органам чувствительным, одушевляются и двигаются только ими; 4) что невольные и незаметные движения зависят от впечатлений, полученных органами и вызванных их чувствительностью.

Заметьте впрочем, что хотя мы и отличили способность чувствовать от способности двигаться, тем не менее мы не можем представить деятельности ощущения, как и всякой другой деятельности, без какого бы то ни было движения; таким образом, и чувствительность связана, быть может, с причинами и законами движения, общим источником всех явлений в мире.

Как бы то ни было, несомненно, что одни впечатления идут к нам извне нас, другие - изнутри нас. Обыкновенно мы сознаем первые; большею частью мы не знаем вторых, и потому нам неизвестна причина вызываемых ими движений. Философы-аналитики, по видимому, часто пренебрегали последними и исключительно первым давали название ощущений.

§ IV. - Если ограничить таким образом слово *ощущение*, то все наши мысли и побуждения, без всякого сомнения, не могут быть выведены из ощущений, ибо многие из них рождаются внутренними впечатлениями, вызываемыми отправлениями различных органов. Следовало бы 1) определить, какие мысли и побуждения исключительно зависят от этих внутренних впечатлений; 2) привести их в такой порядок, чтобы каждому органу можно было приписать свойственные ему мысли и побуждения.

Решение второго вопроса явным образом невозможно, потому что человек, или вовсе не сознаёт этих впечатлений, или сознаёт их смутно, и потому отношения ощущения к движению остаются для него неуловимы. Решение же первого вопроса до некоторой степени возможно.

§ V. - К внутренним впечатлениям должно отнести: 1) побуждения, выказывающиеся в ребенке и в молодых животных в минуту рождения, и страсти, выражающиеся немедленно на их физиономии; 2) побуждения, зависящие от развития органов воспроизведения; 3) побуждения, относящиеся к некоторых породах к несуществующим ещё органам; 4) материнский инстинкт; 5) последствия уродства в организации - одним словом, все, что называют *инстинктом* в противоположность тому, в чем признается *сознательное побуждение*.

В этом значении слово *инстинкт* имеет смысл вполне согласный со своим этимологическим происхождением (внутреннее побуждение); легко видеть, почему он выше в породах в которых он менее заглушен сознательностью.

Это уже шаг вперед. Тем не менее, остаётся ещё большой пробел, с одной стороны, между впечатлениями, как внешними так и внутренними, а с другой - между мыслями и нравственными побуждениями. Рациональная философия наполнить его не в состоянии; физиология не бралась еще за это дело; посмотрим, что можно сделать для уменьшения этого пробела.

§ VI. - Чувствительности невозможно представить себе без страдания и удовольствия. В первом случае встречается сжатие чувствующих оконечностей, во втором - расширение. Чтобы вызвать чувство, чувствительный орган действует на самого себя, подобно тому, как для того, чтобы вызвать движение, он действует на двигательный орган.

Чувствительность действует подобно жидкости, количество которой определено. Если она бросится в обильном количестве по одному из своих каналов, то настолько же уменьшается в прочих. Отраженное действие начинается всегда в одном из первых средоточий, и значение этого средоточия пропорционально значению вызванных им жизненных отправлений и распространению возбужденных к деятельности органов.

§ VII. – Великое множество отдельных явлений, тысячи примеров, выказывающих то общую, то частную деятельность различных чувствительных средоточий, подтверждают эти положения и открывают нам, что головной мозг, или черепное средоточие, есть орган, вырабатывающий, отделяющий мысли, и что низшие средоточия представляют достаточную причину для жизненных и для инстинктивных отправлений.

§ VIII. – *Заключение*. – Частные выводы этого Мемуара составляют те положения, которые мы разбирали шаг за шагом. Общее заключение будет состоять в следующем изречении для объяснения первой причины; *Я есмь то, что существует, что было, что будет, и никто не знал никогда моей природы*; но для понимания вторых причин в высшей степени важно для человека *познать самого себя*.

Третий мемуар

Продолжение физиологического исследования ощущений

§ I. – Независимо от впечатлений, получаемых чувствительным органом от чувствующих, как внешних, так и внутренних оконечностей, в нем возбуждаются и непосредственные впечатления вследствие перемен, совершающихся внутри его самого.

Это доказывается известными болезнями, помешательством, эпилепсией, восторженным сознанием. Впечатления, возбуждаемые в нем памятью и воображением, принадлежат весьма часто к тому же порядку, то есть, они являются без постороннего возбудителя.

Чувствительный орлан действует отраженно на эти самопроизвольные впечатления, как на всякие другие. Они имеют совершенно такое же значение: они служат для образования представлений и побуждений; они вызывают затем движения в мускульных частях; эти прямые и отраженные действия распространяются то на весь организм, то на некоторые только его части; они подкрепляют друг друга своей продолжительностью, и проч., и проч.

§ II. – Движения, вызываемые этими самопроизвольными впечатлениями чувствительного органа, происходят по тем же законам, как и впечатления.

Всякое движение живых частей предполагает в вызвавшем его нервном средоточии подобное же движение, выражением которого оно служит. Общее или частное, одно походит всегда на другое. Оно распространяется симпатически по различным органам, или сосредотачивается в одном, смотря по отношениям между ними, или по местным раздражениям; оно следует тому же пути и запечатлено теми же свойствами, которыми отличаются впечатления, производимые чувствительностью.

Одним словом, внутри человека существует другой человек; это - мозговое средоточие, это - вся система чувствительных органов. Этот внутренний человек одарен свойственной ему непрерывной деятельностью, продолжающейся, пока не исчезнет жизнь.

Проявления этой деятельности более явственны, более могущественны во время сна, нежели при бодрствовании, потому что она возмущена тогда менее впечатлениями, вызываемыми, как внешними, так и внутренними чувствующими оконечностями.

§ III. - Для деятельности мысли необходимо здоровое состояние головного мозга; но в чем состоит это здоровое состояние, определить с точностью невозможно. Известно только, что некоторые состояния его постоянно сопровождаются уклонениями в умственных отправлениях.

Для правильных отправлений необходимо ещё, чтобы впечатления получались надлежащим образом. Образ проявления движений также зависит от этого условия в особенности необходимо известного рода равновесие между мускульными и чувствительными силами. Излишнее напряжение последних, смотря по обстоятельствам, или чрезмерно возбуждает, или слишком ослабляет двигательные силы; излишняя вялость притупляет и усыпляет их.

Хотя различные уклонения того и другого рода сил и вызывают явления, кажущиеся противоречащими, тем не менее все они показывают, что как те, так и другие силы идут из одного средоточия, мозгового, и вызываются одним и тем же свойством органически-устроенной материи - *чувствительностью*.

§ IV. - Представления и побуждения, возбуждаемые чувствительным органом вследствие полученных им впечатлений, следуют тем же законам, что и движения, вызываемые им в мускульном органе вследствие тех же впечатлений.

Те из представлений и побуждений, которые возбуждаются впечатлениями, внутри самого чувствительного органа, суть самые устойчивые, самые упорные, одним словом, существенно господствующие. Таковы главные наклонности одержимых бешенством.

Те, которые возбуждаются впечатлениями, полученными от внутренних чувствующих оконечностей, занимают второстепенное место и в оживляемых ими органах. Это - инстинктивные предоставления и побуждения.

Наконец, менее всего глубокие и продолжительные суть те, которые получаются внешними чувствующими оконечностями и органами чувств; это - собственно так называемые *ощущения*; на них почти исключительно обращено было внимание метафизиков. Смотря по устройству органа чувства, возбуждающего впечатление, последние находятся в более или менее прямой зависимости от органа мысли.

§ V. - Мозговая мякоть, однообразно распределённая по главным нервным стволам, по-видимому, всюду одинакова, и все чувства суть особенные виды осязания, различным образом возбуждающие эту нервную мякоть.

Но в коже, специальном органе так называемого осязания, оконечности органа особенно закрыты и завернуты. Они менее закрыты в органе вкуса, ещё менее в обонянии, ещё менее в слухе, и наконец, они почти обнажены и особенно сильно разветвлены в органе зрения.

§ VI. - Неизменный закон одушевленной природы состоит в том, что частое возвращение впечатлений делает их *раздельными*, то есть, отличными одно от другого; и что повторение движений делает последние более легкими и точными; но не менее постоянный и не менее общий закон состоит в том, что слишком живые, слишком часто повторяющиеся и чрезмерно многочисленные впечатления, вследствие этих самых обстоятельств, ослабевают. [2]

Осязание, происходящие постоянно на всей поверхности тела, получает разом слишком много впечатлений; к тому же, весьма часто впечатления эти такого рода, что могут сделать его смутным и притупленным. Поэтому, хотя это и самое верное чувство, тем не менее доставляемые им при обыкновенном состоянии впечатления не столь точны и не так легко вызываются памятью.

Осязание развивается прежде всех других чувств; оно угасает последним. В некотором роде оно есть сама чувствительность; так что полное и общее его исчезновение предполагает прекращение и жизни.

Распознавание вкуса образуется медленно; и воспоминание о доставляемых им впечатлениях чрезвычайно затруднительно. Причина этого лежит в том, что эти впечатления, по природе своей непродолжительны, переменчивы, сложны, беспорядочны, часто сопровождаются живым желанием и соединены с благосостоянием желудка, а затем, и с возмущающим их головным мозгом.

Когда впечатления, доставляемые обонянием, сильны, то они быстро притупляют чувствительность органа; когда они продолжаются непрерывно, то становятся незаметны. Поэтому, они оставляют немного следов в головном мозгу и тоже с большим трудом вызываются памятью, по крайней мере, сознательно.

Но они живо раздаются по всей нервной системе, по пищеводному каналу и особенно по половым органам. Весьма часто они возникают совершенно

[2] Весьма основательно говорят, что есть граница, когда повторяющиеся через меру впечатления перестают ощущаться; но это случается именно вследствие приведенных причин. Тем не менее, остаётся справедливым, что научаются чувствовать, то есть, замечать и *различать* получаемые впечатления; что последние *замечаются* и *различаются* лучше, когда на них несколько раз обращено будет в известной степени внимание, и что вследствие тесной связи между впечатлениями и движениями, как необходимого результата привычки, те и другие вызываются почти без всякого участия сознания.

непроизвольным образом и упрямо преследуют человека. Настоящая эпоха обоняния есть пора юности и любви; влияние его в детстве почти ничтожно и весьма слабо в старости.

Зрение и слух суть чувства, доставляющие нам впечатления, которые оставляют самое продолжительное и самое отчетливое воспоминание.

Для слуха причина этого заключается в употреблении членораздельного языка, а может быть и в ритмической особенности доставляемых им впечатления; ибо природе нашей особенно нравятся периодические возбуждения и все, что происходит в нас, разделено определенными промежутками.

Для зрения это происходит не только потому, что оно находится в непрерывном упражнении и что доставляемые им впечатления соединены со всеми нашими потребностями, со всеми нашими способностями, но и потому еще, что оно может постоянно возобновлять впечатления, продолжать, отделять их одно от другого.

Относительно чувств вообще, заметьте, весьма вероятно, что сознание происходит в том же месте, в котором делается сравнение, и что источник сравнения лежит явным образом в общем нервном средоточии. В этом должно даже состоять то, что называется *внутренним чувством*.

Тем не менее, можно предположить, что каждое чувство, взятое отдельно, имеет свою собственную *память*. Некоторые физиологические явления, кажется, подтверждают это относительно осязания, вкуса и обоняния, относительно же слуха и зрения это доказывается, по-видимому, тем, что звуки и образы возникают очень часто с весьма значительной силой и преследуют самым докучливым образом.

Заключение. - Не все люди одинаковым образом получают ощущения, необходимые для образования в них мыслей, для пробуждения чувствований, для направления желаний, одним словом, для *существования*. Это зависит от состояния органов, от силы или слабости нервной системы, особенно же от того, как она чувствует. Необходимо, стало быть, исследовать последовательно перемены, производимые в способности получать ощущения различием возрастов, полов, темпераментов, болезней, климатов и образа жизни. Это мы и сделаем в следующих шести Мемуарах.

Четвертый мемуар

О влиянии возрастов на мысли и на нравственные побуждения

Введение. - В природе все находится в вечном движении, в непрерывном разложении и сложении, в разрушении и возникновении.

§ I. - Продолжительность и следующие один за другим виды существования различных тел в свойственной им форме менее зависят от материалов, из которых

состоят они, нежели от обстоятельств, управляющих их образованием. На существенных и постоянных различиях в процессе образования тел основано разделение их и классификация.

Сложение и разложение тел, которые можно назвать *химическими*, происходят по несравненно менее простым законам, нежели притяжение больших масс. Организованные существа живут и сохраняются, следуя еще более сложным законам, нежели законы химического сродства. Между прозябаемым и животным, хотя как то, так и другое повинуются силам, которые собственно суть ни механические, ни химические, существуют еще общие и глубокие различия.

В растениях, одаренных самой грубой организацией, замечаются, как силы, свойственные исключительно организованным телам, так и свойства, совершенно чуждые природе животной.

В самых низших животных замечаются известные явления, принадлежащие только чувствующей природе.

В прозябаемых впервые являются растительные соки или слизь, которая образуется, при процессе прозябания, сначала в губчатую ткань, потом в древесные волокна, в кору, в листья и проч.

В животных замечается прежде всего студенистое вещество (желатин), потом волокнистое (фибрин) белковинное, и проч., которые обращаются в клетчатую ткань, в животные волокна, в покровы, сосуды, кости. Растительная слизь имеет сильное стремление к свертыванию; в студенистом веществе стремление это еще сильнее.

Заметим только, что *клейковина* очень питательных зерен самым близком образом походит на животную волокнину; она имеет ее запах, она состоит из тех же газов и эти же газы встречаются в некоторых растениях, имеющих свойство возбуждать уподобляющие силы животных, которым поэтому нравится вкус их.

К этим веществам присоединяется какое-то неизвестное начало, находящееся или в зародыше, или в семенной жидкости, необходимое для возникновения жизни. В животных оживотворяющее начало это сливается с нервной системой. Мясные и мускульные волокна производятся, по-видимому, соединением нервной материи с волокнистым веществом клетчатой ткани.

§ II. - На этом основании, мы видим, что органы и способности изменяются главным образом, смотря по различным состояниям нервной системы и клетчатой ткани. В молодых растениях соки находятся в обильном количестве, они водянисты, и свойства их еще не выразились; более деятельные начала, отличающие отдельные части растения и различные виды их, развиваются позже.

То же самое должно сказать и о животном студенистом веществе, которое постепенно переходит в волокнину молодых животных; сначала оно представляет едва выразившуюся животную слизь, которая испытывает затем последовательные изменения.

Растения очищают воздух для животных, а животные удобряют для них землю. Растения составляют первую пищу для животных и волокнистое, студенистое вещество последовательно оживотворяется, переходя через органы различных пород, живущих одним другими.

§ III. - Поэтому, растения с плодами, подходящими к животному веществу, представляют во многих случаях слишком питательную или слишком возбуждающую пищу, подобно тому, как чрезмерно обработанные животные вещества тоже становятся вредными для желудка.

§ IV. - Между тем как в животных происходят эти перемены в студенистом веществе и в вырабатывающих его, таким образом, клетчатых органах, нервная система тоже испытывает вследствие этого соответствующие изменения, и отношения ее к органам ежедневно изменяется. Действие ее на них сначала живо и порывисто, потом более сильно и равномерно, и наконец становится слабым и увядающим. Войдем в некоторые подробности.

§ V. - В детском возрасте многочисленность сосудов и раздражаемость мускулов развиты в высшей степени также как деятельность желез и всей лимфатической системы. Из этого проистекает их необыкновенная подвижность, сопровождающаяся такой же слабостью мускулов и беспорядочными отправлениями.

§ VI. - Все физические и умственные явления первого возраста соответствуют этим условиям. Впоследствии, головной мозг теряет постепенно свой относительный объем; но его деятельность, как и других возбудителей, не теряя своей живости, становится более прочной; это лежит в основе явлений, замечаемых нами в эпоху от семи до четырнадцати лет.

§ VII. - В детстве соки преимущественно стремятся к голове. С наступлением юности они направляются к груди, с которой половые органы находятся, хотя в скрытой, но тем не менее тесной связи. Скоро вступают в деятельность последние органы, и в животный организм входит новое начало, увеличивающее его силы и энергию. Молодость есть только продолжение развертывающейся юности; она продолжается до двадцати-восьми, или до тридцатипятилетнего возраста.

§ VIII. - До тех пор, пока продолжается преобладение сил над сопротивлениями, артериальная система полна кровью и чувство благосостояния и самоуверенности не прекращается. Но когда деятельность жизни начинает колебаться в сторону преобладания твердых частей, обнаруживается венное полнокровие, благоразумие

и осмотрительность занимают место смелости, и скоро обременение воротной вены и брюшных внутренностей вызывает состояние беспокойства и задумчивость.

Таковы признаки зрелого возраста, продолжающегося до сорока девяти и даже до пятидесяти-шестилетнего возраста, и свойственное ему нравственное расположение следует за соответствующими ему физическими явлениями, если последние обнаружатся даже преждевременно.

§ IX. - В конце зрелого возраста наступает разложение в соках, а за ним следует подагра, каменная болезнь, ревматизм, расположение к апоплексии.

Случается, что едкость соков вызывает отраженное действие первого органа на самого себя и временно производит в некотором роде вторую юность; но скоро существование старика становится вяло, он действует и мыслит с трудом, озабочен только собой, и наконец, ищет одного только покоя, который должен прекратить это тягостное состояние.

§ X. - Если, при потере памяти, мы легче вспоминаем впечатления детства, нежели полученные позже, то это случается потому, что живость этих первых впечатлений, их легкое и частое повторение, быстрые сообщения между различными чувствительными средоточиями, так сказать, отождествляют их с организацией и обращают в бессознательные проявления инстинкта.

Заметим еще, что в старости слабость головного мозга и отправлений, вызывающих в нем ощущения, дает и побуждениям его ту же подвижность и те же особенности, какими отличались они в детстве. Оба крайние периода жизни походят один на другой.

Заключение. - Наконец, ощущения, сопровождающие смерть, естественным образом соответствуют ощущениям, господствующим в тот период жизни, в который наступила она, подобно тому, как характер болезней вообще соответствует характеру возрастов.

Пятый мемуар

О влиянии полов на характер представлений и нравственных побуждений

Введение. - Самое великое явление жизни есть воспроизведение неделимых и сохранение видов.

Жизнь пользуется для этого множеством различных способов, и все свойства живого существа в наибольшем числе случаев находятся в зависимости от условий его воспроизведения и от устройства предназначенных для сего органов. В особенности это справедливо относительно человека, как самого чувствительного существа, на которое и мы обратим исключительное внимание в этом Мемуаре.

§ I. - Человек рождается [слабо приспособленным к] существованию, он не высиживается подобно яйцеродным; но на продолжительное время он нуждается в попечении, и эпоха, в которую он становится способен к воспроизведению, наступает для него поздно. Все эти обстоятельства имеют огромное влияние на его склонности и привычки. Сверх того, в человеческой породе оба пола различаются по всех частях организации.

§ II. - Различия эти слабо обозначены в раннем детстве; они обнаруживаются явственно только при наступлении отрочества. Слабость мускулов побуждает женщин к сидячей жизни и к занятиям, не требующим особенного напряжения сил; мужчинам необходимо больше движений и больше сильных мускульных упражнений.

§ III. - Чтобы понять, каким образом эти различные расположения могут находиться в зависимости от половых органов, достаточно заметить:

1) что части, одушевленные нервами, приходящими от различных стволов, наиболее чувствительны и восприимчивы и что детородные органы находятся именно в таких условиях;
2) Что деятельность всей нервной системы сильно и многообразно видоизменяется, если некоторые из органов, находящихся в сообщении с ней, начинают или перестают действовать, или, если они необыкновенно возбуждаются;
3) Что существенные части воспроизводительных органов суть железистые органы, а известно, как сильно действует состояние желез на состояние головного мозга;
4) Что органы эти вырабатывают особую жидкость, которая, возвращаясь в общий поток кровообращения, возбуждает в нем необыкновенную энергию;
5) Что первоначальные, неизвестные расположения, обусловливающие мужской или женский пол зародыша, вероятно тоже служат причиной явлений, отличающих один пол от другого.

§ IV. - Вещество головного мозга у женщины мягче, клетчатая ткань более слизиста и менее плотна; у мужчины же крепость нервной системы и крепость мускульной растут взаимодействием одной на другую.

§ V. - Поэтому, в отроческом возрасте органы воспроизведения оказывают различное действие как на ту, так на другого; развитие их вызывает более явственное различие между полами: но это развитие сопровождается явлениями и общими для обоих полов.

Оно вызывает общее движение во всей лимфатической системе и производит опухоли в железах; обращение крови принимает некоторые новые направления и становится более длительным; обнаруживаются некоторые особенные, внутренние расположения.

§ VI. - Если этот переворот в организме совершается неудачно, то за ним следует свойственная этому возрасту болезнь, известная под именем *бледной немочи*. Все эти явления чаще замечаются в девочках вследствие более нежной организации всех этих органов; но тем не менее они также существуют и в мальчиках.

§ VII. - Мужчина и женщина играют различные роли в великом деле воспроизведения, которое природа сделала самой необходимой потребностью и первостепенным побуждением для обоих. Женщина может быть принуждена к нему, мужчина может быть только возбужден к нему. Уже этим одним определяется их существование; все нравственные отношения их, так сказать, вынуждены.

Превосходство мужчины состоит в мужестве, в смелости, превосходство женщины - в прелести, в ловкости; и это справедливо относительно того и другой, потому что у обоих одна и та же цель. Поэтому, там, где преобладают грубые побуждения, там господствует произвол мужчины. Женщина приобретает полноправность по мере того, как развиваются нравственные потребности.

Если при своем развитии последние принимают ложное направление, то прелесть и ловкость может доставить женщине превосходство над мужчиной, превосходство, пагубное, как для обоих, так и для нее самой. К тому же, живая впечатлительность и мускульная слабость женщины необходимы для ее дальнейшего назначения в обществе; зачатия, ношения, родов, кормления и попечения о детях; они также необходимы для перенесения беспрерывных возмущений в ее собственном здоровье.

§ VIII. - Мужчина действует своей силой на всю природу; женщина действует на чувствующего мужчину своей прелестью; она способна к выполнению всех других своих отправлений, благодаря необыкновенной своей подвижности. Развитие зародыша в ее матке, заботы о ребенке, уход за больными, и проч. доказывают это.

§ IX. - Характер представлений и чувствований, как мужчин, так и женщин, соответствует их организации и способу восприятия ощущений. То, что есть общего между ними, составляет человеческую природу; то, что отличает их, принадлежит полу. Тот и другая неправы, когда оставляют свое призвание; отношения между ними в обществе ломаются и стремления их становятся бесцельны.

§ X. - Эти коренные различия в мужской и женской организации служат причиной того, что первые признаки развития органов воспроизведения вызывают в юноше одновременно смелость и робость, в девушке - стыдливость и кокетство, а в обоих развитие чувствительности и умственных способностей, нередко впрочем скоро замедляющееся.

В эту же только пору могут обнаружится признаки помешательства. В женщинах крайнее возбуждение чувствительности нередко возобновляется всякий раз в пору

месячного очищения и беременности: вот еще последствие их более подвижной организации, находящееся в зависимости от влияния органов воспроизведения.

§ XI. - Отрочество представляет, кроме того, пору прекращения одних болезней и появления других, вследствия чего оно порождает множество новых побуждений. Лишение любострастных наслаждений, или злоупотребление ими, может быть их источником. В этом отношении женщины переносят вообще трудны трудные лишения, а мужчины - излишества.

§ XII. - Существует зависимость между побуждениями, вызываемыми беременностью и кормлением грудью, и побуждениями, вызываемыми воспроизведением. Человек вступает в новый порядок явлений, как вследствие приобретения способности к воспроизведению, так и вследствие потери ее. Эти оба перехода явственнее выражаются в женщине.

§ XIII. - У женщин последний переход вызывает нередко неуместное возвращение прежних побуждений. Когда он наступает естественным порядком, то относительно склонностей они становятся похожими на девушек, оставшихся девами.

§ XIV. - У мужчин изуродование или несовершенное развитие органов воспроизведения уничижает, как физическую, так нравственную их природу. То и другое вызывает малодушие во всех возможных видах. Прекращение способности воспроизведения, вызываемое возрастом, не влечет за собой таких последствий, потому что организм получил уже полное свое развитие.

Заключение. - Сюда вовсе не входит вопрос о том, что обыкновенно называется любовью, потому что любовь, какой изображают ее во всех почти театральных произведениях и романах, не входит в цели природы. Она есть искусственное создание сложных общественных отношений.

Но, по мере того как просветляется разум и совершенствуется общество, любовь становится более реальной и менее фантастической, а вследствие этого, более счастливой и менее театральной.

Шестой мемуар

О влиянии темпераментов на образование представлений и нравственных побуждений

Введение. - Во всяком явлении естественно и необходимо следует исследовать отношения между всеми принимающими в нем участие условиями.

Это необходимо в особенности при изучении и при определении зависимости, существующей между известным органическим устройством и известным направлением мыслей, потому что, как физические, так и нравственные наши

свойства составляют одни и те же явления жизни, рассматриваемые только с двух различных точек зрения. В § 4 первого Мемуара мы уже видели, что такое изучение постоянно имели ввиду древние.

§ I. - Самые обыкновенные наблюдения уже открывают нам соответствие между внешними формами тела, характером его движений, природой и ходом его болезней, направлением побуждений и образованием склонностей. Затем, следует определить постоянные результаты, вызываемые некоторыми изменениями во внутреннем его устройстве.

Природа организма зависит главным образом от состояния нервной системы, клетчатой ткани и мускульных волокон [3], образующихся, по-видимому, из первых двух. Нервную систему должно рассматривать вообще со стороны ее влияния на все оживотворяемые ею органы и в частности, со стороны отраженного ее действия на органы движения вследствие получаемых ею впечатлений.

§ II. - Нервная система во многих отношениях испытывает одинаковую участь с прочими живыми частями организма. Подобно тому как в них, в этом органе перевес деятельности усиливает энергию соков, а последняя увеличивает чувствительность органа. Нервная система представляет, по-видимому, специальный резервуар, а может быть, и самый орган, вырабатывающий фосфор.

§ III. - Нервный орган имеет свойство сгущать электрическую жидкость; но он не только источник ее образования, но служит и превосходным проводником для нее. При наибольшем напряжении своей деятельности он склопляет в себе наибольшее количество электричества и вырабатывает наибольшее количество фосфора. Гальванические явления находятся, по-видимому, в зависимости от этих сгущений электричества, сохраняющихся на некоторое время и после смерти.

§ IV. - Животная химия нуждается еще в дальнейших исследованиях, которые вероятно покажут, что различным, прирожденным или случайно приобретенным свойствам в устройстве организма соответствуют различия во внутреннем сочетании в них жидкостей и твердых веществ.

§ V. - Что касается способа ощущений в нервном органе, то он изменяется, смотря по большему или меньшему разветвлению его чувствующих оконечностей и по состоянию органов, в которых ощущения развиваются. Он видоизменяется от различного объема этих органов, одних относительно к другим. А увеличение объема одного и того же органа может различным образом видоизменять способ его деятельности, потому что увеличение это может быть следствием совершенно противоположных причин.

[3] Сжимающееся вещество мясной волокняны существует уже в крови; но оно распространено также и в клетчатой ткани, служащей для него, по-видимому, резервуаром.

§ VI. - Возьмем для примера легкое. Широкое развитие груди, большой объем легкого и сердца, обыкновенно сопровождающий такое строение ее, развивают большее количество жизненной теплоты и более деятельное кровообращение. Присоедините к этим обстоятельствам посредственно упругие мускулы и посредственно влажную клетчатую ткань, вы получаете мягкие, любезные, легковерные, счастливые нравственные наклонности сангвинического темперамента древних.

§ VII. - Присоедините теперь к этой широко-развитой груди, к этому объемистому легкому и к такому же сердцу - объемистую печень, отделяющую большое количество желчи; присоедините ко всему исчисленному сильную энергию органов воспроизведения, составляющую обыкновенно последствие всех этих условий; в результате получатся сухие и плотные покровы, сильнейшая животная теплота, более быстрое кровообращение, более объемистые сосуды и еще большая масса крови, чем при собственно так называемом сангвиническом темпераменте.

Это в свою очередь вызовет те могущественные и страстные побуждения, то постоянное, тягостное и беспокойное чувство, которыми отличается желчный темперамент древних.

§ VIII. - Напротив того, если вы предположите особенную вялость мускулов, слабую энергию печени и органов воспроизведения, или слабую от рождения деятельность нервной системе, хотя бы и в сопровождении хорошо развитой груди и объемистого, но недеятельного и засоренного легкого, развивающего мало теплоты и слабое кровообращение - перед вами будет темперамент флегматический, или лимфатический с сопровождающими это кротостью, вялостью, ленью, слабою деятельностью всех физических и нравственных отправлений и с его тусклыми, внешними признаками.

§ IX. - Если в столь явственно-выразившемся желчном темпераменте вы замените одну только широко-развитую грудь легким и грудобрюшной областью обыкновенных размеров, то сила сопротивления возвысится, кровообращение будет затруднено и замедлено, а семенная жидкость получит преобладающее влияние на деятельность головного мозга - пред вами будет меланхолический темперамент, сопровождающийся грустью и восторженной мечтательностью.

Вот в точности четыре темперамента, верно подмеченные древними, которые только ошибочно объясняли лежащие в их основе причины.

§ X. - К этим соображениям следует присоединить еще два весьма важные влияния: чувствительную силу нервной системы и действие ее на органы движения.

Преобладание чувствительности нервной системы, какова бы ни была первоначальная причина его, вызывает совершенно различные последствия, смотря

потому, будет ли оно иметь дело с крепкими или со слабыми мускулами; преобладание это тем не менее обуславливает особенную организацию, свойственную людям с развитой в высшей степени нравственной природой.

Преобладание двигательных органов, напротив того, обуславливает мускульный или атлетический темперамент, замечательный слабым развитием чувствительности, умственных способностей и даже слабой жизненной энергией.

Исследование случайных нарушений равновесия между обоими этими силами, мускульной и чувствительной, относится к патологии. Таким образом, должно отличать шесть первоначальных темпераментов, признаки которых легко заметить в отдельных личностях.

§ XI. - Лучший темперамент состоял бы в совершеннейшем смешении всех и в полном равновесии между всеми отправлениями; но такого в природе не встречается. Из двенадцатого Мемуара можно будет увидеть, насколько привычки могут видоизменить эти прирожденные темпераменты; некоторые из этих привычек наложили глубокие черты на целые породы людей и передаются по наследству.

Заключение. - Есть, стало быть, возможность системой гигиены, действительно достойной этого названия и вполне разумной, улучшить судьбу человеческой породы. Могущество и необыкновенная изощренность человеческой чувствительности доставляют все средства для этого, и мы должны посвятить всю нашу заботливость для успеха этого дела.

Седьмой мемуар

О влиянии болезней на образование мыслей и нравственных побуждений

Введение. - § I. - Физический и нравственный мир, каковы бы ни были первые его причины, развивается в одном постоянном и определенном направлении, несмотря на временно-возмущающие это направление влияния; если бы, вместо того чтобы заключать союз, как это, к сожалению, слишком часто случалось, особенно относительно нравственных законов, с силами, искажающими это направление, человек строго придерживался бы этого высшего и вечно-присущего миру направления, то он мог бы своими собственными средствами сделаться могущественным орудием всеобщего развития и совершенствования. Он должен поэтому изучать неизменные законы, управляющие образованием и развитием его представлений и нравственных побуждений.

§ II. - Не подлежит никакому сомнению, что болезненное состояние, с общей точки зрения, оказывает влияние на образование этих представлений и побуждений. Но чтобы ознакомиться с этим влиянием в подробности и не потеряться,

необходимо иметь в виду, что не все чувственные части организма действуют в равной степени и одинаково непосредственным образом на головной мозг, что нервная система имеет множество чувствительных средоточий, соединенных, как между собой, так и с головным средоточием, и что главнейшие из них лежат в надбрюшной области, в брюшной и в органах воспроизведения. Не должно забывать также, что нервная система испытывает, кроме того, впечатления, самостоятельно зарождающиеся в глубине ее самой.

§ III. – Таким образом, образ деятельности нервной системы зависит от состояния всех этих частей и от обусловливаемых ими состояния самой нервной системы.

§ IV. – Болезни порождают главным образом, или твердые части, или жидкости, или те и другие вместе, или целые системы, или отдельные органы. Отправления собственно нервной системы могут быть неправильны, или от излишества в ее деятельности, или от недостатка ее, или от общего ее возмущения, или от неравномерного ее распределения. Все эти неправильности могут быть, или самостоятельны, или возбуждены симпатически, и явления, вызванные этими различными обстоятельствами, тоже различны.

§ V. – Если, например, нервное расстройство вызвано слабостью желудка или чрезмерной чувствительностью в его верхнем устье, то замечается сильное расслабление мускулов; вследствие этого является весьма заметная вялость в умственных отправлениях и нередко такая в них переменчивость, которая вызывает ряд мелких, доходящих до ребячества радостей и страданий.

Когда причины этого поражения лежат в детородных органах, то они вызывают чаще всего экзальтированное и восторженное состояние. Примеры этого мы видели в Мемуаре о полах.

Когда в основе нервного расстройства лежат брюшные внутренности, то в результате получаются мрачные и робкие страсти, отличающиеся упрямством и настойчивостью, доходящими до помешательства. Смотри Мемуары о возрастах и темпераментах.

Следует, впрочем, заметить, что болезненные явления, вследствие излишней чувствительности, трудно отличаются от явлений, вызываемых неправильными ее отправлениями; ибо перевес деятельности в одной части возмущает обыкновенно всю совокупность отправлений.

§ VI. – Местные поражения чувствительных органов вызывают частные отклонения в их отправлениях, а различные болезни производят нередко одни и те же последствия, но это вовсе не относится до поражений нервной системы во всей ее совокупности. Напротив того, общее ослабление чувствительных способностей

вызывает, то значительное повышение в мускульных силах и судорожное состояние в них, то паралитическую оцепенелость и онемение.

§ VII. - Что касается до общих болезней в различных системах органов, то смотри прежде всего в Мемуарах о возрастах и о темпераментах относительно влияния, оказываемого различным состоянием мускульной системы. Что касается до кровеносной системы, то мы укажем предварительно на так называемое лихорадочное состояние, хотя оно и не относится исключительно к одной этой системе. При лихорадочном ознобе и жаре состояние умственных способностей вполне соответствует деятельному напряжению или ослаблению органов.

§ VIII. - Состояние это принимает сверх того особенный характер, смотря по свойству лихорадки и по роду вызвавшего ее больного органа. Это замечается особенно явственно в перемежающихся лихорадках, которые бывают иногда до такой степени изнурительны и жестоки, что могут вызвать несуществовавшие до того склонности и запечатлеть их особенной устойчивостью.

§ IX. - Изнурительные лихорадки, являющиеся вследствие различных воспалений и гнойных образований, в особенности вызывают множество явлений, всегда соответствующих с свойствами пораженных органов, или с общим состоянием организма.

§ X. - Тоже самое должно сказать и о болезнях, поражающих одновременно, как твердые части, так и жидкости. Испорченность лимфы, порождающая золотуху и английскую болезнь, влечет за собой в первом случае общую вялость и безжизненность, или, возбуждение органов воспроизведения с соответственным расслаблением головного мозга, а во втором - преждевременное и чрезмерное развитие умственных способностей.

Испорченная лимфа, порождающая цинготную болезнь, влечет за собой совершенное мускульное расслабление и приводит в расстройство умственные отправления только вследствие падения бодрости, победить которое больной не в состоянии. Разложение лимфы, вызывающее необыкновенную едкость в мокротах и производящее язвы и проказу, влечет за собой меланхолическое расположение, припадки вспыльчивости и даже бешенство.

Впрочем, каждую болезнь можно рассматривать как кризис, и каждая состоит из трех периодов: образования, наибольшего развития и прекращения; каждый период сопровождается особенными нравственными явлениями. Если бы мы захотели войти во все подробности этих явлений, то Мемуар этот обратился бы в большое сочинение. Поэтому, поспешим с заключением, что искусство побеждать болезни может служить средством к видоизменению и к совершенствованию умственных отправлений и нравственных склонностей.

Восьмой мемуар

О влиянии условий жизни на побуждения и нравственные привычки

Введение. - Все доказывает нам более и более, что в основании явлений разума и воли лежит первоначальное или случайное состояние организации. Исследуем теперь влияние условий жизни на нравственную природу человека.

§ I. - Словосочетанию *условия жизни* не следует придавать ни слишком обширного, ни слишком узкого значения; под ним следует разуметь совокупность наших материальных привычек, необходимых и произвольных.

§ II. - Органически-устроенные тела способны к более разнообразным видоизменениям, нежели тела неорганические. В особенности они одни способны, или вообще кажутся исключительно способными, *перенимать привычки* [4], и это свойство опять-таки более явственно в животных, чем в растениях.

§ III. - В особенности человек в высшей степени изменчив: в нем, как сказал Гиппократ, *все содействует, все споспешествует, все сочувствует друг другу*.

§ IV. - Он, стало быть, доступен со всех сторон, и все, что подействует на одну из сторон его существования, то отразиться на все остальные.

§ V. - Необходимый для нашего существования и окружающий нас всегда со всех сторон воздух оказывает влияние на нас всеми своими свойствами. Уже одна перемена в его давлении производит в нас беспокойство и слабость, или ощущение здоровья и бодрости.

§ VI. - Степень его теплоты действует на наш организм еще более могущественно. Теплота необходима для развития всех животных; но излишнее количество ее усиливает и возбуждает нашу чувствительность в ущерб мускульной энергии. Отсутствием равновесия между ними объясняется множество склонностей в народах жарких поясов.

§ VII. - Напротив того, холод, несмотря на прямое смертоносное значение свое для жизни, при умеренности и периодичности, дает силу органам и подымает жизненную энергию возбуждением отраженной деятельности; но, при сильной степени и продолжительности, он затрудняет обращение соков и производит антонов огонь и смерть, ибо жизнь не может тогда взять перевес над производимым им оцепенением.

Но если ей удастся взять перевес, то является ряд явлений, вызывающих в результате необходимость в продолжительной деятельности в обильной пище,

[4] Заметьте, что намеки на эту способность замечаются в электрических машинах, в искусственных магнитах и даже в звучащих телах, как это можно видеть в статье о *Симпатии*, § VI (второго отдела, десятого Мемуара).

слабость в умственных отправлениях, притупленную чувствительность и большую мускульную силу.

Люди жарких стран только мало-помалу привыкают к холодному климату; но раз достигнув полярных поясов, при возвращении к экватору, они впадают в бессилие и легко погибают.

§ VIII. - Большая часть влияний сухого и влажного воздуха зависит от увеличения или от уменьшения его давления. Сверх того, сухость воздуха сначала способствует испарине, но крайнее ее увеличение расстраивает испарину, прекращает ее и производит болезненно, невыносимое беспокойство, делая кожу твердой и запирая ее поры.

Напротив того, влажность вызывает расслабляющие явления. В сопровождении холода она производит цинготные поражения, ревматизмы и проч.; в сопровождении жара она еще более вредна, особенно для мужчины: она изменяет и искажает его, в особенности его органы воспроизведения (См. о последствиях этих явлений в *Мемуаре о темпераментах*).

§ IX. - Атмосферный воздух состоит из смешения различных газов. Главным образом его составляют кислород и азот, а различные их пропорции изменяют его свойства. Углекислота и другие, более или менее примешивающиеся к нему газы сообщают ему особенные свойства; но различные явления, производимые ими, должны быть отнесены к болезням.

§ X. - При всех этих соображениях не забудем, впрочем, могущество привычки, которая может парализовать самые обыкновенные и самые постоянные влияния; замечание это следует приложить ко всему, что будет сказано нами и о влиянии пищи.

§ XI. - Влияние пищи состоит не только в замещении частей, ежедневно уносимых различными выделениями; она играет особенно важную роль по общему влиянию, производимому и поддерживаемому деятельностью желудка и надбрюшной области в живом организме. Человек привыкает ко всякой пище, как привыкает ко всякому климату и температуре; но различная пища не поддерживает в нем одни и те же способности на одной и той же степени.

Животные вещества производят более возбуждающее действие; они вызывают более количество теплоты. Расслабляющая диета, предписываемая уставами некоторых особенных обществ, не убывает любострастных побуждений (напротив), а разгорячает, или искажает воображение, ослабляя силы и делая людей более слабыми, более несчастными и покорными.

Привычки народов, питающихся рыбой, столько же, и даже более, зависят от образа их занятий, сколько и от их пищи. Тем не менее, рыбное мясо и жир производят непосредственно завалы в железистой системе и накожные болезни со

всеми их последствиями. Молочная диета производит расслабляющее действие; она становится гибельной для людей, страдающих болезнями печени и селезенки.

§ XII. - Наркотические или усыпляющие вещества не могут быть помещены в отдел пищи; им должна быть посвящена отдельная статья. Действие их сложное. Они уменьшают чувствительность, они усиливают кровообращение, сверх того они дают ему явственное направление к голове.

Из сочетания этих трех различных действий вытекают различные их влияния; влияния эти, различающиеся еще от количества принятых веществ, совершенно одного и того же свойства, какими бы возбудителями не вызывались они; ибо все частые и чрезмерные возбуждения производят гибельное и разрушительное действие на нервную систему. Все животные любят возбудительные вещества.

§ XIII. - Напитки могут быть разделены на четыре класса; воду, жидкости, способные к брожению, спиртуозные напитки и некоторые особенные настои.

Влияние воды находится в особенной зависимости от растворенных в них веществ. Принятые вовнутрь, одни из них поражают железистую систему, другие вызывают рвоту или понос, третьи действуют укрепляющим образом. Действие купания зависит, по-видимому, главным образом от разложения самой воды, происходящего на поверхности кожи.

Так называемое *винное* брожение есть результат сахаристого вещества, содержащегося в растительном или в животном теле. Перебродившие жидкости имеют различные свойства, находящиеся в зависимости от растворенных в них ароматических веществ; но действие всех их сходно с действием наркотических веществ, хотя оно и не так сильно и продолжительно.

Что касается до спиртных напитков, полезных в очень холодных климатах, а иногда даже и в очень жарких, то все они вообще вредны в умеренных странах, за исключением весьма немногих случаев слабости или чрезмерной усталости. Излишнее, доведенное до крайности употребление их доводит до зверства и до отупения.

Благодетельное влияние сахара, пряностей, чая, особенно же кофе, признано в настоящее время почти всеми. Сахаристое начало имеет особенно восстанавливающее действие, кофе оказывает исключительное влияние на умственные отправления. Не может быть сомнения, что введение в употребление этих веществ внесло с собой важные влияния в условия нашего существования.

§ XIV. - Влияние, производимое телесными упражнениями, совсем иного рода. Оно выражается тремя условиями, именно: непосредственно вызываемыми им явлениями, состоящими главным образом в уменьшении нервной впечатлительности и в увеличении мускульной силы; производимыми им в органах видоизменениями, из которых одни полезны, другие вредны; и порождаемыми ими

обыкновенно впечатлениями, которые рано или поздно не могут не повлиять на последующие побуждения.

§ XV. - Состояние бездействия должно необходимо вызывать противоположные явления; но они не одинаковы в различных случаях и у разных людей. Хотя оно и уменьшает у всех пищеварительную силу, но часто усиливает побуждения к пище в людях, привыкших к тяжелым работам. Пища становится им необходима еще как побуждающее средство.

Сон, который можно рассматривать, как крайнюю степень покоя, не есть страдательное состояние головного мозга: он есть его действительное отправление. Известная степень усталости благоприятна для сна; сильное изнеможение мешает ему. Он накопляет и передает из головного средоточия в прочие части новое количество возбуждаемости. Он направляет кровь к голове. Поэтому, чрезмерный сон истощает и ослабляет головной мозг. Наконец, органы не засыпают одновременно; отношения их к мозговому средоточию нарушаются сном и изменяются.

§ XVI. - Труд имеет весьма важное значение в условиях жизни. Он составляет не только источник всех богатств, но и источник здравого смысла и порядка. Различные виды труда отличаются по употребляемым для выполнения их орудиям, по обрабатываемым материалам, по изготовляемым предметам, по условиям, в которых они ставят работника.

Не для чего входить в большие подробности для доказательства, что при всех изложенных обстоятельствах последние должны вызывать различные впечатления и различные последствия.

Заключение. - Из всего сказанного необходимо следует, что здравая гигиена может оказать могущественное содействие к улучшению человека и к увеличению его благополучия.

Девятый мемуар

О влиянии климата на нравственные склонности

Введение. - § I. - После всех приведенных нами соображений, особенно касающихся влияния условий жизни, должно казаться в высшей степени странным сомнение во влиянии, производимом климатом на наши нравственные склонности. Авторитет людей, поддерживаваших это сомнение, заставляет нас остановиться на исследовании этого вопроса.

§ II. - Под словом климат не следует разуметь только географическую широту места и известную его температуру. Под ним следует разуметь совокупность всех

физических условий страны, в которой мы живем. Так понимал это слово еще Гиппократ. Сочинение, в котором он говорит об этом предмете, озаглавлено: *о воздухе, воде и местности.* Посему, не подлежит никакому сомнению, что вследствие различий, входящих в эти условия, мы испытываем ряд таких же различных впечатлений. Следует, стало быть, только показать, вызывает ли ряд каких бы то ни было впечатлений ряд соответствующих им расположений и побуждений.

§ III. - В своем месте доказано было, что темперамент, условия жизни, род занятий, свойство и характер болезней оказывают могущественное влияние на отправления разума; следует, стало быть, показать только, что все это находится в несомненной зависимости от физических условий каждой местности.

1) Несомненно, что частое повторение одних и тех же действий совершенствует способность и ловкость для выполнения их, и что способность эта возрастает и передается в породах путем наследства. Постоянно действующие и постоянно повторяющиеся впечатления глубоко и беспрерывно видоизменяют, следовательно, органическое расположение.
2) Не менее очевидно, что перемены погоды оказывают на живой организм и на характер болезней влияние, подобное влиянию, производимому различиями возраста и даже темперамента.

§ IV. - Но, так как перемены погоды не одинаковы в различных странах, то не может быть сомнения, что влияние климата находится в зависимости от этих перемен: вот почему мы замечаем, что различные породы животных видоизменяются, смотря по стране, в которой они живут.

§ V. - Из всех же животных человек есть самое изменчивое и гибкое: поэтому, внешний вид его видоизменяется соответственно различным климатам. Действие климатов на темперамент еще менее может подлежать сомнению, чем влияние их на внешние формы организации.

§ VI. - Говоря об условиях жизни, мы сказали, что в человеке есть основа первоначальной организации, которая, по-видимому, изменена быть не может; но мы показали также, что условия жизни вносят в нее видоизменения и принимают участие в упрочении определенного темперамента. Это же самое производит и климат, от которого только и зависят условия жизни. Описывая климат берегов Фасоса, Гиппократ рисует такой, который более всего способствует образованию *флегматического* темперамента.

§ VII. - Таким же точно образом он показывает нам, что в холодных странах климат способствует распространению темпераментов с преобладающими мускульными силами, а в жарких странах он способствует тем темпераментам, в которых выражается преобладание чувствительных сил.

§ VIII. - Умеренный и приятный климат вырабатывает счастливый темперамент, отличающийся равновесием между всеми отправлениями; а менее благоприятные и в высшей степени разнообразные условия производят темперамент, обыкновенно называемый *меланхолическим* и *желчным*.

§ IX. - Но влияние климата на болезни не ограничивается действием его на темперамент. Известно, что он вызывает их непосредственно, что многие болезни принадлежат известной местности и что все находятся в большей или меньшей зависимости от перемены погоды.

§ X. - Болезни, которые оказывают наиболее постоянно влияние на умственные отправления, как медленное воспаление головного мозга или органов воспроизведения, даже легкого, особенно свойственны некоторым странам и климатам.

§ XI. - Другие, сопровождающиеся иными явлениями, свойственны другим местным условиям. Болезни болотистых местностей суть простуды, отделения мокрот, лимфатические поражения; болезни жарких и сухих стран относятся большей частью к нервной системе.

§ XII. - Мало того: множество примеров доказывает, что в различных климатах одни и те же болезни отличаются неодинаковым ходом и против них должно действовать различными способами лечения.

§ XIII. - Сверх того, нельзя отрицать, что в каждой стране, как бы ни была она богата произведениями природы и как бы ни были удобны ее сообщения с прочими странами, большая часть условий жизни ее обитателей определяется климатом, а мы видели влияние этих условий.

§ XIV. - Климат же определяет выбор большей части занятий и необходимость больших или меньших усилий, а стало быть, определяет также и вытекающие из этого привычки.

§ XV. - Из всех климатических влияний ускорение наступления зрелости в том и другом поле в жарких странах и следующее за ним, вследствие этого, преждевременное половое бессилие действуют сильнее прочих на привычки жителей и на все их существование.

§ XVI. - Наконец, климат оказывает влияние даже на органы голоса и через них должен, по-видимому, действовать также и на характер языков.

Итак, может считаться вполне доказанным, что климат имеет сильнейшее влияние на наши нравственные склонности. Правда, он действует не так могущественно на богатого, как на бедного, у которого меньше средств противиться ему, но здесь не место рассматривать такой обширный предмет; он будет более к месту в сочинении “*О совершенствовании физической природы человека*”.

Десятый мемуар

Рассуждения о животной жизни, о первых проявлениях чувствительности, об инстинкте, о симпатии, о сне и бреде

Первый отдел.

§ I. - *Введение.* - Рассмотрев со всех точек зрения видоизменения, производимые в нашей способности испытывать ощущения главными условиями, сопровождающими наше существование, не лишним будет возвратиться к исследованию наших ощущений и первых проявлений нашей чувствительности, чтобы окончательно разъяснить все, что касается этих основных отправлений.

Таким образом, в этом Мемуаре будет говориться о животной жизни и о первых проявлениях чувствительности, об инстинкте и о симпатиях, о теории сна и бреда.

Потом, мы займемся в двух отдельных Мемуарах 1) отраженным действием нравственной природы на физическую и 2) приобретенными темпераментами или случайными состояниями организма, которые могут изменить первоначальный темперамент.

§ II. - Мы не можем иметь никакого точного понятия о первых деятельных силах природы. Причины, обусловливающие организацию материи, находятся в зависимости от первых причин; они нам тоже неизвестны, и вероятно останутся такими навсегда. Впрочем, открыть условия, необходимые для появления жизни в животных, может быть, не более затруднительно, чем отыскать условия образования воды, молнии, града, снега и множества химических соединений, отличающихся совершенно иными свойствами от веществ, из которых они образовались.

Мы уже знаем, что различие, которое силился установить Бюффон между мертвой и оживленной материей, не имеет основания. Растения могут жить и прозябать при одном только действии воздуха и воды; последние, преобразованные в новые вещества прозябанием, дают начало особенным микроскопическим животным, развивающимся при единственном влиянии влаги. Таким образом, или жизнь распространена всюду, или неодушевленная материя способна организоваться, жить и чувствовать.

Мало того: искусственно можно произвести растения при помощи некоторых частей их, которые в естественном порядке вовсе не предназначены к подобному отправлению. Таким же путем можно совершенно изменять породы и производить новые. В искусственных предметах, в уксусе, в папке, в книжных переплетах, человек способствует зарождению животных, которые не встречаются в природе. В растениях, в больных животных зарождаются другие животные. Нередко можно видеть их еще не вполне развившимися.

Таким образом, если предположить необходимость того, что называют зародышами, то нужно предположить также, что зародыши всех возможных пород распространены всюду, что будет равносильно с предположением, что все части материи способны ко всякой организации.

Во всяком случае, кажется, что растительные вещества могут производить непосредственно только животных, лишенных нервов и головного мозга. Мог ли человек, и другие большие животные образоваться первоначально тем же путем, какой представляют эти грубые проявления микроскопической жизни? Мы никогда не будем знать этого. Род человеческий не может знать ничего о своем начале и происхождении.

Несомненно известно только то, что многие из этих маленьких, произвольно зародившихся животных размножаются затем путем естественного воспроизведения; сверх того, все свидетельствует, что множество пород совершенно преобразилось, что другие исчезли вовсе, что состояние земного шара сильно изменилось и что древность его весьма значительна.

§ III. - Мы видим также, что материя постепенно нисходит от самой совершенной организации до состояния безусловной смерти; и по мере того, как увеличивается число наблюдений, исчезают и наполняются пробелы между различными царствами природы.

Второй отдел.

О первых проявлениях чувствительности

§ I. - Животный организм подчинен свойственным ему законам: чувствительность развивает в телах свойства, вовсе непохожие на свойства веществ, из которых они состоят. Тем не менее, стремление к организации, вызываемые ею чувствительность и жизнь, состоящие только в правильном образовании и развитии той и другой, вытекают из общих законов, управляющих материей.

Частицы материи беспрерывно стремятся приблизиться одна к другой: причина этого стремления неизвестна, но действие ее постоянно. Самый безусловный покой, как и неимоверно быстрое движение равно свидетельствуют о нем. В химических соединениях стремление это основано на выборе. Поэтому оно и названо *сродством*; оно дает начало веществам, одаренным совершенно особенными свойствами.

§ II. - В растительных соединениях это притяжение отличается более широкой способностью выбора. В животных соединениях способность эта расширяется еще больше. При развитии зародыша образуется средоточие притяжения, к которому стремятся вещества по выбору, и вокруг которого они располагаются в определенном порядке.

Стремление веществ к этому средоточию есть последствие общих законов материи: сродство их между собой есть результат особенных свойств, которыми запечатлены были предшествовавшие образования и действовавшие на них условия. Новые свойства вытекают из устанавливающегося порядка или, другими словами, из организации.

§ III. - При развитии организованных тел образуется средоточие притяжения. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что в растениях одним только отделением от организма части, способной воспроизвести его, и предоставлением ей отдельного существования, можно достигнуть того, чтобы она обратилась в растение той же породы.

В полипе нет ни одной части его, которая, по отделении от всего организма, не была бы в состоянии воспроизвести целое животное. В более совершенных животных породах органы образуются последовательно. Некоторые образуются даже в несколько приемов и отдельными частями. Оба сердечные желудочка бывают сначала отделены от соответствующих им предсердий; потом можно заметить тяготение их друг к другу, стремление, выражающееся колебаниями в известном направлении; с последним движением они соединяются или сливаются навсегда.

Существует, стало быть, известная аналогия между животной чувствительностью, растительным инстинктом, химическим сродством и простым притяжением. Но последнее, с виду вполне слепое, не есть ли проявление другой, отличной силы, которая, при известных обстоятельствах, достигает мало-помалу до чудесных отправлений разума? И не следует ли объяснять притяжение чувствительностью, или чувствительность притяжением? Это нам неизвестно.

Мы можем только предположить с некоторым основанием, что если мы когда-нибудь и узнаем что-нибудь об этом, то узнаем из изучения чувствительной и животной природы, и предпочтительно из исследования самых сложных явлений, потому что они представляются с наибольшего числа сторон. А пока заметим, что чем проще явления притяжения, тем прочнее и постояннее производимые им соединения. Это справедливо при всех степенях притяжения. Чем совершеннее животные, тем менее они прочны, если развитие умственных их способностей не представит им могущественного средства к сопротивлению.

§ IV. - В наиболее совершенных животных органы располагаются в отдельные системы, отправления которых в общем движении уравновешиваются одно другим.

- В зародыше - эти органы развиваются последовательно
- В животном - образовавшиеся органы вступают в деятельность в последовательные эпохи.

При всяком новом приращении соединения изменяются или расширяются: свойства и стремления сочетаний, производящих чувствительность, всегда находятся в зависимости от них. Животные и части их, лишенные нервов, живут и чувствуют; но в позвоночных животных нервный орган есть средоточие чувствительности и жизни. Он получает впечатления и вызывает побуждения.

Следует сделать весьма важное замечание, что деятельная чувствительность проявляется иногда без сознательных впечатлений. Нервы, получающие впечатления, приводят в движение многие органы, не предуведомляя животное, и без посредства мозгового средоточия; а между тем, отраженное действие этих органов оказывает сильное влияние на образование мыслей и желаний возбуждением самого мозгового средоточия.

§ V. - Явления эти, как и многие другие, доказывают, что на нервную систему следует смотреть, как на такую, которая может быть разделена на отдельные системы. Число этих систем изменяется, смотря по породам, по отдельным неделимым и по обстоятельствам.

Быть может, в каждом средоточии образуется род самостоятельного *я*. Это правдоподобно. Но животное может сознавать только свое *я*, управляющее общим средоточием; к тому же, оно может сознавать его только по переданным ему и по полученным им впечатлениям. Ибо это общее *я* получает множество впечатлений, сознание которых невозможно и которые тем не менее производят свое действие. Вот объяснение стольких стремлений, по-видимому, не имеющих причины.

§ VI. - Что касается до незримого деятеля, проходящего по нервной системе, производящего впечатления и побуждения, то природа его нам неизвестна; но есть причины полагать, что это электричество, видоизмененное жизненной деятельностью; и в этом состоянии, может быть, оно подходит весьма близко к магнетизму.

§ VII. - Все, по-видимому, доказывает, что в человеке прежде всего образуется нервная система и кровеносная. Образование прочих, менее необходимых органов замечается в зародыше только впоследствии.

§ VIII. - В других животных органы образуются и отправления устанавливаются в ином порядке. Впрочем, мы слегка коснемся и прочих видов существования с единственной целью осветить наше собственное.

У всех животных живые части суть именно потому живые, что получают впечатления, вызывающие побуждения. Чувствовать, и вследствие этого стремиться к тому или другому роду движений, есть, стало быть, существенное состояние каждого органа, запечатленного жизнью. В этом состоит первоначальная потребность, становящаяся все более и более необходимой вследствие привычки и повторения.

Впечатления и побуждения, свойственные нервной и кровеносной системам, вследствие беспрерывного повторения, необходимо, стало быть, вызывают самую главную, самую постоянную и самую сильную из привычек инстинкта, *самосохранение*. Затем, образуются и развиваются органы пищеварения. Вследствие этого, являются стремления, относящиеся к пище, или *инстинкт питания*.

§ IX. - Кажется, существенное свойство всякой живой, органически-устроенной материи состоит в самостоятельном (тоническом) движении и в чередующихся во все продолжение жизни состояниях, то сжимаемости, то растяжимости; движение это одинаково деятельно, как при первом, так и при втором состоянии.

Вследствие этого, является новая потребность, новый инстинкт, *движения*, присоединяющийся к первым двум и часто находящийся от них в зависимости.

§ X. - Понятие о внешнем предмете является вследствие впечатления сопротивления. Раздельное впечатление, или понятие о сопротивлении, рождается чувством движения и чувством воли, производящей, или силящейся произвести его. Вес членов, крепость мускулов достаточны, чтобы зародить его. Сознание чувствующего *я*, отделенного от прочих существований, приобретается, следовательно, только сознанием желаемого усилия. Я исключительно управляет волей.

Зародыш имеет, стало быть, сознание своего *я*; ибо он чувствует потребность, желание производить движения. Таким образом, при появлении на свет новорожденного, головной его мозг, этот центральный орган, управляющий общей волей, уже получил видоизменения, которые стали освобождать его из простых побуждений инстинкта. В нем существуют представления, побуждения и склонности.

Кроме того, деятельность всасывающей системы необходимо должна производить в нем по крайней мере чувство благосостояния или неловкости. Тесная связь его с матерью может породить в нем некоторые симпатические побуждения.

Наконец, в нем возможно некоторое знакомство с ощущениями света и звука: первые нередко могут быть вызваны в нас внешним ударом или внутренними причинами. Состояние это видоизменяется, смотря по породам и по неделимым; как бы то ни было, легко понять, что головной мозг животного в минуту рождения уже не *tabula rasa*.

§ XI. - На это необходимо должно быть обращено внимание при метафизических исследованиях. Ничто так мало не подходит к природе, как понятие о человеке, как о движущейся и чувствующей машине. Отправления мыслящего органа совершенно видоизменяются побуждениями и склонностями инстинкта. Сверх того, положительно невозможно, чтобы отдельный орган чувства мог когда-нибудь действовать самостоятельно.

До настоящего времени гипотезы эти были весьма полезны; теперь же, в приведенных наблюдениях и в физиологии следует искать оснований для новой теории ощущений.

Об инстинкте

§ I. - Из всего предыдущего следует, что первые инстинктивные побуждения и первые склонности составляют результат законов образования и развития органов. Они относятся более всего к внутренним впечатлениям.

Образующиеся же в последующие эпохи жизни запечатлеваются более участием и влиянием внешних впечатлений, составляющих главным образом причину раздельности понятий и стремлений. Но эти вторичные инстинктивные склонности всегда обязаны своим происхождением состоянию нервных разветвлений, а иногда внутреннему строению самой мозговой системы, и потому они сохраняют еще некоторый смутный инстинктивный характер.

§ II. - В первый класс мы поместим все побуждения, проявляющиеся в известных животных в самую минуту рождения, или ожидающие для своего проявления только общего развития органов.

Ко второму классу мы отнесем те, которые вызываются зрелостью некоторых отдельных органов и болезнями.

Эти побуждения и склонности почти независимы от впечатлений, производимых внешним миром (или от собственно так называемых ощущений); они отличаются особенным характером от желаний, вызываемых более или менее отчетливым сознанием, прочувствованным в мозговом средоточии. От этих-то наблюдений следует идти для определения соответственной степени рассудительности или чувствительности, свойственной различным породам.

При тщательном исследовании вероятно окажется, что инстинкт тем непосредственнее и прочнее, чем проще организация, и тем живее, чем сильнее влияние внутренних органов на головное средоточие. Рассуждая же способность животного будет тем развитее, чем больше впечатлений со стороны внешних предметов будет на него действовать.

О симпатии

§ I. - По общему закону, не допускающему исключений, части вещества всегда притягиваются между собой. По мере соединения различных частей, они получают новые стремления. Последние не происходят более по воле случая.

Чем более удаляются соединения от простого вещества, тем более выражают они в своих стремлениях тот характер сродства, законы которого, по-видимому, обусловливают основной порядок вселенной.

Органически-устроенное вещество, особенно животное, произведено первоначально теми же самыми способами и на основании тех же самых законов, и оно подчинено им при всех последующих развитиях до самого окончательного своего распадения. Отсюда прямо вытекают все непосредственные явления, которыми выражается самопроизвольная жизнь; все внутренние отправления, развивающие части животного, все первоначальные движения, которые раскрывают и вырабатывают его побуждения и склонности.

Во всяком живом организме сходство веществ, его составляющих, заставляет последние стремится именно одно к другому. Таким путем растут оживленные части, возобновляются потери, совершенствуется организация, исправляющая ошибки в выборе питательных веществ и беспорядки в пищеварении.

Чем совершеннее организовались вещества, тем сильнее взаимное сродство между ними. По этим причинам при воспалениях образуются новые оболочки, в которых нервы и сосуды пораженных органов спаиваются с прежде существовавшими нервами и сосудами. Таким же путем зарастают разрезы, ткань которых представляет явления настоящей жизни: тоническое движение, обращение крови, чувствительность. Таким же, наконец, образом и приложенные друг к другу организованные части соединяются, как черенки в привитых деревьях, и живут общей жизнью.

Все эти явления возможны, впрочем, только во время жизни, зависящей от устойчивости первоначальных условий. По наступлении же смерти те же стремления к сочетаниям производят распадение веществ и полное разложение.

§ II. - *Симпатия*, или стремление животного существа к другим живым существам того же или другого вида, принадлежит к области инстинкта; в некотором роде она-то и есть самый инстинкт.

Животное влияние и отвращение вытекают из организации. Инстинкт этот, крайне возбужденный, видоизмененный, извращенный потребностями, принимает всевозможные направления, всевозможные свойства, он проходит через все степени от общественного стремления человека до дикого одиночества кабана и до ненасытимой ярости тигра.

В различные эпохи жизни проявляются различные симпатические побуждения инстинкта, как любовь, нежность, странные склонности и вкусы при некоторых болезнях. В породах и неделимых, одаренных необычайною чувствительностью, замечаются самые уродливые отклонения симпатии.

§ III. - *Симпатия* вытекает из предположения хотя бы смутной чувствительной способности в существе, составляющем предмет ее. Как только мы предположим в существе способность к ощущению, к побуждению, к сознанию, то нас, или влечет к нему симпатия, или антипатия отталкивает от него.

Не может быть сомнения, что в этом расположении, как только начнет оно выходить из грубого инстинкта, как только потеряет оно характер простых животных стремлений и побуждений, непосредственно относящихся к самосохранению, к питанию, к развитию и употреблению обращающихся органов, так в этом расположении, говорю я, принимает незаметное участие рассудочная деятельность.

Эта могущественная потребность действовать на чужие желания, на подчинение из своей собственной воле, потребность, из которой можно вывести большую часть явлений нравственной симпатии становится в течении жизни вполне сознательным чувством; только на весьма короткое время может быть оно отнесено к первоначальным инстинктивным побуждениям, но оно никогда не бывает и свободным от них.

Симпатия, подобно всем первоначальным стремлениям, выражается различными чувствительными органами, и каждый из них производит на нее свое особенное действие.

Впечатления, получаемые зрением, служат для нас источником множества представлений и познаний; но они производят, или подают повод к появлению множества симпатических побуждений, которые не могут быть вполне приписаны рассудочной деятельности; может быть, светлые лучи, исходящие из живых тел, особенно посылаемые глазами, имеют особенные физические свойства, отличающие их от лучей, идущих от тел безжизненных и бесчувственных.

§ IV. - В некоторых животных главный орган инстинкта, а следовательно, и симпатии, есть обоняние. Весьма вероятно, что вокруг каждого животного образуется атмосфера из животных паров. Явственнее всего выражается запах в весьма развитых породах и в самых сильных субъектах. Испарения молодых и здоровых субъектов здоровы.

§ V. - Слух вызывает множество умственных отправлений; но нельзя отрицать, что он порождает много и чисто симпатических и инстинктивных впечатлений; последние входят в область симпатии.

§ VI. - Точность впечатлений, доставляемых осязанием, объясняет, почему оно порождает более раздельных понятий, чем симпатических побуждений. Симпатическая деятельность его выражается, по-видимому, только посредством животной теплоты, действие которой, разумеется, вовсе не походит на действие всякой другой теплоты. Она заслуживает наблюдения и опытов, так как об этом предмете мы не имеем никаких сведений.

На все изложенные вопросы не было обращено достаточно внимания при определении того, что называют нравственной симпатией. *Нравственная симпатия* (если она составляет особенную способность) состоит в свойстве нашем разделять

чужие понятия и чувства; в желании заставить другого разделять наши собственные понятия и чувства; в потребности действовать на чужую волю.

Существует нечто еще в деятельности симпатии нравственной: в ней впервые обнаруживается способность, или стремление к подражанию, отличающая всякую чувствительную, особенно же человеческую природу. Способность подражать *другому* зависит от способности легко воспроизводить все движения, которые производил уже сам, от способности, развивающейся по мере повторения движений. Эта способность неразлучна со всяким животным существованием. Мы находим, кажется, намеки на нее в электрических машинах и в искусственных магнитах.

§ VII. - Эта способность подражания есть главное средство для воспитания, как отдельных людей, так и общества. Таким образом, причины, развивающие все умственные и нравственные способности, неразрывно связаны с причинами, создающими, сохраняющими и приводящими в деятельность организмы, и в самой организации человеческой породы лежат условия для ее усовершенствования.

О сне и бреде

§ I. - Не одни только впечатления, получаемые собственно органами чувств, приводят в действие орган мышления. Таким образом, отправления разума и воля зависят от влияния не только, собственно, так называемых ощущений, но и от впечатлений, полученных внутренними, чувствующими оконечностями, и от впечатлений, источник которых лежит внутри самой нервной системы; одним словом, от инстинктивных побуждений и от стремлений и желаний, непосредственно к ним относящихся и вызываемых почти исключительно вторым родом впечатлений. Таким образом, незачем более прибегать к двум началам деятельность человеческой, чтобы объяснить себе колебания между нашими желаниями и внутреннюю борьбу.

На основании этих данных исследуем явления сна и бреда. Между ними существуют постоянные и определенные отношения. Различные органы засыпают неодновременно и в неравной степени. Частное возбуждение соответствующих им частей головного мозга, разрушая равновесие между его отправлениями, должно чрез это вызвать неправильные и смутные образы, не имеющие никакого основания в действительности. В этом же состоит характер, собственно, так называемого бреда.

§ II. - Собственно так называемые ощущения могут быть повреждены: 1) болезнью передающего их органа; 2) симпатией, связывающей их с другими больными органами; 3) некоторыми поражениями нервной системы.

Частные погрешности эти исправляются обыкновенно другими, более верными ощущениями, и тогда не обнаруживается положительного бреда.

§ III. - Но те же причины действуют несравненно сильнее и настойчивее, когда они бывают направлены на самое мозговое средоточие, непосредственный орган мысли.

§ IV. - Присущие нервной системе условия, от которых часто зависят бред и помешательство, относятся к двум главным причинам: 1) к свойственным этой системе болезням; 2) к свойственному ей уродливому развитию. У помешанных часто замечено было неправильное устройство головного мозга, или неравномерное состояние различных частей мозговой мякоти.

§ V. - Тем не менее, должно согласиться, что часто помешательство не может быть объяснено никакими заметными органическими повреждениями, и хотя существуют, вероятно, действительные, только неуловимые для нас повреждения, но они должны быть отнесены к тем же причинам, которые находятся в прямой зависимости от уродливого развития мозговой системы.

Собственно о сне

§ I. - Подобно всем нашим потребностям и всем нашим отправлениям, сон запечатлен характером периодичности; это находится в зависимости от самых общих законов природы.

Но, независимо от этого обстоятельства, усыпление непосредственно вызывается влиянием свежего воздуха, однообразным шумом, безмолвием, отсутствием света, теплыми ваннами, прохлаждающими напитками, вином, наркотическими веществами, чрезмерным холодом, одним словом, всеми обстоятельствами, притупляющими впечателения, или ослабляющими отраженное действие общего нервного средоточия на органы.

Легкая усталость вызывает сон. Состояние умеренной слабости способствует ему; но слабость эта не должна быть слишком велика и должна относиться к органам движения, а не к коренным силам нервной системы. Наконец, сон вызывается и характеризуется возвратным течением нервных сил к их источнику. Впечатления не притупляются, ни все разом, ни все в одинаковой степени. Органы чувств засыпают последовательно, и одни менее глубоко, чем другие.

§ II. - То же самое должно сказать и о внутренних чувствующих оконечностях. Кроме того, во многих случаях, при здоровом, как и при болезненном состоянии, во время сна замечаются движения, вызываемые остатками воли.

§ III. - Органы воспроизведения, находящиеся при бодрствующем состоянии в совершенной почти независимости от воли, получают во время сна большую степень возбудимости. Это зависит от многих причин; но, независимо от действия их, сон сам собой увеличивает, по-видимому, деятельность этих органов и их мускульную силу. В прочих внутренних органах сон образует новые симпатические отношения. Этим объясняются новые, вызываемые им в мозгу образы, по способу

своего происхождения весьма сходные с призраками, свойственными бреду и помешательству.

Из трех родов впечатлений, служащих источником для наших представлений и побуждений, засыпают, следовательно, вполне, или отчасти, только те, которые возбуждаются внешними предметами. Впечатления внутренних оконечностей сохраняют деятельность, относящуюся к отправлениям органов, к их симпатиям, к их настоящему состоянию, к их склонностям.

§ IV. - Причины, действующие внутри самой нервной системы, неразвлекаемые более впечатлениями органов чувств, становятся господствующими. Это именно и случается при помешательстве. Этим объясняется неодолимое преобладание некоторых мыслей и слабое отношение их к действительно существующим внешним предметам. В крайней помешательстве вся чувствительность сосредоточивается, по-видимому, во внутренних органах и в нервной системе.

§ V. - От этого же происходит также возможность новых сочетаний понятий и возникновение таких, которых мы никогда не имели.

§ VI. - *Заключение.* - Весьма полезно было бы строго распределить, на основании известных и постоянных признаков, и по вызывающим их причинам, различные роды умопомешательства с точным обозначением, какие из них излечимы и какие неизлечимы. Медицина и философия выиграли бы в одинаковой степени от такого прекрасного труда. До его полного осуществления последние, только что сделанные нами объяснения чувствительной природы, ее деятельности и ее условий уже проливают много света на отношения между физической и нравственной природой человек, света, какой только возможен, полагаю я, при настоящем состоянии наших знаний.

Нам остается только сделать обещанный нами краткий очерк обратного действия нравственной природы на физическую и очерк приобретенных темпераментов, как результата этого действия. Это мы сделаем в двух следующих Мемуарах, которыми и заключим наш труд.

Одиннадцатый мемуар

О влиянии нравственной природы на физическую

§ I. - *Введение.* - Как только продолжено будет какое-нибудь из полученных впечатлений, оно необходимо расположится в определенном порядке, будет ли впечатление это одиноко, или оно будет господствовать над другими, видоизменяя их и вступая с ними в различные сочетания.

Если бы вещество имело одно только свойство, подчиняться движению, и если бы оно не было способно приобретать новые, то между частицами его могла бы существовать одна только зависимость - от расположения. Но так как оно имеет

огромное число различных свойств и способно приобретать множество новых, вследствие последующих сочетаний, то оно должно порождать целые ряды самых различных и тем не менее связанных между собой явлений, зависящих от первого впечатления.

Совершенно бесполезно, стало быть, для каждого из этих рядов предполагать отдельную причину, ибо совокупное действие различных впечатлений, если бы даже они были на самом деле независимы друг от друга, вызывало бы всегда одно только известное сочетание, не единственно возможное вообще, но единственно возможно при существующих условиях. В этом состоит совокупная деятельность отдельных неделимых в общем целом, и деятельность всех органов в одном неделимом.

Ничего нет, стало быть, удивительного, что ряд отправлений, называемых *нравственной природой* человека и ряд отправлений, называемых его *физической природой*, действуют друг на друга, ибо иначе и быть не может даже при предположении для каждой природы независимого принципа.

§ II. - Итак, влияние нравственной природы на физическую вовсе не удивительно. Сверх того, оно несомненно и доказывается множеством прямых фактов.

§ III. - Чтобы уловить образ этого влияния, необходимо припомнить, что во всех существах, одаренных жизнью, орган мысли и воли есть общее средоточие для всех остальных, источник их жизни, их чувствительности и движения, но источник не независимый от них и нуждающийся в их деятельности, чтобы передавать им свою собственную.

§ IV. - Всякое побуждение есть обратное действие; оно предполагает предшествовавшее ему впечатление; но действие может остановиться в частном средоточии чувствительности, которое может даже привести в деятельность другие центры, не предуведомляя об этом общее средоточие и не доводя об этом до сознания неделимого. Таким путем происходит в нас множество важных отправления, более тесно связанных с одними, чем с другими отправлениями.

§ V. - Эта частная связь органов между собой часто зависит, или от положения их, или от сходного устройства, или от отношений между различными их отправлениями. Но наблюдение открывает часто и такую связь, которая не может быть объяснения анатомически.

§ VI. - Желудок представляет нам множество примеров, подтверждающих эту истину своим могущественным и часто внезапным влиянием на мускульную систему, на головной мозг, на органы воспроизведения, на покровы и впечатления, получаемыми им от всех этих частей.

§ VII. - Это сильное влияние известных органов зависит более от значения их отправлений, нежели от живой их чувствительности; и, что еще более замечательно, усиление чувствительности, и даже симпатического их действия, также часто бывает прямым следствием их ослабления и болезни, как и увеличившейся энергии.

§ VIII. - После всех этих соображений, не должно удивляться, что мозговая система, исключительный органа мысли и воли, имеет такое необычайное влияние на все остальные. В ней соединяются все условия, дающие ее деятельности самое могущественное и самое широкое значение. Это-то мы и должны разуметь под *влиянием нравственной природы над физической*.

Двенадцатый мемуар

О приобретенных темпераментах

§ I. - *Введение*. - Так как всякое отправление, всякая деятельность, всякое движение, часто повторяемые, оставляют за собой след в неделимом и производят в нем расположение, которое мы называем привычкой, то постоянно действующие на него силы должны видоизменять и его первоначальное устройство. Эти-то последующие изменения в его устройстве в совокупности своей мы называем приобретенным темпераментом.

Приобретенный темперамент может передаваться по наследству; но в неделимом, получившем его таким путем, его следует рассматривать как *естественный темперамент*. Под именем приобретенных темпераментов мы не будем разуметь расположений, вызываемых различными возрастами жизни и развитием различных органов. Настоящие причины приобретенных темпераментов суть: болезни, климат, условия жизни, занятия тела и ума.

§ II. - Болезни искажают и видоизменяют естественный темперамент множеством различных способов. Нередко случается, что острые болезни улучшают его действия; действия хронических болезней почти всегда пагубны.

Вообще, как те, так и другие, дают преобладание нервной системе и ослабляют мускульную. Они обращают часто сангвинические и желчные темпераменты в меланхолические с различными оттенками. Обратное действие случается весьма редко. На флегматический темперамент влияние болезней иное. Болезни часто развивают и совершенствуют умственные отправления.

§ III. - Климат оказывает менее быстрое, но более постоянное и прочное влияние чем болезни. В некоторых климатах встречаются так часто и так постоянно известные темпераменты, что невозможно не считать их результатом действия климата и, следовательно, *приобретенными темпераментами* по крайней мере для большего числа его жителей.

§ IV. - Наконец, условия жизни и даже свойство занятий представляются большей частью результатом климата и, разумеется, они имеют достаточно силы для искажения и видоизменения первоначального расположения, обуславливающего темперамент. Они производят, стало быть, новые темпераменты.

В заключение прибавим, что нравственные проявления всех этих приобретенных темпераментов также широки и, быть может, еще более многосторонни, чем проявления естественных темпераментов. Но все, что можно было сказать в этом отношении, было бы повторением того, что уже было приведено нами выше (Мемуары 6, 7, 8, и 9).

Предисловие ко второму изданию

Изучение физической природы человека равно интересно, как для врача, так и для моралиста: оно необходимо почти в одинаковой степени обоим. Стараясь проникнуть в тайны организации, следя за явлениями жизни, врач старается узнать, в чем состоит истинное здоровье; какие обстоятельства могут расстроить обусловливающее его равновесие; какими средствами можно сохранить, или восстановить его. Моралист старается разоблачить законы, управляющие отправлениями разума и побуждениями воли. В них он отыскивает правила, которыми следует руководствоваться в жизни, и пути, ведущие к благополучию.

Человек имеет потребности: он одарен способностями для удовлетворения их; как те, так и другие находятся в непосредственной зависимости от его организации. Есть ли возможность убедиться, что понятия образуются и желания рождаются вследствие частных отправлений, совершающихся в известных органах, и что органы эти подчинены тем же законам, как и органы прочих отправлений? Поскольку человек живет в обществе себе подобных, то вытекают ли все отношения, образующиеся между ним и другими людьми, из их взаимных потребностей, или же из отправлений способностей, вызываемых к деятельности их потребностями? Отношения эти, составляющие для моралиста то же, что для врача — явления физической жизни, представляют ли состояния, соответствующие состоянию здоровья и болезни? Если ли возможность, при помощи наблюдения, отыскать обстоятельства, поддерживающие, или обусловливающие эти состояния, и могут ли они в свою очередь доставить нам, при содействии наблюдения и размышления, средства с помощью гигиены и врачебной науки направлять и улучшать нравственную природу человека?

Вот вопросы, предстоящие для разрешения моралисту, пришедшему в исследованиях своих к необходимости изучения явлений жизни и организации. Почти все ученые, сколько-нибудь основательно занимавшиеся законами мысли и языка, или других знаков, служащих для выражения мысли, а также исследованием оснований для частной и общественной нравственности, чувствовали эту необходимость идти при своих изысканиях путем изучения физической природы человека. В самом деле, есть ли возможность верно описать, оценить и безошибочно обозначить движения машины и результаты её деятельности, если неизвестны заранее, ни ее устройство, ни образ её действия? Во все времена чувствовалась необходимость постановить по этому предмету хотя бы некоторые, бесспорные или принимаемые за бесспорные положения. Каждый философ сочинял свою теорию человека; даже те, которые считали необходимым, для объяснения различных отправлений, предположить в нем две различные природы, все-таки признавали невозможность высвободить совершенно умственные и нравственные его отправления из-под влияния физической природы; и в узкой зависимости, допускаемой ими между обеими природами, образ и характер

деятельности в человеке познавался во всегдашнем подчинении законам организации.

Но, если с одной стороны, изучение строения и свойств человеческого тела должно служить основанием при исследованиях нравственных явлений жизни, то с другой стороны, эти самые явления, рассматриваемые в совокупности и со всех точек зрения, проливают большой свет на физические свойства, раскрывая их в состоянии деятельности. Первые определяют природу вторых и оценивают их значение; в особенности же они точно указывают на свою зависимость от строения живого тела и на свое подчинение тем же законам, которые управляют его первоначальным образованием, которые развивают его и заботятся о его сохранении.

До сих пор моралист и врач идут все время по одному пути. Последний тогда только будет иметь полное понятие о физическом человеке, когда исследует его во всех состояниях, которые могут быть вызваны в нем действием внешних предметов и видоизменениями его собственной чувствительной способности; моралист будет иметь тем более широкие и точные понятия о нравственном человеке, чем внимательнее следил он за ним при всех обстоятельствах и условиях жизни, общественного состояния, различных правительств, законов, количества распространенных вокруг него заблуждений и истин.

Таким образом, как моралист, так и врач имеют верное средство придать теории двух различных, разрабатываемых ими отраслей знания такую же надежность, какая свойственна прочим естественным, опытным наукам, не подчиняющимся вычислениям: этими же способами они могут довести и практическое их применение до той высокой степени вероятности, на которой основана точность прикладных наук [5].

Но с того времени, как нашли необходимым провести черту между изучением физической и изучением нравственной природы человека, законы, относящиеся к последней, необходимо должны были затемниться смутными метафизическими гипотезами. В самом деле, со времени введения этих гипотез в изучение нравственных наук не осталось ни одного прочного основания, ни одной крепкой нити, которой можно было бы связать результаты, получаемые наблюдением и опытом. С тех пор, носимые по произволу самых пустых мечтаний, они поступили, некоторым образом, в область воображения; и взыскательные умы должны были подвергнуть самой строгой поверке принятые этими науками основания.

[5] См. о приложении теории вероятности к нравственным вопросам и явлениям в сочинении Кондорсе и в превосходной лекции о том же предмете моего товарища Лапласа, помещенной в сборнике Нормальной школы. Да позволено мне будет упомянуть здесь, что эта школа, в которой слушали одновременно Лагранжа, Лапласа, Бертолле, Монжа, Гара, Вольнея, Гаюи и проч., была необыкновенным явлением при своем открытии и должна составить эпоху в истории наук

Таково было состояние нравственных наук до Локка; таков был упрек, не без основания делаемый им, пока более здравая философия снова не вернулась к первоначальному источнику всех чудес, представляемых умственным и нравственным миром, к тем же законам и к тем же свойствам, которые управляют и жизненными явлениями. Впрочем, некоторые мыслители, одаренные, быть может, более гениальным умом, чем этот достойный уважения философ, уже предвидели основные истины, развитые в его сочинениях. Следы их можно отыскать в философии Аристотеля, и в философии Демокрита, восстановленной Эпикуром. Бессмертный Бэкон открыл, или предчувствовал почти все, что необходимо было для полной перестройки не только науки, но, по его собственному выражению, самого мышления человеческого. Гоббс, в особенности, уже одной точностью своего языка был приведен бесповоротно к истинному источнику наших знаний. Он указывает на разумные методы для них; он назначает им строгие границы. Но не им, а его последователем, Локком, дан был первый толчок самому великому и самому плодотворному перевороту в философии. Локком в первый раз ясно было изложено и подтверждено самыми осязательными доказательствами то основное положение, что *все понятия получаются путем чувств*, или *составляют результат ощущений*.

Гельвеций привел в систему учение Локка; он сделал это с совершенной ясностью, простотой и изяществом. Кондильяк развил его, распространил и усовершенствовал: справедливость учения подтвердил он вполне новыми исследованиями, более глубокими и открывшими пути для его приложения. Ученики Кондильяка, разрабатывая различные отрасли человеческих знаний, ещё более улучшили, а некоторые исправили даже во многих отношениях его теорию отправлений разума [6].

Несмотря на то, что со времен Кондильяка, исследования выступили на вполне прочную практическую дорогу, некоторые вопросы, которые могут считаться самыми главными при изучении мышления, представляли ещё множество темных сторон. Никогда не было точно объяснено, например, в чем состоит действие чувствительности. Всегда ли предполагает оно раздельное сознание и впечатление? Не должны ли мы отнести незаметные впечатления и побуждения, в

[6] Гара в своих прекрасных и красноречивых лекциях, записанных стенографами нормальных школ, обещал подробное изложение всей философской системы; к сожалению, лекции эти составляют все, что знает публика из его труда; кажется, что труд этот и не был никогда окончен. «*Основания идеологии*» товарища моего Траси представляют единственное, вполне оконченное сочинение по этому предмету. Дежерандо самым подробным образом исследовал один частный вопрос. Ларомигьер поставил несколько вопросов с большей точностью, чем это делалось до него уже одним определением некоторых слов. Ланселин издал первую половину сочинения, представляющего самые главные основания науки с нескольких новых точек зрения. Жакмон предположить ещё более обширный план и проч. Я полагаю, что должен ко всем этим, уже известным именам присоединить имя гражданина Мен-Бирана, прекрасный Мемуар которого «О привычке» недавно увенчан Национальным Институтом

которых не принимает участие воля, к какой-нибудь другой способности живого организма?

Кондильяк, отрицая отправления инстинкта и стараясь привести их к быстрым и к плохо-различаемым отправлениям мышления, допускал тем самым существование деятельной причины, отличной от чувствительности: ибо, по его мнению, последняя причина предназначена исключительно для произведения различных понятий, будет ли на самом деле уловлена вниманием связь между ними, или многочисленность и быстрота их, увеличивающаяся ежеминутно привычкой, скроют настоящий источник их от того, кто наблюдает за самим собой. Ясно, что в таком случае, такие жизненные отправления, как пищеварение, кровообращение, различные отделения, и проч. должны быть в зависимости от другого источника деятельности. Но, следя с должным вниманием за выводами Кондильяка относительно инстинктивных побуждений, нетрудно заметить, что они находятся в полном противоречии с фактами, по крайней мере, не имеют того общего значения, которое он придает им: поверхностное знакомство с рациональным исследованием и с законами животного организма показывает, что в действительности эти самые побуждения сливаются, с одной стороны, с умственными отправлениями, а с другой — со всеми органическими; так что они служат в некотором смысле посредниками между теми и другими, и предназначены, по-видимому, для связи их между собой.

Могут ли быть приведены к одному общему источнику все эти различные явления?

Нравственная симпатия представляет ещё более замечательные явления. Уже вследствие одного значения внешних ее проявлений, впечатления могут передаваться от одного чувствительного, или принимаемого за такое существа — к другим, которые для разделения её [симпатии], будто отождествляются с ним. Мы видим, что неделимые притягиваются друг к другу, или отталкиваются одно от другого: между их понятиями и чувствованиями совершается обмен, на языке таинственном и столь же быстром, как сами впечатления, и он вызывает полное согласие между ними; или же этот обмен порождает несогласие: все враждебные страсти, ужас, ненависть, негодование, месть могут быть мгновенно возбуждены в толпе голосом, или даже только видом человека, будут ли эти страсти вызваны тем, что он сам их выскажет, или они будут возбуждены, помимо его воли, теми обстоятельствами, при которых он предстал перед толпой [7].

Все эти и множество других, сюда же относящихся явлений были предметом самого тонкого исследования; шотландская философия принимает их за основание для всех нравственных отношений. Можем ли мы привести их в зависимость от известных свойств, общих всем живым существам? Могут ли они быть связаны с

[7] Я привожу симпатию и антипатию к одной и той же причине. В самом деле, они зависят только от одной, и подчинены одним и тем же законам.

основными законами чувствительности? Наконец, между тем как разум рассуждает, а воля желает или отвергает, происходит множество других отправлений, более или менее необходимых для сохранения жизни. Оказывают ли эти отправления влияние друг на друга? Принимая в соображение различные физические и нравственные состояния, мгновенно вызываемые ими, есть ли возможность уловить и определить с достаточной точностью отношения, связывающие их между собой в самых разительных случаях, чтобы иметь право предположить, что в других, менее выразительных случаях, если та же самая зависимость и менее явственна, то это должно быть объяснено единственно слишком быстро проходящими следами, оставляемыми ею?

Если бы дан был утвердительный ответ на различные, вышеприведенные вопросы, то отправления разума и воли были бы смешаны при самом их источнике с прочими жизненными отправлениями: основания нравственных наук, а следовательно, и сами науки эти поступили бы в область наук физических; они были бы только ветвью естественной истории человека: искусство поверять наблюдения, производить опыты и выводить все несомненные последствия, какие могут дать они, ничем не отличалось бы от приемов, постоянно употребляемых с полным и справедливым доверием к ним в прикладных науках, точность которых менее всего подлежит сомнению; основные принципы, как тех, так и других, получили бы одинаковую незыблемость: они установились бы на строгом изучении и на сравнении фактов; они развивались бы и совершенствовались бы тем же методами мышления.

По прочтении этого сочинения можно будет, полагаю, убедиться, что таковы на самом деле должны быть основания для нравственных наук. Туманные гипотезы, на которые отваживались для объяснения некоторых явлений, представляющихся на первый взгляд независимыми от физического мира, не могли не положить на такие науки характера шаткости, и не стоит удивляться, что само право их на существование, как настоящих отраслей знания, было подвергнуто сомнению даже самыми беспристрастными умами. Дело идет теперь о том, чтобы указать нравственным наукам настоящее их место и установить для них основные точки, от которых следует им отправляться при всех возможных исследованиях, какие они предпримут. Ибо, опираясь только на постоянную и общую для всех природу человека, науки эти могут делать настоящие успехи; только приведенные к бесспорно осязаемым предметам исследования, могут они, при содействии несомненно-прочного метода, сделать хотя бы несколько очевидных для всех выводов.

Читатель легко убедится, что я выступаю на совершенно новую дорогу; я не имею притязания дойти до конца; более способные и более счастливые люди довершат то, на что во многих случаях я едва мог сделать только намек, и самая пламенная моя надежда состоит только в том, чтобы возбудить их усилия; ибо, признаюсь

откровенно, по моему мнению, дорога эта ведет к истине. Многие весьма достойные люди, разделяли, по-видимому, мои убеждения. Со времени издания отдельных частей этого труда, помещенных в первых двух томах Записок второго класса Института, многие замечательные физиологи и мыслители с уважением отзывались о них. Некоторые из них поступили ещё лучше, если я могу так выразиться: они бесцеремонно воспользовались некоторыми моими мыслями, не обозначив источника, из которого заимствовали их. Я замечаю только этот факт, но вовсе не имеют намерения сетовать на это. Напротив: такой род воздания похвалы менее всего обиден для меня. Если бы в моем сочинении я видел только предмет для собственного тщеславия, то я был бы обязан им глубокой личной благодарностью; но поскольку главная награда, которой я осмеливаюсь ожидать за мой труд, состоит в распространении истин, которые я считаю полезными, то я обязан ещё большей благодарностью этим писателям, знания и таланты которых придали этим истинам такую силу и вес, какие, к сожалению, я не был в состоянии им дать [8].

Судя по направлению, вот уже тридцать лет принятому человеческой мыслью, физические и естественные науки, по-видимому, получили вообще первостепенное значение. Быстрые успехи, оказанные ими в такое короткое время, сделали настоящую эпоху самым блистательным периодом в их истории. Все предвещает им новые победы, и только по принятии их метода прочими науками и искусствами можно надеяться не без основания, что все они будут освещены в некотором смысле равным светом. Быть может, мы уже пережили эпоху самых блестящих созданий воображения (впрочем, должно сказать по справедливости, я вовсе не согласен с идеями и высокомерными приговорами о них современных критиков); как бы то ни было, но в настоящее время всеобщие усилия направлены, по-видимому, ко всем знаниям, ко всем вопросам, которые могут быть непосредственно приложены к потребностям жизни. К увеличению общественного благосостояния, к усовершенствованию умственных способностей, к распространению просвещения. Никогда не стремились к истине, на какой бы предмет ни была обращена она, с таким рвением, никогда не излагалась она с такой силой и с таким методом, никогда не принималась она с таким общим сочувствием, никогда ещё истина не имела более усердных защитников, а человечество — более преданных друзей.

Хотя политическое состояние Европы вызвало в различных странах этой обширной части света несколько больших центров, из которых проливается свет науки, вследствие чего, говоря мимоходом, становится решительно невозможен продолжительный застой в движении человеческой мысли, Франции принадлежит наибольшая доля участия во всеобщем прогрессе XVIII века. Язык её, более ясный,

[8] В ту минуту, как я исправлял этот лист и параграф, я узнал о смерти гражданина Биша: это горестное и неожиданное событие вызывает во мне чувство глубокого сожаления, которое я не могу не выразить в настоящем случае.

точный и изящный, нежели звучный, богатый и поэтический, кажется, более пригоден для философских прений или для выражения нежных чувств и самых тонких оттенков их, чем для сильного и глубокого возбуждения воображения и для внезапного и могущественного потрясения многочисленных народных собраний, частые примеры которого представляет древняя история. Независимость понятий, которой мы постоянно отличались, даже при прежнем правительстве, слабая склонность к подчинению обстоятельствам и людям, смелость исследования, одним словом, все стремления и все условия, которым Франция обязана почетным местом, занимаемым ею в области науки, приобрели новую степень энергии и могущества вследствие самого необыкновенного политического толчка, какой только запомнит история. И с тех пор, как движение оставило страсти и ограничилось мыслью, более медленный, по-видимому, прогресс стал более прочным. Мирный ход сильного и твердого правительства, без всякого сомнения, может содействовать этому движению. Наконец, вследствие великого и тяжелого испытания, большая зрелость всех понятий, всех надежд, всех желаний, без всякого сомнения, удержат самым действительным образом филантропию от увлечения химерическими и преждевременными проектами; но та же зрелость служит в то же время ручательством, что все полезные теории рано или поздно должны получить свое приложение.

В настоящее время, когда мысль человеческая находится в состоянии работы и нормального движения, становится более удобным и особенно важным положить прочное основание для нравственных наук. Революционные столкновения вызываются не свободным развитием мысли, как думают некоторые люди: напротив того, они были всегда неизбежным результатом насильственных препятствий, которые безрассудно противопоставляли этому развитию, отсутствия согласия между течением дел и движением общественного мнения, между социальным учреждениями и состоянием умов. Вообще, чем более люди развиты и благоразумны, тем более боятся они этих потрясений, и они знают, как говорит Паскаль, что насилие и истина суть силы, не имеющие никакого действия одна на другую, что истина не управляет насилием и что насилие никогда не может с пользой служить истине.

Итак, постоянным озарением новых понятий ровным и чистым светом можно достигнуть того, что действие их на общественное состояние будет нечувствительно и кротко, подобно силам, которые безостановочно стремятся к сохранению или к приведению в порядок различные тела вселенной. Понятия, относящиеся к общественной нравственности, как по способу их распространения, так и по способу их приложения, могут, без всякого сомнения, производить самое благодетельное, или самое пагубное влияние: стало быть, должно приступить с особенно строгим методом, как к предметам их исследования, так и к изложению их; преимущественно эти понятия требуют основательного знакомства с самыми

малейшими чертами механизма умственных отправлений, страстей и всех особенных обстоятельств, которые могут исказить или видоизменить их.

Что касается оснований частной нравственности и индивидуального воспитания, то они нуждаются не в меньшей мере в той же заботливости: в самом деле, основания их те же самые. Все, что проливает на них свет, может столько же и укрепить их. Если взгляд на царящую в мире безурядицу развращает, или опечаливает легкомысленных и поверхностных людей, то более рассудительное и здоровое наблюдение доказывает людям внимательным, что самые драгоценные блага жизни получаются только путем практической нравственности. Истинное счастье неизменно составляет исключительный удел истинной добродетели [9], то есть, добродетели, направляемой мудростью; ибо в просвещении совести состоит столько же наша потребность, сколько и долг; а без светоча разума добродетель может не только привести, даже лучших людей, к крайней степени несчастья, но может ещё сама сделаться источником самых пагубных заблуждений. По счастливой необходимости интересы одного лица никогда не могут быть действительно отделены от интересов прочих людей: усилия, направляемые ими к этой цели, суть враждебные действия против всех, которые неизбежно обрушаться, рано или поздно, на их виновника [10].

Но особенно при изучении человеческой природы, при исследовании законов ее организации и непосредственных явлений чувственности, становится ясным, до какой степени нравственность составляет существенную ее потребность. Немедленно становится очевидным, что единственная сторона, с которой могут быть бесконечно умножены наслаждения человека, есть отношение его к другим людям; что существование его расширяется по мере того, как он принимает участие в их стремлениях и заставляет их разделять свои собственные. Исследование источника страстей, даже ведущих его к заблуждению, убеждает с каждым шагом вперед, что для улучшения человека достаточно одного просветления его сознания, и что стремление к добродетели есть самое первое и самое неизбежное свойство развитого разума. Таким образом, нравственные убеждения утверждаются на самом прочном основании, связь между ними и их приложение обозначаются до последней степени очевидности: выгоды не только для целого общества, но и для каждого индивида, вытекающие из его уважения и из его подчинения тому образу действий, который составляет прямой результат этих убеждений, могут быть доказаны в некотором смысле с математической точностью.

Но просветления человеческого разума ещё недостаточно; образ действий человека основывается на привычке: следовательно, весьма важно заставить его

[9] Разумеется, и добродетельный человек может быть несчастным; но он был бы ещё более несчастен без помощи добродетели; она одна услаждает все бедствия и придает цену счастью в человеческой судьбе.

[10] Если бы мошенники, говорил мудрый Франклин, имели понятие о всех выгодах, доставляемых добродетелью, они были бы добродетельными людьми путем мошенничества.

принять хорошие привычки. Строгие правила, которым стремились, без основательных побуждений, подчинить его с детства, отвергаются им, как только он становится сам своим руководителем. Но правила, признаваемые разумом, принимают тем сильнейшую власть над ним, чем больше будет он подвергать их критической оценке; а необходимость их для него благополучия тем более будет очевидна для него, чем дольше проводил он их в жизни. Таково могущество и таковы плоды единственно хорошего воспитания.

Связать нравственность с ее действительными побуждениями тем более необходимо, что она составляет всеобщую, ежедневную потребность и что никакой иной метод не может дать ей более прочных оснований. Рассудительные люди будут смотреть всегда снисходительно на случайные теории, тоже имеющие в виду улучшение и счастье человека. Я не стану рассматривать здесь выгодные или неудобные стороны ни одной из них; несомненно только то, что не всегда можно рассчитывать на их содействие. Помимо разногласия между ними, вследствие чего влияние их весьма ненадежно и изменчиво, для многих умов они решительного недоступны. Гораздо большее число людей переходит несколько раз в жизни от одних убеждений к другим, и кончают нередко тем, что безразлично отвергают все, и настоящее время представляется, быть может, таким, в которое менее всего можно ожидать от таких людей действительной пользы. Но, как бы то ни было, не может быть подвергнута сомнению необходимость утвердить шатающуюся нравственность одних, и не допустить людей, переставших верить в истину, до безнаказанного попирания ногами тех добродетелей, которые недавно ещё поддерживались ими, а теперь сделались для них химерическими [11].

К счастью, для этого достаточно развития здравого смысла и хороших привычек. Несмотря на частные заблуждения и ошибки, человек расположен к истине, погоня за которой составляет самую неизменную его потребность и достижение которого доставляет ему самое сладостное и глубокое наслаждение. Несмотря на частые увлечения слепыми и пагубными страстями, человек расположен на столько же и к добродетели: одна только добродетель может установить согласие между ним и обществом. Без добродетели сердце его пожирается неприязненными чувствами, жизнь его искажается бурями, а мир для него наполнен только врагами. Привычка к полезной для людей деятельности, к благородным и великодушным чувствам, напротив того, укореняет в душе те же живые ощущения человечности, которые

[11] Из мыслителей, основывавших нравственность на постоянной потребности всеобщего благополучия для каждого человека и доказывавших, что во все продолжение жизни поведение людей счастливых совершенно сходно с поведением людей добродетельных, должно назвать в особенности Вольнея и Сен-Ламбера. Вольней отличался более широким, более сильным, более привычным к глубокому анализу умом и к тому же, он владел более твердым и оригинальным способом изложения, производящим неизгладимое впечатление. Сен-Ламбер был более легкий, более изящный писатель, более тонкий наблюдатель, сочинение которого, сопровождаемое объяснениями и самыми удачными примерами, подтверждает, быть может, ещё более справедливость раскрываемых им истины и полезных правил, выводимых им для нашего поведения. И тот, и другой заслуживают благодарность истинных друзей человечества.

приходилось испытать на себе, хотя бы несколько, всякому. Связывая все свои стремления с настоящей и будущей судьбой всех людей, благоразумный человек не только расширяет безгранично тесное и приходящее свое существование, но он освобождает еще его в некотором смысле из-под власти случайности; на этой возвышенной точке зрения, с которой, с чувством глубокого сострадания, смотрит он на людские заблуждения, составляющие почти единственную причину их страданий, счастье его составляют самые изысканные чувства; ему исключительно предоставлены истинные блага человеческой жизни.

Впрочем, настоящее сочинение вовсе не имеет ввиду изложение и развитие этих несомненных истин; ещё меньшее притязание имеет оно на приложение их к общественной нравственности. Если и приводятся здесь нравственные соображения, то это по отношению к свету, который они могут заимствовать от изучения явлений физических, и именно потому, что они составляют существенную часть естественной истории человека. Меня уверяли, что некоторые люди выражали опасение, что это сочинение имеет целью опровергнуть, или что оно опровергнет известные учения, и на место их намерено поставит другие, относительно сущности первых причин; но это несправедливо и этому не может поверить человек, сколько-нибудь рассудительный и честный. Читатель неоднократно заметит в продолжении всего сочинения, что причины эти [первопричины] лежат вне сферы наших изысканий и что они как-бы скрыты навсегда от средств, имеющихся от рождения в распоряжении человека для их исследования. Мы объявляем здесь об этом самым положительным образом; и если бы можно было что-нибудь сказать по вопросам, подымать которые никогда нельзя было безнаказанно, то весьма нетрудно было бы доказать, что они не могут быть ни предметом исследования, ни предметом сомнения, и что неизбежное невежество есть единственный результат, к которому приводит нас по отношения к ним мудрое употребление разума. Итак, предоставим более самонадеянным, или, если хотите, более просветленным умам заботу отыскивать по пути, который мы признаем для себя непроходимым, в чем состоит сущность начала, одушевляющего живые тела: мы будем рассматривать только явления, в которых выражаются живые силы, явления, отличающие их от прочих деятельных сил природы, или условия, вызывающие эти явления и в некотором смысле как бы сливающиеся с первыми причинами, или как-бы подчиненные непосредственно законам, управляющим их действием.

Здесь не найдут также и того, что долго называлось метафизикой; мы ограничимся исследованиями физиологии, направленными к частному изучению известного порядка отправлений. К Мемуарам, вошедшим в состав этого сочинения, я надеялся присоединить ряд опытов, касающихся вырождения и преобразования животных и растений. Я полагал, что эти опыты должны пролить свет на условия, вызывающие зарождение органических существ. Но почти не прекращающееся расстройство моего здоровья заставило меня прервать занятия и отложить их до

другого времени. Я предполагаю возвратиться к ним, как только это будет возможно; и если полученные результаты будут достойны внимания публики, то я сочту долгом представить ей самый совестливый отчет о фактах, которые будут мною замечены [12].

Да позволено мне будет выразить публично живую признательность гражданину Франсуа Тюро за те заботы, которые он принял на себя при настоящем издании относительно исправления подробностей и которых, быть может, не заслуживала сама книга. Только великодушная дружба и любовь к науке могли заставить его принять на себя скучный и кропотливый труд, так настойчиво им выполненный. Уже известный, несмотря на свою молодость, работами, требующими зрелого ума и таланта [13], гражданин Тюро, среди серьезных своих занятий, принял на себя труд издания моей рукописи. Он исправил в ней многие погрешности; и если бы я мог собрать его превосходные указания и воспользоваться ими, то сочинение мое могло бы приобрести особенные достоинства.

Я обязан также благодарностью молодым товарищам моим, гражданам Ришерану и Алиберу за участие, принятое ими в этом издании. Я осмелюсь только высказать опасение, чтобы ревностная любовь их к успехам философии медицины и особенное пристрастие к ней, которое, может быть, вызвано этой любовью, не подействовали бы в них в ущерб строгой мысли; к тому же, кто более их имеет право настойчиво держаться принятого раз мнения? В самом деле, разве не они идут впереди уже получивших известность воспитанников, которыми гордится Парижская медицинская школа и блестящие успехи которых свидетельствуют столько же о превосходных методах преподавания, употребляемых ее знаменитыми профессорами, сколько и об отличном духе, которым управляется это прекрасное заведение.

[12] Со времени первого издания этого сочинения, г. Фрей, военный комиссар, сообщил мне ряд прекрасных опытов, произведенных им по тому же вопросу. Я буду иметь случай говорить о них в другом месте.

[13] Именно, двумя превосходными переводами: «Гермеса» — Гарриса и «Жизнью Лоренцо Медичи», ценного произведения Роское, особенно же предисловием и важными замечаниями, которыми он снабдил первый и которые, в некотором роде, представляют самостоятельное сочинение.

Мемуар первый: Общие рассуждения об изучении человека и об отношениях между его физической организацией и его умственными и нравственными способностями

Введение. Великую и прекрасную идею, без сомнения, представляет нам, граждане, взгляд на все науки и на все искусства, как на нечто целое и нераздельное, или как на ветви одного дерева, связанные одним общим источником происхождения, а ещё более плодами, которые все они предназначены производить и состоящими в усовершенствовании и в счастье человека. Идея эта не ускользнула от внимания древних; все отрасли знания входили у них в науку о мудрости. Они обрабатывали искусства не только потому, что последние доставляли им наслаждения, или непосредственную выгоду тем, кто посвящал себя им, но также и потому, что изучение их считалось необходимым для познания человека и природы, а приемы их лучшим средствами для могущественного действия на того и другую. Гению Бэкона предназначено было представить впервые в одной общей картине все предметы, охватываемые человеческой мыслью, связать их между собой, разграничить по отличиям и указать, как новые точки соприкосновения, которые могут открыться между ними впоследствии, так и новые разделения, которые несомненно будут вызваны более глубоким их изучением.

В середине настоящего столетия [XVIII век] мировое общество мыслителей, образовавшееся во Франции, овладело этой мыслью и этим планом. Оно привело в исполнение [14] то, что было задумано Бэконом: оно распределило по систематическому плану и соединило в одном сочинении [Энциклопедии] главные основания и факты по всем наукам, по всем искусствам. Польза, доставленная трудами этого общества, вышла за пределы охваченных им предметов и, может быть, превзошла все ожидания; рассеянием предрассудков, отравлявших источник всех добродетелей, или служивших для них шатким основанием, оно приготовило царство истинной нравственности; разбив смелой рукой цепи, сковывавшие мысль, оно приготовило освобождение человеческого рода. Потомство сохранит воспоминание о трудах этих достойных уважения людей, соединившихся для борьбы против фанатизма и для ослабления по крайней мере последствий всякого рода произвола; оно благословит усилия этих мужественных друзей человечества; оно почтит имена людей, посвятивших себя безустанной борьбе с заблуждением; и между доставленными ими благодеяниями оно, разумеется, не забудет учреждение Национального Института, устроенного, кажется, по их плану. В самом деле, по

[14] Английская энциклопедия уже существовала; но это сочинение представляло не более, как уродливый очерк великого бэконовского плана.

соединению талантливых представителей всех отраслей наук и по предметам преподавания, Институт может считаться настоящей живой энциклопедией и, при содействии республиканского правительства, без всякого сомнения, ему нетрудно будет сделаться неисчерпаемым источником света и свободы.

Так мысль о соединении, распределении и организации, как одного целого, всего того, что выработано человеческим гением, говорю я, полна величия. Но она полна и истины: ибо исследование всего, что приобретено нами, обнаруживает одни и те же отправления мысли, один и тот же порядок сравнений. Она полна и практической пользы: ибо успехи человека зависят больше всего от нового приложения всякого рода сир, которыми он овладел, к одной, данной работе, а способности, которыми он непосредственно одарен природой, до такой степени ограничены, что ему необходимо приобрести искусственные средства, чтобы выйти из гнетущего состояния своей немощи.

Хотя все отрасли знания находятся в общей связи, хотя все они взаимно освещают и укрепляют друг друга, тем не менее есть между ними такие, которые соединены более прямыми и более многочисленными отношениями, которые оказывают друг другу более широкую, более необходимую услугу; и хотя в глазах мыслителя нельзя вполне выделить успехи одной науки из успехов прочих, и все они одинаково и постоянно полезны, тем не менее некоторые из них могут считаться более, другие — менее полезными, смотря по точке зрения, с которой их рассматриваешь. Таким образом, математические науки имеют непосредственное приложение к физике, химия — к различного рода искусствам; таким образом, открытия, имеющие предметов своим усовершенствование общих приемов промышленности, и понятия, направленные к преобразованию обществ, оказывают более прямое влияние на успехи вообще всей человеческой породы; между тем как усовершенствование частных приемов в ручных ремеслах, или улучшение диетики и нравственности более способствует благополучию отдельных людей. Ибо благополучие менее зависит от обширности наших средств, ежели от хорошего употребления тех, которые находятся под рукой; и до тех пор, пока не пойдут рука об руку искусство пользоваться жизнью с открытиями, доставляющими нам новые источники наслаждений и новые средства для господства над природой, все победы гения будут бесплодны для достижения последней и истинной цели всех его усилий.

В распределении различных отраслей наук Институт поставил весьма основательно рядом одни с другими и соединил в один отдел те, которые имеют предметом исключительно философию и нравственность. Но нетрудно заметить, что изучение физической природы человека служит общим основанием для обеих, и что оно должно составлять для них общую точку отправления, чтобы снова не воздвигать их на шатких основах, противоречащих неизменным законам природы. Национальный Институт, по-видимому, вознамерился осветить в некотором

смысле эту истину призванием физиологов в отделение философских наук, и самый выбор ваш указывает им путь, по которому должны быть направлены их усилия.

Позвольте, граждане, занять вас сегодня отношениями между изучением физической природы человека и изучением умственных его отправлений; между систематическим изучением развития его органов и соответствующим ему изучением его чувствований и страстей; отношениями, из которых явственно вытекает, что физиология, философия и нравственность составляют три ветви одной и той же науки, которая по всей справедливости может быть названа наукой о человеке [15]. Занятый исключительно главным предметом моего исследования, я, может быть, слишком часто стану возвращаться к нему; но если вы соблаговолите выслушать меня внимательно, то легко убедитесь, что точка зрения, с которой я смотрю на медицину, ежеминутно вводит ее в область наук нравственных.

§ I — Мы ощущаем, и от впечатлений, получаемых различными нашими органами, зависят одинаково, как наши потребности, так и действие снарядов, которыми мы владеем для их удовлетворения. Потребности эти пробуждаются, снаряды эти приводятся в деятельность с первой минуты жизни. Слабые движения зародыша в утробе матери, без сомнения, должны быть рассматриваемы уже как первые признаки настоящей животной жизни, которой он начинает пользоваться, собственно, с того времени, как в нем окончится образование собственной системы питания; но движения эти зависят от тех же причин, происходят они по тем же законам. Находясь под непрерывным влиянием внешних предметов, нося в самих себе источники не менее действительных впечатлений, вначале мы побуждаемся к деятельности, не давая себе отчета в средствах, которые намерены употребить, не составляя себе даже точного понятия о цели, к которой стремимся. Только после повторенных попыток начинаем мы сравнивать, судить, делать выбор. Таков путь, избираемый природой; следы его видно всюду. Начинаем мы действием; потом мы подчиняем правилам побуждения наших действий: последний, занимающий наше внимание предмет есть изучение наших способностей и способов для их отправлений.

Таким образом, люди исполняли много уже самых замысловатых занятий прежде, чем умели начертить правила для их выполнения, то есть прежде, чем создали относящееся к ним искусство: они воспользовались для своих потребностей законами равновесия и тяжести, прежде чем получили хотя бы какое-нибудь понятия о механических законах. Таким образом, чтобы ходить, чтобы слышать, чтобы видеть, они не ожидали, пока ознакомятся с мускулами ноги, с органами слуха и зрения. Таким же точно образом, чтобы рассуждать, они не ожидали

[15] Немцы называет ее *Антропологией*; и под этим словом они действительно разумеют три главные, указанные нами предмета.

разъяснения образования мысли и подчинения искусства мышления исследованию.

Но вот уже вышли они из-под власти первых инстинктивных побуждений. С тех пор как они руководствуются опытом и сравнением, с тех пор как исполняют и повторяют некоторые правильные занятия, они составили суждения, они вывели аксиомы. Но аксиомы и суждения их ограничиваются ещё только отдельными предметами, только непосредственной, практической пользой. Под гнетом нужды настоящего времени, они не обращают взоров в далекое будущее: их правила имеют ввиду только некоторые частные отправления, а важнейшие успехи будут уделом той эпохи, в которую более общие законы обнимут собой целые области занятий, искусства. До тех пор, пока люди не обеспечили себе существования, им нет времени думать; даже взаимные отношения их, заключенные в узкий круг их первых потребностей, не могут быть успешно направлены к этой существенной цели. Но как только соединились они в общества, то самые сильные между ними, в особенности же самые умные тотчас же сумели доставить себе средства для более привольного существования; как только начали они пользоваться досугом, то сам этот досуг обратился в гнет для них; в них стали развиваться новые потребности и мысль их стала последовательно переноситься как на различные предметы природы, так и на самих себя.

Я ограничусь здесь общим и кратким изложением фактов, находящихся в связи с успехами рациональной философии. Да и не входя в большие подробности, легко видеть, что почти все люди, с успехом разрабатывавшие её, хорошо были знакомы с физиологией, или по крайней мере, что успехи той и другой науки всегда шли рука об руку.

§ II — Обращаясь к первым временам истории, а история открывается не ранее устройства свободных греческих народов [16] (ранее этого времени встречаются только нелепые вымыслы или аллегорические рассказы), так обращаясь, говорю, к этим первым временам, мы находим, что люди, занимавшиеся наукой о мудрости, составляли ее исключительно из трех главных предметов, непосредственно относящихся к усовершенствованию человеческих способностей, нравственности и человеческого благополучия: 1) они изучали здорового и больного человека, чтобы ознакомиться с управляющими им законами и чтобы научиться сохранять или восстанавливать его здоровье; 2) они старались начертать себе правила для направления своего ума к изысканию полезных истин, и преподавание их вращалось, или около методов отдельных искусств, или около рациональной философии, самые общие методы которой охватывали собой все искусства; 3) наконец, они наблюдали взаимные отношения людей, отношения, в основании

[16] Когда демократия приняла более правильный характер и когда самодержавие ограничено было некоторыми законами, то есть, около полутораста или около двухсот лет после эпохе, к которой относят Троянскую войну.

которых лежат физические и нравственные их способности, но в их побуждения они вводили ещё, как необходимые данные, некоторые более подвижные условия, как напр. времени, места, правительства, религии, которыми старались объяснить все правила жизни и все основания нравственности [17].

Правда, большая часть этих мудрецов заблудились в тщетных погонях за первопричинами, за деятельными силами природы, которые они олицетворяли в весьма остроумных баснях; но их теогонии были не более как физические или метафизические системы, как у нас — первоначальный хаос или порядок, которые несомненно были бы олицетворены, если бы это не было сделано ранее. Они пользовались ими для подчинения необузданной фантазии людей общественным потребностям; и все эти первые благодетели человечества были, по-видимому, убеждены что весьма законно обманывать народ, имея в виду его собственную выгоду; такая развратительная доктрина могла быть, разумеется, простительной до тех пор, пока столько пагубных последствий не доказало ее ложности, но было бы непозволительно признавать ее в век более просвещенный.

Какой бы предмет исследования мы не избрали, всегда придется начать с древней Греции. Все, что совершается любопытного в гражданском обществе, сосредоточено, так сказать, скучено в ней перед нашими глазами в более коротком промежутке времени и ограничено самым небольшим пространством. Греция была колыбелью не одного только искусства и свободы; философия, всесторонние уроки которой только и могут усовершенствовать человека и все его учреждения, как бы чудом тоже родилась в ней вместе с прекраснейшим языком, на котором когда-либо говорили люди и который также легко служил органом мысли, как очаровывал воображение или возбуждал душу всеми чудесами красноречия и поэзии. Какое благородное явление представляет нам целая толпа людей, все стремления которых направлены к изысканию средств для улучшения судьбы человеческой, для освобождения народов от произвола, для укрепления общественных связей, для возвышения нравственного общественного уровня той энергией и изяществом, соединение которых никогда и нигде не встречалось в такой степени; и когда они потеряли всякую надежду действовать на правительства, то усиливалась по крайней мере, то в принципах сильной и строгой философии, то в более легких и светлых учениях, то в презрительном отношении ко всему, что волнует несчастный род людской, усиливались, говорю я, дать убежище личному счастью от преследований неистовой тирании, несправедливого суда и даже от роковых ударов самой природы!

Между этими благодетелями рода человеческого, одних имен которых было бы уже достаточно, чтобы освятить воспоминание о народе, не менее, впрочем,

[17] Я не говорю ни о физике, ни о геометрии, ни об астрономии, которыми они тем не менее занимались весьма прилежно, особенно астрономией: труды их по этим наукам и понятия, порожденные ими, имеют слишком далекое отношение к предмету, на котором в настоящую минуту сосредоточено наше внимание.

заслуживающим удивления и во многих других отношениях, должно обратить особенное внимание на несколько необыкновенных гениев. Пифагор, Демокрит, Гиппократ, Аристотель и Эпикур занимают первое место между ними. Хотя Гиппократ прославился собственно трудами своими и успехами в теории, практике и преподавании врачебного искусства, тем не менее я привожу его имя между прочими, потому что он перенес, как сам он говорит, философию в медицину и медицину в философию. Все пятеро создали методы и рациональные системы; они связали с ними принципы нравственности; в основу этих принципов, систем и методов они закладывали физическое изучение человека. Не может быть сомнения, что причина великого влияния, произведенного ими как на свой, так и на последующие века, главным образом лежала в соединении предметов, проливающих живой свет друг на друга, и сопоставление которых так могущественно расширяет, возвышает и двигает вперед человеческую мысль.

Тщетны были бы наши усилия отыскать в исторических памятниках точных понятий об учении Пифагора и о заслугах, им оказанных человеческой науке: сочинения его погибли; ученики его, слишком пристрастные к таинственности, к которой философам, быть может, необходимо было прибегать вследствие общественного невежества, разгласили только смешную сторону его учения, и историки философии должны были довольствовать в этом отношении одними только предположениями. Но есть другое средство оценить Пифагора, а именно, основывая оценку на фактах. Школа его, величайшее и лучшее учреждение, когда-либо созданное средствами частного человека, доставляла в продолжении многих веков законодателей для всей древней Италии, ученых: геометров, астрономов, врачей — для всей Греции и мыслителей — для всего мира. Я не буду говорить о простом и справедливом, но так безжалостно искаженном воображением находящегося ещё в детстве народа взгляд его на вечное превращение материи; в особенности я не стану приводить открытий, приписываемых этому философу в арифметике, в геометрии и даже в астрономии некоторыми учеными [18]: хотя они дают высокое понятие о его гении, но не имеют никакого отношения к занимающему нас предмету. Но я должен упомянуть, что он первый ввел вычисление в изучение человека; что он силился подчинить механическим законам явления жизни; что он заметил между периодами лихорадочных пароксизмов, между развитием животных и убылью в них жизни, с одной стороны, и некоторыми сочетаниями, выражающимися числами, с другой — известные отношения, подтвержденные по-видимому, наблюдениями следующих веков, отношения, систематическое изложение которых составляет то, что называют в медицине учением о кризисах. Из учения этого вытекает не только множество полезных указаний для лечения болезней, но весьма важные соображения относительно

[18] Ему мы обязаны, как всякому известно, остроумной таблицей умножения, переданной нам древними; он первый доказал, по крайней мере между Греками, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов в прямоугольном треугольнике. Наконец, он первый поместил солнце неподвижно в центре известного планетарного мира, истина, долгое время остававшаяся неизвестной, и доказательство которой в новейшие времена обессмертило имя Коперника.

гигиены и физического воспитания детей. Может быть, возможно было бы вывести из них ещё некоторые взгляды на то, каким образом правильнее направлять умственную деятельность [19], как угадывать время, в которое состояние органов дает ей больше силы и точности, каким образом сохранять ее свежесть и не утомлять ее несвоевременным отправлением, когда состояние утомления требует для нее успокоения. Всякий человек может испытать на самом себе это чередующееся напряжение и ослабление в отправлениях мысли; но, было бы в высшей степени полезно открыть постоянную их периодичность, основанную на законах самой природы, периодичность, из которой можно было бы вывести правила, как следует поступать при некоторых частных случаях, вызываемых различными условиями климата, темперамента, возраста, одним словом, всеми обстоятельствами, в которых может очутиться человек [20]. Часть материалов для этого труда уже собрана: наблюдение могло бы легко доставить то, чего недостает, и тогда философия связала бы некоторые положения Пифагора и одно из драгоценнейших открытий древней физиологии с законами мышления, изучение которых, без сомнения, должно иметь в виду только облегчение и совершенствование самого мышления [21].

О Демокрите можно сказать то же самое, что и о Пифагоре. Подробности его учения похищены временем и нам известны только общие его взгляды и выводы. Но достаточно уже одних взглядов этих, чтобы оценить его гений и назначить ему должное место. Он первый осмелился начертить механическую систему мира на основании свойств материи и законов движения, систему, принятую и развитую впоследствии Эпикуром, который уже одним отстранением теогонических нелепостей указал своим последователям безошибочный путь к изысканию принципов нравственности в одних только свойствах человеческой природы и в отношениях людей между собой. Демокрит чувствовал, что мир следует изучать в нем самом, в несомненных явлениях, им представляемых. Он чувствовал, кроме того, что обыкновенный порядок явлений открывает нам далеко не все; что можно заставить природе произвести новые явления, которые пролили бы свет на связь их с известными уже нам явлениями или, так сказать, пригласить её показать последние с новой точки зрения, которая даст нам более точное о них понятие. Одним словом, он указал на опыт, как на новое средство для отыскания истины; из древних он один производил опыты, которым впоследствии новые народы обязаны были всеми своими успехами и славой.

---

[19] Я говорю здесь о чередующихся, периодических состояниях наибольшей деятельности и часто современной почти бездеятельности головного мозга, замечаемых у многих людей. Поскольку они находятся в зависимости от других симпатических органов и вытекают из явлений, подобных тем, которые бывают при болезненных кризисах, то является некоторая возможность управлять ими, при содействии физических и нравственных условий, быть может, даже вызывать их искусственно, чтобы мгновенно дать наибольшую силу умственным способностям, или же изменить их направлении.

[20] Предлагая новые основания для гигиены, Моро де ла Сарт, широко охвативший свой предмет, обратил особенное внимание на эту точку зрения: то, что известно публике, как о трудах, так и о его несомненном таланте, дает право предположить, что он далеко подвинет вперед эту важную область медицины.

[21] Следовало бы уметь в то же время указывать средства для остановки, изменения и направления этих отправлений, когда порядок их не находится в соответствии с нашими потребностями.

В то время, как соотечественники считали его помешанным, он занимался вскрытием животных. Для изучения отправлений мысли он считал необходимым исследование ее орудий. В сравнении человеческой организации с жизненными отправлениями и с нравственными явлениями он искал решения вопросов метафизики; на способностях и на потребностях человека он основывал его поведение и обязанности. Так как ему ещё было невозможно делать наблюдения над человеческими трупами, вскрытие которых считалось по общему предрассудку за ужасное святотатство, то он производил исследования над другими породами и по аналогии делал выводы, которые не мог получить из прямого источника. Он положил таким образом основание для работ, которые некоторое время спустя, при более счастливых обстоятельствах далеко были двинуты вперед Эрасистратом, Герофилом и Серапионом, работ, забытых, по-видимому, в продолжении многих столетий, пока наконец не были приданы им в новейшее время большее единство и лучший метод.

Гиппократ, призванный соотечественниками Демокрита вылечить последнего от сумасшествия, нашел его занятого вскрытием головного мозга животных, исследованием которого он силился разоблачить тайны физической чувствительности и открыть органы и причины, вырабатывающие мысль. Оба мудреца беседовали об общих законах вселенной и маленького мира (микрокосма), или человека, которым оба они одинаково занимались, хотя каждый с особенной точки зрения, наиболее относящейся к главному предмету своих исследований. Из этой беседы [22] Демокрит убедился, по-видимому, ещё крепче в тесной связи между физическим и нравственным состоянием человека; а врач, оставляя его, полагал, что не воображаемого больного, а его соотечественников следовало бы полечить от помешательства.

По нескольким общим взглядам, по некоторым частным выводам, предполагающим великую законченную систему, по характеру, многочисленности и славе учеников или последователей, можно заключить, что Пифагор и Демокрит были величайшие гении; но ещё раз, подробности их трудов и учений остались неизвестны, так что нельзя сказать, какие успехи сделала в их руках рациональная философия. В совершенно ином положении находимся мы относительно Гиппократа, ибо до нас дошла большая часть его сочинений. Так как врачебное искусство смешано и неразрывно соединено в них с философией, то нет никакой возможности, говоря об одной, отделить то, что принадлежит другому. Поэтому, я прошу позволения войти в некоторые подробности, которые, повторяю ещё раз, имеют самую тесную связь с медициной, но без которых, тем не менее, нет возможности дать понятие о философском методе этого великого человека [23].

[22] Переписка между Гиппократом и Демокритом явным образом подложная; но свидание их не подлежит сомнению и подтверждается свидетельством многих древних писателей.

[23] На моем знаменитом друге и собрате Туре, начальнике и профессоре Медицинской школы, лежит обязанность раскрыть учение Гиппократа и представить основания его философии, ее мудрую смелость и необыкновенную простоту.

Гиппократу предстояло привести в порядок не одни только свои наблюдения: он был семнадцатый врач в своем семействе; последовательно им были собраны, сведены и завещаны, как драгоценное наследство, факты, передававшиеся от отца к сыну, подмечавшиеся людьми, которые отличались особенной проницательностью, и которые не отклонялись от исследования природы ради книжного образования. Сверх того, Гиппократ путешествовал по всем странам, в которые проникла хоть какая-нибудь тень цивилизации: он списывал описания болезней, прибитые к колоннам храмов, посвященных Эскулапу и Аполлону; он воспользовался сделанными наблюдениями и счастливыми мыслями, высказанными самими врагами его семейства и учения, учителями школы в Книде, которые не умели читать в фактах, как он, но которые тем не менее имели случай собрать их великое множество почти по всем отраслям врачебного искусства.

Только перерыв всевозможные сборники и обогатив себя сведениями своих предшественников и современников, Гиппократ сам принялся за наблюдения. Никто никогда не имел лучших средств для успеха на этом поприще, потому что во все продолжение длинной жизни своей он постоянно и беспримерной славой занимался врачебным искусством. В своих *Эпидемиях* он разъясняет нам, как дух, управлявший его наблюдениями, так и способ, употребляемый им для общих выводов. В настоящую минуту я не рассматриваю этого сочинения с врачебной точки зрения; но оно представляет собой истинный образец метода, и этой своей стороной оно имеет прямое отношение к предмету нашего исследования.

Нетрудно заметить, до какой степени у Гиппократа способ работы и ее выполнение соответствовали сущности предмета и имевшейся в виду цели. В сочинении этом главная цель великого врача состояла в наблюдении болезней, господствовавших в городе или в стране; в определении их общих признаков и различий одной от другой; в исследовании причин их распространения и возвращения, зависящих от условий местности, от состояния атмосферы, от особенных перемен погоды. Он чувствовал, что всякий общий взгляд, не строго вытекающий из фактов, не более как пустая гипотеза: вследствие этого он всегда начинает с исследования фактов.

В больном человеке развивается ряд явлений: явления эти и составляют все, что явственно выражается и чувствуется в болезнях. Гиппократ употребляет все свое старание, чтобы обрисовать их, и достигает этого несколькими поразительными, неизгладимыми чертами, более говорящими, чем сама природа, потому что они соединяют и резко различают самые характерные признаки. Всякое описание составляет у него отдельную картину: пол, возраст, темперамент, условия жизни, занятия больного тщательно обозначаются в ней. Условия местности, её положение, её произведения, занятия жителей, температура, время года, предшествовавшие ему атмосферные изменения — таковы случайные обстоятельства, собираемые им при своих описаниях. Отсюда выводятся самые простые правила, по которым болезни разделяются на общие и частные: влияние

всех приведенных обстоятельства на развитие болезней определяемое наглядными сближениями и сравнениями, ведет к непосредственным и прямым выводам. Повторяю ещё раз: в его сочинениях медицина отождествлена с законами метода или с приложениями его, и разделить их невозможно. Слушателям моим впрочем хорошо известно, что в методе заключена в некотором смысле вся рациональная философия каждого века и каждого писателя.

Афористические книги Гиппократа представляют нам ещё более общие выводы. Чтобы считать их точными, необходимо, чтобы выводы эти согласовались не только с наблюдениями самого Гиппократа, но и с наблюдениями всех веков и стран: необходимо, чтобы все, как уже собранные факты, так и те, которые могут быть собраны, подтверждали бы их, или служили бы им, так сказать, объяснением. В них-то влил он свои бесчисленные материалы, привести в порядок которые и расположить по строгому плану мог только подобный ему ум: и легко заметить, что в этих сочинениях своих он видел наибольшее право на свое бессмертие. Но Гиппократ не довольствовался, ни врачебной практикой, ни сочинениями; он собрал учеников и преподавал им. Сила и величие гения выражаются наилучшим образом в книге, но превосходство ума, ясность и мудрость его, быть может, легче оценить в совершенстве преподавания. Чтобы учить других, недостаточно ещё быть самому весьма ученым, необходимо ещё хорошенько себе уяснить, как развиваются понятия, уловить законы, по которым они естественно связываются; тогда только можно узнать, в каком порядке они должны быть изложены, чтобы быть более понятными и оставить более глубокие следы: необходимо основательно изучить искусство передавать их, чтобы как можно более упростить и улучшить способ их изложения. По-видимому, уже Гиппократ был посвящен во все тайны аналитического метода. В его школе ученики были окружены предметами своих занятий: у кроватей больных они изучали болезни; исследуя, пробуя и приготовляя лекарства, наблюдая за различным действием их, получали они точные понятия, как о присущих им свойствах, так и о действии их на тело человеческое. Эти первые врачи имели немного случаев обогащать свою память чтением; в то время едва ли существовало несколько томов. Вместо этого, они обогащали себя сведениями, получаемыми непосредственными наблюдениями. Поэтому, они несравненно ближе осваивались с предметами своих исследований; они имели о них гораздо более точные понятия; и ум их, действуя самостоятельнее, был и сильнее, и деятельнее.

И вовсе не следует думать, что Гиппократ, подобно большей части талантливых людей, употреблял аналитические приемы бессознательно, увлекаемый только своей счастливой организацией. Внимательное чтение многих из его сочинений доказывает, что он глубоко размышлял о путях, которые должен избирать ум при своих исследованиях, и о порядке, который должен он начертить себе при их изложении. Упреки, посылаемые им против защитников книдских истин, представляют его человеком, которому также хорошо известно искусство

систематизировать истины, как искусство открывать их; он высказывается одинаково, как против преждевременных взглядов, делающих обобщения на недостаточных данных, так и против той умственной немощи, которая, не умея связывать отношений, вечно толчется на бесплодных частностях. Кто мог когда-нибудь лучше него приложить к различным отраслям своего искусства эти общие законы мышления, эту возвышенную метафизику, охватывающую разом и все искусства, и все науки (ибо она существовала уже для тех, кто умел пользоваться ею, хотя она и не имела ещё своего собственного названия)? Какой другой писатель из ограниченной сферы своих занятий чаще окидывал одним взглядом все законы вселенной и все способы, посредством которых можно заставить их служить нуждам человеческим, взглядом, сопоставляющим самые отдаленные предметы, и с высоты своей широко-охватывающим их? Наконец, по-видимому, не изобразил ли он по-своему всю историю мысли в следующих словах из Παραγγελιαι: «Правила для приложения следует выводить не из ряда предшествующих мыслей, как бы ни были они правдоподобны, но из разумно-направленного опыта. Рассуждение есть род памяти, собирающей и приводящей в порядок впечатления, полученные чувствами: ибо, прежде чем родится мысль, чувства уже испытали все, что должно образовать её; они доставляют и материалы для мысли» [24].

Выражение, так часто повторяемое новейшими аналитиками: ничего нет в мысли, чего бы прежде не было в чувстве, без сомнения, вполне заслужило свою известность: точность и краткость его замечательны не менее заключающейся в нем мысли и эпохи, в которую оно было создано. Но Аристотель делает вывод [25], между тем как Гиппократ рисует картину; и картина эта относится к ещё более отдаленной эпохе. Впрочем, мы не скажем, что один был творцом, а другой — подражателем. Аристотель был, без сомнения, одним из самых сильных и необыкновенных умов; нужно признать, что его метафизические построения отличаются совсем иным характером, чем системы его предшественников. Ему мы обязаны первым полным и правильным анализом мышления. Он имел в виду изобразить отправления мысли в некотором смысле механическими приемами: и если бы он дошел до объяснения источника выражения мысли (т.е. языка) [26], если бы он знал влияние последнего на образование самых мыслей, то его последователям, может быть, нечего было бы делать на этом поприще.

Увлекательность и глубокомыслие, с которыми он изложил правила для красноречия, для поэзии и вообще для изящных искусств, придали особенный вес его рациональной философии: он показал приложение ее к таким предметам, на которых всякому можно было видеть и чувствовать ее справедливость. Трудно было не заметить, что если художник производит то, что напрасно силился бы создать

[24] Автор этого мемуара приводит ту же выписку в сочинении, озаглавленном: *О степени надежности медицины.*
[25] К тому же, вывод этот, в приведенном выражении, не встречается в сочинениях Гиппократа.
[26] Впрочем, он не мог бы объяснить образование языка, не восходя к источнику понятий.

философ, то и мыслителю часто случается открывать в произведениях художника то, чего и не подозревал последний. *История животных*, перед прекрасными изображениями которой бледнеют образы самого Бюффона, раскрывает перед нами достоинства этого великого гения. Не может быть сомнения, что в изучении явлений физических Аристотель приобрел отличающую его трезвость взгляда и почерпнул в те основные положения животной жизни, на которых построил свою метафизику и теорию нравственности. Ни одна отрасль естественных наук не ускользнула от него; в особенности же анатомия и физиология, в том виде, в каком они существовали тогда, сосредоточивали на себе его внимание.

Эпикур воскресил философию Демокрита: он развил ее принципы, расширил ее взгляды, и в основу для нравственности принял физическую природу человека. К несчастью, ему встретилась необходимость в употреблении слова, которое могло быть принято в извращенном смысле; оно уронило его учение в глазах многих, более достойных уважения, чем просвещенных людей, и кончило тем, что исказило, как это учение, так и, может быть, даже отчасти и поведение многих из его последователей.

В истории развития человеческой мысли следует перескочить с Аристотеля на Бэкона. После нескольких ясных дней, в сущности, бывших только зарею для философии, греки погрязли в жалких хитросплетениях. Этому содействовал, несмотря на всю свою гениальность, Аристотель, а ещё больше Платон. Мечтания Платона, направленные в высшей степени к энтузиазму, были несравненно ближе к мрачному, невежественному фанатизму: вот почему первые назореи [27] немедленно слили свои верования с платонизмом, который тогда был распространен всюду. Перипатетики [28] требовали ума более образованного. Чтобы быть утонченным диалектиком, нужно иметь свой собственный ум, а для энтузиаста достаточно слушать и верить. Учение Аристотеля восстановлено было аравитянами, перенесшими его в Испанию вместе со своими книгами; из нее они распространились по всей остальной Европе. Все мудрое и полезное, что было у Аристотеля, исчезло у его толкователей. Имя его, правда, царило в школах, но его философия, искаженная туманностью, в которую он сам нередко преднамеренно заволакивал её, ошибками переписчиков, неизбежными искажениями первых переводчиков, нелепостями, вносимыми в нее всяким новым учителем, была неузнаваема; от нее оставались только утонченные подразделения и форма доказательств.

Среди мрака и невежества, господствовавших в школе, появление Бэкона открыло новые пути для человеческой мысли: он указал на новые средства заставить природу рассказать свои тайны; он нашел новые методы для развития, укрепления

[27] Секта евреев-христиан, основателем которой был Керинт, ученик Симона-волхва, тот самый, который играет такую роль в *Перегрине* Лукиана и Виланда.
[28] Перипатетики, последователи и лжетолкователи Аристотеля, родоначальники схоластической философии.

и направления мышления. Обширный ум его охватил все отрасли знания. Он изучил факты, служащие им основанием и собранные в течении многих столетий; он обогатил их сам великим множеством счастливых и совершенно новых опытов. Особенное внимание обратил он на животную физику. В небольшом сочинении, озаглавленном: *История жизни и смерти* можно встретить множество сделанных им самим наблюдений, а в большом его труде: *Об увеличении знаний* в нескольких главах, посвященных медицине, заключается, быть может, все, что сказано лучшего о ее преобразовании и усовершенствовании.

Более чувствительная организация доставила ему возможность делать более подробные наблюдения и чувствовать более непосредственным образом тесную зависимость между физической и нравственной природой человека. С неменьшей любовью занимался он искусством продолжать жизнь, сохранять здоровье, развивать в органах ту тонкую чувствительность, которая увеличивает количество впечатлений и поддерживать то равновесие между ними, которое управляет понятиями, как и усовершенствованием самих понятий этих нравственными способами, доставляемыми воспитанием и упражнением. В то самое время, как он указывает и приводит в порядок источники наших заблуждений и учит нас, каким образом следует переходить от частных явлений к общим выводам и прилагать эти выводы к новым явлениям, чтобы прийти к ещё более широким обобщениям: в то самое время, как он показывает, почему силлогистическая форма не может вести к истине, если употребляемые к ней слова не имеют точного, определенного значения, и в то же время, как он создает, по собственному выражению, *новое орудие* для умственных отправлений, он не перестает заниматься диетикой и медициной по отношению того влияния, какое болезни и здоровье, тот или другой род пищи, то или другое состояние органов могут оказывать на понятия и на страсти.

Заблуждения Декарта не дают нам права забыть бессмертные заслуги, оказанные им наукам и человеческой мысли. Он не всегда достигал цели, но нередко указывал верный путь. Всякому известно, что приложением алгебры к вычислению кривых он положил новые основания для геометрии: сочинения его чисто философского и нравственного содержания представляют множество вполне верных и глубоких взглядов. Известно также, что одно время он прилежно занимался вскрытием животных. Он полагал, что тайна мысли лежит в организации нервов и головного мозга; он решился даже обозначить, и разумеется, это была большая ошибка с его стороны, местопребывание для души, и был уверен, что только физиологические наблюдения могут объяснить законы, управляющие ею, и в этом он был совершенно прав. «Если порода человеческая может быть усовершенствована, — говорит он, — то средства для этого должно искать в медицине».

Гоббса можно считать учеником Бэкона, но размышлял он больше; ему неизвестны были многие отрасли наук, и он мог следить за своим учителем только по вопросам, касающимся теории мысли. Необыкновенно строгим методом мышления и

точностью языка, в чем не мог с ним сравниться ни один писатель, он уяснил и исправил, расширил даже и связал новыми отношениями идеи, заимствованные у Бэкона. Тем большее удивление несомненно вызывают в нас жалкие софизмы этого мыслителя относительно великих политических вопросов, софизмы, которыми мог увлечься этот сильный ум, снабженный таким совершенным орудием мысли и отправляющийся от таких незыблемых оснований: пример этой шаткости и беспорядочности, порождаемых в лучших умах влиянием великих общественных бедствий, не должны мы упускать из виду в настоящую минуту.

Таким образом, от Бэкона до Локка теория мысли сделала меньше успехов, чем сколько можно было ожидать. Локк принимает великое положение Аристотеля и Бэконовскую теорию силлогизма. Он восходит к истинному источнику понятий, и находит его в ощущениях; он восходит к истинному источнику заблуждений, и находит его в ложном употреблении слов. Следить внимательно за ощущениями, выражать ощущения строго определенными выражениями, связывать в естественный порядок результаты ощущений — в этом состоит, в нескольких словах, его искусство мыслить. Следует заметить, что Локк был врачом, и что изучение им физической природы человека предшествовало его открытиям в метафизике, в нравственности и в общественном устройстве. Между его последователями, поклонниками и учениками, сильнейшим умом, хотя и не столь просвещенным и даже способным к заблуждениям, обладал Карл Бонне, столько же замечательный натуралист, как и мыслитель. Он сделал многие непосредственные приложения анатомических открытий к физиологии; и если приложения эти не всегда были удачны, тем не менее он показал самым точным образом тесную связь между изучением устройства органов и изучением благородных отправлений, производимых ими.

Наконец, удивление к необыкновенно широкому и глубокому уму Гельвеция, к светлой мысли и совершенному методу Кондильяка нисколько не мешает нам заметить, что и тому, и другому не доставало физиологических сведений, которые бы придали особую цену их сочинениям. Если бы они были лучше знакомы с устройством животного тела, то первый не стал бы поддерживать теорию равенства людей по уму, а второй сознал бы, что душа, как он ее понимает, есть свойство, а не существо, и что если она и есть существо, то в таком случае ей не могут принадлежать многие из свойств, которые он приписал ей.

Вот краткий очерк истории рационального анализа. Из него уже весьма легко заметить теснейшую связь между развитием философских и нравственных наук и развитием физиологии, или науки о физической природе человека; связь эта проявляется ещё более в самой сущности явлений.

§ III — Физическая чувствительность есть крайний предел, к которому приводит изучение явлений жизни и основательное исследование действительной связи между ними: она представляет также и последний результат, или, как обыкновенно

выражаются, самый общий вывод, получаемый анализом умственных способностей и душевных побуждений. Таким образом, физическая и нравственная природа человека сливаются при своем источнике, или, говоря точнее, нравственная природа его есть та же физическая, рассматриваемая с известной, особенной точки зрения.

Для дальнейшего развития этого положения достаточно заметить, что жизнь есть ряд движений, вызываемых впечатлениями, полученными различными органами; что отправления души, или разума, тоже вытекают из движений, производимых головным органом, а движения последнего происходят, или от впечатлений, полученных и переданных в него чувствующими оконечностями нервов различных органов, или от впечатлений, возбужденных в этом органе, по-видимому, непосредственно действующими на него причинами.

Без чувствительности мы не могли бы составить себе понятия о существовании предметов вне нас, мы не могли бы отличить и нашего собственного существования, то есть, мы и не существовали бы. Но с той минуты, как мы чувствуем, мы существуем. А с тех пор, как сравнением ощущений, производимых одним и тем же предметом на различные наши органы или, вернее, сопротивлений, которые он оказывает нашим побуждениям, мы убедились, что причина этих ощущений лежит вне нас, мы уже составили себе понятие о том, что это не мы: это наш первый шаг при изучении природы. Если бы мы испытывали одно только ощущение, то и получили бы одно только понятие; а если бы с этим ощущением было соединено какое-нибудь побуждение, исполнение которого встретило бы сопротивление, то мы узнали бы, что существует что-то независимо от нас; мы ничего не могли бы узнать больше. Но так как ощущение наши различаются одно от другого, и сверх того, поскольку различным ощущениям, полученным в одном нашем органе, соответствуют, по неизменным законам, различные ощущения в другом, или во многих других, то мы убеждаемся, что между внешними причинам, по крайней мере, по отношению к нам, существует такое же различие, как между нашими ощущениями. Я говорю: по отношению к нам, ибо, поскольку наши понятия составляют только результат сравниваемых нами ощущений, то и полученные истины могут быть *только относительны*, в зависимости от общего свойства человеческой природы воспринимать впечатления; притязание узнать самую сущность вещей есть нелепость — очевидная при сколь-нибудь внимательном наблюдении. Скажем мимоходом, что из этого следует ещё, что для нас не существует других внешних причин, кроме тех, которые действуют на наши чувства, и что всякий предмет, к которому мы не можем приложить нашей способности чувствовать, не может подлежать и нашему исследованию.

Но впечатления, производимые в нас одним и теми же предметами, имеют не всегда одинаковую степень напряжения и не всегда одинаково продолжительны. Иногда они скользят, не останавливая на себе внимания; иногда же они неодолимо

овладевают нами и оставляют за собой глубокие следы. Люди, несомненно, отличаются друг от друга способностью чувствовать: возраст, пол, темперамент, болезни производят в них замечательные различия; в одном и том же человеке различные впечатления, смотря по своему свойству и по многим другим случайным обстоятельствам, весьма несходны, ни по силе своей, ни по живости. А если это так, то ясно, что некоторые понятия могут поочередно то вовсе отсутствовать, то становиться господствующими: что один человек может быть поражен, охвачен, подчинен такими впечатлениями, которые другой едва замечает, или даже вовсе не чувствует; что иногда образ предмета исчезает при малейшем дуновении, как фигуры, начертанные на месте, иногда же он настойчиво преследует с таким упорством, что присутствие его в памяти становится беспокойным и тягостным; что из этих, столь мало сходных у различных людей впечатлений должен вытекать для них совершенно различный образ мыслей и не одинаковое душевное состояние; и что сочетание, или сравнение в одном и том же человеке впечатлений, неравных при различных обстоятельствах, должно таким же образом порождать весьма изменчивые понятия, суждения, желания, которые нельзя обрисовать постоянными и неизменными чертами, ни, тем более, применить их ко всему роду человеческому.

Впечатлительность у людей бывает различна не только вследствие первоначальной их организации и условий возраста и пола, зависящих исключительно от природы, но она ещё могущественно видоизменяется климатом, влияние которого может быть нередко подчинено человеку; она изменяется также условиями жизни, свойством или порядком занятий, одним словом, совокупностью физических условий, которые часто могут быть разумно направлены; врачебное искусство, изучая болезни, исключительно изменяющие состояние чувствительности, и приискивая средства, приводящие ее в нормальный порядок, может доставить великое пособие для благодетельного действия на сам источник ощущений.

С этой точки зрения изучение физической природы человека особенно интересно; на нее следует обратить внимание и мыслителю, и моралисту, и законодателю; тут они могут не только пролить новый свет на человеческую природу, но и указать на разумные средства для ее усовершенствования. Неуклонно наблюдая за природой, древние скорее заметили соответствие между известными физическими состояниями и известным направлением ума или известными склонностями характера. Гален, в своей *Классификации темпераментов*, силился привести их к постоянным законам. Гиппократ представил первый очерк их в своем учении об элементах. В сочинении *о водах, воздухе и местности* он исследовал влияние этих трех соединенных причин на природу людей и на народные обычаи; сделал он это столько же с философской точки зрения, сколько и с врачебной. Люди последующего времени, занимавшиеся этим вопросом, ограничивались тем, чем повторяли то, что было сказано этими двумя великими учеными. То, что сказано ими нового относительно нравственного взгляда на диетику, носит на себе

отпечаток скорее предположений, чем мудрой наблюдательности. Тем не менее, остается несомненным, что древние указали нам настоящий путь, и если они не избегли на нем ошибок и заблуждений, то это произошло вследствие того, что они не имели в своем распоряжении необходимых фактов. Для примера проследим, как они описывают темпераменты.

§ IV — Древние заметили, сказал я, что известным внешним признакам, то есть, известной *физиономии*, росту, телосложению, *цвету кожи*, свойствам тела, состоянию кровеносных сосудов, соответствуют с некоторым постоянством известное направление ума или некоторые особенные страсти. Я ограничиваюсь только главными чертами, так как более подробно я буду говорить об этом предмете в другом месте, и при соображениях, которые кажутся мне более справедливыми. В следующем очерке описание 1) физического состояния, 2) характера мыслей и 3) склонностей и стремлений будут идти рядом и относиться друг ко другу по некоторым постоянным законам. Учение о темпераментах тесно связано на этом основании со всеми физиологическими исследованиями.

Таким образом, древние заметили, что люди среднего роста и полноты, с правильным телосложением, со светлым, румяным лицом, с живыми глазами, с каштановыми волосами, с мягкой и гибкой кожей, с легким, струящимся пульсом, с движениями свободными, проворными и точными, без резкого оттенка, обладают и во внутренних умственных отправлениях той же легкостью и свободой, что склонности их, такие же светлые и милые, как их физиономия, и делают из них людей веселых и приятных. Постоянно открытые для возбуждения нервы этих людей принимают впечатления легко и быстро; но сама эта быстрота и необыкновенная легкость, с которой сообщаются между собой все части нервной системы, служит причиной, почему возбуждения также легко исчезают в них, как и зарождаются. Физические побуждения их пользуются, стало быть, слабой степенью постоянства; не большей настойчивостью отличаются и ощущения, от которых они зависят. По той же причине и болезни в них запечатлены тем же изменчивым характером; образуются и обнаруживаются они разом; оканчиваются они быстро. Их нравственные болезни, страсти, печали имеют не более глубокие корни. Страсти их живы, внезапны, иногда стремительны даже, но они скоро успокаиваются и потухают. Печаль, к которой они очень чувствительны, вследствие стремления к удовольствию и к счастью, и которой поэтому они тщательно избегают, легко овладевает их подвижной душой, но следы ее остаются ненадолго. Можно рассчитывать на всегдашнее расположение с их стороны, но не следует требовать от них последовательных и постоянных поступков образа действий, который не отклонялся бы случайными удовольствиями, или встреченными препятствиями. Они склонны к занятиям, требующим воображения, особенно если в основе их лежат приятные ощущения, и такой степени внимательности, которая бы ещё увеличивала удовольствие. Но им недоступно то, что требует сильного и

напряженного размышления, больших усилий и настойчивости: они решительно неспособны к ним.

Другие люди, с физиономией ещё более смелой и выразительной, с блестящим взглядом, с лицом сухим и часто желтым, с черными как смола, часто кучерявыми волосами, с телосложением коренастым, но без полноты, с сильными, но с виду кажущимися сухими мускулами; вообще же, с худым телом и сильно развитыми костями, с могучим, порывистым и резким пульсом, выказывают большую умственную силу, получают и сравнивают с необыкновенной быстротой множество различных впечатлений и увлекаются постоянно потоком своего воображения или своих страстей. Великие таланты, великие создания, великие заблуждения, великие ошибки, иногда великие преступления составляют удел этих великих или опасных людей. Они желают всем овладеть силой, энергией, стремительностью, но воображение, беспрерывно переносящие их от одного предмета к другому, от одного плана другому плану, редко позволяет им привести в исполнение, терпеливо и до подробностей, то, что они охватили смелой мыслью. Они могут выказать и настойчивость, но она проявляется у них только тогда, когда дело идет о преодолении больших и могучих препятствий. Не менее подвижные, как и предыдущие, они кажутся ещё более им непостоянными: резкие перемены в них имеют в себе действительно что-то ещё более поразительное; и так как вся жизнь их есть непрерывающееся страстное состояние, поэтому то, что сегодня возбуждает в них отвращение, ещё вчера принималось ими с восторгом. Обыкновенно они любят поесть и склонны ко всем излишествам. Болезни их запечатлены характером необыкновенной напряженности, почти все они относятся к классу острых, внезапно меняют свое выражение и кончаются, или быстро наступающей смертью, или таким же переломом.

Напротив того, есть люди с телосложением слабым и вялым, с лицом спокойным и ничего не выражающим, с волосами прямыми и сухими, с тусклым взглядом, со слабыми, хотя и объемистыми мускулами, с движениями медленными и спокойными, со слабым, тихим, едва заметным и исчезающим под пальцами пульсом, люди, одаренные физическим устройством, совершенно противоположным тому, которое описано нами выше. Ощущения их не живы и не глубоки; мысли их не многочисленны и не быстры, и вследствие этого довольно точны; склонности их тихи, кротки и неэнергичны. Бдят они мало, имеют медленное пищеварение, спят много и ищут только покоя. Болезни у них простудные и мокротные; природа производит в них неполные усилия и в них не встречается настоящих критических переломов. Тем же духом запечатлен и образ жизни этих людей. Занятия, требующие деятельности, смелости, быстроты, больших усилий, пугают их и возбуждают отвращение: им нравится, и они успешно берутся только за такие, которые можно вести на досуге и спокойно, и которые требуют главным образом внимания и терпения. Нравственные их свойства соответствуют их физической организации, привычкам и непосредственным

побуждениям. Они одарены рассудительным умом, прочным характером, сдержанным поведением, вкусами и убеждениями, легко подчиняющимся чужой воле. Одним словом, их понятия и чувства, добродетели и пороки запечатлены характером посредственности, который, несмотря на присущую им беспечность, делает этих людей весьма способными к практическим требованиям жизни: так что, не делая особых усилий для привлечения к себе людей, они естественным образом скоро становятся их руководителями и советниками, и нередко кончают тем, что управляют ими с такой властью, на которую дают право более блистательные и сильные качества, но которую последним почти никогда не случается сохранить надолго.

Есть, наконец, люди, по-видимому, вовсе несходные ни по внешнему виду, ни по внутренним свойствам с теми бросающимися в глаза чертами, которые мы обозначили. Внешний вид у них печальный, лицо бледное, впалые глаза полны грусти, волосы прямые и черные, росту они высокого, телосложения худощавого с длинными конечностями. У них кроткий, редкий, но резкий пульс; они подвержены упорным болезням с трудными переломами после продолжительных колебаний в ту и другую сторону. Все движения их запечатлены медленностью и осторожностью. Ходят они согнувшись и делают небольшие шаги, как будто тщательно изучая их; во взгляде их видно какое-то беспокойство и робость. Они избегают людей, присутствие которых действует на них неприятно: они ищут уединения, которое облегчает их от тягостных впечатлений. Тем не менее, физиономия их носит на себе следы располагающей в их пользу чувствительности и во всем существе их есть что-то очаровывающее и чему, быть может, придает ещё большую силу вызываемое ими чувство какого-то сострадания.

Люди эти, вид которых выражает слабость, одарены замечательной крепостью тела; они переносят самые тяжкие и продолжительные занятия; они прилагают к ним беспримерное терпение и настойчивость. Ощущения их вообще не многочисленны и не быстры, но отличаются такой глубиной и устойчивостью, что они не могут освободиться от них, и вот почему ощущения эти становятся смутны и беспокойны, как только они нахлынут разом, или сделаются более многочисленны; вот почему люди эти ищут уединения, чтобы в спокойствие заняться ими и поразмыслить о них на свободе; отсюда же вытекает отличающая их необыкновенная сила памяти.

Понятия их составляют результат размышления и носят на себе его отпечаток. Они рассматривают предмет со всех возможных сторон и кончают тем, что находят либо новые факты, либо новые отношения между ними; но последние нередко бывают у них химерические: между этими-то людьми встречаются чаще всего самые замечательные мечтатели, и так как размышляют они всегда добросовестно, то им необыкновенно трудно отказаться от своих заблуждений. Язык их полон силы и воображения — это язык людей убеждения; они вносят в него часто новые формы и оригинальные выражения. Они бывают способны весьма ко многому, но только не

к тому, что требует быстроты соображения и решительности; сверх того, они бывают проникнуты полным недоверием к самим себе, которое вредит не только их успеху в обществе, но действует пагубно на качество и особенно на полезность их работы.

Что касается до их страстей, то они отличаются необыкновенной, так сказать, вечной продолжительностью, которая, с одной стороны, влечет к ним, а с другой делает их весьма опасными. Неизменные друзья, они становятся беспощадными врагами. Свойственная им робость делает их подозрительными, недоверие к самим себе — ревнивыми. Расположение к тому и другому необыкновенно усиливается в них воображением, упрямо удерживающим и неустанно рассматривающим со всех сторон самые ничтожные, по-видимому, впечатления, воображением, для которого самые пустые явления суть события. Если же размышление приводящее в порядок и слагающее убеждения, даст должное направление их чувствительности и не сделает их лучшими и более нравственными, то нередко они становятся опасными, тем более, что природа дала им велике средства для влияния на людей в той упрямой настойчивости, с которой они одолевают препятствия, сломить которые силой — невозможно.

Древние, созерцательный ум которых старался привести в систему все знания, полагали, что в человеческом теле существует четыре первоначальных жидкости, из смешения которых происходят все остальные, и преобладанию каждой из них соответствует особенное состояние и особенные свойства различных органов. Они связывали каждый из главных темпераментов с одной из этих жидкостей. Им казалось также, что существует поразительная аналогия между четырьмя жидкостями и четырьмя временами года, а следовательно, между последними и темпераментом. Они утверждали, наконец, что некоторые темпераменты, то чаще, то реже встречаются в некоторых климатах; и, для большей полноты и блеска своей системы, они полагали, что в том же порядке могут быть расположены и возрасты, каждый — рядом с соответствующей ему жидкостью или темпераментом; вследствие чего, каждый человек будто бы проходит последовательно через различные физические состояния в то самое время, как проходит через известные периоды жизни [29].

Вот в нескольких словах их учение об этом предмете. Легко увидеть, что оно требует множества объяснений и исправлений: они сами это чувствовали. Они не имели претензии начертить типы, которые были бы вполне и всегда согласны с ежедневными наблюдениями. В природе темпераменты смешиваются и смягчаются самыми многообразными способами. Нет почти никакой возможности встретить чистый темперамент. Это было замечено и ясно высказано древними;

[29] Смотри о темпераментах у Галлера, Куллена и у двух известных наших профессоров, Пинеля и Галле; а также в *Физиологии* Ришерана, молодого врача, подающего большие надежды и уже ставшего во врачебном искусстве рядом с первыми знаменитостями.

они обрисовали даже главные темпераменты, порождаемые смешением всех. Они называли умеренным темпераментом преимущественно такой, который происходит от смешения всех четырех в равной степени. Это — лучший из всех: ничто в нем не преобладает, но и он есть отвлеченный тип, тоже не встречающийся в природе. Прочие умеренные темпераменты, встречающиеся в действительности, тем ближе к совершенству, чем более подходят к этому отвлеченному типу. Самые мудрые и самые превосходные люди принадлежат к этому великому отделу. Но должно сознаться, что, оставив обобщения, древние вступили тут в область мечтаний.

§ V — Ученые новейшего времени кое-что прибавили к этому учению и исправили его от ложных взглядов; они заметили, что его можно построить на более прочных основаниях, более соответствующих настоящему состоянию знания. Я позволю себе привести несколько соображений по этому поводу; они необходимы для дальнейшего развития занимающего нас вопроса.

Прежде всего, замечено было, что это разделение первоначальных темпераментов на четыре типа совершенно произвольно, что могут существовать и действительно существуют другие темпераменты. Например, люди с крепким, мускулистым телосложением, у которых чувствительные и двигательные силы находятся в совершенном равновесии и у которых не преобладает ни одно физическое отправление, не могут быть отнесены почти ни к одному из типов древней классификации темпераментов, и по всей справедливости должны образовать отдельный класс. Галлер первый сделал это замечание, и оно вполне основательно.

Во-вторых, подвергнуто было сомнению преобладание некоторых жидкостей при различном телосложении: мало того, стали отрицать существование одной из этих жидкостей, источник которой никогда не был открыт анатомически и которая, являлась только при болезненном состоянии, представляла, по-видимому, скорее результат разложения, чем нормальный продукт живого организма.

В-третьих, исследуя болезненные явления и свойственные каждому возрасту склонности, ясно увидели, что вовсе не в присутствии или в отсутствии той или другой жидкости, вовсе не в преобладании одной над другой или в подчинении следует искать причины этих различных явлений и их последовательности. Но относительное количество жидкостей и твердых тел не однообразно в детском и зрелом возрасте, в зрелом возрасте и в старости; и, так как то же различие встречается в различных темпераментах, то естественного полагать, что главную роль в них играет это обстоятельство.

Сверх того, нетрудно было заметить, что в каждом возрасте жидкости принимают известное направление, что склонность к движению замечается исключительно то в том, то в другом органе; что органы не только не развиваются одновременно, но что и при равном даже развитии, они последовательно становятся

самостоятельными средоточиями чувствительности, новым источником прямой и отраженной деятельности; и что явления, сопровождающие и характеризующие чередующие перемещения чувствительных сил, совершаются в порядке, вполне соответствующем порядку мыслей, чувствований и побуждений, одним словом, состоянию умственных и нравственных способностей.

Соображения эти должны были непосредственно привести к другому взгляду на темпераменты, который до тех пор едва только подозревался. Некоторыми наблюдателями было замечено, что различные системы органов одарены неодинаковой степенью силы или влияния у различных людей: у каждого человека есть свой сильный и свой слабый орган. У одних все привлекает к себе мускульная система, у других главную роль играет мозговая и нервная система, то есть, отношения между чувствительными и двигательными силами изменяются. От этого проистекают заметные различия собственно в физической организации; от этого же происходят соответствующие перемены и в нравственном состоянии. Ученые врачи, сделавшие это замечание, не замедлили приложить его к врачебному искусству; но они не оставили вовсе в стороне и выводов, которые могли сделать из него рациональная и нравственная философия. Циммерман подробно рассмотрел этот предмет в своем сочинении «Von der Erfahrung in Arzney-kunst» (*об опыте во врачебной науке*). Он показал, что изучение этой относительной силы или слабости органов в высшей степени важно при определении способа лечения, и предложил правила для распознавания ее в заметных и несомненных признаках, или в явлениях, самих собой представляющихся при наблюдении.

В отдельных заметках, записанных мной за Дюбреем (прим. имеется в виду врач Jean-Baptiste-Léon Dubreuil) при посещении его больных, я нашел одно место, которое, кажется мне, имеет самое тесное отношение с предметом нашего исследования. Вот что говорит Дюбрей:

> *Врачу недостаточно ещё этой верности взгляда, этой холодной проницательности, которая из совокупности данных умеет делать точные выводы: ему необходим ещё род какого-то инстинкта, отгадывающего в больном способ его поражения. Я говорю не только о степени чувствительности, раздражимости, подвижности пациента, о степени, которая определяет выбор и количество лекарства, но и о различных средоточиях чувствительности, о различных отношениях между органами, наблюдаемыми в том или в другом больном.*
>
> *Из трех стоящих передо мной больных, с впечатлительными нервами, с широко-развитыми умственными и нравственными способностями, один, например, обладает глубокой чувствительностью, серьезным характером, рассудительным умом, порядочным поведением; обыкновенно он относит все свои страдания к грудобрюшной преграде и к грудной полости.*

В другом больном, отличающимся живостью, мысли быстро следуют одна за другой, желания его стремительны, поведение переменчиво, и каждый день он строит новые планы; он жалуется, что при всех болезнях его поражается прежде всего голова, к которой сильно притекает кровь.

Третий, грустный и печальный, настойчивой в своих чувствах, со странными вкусами, любит уединение; у него завалы под ребрами, они переполнены, растянуты, раздуты; он чувствует боль в них, пищеварение совершается у него дурно, его беспокоят ветры; он только и занят, что своими страданиями.

Не следует удивляться, что я говорю здесь только о людях с хорошо развитой нравственной природой: в них особенно легко различить неодинаковые степени и различные средоточия чувствительности.

Затем, следуют в заметке особенные соображения о лечении одной и той же острой лихорадки у трех означенных субъектов, и так как они относятся собственно к медицине, то я и не считаю нужным приводить их. Вот что думал человек, в котором редкое знание врачебного искусства освещалось светом высокой философии и самым точным наблюдением, дорогой во всех отношениях человек, неожиданно отнятый в половине своей жизни у науки, друзей своих и человечества; к сожалению, обширная практика отнимала у него все время, и он ничего не написал, так что слава его заключается только в воспоминании знавших его людей и в благодарности больных, обязанных своей жизнью его искусству.

Так эти мысли, говорю я, а также идеи Циммермана, должны были непосредственно привести к новым взглядам, которые, по-видимому, были отчасти известны Бордо: а именно, что различие темпераментов зависит в особенности от различных средоточий чувствительности, от силы ее и слабости, и от симпатических сообщений между различными органами. Легко понять, что я могу здесь только указать на этот важный взгляд, связанный с основными законами животного тела и, стало быть, составляющий важный отдел науки о человеке; понятно также, что он должен быть развит более подробно в другом месте [30].

До сих пор мы говорили только о здоровом физическом состоянии. Но болезни производят в нем большие перемены, и влияние их немедленно замечается в образе и ходе мыслей, в характере и в различных душевных движениях. Когда влияние это слабо, то его замечают, должно сказать, только самые внимательные наблюдатели; впрочем, и тогда влияние это тем не менее действительно. Но как только оно усиливается, то обнаруживается расстройством, бросающимся в глаза каждому: это уже то, что называется *бредом*. Если расстройство будет ещё сильнее, то оно производит *манию*, полное помешательство, будет ли оно спокойно или неистово. Тут нравственные явления могут быть легко подвергнуты

[30] В другом Мемуаре я возвращусь к темпераментам и к их нравственному влиянию.

систематическому наблюдению, и соответствующие им органические состояния необходимо имеют также менее скоротечный характер. Теория бреда и помешательства и сравнение всех, охваченных этой теорией фактов должны, стало быть, пролить большой свет на отношения между физическим и нравственным состоянием человека и на само образование мыслей и душевных движений.

§ VI — Чтобы исследования были тут полезны, следовало прежде всего узнать, какие органы принадлежат чувствительности; одни ли они бывают поражены при повреждении умственных способностей, или они повреждены вместе с другими, но только особенным образом. Непосредственные опыты, о которых нет необходимости рассказывать тут, доказали, что головной мозг, продолговатый, хребтовый и нервы суть истинные, или по крайней мере главные органы чувства. Нервы, смешанные при своем источнике и состоящие из того же вещества, что и головной мозг, собираются в пучки тотчас по выходу из черепа и из позвонков: толстые стволы заключают в себе под общей оболочкой тонкие стволы, содержащие, в свою очередь, новые разветвления, и так далее, так что не могли ещё найти нерва, как бы он ни был тонок на взгляд, под оболочкой которого не заключалось бы ещё великое множество более мелких. Все эти бесчисленные нервные нити распределены по различным частям тела, так что каждая чувствующая точка имеет свой собственный нерв и соединена посредством него с мозговым средоточием.

Другие опыты доказали, что ощущение, или по крайней мере сознание о нем, происходит не в оконечности нерва и не в органе, на который подействовала причина, вызвавшая его, а в средоточии, служащем источником для всех нервов, в которое приходят все впечатления. Во многих случаях заметили даже, что движения, происходящие в одной части, зависят от впечатлений, полученных другой, нервы которой не имеют иного сообщения с нервами первой, как посредством головного мозга. Но известно также, что всякое правильное движение предполагает нервное влияние на производящий его мускул, а это влияние состоит в свободном сообщении нервов с общим источником их происхождения. Таким образом, несомненно, что первые действительно суть органы чувствительности и что мы сознаем ощущение в головном мозге, в продолговатом, а вероятно также и в хребтовом.

Утвердив эти положение, нужно было ещё исследовать, не находятся ли в каком-либо особенном состоянии мозговая система и нервы при временном или хроническом бреде; остаются ли эти состояния постоянно неизменными, или в них происходят перемены, как в различных явлениях бреда; наконец, нет ли возможности связать перемены в состоянии нервной системы с явлениями бреда, точно различить их друг от друга и разделить на классы.

Прежде всего, часто было замечено, что ни головной мозг, ни нервы не представляли никакого следа изменений и что если и замечались в них какие-либо

перемены, то они случались и при других болезнях, не всегда сопровождавшихся расстройством сознания. Когда и это было доказано, наблюдение и изыскания обращены были в другую сторону: тщательно исследованы были органы в грудной полости, но они ничего не разъяснили. Совсем иное представило исследование брюшных внутренностей. Сравнение результатов, доставленных великим множеством вскрытий, показало, что повреждения их часто сопровождаются изменениями в нравственных способностях. Другими сравнениями этого органического состояния с кризисами, посредством которых природа или искусство излечивали иногда безумие, убедились в зависимости последнего от состояния брюшных внутренностей. Из этого вытекает весьма важное следствие, а именно: поскольку повреждение внутренностей оказывает непосредственное влияние на беспорядок в мыслях, то последние принимают, стало быть, участие, и содействие их необходимо при естественном образовании мыслей и в нормальном состоянии. Вывод этого подтверждается ещё, и даже приобретает более широкое значение, исследованием полов, при котором в определенные эпохи замечается, что развитие известных органов вызывает внезапную и общую перемену в понятиях и в склонностях субъекта.

Возвращаясь неоднократно к вскрытию людей, умерших в состоянии безумия, точные анатомы настойчиво продолжали исследование их головного мозга, и наконец пришли к некоторым довольно общим и постоянным выводам относительно различных его состояний. Они нашли, например, что мозг у идиотов необыкновенно мягок, что он чрезвычайно крепок у бешенных, что плотность его весьма неравномерна, то есть, он сух и тверд в одном месте, влажен и мягок в другом у субъектов, пораженных менее неистовым помешательством [31]. Легко заметить, что в первом случае мозговой системе недостает необходимой крепости, чтобы отправления ее происходили с достаточной энергией; во втором случае — крепость, а стало быть, и деятельность должны быть чрезмерны; наконец, в третьем случае, отсутствует согласие между впечатлениями, потому что получающие их части находятся в весьма несходных состояниях, а вследствие этого, сравнения, делаемые на ложных основаниях, вызывают и необходимо ложные суждения. Основываясь на наблюдениях Морганьи, можно думать, что даже у людей, одержимых бешенством, эта неравномерная плотность мозговой мягкости встречается довольно часто, и что она составляет постоянно органическое условие безумия, того по крайней мере, которое непосредственно зависит от повреждений нервной системы. Воспаление мозговых оболочек и извилин, по-видимому, относится к таким же повреждениям, потому что всякое воспаление влечет, или предполагает, возвышение энергии и жизненной деятельности в артериальной

[31] Должно сознаться, что это замечание прилагается далеко не ко всем случаям помешательства. Пинель часто не находил ничего подобного; но факты, собранные Морганьи и некоторыми другими, не должны подлежать сомнению, и с должной осторожностью можно вывести из них несколько заключений.

системе и соответствующее ему понижение деятельности в прочих общих системах.

Наблюдения эти проливают большой свет на теорию сна; они разъясняют отчасти смутное состояние, которым он обыкновенно начинается, и видения, часто его сопровождающие; и обратно, они получают новую силу из разъяснения последних, относящихся к тому же порядку явлений. Многие другие особенности, относительно влияния болезней на характер мыслей и страстей, заслуживают не меньшее внимание мыслителя: таковы, например, нравственные побуждения, сопровождающие припадки ипохондрии и меланхолии, странные стремления, возбуждаемые ядом, или развивающимся вследствие водобоязни, и проч.

Исследование ипохондрических поражений никогда не производилось в этом направлении; но как бы мало ни были известны нам особенности, представляемые этими болезнями, легко понять, что ничто не обнаруживает до такой степени физическое происхождение мысли. Что касается до бешенства (водобоязни), то в настоящую минуту я ограничусь замечанием Листера, утверждающего, что он нередко встречал людей, укушенных бешеной собакой, которые, в некотором смысле, принимали привычки этого животного, бегали на четвереньках, лаяли и прятались под скамьи и постели. Замечание это сделано было гораздо раньше Листера, но он подтвердил его своим собственным исследованием и свидетельством многих превосходных наблюдателей. Мы имели весьма печальный случай проверить его в моем отделении больных. Шестьдесят человек было укушено волком, собаками, коровами, свиньями, укушенными в свою очередь взбесившимся волком. Большее число из них подражали, во время припадков болезни, крикам и повадкам укусившего их животного и выказывали во многих отношениях его склонности [32].

Сделаем заключение. Итак, не может подлежать сомнению, что изучение человеческой организации и видоизменений, вносимых темпераментом, возрастом, полом, климатом, болезнями в его физическое расположение, проливает необыкновенный свет на образование мыслей; что без этого изучения невозможно составить себе вполне верных понятий о том, каким образом действуют орудия мысли при ее происхождении, каким образом развиваются желания и страсти; наконец, что оно необходимо для разъяснения множества предрассудков по этому вопросу, столько же нелепых, сколько и опасных. Но недостаточно ещё того, чтобы физическая природа доставила основания для рациональной философии; необходимо ещё, чтобы она доставила основания и для нравственности: *здравый ум не может искать их нигде больше.*

[32] Случай этот изложен в прекрасном Мемуаре гражданина Ребьера старшего, искусного практического врача Бривской общины, в настоящее время помощника префекта округа. Я должен прибавить, что брат его, замечательный хирург той же общины, принял участие в лечении укушенных людей, и, не оставляя больных, не прекращал своих наблюдений, которые и приведены в вышеупомянутом Мемуаре.

Законы нравственности вытекают из взаимных и неизбежных отношений людей, живущих в обществе, а отношения эти — из их потребностей. Не удаляясь даже от общепринятых понятий, можно разделить человеческие потребности на два отдела: физические и нравственные. Никто не сомневается, что физические потребности непосредственно зависят от нашей организации; но не в одинаковой ли степени, хотя и менее прямым и заметным образом, зависят от них и наши нравственные потребности?

Уже вследствие того, что человек одарен способностью чувствовать, он пользуется также способностью распознавать и сравнивать свои ощущения. Ощущения можно распознавать только при помощи изображающих и характеризующих их знаков; сравнивают их тоже только при помощи знаков, изображающих и характеризирующих их сходства и различия. Вот что заставило сказать Кондильяка, что мыслить без помощи языка невозможно, и что язык есть аналитический метод; но в этом случае слову *язык* следует придать самое обширное значение. Чтобы положение Кондильяка была вполне справедливо, под этим словом должно разуметь стройную систему знаков, посредством которых мы сознаем свои собственные ощущения. Ребенок, прежде чем услышать язык своих родителей, или выучится употреблять его, без сомнения имеет уже собственные свои знаки, которые служат ему для выражения предмета своих потребностей, удовольствий и страданий; у него есть свой собственный язык. Можно думать, не употребляя ни одного из известных языков, и, разумеется, для мысли существует своя азбука, как и для письма.

Но без знаков, повторяю, не существует ни мысли, ни, может быть, говоря точно, настоящего ощущения, то есть, ощущения, строго распознаваемого и отличаемого от всех других ощущений [33]. Я сказал, что мы употребляем знаки для сознания ощущений и мыслей. Они вызывают и, стало быть, напоминают их: на этом и основан механизм памяти, сила и точность которой всегда зависят от внимательности нашей к ощущению, от устраиваемого нами порядка в способе отдавать себе отчет в отправлениях наших чувств и в последовательности сравнений и суждений, называемых отправлениями разума.

Итак, знаки напоминают ощущения, они заставляют человека *чувствовать* снова. Между ними есть такие, которые остаются, так сказать, скрытыми внутри его и

[33] Чтобы распознать ощущение, необходимо сравнить его с другим, отличным от него ощущением: следовательно, ощущение между ними не может быть выражено в нашем уме иначе, как искусственным языком, ибо это не непосредственное ощущение. Из этого вовсе не следует, что знаки предшествуют мыслям; материалы для мысли, напротив того, необходимо существуют прежде знаков; но чтобы стать мыслями, необходимо, чтобы ощущения или, вернее, отношения между нами, облеклись в знаки. Ясно, что я придаю слову *знак* более широкий смысл, чем какой придавался его до сих пор мыслителями. Впрочем, это только вопрос о словах. Сознанное ощущение есть ли *мысль*? Тогда ясно, что *мысль* предшествует всякому *знаку*. Но если считать мыслью только сознание отношений между ними или несколькими ощущениями, то такое суждение, сознается только посредством *искусственного знака*. При таком взгляде без *знаков* не может быть *мыслей*.

принадлежат только ему одному. Другие обнаруживаются, и служат ему для сообщения с внешним миром. Между последними те, которые принадлежат всякой живой твари, например, выражающие удовольствие и страдание, замечаются в чертах лица, в движениях, в различных звуках, заставляют нас чувствовать вместе с ними, *сочувствовать* их радостям и страданиям, если только другие, более сильные ощущения не привлекут к себе нашего внимания. Если в нас есть способность разделять душевные движения всех животных пород, то тем сильнее сочувствуем мы подобным нам существам, чувствительная организация которых так похожа на нашу, движения которых, голос, взгляд, внешний вид так отчетливо напоминают нам то, что мы сами испытали. Я говорю прежде всего о внешних знаках, потому что они первые — общие знаки для всей человеческой породы, они — настоящий всемирный язык; прежде изучения какого бы то ни было разговорного языка они влекут ребенка к ребенку, они заставляют его улыбаться тому, кто ему улыбается, они понуждают его разделять первые душевные побуждения, о которых только он успел уже составить себе понятие. По мере того, как расширяются средства сообщения нашего с внешним миром, способность эта все больше и больше развивается, образуется настоящий язык, и скоро мы почти настолько же существуем в других, насколько в самих себе.

Таковы в нескольких словах происхождение и природа способности, играющей такую важную роль в нравственной жизни человека, что многие мыслители ставили ее в зависимость от шестого чувства. Они дали ему название *симпатии*, *сочувствия*, которое в самом деле прекрасно выражает вызываемые им и характеризующие его явления. Способность эта, не будем сомневаться, есть главная пружина общественности: она умеряет холодность и жесткость непосредственных физических потребностей; она препятствует тому, чтобы потребности эти, которые, при разумном направлении, несомненно сближают людей, не действовали бы в обратном смысле и не разъединяли бы их; она доставляет нам самые чистые и сладостные ощущения; наконец; так как из нее одной проистекает способность подражания, от которой только и зависит человеческое усовершенствование, то внимательное изучение ее образования и развития доставляет основания, равно плодотворные, как для рациональной философии, так и для нравственности.

§ VII — Прилагая к природе ее собственные законы, наше искусство, которое есть не более как система правил для этого приложения, могущественно видоизменяет явления, вызываемые естественным порядком вещей: оно может даже вызвать иногда совершенно новые явления, в которых законы природы подчиняются, по-видимому, потребностям, страстям и желаниям человека. Если первое изучение наше обращено на снаряды, непосредственно полученные нами от природы, то второе должно иметь своим предметом средства, которые могут видоизменять, исправлять, совершенствовать эти снаряды. Недостаточно ещё, чтобы работник знал инструменты, необходимые для его ремесла, ему равно необходимо узнавать,

как новые, которые могут расширить и улучшить его производство, так и более плодотворные способы их употребления.

Природа создает человека с определенными органами и способностями; искусство может приращивать эти способности, изменять или направлять их употребление, создавать в некотором смысле *новые органы*. Это и составляет предмет воспитания, которое состоит, собственно говоря, в искусстве пользоваться впечатлениями и побуждениями. Воспитание разделяется естественным образом на два отдела: на воспитание, действующее непосредственно на физическую природу человека, и на воспитание, исключительно обращенное на нравственные побуждения. Мы будем говорить здесь только о первом.

Известно, что хорошее физическое воспитание укрепляет тело, излечивает многие болезни, доставляет органам большую ловкость при исполнении движений, вызываемых нашими потребностями. Результатом этого является большее могущество и обширность умственных способностей, большее равновесие в ощущениях; это же влечет за собой более верные понятия, более возвышенные страсти, укрепляющиеся постоянно повторяющимся чувством и правильным употреблением более развитой силы. В физическом воспитании играют весьма важную роль условия жизни, и не только по отношению к детскому возрасту, а и по отношению ко всем эпохам нашей жизни, подобно тому, как под именем нравственного воспитания следует таким же образом разуметь совокупность средств, действующих как на ум, так и на характер человека от минуты его рождения до самой смерти. Ибо человек, окруженный предметами, постоянно производящими на него новые впечатления, не прерывает ни на одно мгновение своего воспитания.

Условия жизни составляют, без сомнения, весьма важную сторону воспитания: влияние их на умственные способности и страсти вполне оправдывает то значение, которое придавали им древние; и должно удивляться, до какой степени во всех новейших учреждениях упущена из виду эта существенная отрасль всякого хорошего воспитания и, следовательно, всякого мудрого законодательства.

Хотя врачами высказаны были слишком смелые положения о влиянии пищи на органы мысли, или на физические причины наших склонностей, тем не менее не подлежит сомнению, что различные вещества, поступающие ежедневно в наше тело для восстановления в нем жизни, производят решительное действие на наши нравственные побуждения. Умственным влиянием помогают некоторые особенные условия жизни; они поддерживаются употреблением в пищу некоторых веществ, или воздержанием от них. Некоторые люди излечены были от свойственных им, жестоких припадков гнева единственно диетой по системе, предложенной Пифагором; в случаях же полного душевного расстройства такими припадками бешенства постоянно употребление известной пищи или известного питья, действие определенной температуры воздуха, вид некоторых предметов, одним

словом, особенная система диетики часто бывает уже достаточна для водворения спокойствия и для приведения всей организации в первоначальный порядок.

Условия жизни, как видно, сливаются здесь с врачебным искусством, и действительно, на последнем лежит обязанность начертить план для них. Но собственно врачебное искусство производит действие, и в этом отношении влечет за собой последствия, которые заслуживают не меньшего внимания. Оно нарушает порядок совершающихся отправлений, чтобы дать им направление, согласное с нормальными планами природы; и когда искусство это, которому предстоят великие преобразования, достигнет в методах своих той точности, к которой оно способно, то нельзя уже будет сомневаться в его тесной связи со всеми отраслями философии и общественной жизни. Если принять наконец во внимание, что физическая организация передается по наследству; что все аналогии и множество важных фактов, собранных превосходными наблюдателями, доказывают, по-видимому, как весьма основательно замечает Кондорсе, что во многих отношениях передается по наследству и известное направление мыслей, побуждений и склонностей, то легко будет понять, до какой степени успехи в изучении физической природы человека могут содействовать общему усовершенствованию человеческой породы.

Заключение — Итак, я перечислил в общих чертах главные положения науки, находящейся в общей связи со всеми предметами, которые входят в курс второго класса Института; положения эти могут быть изложены более подробно в следующем порядке:

- Физиологическое наследование ощущений:
- Влияние на образование понятий и нравственных побуждений:
    1. Возрастов,
    2. Полов,
    3. Темпераментов,
    4. Болезней,
    5. Условий жизни,
    6. Климата.
- Соображения о животной жизни, инстинкт, сны и бред;
- Влияние, или обратное действие нравственной природы на физическую;
- Приобретенные темпераменты.

Если бы программа эта была выполнена вполне достойным образом, как этого заслуживают поистине великие, входящие в нее вопросы, то можно было бы владеть всеми сведениями о физической природе человека, которые могут иметь в настоящее или в будущее время непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Таков, граждане, план труда, который я предположил выполнить: мне кажется, что он может содействовать

искоренению множества вредных предрассудков; и я смею надеяться, что мне удастся положить прочные, взятые из самой природы основы для тех священных убеждений, которые для многих, просвещенных даже людей, если я могу выразиться, начертаны ещё не более, как на облаках.

Мемуар второй: Физиологическое исследование ощущений

В первом Мемуаре, который я имел честь прочитать перед вами, граждане, я обозначил в общих и кратких чертах главные отношения, существующие между организацией человека, его потребностями и физическими способностями с одной стороны, и между образованием его мыслей и развитием его побуждений, нравственных способностей и потребностей - с другой. Вы видели, что первоначальным различиям, установленным природой, случайным видоизменениям, вносимым условиями жизни в расположение органов, соответствуют постоянно различия и аналогичные видоизменения в образе мыслей и в направлении страстей. Из этого мы вывели заключение, что как для доставления неизменных основ для рациональной философии и нравственности, так и для открытия способов усовершенствования человеческой природы действием на самый источник, и страстей, и понятий, необходимо рачительно изучать различные физические условия, делающие человека непохожим ни на других людей, ни на то, чем сам он был прежде. Предметы нашего исследования сами собой разбились на определенные отделы, которые и составят содержание нескольких мемуаров, а совокупность их, кажется мне, охватывает все, что физиология может дать в распоряжение *нравственной философии* для дальнейшего ее развития.

Первый предмет, останавливающий на себе наше внимание, есть исследование ощущений в первоначальных их проявлениях; он составит содержания сегодняшней беседы. Я попытаюсь определить с возможной точностью, в чем состоят отправления этой необыкновенной способности, свойственной всем животным, с помощью которой они узнают о присутствии внешних предметов; я прослежу эти отправления при различных обстоятельствах, которые, кажется мне, не были обозначены и разграничены с должным вниманием; в особенности же я постараюсь наполнить пробелы, разделяющие ещё анатомические и физиологические наблюдения от несомненных выводов философского анализа. Вы согласитесь, граждане, что при исследовании такого нового предмета, в котором малейшая ошибка может вести к самым ложным заключениям, требуется особенная точность и строгость в выборе выражений; вы поймете также, что мне необходимо все ваше внимание, чтобы быть хорошо понятым, даже вами, более или менее посвященными в предметы моего исследования [34].

[34] Я не стану входить ни в какие анатомические подробности. Что касается до описания органов, я рекомендую вполне аналитическую анатомию Бойе; относительно же общих и систематических взглядов - *Анатомию* Биша, имеющую ближайшее приложение к физиологии.

§ I — Нам вовсе нет необходимости доказывать ещё раз, что физическая чувствительность есть источник всех понятий и побуждений, обусловливающих нравственное существование человека: Локк, Бонне, Кондильяк, Гельвеций довели эту истину до последней степени очевидности. Между образованными и хоть сколько-нибудь мыслящими людьми не найдется ни одного человека, который выразил бы сомнение по этому поводу. С другой стороны, физиологи доказали, что все жизненные движения составляют результат впечатлений, полученных органами чувствительности; строгое сопоставление этих двух основных положений сливает их в одну и ту же истину.

Тем не менее мыслители могут расходиться между собой относительно некоторых воззрений. Одни могут принимать вместе с Кондильяком, что все побуждения животных составляют результат сознательного выбора, и следовательно - плод опыта; другие могут думать, вслед за естествоиспытателями всех веков, что многие из этих побуждений не могут быть отнесены ни к какому сознанию, и что не переставая вытекать из физической чувствительности, чаще всего они образуются без всякого участия воли, роль которой состоит только в лучшем их выполнении. Совокупность этих побуждений обозначается словом *инстинкт*.

Между физиологами происходит также спор о том, нужно ли считать чувствительность единственным источником всех органических отправлений, или в частях, составляющих живое тело, существует другое свойство, отличное, и даже в некотором отношении независимое от первого? Принимающие второе положение, во главе которых нужно назвать знаменитого Галлера, которому положение это больше всего обязано, обозначают это отличное свойство под именем *раздражаемости*. Раздражаемость проявляется вследствие впечатлений, непосредственно получаемых последними; но поскольку она существует ещё некоторое время после смерти, то некоторые физиологи отрицают зависимость ее от чувствительности, которая, по их мнению, прекращается одновременно с жизнью индивида.

Другие, и между ними можно назвать много гениальных исследователей, утверждают, что чувствительность существует при удушении, летаргии, апоплексии, одним словом, при всякого рода обмороках, несмотря ни на то, что она не проявляется в них никаким заметным подтверждающим ее явлениям, ни на то, что она же не оставляет за собой никакого свидетельствующего о ней воспоминания. Они прибавляют, что между состоянием утопленника, возвращающегося к жизни, и состоянием утопленника, смерть которого несомненна, трудно будет установить прочное различие; что признаки и минута смерти не могут быть обозначены точно; что перевязка или перерезание нерва, доставляющего органу чувствительность, лишает его не только чувствительности, но и движения, то есть, этим отнимается одновременно - у нервных разветвлений способность чувствовать, а у мускулов - способность сокращаться. Наконец,

говорят они, все наблюдения над живым человеком и все опыты над трупами, или над отдельными частями тела, дают нам право предположить, что чувствительность, рассеянная по всем органам, не исчезает в самую минуту смерти; что остатки ее сохраняются на некоторое время, и замечаются в особенности в частях, движения которых были самые постоянные или самые сильные, и что она перестает появляться только тогда, когда исчезли сами сообщения между основными органами.

Вот что приблизительно говорят последователи Сталя, полуанимисты, новые эдинбургские солидисты и ученейшие профессора Момпельерской школы.

Достаточно небольшого соображения, чтобы заметить, что оба предыдущие вопроса связаны между собой, и что тот и другой имеют непосредственное отношение к занимающего нас вопросу.

Ибо, с одной стороны, если бы несомненно было доказано существование движений, которые не находятся в непосредственной зависимости от чувствительности, то мы составили бы себе без особых затруднений понятие о непроизвольных и бессознательных побуждениях.

С другой стороны, если справедливо, что существуют безотчетные побуждения и движения, то понятно, что необходимо будет разделить многие явления, которые до сих пор постоянно смешивались; что основания для тех и других, хотя сущность их и не изменяется, тем не менее должны быть изложены в ином виде, а сделанные выводы не могут иметь того общего, широкого приложения; я хочу сказать, что не должно будет смешивать побуждения ребенка, тотчас после своего рождения хватающегося за грудь матери, с рассуждением, побуждающим нас отдавать предпочтение свежей пище, найденной нами приемлемой, перед испорченной, которую мы нашли невкусной; и если тем не менее остается справедливым, что физическая чувствительность есть единственный источник наших понятий и побуждений, то все-таки мы не имеем права сказать, как это обыкновенно делается в философских сочинениях, что все понятия и побуждения получаются нами *путем чувств*, особенно же после ограниченного значения, придаваемого этому слову. Мне необходимо будет возвратиться ещё к этому предмету, чтобы развить мысль более подробно: наблюдения, на которых я основываюсь, объяснят, полагаю я, многие вопросы, остающиеся без этого непонятными и послужившие для лучших умов источником важных ошибок.

Возвратимся, однако же, к нашему предмету.

При внимательном исследовании вопроса о раздражаемости и чувствительности легко заметить, что это только вопрос о словах, как и множество других вопросов, разделяющих людей испокон века. В самом деле, Галлер и его последователи соглашаются, что мускулы одушевляются значительным количеством нервов,

составляющих исключительные органы чувствительности; что правильные движения их всегда подчинены нервному влиянию; что сокращения, вызывающие эти движения, сохраняются весьма ненадолго по прекращении этого влияния. Физиологи противоположного направления не отрицают, что множество движений совершается в человеке безотчетно; они согласны, что даже те движения, о которых человек имеет сознание, большей частью независимы от воли, что способность сокращаться под влиянием искусственных возбудителей не переживает в мускульных органах той системы, часть которой они составляют. Таким образом, при том и при другом предположении, явления объясняются почти одинаковым образом и к ним прилагается равно удовлетворительно философский анализ; только в объяснении Сталя больше простоты, и единство физического принципа находится у него большем соответствии с нравственным принципом, от которого он не отличается.

Что касается другого вопроса, то, как мы уже сказали, он представляется в ином виде; это будет объяснено ниже.

§ II — Подвергнутый действию на него всех тел природы, во впечатлениях производимых ими на органы, человек находит одновременно источник для своих познаний и условия, поддерживающие его жизнь; ибо жить значит чувствовать, и в удивительном сцеплении явлений, составляющих его существование, каждая потребность его связана с какой-нибудь его способностью, каждая способность самим своим развитием удовлетворяет какой-нибудь потребности, а способности развиваются упражнением точно также, как потребности расширяются по мере той легкости с какой они удовлетворяются [35]. Из постоянной деятельности внешних предметов на чувства человека вытекает, стало быть, самая замечательная сторона его существования. Но, справедливо ли, что нервные средоточия получают и сравнивают только впечатления, получаемые ими от внешних предметов? Справедливо ли, что в головном мозгу не зарождается ни одного образа и представления [36], и что ни одно побуждение не вызывается самим чувствующим органом иначе, как при помощи тех же самых впечатлений, получаемых, собственно, так называемыми *органами чувств*? Вот в чем вопрос.

Последовательным и произвольным движением человек исключительно отличает свою собственную жизнь и жизнь животных: движение составляет для него истинный признак жизненности. Когда перед ним движется какое-либо тело, он одушевляет его. Прежде, чем он составит себе какое-нибудь понятие о законах, по

[35] Товарищ наш Сийес в своем *Объявлении прав*, лучшем образце анализа, существующем на каком бы то ни было языке, совершенно основательно различает оба принципа: потребностей и способностей, на которых строит все общественные отношения. В самом деле моралист всегда должен будет различать их, и только в глазах физиолога оба они сливаются в общем источнике.

[36] (Прим. переводчика) *Идея* - вполне выражается словом *представление*, которое сходно и с его этимологическим происхождением, с греческого языка (эйдос) на котором оно означает: сходство, подобие, призрак, мечта. Я часто заменял его словами: понятие, мысль, смотря по значению, придаваемому ему Кабанисом.

которым текут реки, вздуваются морские волны, гонятся облака, он придает этим предметам душу. Но по мере того, как расширяются его понятия, он начинает замечать, что многие движения происходят таким же образом, как движения его руки, если перемещать ее без его собственного участия и даже против его воли. Не много нужно ему размышления, чтобы догадаться, что последние движения вовсе не сходны с движениями, вызываемыми его волей, и скоро с представлением о жизни он соединяет только произвольное движение.

Но уже при первом и поверхностном наблюдении над животным телом можно было заметить между происходящими в нем явлениями разнообразие, предполагающее, по-видимому, различного рода причины этих явлений. Если последовательное движение и деятельность многих мускулов подчинены сознательными побуждениям человека, то множество движений иного порядка, а некоторые так и того же самого, производятся без их участия, и воля не только не может возбудить, или прекратить их, но не в состоянии вызвать в них даже малейшее изменение. Таким образом, отделения происходят вследствие отправлений, в которых мы не принимаем ровно никакого участия, о которых мы не имеем ни малейшего сознания: обращение крови и червеобразное движение кишок, производимые мускульными силами, или известного рода самостоятельными (тоническими) сокращениями, сходными с собственно мускульными движениями, происходят равным образом без нашего ведома; и от воли нашей также мало зависит остановить, или дать иное направление этим отправлениям, как удержать озноб в перемежающейся, или вызвать спасительный перелом в острой лихорадке. Столь различные явления могут ли быть приписаны одной и той же причине?

Очевидно, что этот вопрос, все тот же, что мы поставили выше, должен был представиться прежде всего; но, чтобы точно решить его, необходимы были весьма обширные физиологические познания. Кто хоть сколько-нибудь задумывался над законами живой природы, тот знает, что эти познания, чтобы быть точными, должны опираться на бесчисленное множество наблюдений или опытов и вытекать из них самым строгим образом. Если же науки уже сделали действительные успехи, то обыкновенно становится возможным связать их выводы с несколькими самыми простыми и, так сказать, обыденными явлениями.

В животных с самой сложной организацией, как человек, четвероногие, птицы, отправления чувствительности происходят, собственно, при посредстве нервов, которые можно принимать за ее органы. Некоторые физиологи идут дальше: они полагают, что нервы суть единственные ее органы. Но в отделе полипов и инфузорий чувствительность пребывает и отправляется в других частях, как как они не имеют ни нервов, ни головного мозга. Весьма вероятно даже, что Галлер и его школа придали слишком широкое значение своему положению относительно более совершенных животных; ибо постоянные наблюдения доказывают, что в частях тела, которые по их мнению совершенно лишены чувствительности, при

некоторых болезненных состояниях может развиться живая боль, из чего, по видимому, явственно следует, что в обыкновенном состоянии их чувствительность, приноровленная к их отправлениям, только слабее и смутнее сравнительно с прочими частями тела.

Впрочем, можно принять, что в человеке, о котором только и идет здесь речь, нервы составляют исключительное местопребывание для чувствительности; что они разносят ее по всем органам, для которых они служат общей связью, устанавливая между ними более или менее тесную зависимость и направляя их различные отправления к возбуждению и поддержанию общей жизни.

Самый простой опыт доказывает это.

Если перевязать или перерезать все нервные стволы перед разветвлением и распространением их по какой-нибудь части тела, то часть эта в ту же минуту становится вполне бесчувственной: ее можно колоть, разрывать, прижигать - животное ничего не чувствует; способность к какому бы то ни было произвольному движению уничтожается в ней; сколько исчезает в ней способность получать даже некоторые одинокие впечатления и производить даже неопределенные сокращения, так что всякое жизненное отправление в ней прерывается; наступающие затем отправления уже суть явления разложения, которому подчинены в природе все известные вещества.

Многие, весьма важные истины вытекают из этого опыта. Но, чтобы идти дальше, следует не оставлять позади себя ничего неразъясненного.

Я сказал, что нервные стволы, отделенные от всей системы перевязкой или отсечением, сохраняют способность получать *одинокие впечатления*. Слово это требует некоторого разъяснения, чтобы не породить ложного понятия, от которого не убереглись многие, заслуживающие, впрочем, всякого уважения физиологи. Принося в мускулы чувствительность, нервы приносят в них жизнь; они пробуждают в них способность к свойственным им движениям, но сами нервы к движению неспособны. Самые сильные возбудители не вызывают в них ни малейшего сокращения; одним словом, они чувствуют, но не двигаются. В приведенном опыте нервные стволы ниже перевязки или разреза не сообщаются больше со всей чувствительной системой, и человек не замечает больше сокращений, которые могут еще существовать в частях, по которым распространены эти раздраженные нервы. Легко понять, что это так и должно быть. Но так как раздражение нервов вызывает некоторые, более или менее правильные движения в мускулах, в которых они приносят жизнь, то не менее очевидно, что подобное явление может зависеть только от остатков местной чувствительности, проявляющейся точно таким же образом, только более слабо и несовершенно, как и в нормальном состоянии. Нельзя сказать, чтобы раздражение действовало тогда на нерв, как на мускул, ибо, еще раз, этого вовсе нет; с этим согласны даже сами

последователи Галлера; да если бы это и было, то их теория тем не менее развалилась бы, только с другой стороны. Итак, нервные ветви получают еще впечатления, но впечатления эти одиноки; и, говоря мимоходом, хотя в некоторых из этих явлений *раздражаемость*, по-видимому, и отлична от *чувствительности*, тем не менее ясно, что она должна быть приведена к одному и тому же общему источнику жизненных способностей; это становится еще очевиднее, если принять в соображение, что огромное число нервов, или теряется в мускулах, или сливается с ними.

В самом деле, не подлежит сомнению, что нервы эти, смешанные и, может быть, отождествленные с мускульными волокнами, и составляют истинную причину их движений; и, по видимому, нетрудно понять, почему те из движений, которые сохраняются после смерти, немедленно проявляются по отнятии мускула от члена, часть которого он составлял, или после того как его разрежут на части, если уже никакой возбудитель не может вызвать в нем сокращений. Лезвие ножа действует тогда на бесчисленное множество нервных разветвлений, пропадающих в мясе, и разветвления эти принадлежат равным образом частям рассеченного мускула. На рассечение нужно смотреть в этом случае как на простой возбудитель, только более действенный, потому что оно проникает в самую глубь мускулов и проходит в них по всем направлениям. Сверх того, рассечение должно не только возбудить в них способность к сокращению, но и самые сокращения сделать не столь заметными вследствие уменьшения объема и длины сокращающихся частей.

Но последний вопрос, повторяю, не находится в непосредственной связи с занимающим нас предметом, и его решение принадлежит, по-видимому, собственно *физиологии*.

§ III — Возвратимся к нашему опыту. Я упомянул, что из него вытекают многие, весьма важные истины. В самом деле, он доказывает, 1) что нервы суть органы чувствительности; 2) что от одной только чувствительности в нас рождается сознание о существовании наших собственных органов и о существовании внешних предметов; 3) что произвольные движения не только вызываются в нас сознанием, доставляемым чувствительностью и рассуждением, которое мы строим на нем, но что, кроме того, двигательные органы подчинены органам чувствительным, ими же одушевляются и направляются; 4) что все движения, независимые от воли, о которых мы не имеем сознания, о существовании которых мы не имеем даже никакого понятия, одним словом, все движения, входящие в отправления живого тела, находятся в зависимости от впечатлений, получаемых различными частями, входящими в состав органов, а эти впечатления - от их чувствительной способности.

Мы уже сделали несколько важных шагов вперед. Некоторые темные стороны предмета разъяснены, - и мы уже предвидим единственно годные пути для разъяснения всех остальных, или большей их части.

Но прежде, чем приступить к дальнейшему анализу, можно сделать себе новый вопрос: действительно ли в этом случае ощущение совершенно разделено от движения? Есть ли возможность составить себе понятие об одном независимо от другого? И нет ли между ними иного отношения, чем какое существует между действием и его причиной?

Ни одно ощущение, или впечатление, полученное нашими органами, разумеется, не может происходить, не вызывая в них какой-либо перемены. Но мы не можем себе представить какой бы то ни было перемены, которая не сопровождается движением. Когда мы ощущаем, в нас происходят, стало быть, движения, более или менее заметные, смотря по природе твердых или жидких частей, в которых они вызываются, но тем не менее движения, действительные и несомненные. Однако нужно не забывать, что поскольку ощущения и впечатления вызываются причинами, находящимися вне принимающих их нервов [37], то существует всегда мимолетное мгновение, в которое внешняя причина действует на нерв, одаренный способностью отзываться на нее, и в которое не происходит еще никакого движения; что движение становится необходимо единственно как бы для одного только дополнения этого отправления и что его всегда можно отличить от ощущения, особенно же чувствительную способность от двигательной. Мы не должны, впрочем, скрывать, что это различие, может быть, без затруднения исчезнет при еще более строгом анализе, и что чувствительность сольется, быть может, своей самой важной стороной с причинами и законами движения, общего и плодотворного источника всех явлений природы.

Заметим также, что, говоря о неспособности нервов двигаться, мы понимали под этим отсутствие в них заметного движения или несомненного перемещения их частей относительно частей окружающих их органов. Все движения нервов суть внутренние, они совершаются в самой глубине их ткани и в таких ее разветвлениях, деятельность которых до сих пор постоянно ускользала от самого внимательного и производимого при помощи самых совершенных инструментов наблюдения.

Впрочем, это различие между ощущением и движением, в особенности же между относящимися к ним способностями, необходимое для физиологии и не представляющее неудобств для рациональной философии, вытекает из явных и несомненных фактов, на которые только и должны быть обращены наши исследования; ибо слишком уже мелкие, бесплодные по сущности своей истины обыкновенно не имеют приложения к непосредственным нашим потребностям, и можно смело пренебрегать ими без всякого ущерба для справедливости делаемых умозаключений.

[37] Обыкновенно они исключительно и зависят от них, но не всегда, как это будет объяснено ниже; впрочем, это нисколько не подрывает ни справедливости сделанного вывода, ни тем более наблюдений, из которых сделан вывод.

Установив главные основания и достаточно разъяснив их, возвратимся к оставленным положениям.

Итак, не может быть никакого сомнения, и это доказывается самыми простыми наблюдениями, что впечатления происходят в нас неодинаковым образом; что, напротив того, они производят весьма различные действия на различных индивидах. Одни из них вызываются внешними предметами, другие, зарождающиеся во внутренних органах, составляют результат различных жизненных отправлений. Человек почти всегда имеет сознание о первых, по крайней мере он может отдать себе отчет в них; он не сознает других, не имеет о них по крайней мере никакого рассудительного представления; последние вызывают движения, зависимость которых от производящей их причины ускользает от его наблюдательности.

Аналитические мыслители до настоящего времени занимались только впечатлениями, вызываемыми внешними предметами, впечатлениями, отличаемыми, представляемыми и сравниваемыми органом разума: их только и понимали они под словом *ощущение*; о прочих они имели весьма смутное понятие. Некоторые их них, по-видимому, пытались привести к одному общему названию *впечатлений* все незаметные отправления чувствительности; последние они смешивали даже с теми, которые могут нами замечаться, и если в *действительности* мы не знаем о них, то это происходит только вследствие отсутствия с нашей стороны внимания к ним [38].

Повторяю, что здесь предстоит две дороги, и так как они приводят к двум противоположным выводам, то нельзя произвольно выбрать ту, или другую.

§ IV — Новый, представляющийся нам вопрос, состоит в следующем. Справедливо ли, как утверждает Кондильяк и некоторые другие, что все представления и все нравственные побуждения образуются и находятся в зависимости от того, что они называют *ощущениями*, и стало быть, употребляя общепринятое выражение, что все наши понятия получаются при помощи *органов чувств* от внешних предметов; или же в образовании нравственных побуждений и представлений принимают также участие и внутренние впечатления, следуя известным законам, несомненность которых обнаруживается перед нами изучением человека в здоровом и болезненном состоянии; в случае положительного ответа на этот вопрос, не могут ли указать нам настоящий путь к разъяснению этих законов природы и к точному, бесспорному доказательству их, некоторые особенные, направленные в эту сторону наблюдения.

Многие общие явления, кажется мне, разрешают этот вопрос.

[38] Я принимаю, как это будет видно ниже, этот способ разделения двух главнейших, действительно совершенно отличных одного от другого видоизменений, испытываемых животным телом.

Замечено, что известные состояния внутренних органов, а именно внутренностей, заключенных в нижней части живота, значительно изменяют наши способности чувствовать и мыслить. Образующиеся в них болезни нарушают, возмущают, а иногда и совершенно извращают нормальный порядок в наших чувствах и понятиях. В нас развивается чрезмерный и уродливый аппетит; неведомые образы осаждают ум; небывалые желания овладевают нашей волей, и что всего быть может замечательнее, что в таком состоянии разум может приобрести больше возвышенности, энергии, блеска, а душа волноваться более глубокими и лучше направленными чувствами. Таким образом, светлые или мрачные представления, сладостные или гибельные чувства непосредственно зависят тогда от способа соответствующих им отправлений брюшных внутренностей, то есть, от того, как последние получают впечатления, ибо мы видели, что одни всегда зависят от других, и что всякое движение предполагает вызывающее его впечатление.

Поскольку состояние брюшных внутренностей может совершенно извратить порядок в чувствах и понятиях, то оно, стало быть, в состоянии причинить и помешательство, которое есть не более, как беспорядок, отсутствие согласия между получаемыми впечатлениями; в действительности так часто и случается. Но встречается также бред, вызываемый изменениями, происходящими в чувствительности многих других внутренних частей. Он может быть то резким и кратковременным, то хроническим, при котором внешние чувствующие оконечности нервов, называемые обычно *органами чувств*, бывают вовсе не повреждены, или повреждены только второстепенным образом, а между тем бред этот излечивается прямым действием на состояние больных внутренних органов. Настоящим источником помешательства бывают, например, органы воспроизводства. Живая чувствительность делает их способными к самым ужасным возмущениям; обширное влияние их на всю организацию бывает причиной всеобщего расстройства, главным образом отражающегося на мозговом средоточии. Помешательство излечивается тогда всяким средством, способным привести в нормальное состояние, или в первоначальный порядок чувствительность этих органов; несколько примеров доказало даже, что в некоторых случаях разрушение их приводит к тому же результату.

Наступление отрочества представляет нам еще более поразительные и несомненные явления. Они заслуживают тем большего внимания, что в этом случае все происходит по неизменным законам и в видах самой природы. В животных, проводящих жизнь отдельно от всей породы, половая зрелость наступает несколько позже: вдали от предметов, присутствие которые может ускорить ее наступление примером или некоторыми образами, пробуждающими дремлющую природу, детство бывает более продолжительно; тем не менее оно прекращается даже при совершенном одиночестве и часто тем более бурно наступает время первых впечатлений любви. Точно то же происходит и в человеке, с тем только различием, что так как его органы более совершенны, его чувствительность более

нежна, а действующие на нее предметы более многочисленны и разнообразны, то перемены, в нем происходящие, выражаются более заметно и вносят более глубокие видоизменения во все его существование. Поскольку воображение есть самое господствующее в нем свойство, поскольку оно производит могущественное отраженное действие на органы, вызывающие в нем образы, то из всех известных животных, в человеке легче всего может быть ускорено наступление отрочества насильственным возбуждением, а нормальное развитие его приведено в беспорядок разным внешними условиями, и поэтому оно даст ложное направление и его воображению. Таким образом, испорченные городские нравы не дают отрочеству возможности развиться правильно и ускоряют его наступление, а последствия этого порождают обыкновенно преждевременную склонность к сладострастию. В строгих и благочестивых семействах, в которых направляют воображение детей к религиозным понятиям, у последних нередко отроческая любовная мечтательность переходит в аскетическую меланхолию, и в этом смешении та и другая обычно приобретают значительную степень силы; случается даже, что они вызывают самые пагубные порывы и оставляют за собой неизгладимые следы.

Но если предоставить природе идти своим путем; если не ускорять ее, ни возбуждением, ни сдерживанием (ибо последняя система воспитания есть такое же возбуждение), то человек, как и другие, менее совершенные животные, при наступлении отрочества внезапно изменяет свои склонности, свои понятия, свои привычки. Удаление предметов, которые могут удовлетворить этим склонность, и к которым обращены его мысли самым невинным и смутным образом, не отстранят появления нового нравственного состояния, его развития и могущественного влияния. Юноша стремится к тому, чего еще не знает, но стремления его запечатлены беспокойной необходимостью. Он погружен в глубокую мечтательность. Воображение его питается определенными образами, составляющими неисчерпаемый источник для его размышлений; сердце его бьется самыми сладостными ощущениями, цели которых он еще не подозревает; он обращает их пока на все окружающие его предметы.

У девушки переход этот еще более резок и общая перемена еще шире, хотя она обозначается более мягкими чертами. Тогда только мир получает для нее действительное существование и все приобретает в ее глазах жизнь и значение; тогда только подымается занавес перед смутным и удивленным взором ее, а в душу ее врывается толпа ощущений и представлений, относящихся к страсти, главной задаче ее жизни, властительнице ее судьбы, очарованиями и муками которой так часто наполняет она наше существование.

Что за причина всех этих явлений? Произошли ли подобные же и соответствующие им изменения в чувствующих оконечностях нервов? Не испытали ли глубоких изменений эти оконечности вследствие действия на них внешних предметов? Нет,

в этом не может быть сомнения. Изменения эти только внутренние. Система органов, связанная бесчисленными отношениями с брюшными внутренностями, и едва заметная со дня рождения, выходит, так сказать, разом из своего оцепенения; в ней внезапно развивается особенная, едва уловимая до того чувствительность; скрытые в ее нежном устройстве отправления всюду приходят в деятельность; влияние ее отзывается в частях, по видимому, совершенно от нее независимых; одним словом, влияние это все перевернуло; и если собственно так называемые ощущения тоже изменились, если они придают теперь всем предметам новый вид и новый цвет, то и это следует объяснять все тем же могущественным ее влиянием.

Я полагаю, что сказал достаточно по этому предмету. Я не считаю необходимым говорить о сновидениях, в которых воображение осаждается образами, а душа волнуется чувствами, явным образом вызываемыми без всякого *действительного* участия *внешних чувств*, и без содействия тех отправлений воли, которые приводит в деятельность память. Заметим только, что это необыкновенное явление представляет не всегда верный сколок с обыденных наших мыслей и чувствований, как это считается; что оно нередко зависит самым заметным образом от обременения органов пищеварения, от состояния сердца и больших сосудов; и что сопровождающие его тяжелые мысли и мрачные чувства могут не иметь ни малейшего отношения к тому, что сосредотачивало на себе все наше внимание в бодрственном состоянии. Я прохожу равномерно молчанием видения, или особенные состояния головного мозга, вызываемые опьяняющими напитками или возбуждающими веществами, действие которых существует и совершается только в желудке и кишках. В особенности же я не стану говорить об этих смутных, приятных и неприятных состояниях, ежедневно нами испытываемых почти всегда без сознания их причины, но зависящих от более или менее важных расстройств во внутренностях или в глубине нервной системы; расположения эти весьма замечательны и, находясь в совершенной независимости от состояния органов чувств, тем не менее вызывают весьма важные видоизменения в направлении желаний и мыслей, и несомненно действуют непосредственно на нашу способность мыслить и даже чувствовать. К прямым и бесспорным фактам было бы бесполезно присоединять такие, которые для убедительности своей, требуют более подробного разъяснения.

Итак, приведенные наблюдения доказывают, что представления и нравственные побуждения зависят не только от того, что называют *ощущениями*, то есть, от раздельных впечатлений, получаемых собственно органами чувств, но что в них принимают большее или меньшее участие впечатления, производимые отправлениями многих внутренних органов, а иногда так они, по-видимому, только от них и зависят.

Быть может, вам покажется, граждане, слишком медленным путь, избранный мною для доказательства весьма простых, по-видимому, истин; но я прошу обратить ваше

внимание на это основное положение физиологии, против которого тем не менее высказался Кондильяк, быть может, самый последовательный из всех философов. Когда мы объявляем свое несогласие со взглядами такого великого мыслителя, то считаем долгом несомненно доказать каждое наше положение.

Теперь следовало бы определить эти нравственные побуждения и представления, зависящие исключительно от внутренних впечатлений, для которых органы чувств составляют не более, как вспомогательные орудия; затем, следовало бы разложить и привести их в порядок, как это сделано Кондильяком относительно представлений и побуждений, которые непосредственно зависят от отправлений органов чувств, с тем, чтобы отнести к каждому органу те, которые им вызываются, или обозначить участие его в тех, зарождению которых он содействует. Мне кажется, что исследование этого предмета может быть полно только тогда, когда оно разрешит обе эти задачи.

Но последняя явным образом неразрешима, по крайней мере, при настоящем состоянии знания: мы недостаточно еще знакомы с переменами, происходящими в чувствительной способности внутренностей или внутренних органов, и мы не могли бы определить, в чем состоят эти перемены. Мне могут возразить, что нам не более знакомы перемены, происходящие в *органах чувств*. Совершенно справедливо, но природа впечатлений, свойственных каждому из последних органов, вполне определенная, а следовательно и природа предметов, передаваемых им в головной мозг, не может подлежать сомнению, между тем как нам совершенно неизвестно, не передают ли постоянно и не способствуют ли пробуждению все одного и того же порядка представлений, например, органы пищеварения, или органы воспроизводства, хотя мы и не сомневаемся что эти представления явно составляют источник только для известных побуждений.

Замечая, что эти последние, хотя и несомненные впечатления имеют тем не менее неопределенный характер; что человек вовсе не имеет о них сознания или сознает их смутно; не сомневаясь, что отношения чувства к движению, быть может, более прямые и более неизменные в этих впечатлениях, тем не менее ускользают от наблюдения вследствие того, что они независимы от воли, - мы должны были отказаться от надежды соединить все эти частные отправления в самостоятельные отделы, из которых каждый соответствовал бы особенному, определяемому им самим нравственному состоянию. Впрочем, если когда-нибудь мы узнаем что-нибудь больше об этом предмете, то будем обязаны этим только физиологии и медицине, потому что только им одним принадлежит исследование, с одной стороны, правильных видоизменений, вносимых в органы отправлениями самой жизни, а с другой - случайных перемен, вызываемых в них болезненными поражениями, и именно, таких, которые сопровождаются особенными явлениями, относящимися к отправлениям головного мозга; это единственный путь для отыскания несомненной связи между действием и его причиной.

Я сделаю последнее замечание: что существующий в природе порядок этих явлений чрезвычайно выгоден для сохранения и для благосостояния животных. Природа удержала на своем попечении самые сложные, самые нежные, самые необходимые отправления. Те же, которые она предоставила на произвол индивидов, суть самые простые, самые легкие: они могут быть даже прерваны или задержаны без особого вреда. Как будто она доверила только самой себе все, что должно происходить внутри организма, где все впечатления, вследствие своей многочисленности, своей сложности, вследствие разнообразных влияний, ими производимых, смешаны, перепутаны одни с другими: она предоставила каждому индивиду одни только отношения его с внешним миром, определяемые впечатлениями, менее смешанными и более однообразными, которые она, кажется, заранее подчинила всего только пяти чувствам, как бы с целью еще более предотвратить смешение между ними.

Что касается первого затруднения, а именно, какие представления и нравственные побуждения находятся в зависимости от каждого из двух родов впечатлений, то, быть может, и есть возможность разъяснить это.

§ V — В утробе матери животные не испытывают, собственно говоря, никакого ощущения [39]. Окруженные со всех сторон водой, они привыкают к впечатлению, производимому на них этой жидкостью, и не могут ее чувствовать; если при движениях они и встречают иногда стенки матки, если им случается даже быть сдавленными ею, то из этого вероятно не возникает для них никакого понятия, никакого точного и раздельного представления о внешних предметах, но по крайней мере до тех пор, пока движения их не будут вызваны определенной волей, которая одна в состоянии заставить их поместить все себя причину встречаемого ею противодействия. В самом деле, до тех пор, пока впечатление, полученное каким бы то ни было чувством, не сопровождается впечатлением от встреченного сопротивления, или не следует за ним, до тех пор производимое им действие ограничивается внутренними изменениями без формального, отчетливого сознания, которое бы давало животному повод думать о существовании чего-то, что отлично от него самого [40].

Во время этой первой эпохи его собственное существование, сознаваемое более или менее раздельно, ограничивается, по-видимому, единственно впечатлениями, производимыми развитием и деятельностью органов: все эти впечатления можно рассматривать как внутренние. Зрение, слух, обоняние и вкус еще не вышли в нем из оцепенения, а отправления внешнего осязания, кажется, не отличаются от осязания внутренних частей, выражающегося в различных движениях, вызываемых

[39] То есть, как это будет видно ниже, никакого *раздельного*, *сравнительного* ощущения, которое могло бы вызвать первое *суждение*.

[40] Мы вернемся, впрочем, к этому предмету в десятом Мемуаре; тогда мы будем в состоянии составить точное понятие о том, что производят в таком случае в головной и нервной системе. Не будет предупреждать того, что тогда будет совершенно просто и ясно.

их отправлениями. Тем не менее, уже и тогда существуют в животном побуждения и зарождаются склонности. Если ребенок бьется в последнюю эпоху беременности, если он двигается тем с большим беспокойством и постоянством, чем он живее и сильнее, то это происходит не потому, что ему тесно и неловко в матке, как полагали все физиологи: напротив того, он окружен в ней со всех сторон водой. Но потому, что члены его приобрели известную степень силы, и он чувствует необходимость в упражнении их. Легкое его приняло значительное развитие: количество *кислорода*, получаемого им от матери с кровью пупочной вены, уж недостаточно ему более; ему необходим воздух, и он ищет его с жадным беспокойством. Эти обстоятельства, если присоединить к ним растяжение матки, волокна которой не способны к дальнейшему напряжению, и особенное состояние сосудов, оконечности которых спаяны с корешками места, составляют настоящую причину, вызывающую наступление родов.

До сих пор наблюдению было чрезвычайно трудно уловить явления, происходящие в зародыше. Тем не менее, некоторые факты показывают нам, что это внутреннее существование, независимое от впечатлений, производимых на него окружающими предметами, необходимо для плодотворного развития органов и для приобретения ими наибольшей чувствительности. Случалось сохранять жизнь преждевременно рожденного ребенка, окружая его условиями, приближающимися к условиям природы, то есть, завертывая его в мягкие пеленки, поддерживая в них температуру, равную температуре человеческого тела и необходимую степень влажности, и пропуская ему время от времени в рот по нескольку капель студенистой жидкости. Дети, жизнь которых сохранена была таким образом, оставались в некоторого рода оцепенении до девятого месяца; по наступлении же его, к общему удивлению, они начинали делать сильные движения, как будто им действительно предстояло родиться. Во все время такого искусственного подражания условиям беременности, дыхание их было почти незаметно: только в эпоху их пробуждения, или вторичного рождения, начинали они дышать настоящим образом, как дышат теплокровные животные. Знаменитый пример представляет нам *Фортунио Лицети*, замечательный ученый XIV века, явившийся на свет пяти месяцев и сохраненный самыми заботливыми стараниями отца своего, врача, пользовавшегося известностью [41] Брузе приводить два или три подобные же, и не менее удивительные примера в сочинении своем Физическое воспитание детей.

Когда ребенок появился на свет, когда он дышит, когда действие внешнего воздуха доставляет его органам более энергии, деятельности и правильности, то он испытывает не только простое изменение в некоторых своих отправлениях, а начинает настоящую новую жизнь. С этой минуты явственно выражаются в нем склонности, зависящие от его личной природы, то есть, от его организации и от свойств его чувствительности. Склонности эти, порождаемые рядом движений и

[41] Лацети жил за тем более восьмидесяти лет.

впечатлений, получивших, вследствие постоянного своего упражнения, значительную силу, движений и впечатлений, не ослаблявшихся и не возмущавшихся никаким отвлечением, вызывают наружу явственные последствия тех таинственных отправлений, которые воспитывались в глубокой тишине и с необыкновенной медленностью направляющими их законами. В самом деле, прежде чем ребенок начал сравнивать новые впечатления, осаждающие его толпою, он уже имеет вкусы, побуждения, склонности; он употребляет все свои крошечные средства, чтобы выразить их и удовлетворить им. Он ищет грудь матери, он тискает ее своими слабыми ручонками, чтобы выдавить питательную жидкость, он умеет уже схватить и сосать ее.

Без сомнения, граждане, сосание не бог знает какое великое явление в живом организме, но в глазах естествоиспытателя механизм его требует уже большой смышленности, и всегда достойно будет удивления, что существо, совершающее такие сложные движения, никогда не училось, никогда не пробовало их делать. Еще Гиппократ поражен был этим фактом; он заключил из него, что зародыш уже сосал воду сорочки в утробе матери. Но этим объяснением великий врач только отодвинул затруднение. К тому же, так как для сосания необходимо дыхание, а зародыш, заключенный в свои оболочки и плавающий в лимфатической жидкости, дышать не может, несмотря на распространенные сказки, повторяемые некоторыми акушерами, то это объяснение, или всякое другое, подобное ему, решительно не может быть допущено.

Но что заслуживает еще большего удивления и на что менее всего обращалось внимания, так это существование всех этих душевных движений, которые так быстро следуют одно за другим и выражаются с таким простодушием на лице ребенка. Между тем как слабые мускулы рук и ног его едва умеют делать несколько неопределенных движений, мускулы лица уже выражают раздельными движениями, несмотря на их несравненно большую сложность, почти весь строй общих душевных движений, свойственных человеческой природе; и внимательный наблюдатель легко отличит по этой картине характеристические черты будущего человека. Где искать причин этого сложного уменья, этих склонностей, слагающихся из стольких различных побуждений? Где искать источника этих душевных движений, которые не могли же возникнуть разом, ибо они предполагают одновременную и правильную деятельность всей чувствующей системы? Разумеется, не в столь новых, столь смутных впечатлениях, производимых внешними предметами. Известно, что обоняния, собственно говоря, еще не бывает у новорожденных; что вкус их, хотя и развит несколько более, едва существует у них; что ухо их почти ничего не слышит; что зрение их неопределенно и не имеет ни малейшей точности. Доказано самыми несомненными фактами, что несколько месяцев они не имеют еще никакого понятия о расстоянии. Осязание есть единственное чувство, доставляющее им раздельные представления, вероятно вследствие того, что оно хотя сколько-нибудь упражнялось ими в утробе матери.

Но понятия, доставляемые этими неопределенными отправлениями единственного чувства, весьма ограничены и весьма смутны; разумеется, они не могут вызвать внезапно целый ряд таких разнообразных и сложных выражений. Мы имеем, стало быть, право утверждать, что во внутренних впечатлениях, в их одновременном содействии, в их симпатических сочетаниях, в их непрерывающемся действии во все время беременности, следует искать источника, как этих побуждений, обнаруживающихся в самую минуту рождения, так этой игры физиономии, которой ребенок умеет уже выражать их, так, наконец, и вызываемых ими склонностей. Я полагаю, что не может быть никакого сомнения в этом основном положении.

Мы уже видели, и сейчас убедимся еще сильнее, что положение это подтверждается аналогическими побуждениями, являющимися и в другие эпохи жизни.

Ребенок представляет нам, помимо того, несколько фактов, объясняющих его природу и действительное состояние его органов. Новорожденные животные представляют нам другие факты, которые таким же образом объясняются их особенной организацией в этот период, успехами, одержанными ими в жизни, ролью, которую они должны будут играть в ней. Птицы большого семейства куриных ходят тотчас по выходе из яйца. Они проворно бегут за зерном и клюют, не делая ошибок относительно зрения: это доказывает, что они не только умеют управлять мускулами ног, но что они имеют верное сознание о каждом своем движении; что они также хорошо пользуются своими глазами, как точно судят о расстоянии. Это необыкновенное явление, которое можно поверить ежедневным опытом на птичьем дворе, может заставить задуматься любого серьезного мыслителя.

Многие четвероногие рождаются с закрытыми глазами; они не могут отыскать себе пищу, то есть, сосцы своей матери, иначе, как при содействии осязания и обоняния. Но оба последние чувства, по-видимому, одарены у них необыкновенной остротой. Щенки и котята чувствуют издали приближение матери, они никогда не смешивают ее с другим животным той же породы и того же пола; они умеют ползать между ног ее, чтобы отыскать грудь, они не ошибаются ни в фигуре ее, ни в требуемой от нее услуге, ни в средствах, как выжать из нее молоко. Случается, что котенок вытягивает уже шею и тянется к соску, между тем, как зад его и ноги не успели еще освободиться из рукава матки.[42] Повторяю, все эти факты заслуживают в высшей степени удивления. Делая наблюдения над различными породами животных, Галлер много раз замечал, что новорожденные овцы, козы, тотчас по выходе из матки, отправлялись за матерью на значительное расстояние, прежде чем опыт мог научить их употреблению ног, или дать им сознание, что только мать в состоянии удовлетворить их первым потребностям. Наконец, чтобы не останавливаться на

[42] Я сам был свидетелем такого факта.

множестве других фактов, подтверждающих все тот же общий вывод, приведем, что Гален, извлекши козленка вскрытием из утробы матери положил пред ним различные травы, между которыми случайно был и ракитник: козленок, обнюхав травы, презрительно отворачивался от них, пока не наткнулся на ракитник, которому он отдал предпочтение и немедленно стал жевать его своими слабыми челюстями.[43]

Эти результаты внутренних впечатлений, получаемых маленькими животными в период их утробной жизни и относящихся в каждой породе к порядку, в котором развиваются их органы, и к свойствам их чувствительности, по-видимому, до того решительны и убедительны; к тому же, они связываются так естественно с аналогическими явлениями, обнаруживающимися в последующие эпохи жизни, что нельзя не сознаться, что на исследование, сравнение и взвешивание всех их последствий необходимо должно быть обращено внимание мыслителей.

Мы не станем возвращаться к явлениям, находящимся в зависимости от созревания органов воспроизведения; то, что уже сказано нами, объясняет достаточно, что происходят они по тем же законам, как и первые побуждения только что родившегося животного. Ни те, ни другие не составляют результата, ни опыта, ни сознания, ни выбора, основанных на системе так называемых органов чувств.

Впрочем, по тому же вопросу животная природа представляет нам несколько общих фактов, которые нельзя пройти молчанием.

По мере того, как развиваются животные, природа научает их употреблению новых органов; в этом, собственно, и состоит даже их развитие. Это движение выказывается с такой стороны, которая делает их еще более замечательными. Животное нередко пытается воспользоваться услугами такой части тела, которая не получила еще надлежащей степени развития, а иногда так и прежде ее существования. Молодые птицы шевелят своими крыльями, лишенными еще перьев и едва покрытыми нежным пухом; и нельзя сказать, чтобы они делали это, только следуя урокам или примеру матери, ибо выведенные искусственно обнаруживают тот же самый инстинкт. Козлята и ягнята, играя, стараются ударить друг друга рогами, которых еще не имеют; это было замечено еще древними, отличными наблюдателями над природою, представившими это явление, во множестве прелестных изображений.

[43] Факт, приводимый Галеном, может быть, украшен его воображением: точен он или нет, это, впрочем, не касается до решения настоящего вопроса. Количество тех, которые дают тот же результат и которые не подлежат сомнению, почти так же велико, как количество видов низших животных. Животные огромного числа этих видов, особенно в классе насекомых, производят множество сложных движений, которым никто не учил их и примера которых они никогда не видели; весьма часто они порываются к некоторым движениям, прежде чем последние вызваны их потребностями.

Но из всех этих склонностей, которых нет возможности объяснить, ни опытностью, ни сознанием, разумеется, самая сильная, самая могущественная представляется нам в материнском инстинкте. Какой силе следует приписать эти отправления столь высокой, как по цели, так и по средствам для ее достижения природы, отправления, быть может, еще более неодолимые у животных, чем у человека? Не очевидно ли, что они зависят от впечатлений, уже полученных в матке, от состояния грудей, от симпатического расположения всей нервной системы относительно этих, в высшей степени чувствительных органов? Не замечается ли постоянно, что материнская любовь тем энергичнее и тем глубже, чем нежнее и чувствительнее эта симпатия, если только излишество, или неуместное воздержание в любовных удовольствиях не исказили ее природы? — Замечено вообще, что холодные женщины редко бывают страстными матерями.[44]

Я считаю бесполезным останавливаться далее на этом предмете.

Но время, предшествующее воспроизведению, открывает нам в животных целый ряд действий, еще более непостижимых с точки зрения теории Кондильяка. В этот период все породы предаются чувствам любви и ее наслаждениям, и предаются, по-видимому, безгранично. Тем не менее, птицы среди своих страстных песен, и четвероногие среди игр своих уже приготовляют гнезда для будущих новорожденных. Что за отношения существуют между охватившими их впечатлениями и заботливостью будущего материнского состояния? Я настаиваю здесь преимущественно на материнском инстинкте, потому что отцовская любовь основывается, по-видимому, во всех породах прежде всего, исключительно на любви к подруге, на чувстве, всегда могущественном, а часто глубоком и нежном, которое побуждает их разделять с ней все попечения и заботы. Тогда птицы приступают сами собой к самым хитрым сооружениям, никогда не учившись ни у кого, ни плану их, ни тому, какие материалы следует употреблять для них; ибо птенцы, выведенные искусственно и воспитанные в клетках, тоже вьют гнезда в период любви; только сооружения их, кажется, менее совершенны, потому что индивидуальная природа всякого животного понижается в рабстве, и человек не представляется в этом отношении исключением по испытываемому им искажению своих способностей. Во все времена и во всех странах форма этих построек неизменна для каждой породы: она приспособлена наилучшим образом к сохранению и к удобствам маленьких: в породах, приуроченных по своей

[44] В моем департаменте, и во многих соседних, при недостатке наседок прибегают к странному средству, заслуживающему внимания. Берут каплуна, выщипывают ему на брюхе перья и вытирают крапивой и уксусом, и в таком раздраженном состоянии, вызванном этой операцией, сажают его на яйца. Сначала он сидит на них машинально, желая облегчить себя от испытываемого страданья; затем, во внутренностях его возникает ряд незнакомых ему, но приятных впечатлений, которые держат его на яйцах во все время, необходимое для вывода цыплят, результатом чего является род искусственной материнской любви, продолжающейся, как и в курице, до той поры, пока цыплята нуждаются в заботах и в посторонних попечениях. Но петухи не поддаются на такую уловку; инстинкт влечет их в иную сторону, и вызывается несомненными условиями, действие которых объясняется достаточно всем тем, что уже сказано нами.

организации и по своим потребностям к одной неизменной местности, она приспособлена к климату и к различным опасностям, которые могут угрожать им. Бонне собрал множество любопытных подробностей по этому вопросу в своем *Созерцании природы*. Правда, он сделал это с целью подтвердить философию конечных причин, в действительность которых он так глубоко верил, хотя Бэкон, в менее просвещенный век, уже сравнивал их самым основательным образом с бесплодными девственницами, посвятившими себя Господу; но ложное предубеждение Бонне не представляет достаточного повода, чтобы отвергнуть такие интересные наблюдения. Рациональная аналитическая философия должна же наконец опереться на факты, подобно всем отраслям человеческого знания, уже приобретшим известную степень точности.

Мы могли бы привести здесь еще несколько других общих замечаний, подобных предыдущим; мы могли бы указать, например, на действия, производимые изуродованием на побуждения человека и животных, и на необыкновенные склонности, порождаемые болезнями, а особенно приближением их перелома, но увеличение числа торжественных доказательств нисколько не усилило бы достоверности выводов.

Таким образом, граждане, ясно, что побуждения, совокупность которых обозначается словом инстинкт, точно так же как вызываемые ими представления, должны быть приписаны внутренним впечатлениям, составляющим необходимое последствие различных жизненных отправлений. И так как, с другой стороны, Локк и ученики его доказали, что сознательное представление образуется раздельными впечатлениями, получаемыми нами от внешних предметов через посредство органов чувств; так как они, по методу химиков, разложили самые понятия на первоначальные их элементы, и потом снова сложили их таким образом, что не оставили ни малейшего сомнения в справедливости своих выводов, то разделение этих причин на два порядка, по-видимому, вытекает само собой. К одному должно отнести инстинкт, к другому — разум. И это вполне объясняет нам, почему инстинкт развит шире, могущественнее, светлее, если я могу употребить такое выражение, в животных, чем в человеке; почему в последнем он тем слабее, чем сильнее развиты его умственные способности. Ибо вам известно, что всякий орган в естественном порядке одарен ограниченной и определенной чувствительностью, что постоянные упражнения тем не менее могут широко раздвинуть границы этой способности, но всегда в ущерб прочим органам, ибо чувствующее существо способно только к известной сумме внимательности, направление которой в одну сторону прекращается, когда она поглощена другой стороной. Без указаний с моей стороны вы поймете, что при самом обыкновенном состоянии человеческой природы отправления инстинкта перемешиваются в нем с отправлениями разума, и смешение это и есть то, что составляет нравственную природу человека. Когда все его органы пользуются средней и в некотором смысле пропорциональной деятельностью, то не преобладает никакой порядок отправлений; все они

переплетаются и умеряют друг друга. Поэтому, при таких условиях, более всего, полагаю я, соответствующих настоящему назначению человека, только что очерченное нами исследование представляет наиболее затруднений. Но, подобно тому, как известные явления здорового состояния, хорошо узнаются нами только при посредстве болезни, таким же точно образом то, что кажется нам смутным и неопределенным при самом нормальном нравственном состоянии, различается и разграничивается совершенно явственно тотчас, как равновесие между чувствительными органами будет нарушено, и вследствие этого, некоторые отправления и некоторые способности получат преобладание.

Я употребляю здесь слово инстинкт не потому, чтобы я считал достаточно верным то представление, которое соединяется с ним на обыкновенном языке; я считаю даже необходимым глубже исследовать этот вопрос в отдельном мемуаре. Но слово существует, слово это, или равнозначащее ему, употребляется во всех языках, и так как предыдущие замечания имели целью опровергнуть те мнения, которые считают его лишенным смысла, или представляющим неопределенное, вымышленное понятие, то мне невозможно было заменить его другим словом, чтобы не исказить сущности самого вопроса. Замечу только, что, по-видимому, оно создано в том точно смысле, который я придаю ему: в самом деле, оно составлено из двух корней ἐν — *в*, *внутри* и στίζειν, греческого глагола, означающего *уколоть*, *побуждать*. Стало быть, по этимологическому значению своему *инстинкт* есть результат раздражений, возбудители которых прилагаются внутри, то есть, совершенно согласно с значением, которое мы придавали ему — как результату впечатлений, полученных внутренними органами.

Итак, в животных вообще и в человеке в особенности существует два порядка совершенно отличных впечатлений, составляющих источник представлений и нравственных побуждений; и оба порядка эти можно отыскать во всех породах, только в различном отношении друг ко другу. Ибо, как человек, стоящий, вследствие некоторых условий своей организации, во главе животных, одарен их инстинктивными способностями, таким же точно образом и животные, хотя большею частью и лишены искусства знаков, составляющих действительное средство для сравнения ощущений и обращения их в представления, одарены до некоторой степени умственными способностями человека. И при внимательном наблюдении, быть может, оказалось бы, что расстояние, отделяющее человека от некоторых пород с последней точки зрения весьма незначительно, сравнительно с расстоянием, отделяющим многие из этих пород друг от друга; и что преимущество инстинкта во многих из них, с присоединением почти совершенного отсутствия воображения, возмещает для их действительного благополучия преимущества, которыми наделен человек и которых лишены они.

Весьма важный шаг вперед составляет уже положение, что все представления и все нравственные побуждения суть результат впечатлений, получаемых различными

органами; я полагаю, что мы подвинулись еще далее, показав, что впечатления эти представляют вполне явственные общие различия, смотря по источнику и по сущности своих последствий, хотя, еще раз, они беспрерывно действуют одни на другие вследствие быстрых и постоянных сообщений между различными частями чувствующей системы. Ибо, по выражению Гиппократа, в ней *все содействует, все споспешествует, все сочувствует друг другу*. Наконец, не менее важным представляется для нас подчинение непонятных явлений, относящихся к инстинкту, философскому анализу, который, не находя в них зависимости от собственных так называемых ощущений, отбрасывал их вовсе, как заблуждения, опасные по своим последствиям и способные привести весь организм в расстройство.

Тем не менее, существует еще большой пробел между внутренними или внешними впечатлениями с одной стороны, и нравственными побуждениями или представлениями — с другой. Рациональная философия потеряла надежду когда-нибудь наполнить его, а анатомия и физиология не направляли еще изысканий своих к этой цели. Посмотрим, действительно ли нет никакой возможности идти к ней по верной дороге.

Но я считаю необходимым остановиться на минуту на некоторых обстоятельствах, которые лучше раскроют, каким образом совершаются отправления чувствительности.

§ VI — Психологи и физиологи, как будто сговорившись, разбили все впечатления, по общему действию их в чувствительной системе, на два, действительно охватывающие все их порядка: *удовольствие* и *страдание*. Я не стану доказывать, что как то, так и другое одинаково имеют предметом сохранение животного; что оба они зависят от одной причины и содействуют одно другому при известных неизбежных отклонениях. Достаточно заметить, что без удовольствия и страдания нельзя себе представить животную природу: явления их находятся в таком же отношении к *чувствительности*, как явления тяготения и равновесия — к движению великих тел вселенной. Но они сопровождаются обстоятельствами, заслуживающими некоторого внимания.

Чувствующие оконечности нервов, или, вернее, заключающие их покровы могут быть в двух совершенно различных состояниях. Иногда внешние оконечности трубочек сильно и быстро сжимаются и отбивают, так сказать, нерв внутрь его самого; иногда же они уступают и позволяют ему свободно распускаться. Оба эти состояния, либо по степени своей, либо по важности и распространенности органов, в которых они первоначально зародились, передаются более или менее во всю нервную систему и повторяются по тем же самым законам во всех частях живого организма. Так как они приносят в отправления, или значительное стеснение, или, наоборот, особенное довольство, то легко понять, почему следуют за ними такие различные ощущения. Когда они слабы и невыразительны, то

вызывают только чувство неудобства или благосостояния; когда они достигают до большой напряженности, то рождают *страдание* или *удовольствие*.[45] В первом случае животное сворачивается, так сказать, в самого себя, как бы выставляя наружу наименьшее количество поверхности; во втором — все его органы идут как бы навстречу впечатлениям: они развертываются, чтобы принять их наибольшим числом точек. Незачем говорить, что оба условия зависят, или от свойства причин, действующих на нервы, или от образа их действия. Но не должно упускать из виду, что и приятные впечатления, в случае чрезмерной своей продолжительности, или чрезмерного напряжения, могут вызвать стеснение или даже страдание, и что болезненные впечатления, обусловливая более сильный прилив жидкостей к частям, наполненным ими, нередко вызывают в них ощущения удовольствия, так сказать, механического и местного: впрочем, это нисколько не нарушает установленного разделения ощущений.

Хотя чувствительность всегда и всюду блюдет за сохранением животного, то предупреждая его об угрожающей ему опасности, или о пользе, которую он может получить со стороны внешних предметов, то поддерживая в нем непрерывно внутренние жизненные отправления, тем не менее впечатления, по-видимому, не производятся в нем мгновенно; они не чувствуются во всех случаях с одинаковою силою, и для полного развития их всегда необходима известная степень внимательности со стороны чувствующего органа, количество которой во многих случаях может объяснить различие между самими впечатлениями.

Внимательного наблюдения над самим собою достаточно, чтобы увидеть, что чувствующие оконечности нервов получают прежде всего, так сказать, первое предупреждение, но что последствия его будут неполны, если внимательность чувствующего органа не приведет эти оконечности в такое состояние, чтобы они приняли и передали ему полное впечатление. Мы знаем несомненно, что внимательность непосредственно видоизменяет местное состояние органов, ибо без нее самые значительные поражения не производят ни страдания, ни сопровождающего его воспаления, и наоборот, кропотливое наблюдение за самыми мимолетными впечатлениями может придать им важное значение, или даже вызвать нередко действительное впечатление без видимой внешней причины, или без порождающего его предмета.

Итак, отправления чувствительности можно разделить на два периода: прежде всего оконечности нервов получают и передают первое предостережение всей чувствительной системе; или, как это будет показано ниже, одному только отдельному ее органу; потом, чувствующая система действует на них обратно, чтобы приготовить их к принятию всего впечатления; таким образом, в первый

[45] Эти два состояния чувствующих оконечностей не всегда составляют причину удовольствия или страдания; но каждое из них сопровождает свойственное ему ощущение, немедленно вызывает некоторые из его явлений и усиливает все остальные.

момент чувствительность направляется как бы от оконечностей к центру, а во второй — от центра к оконечностям, или, выражаясь более кратко, относительно ощущений нервы действуют друг на друга отраженным образом, подобно тому, как они действуют на мускулы относительно движений. Ежедневный опыт убеждает нас, что внешние впечатления действуют несомненно таким путем; он может также доказать, что то же самое происходит и относительно впечатления внутренних органов; ибо, как те, так и другие вырастают по мере своей продолжительности, которая вызывает сначала только внимательность к ним; более слабые поглощаются безразлично и поочередно более сильными; впечатления, берущие верх, нередко уничтожают действие тех, которые не получают столь же сильного развития. Наконец, в людях, с развитой в высшей степени чувствительностью, внутренние впечатления, а иногда и отправления вызывающих их внутренностей, становятся доступны сознанию вследствие необыкновенной, обращенной на них внимательности, и не подлежит сомнению, что то же явление случалось бы чаще, если бы внешние предметы не отвлекали бы от него постоянно нашего внимания.

Итак, заметим, что чувствительность действует подобно жидкости, общее количество которой строго определено, и как только масса ее направится по одному из каналов, то она на столько же уменьшится в других. Это весьма явственно обнаруживается при всех сильных душевных движениях, особенно же при исступлении, в котором головной мозг и некоторые симпатические органы проникнуты высшею степенью энергии и деятельности, между тем, как способность получать ощущения и двигаться, словом, между тем как вся жизнь оставляет, по-видимому, прочие части. В таком восторженном состоянии фанатики нередко переносили безвредно для себя сильные повреждения, которые, при естественном состоянии, были бы смертельны, или весьма гибельны; ибо опасные последствия от действия внешних предметов на наши органы зависят главным образом от чувствительности последних, и мы ежедневно видим, что то, что было бы сильным ядом для здорового организма, не производит почти никакого действия на больной. Пользуясь таким физическим предрасположением, шарлатаны всех времен и всех стран производили большую часть своих чудес: таким образом, исступленные Сен-Медора нередко поражали удивлением слабые умы безвредно наносимыми себе ударами, которые на аскетическом языке своем они называли утешениями; в этом же состояла настоящая магическая палочка, помощью которой Месмер останавливал иногда страдания и, давая новое направление внимательности, вызывал внезапно у людей, с особенно подвижною организацией, ряд необычайных отправлений, почти всегда пагубных, или по крайней мере опасных; таким же точно образом, французские и немецкие иллюминаты освобождают своих последователей от действия на них внешних ощущений и заставляют их существовать в мире, не имеющем с ними ничего общего.[46]

[46] Видения иллюминатов зависят еще от другой жизненной способности, о которой говорить здесь не место и которую я разовью в дополнительном Мемуаре; я говорю о способности чувствующего

Возвратимся же, однако, к нашему исследованию.

Отраженное действие чувствующего органа на самого себя при зарождении ощущений, и на прочие части при зарождении движений, имеет место при всех отправлениях жизни; оно следует за простыми впечатлениями, чтобы, с одной стороны, дополнить их, а с другой — вызвать все связанные с ними побуждения.

Мы говорили, что отраженное действие охватывает не всегда в равной степени весь чувствующий орган. Часто оно вызывает в нем полную деятельность; иногда же оно ограничивается одною определенною его частью; бывают же случаи, когда оно уединено от всей чувствующей системы и не переходит за границы отдельного органа. Точка его отправления есть всегда нервное средоточие, лежащее, или в толстых стволах, как хребтовый и головной мозг, или во второстепенных стволах, как толстые стволы и узлы симпатической системы, или же наконец, в стволах самых последних нервных разветвлений; и значение этого средоточия всегда пропорционально значению жизненных отправлений, вызванных отраженным действием, и значению производящих эти отправления органов.

Все это вытекает непосредственно из фактов.

Я прохожу молчанием множество наблюдений, относящихся к симпатии, для объяснения которых я должен бы был выйти из предположенных себе границ. Для нас достаточно исследования оживленной материи в некоторых состояниях, определяемых, то нормальными законами природы, то ее странными отклонениями. Мы ограничимся даже фактами, наблюдаемыми только в человеческой породе.

§ VII — Для полноты всех отправлений необходима целость всех органов; именно, необходимо, чтобы мозговая система и все принадлежности ее не были бы повреждены, ни в первоначальной организации, ни в последующем развитии болезнями. Например, для мышления необходим здоровый головной мозг. Страдающие головною водяною болезнью, уничтожающею и постепенно стирающею мозг, становятся тупыми. Однако же деятельности хребтового мозга бывает у них еще достаточно для поддержания жизни в грудных и в брюшных внутренностях, и когда даже и этот мозг испытает участь головного, толстые нервные стволы поддерживают еще довольно долгое время остаток жизни. Иногда рождаются безголовые дети:[47] они умирают немедленно после рождения, потому что в них прекращается питание, которое совершалось при помощи пуповины, а другого в них быть не может. Но это не мешает им быть толстыми и жирными, иметь правильно развитые члены со всеми признаками силы.

органа входить в деятельность самим собою, или получать впечатления, причины которых находятся непосредственно в нем самом.

[47] То есть, без головного мозга; весьма часто рта тогда или вовсе не существует, или он сросся.

В других детях состояние головного мозга не допускает возможности мысли; тем не менее, они здоровы и крепки, имеют хорошее пищеварение, все органы их развиваются правильно, и инстинктивные побуждения, общие всей человеческой природе, проявляются в них почти в те же эпохи и по тем же нормальным законам. Еще недавно я имел случай делать наблюдения над подобным автоматом. Тупость его зависела от необычайной малости и от уродливого устройства головы, которая вовсе не имела швов. Он был глух от рождения. Хотя глаза его были в хорошем состоянии, и на них действовали, по-видимому, некоторые впечатления света, он не имел никакого понятия о расстоянии. Во всем остальном он был здоров и крепок. Ел он с необыкновенной жадностью: если ему не скоро подавали кусок за куском, то он приходил в неописанное волнение. Он любил схватить то, что попадалось ему под руку, особенно оживленные предметы, теплота которых и, я полагаю, также запах, казалось, доставляли ему удовольствие. Органы воспроизведения одарены были у него преждевременной деятельностью, и нередко можно было заметить, что они сильно возбуждали его внимание.

Наконец, в матке и в яичниках развиваются иногда мясистые массы или костливые части, как например челюсти, снабженные зубами, развивающиеся и одаренные настоящей жизнью, ибо они оживляются нервами, влияние которых вызывает в них те же отправления, как в частях целого и правильного организма. Об этих уродливых произведениях следует сказать то же самое, что сказано нами выше о безголовых уродах: в них сохраняется жизнь только до тех пор, пока они связаны с органами, в которых началось их существование; природа создает и питает их особенным образом. Те, которые извергаются особенного рода родами погибают и умирают тотчас после того, как будут предоставлены самим себе, потому что тогда они не могут более пользоваться питательными соками, подходящими к их природе. Но несомненно, что они одарены были своей собственной жизнью, более или менее широкой, смотря по жизни их нервов, явным образом соединенных в систему, как это бывает в каждом чувствующем органе правильно развивающегося ребенка.[48]

Итак, повторяю, прямое и отраженное действие нервной системы, составляющие сущность различных жизненных отправлений, могут происходить в уединенных частях этой системы. По мере того, как расширяется область и влияние этих частей, умножаются и усложняются сами отправления. Развитие грудных и брюшных внутренностей может происходить единственно под влиянием хребтового мозга. Но мысль, как продукт мозга, не может существовать при отсутствии этого органа; она более или менее уродлива, если орган этот имеет неправильное или болезненное развитие. И в этом ничего нет удивительного, потому что нервы

[48] Исследователи растительной физики часто замечали в отрубленных частях растений известные наросты, не распространяющиеся на все растение. Почка может расти и цвесть, между тем как ветвь и все дерево, с которыми соединена она, не пользуются уже жизнью. Она может сделаться источником правильного, хотя ограниченного известною местностью прозябания. Явление это еще более поразительно, когда встречается в царстве животных.

зрения, слуха, вкуса и обоняния непосредственно выходят из него, а нервы руки, от которых зависят самые тонкие отправления осязания, находятся в ближайшей от него зависимости, образуясь большею частью из шейных пар.

Чтобы составить себе точное понятие об отправлениях, результатом которых является мысль, следует рассматривать головной мозг, как отдельный орган, предназначенный исключительно для ее производства, подобно тому, как желудок и кишки совершают пищеварение, печень вырабатывает желчь, околоушные, подчелюстные и подъязычные железы отделяют слюну. Впечатления, дойдя до мозга, возбуждают в нем деятельность, подобно тому, как пища, попадая в желудок, вызывает в нем более обильное отделение пищеварительного сока и движения, способствующие ее растворению. Отправление первого состоит в сознании каждого отдельного впечатления, в выражении его знаком, в сочетании различных впечатлений, в сравнении их между собою, в составлении суждений, подобно тому как отправление второго состоит в действии на питательные вещества, вызвавшие его к деятельности, в растворении их, в уподоблении соков нашей природы.

Нам возразят, что органические движения, по которым совершаются отправления мозга, нам неизвестны. Но и деятельность нервов желудка, вызывающих различные отправления пищеварения; но и способ развития в пищеварительном соке живой, растворяющей силы не менее скрыты от нашего исследования. Мы видим, что пища поступает в эту полость с известными качествами, мы заключаем, что именно полость эта произвела в ней испытанные ею изменения. Таким же точно образом, мы замечаем, что впечатления достигают до головного мозга через посредство нервов: они поступают в него отрывочными и бессвязными. Орган приходит в деятельность, он действует на них, и скоро возвращает их превращенными в представления, и наконец, выводит их наружу при содействии игры физиономии и жестов, или звуков языка и знаков письма. С неменьшею достоверностью мы заключаем, что головной мозг в некотором смысле переваривает впечатления, что он органически выделяет мысль.

Это вполне разрешает затруднение, представляемое теми, которые, принимая чувствительность за страдательную способность, никак не могут понять, что сознавать, мыслить и воображать — одно и то же, что чувствовать. Всякое сомнение в этом отстраняется, если признать во всех этих различных отправлениях действие головного мозга на переданные ему впечатления.

Но если, кроме того, принять во внимание, что в теле животного движение, существование которого во всяком отправлении органов не подлежит сомнению, есть только видоизмененное, преобразованное ощущение, то нам вовсе не нужно будет делать никакой поправки в учении новейших аналитиков, что все физиологические и нравственные явления в конце концов приводятся неизменно к единственной причине — чувствительности.

§ VIII. Заключение — Припомнив весь ряд изложенных нами мыслей, мы можем свести полученные выводы к небольшому числу следующих положений:

Способность чувствовать и двигаться составляет существенное свойство животной природы.

Чувствительность состоит в способности нервной системы отзываться на впечатления, производимые в различных частях ее, особенно в ее оконечностях.

Впечатления суть, или внутренние, или внешние.

Внешние впечатления, вызывающие раздельное сознание о себе, носят название собственно *ощущений.*

Внутренние впечатления большею частью смутны и неопределенны; животное узнает о них только по явлениям, распознать которые оно не в состоянии; оно не может связать их с вызвавшею их причиною.

Первые составляют результат действия внешних предметов на органы чувств.

Вторые вытекают, или из правильного развития отправлений, или из болезненного состояния различных органов.

От первых зависят большею частью представления.

От вторых — побуждения, известные под именем *инстинкта.*

Ощущение и движение связаны друг с другом.

Всякое движение вызывается впечатлением, и нервы, органы чувствительности, оживотворяют и направляют органы движения.

При получении ощущения нервный орган действует отраженно на самого себя.

При движении он действует отраженно же на прочие части, которым сообщает способность сокращаться, простой и плодотворный источник всякого животного движения.

Жизненные отправления могут быть вызваны, наконец, влиянием некоторых нервных разветвлений, уединенных от целой системы: инстинктивные способности могут развиваться, хотя бы почти весь головной мозг был разрушен и казался бы в совершенном бездействии.

Для образования же мысли необходимо его существование и здоровое состояние; головной мозг есть исключительный орган мысли.

Делая все эти выводы, мы всегда опирались на факты, как это делается в физике; мы шли от положения к положению, как это требуется в геометрии; повторяю, везде мы находили один и тот же источник для всех явлений животного существования — *способность чувствовать*.

Но что за причина этой способности? в чем состоит природа и сущность ее?

Истинные мыслители не могут задавать такие вопросы.

Мы можем составлять себе понятие о предметах только по представляемым ими явлениям, доступным для нашего наблюдения: природа, или сущность их не может быть для нас ничем иным, как совокупностью самих явлений.

Мы можем объяснять явления только по отношениям сходства или последовательности их с другими явлениями. Когда одно явление похоже на другое, мы связываем их более или менее тесно, смотря по большему или меньшему сходству. Когда одно постоянно следует за другим, мы полагаем, что оно рождается из него, и мы ставим их в зависимость друг от друга, которую выражаем словами: *действие* и его *причина*. Это мы называем объяснить явление.

Всеобщие явления,[49] следовательно, объяснены быть не могут, и отыскать их причину невозможно.

Вследствие всеобщности своей, они не могут быть сходны ни с каким другим явлением, потому что, допустив это, они перестанут быть всеобщими, и либо подчинятся ему, либо вполне сольются с ним. Тем менее возможно отыскать между ними такое отношение, какое существует между действием и его причиною, потому что подобные отношения могут быть установлены нами только между одинаково знакомыми нам явлениями, представляющимися в природе в постоянном чередующемся порядке, и потому что последнее, или общее явление явно потеряло бы свой всеобщий характер с той минуты, как явилась бы возможность подчинить его другому, которое на самом деле и заняло бы его место.

Одним словом, всеобщие явления *существуют*, потому что *существуют*; и в настоящее время желать объяснить причину *чувствительности* в животной физике и в рациональной философии то же, что желать отыскать причину тяготения в физике неорганической.

[49] Чувствительность есть общее явление в живой природе: ясно, что причина ее может зависеть только от первых причин. Предположив, что когда-нибудь найдена будет связь (что в самом деле и представляет невозможности), между чувствительностью и некоторыми другими, хорошо известными нам свойствами материи, всегда останется отыскивать источник последних свойств, и так — до бесконечности. Но весьма справедливо, что, следуя по такой дороге для достижения предположенной цели, можно будет разрешить множество весьма важных вопросов.

Впрочем, все эти различные вопросы зависят непосредственно от вопроса о *первых причинах*, которые недоступны уж потому, что они первые, и по многим другим соображениям, развивать которые здесь не место.

На одном из древних храмов, в котором свято хранилось предание о мудрости, до того времени, как на месте ее воцарилось шарлатанство, существовала надпись, в которой выражалась истинно великим и философским образом первая причина: *я есмь то, что есть, что было, что будет, и никто не знал никогда моей природы.*

Другая надпись говорила: *познай самого себя.*

Первая есть признание неизбежного бессилия.

Вторая есть формальное и точное указание цели, которую должны иметь, и рациональная, и нравственная философия: она представляет в некотором роде краткий вывод из всех уроков мудрости о двух великих предметах нашего исследования.

Ибо, если мы станем изучать отправления нашего разума, мы увидим, что они зависят от способностей, связанных с нашими органами.

Если же мы обратимся к исследованию нравственных законов, то увидим, что они должны быть основаны на взаимных отношениях людей друг ко другу; что отношения эти вытекают из потребностей их и способностей и что их потребности и способности зависят от их организации.

Таким образом, эта знаменитая в древности надпись γνῶθι σεαυτόν столько же заслуживает быть вырезанною на стенах этой залы,[50] как и на Дельфийском храме.

Таков, граждане, в частности предмет занятий нашего класса. Предмет этот постоянно будет связан с ними и охватит все их собою; но исследования его будут производиться по частям тем с большею осторожностью в методе, чем больше смелости и независимости будет в наших воззрениях; самые лучшие, самые светлые умы необходимо впадут в заблуждения, как только оставят путь, начерченный для него здравой философией, или пустятся в исследование бесплодных вопросов, в которых не могут служить им руководителями, ни наблюдение, ни опыт.

Такова, говорю я, цель наша и таков путь, по которому мы можем ее достигнуть. Всякому из вас известно, что если личное и общественное благополучие может быть основано только на добродетели, то сама добродетель основывается в свою очередь только на назначении природы, на разуме, на истине.

[50] Залы Национального Института.

Мемуар третий: Продолжение физиологического исследования ощущений

Я полагал, граждане, что буду в состоянии представить в одном Мемуаре общую картину явлений, относящихся к деятельности и к отправлениям чувствительности; но переступив даже за обыкновенные размеры одной беседы, мне все-таки приходится отнести в дополнительный Мемуар некоторые мысли, которые составляют, или дальнейшее развитие, или неизбежное дополнение уже представленных мною положений. Сегодня я прошу у вас слова, чтобы изложить пред вами эти мысли. Я постараюсь сделать это как можно короче, не опуская, впрочем, ничего, более или менее существенного.

§ I. — Мы видели, что одушевленные существа получают впечатления, не только вызываемые внешними предметами, действующими на органы чувств, но по обыкновенному ходу жизни и по развитию восстанавливающих и поддерживающих ее отправлений, по различного рода причинам, действующим на чувствительность внутренних частей, существа эти получают еще другие впечатления, на которые внешний мир не оказывает непосредственного влияния. Мы видели, что оба рода этих органических видоизменений действуют на образование представлений и побуждений, и мы надеялись подчинить каждому из них особый порядок нравственных отправлений, склонностей и действий, по-видимому, исключительно зависимых от того или другого.

Для составления более полного понятия об этой общей деятельности нервной системы мы должны сделать еще шаг вперед.

Разделение как чувствительных органов, так и получаемых ими впечатлений на внутренние и внешние, я полагаю, не встретит теперь никаких затруднений. Но на этом не может остановиться наше исследование.

Мы сказали, что нервная система действует отраженно на самое себя при получении ощущения, и на мускулы при вызове движения. Но она может еще получать впечатления вследствие известных изменений, происходящих внутри ее, и независимых ни от влияния ее чувствующих внешних оконечностей, ни от влияния внутренних органов. В явлениях, о которых говорю я, причина впечатлений лежит в мозговой или в нервной мякоти. Чувствующий орган действует отраженно на самого себя, и этим возбуждает впечатления, как он действует на свои собственные оконечности в обыкновенных случаях; он приходит в деятельность, чтобы переработать эти впечатления, *как будто бы они получены им извне*. Нередко впечатления эти и деятельность возбуждаемого ими мозгового средоточия бывают проникнуты удивительной энергией, вследствие которой являются обыкновенно движения и побуждения, которые тем сильнее поражают

наблюдателя, что причина их решительно ускользает от его внимания и что они не имеют никакой связи с обыкновенной, видимой причиной возбуждения.

Подобно тому, как отправления чувствительности, вызванные впечатлениями, зарожденными во внутренних или внешних органах, могут привести в деятельность, или всю нервную систему, или только известные ее части, таким же точно образом и впечатления, развивающиеся сами собой в глубине нервной системы, могут выходить, или из общего ее возбуждения, или ограничиваться только одной какой-нибудь ее ветвью, возбужденной причиной, в ней сосредоточенной и ограничивающей ее деятельность.

Общее всей действие системы может, наконец, при известных условиях, направиться только к некоторым отдельным органам и исключительно в них сосредоточиться, подобно тому, как частные возбуждения одной или нескольких ветвей ее тоже могут быть переданы, или только некоторым ветвям, с которыми соединены они более тесной и живой симпатией, или увлечь за собой всю систему.

Различные положения эти вытекают из нескольких, столько же простых, сколько убедительных фактов.

Практическое врачебное искусство встречает ежедневно примеры помешательства, эпилепсии, исступленного состояния, одним словом, различных отклонений в отправлениях мозговой системы, не имеющих никакой связи с повреждением какого бы то ни было внешнего или внутреннего органа. Клинические наблюдения показывают, что причина их заключается в самом нервном органе; это нередко подтверждалось самым несомненным образом вскрытиями; ибо плотность, цвет, само строение мозговой мякоти находилось тогда в противоестественном состоянии; иногда находили в ней даже посторонние тела, как излившиеся в нее лимфатические жидкости, скопления студенистого вещества, костяные осколки, затвердения или окаменения, присутствие которых и вызывало болезненные припадки.

В этих случаях, в которых наблюдателю легко связать явления с их причиной, мы видим ясно, что впечатления, зарождающиеся в глубине самой чувствительной системы происходят в ней точно таким же порядком, как впечатления, вызываемые внешними предметами; что они крепнут и становятся более раздельными по мере своей продолжительности; что чувствительный орган связывает их и сравнивает; что из них он вырабатывает суждения и побуждения; что вследствие этих впечатлений он вызывает в мускульных частях движения, которые, находясь в полной независимости от впечатлений, получаемых прочими, внутренними или внешними органами, долгое время объяснялись сверхъестественным образом. В этих случаях живое тело является пред нами при необыкновенных условиях, которые дают нам понятия о более правильных его отправлениях. Между этим состоянием, в котором все процессы, по-видимому, извращены, и естественным

состоянием, в котором явления происходят по малоизвестным нам законам, существует множество промежуточных оттенков, в которых правильные и беспорядочные состояния будто перемешиваются в различных пропорциях, но время от времени в них выражается по некоторым признакам сила и деятельность, действительно присущие чувствующему органу.

В самом естественном состоянии, при небольшом внимании, мы можем уже заметить, что чувствующий орган может сам собою прийти в деятельность; мы видим, что он может обойтись без посторонних впечатлений, что в некотором отношении он может даже совсем отстранить их и освободиться из-под их влияния. Таким образом, напряженное внимание, глубокая задумчивость могут остановить действие внешних чувствующих органов; таким же образом, берем самый обыкновенный пример, происходят отправления воображения и памяти. Правда, понятия о вспоминаемых и представляемых предметах, доставляются обыкновенно впечатлениями, получаемыми различными органами, но действие, вызывающее оставленные ими следы, представляющее их головному мозгу под настоящим их видом и возбуждающее в этом органе способность соединять их на тысячу новых ладов, часто [51] нисколько не зависит от причин, лежащих вне чувствующего органа.

Я не буду останавливаться долее на этой части учения, которая, кажется мне, достаточно освещается простым изложением фактов. Но не следует упускать из виду следующих из них выводов: они имеют приложение к самым важным вопросам физиологии и философского анализа, и без них понятия о непосредственных отправлениях чувствительности будут весьма ложны. Мы увидим в другом месте, что они могут пролить свет и на явления сна, о естественной связи которого с теорией помешательства и бреда мы намекнули только мимоходом.

Другие, такие же обыкновенные явления доказывают точно так же, что эта, в некотором роде самопроизвольная деятельность чувствующего органа ограничивается иногда одним каким-либо его разветвлением. Во многих болезнях, ежедневно встречаемых врачебной практикой, замечаются некоторые странные, местные, извращенные проявления чувствительности, нередко исправляемые более точными впечатлениями других органов, но не менее редко получающие и преобладание, и порождающие по крайней мере отдельные ложные представления. Я встречал гипохондриков, которые считали себя до того легкими, что боялись, чтобы малейший ветер не унес их; я встречал и таких, которые воображали, что нос их получает необычайную величину, и которые утверждали, что чувствуют самым определенным образом, как он увеличивается в своем объеме.

[51] Я говорю часто, но не всегда. Во многих случаях отправления воображения и памяти непосредственно возбуждаются и определяются по нашей воле впечатлениями, которые следует отнести к чувствующим оконечностям, внешним или внутренним.

Некоторые получали ощущения какого-нибудь необыкновенного запаха, другие слышали беспокойный шум или приятные звуки.

Один больной, страдавший нарывом в мозолистом теле, неоднократно жаловался мне во время своей болезни, что чувствует, как исчезает из-под него кровать и что шесть месяцев его постоянно преследует трупный запах. Чтобы избавиться от него, он часто нюхал табак, но это было бесполезно: оба запаха смешивались самым отвратительным образом, и он одинаково относил, как тот, так и другой к одному и тому же органу обоняния.

Можно было бы привести еще несколько таких странных ощущений, которые наблюдал Бургаве над самим собою во время болезни, при которой нервная система его была самым странным образом расстроена. Почти такой же случай пришлось наблюдать и мне в одном человеке, одаренном, впрочем, большим и светлым умом. Ему казалось, что он поочередно, то увеличивается в объеме, то уменьшается до бесконечности. Но зрение, слух, вкус и проч. находились у него почти в их естественном состоянии и суждения вообще сохраняли постоянно всю свою правильность.

Прочие больные, о которых говорилось выше, также были в состоянии исправлять свое первое суждение.

Но известно, что рассудок гипохондриков не всегда освобождается из-под власти такого обмана. Всякому известно, хоть понаслышке, что многие из них воображали, что одарены стеклянными или соломенными ногами, что не имеют головы, или что в теле их заключена такая масса воды, что они были бы в состоянии затопить всю страну, если бы стали мочиться, и проч. К этим странным видениям, в которых они сомневались так же мало, как в самых непреложных истинах, нередко присоединяли они здоровые понятия и верные суждения обо всех остальных предметах: некоторые были даже в состоянии в это самое время исполнять самые замысловатые работы. Среди припадков самой жестокой гипохондрии Свамердам делал самые блистательные свои исследования. Когда же он вбил себе в голову, что может обидеть Бога таким любознательным исследованием его творений, то отказался от продолжения своих прекрасных опытов над впрыскиванием, которое он изучал гораздо ранее Рюиша, и успел уже весьма усовершенствовать метод его, и кончил тем, что в жестоком припадке он бросил в огонь большую часть своих рукописей.

Факты, приводимые мною, повторяю, весьма обыкновенны; известно также, какими остроумными способами врачебному искусству удавалось иногда рассеять подобного рода болезненные заблуждения.

§ II. — Не только относительно ощущений, но и относительно движений самопроизвольная деятельность нервной системы ограничивается нередко какой-нибудь определенной частью тела.

Всякое движение живых частей предполагает внутри мозгового средоточия, или в отдельном нервном центре вызывающей его части подобное же движение, которому оно служит, так сказать, выражением. Когда двигаются мускулы, мы убеждены, что части и разделения головного мозга или его разветвлений, от которых зависит движение, тоже двигаются в соответствующем порядке. Замечаемые нами отдельные движения зависят от других, скрытых, тоже отдельных движений, подобно тому, как при общих хронических конвульсиях, в которых разом приходят в движение все мускульные органы, части головного мозга и нервные разветвления, управляющие этими движениями, находятся в несомненном общем возбуждении, будет ли оно вызвано непосредственно, или симпатически.[52] Анатомия показывает нам, что при известном поражении головного или хребтового мозга, или нервных узлов, вызывающем неправильные движения во внешних органах, поражение это оказывает влияние преимущественно на один какой-нибудь орган, и ограничивает движения одной определенной области. Опыты, производимые над живыми животными, подтверждают ту же истину. 0Если уколоть, или раздражить каким бы то ни было образом известную часть мозгового органа, то вызванные таким способом движения переходят от мускула к мускулу и нередко не выходят за пределы движений, ограничивающихся раздраженными частями. Наблюдение над нормальными явлениями дает опять-таки те же результаты. Во сне человек шевелит рукою, ногою или другою какою частью тела, смотря по тому, в которой из них развиваются впечатления, идущие в чувствующий орган и перерабатывающиеся в нем, смотря по характеру представлений, образующихся в то время в головном мозгу. При бодрствовании же, в самом естественном состоянии, случается постоянно, что в памяти сами собою подымаются самые отдаленные воспоминания, или что картины, рисуемые воображением, вызывают в известных отдельных органах ограниченные движения, причина которых, несомненно, лежит в определенных частях мозговой системы, соответствующих этим органам.

Наконец, сосредоточение чувствительности или движения в некоторых отдельных частях чувствующей системы, к которым направляется и которыми ограничивается

[52] Это заставляет нас снова возвратиться к вопросу о несокращаемости нервов. Мы говорили, что она безусловна, и что нервы в самом деле остаются неподвижными относительно окружающих их частей; но, как мы заметили в предыдущем Мемуаре, они тем не менее испытывают непременно множество внутренних движений. Мякоть головного мозга, продолговатого и хребтового, способная к расширению и к сжатию, по-видимому, подвержена весьма явственным колебаниям. Сделав глубокую рану в мозжечке живой собаки, Шлиттинг погрузил в нее палец; он почувствовал чередующиеся колебания мозговой мякоти, оказывавшие давление на его палец, и движение это начиналось снова и становилось сильнее всякий раз, когда другою рукою он раздражал хребтовой мозг, вскрытый по длине своей в нескольких позвонках.

тогда общее возбуждение; переход их из одной части в другую; обнаружившееся действие их не в тех частях, в которых они, по-видимому, зародились, то есть, действие, выражающееся сильнейшим образом в одних органах, когда вызвавшие его причины приложены к другим, все эти явления доказываются, говорю я, опять-таки самыми обыкновенными наблюдениями и самыми простыми опытами.

Известно, что первоначальное расположение к эпилепсии, состоящей, собственно, в расстройстве нервной системы, почти никогда не обнаруживается припадками однообразными, общими и одновременными во всех органах, в которых могут быть конвульсии. Обыкновенно же припадки начинаются болезненным чувством в верхнем устье желудка, или в грудобрюшной преграде. Больной чувствует тяжесть в голове, легкое головокружение; взгляд его становится угрюмым, и вдруг он теряет сознание. Нередко за головными болями следует особенная нервная дрожь по всей длине хребтового мозга и толстых нервных стволов; за этой дрожью — более или менее живые ощущения в половых органах. Причина конвульсивных движений, сосредоточенная вначале в грудобрюшной области, распространяется мало-помалу по нервным путям в самых чувствительных органах, и внимательный наблюдатель замечает, что впечатления, так сказать, вызывают, побуждают друг друга, пока не будет вызвано всеобщее возбуждение.

При другого рода эпилепсиях, называемых *симпатическими*, потому что они возбуждаются местным поражением, сообщающимся и распространяющимся по сочувствию, припадки приготовляются в самом страдающем органе. Если, например, болезнь лежит в нерве ноги, чувствующая мякоть которого поражена внутренним образом, или сдавлена каким-нибудь внешним предметом, то больной испытывает сначала известные, необыкновенные, болезненные или просто беспокойные и утомительные ощущения в самой пораженной части. Но скоро по пути нерва следует другое ощущение, которое больной сравнивает с ощущением от *дуновения* или *свежего ветерка*, и которое называется поэтому в медицине *эпилептическим ветерком* (aura epileptica); оно поднимается к голове и припадок начинается в ту минуту, как *ветерок*, по-видимому, достигнет черепной полости.

При начале некоторых злокачественных лихорадок замечается подобное же скопление то нервной чувствительности, то конвульсивной, мускульной сокращаемости, продолжающихся несколько дней. Оно служит предзнаменованием, или общего расстройства в отправлениях чувствующего органа, или опасных конвульсий, которые в продолжении болезни будут переходить внезапно из одних мускулов в другие. Эти поражения чувствительности проявляются обыкновенно в желудке или в органах чувств, а конвульсивные движения обнаруживаются преимущественно в горле и в мускулах челюстей, и опасность тех и других может, по-видимому, измеряться соседством их с общим нервным средоточием.

В других случаях, наоборот, все поражения и все движения сходятся, так сказать, исключительно в известных органах. Ощущение чувствуется сначала во всем теле, и конвульсиями поражаются все мускулы, но вскоре все сосредоточивается в одной, слабейшей части, и, чем более длятся припадки и чем чаще они повторяются, тем безусловнее и быстрее они сосредоточиваются. Наконец, нервные болезни представляют нам ежедневные примеры внезапного расстройства желудка, вызываемого известными мыслями и чувствами: истерические и гипохондрические припадки оканчиваются нередко развитием чувствительности или конвульсий в некоторых органах: у людей с подвижною организацией они вызываются уже усиленною внимательностью или напряженною мыслью.

Что касается до симпатического сообщения больного органа с прочими, то, приводя, как мы это делали доселе, только такие поражения, которые вызываются причинами, лежащими непосредственно внутри самого чувствующего органа, примеры их представляются ежедневно во множестве пред глазами наблюдателя: медицинские сочинения наполнены ими. Таким образом, известные повреждения в головном мозгу производят воспаления и нагноения в печени, подобно тому, как повреждения в печени производят, по законам, не относящимся, впрочем, к предмету наших исследований, воспаление и нарывы в головном мозгу. Таким образом, при удушливом бреде, называемом кошмаром, (я имею в виду здесь опять-таки только такой, который не зависит от особенного нервного расположения), так при кошмаре, говорю я, наблюдение дает нам знать, а иногда и явственно показывает, что ощущения, или движения, начинающиеся в одной части, оканчиваются в других, или переходят из одной в другую без всякой видимой причины, которую бы мы могли объяснить известными нам симпатическими органическими сообщениями. Переходы эти явно зависят от побуждений, лежащих в глубине самой нервной системы.

Положение это доказывается несомненным образом явлением, которое показывает его в настоящем свете.

Люди, занимающиеся умственным трудом, мыслители, художники, одним словом, все люди, нервы которых получают множество впечатлений или сравнивают множество представлений, сильно подвержены расслабляющим поллюциям, (ночным извержениям семени). Припадки эти почти всегда сопровождаются сновидениями, а сновидения нередко получают характер кошмара, прежде чем вызовут припадок. Нередко случалось мне пользовать людей от такой болезни, потому что состояние их часто представляется настоящей болезнью. Я встретил, между прочим, двух, у которых явление это сопровождалось длинным подробным сновидением: они видели во сне женщину, они слышали, как она приближалась к постели, они чувствовали, как она ложилась к ним на грудь всею тяжестью своего тела, и только после продолжительных мучений действительного кошмара

половые органы их возбуждались присутствием этого воображаемого существа, а за развязкой сновидения следовало обыкновенно пробуждение. Многие другие врачи замечали те же явления с небольшими различиями в подробностях.

Вывод из всего этого заслуживает, без сомнения, полного нашего внимания; впрочем, с неменьшим основанием можно бы было вывести его из всех отправлений памяти или воображения, первоначальные впечатления которых зарождаются в одном органе, между тем как вызываемые ими побуждения только мимоходом отражаются на нем, а направляются вообще к другому органу.

Но возвратимся на минуту к ряду наших положений, и вкратце перечислим их.

Мозговая система одарена способностью приходить в деятельность сама собою, то есть, получать впечатления, производить движения и вызывать соответствующие им в прочих органах, вследствие причин, лежащих в глубине самой системы и приложенных непосредственно к какой-нибудь части внутренней мозговой мякоти.

При таких условиях, впечатления, воспринимаемые вообще всею нервною системою, могут сосредоточиться в одной из частей ее; впечатления, возбужденные в одной из частей ее, могут, или сделаться всеобщими и вызвать к деятельности всю систему, или перейти симпатическим путем из одной ее части в другую и вызвать последние выражения свои, или не в том месте, в котором лежит вызвавшая их причина, или в той же части, в которой родилось впечатление.

Все эти свойства нервной системы присущи ее природе и без них нельзя себе представить ее существования. Изучение их, точное представление о них необходимо, чтобы составить верное понятие о механизме ее отправлений: и не должно пренебрегать взвешиванием ни одного из наблюдений, которые могут пролить свет на такие необыкновенные явления.

Таким образом, внутри человека, по выражению Сиденгама, существует другой, внутренний человек, одаренный теми же способностями, теми же движениями, способный к тем же побуждениям, которые выражаются в его внешних действиях, или точнее, видимые отправления жизни только указывают, обнаруживают, представляют собою скрытые в человеке внутренние отправления. Этот внутренний человек есть мозговой орган. Легко видеть, что следует еще отличать в нем существенно и исключительно свойственные ему впечатления от впечатлений, получаемых различными внутренними частями, и движения, зарождающиеся в глубине его самого, от движений, причины которых лежат вне его, получаются им посредством чувствующих оконечностей и производят в нем побуждения, вызывающие к деятельности различные органы движения.

Мы замечаем, следовательно, ясно три рода отправлений чувствительности, которые мы должны различать по их различному проявлению: первый относится к

органам чувств, второй — к внутренним частям, именно к внутренностям грудной и брюшной полости (к последним мы относим и половые органы), третий — к самому мозговому органу, независимо от впечатлений, переданных ему чувствующими оконечностями, внутренними или внешними.

Из всего, сказанного нами, а также из того, что мы привели в последнем Мемуаре, легко вывести заключение, что нервы и головной мозг не суть страдательные органы, что отправления их, напротив того, предлагают непрерывную *деятельность*, продолжающуюся во всю жизнь. Природа этих отправлений и способ их выражения достаточно доказывают это; сверх того, физиологическое знакомство с этими органами, то есть, с их строением и с движениями, которыми они производят и постоянно поддерживают непосредственную причину своей чувствительности, подтверждает это самым несомненным для глаз образом. Кроме того, знаменитые врачи показали, что самый сон, то состояние покоя, при котором органы чувств не получают более впечатлений, при котором вся чувствующая система старается, по-видимому укрыться от тех, без которых может обойтиться жизнь, при которых, наконец, мысль чаще всего прекращается, так знаменитые врачи показали, что сон не есть страдательное отправление, и чтобы вызвать его, мозговой орган вступает в действительное деятельное состояние.

Различные истины эти, составляющие прямой вывод из хорошо сделанных наблюдений, в свою очередь проливает свет на самые явления. Они объясняют те восторженные состояния, при которых сосредоточивается чувствительность, мысль и жизнь в определенных нервных частях; они объясняют причину сновидений, особенно таких, которые не вызваны впечатлениями, полученными чувствующими оконечностями; они объясняют, наконец, более удовлетворительным образом, как частный, так и общий бред, не только нарушающий нравственные отношения человека к внешнему миру, но могущественно видоизменяющий образ действия этих новых отношений на чисто органические его способности.

Сюда следует отнести также: некоторые особенные состояния, которые, заглушая большую часть внешних впечатлений, позволяют сознавать внутренние впечатления, которые, при обыкновенном состоянии, ускользают от сознания; эти ошибочные сочетания представлений, все перепутывающих, вследствие сопоставления предметов, не имеющих между собою ничего общего; наконец, столь обыкновенные, даже у мыслителей, расположения, вследствие которых весьма часто смешиваются непосредственные и раздельные представления, получаемые от предметов путем органов чувств, с впечатлениями, рождающимися в то же самое время, или немного спустя, в головном мозгу; смешение, делающее образы неузнаваемыми, если не имеется привычки постоянно поверять их источником их происхождения. При небольшом размышлении все это легко

понимается и объясняется само собою, и я считаю бесполезным входить по этому поводу в какие бы то ни было подробности.

Замечу только, что если сила воображения более могущественна, если отраженное действие ее на известные органы, *например*, *на половые*, обширнее во время сна, нежели во время бодрствования, то причина этого очень проста и можно отыскать ее без затруднения. В самом деле, в бодрственном состоянии в головной мозг постоянно поступает несколько внешних впечатлений, более или менее видоизменяющих его собственные отправления и до некоторой степени исправляющих заблуждения воображения; между тем как во время сна все происходит внутри; внутренние впечатления становятся более живы, более господствующи, самообольщение становится полным, и связанные с ним побуждения не встречают никакого противодействия со стороны противоположных им впечатлений, получаемых органами чувств.

Все эти положения, повторяю еще раз, кажется, достаточно объяснены мною, и мы можем идти вперед в наших исследованиях.

§ III. — При вступлении в деятельность, при свободной и покойной передаче ее в различные органы, мозговая система должна находиться в известных состояниях, на которые наблюдение может пролить некоторый свет. Придут ли в нее впечатления от чувствующих оконечностей, внутренних или внешних, будет ли причина их лежать в самой системе, вызванные в ней отправления свойственны исключительно только ей, и для этого необходимо условие ее неповрежденности. Но в чем состоит неповрежденность головного мозга, хребтового и вообще нервной системы еще не решено до настоящего времени.

Известно, что можно отнимать значительные части этой системы, не повреждая отправлений чувствительности в частях, оставшихся нетронутыми, и не внося заметного беспорядка в умственные способности. Органы, содействие которых не необходимо для поддержания жизни, часто отнимаются вместе с их нервами; значительные части самого головного мозга могут быть разрушены различными болезнями, уничтожены различными случаями или необходимыми операциями, не нарушая, ни общей чувствительности, ни самых нежных жизненных отправлений, ни рассудочных способностей. Правда, то, что не оказывает заметного действия на одного человека, становится важным, а иногда и совершенно гибельным для другого, а части, с тщательным сохранением которых природа соединяет сохранение самой жизни или ее самых важных отправлений, большей частью не одни и те же у всех людей. Но, за исключением органов, с разрушением деятельности которых прекращается сама жизнь, опыт тем не менее показывает, или даже показывает тем решительнее необычайную трудность определить степень, когда поражение должно вызвать такое-то известное последствие. Исключения не составляют ни головной мозг, ни даже мозжечок, ни подчиненные части того и другого: можно утверждать это, основываясь на наблюдениях и на

самых точных опытах; и хотя острые и внезапные их болезни, в особенности же центральных частей их, составляющих обыкновенно общий источник происхождения нервов, сопровождаются довольно постоянно пагубными последствиями, множество примеров показывает, что в менее резких случаях, при более медленных болезнях, нельзя предсказать наверно, будут ли смертельны или нет потеря или сохранение чувствительных и умственных способностей.

Тем не менее, мы повторим, что для мышления необходим неповрежденный головной мозг; ибо без головного мозга невозможно мыслить, и болезни его вызывают соответственные и пропорциональные им уклонения в отправлениях разума. Но в чем состоит эта неповрежденность, признаюсь чистосердечно, обозначить я не в состоянии.

Внутренняя организация мозговой мякоти еще весьма мало знакома нам; настоящие инструменты наши, по-видимому, не могут доставить нам новых открытий. Мне кажется, что мы исчерпали все, что может нам доставить употребление микроскопа и искусство впрыскиваний. Чтобы двинуть вперед анатомию человека вообще и нервной его системы в особенности, надобно изобрести новые методы, новые инструменты; вот почему так трудно определить органические условия, без которых эта система выполняет худо, или вовсе не выполняет своих отправлений; тем не менее, наблюдение над болезнями и вскрытие трупов доставили несколько полезных соображений, которые, сверх того, совершенно согласны с обыкновенными явлениями чувствительности. Я приведу эти различные выводы.

В естественном состоянии головного мозга легко заметить, что цвет его, плотность, объем сосудов, обнимающих его, или погруженных в его подразделения, строго обозначены и определены природой. Нельзя сомневаться, чтобы не было прямого отношения между этими условиями и способом отправления чувствительности, ибо при перемене в одних, настолько же видоизменяются другие. Когда мякоть более или менее плотна, чем следует, когда она более или менее окрашена, когда сосуды ее слишком вялы или упруги, когда наполняющие их жидкости находятся в чрезмерно сгущенном или разжиженном состоянии, когда они недеятельны или едки, отправления чувствительности не происходят в надлежащем порядке.

Иногда головной мозг бывает в особенно размягченном состоянии; он напитан мокротами, лимфатическими и студенистыми веществами; цвет его тусклый, слегка желтоватый; дряблые сосуды его только в главных стволах своих представляют немногие следы бледной крови. Иногда же, наоборот, мозговая масса представляет более плотное строение, чем при естественном состоянии; мякоть ее как бы суха и почти рыхла на осязание; часто тогда сосуды ее переполнены деятельной, алой, а иногда густой, черноватой как смола кровью. Нередко можно заметить в ней следы настоящего воспаления, то есть, артерии и вены не только ярко окрашены, первые в красный цвет, а вторые в синий с более красноватым

оттенком, чем при обыкновенном состоянии, но и белые оболочки и сама мякоть во многих местах покрыты кровавыми пятнами. Наконец, мы сделали уже это замечание в первом Мемуаре, мозговая мякоть может быть неравномерного строения, крепкая и сухая в одной части, и мягкая и влажная в другой, и в ней нередко образуются посторонние тела различного рода, окостенения, окаменения, хрящевые образования, затверделости, и проч.

Таковы вообще органические состояния головного мозга, примеры и доказательства которых доставлены анатомией. Сравнение же многих трупов доставило возможность объяснить этими различными явлениями соответствующие им во время жизни состояния чувствительности.

Исследование здорового и больного человека доставляет нам общие факты, которые, если и не находятся в такой видимой связи с постоянными органическими состояниями мозговой системы, тем не менее дают нам право рассматривать их, как выражения главных законов, по которым происходят ее отправления.

Для принятия впечатлений и для надлежащего их действия необходимо, чтобы они имели известную определенную степень живости; чтобы они направлены были от оконечностей к средоточию для вызова ощущения, и возвращались бы затем от центра к оконечностям для вызова движения — и в том, и в другом случае со средней скоростью; необходимо, чтобы чувство не было тупо или слабо, но чтобы оно не было и слишком живо и мятежно, чтобы движение следовало за ним быстро, как молния, но чтобы оно не было, ни беспорядочно, ни торопливо. Если впечатления слабы, смутны и вялы, то побуждения образуются медленно и неполно. Если впечатления чрезмерно глубоки, господствующи, стремительны, то и побуждения принимают особенные, более или менее соответствующие им свойства, которые равным образом могут быть искажены ими.

Можно, например, встретить людей, мысли и желания которых рождаются, по-видимому, мгновенно и решительно, но лишены необходимой степени энергии и деятельности. Встречаются другие, которые, наоборот, тщетно усиливаются освободиться от некоторых господствующих над ними впечатлений, дающих их понятиям и склонностям известное, исключительное и упорное направление. Встречаются, наконец, и такие, которые, разбирая с трудом множество испытываемых ими одновременно впечатлений, не находят времени для сравнения различных предметов, вследствие чего, все поступки их принимают стремительный характер, с которым они, по-видимому, сладить не в состоянии.

Нет никакого сомнения, что существует непосредственная зависимость между тем, как складывается ощущение, и тем, как выражается движение: в этом общем виде положение это не может вызвать возражения. Но так как здесь можно встретить факты, которые на первый взгляд будто вполне противоречат друг другу, то нужно

сначала тщательно взвесить обстоятельства, характеризующие их, чтобы достигнуть полных и удовлетворительных результатов.

Смутное, слабое чувство вызывает неопределенные и неэнергические движения; но из этого не следует заключать, что двигательные органы непременно были тогда в состоянии совершенной слабости. С другой стороны, из того, что живое чувство вызывает быстрые и сильные движения, по крайней мере, *относительные*, вовсе не следует заключать, чтобы эти органы одарены были действительно особенною силою. Несомненно, что двигательные силы поддерживаются влиянием сил чувствительных, и когда последние погасают или перестают действовать, то и первые тоже потухают, или ослабевают и исчезают. Чтобы чувствительность была источником жизни и деятельности, необходимо, чтобы отправления ее были правильны и согласны с ее нормальными законами. Слишком живые и многочисленные впечатления искажают, истощают и уничтожают необыкновенным образом мускульную энергию. Слишком чувствительные люди бывают обыкновенно слабы, и не потому, чтобы чувствительность их была следствием слабости их органов, но потому, что самый источник движений, вызывающая их нервная причина, чрезмерно истощаемая тем отраженным действием, которое, как мы видели, необходимо для возбуждения чувствительности, недостаточна для такого же отраженного действия, еще более необходимого для возбуждения движений.

Итак, у таких людей движения живы и быстры, но энергия их лишена устойчивости. Торопливость их движений может быть иногда развита до того, что они живут в состоянии постоянной подвижности. Чувствительные ко всем впечатлениям, они разом повинуются всем; и так как впечатления их бесчисленны и непрерывны, то они, по-видимому, колеблются, которому отдаться. Я видел женщин, подвергнутых истерике, и даже мужчин, страдающих гипохондрией, особенно таких, у которых это состояние вызвано злоупотреблением любовными наслаждениями, которые вздрагивали при малейшем шуме, которых малейшее движение приводило в необыкновенное волнение. У Месмера некоторые из таких, в высшей степени нервных женщин, собиравшихся вокруг его магнетизированной ванны, не могли, по-видимому, видеть ни одного жеста, чтобы не прийти в волнение. Голландские и английские врачи рассказывают об одном, до такой степени подвижном человеке, который не мог удержать себя от повторения всех движений и всех жестов, которых он был свидетелем; если ему препятствовали повиноваться такому побуждению, удерживая насильно его члены, или заставляя принимать противоположные положения, то он испытывал невыносимо тягостное состояние. В этом случае, как легко заметить, способность подражания доведена до болезненного состояния, и, хотя это свойство составляет главный источник нашего совершенствования, не трудно понять, что как только оно перейдет за известные пределы, то делает невозможным, ни размышление, ни составление желания.

Эти чередующиеся преобладания, то чувствительных, то двигательных сил объясняют нам, почему в эпилепсии и в бешенстве, при которых внешние чувства получают самое незначительное количество впечатлений, органы движения приобретают неимоверный избыток энергии: они представляют случай, совершенно обратный тем состояниям мускульного расслабления, о которых мы только что говорили, и которые вызываются чрезмерной чувствительностью. Эти преобладания решительно указывают также на непосредственную связь между чувствующей причиной и двигательной, а это ведет нас необходимо к положению, что все движения вытекают из мозговой системы, а все впечатления в ней сосредоточиваются.

Итак, двигательные силы притупляются и погасают, если не будут возобновляться животворным влиянием и непрерывной и правильной деятельностью чувствительности; но они искажаются равным образом и теряют свою устойчивость и энергию, когда впечатления слишком живы, стремительны и многочисленны. Мы знаем несомненным образом, что истощение, следующее за любовными наслаждениями, зависит менее от сопровождающих их вещественных потерь, чем от свойственных им сладострастных впечатлений. Многие другие возбуждения, если они были живы и глубоки, оставляют за собою продолжительное чувство усталости во всей нервной системе; усиленная работа воображения или размышления, состоящая в получении и в возобновлении впечатлений, или в возобновлении и в сравнении их между собою при отсутствии вызвавших их предметов, порождает не меньшую усталость, чем самые упоительные наслаждения, или самые тягостные мускульные работы. Вот вследствие чего сон становится необходимым; в особенности необходимо прекращение ощущений: вот почему сон, быть может, еще более нужен для мыслителей, для людей с весьма развитой нравственной природой, чем для обыкновенных работников, усталые мускулы которых нуждаются, правда, в отдохновении, но зато, вследствие того что они мало ощущают и мало думают, они не истощаются так, как первые уже одним только бодрственным состоянием. Женщины, получающие вообще более многочисленные и более разнообразные впечатления, а также некоторые мужчины, приближающиеся к ним по первоначальной своей организации, или вследствие болезни, нуждаются в более продолжительном сне. Необходимая продолжительность сна может в некотором роде измеряться скорее количеством полученных ощущений, чем количеством сделанных движений. Мне случалось встречать людей, не смыкавших глаз по нескольку лет и не могших, следовательно, освободиться вполне от действия на них внешних предметов и от работы памяти и воображения, но они испытывали каждый день один или два раза особенное, периодическое, на несколько часов оцепенение, во время которого они не были в состоянии мыслить и чувствовать.

Взвесивши строго приведенные факты, можно вывести из них еще такое соображение: энергия и продолжительность движений пропорциональны силе и

продолжительности ощущений. Я говорю — силе и продолжительности ощущений, потому что мы только что видели, что слишком живые, слишком стремительные, слишком многочисленные ощущения оказывают противоположное действие. Соображение это вполне согласно со всем, что было сказано нами выше: оно ведет к новым воззрениям на характер побуждений, относительно вызывающих их впечатлений и относительно органов, в которых впечатления принимаются; оно определяет еще более точным образом истинную связь между чувствительными и двигательными силами; оно может даже объяснить чередующееся преобладание тех и других, то есть, условия, при которых одни тем менее деятельны, чем сильнее возбуждены другие.

Уже первые физиологи заметили, что отправления мускульной системы или двигательной, находятся в некотором особенном равновесии с отправлениями нервной системы или чувствительной. Сверхъестественная энергия, удивительная иногда продолжительность движений связаны у некоторых людей с сильною, глубокою, в некотором роде неизгладимою чувствительностью. Если это расположение постоянно, и выражено явственно, то оно образует особенный темперамент, или, вернее, особые оттенки темперамента, сходные по одному общему признаку и зависящие от него, именно от устойчивости всех отправлений. Но можно предположить, что впечатления бывают глубоки и продолжительны только вследствие того, что крепки и упруги первоначальные волокна органов; таким образом, чувствительные силы могут быть значительнее видоизменены состоянием двигательных сил, нежели двигательные силы — чувствительными. На первый взгляд ничего не может быть правдоподобнее этого предположения, и так как справедливость его может провести между ними самую резкую границу, то замечательно, что Галлер и его последователи не обратили внимания на этот вопрос, который доставил бы им более сильные доводы, чем большая часть тех, которые приводились ими. Правда, новые факты не замедлят опрокинуть и это предположение. Самые крепкие мускулы ослабевают, как это следует из того, что сказано нами выше, единственно вследствие слишком живых или слишком многочисленных ощущений, получаемых человеком, при одинаковости прочих условий; если некоторые обстоятельства изменяют характер ощущений даже у слабых и вялых людей; если, например, некоторые болезни возбуждают непосредственно в нервной системе причины, порождающие сильные, глубокие и продолжительные впечатления, или если они вызывают в ней расположение к принятию подобных впечатлений извне, то самые расслабленные мускулы мгновенно получают способность к таким энергическим и сильным движениям, которые трудно себе представить.[53]

[53] Из этого не следует, что состояние клетчатого органа или мясистых волокон не оказывает в свою очередь непосредственного влияния на чувствительность; мы будем иметь неоднократный случай заметить это при описании возрастов, полов и темпераментов; но мы увидим также, что состояние бесчувственных частей (то есть, чувствительность которых не обнаруживается в естественном состоянии), всегда означено заранее первоначальным или случайным строением нервной системы.

Таким образом, истерические женщины, которые при обыкновенном состоянии едва держатся на ногах, при конвульсивном припадке нередко побеждают препятствия, которые были бы не под силу нескольким человекам. Таким образом, при меланхолических поражениях, при бешенстве, особенно при помешательстве, слабые, хилые люди разрывают связывающие их веревки, иногда цепи, которые, при естественном состоянии, разорвали бы все их мускулы; что, скажем мимоходом, устанавливает огромное различие между механическими силами мускульного волокна и оживляющими его в различной степени силами. Таким же еще образом, в припадке энергической страсти человек открывает в себе силу, которой он и не подозревал, и становится способным на такие движения, мысль о которых при покойном состоянии привела бы его в ужас. И нельзя сказать, чтобы тогда человек признавал в себе и приводил в деятельность силы, существующие в нем, но находящиеся в усыплении: общие наблюдения, только что приведенные мною, доказывают, что в нем развиваются тогда действительно новые силы вследствие нового способа возбуждения нервной системы. Я не упоминаю, впрочем, как это легко заметить, о расстройствах, вносимых глубокими потрясениями в отправления восстанавливающих органов, о расстройствах, которые, сказать мимоходом, не всегда разрушают мускульные силы или непосредственную причину движений.

Но мы должны принять во внимание еще одно, последнее соображение, без которого в отправлениях нервной системы остается еще много непонятного; в особенности не следует пренебрегать им при составлении точного понятия о характере представлений и побуждений, или о следах, оставляемых одними, и об отправлениях, в которые преобразуются другие.

По мере того, как ощущения уменьшаются в числе, или становятся более тупыми, мускульные силы обыкновенно увеличиваются, и деятельность их приобретает большую степень энергии. Бешеные люди нередко становятся почти вовсе бесчувственны ко внешним впечатлениям, и именно тогда они более всего способны к сильнейшему неистовству. Глупые или ограниченные люди, эпилептики, чувствительность которых обыкновенно притуплена, одним словом, все люди, чувствующие меньше других, одарены, по-видимому, большим количеством мускульных сил. Многие дельные наблюдатели вывели из этого закон, что мускульные силы находятся в обратном отношении к чувствительности и наоборот. Но при небольшом внимании легко заметить, что в этом выводе есть какая-то сбивчивость; и нахожу ее в самих фактах, приводимых для его доказательства. Увеличение силы у эпилептиков и у бешеных, я согласен, совпадает с ослаблением и даже с полным прекращением внешних впечатлений; но источник увеличения их силы находится не в этом обстоятельстве. Врачебное искусство и анатомия показывают нам, что оно зависит от могущественных впечатлений, причины которых непосредственно лежат в мозговой системе и производят в то же самое время оцепенение внешних чувств. У людей с ограниченным умом, но

вообще здоровых и сильных, впечатления, вызывающие энергические мускульные движения, тоже вытекают всегда непосредственно из мозговой системы, или из других внутренних органов. Но количество наших умственных способностей зависит от количества и свойства приобретенных нами понятий о внешних предметах, и глупость будет тем значительнее, чем менее живы, менее глубоки и менее разнообразны будут впечатления, получаемые органами чувств.

Теперь уже можно предвидеть цель, к которой мы стремимся, и нетрудно уже, полагаю я, почувствовать верность пути, по которому мы направляемся.

§ IV. — Оставим, собственно, так называемые мускульные движения и возвратимся к представлениям и побуждениям, непосредственно зарождающимся и развивающимся в нервной системе. Мы уже видели, что как те, так и другие вызываются несомненно из движений, лежащих в глубине самой этой системы; мы можем, стало быть, привести ее ближайшие отправления к тем же законам, которые управляют деятельностью всякого члена. Но что же происходит при движении какого бы то ни было члена? Причина движения передается ему нервами, а сама она пропорциональна с впечатлениями, полученными и переработанными в нервном центре.

Другими словами: всякому движению предшествует соответствующее ему впечатление, которое определяет его, и характер которого отпечатлевается на нем. Мы должны встретить тот же порядок явлений и в собственных отправлениях мозгового органа. Таким образом, если факты показывают нам, что движения, вызванные причинами, действующими непосредственно на самую нервную систему, суть самые сильные и настойчивые, если они постоянно господствуют, а иногда заглушают и покрывают все прочие, или вернее, причины этих движений, по-видимому, не могут быть тогда отвлечены от производимого ими действия никакими иными впечатлениями, то становится ясным, что и представления, и побуждения, и воспоминания, и склонности, которые суть те же воспоминания побуждений и представлений, то становится ясным, говорю я, что все эти отправления необходимо должны получить преобладание, когда они находятся в зависимости от таких же причин. Это мы и находим на самом деле у бешеных, у духовидцев, у некоторых меланхоликов, подходящих к тем, или к другим. Ни внешние предметы, ни самые необходимые потребности жизни часто не в силах отвлечь их от их обычных мечтаний и дать другое направление их мыслям.

Во-вторых, так как внутренние органы находятся в непрерывной деятельности и так как между ними и мозговым средоточием происходит постоянный обмен впечатлений и движений, то зависящие от них представления, побуждения и склонности должны получить второе место по своей энергии, устойчивости и постоянству. В этом и состоит существенный характер *инстинктивных побуждений*, которые, на основании исследования, сделанного в предыдущем Мемуаре, особенно зависят от последовательного развития и от собственных

отправлений этих внутренних органов; не от таких побуждений на самом деле не следует отделять непосредственных отправлений и развития самого нервного органа, принимающих в них большее участие.

В-третьих, так как органы чувств не находятся в непрерывной деятельности и ежедневно во время сна они не получают почти никаких впечатлений; к тому же, так как все они разом не могут получать их, и те из впечатлений, которые относятся к одному органу чувства, особенно если они живы, притупляют и даже вполне заглушают впечатления, относящиеся к прочим; наконец, так как они постоянно развлекаются действием различных внутренних органов, то впечатления их естественно должны иметь меньшую степень силы и глубины и оставлять за собою менее продолжительные следы и менее прочные воспоминания. Если бы теперь была возможность определить, на какие из органов чувств внешние причины действуют всего сильнее и постояннее, то, может быть, было бы нетрудно распределить по отделам вызываемые ими представления и побуждения, соответственно определенной степени памяти, свойственной каждому из органов чувств.

Сверх того, если справедливо, как это указывает, по-видимому, самое внимательное исследование явлений, что по природе своих отправлений органы чувств более или менее приближаются к непосредственному органу мысли, так как нервные оконечности их видоизменяются неодинаковым образом при получении ощущений, смотря по строению облекающих их покровов и по расположению нечувствительных частей, со всех сторон прилегающих к ним, то мы будем иметь новое средство для отличия представлений, побуждений, склонностей, и проч., и будем в состоянии указать более точным образом на причину их отличий.

Некоторые антропологи утверждают, что отправления известных органов чувств ближе к *духовному* состоянию, чем отправления других; что первые принадлежат, по-видимому, более к *духу*, между тем как другие более зависят от организованного вещества. Легко заметить, что если бы эти писатели имели более светлое представление о том, что они говорят, то сказанное ими приближалось бы к тому, что привожу и я, только другими словами, и нет надобности объяснять, почему я отвергаю употребляемые ими выражения.

§ V. — Нервы, по-видимому, не различаются между собою, ни веществом своим, ни строением. Мозговая мякоть распределена однообразно по всем главным стволам; она в них вполне однородна, и способ, по которому внутренние волокна располагаются и распределяются в пучки, совершенно одинаков во всех нервах. Рассматривая их оконечности, тоже невозможно отыскать различия между ними; и если перенести исследование на *казеинообразное* вещество, испускаемое ими, если рассечь их поперечным разрезом, то оно оказывается всюду одним и тем же; оно тождественно с веществом, распространяющимся из головного мозга, продолговатого и хребтового по всем главным стволам, получающим в них свое

происхождение. Вещество это оказывается одним и тем же не только под анатомическим ножом, на глаз и под микроскопом, но и при химическом анализе в нем не замечается никакого различия, ни относительно составных частей его, ни относительно явлений, при которых оно разлагается. Что касается до внешней оболочки нервов, то известно, что она есть не более как сгущенная клетчатая ткань, отправления которой ограничиваются, по-видимому, охранением мякоти нерва, поддерживанием в нем твердости и неуступчивости, необходимых для сопротивления трению соседственных частей. Итак, все дает нам повод думать, что различие между впечатлениями зависит от различного строения не нервов, но органа, в котором нервы получают ощущения, от того способа, как они в нем распускаются и от способа действия на них причин, вызывающих впечатления. Посмотрим, не могут ли объяснить нам чего-нибудь по этому поводу анатомия и физиология. Я не буду входить в большие подробности; они почти всегда бесполезны при исследовании общих законов природы; они могли бы только обременить собою те понятия, всю ценность которых составляет их очевидность и простота.

Все впечатления могут и даже должны быть приведены к осязанию. Оно составляет, так сказать, общее чувство; все прочие суть только видоизменения и различия его. Но осязание глаза, отличающего впечатления света, и осязание уха, замечающего звуковые колебания, вовсе не похожи друг на друга; не более сходны, и то и другое с осязанием языка или слизистой оболочки, отправление которой состоит в различении вкусов и запахов, ни с осязанием внешнего органа, отправления которого относятся к более вещественным, так сказать, качествам предметов, как например, к их внешней форме, объему, к их температуре, плотности, и проч.

Последнее, или собственно так называемое осязание, отправляется всею кожею, которую можно считать исключительным его органом. Кожа состоит из более или менее плотных, клетчатых листочков, из тончайших разветвлений сосудов и из нервных нитей. Нервные нити оживотворяют ее и дают ей чувствительность. При оконечностях своих, на внешней ее поверхности, они освобождаются от покровов, обращающихся в бахромчатые лоскутья и теряющихся в так называемом сетчатом органе. Освободившись от самого грубого своего покрова, оконечности нерва распускаются и выдаются между петель этой слизистой сети наподобие маленьких грибков или сосочков. В этом состоянии нервная мякоть, впрочем, вовсе не бывает еще обнаженной; слои плотной клетчатой ткани окружают ее в виде оболочки, и только через это посредствующее вещество, более или менее толстое, смотря по более или менее сильному и продолжительному действию на него внешних тел, так только чрез такого рода перепонку нерв получает впечатления. Сосочки его помещены в пересекающих кожу бороздках или желобках, что снова охраняет их от слишком сильного или непосредственного влияния внешних предметов; сверх того, бороздки эти, более глубокие на оконечностях пальцев, где сосочки более

многочисленны, расположены спиралями, так что осязательные отправления могут и должны происходить в них по всем направлениям и во всех точках.

В специальном органе вкуса природа, по-видимому, весьма мало удалилась от этой формы, которую можно считать самой общей. Нервы языка оканчиваются тоже сосочками, но более выдающимися, губчатыми и более разветвленными. Окружающая их клетчатая ткань менее плотна, покровы их не так толсты, они разбухли в слизистой и в лимфатической жидкости. Впрочем, язык не есть исключительный орган вкуса: нередко встречались примеры людей, лишенных совершенно всего языка вследствие различных болезней и умевших отлично разбирать вкус пищи. Анатомия может даже объяснить причину такого явления, ибо она нашла сосочки, подобные сосочкам языка, на внутренней стороне щек, в нёбе, в глубине рта.

Слизистая оболочка, покрывающая полости ноздрей, так же как челюстные и лобовые пазушины, состоит не только из слизистой ткани, сосудов и нервов, но она, кроме того, усеяна большим числом железок. Количество нервов, или вернее, нервных нитей в них бесчисленно. Они рождаются из обонятельных нервов, составляющих первую пару и выходящих из черепа через щели решетообразной кости. К ним отделяется ветвь от зрительного нерва, и вероятно она служит симпатическим сообщением между глазами и носом, между зрением и обонянием. Легко заметить простым глазом, что слизистая оболочка образует род бархатистой ткани, весьма короткой и плотной. Кисточки ее, по-видимому, весьма влажны; нервные нити, более мягкие здесь, чем на пальцах или внутри рта, оканчиваются маленькими сосочками, которые тоже, и мельче, и менее плотны. Оболочка их состоит из тончайшей и прозрачной ткани, сквозь которую мозговая мякоть, окрашенная бесчисленным множеством окружающих ее мельчайших артериальных и венных сосудов, разбивается на крошечные зернышки.

Хотя отправления обоняния находятся на первый взгляд далее от простого осязания, чем отправления слуха, который, по-видимому, ограничивается распознаванием только колебаний звука, тем не менее, так как внутренний орган слуха непрерывно омывается лимфатической жидкостью, а воздух, наоборот, проникает постоянно в полости носа, то чувствующие оконечности слухового нерва, то есть, те из мягких частей его, которые устилают внутреннюю покатость улитки и полукружные каналы, более нежны и более слизисты. Мозговая мякоть, по-видимому, освободилась здесь почти от всего, что может ослабить впечатление. Впрочем, нетрудно было бы показать, что число и отношения колебаний звучащего тела составляет не более как бездушный материал для звука: без сомнения, многого еще недостает, чтобы это был самый звук. Произведения Перголезе, Паизиелло, Саккини доставляют не один только простой ряд правильных дрожаний воздушной волны, и при исследовании удивительных отправлений слуха, не принимая даже в расчет влияния, оказываемого этим органом чувства на слово и на умственную

деятельность, можно заметить, что он настолько же выше обоняния по значению и по широте своих отправлений, насколько разветвления слухового нерва выше по нежности своей разветвлений обонятельного нерва. Так что постепенность в ходе природы не нарушается здесь никакой органической аномалией.

Наконец, в сетчатой оболочке глаза, или в разветвлении зрительного нерва, составляющем настоящий орган зрения, природа пошла еще далее. Ибо оконечности слухового нерва образуют одно целое с перепонкой, в которой они распускаются, между тем как разветвление зрительного нерва составляет подвижная слизистая жидкость. Перепончатое сплетение, облекающее ее с обеих сторон и прилегающее, как к стекловидному телу, так и к зрачку, до того прозрачно, что чистая вода не прозрачнее его; и хотя строение самой сетчатой оболочки состоит из довольно значительного числа сосудов, нервная мякоть может считаться в ней вполне обнаженной.

§ VI. — Таковы в немногих словах непосредственные орудия ощущений, то есть, таково расположение нервных оконечностей в различных органах чувств. Начиная с осязания, получающего самые общие и самые простые ощущения, до зрения, получающего самые подробные, самые нежные, самые сложные, нервы освобождаются все более и более от всех посредствующих частей, лежащих между ними и внешними предметами; они сбрасывают все более и более свои оболочки, и впечатления их приближаются постепенно к впечатлениям, причина которых непосредственно прилагается к чувствующей мякоти внутри самого мозгового органа.

Нам остается рассмотреть, каким образом происходят различные ощущения, или в чем состоят самые обыкновенные и общие явления, сопровождающие отправления каждого из органов чувств.

Частое возвращение впечатлений делает их более раздельными, повторение дает движениям большую легкость и точность — это постоянный закон оживленной природы. Органы чувств воспитываются упражнением, и сила привычки проявляется в них прежде, чем она обнаружится в двигательных органах. Не менее постоянный и не менее общий закон состоит в том, что слишком живые, слишком многочисленные и слишком часто повторяющиеся впечатления ослабляются непосредственным действием самих этих обстоятельств. Чувствительная способность заключена в границы, которые не могут быть нарушены. Соки клетчатой ткани проникают во все места, в которых возбуждена она через меру: в последних образуются внезапные опухоли или новые, в некотором роде искусственные оболочки, закрывающие все более и более нервные оконечности, и тогда сама чувствительность часто извращается и скоро исчерпывается. Таким образом, для сохранения тонкости чувств и для дальнейшего их развития, необходимо, с одной стороны, чтобы впечатления не выходили за естественные

границы чувствительной способности, с другой — чтобы они вполне возбуждали ее, и не находились бы в усыпленном состоянии.

По самому свойству своих отправлений чувствующие оконечности нервов осязания подвергнуты весьма часто несоразмерному действию внешних предметов. Это чувство получает обыкновенно более всего впечатлений, способных притупить и замозолить его. Нередко внутренняя поверхность руки и концы пальцев, составляющих главным образом орган осязания, покрываются, при различных работах, плотною и твердою кожею, образующею род естественных перчаток. То же самое случается и с ногами, которые, по распределению нервов и по разветвлению их на кончающиеся сосочками оконечности, совершенно сходны с рукою, что, говоря мимоходом, несколько противоречит философии конечных причин: ибо к чему же устроен такой чувствительный снаряд в части, предназначенной испытывать только сильное давление и носить всю тяжесть тела.

Поэтому, ничего нет удивительного, что осязание, составляющее, впрочем, самое верное чувство, потому что оно распознает самые простые или самые грубые свойства тел и прилагается к предметам непосредственно, ко всем сторонам их, тем не менее не представляет чувства, которое было бы одарено наибольшею памятью и которое оставляло бы самые отчетливые, легче всего припоминающиеся следы. Я имею здесь в виду обыкновенное состояние; ибо из многих примеров известно, что особенное воспитание может одарить осязание такою же памятью и воображением, какими обладает разве только зрение. Некоторые любители ваяния лучше судят о красоте форм рукою чем глазом. Ваятель Ганибазий, потеряв зрение, не отказался от своего искусства: ощупывая статуи и живые тела, он умел составлять представление об их формах и верно воспроизводить их; ежедневно можно встретить слепых, вспоминающих и живо воображающих все предметы единственно при помощи свойств, относящихся к впечатлениям осязания.

Осязание развивается прежде других чувств и погасает последним. Так и должно быть, потому что оно составляет основание для всех других, есть в некотором роде сама чувствительность, и полное, всестороннее прекращение его предполагает прекращение самой жизни.

Но непонятным кажется, почему вкус, отправления которого связаны с одной из первых наших потребностей и состоящий из ряда повторяющихся действий, не достигает скорее до более высокой степени развития и точности, к какой он только способен, и не сохраняет более тщательно следов испытанных ощущений. Это тем удивительнее, что впечатления его смешиваются в некотором отношении с впечатлениями, сопровождающими желудочное пищеварение. Те и другие содействуют утолению могущественного чувства голода и управляют его побуждениями. Что не подлежит сомнению, так это то, что в первом детстве вкус бывает жаден, но не развит и не нежен, что в юности наслаждения его ограничены и отводятся на второй план другими ощущениями, имеющими совсем иную цену и,

кроме того, более широкое влияние на весь организм. Ж. Ж. Руссо, рисовавший природу с такой неподражаемой истиной, говорит, что обжорство принадлежит поре, предшествующей отрочеству. Но только в зрелом возрасте, когда несколько ослабевает господство прочих склонностей, становится человек более взыскательным и утонченным в пище, и настоящий возраст Апициев, может быть, еще ближе к старости. Известно таким же образом, что чрезвычайно трудно припомнить или вообразить какой-нибудь определенный вкус, не испытывая в то же самое время его ощущения.

Несколько кратких замечаний достаточно будет для рассеяния недоразумений, порождаемых приведенными фактами.

1. Впечатления, зависящие от еды и питья, часто сопровождаются такими возбужденными желаниями, которые слишком раздражают и путают их; существует большая наклонность к ускорению их и к возобновлению, чем к различению и исследованию.
2. Развивающееся в желудке чувство благосостояния, примешивающееся к ним, препятствует вниманию сосредоточиваться на них.
3. Они слишком непродолжительны по своей природе; по крайней мере, каждое впечатление очень непостоянно.
4. Весьма редко бывают они не сложны; они ежеминутно соединяются, смешиваются и изменяются.
5. Проникновение в желудок пищи обыкновенно возбуждает деятельность головного мозга. Когда едят в обществе, разговор, не нарушая непосредственно наслаждения вкуса, препятствует сосредоточению внимания на каждом отдельном ощущении и составлению о нем раздельных представлений; при еде же в одиночестве человек увлекается обыкновенно беспорядочным потоком мыслей.
6. Я полагаю, наконец, что следует принять во внимание и губчатое строение нервов вкуса, способствующее, правда, развитию в них живых ощущений, но не допускающее в них устойчивости постоянно омывающими их волнами соков, разжижающих и искажающих вкусовые вещества.

Тем не менее, встречались люди, которые ели с особенною внимательностью, а некоторые так принимали пищу в одиночестве, чтобы не развлекаться в ощущениях, доставляемых едою; они обладали, по-видимому, хорошею, отчетливою и верною памятью о всех вкусах пищи и питья. Я встречал таких, которые уверяли, что хорошо помнят вкус вина, которое пили они тридцать лет тому назад.

Вкус и запах находятся в самой тесной и сложной связи друг с другом. Пищу и питье обоняют, прежде чем начнут есть или пить; запах их усиливает ощущения, доставляемые едою и питьем. Между носом и кишечным каналом существует даже необыкновенная симпатия, которая, быть может, составляет только результат привычки; но так как она встречается во всех странах и у всех людей, хотя в

различной степени и по отношению к различным предметам, то ее и следует отнести к необходимым привычкам, которые почти не могут быть отличены от естественных отправлений. Всякому известно, что отвратительный запах подымает желудок и вызывает нередко самые ужасные рвоты.

Но есть еще система органов, с которой обоняние находится в еще более тесных отношениях; я говорю об органах воспроизведения. С самых отдаленных времен врачебного искусства замечено было, что свойственные половым органам раздражения могут быть возбуждены или успокоены различными запахами.[54] Время цветов есть в то же самое время пора любовных наслаждений: сладострастные представления связаны с представлениями пахучих тенистых садов, поэты не без причины приписывают запахам свойство наполнять душу сладостным опьянением. Найдется ли человек, даже между самыми рассудительными, если только нет уродливости в его организации, воображение которого не возбуждалось бы благовонием цветущей рощи, в котором бы она не вызывала каких-нибудь сладостных воспоминаний? Но я вовсе не имею в виду исследования запахов в их отдаленном и нравственном действии на человека, то есть, в возбуждении одним только рядом представлений — множества впечатлений, независимых от их собственного непосредственного влияния. Запахи сильно действуют сами собою на всю нервную систему; они располагают ее к приятным ощущениям; они сообщают ей легкий оттенок беспокойства, который, по-видимому, необходим для удовольствия; и все это потому, что они оказывают особенное действие на органы, в которых получают свое происхождение самые сильные наслаждения, свойственные чувствительной природе. В детстве влияние обоняния почти ничтожно, в старости оно слабо: настоящая эпоха его есть пора юности и любви.

Замечено было, что обоняние одарено слабой памятью: причина этого простая. Доставляемые им впечатления не сильны и не продолжительны. Если они сильны, то быстро притупляют чувствительность органа; если они постоянны, то скоро перестают замечаться. Плавающие в воздухе частицы действуют на нервные оконечности мимолетным и, так сказать, рассыпанным образом. Поэтому, они оставляют немного следов, если некоторые пахучие частички не попадут в жидкость слизистой оболочки; но тогда, как я сейчас сказал, впечатления скоро перестают замечаться. Наконец, не говоря о периодических промежутках, во время которых обоняние находится в некоторого рода оцепенении, легко заметить, что по самой природе своих впечатлений оно скорее потрясает нервную систему, чем делает ее внимательной; что вследствие этого, мы более спешим немедленно насладиться этими впечатлениями, чем различить их одно от другого, скорее поражаемся ими, нежели составляем о них раздельные представления.

[54] Например, большую часть лекарств, успешно употребляемых при истерических припадках, составляют сильно пахучие вещества.

Посредством зрения и слуха получаем мы самые многочисленные познания; память обоих этих чувств наиболее прочна и отчетлива. Особенное обстоятельство придает слуху необыкновенную точность; это — способность получать и сравнивать впечатления, доставляемые речью. Звуки, производимые горлом человеческим, зависят от его организации; восклицания, издаваемые им для выражения радости, страдания, различных желаний, также внезапны, как первые движения его мускулов; они вызываются смутным инстинктом. Совсем иное представляет слово; речь человека есть искусство, которому выучивается он медленно, придавая каждому членораздельному звуку особенный условный смысл. Но говорить выучиваются при помощи уха: без его содействия мы не могли бы и пытаться этого сделать; мы не имели бы даже понятия о членораздельных звуках, которые мы выучиваемся произносить, связывая с ними представления и чувства, которым они служат знаками. Таким образом, ухо обязано взвешивать каждое отдельное свое впечатление и возвращаться к нему сотни раз, разлагать его на первые элементы, составлять его снова, сравнивать его с другими впечатлениями того же рода; одним словом, оно должно анализировать свое впечатление с чрезвычайной осмотрительностью.

Вследствие этого, слух получает ту верность, а воспоминания его — то постоянство и ту отчетливость, которыми он отличается. Но, по крайней мере с этой стороны, нетрудно заметить, что искусственность его ощущений и его памяти основывается на медленном воспитании; самые простые результаты его предполагают продолжительное упражнение в вынужденной внимательности.

Другое обстоятельство, находящееся в ближайшей зависимости от непосредственных законов природы, по-видимому, оказывает влияние, если и не в такой, то все-таки в сильной степени на качества слуха: это ритмический и мерный характер, которым могут быть запечатлены и действительно нередко бывают запечатлены получаемые им впечатления. Вследствие могущества привычки, о которой было уже говорено нами, природе нашей нравятся периодические повторения; она любит отыскать и схватить правильные отношения не только между впечатлениями, но особенно между различными, разделяющими их промежутками времени; гармоническое согласие всякого рода останавливает на себе ее внимание, облегчает ее наблюдения и оставляет в ней более глубокие следы.

Нечего и напоминать, что я говорю теперь о пении. Правильные отношения, касающиеся числа звучных колебаний, нравятся нам не только своею симметрией, но каждый звук, определенный этими колебаниями, имеет, так сказать, душу, а сочетания их образует язык, более страстный, хотя и менее отчетливый и обстоятельный, чем разговорная речь. Язык этот, при более совершенном состоянии общества становящийся предметом искусства, по-видимому, непосредственно доставляется природой. Дети любят пение; они внимательно и с удовольствием вслушиваются в него еще прежде, чем научатся произносить и

понимать хоть одно слово, прежде даже чем получат раздельные представления, относящиеся к прочим органам чувств; при самом грубом состоянии общественного развития человеческий голос уже умеет издавать звуки, полные выражения и прелести.

Стихотворный ритм есть только подражание музыкальному ритму. Доставляемые им собственно ритмические впечатления менее сильны и живы; но более отчетливыми и лучше очерченными образами, развитыми в большем порядке, обрисованными с большей последовательностью и с мельчайшими оттенками чувства, поэзия нередко производит такое же непосредственное, сильное действие. Действие это вообще даже глубже, потому что создаваемые ею, более законченные и точнее обрисованные образы дают более обильную пищу воображению. Сверх того, как музыкальный ритм, так и стихотворный, будет ли последний основан на мере слогов, на числе их, или, наконец, на периодическом возвращении ударений через известные промежутки времени, доставляют впечатлениям слуха более раздельности и облегчают их воспоминание.

Отправления слуха происходят через посредство лимфатической жидкости, заключенной во внутреннем ухе и передающей колебания воздуха нервным оконечностям. То же самое должно сказать и о зрении. Сетчатая оболочка глаза охватывает стекловидное тело, которое поддерживает ее; через эту прозрачную массу получает она впечатление световых лучей; роль различных жидкостей глаза состоит не только в преломлении и в направлении лучей, но, по-видимому, они приспособляют впечатления к чувствительной мякоти зрительного нерва.

В отправлениях глаза замечаются два главных обстоятельства, оказывающие влияние на характер зрения. 1) Свет действует почти непрерывно на этот орган во все время бодрствования, он сильно возбуждает его внимание живыми и разнообразными впечатлениями, а порождаемые им понятия примешиваются к отправлениям всех наших способностей, к удовлетворению всех наших потребностей. 2) Глаз может по своей воле продлить, возобновить, видоизменить свое впечатление; он может обращаться сотни раз к одному и тому же предмету, рассматривать его сколько угодно со всех сторон, во всех возможных положениях; одним словом, он может по произволу прекращать и возобновлять свои впечатления. Он поражается ими не случайно, но сам идет к ним навстречу и выбирает их. Из этого следует, что впечатления зрения отличаются всеми качествами, которые в результате доставляют им отчетливость, а их воспоминаниям — характер особенного постоянства. Ничего нет, стало быть, удивительного в том, что зрение одарено необыкновенной памятью и воображением.

Относительно уха и глаза не забудем сделать весьма важное замечание, которое может повести к новым воззрениям и, может быть, к более точному понятию о самих ощущениях и об оставляемых ими следах в чувствительном органе. Мы

сказали, что сознание о внешних предметах, по-видимому, не происходит в органах чувств. Это доказывается тем обстоятельством, что страдание нередко относится нами к такой части тела, которая не существует более. Сверх того, весьма вероятно, что сознание происходит в том же месте что и сравнение; но сравнение производится несомненно в общем нервном средоточии, куда приносятся впечатления для сравнения.[55] Тем не менее, я полагаю, что не отклонюсь от истины, если скажу, что органы чувств, взятые порознь, имеют собственную свою память; некоторые физиологические факты, по-видимому, подтверждают это относительно осязания, вкуса и обоняния. Наблюдение, которое всякому известно и которое всякий может сделать над самим собой, доказывает непосредственно то же самое для слуха и для зрения. Когда ухо наше долго поражается одними и теми же звуками, то следы их остаются, и они возобновляются собственно не в памяти, а в самом ухе и нередко неотвязчиво преследуют нас. Если долго смотреть на светящееся тело и потом закрыть глаза, то изображение его исчезает не скоро; иногда оно остается более продолжительное время, нежели продолжалось само впечатление. Но мало-помалу цвета ослабевают, пока изображение не исчезнет во мраке. Я часто делал это наблюдение над окном, освещенным ярким солнечным светом: я пристально смотрел на рамки, отделяющие стекла, и потом закрывал глаза. Следы впечатления оставались в два раза дольше, чем продолжалось само впечатление. Здесь не место выводить из этого факта все его последствия, но легко понять их важное значение и широкое приложение.[56]

После разделения впечатлений вообще на впечатления, получаемые внешними органами чувств, на впечатления, свойственные внутренним органам, и на впечатления, рождающиеся непосредственно в глубине самой нервной системы, не без основания можно бы было сделать вопрос, удовлетворительно ли существующее разделение органов чувств и действительно ли их не более пяти. Не может быть сомнения, что впечатления, относящиеся, например, к половым органам, настолько же отличаются от впечатлений вкуса, впечатления, вызываемые отправлениями желудка, настолько же похожи на впечатления слуха, насколько впечатления, свойственные слуху и вкусу, отличаются от впечатлений зрения и обоняния: ничего не может быть очевиднее этого. Побуждения, вызываемые непосредственным действием различных причин на самые нервные центры, тоже отличаются особенными свойствами, а представления и побуждения, порождаемые этими различного рода впечатлениями, запечатлены характером источника, из которого они рождаются. Тем не менее, так как невозможно еще описать их вполне отчетливо, то есть, привести каждое впечатление к снаряду, произведшему его, и каждое следствие — к его причинам, то строгий анализ отвергает, как преждевременное, и, может быть, не примет никогда новое разделение чувств,

[55] Ощущения эти могут принадлежать разом различным органам.

[56] Воспоминания уха могут возобновляться несколько раз, даже после того как будут прерваны сном. Это говорит, по-видимому, против простого продолжения местных нервных колебаний.
Воспоминания глаза легко пробуждаются тоже при известных состояниях всеобщего возбуждения чувствующего органа, особенно же среди тишины и темноты ночи.

представляющееся впрочем само собою, и считает его бесполезным, также как принятие осязания за одно общее чувство, к которому могут быть сведены остальные. Впрочем, из всего сказанного можно понять единственно разумное значение, какое следует придавать слову *внутреннее чувство*, слову, которое употреблялось многими мыслителями без всякой осмотрительности. Для точнейшего определения его, под ним следовало бы разуметь все отправления, не принадлежащие к, собственно, так называемым органам чувств; тогда слово это, я полагаю, не подавало бы повода к спорам и не порождало бы новых недоразумений.

Заключение. — Длинный Мемуар этот я окончу замечанием, что ощущения, необходимые для приобретения представлений, для пробуждения чувств, для направления желаний, одним словом, ощущения, необходимые для существования, распределяются в нас в различной степени, смотря по первоначальной организации и по привычкам, свойственным каждому человеку: я хочу сказать, что одному человеку необходимо получать много впечатлений и чтобы они были живы и сильны, другой может, так сказать, переварить их только небольшое число и выносит только более медленные и менее выразительные. Это зависит от состояния органов, от силы или слабости нервной системы, особенно же от способа отправлений чувствительности. Природа влечет нас к приятным ощущениям, она побуждает нас избегать страдания. Из этого не следует, впрочем, заключать, что первые всегда нам полезны, а вторые вредны. Привычка к наслаждению, если она даже не искажает прямым образом наших сил, делает нас неспособными к перенесению внезапных перемен, вносимых в нашу жизнь случайностями. Страдание, с своей стороны, не только дает полезные уроки: оно нередко служит к укреплению всего тела; оно сообщает, как его нервной, так и его мускульной системе большую стойкость, равновесие и самоуверенность. Но для этого необходимо, чтобы за ним следовало пропорциональное противоположное состояние: нужно, чтобы природа энергически возбуждена была после удара. Таким путем нравственное страдание увеличивает душевную силу, если только не сломит ее. Оно не ограничивается только тем, что показывает с более верной точки зрения людей и природу, оно возвышает еще и закаляет наше мужество, в котором, если только мы умеем прибегать к нему, мы почти всегда можем найти верное убежище от бедствий судьбы человеческой.

Мемуар четвертый: О влиянии возрастов на представления и на нравственные побуждения.

Введение. — Все в природе находится в вечном движении; все тела подвержены постоянному круговращению: в них происходят непрерывные сочетания и разложения; они проходят через тысячи последовательных форм: превращения эти, составляющие необходимое следствие никогда непрекращающегося действия сил, возобновляют в свою очередь эти силы и сохраняют неизменную юность природы.

Достаточно небольшого соображения, чтобы понять, что всякое движение влечет или предполагает разрушение и созидание; что условия для разрушающихся и для возобновляющихся тел должны ежеминутно изменяться; что они не могут изменяться, не запечатлевая новым характером сопровождающие их явления, что если бы можно было, наконец, отчетливо уловить все обстоятельства тех последовательных перемен, через которые проходят различные тела, то великая загадка их сущности и их существования, может быть, была бы наконец разгадана довольно точным образом, если бы даже существование и сущность их элементов должны были бы остаться навсегда для нас закрытыми непроницаемым покровом.

§ 1. — Продолжительность существования различных тел в той форме, которая им свойственна, и постоянно новый, принимаемый ими вид зависят несомненно от материалов, из которых состоят они; но они находятся в еще большей зависимости от условий, управляющих их образованием. Кажется, что условия эти самыми процессами, которые они вызывают, значительно изменяют материалы, из которых состоят тела, и вероятно, в способе изменений материалов состоит главное искусство природы.

При внимательном взгляде на бесконечное разнообразие соединений, вызываемых созидающим движением, легко заметить, что известные, более или менее общие явления приводят их всех к нескольким главным различиям, разбивающимся на порядки по существенным признакам. Сложения и разложения тел, которые можно назвать *химическими*, происходят по несравненно менее простым законам, чем сложения и разложения больших масс. Существование и сохранение организованных тел происходит по *более сложным законам*, чем химическое сродство; между животным и растением, хотя как-то, так и другое повинуются силам, которые собственно не суть, *ни механические*, *ни химические*, существуют еще такие общие и резкие отличия, что кажется, будто бы они проведены, в научном

даже отношении, рукою самой природы; наконец, между растением и растением, между животным и животным замечаются оттенки и переходы, которые не позволяют смешивать существа, по главным чертам своим находящиеся друг с другом в самом близком соседстве.

Уже в растении, организация которого самая грубая и простая, замечаются силы, исключительно свойственные организованным телам; в различных частях растений можно видеть множество отличительных черт, совершенно чуждых животной природе. Животные с едва выразившеюся организациею, в этом зачаточном состоянии, тем не менее представляют черты, или некоторые особенные явления, которые свойственны только чувствительной природе.

В растении в первый раз обнаруживается растительный сок или слизь. Переходя в животных, питающихся травою, зернами или плодами, и составляя их истинную или, по крайней мере, главную пищу, растительная слизь [57] испытывает новую степень переработки; она обращается в студенистое вещество, в слизистый сок, в клейкую или волокнистую лимфу. Под влиянием деятельности растительных сосудов, смешения с воздухом и с другими газами, одним словом, под влиянием ряда явлений, составляющих прозябание, растительный сок становится способным к обращению, сначала в губчатую ткань, затем — в деревянистые волокна, в кору, в листья, и проч.; в отправлениях, составляющих животную жизнь, переработанное в различной степени студенистое вещество организуется сначала в клетчатую ткань, потом — в животные волокна, в сосуды, в костяные части, так что рядом с явлениями прозябания можно почти всегда поставить соответствующие им явления животной жизни.

При исследовании растительной слизи оказывается, что она имеет сильное стремление к свертыванию. Как только окажется недостаточное количество воды, так легко держащей ее в растворимом и в распущенном состоянии между своими частичками, то она сжимается и сгущается. Если выпарение воды происходит быстро, то слизистый остаток образует неопределенный, неправильный сгусток. Но если растительная слизь теряет излишнюю влажность постепенным испарением, то в ней замечаются местами удлиненные, скрещивающиеся дорожки, которые, увеличиваясь в числе и сближаясь друг с другом, обращают смесь в довольно правильное, разделенное бороздками или лучами тело, прозрачные перегородки которого легко могут быть отличены под микроскопом.

Таковы первые материалы растения.

[57] Я не говорю здесь о газах, особенное произведение которых вероятно и составляет растительная слизь: образование их, соединение, роль, которую они исполняют в организованных телах, не достаточно еще известны нам, чтобы мы могли привести эти различные явления к общим и постоянным законам.

Если теперь при подобных же условиях подвергнуть исследованию студенистое вещество, то можно заметить, что стремление его к свертыванию еще сильнее, чем растительной слизи. Соединенное, или просто смешанное с волокниной (которая есть только новая форма его), оно непосредственно организуется в волокна, более или менее крепкие, смотря по более или менее возвышенной температуре, при которой происходило испарение его излишней влажности; переплетения волокон, по-видимому, весьма сходные с переплетениями в слизи, будут тем правильнее, чем медленнее и невозмутимее произведено было испарение.

Таковы первые материалы животного.

Мы сказали, что произведения прозябаемой природы отличаются свойствами, невстречающимися в минеральном царстве, что произведения животной природы существенно различаются от произведений растительной. Различия эти, по-видимому, обусловливаются различными сочетаниями газов, рассеянных во всей природе, и образованием некоторых особенных газов, происходящих от развития органических тел. Нам следует однако же заметить, что в некоторых растениях, которые острым и приятным вкусом своим вообще нравятся животным, и которые могут, в случае ослабления в них уподобляющих сил, служить для них полезным лекарством, уже можно отыскать некоторые следы газа, который вырабатывается собственно животными, газа, освобождаемого в таком изобилии при разложении частей их, связанных самым тесным образом. В других растениях, или вернее, в их семенах, составляющих большею частью пищу цивилизованных народов, химия доказала присутствие клейковины, необыкновенно похожей на животную волокнину. Освобожденная от чисто слизистых или крахмалистых соединений, закрывающих, проникающих и разделяющих ее, клейковина эта представляется в виде животной, морщистой и удободвижимой перепонки: крепкие волокна ее оказывают значительное сопротивление, они легко сгибаются и растягиваются; предоставленные самим себе, они быстро сжимаются и принимают свою первую форму; для дополнения сходства, в непродолжительном времени они издают запах, свойственный разлагающимся остаткам животных, и химический анализ добывает из них те же газы.

Но эти явления, которые, впрочем, никогда не следует упускать из виду, тем не менее нисколько не затрудняют различения материалов [58] и продуктов, свойственных этим обоим великим отделам организованных тел; сближающиеся по сходственным оттенкам, они отличаются тем не менее одно от другого самыми существенными признаками, хотя эти сходственные черты, которые могут быть умножены наблюдениями над растениями и минералами, быть может, и послужат когда-нибудь к раскрытию тайн органической природы.

[58] По крайней мере материалов, которые получаются могут быть подвергнуты из разложения этих самых тел и которые правильному исследованию и точному методическому анализу.

Итак, растительная слизь имеет свойство сгущаться и образовать волокна, более или менее крепкие и упругие, смотря по условиям, в которых она находится; студенистое вещество и животная волокнина имеют свойство образовать волокна и оболочки, отличающиеся еще более значительной и постоянной крепостью, упругостью и гибкостью. Однако же капля свертывающейся растительной слизи не есть еще растение; капля студенистого вещества, обращающегося в клетчатую ткань или в жидкую волокнину и становящегося мускульным волокном, не есть еще животное. Откуда же является та особенная жизнь, которая оживотворяет ту и другую, проникая в самую глубь их элементов?

Какую бы мы ни приняли теорию о природе причины, определяющей организацию растений и животных, или об условиях, необходимых для возникновения и развития их, нельзя обойти предположения о животворном начале или способности,[59] вложенной природой в зародыш, или распространенной в семенной жидкости. Так как происходящие здесь отправления самые удивительные из всех изучаемых нами отправлений природы, то и сопровождающие их условия чрезвычайно сложны и запутаны; они закрыты таинственным покровом, и до сих пор мы могли уловить только самые грубые следы их. Но мы знаем, что во многих растениях и в большой части животных материалы для первоначальных частиц, и даже сами первоначальные частицы вполне образованы и существуют независимо от причины, которая вызовет их к жизни, то есть, от воспроизводительной материи, заключающей в себе эту причину. Последняя, соединяясь с предыдущей, образует вместе с нею сочетание на известное время, определяемое обстоятельствами. В растении она связана с малоисследованными органами, которые, без сомнения, составляют впоследствии часть коры; в животном она отождествляется с нервною системою, и из нее оказывает свое влияние на все тело во все время, пока длится сочетание, или пока что-либо не прекратит деятельности жизненных органов.

Наблюдения над явлениями, следующими за отнятием членов, которые способны снова вырасти у различных животных; внимательное исследование нагноения, зарастания шрамов, возобновления костей; изучение отложений крови и клетчатого органа; наконец, более тщательное исследование лимфатических сгущений в оболочках, часто покрывающих внутренности при смертельных воспалениях, показали, что студенистое вещество и волокнина составляют истинный материал для перепонок, из которых образуются затем сосуды, железы, покровы нервов, и проч., что в них заключается начало мускульных волокон и костяных образований; и если справедливо, как я надеюсь довести это в другом

[59] Я хорошо знаю, что слова начало, способность не имеют опреленного смысла. Впрочем, я подразумеваю в них условие, без которого свойственные различным организованным телам явления не могут иметь места. В особенности я далек от мысли — сделать из этих явлений вывод о существовании какого-либо существа, исправляющего обязанности начала и сообщающего телам свойства, из которых вытекают их отправления. Язык метафизических наук нуждается во всесторонней переделке; но мы недостаточно еще осветили всю общую систему их, чтобы приняться с надеждой на успех за такое преобразование. Постараемся по крайней мере взаимно одолжаться подобными словами как можно реже.

месте до значительной степени вероятности, что организованное мускульное волокно есть результат сочетания соединенных между собою и преобразовавшихся нервной мякоти и клетчатой ткани,[60] то элементы живого организма приводятся к простому или волокнистому студенистому веществу и к мозговому веществу нервов. Впрочем, справедливо или нет это положение, так как состояние мускулов оказывает постоянное влияние на состояние прочих частей, которые явно образованы из клетчатой ткани, то результаты остаются все те же относительно предмета нашего исследования, то есть, относительно физического состояния органов в различных эпохи жизни и непосредственного влияния, оказываемого им на наши умственные и нравственные отправления.

Я прошу вашего снисхождения, граждане, к тому, что я так долго останавливался на предварительных понятиях, которые с виду не имеют непосредственной связи с нашим предметом, но которые я считал необходимыми для всестороннего понимания тех, которые займут теперь наше внимание.

§ II. — Таким образом, в чередующихся состояниях органов, все, по-видимому, может быть приведено к исследованию нервной системы и клетчатой ткани; и в сравнительном изучении изменений, происходящих в различных отправлениях, все может быть приведено к самым простым явлениям.

Вследствие процесса прозябания, растительная слизь с каждым днем вырабатывается все более и более. В молодых растениях она совсем водяниста; предоставленная самой себе, она приобретает весьма ничтожную плотность и крепость; отличить вкус ее трудно, он похож на травянистый вкус, свойственный всей растительной природе; соли, пахучие масла и прочие деятельные начала примешиваются к ней, по мере того как растение достигает полного своего развития.

Волокнистое студенистое вещество молодых животных,[61] по-видимому, весьма близко еще к слизи; соки их отличаются недеятельностью и безвкусием, отвары или настои их частей, необыкновенно богатые слизистым веществом, подвергаются продолжительному кислому брожению, прежде чем начнется в них разложение. Редко они имеют, а иногда так и вовсе не имеют свойственного животным запаха; они доставляют весьма небольшое количество аммиакового начала, или таких же газов; одним словом, они находятся еще, по-видимому, в зависимости от растительного состояния, из которого только что вышли, и сохраняют в некотором роде неопределенный характер веществ, от которых получили свое начало.

[60] Которая, в свою очередь, есть продукт тех самых соков, которые наполняют ее.

[61] Волокнина, повторяю, так же как и белковина, составляет только преобразование слизи и, если можно так выразиться, новую степень ее животворения, первоначальный вид которого представляет простая слизь.

Но скоро жизнь начинает действовать все с возрастающей силою на соки, которые кажутся вначале почти однородными в различных животных породах и в различных частях одного и того же животного; она отличает каждый из соков особенным характером; она проводит различие между ними в породах, в неделимых, в органах. Свойства их выражаются с каждым днем все сильнее и сильнее до того времени, когда, вследствие самого возбуждения своего, они станут вызывать в твердых частях слишком живые и слишком продолжительные сокращения, или же когда, вследствие своего оцепенения, они обратят их в более твердые, и таким образом примут участие в других причинах, ослабляющих жизненную энергию и ускоряющих ее падение внесением беспорядочной или более вялой и тягостной деятельности в различные органы жизни.

В этом ряду отправлений, составляющих жизнь и развитие растения и животного, существование и благосостояние одного связаны с существованием и благосостоянием другого. Растение, по-видимому, вытягивает из атмосферы чуждые ей, или излишние, весьма вредные для жизни животных частицы; наоборот, оно возвращает в нее в огромном количестве тот газ, который можно считать за существенный материал для поддержания жизни в природе;[62] газы же, доставляемые дыханием животных, испарения, постоянно отделяющиеся от их разложения, составляют именно то, что необходимо для развития в растении всей его энергии и всей его деятельности.[63]

Но если справедливо, что растения делают возможным существование на земле животных и что животные удобряют землю для растений; если справедливо, что они доставляют взаимно друг другу пищу и поддерживают этим равновесие между обоими царствами природы; если несомненно, что состояние, в которое была бы приведена атмосфера живыми существами при предположении, что они одни населяли бы землю и были бы в огромном количестве, стало бы гибельно для их сохранения; то с другой стороны, не менее очевидно, что неудобства, являющиеся вследствие распространения и скопления живых пород вознаграждаются множеством неоцененных выгод;[64] различные породы эти, служа одна для другой пищею, подвергают животные соки неоднократной переработке, постепенно приводящей их к большему совершенству, от которого несомненно зависит во многих отношениях превосходство плотоядных пород.

---

[62] Доставление или возобновление кислородного газа не может быть приписано исключительно растениям. По опытам, произведенным Ингенгузом, некоторые насекомые доставляют его в обильном количестве. Может быть, даже всякое тело восстанавливает собственно тот газ, который оно испаряет. Весьма вероятно, что количество различных газов в природе постоянно, и что тела, из которых они освобождаются, только усваивают их себе, отнимая их из веществ, которые скрывают их от глаз наших.

[63] Последние опыты Сенебье над прозябанием доказали, что относительное количество газов, сравнительно с кислородом, должно быть весьма незначительно, в противном случае растения гибнут.

[64] Еще не доказано даже, чтобы тщательно очищенный от животных испарений воздух был бы более всего годен для дыхания и для здоровья.

Переходя, стало быть, из животного в животное, студенистое вещество все более оживотворяется, подобно тому, как переходя неоднократно через различные системы органов в одном и том же неделимом, уподобление этого вещества различным сокам или разнообразные превращения его становятся все совершеннее и полнее. Таким образом, человек, употребляющий в пищу почти все породы, может, по-видимому, сказать травоядным животным: *Обрабатывайте для меня растительные соки, которые слишком трудно переварить моему слабому желудку*; а породам, питающимся живыми существами: *Переработайте еще раз соки, уже сильно видоизмененные под влиянием чувствительности: вам следует уподобить моей природе пищу, которая бы, при небольшом объеме и почти без труда со стороны моих органов, внесла бы в них в высшей степени возобновляющие начала.*

§ III. — Растения, по химическому своему составу ближе всего подходящие к животному веществу, составляют самую удобную пищу для большей части живых существ;[65] приятный и острый вкус их, который так нравится всем травоядным породам, не оставляет в этом ни малейшего сомнения; это же подтверждается еще более прямым образом врачебным и ветеринарным искусством. Хлебные зерна, содержащие студенистое вещество, обильно одарены началом, способным к восстановлению потерь, причиняемых самим движением жизни; другими словами, они весьма питательны; это доказывается опять-таки самыми древними опытами и самыми великими цивилизованными народами. Наконец, крепкие отвары или мясные бульоны, особенно из некоторых животных, употребляющих в пищу другие породы, составляют самую концентрированную, самую вкусную, самую питательную пищу, уподобление которой большею частью самое быстрое и легкое; это доказывается несомненно ежедневным наблюдением, это же подтверждается до последней степени очевидности множеством патологических и медицинских фактов, собранных хорошими и добросовестными врачами.

Для доказательства последнего положения я приведу только одно исследование Ловера.

Молодой человек, страдавший сильным кровотечением, которое не могли унять никакими средствами, и которое беспрерывно возобновлялось, поддерживался от совершенного истощения очень крепким бульоном, или лучше сказать, чистым мясным соком. Кровотечение не прерывалось, и изливавшаяся жидкость едва была окрашена: по запаху ее и по вкусу узнали, что вместо крови по сосудам протекает этот самый мясной сок. Вскоре молодой человек поправился, силы его возвратились, а через несколько лет, по словам наблюдателя, он получил атлетическое телосложение.

[65] Особенно, если они не употребляются в слишком большом количестве.

То же самое явление два раза повторилось на моих глазах при совершенно подобных же обстоятельствах.

Следует, однако же, заметить, что обилие клейковины в хлебных зернах делает их иногда слишком питательными; что *крестоцветные* или *четырехмощные* растения составляют скорее приправу и лекарство, чем самую пищу, и что излишнее, или неуместное употребление их нередко может внести разложение в жидкости и расстройство даже в твердые части тела; наконец, что животные соки, вследствие постепенной переработки в некоторых породах, получают такую степень возбуждения, что запах их становится для нас противным, вкус — отвратительным, употребление в пищу — вредным.

§ IV. — В то время, как перемены, о которых мы говорили, происходят в студенистом веществе и особенно в клетчатом органе, который можно рассматривать, как резервуар для него, в нервной системе происходят другие, еще более важные изменения. Объем ее, сравнительно с объемом других систем в частях, находящихся в постоянном подчинении ей, тем значительнее, отношения ее к ним обозначаются тем резче, а сообщение с ними — тем легче и быстрее, чем ближе животное ко времени своего происхождения. Как только нервная система получила животворный толчок, сообщаемый через нее всем прочим органам; как только образуется сочетание, вызывающее в ней способность чувствовать и возбуждать их к жизни, то начинается ее действие на них, почти неразвлекаемое в эти первые минуты никакими внешними впечатлениями. Живое, быстрое, постоянно возобновляющееся влияние ее необходимо, чтобы постепенно развивать в них свойственные им жизненные способности. Природа, по-видимому, особенно позаботилась, чтобы влияние это происходило тогда с наибольшей легкостью. От этого зависит во многих отношениях надлежащее устройство органов в последующие эпохи; для достижения этого нервная энергия не только не испытывает никакого сопротивления со стороны твердых тел, находящихся еще почти в студенистом состоянии, но сама мозговая мякоть до того еще мягка и редка, что нисколько не мешает оживляющим ее причинам действовать в глубине ее самой с полной свободой и сообщаться со всеми ее частями с невыразимой быстротой.

Но вскоре слои клетчатой ткани, отлагающиеся в разделениях головного мозга, проскользающие между мозговыми бороздками и образующие по выходе из черепа оболочки нервных стволов и нитей, так слои эти, говорю я, вначале едва организованные, постепенно принимают большую плотность, омывающие их соки обращаются мало-помалу в твердые тела; они сгущаются и теснее охватывают чувствующую мякоть. Сама мякоть приобретает большую твердость, и если особенный, свойственный ей запах, развивающийся по мере движения возрастов, дает знать, что жизнь в некотором роде утверждается в ней все более и более, что влияние ее все более и более возрастает, и что действия ее усиливаются в прямом

отношении с их продолжительностью, то наблюдение находит в то же время, что деятельность нервной системы становится более медленной, будто более правильной, и что минута, в которую ее постепенное совершенствование выражается более всего явственно, есть в то же время минута, предсказывающая в будущем ее упадок.

В самом деле, по мере того, как уменьшается количество водянистой жидкости, входящей в образование мозговых бороздок; по мере того, как вырабатывается и увеличивается количество животной слизи, с которою они смешивались при своем происхождении; по мере того, как жизненные силы достигают, так сказать, своей зрелости, действие возбуждения на чувствительные части еще не так живо, отраженное действие средоточий чувствительности на органы движения менее стремительно. Тем не менее, впечатления не станут от этого слабее; напротив того, они будут сильнее, глубже и устойчивее настолько, насколько станут медленнее. Впоследствии, получаемые с большим затруднением, они начинают ослабевать, становиться смутными и беспорядочными; когда же они не будут в состоянии передаваться от оконечностей к средоточию и от средоточия к оконечностям, то и источник самой жизни, чувствительность, не может ни возобновляться, ни поддерживаться: человек не живет уже более.

Тем не менее, по мере того, как животная слизь, или студенистое вещество достигают в органах до высшей степени плотности; по мере того, как возбуждения, становящиеся ежеминутно все более энергическими, собирают и стягивают волокнистые твердые части, в которые обратила их сама жизнь, деятельность чувствительной системы на различные части, на которые более или менее отражаются все эти перемены, испытывает со своей стороны подобное же возвышение в своей устойчивости. Устойчивость эта, сначала направляющая деятельность нервной системы, потом замедляет ее и приводит в беспорядок; она даже ослабляет ее коренным образом, искажая восстанавливающие ее отправления; иногда же напряжение ее может возрасти до того, что, без всякой другой видимой болезни, оно доводит нервную энергию до совершенного истощения. Весьма вероятно, что смерть от старости наступает иногда при таких обстоятельствах, но это вовсе не случается постоянно, как думал Бургаве. Смерть эта, которую мне случалось наблюдать два или три раза над нестарыми еще людьми, трупы которых не представляли после смерти никакого следа особенного окостенения или окоченения твердых частей, наступает действительно чаще всего, вследствие непосредственного истощения сил нервной системы.

Таковы общие изменения, происходящие в животном теле в различные эпохи, изменения, вызываемые деятельностью самой жизни. Но, чтобы хорошо ознакомиться с ними, недостаточно еще исследования их общих результатов; если мы имеем в виду приложить наше знание к изучению нравственной природы человека, то необходимо войти в некоторые подробности по этому предмету.

§ V. — С давних времен сделано было над органическим состоянием молодых животных два замечания, одинаково справедливые, но недостаточно оцененные по своему значению: одно, что количество сосудов тем больше, другое, что мускульная раздражаемость тем сильнее, чем менее удалено тело от времени своего происхождения.

Бесчисленное почти количество сосудов, вследствие чего так легко делать впрыскивания в детских трупах и вследствие чего окрашенные впрыскиваемые жидкости проникают во все части оболочек, во все точки кожи, вызывает последствия, вполне соответствующие потребностям молодых существ, для которых жизнь только что начинается и для которых так необходимо знакомство с окружающими их предметами. Из этого следует не только необыкновенная легкость, с которою протекают в них жидкости и, стало быть, удивительная быстрота в деятельности отправлений, которые все находятся в зависимости от этого обстоятельства; но вследствие этого, все чувствующие нервные оконечности находятся еще в необыкновенно разветвленном состоянии, увеличивающем для них число ощущаемых предметов и вызывающем в каждом отдельном ощущении ту живость, к которой оно способно только в первом возрасте.[66]

Если принять мысль о происхождении мясного волокна из непосредственного смешения нервной мякоти с волокнистою слизью клетчатой ткани, проходящую при этом особенном сочетании через новую степень оживотворения, то чрезвычайная мускульная раздражаемость в эту первую эпоху, в которую мозговая система так могущественно господствует над прочими, так мускульная раздражаемость поступила бы в разряд уже известных нам законов животного тела. С такой точки зрения на мускулы, последние представляются нам, так сказать, только особенными нервными оконечностями, замаскированными вследствие тесного смешения своего с посторонним веществом: теперь они уже не только покорные орудия нервного органа, но составляют часть его. Непосредственная связь между чувством и движением, или, вернее, несомненное единство их происхождения рассеивает, по крайней мере, многие сомнения относительно явлений того и другого; в особенности же теперь становится ясным, почему, при самом слабом противодействии мозговой системе со стороны прочих частей, при самой свободной и быстрой ее деятельности и возобновлении, мускульные ее оконечности должны находиться в состоянии наибольшей подвижности, и почему

[66] Многие врачи полагали, что сосуды некоторых органов, развивающихся и входящих в деятельность в позднейшие эпохи жизни, или даже, что некоторые роды сосудов, общих всему телу, изглажены и еще не существуют в детстве; поэтому, если возраст уменьшает число одних, то он увеличивает количество других. Гаен смотрел на появление некоторых несуществовавших или, по крайней мере, сросшихся до того сосудов, как на причину, вызывающую различные болезни, сопровождающиеся сыпью, как например оспа и корь. Он даже готов был приписать той же причине просообразную сыпь, белую и красную, и кровавые пятна. Противникам Гаена не трудно было доказать, что гипотеза его не имеет смысла; к этому можно прибавить, что находящиеся в детстве в бездействии части уже в то время имеют больше сосудов, чем сколько будут иметь впоследствии в эпоху своего полного развития, и когда отправления их приобретут наибольшую степень деятельности.

все движения их запечатлены теми же самыми свойствами, которыми отличаются в эту эпоху и сами ощущения.

В противном случае, было бы весьма затруднительно составить себе понятие, каким образом мускулы более всего чувствительны к влиянию двигательных причин именно тогда, когда они менее всего способны производить движения, и что эта чувствительность ослабевает в них по мере того, как они приобретают способность к свойственным им отправлениям. При известных расслаблениях, приводящих человека в некотором смысле в детское состояние, а также у женщин, которые во многих отношениях всю жизнь остаются детьми, замечается одновременно, как наибольшая подвижность, так и наибольшая мускульная слабость; подобное явление зависит несомненно все от той же причины, я говорю о преобладании чувствительного органа и о влиянии его, сделавшемся более живым и беспорядочным.

Существует еще одно органическое условие, свойственное первому возрасту и находящееся, быть может, в еще большей зависимости от совокупности условий, составляющих предмет нашего исследования, или принимающее более могущественное участие в возникновении того особенного физического и нравственного состояния, которое мы имеем в виду обрисовать. Для полнейшей его оценки следовало бы войти в более подробные объяснения; но я могу обозначить его только в немногих словах.

С той минуты, как кончилось первое прорезывание зубов, до того времени, когда начнется второе, в железах и во всем лимфатическом снаряде происходят перемены, производящие огромное влияние на общее состояние, как твердых, так и жидких частей. У новорожденных детей, также как и у молодых животных других пород, железы более объемисты. В эту эпоху существуют даже железы, которые, впоследствии увядают и исчезают. Все они пропитаны тогда обильным количеством молочного сока, в котором, так сказать, разбухла ткань их: проходящие по ним лимфатические сосуды весьма мягки и растянуты, а всасывающие отправления их одарены слабою деятельностью и энергией. Большая часть уподобляющей работы в зародыше производится, кажется, при помощи этих сосудов и особенно желез: вот почему обыкновенно так переполнены и те, и другие, а вследствие этого переполнена и клетчатая ткань, и все тело так богато слизью.

Когда лимфатическая система установилась, железы подвергаются особого рода конвульсивным состояниям. Это пора детской сухотки, свинки (воспалений заушных желез), первых золотушных проявлений. Если же железы переполняются более глубоким и общим образом, то это переполнение немедленно отражается на головной мозг посредством симпатии, таинственные пути которой нам неизвестны, но существование которых подтверждается ежедневным наблюдением.

Болезненное расположение головного мозга, вызываемое этим обстоятельством, не затрудняет непосредственно умственных отправлений и нравственного развития: напротив, оно часто ускоряет, преждевременно вызывает их, делает их, по-видимому, более совершенными; нередко случается, что в эту эпоху мозговой орган снова получает наибольший объем сравнительно с прочими частями тела; вследствие этого обнаруживаются различные, физиологические или патологические явления, которые до сих пор объяснялись обыкновенно воображаемыми причинами.

Я не войду в дальнейшие подробности относительно этих изменений, происходящих в лимфатических сосудах и в железах, и так могущественно отражающихся на все тело животного. Достаточно сказать, что с этой эпохи всасывание в клетчатой ткани производится с каждым днем все более деятельно и полно, и что нередко, вследствие этих изменений в железах, нервный орган внезапно получает извращенную деятельность.

Итак, относительное преобладание нервной системы, более значительное количество сосудов, несовершенная еще обработка животной слизи, в соединении с изобилием содержащейся в ней влажности, более живая раздражаемость мускулов, наконец, изменения, наступающие, или постепенно, или внезапно, вследствие быстрого действия причин во всасывающей и лимфатической системах — вот общие выводы, являющиеся при исследовании состояния органов в детском возрасте.

§ VI. — Посмотрим теперь, как войдут эти новые условия в деятельность под влиянием жизненной энергии, каким образом едва очерченная жизнью нервная система запечатлеет этой деятельностью мало-помалу все части тела, гибкие, восприимчивые, обнаруживающие ее присутствие движениями, живыми, быстрыми, скоропреходящими, но часто возобновляющимися.

Под влиянием множества незнакомых впечатлений ребенок, по-видимому, быстро переходит от одного к другому. Если он только не спит, то его мускулы, раздражаемые самыми ничтожными возбудителями, самым мимолетным действием его рождающейся воли, находятся в постоянной подвижности; будет ли он в бодрственном состоянии, или во сне, мускульные волокна жизненных органов сокращаются с тою же скоростью, органы эти производят одинаково быстрые и торопливые движения.

Жадно идущий навстречу ощущений и жизни инстинкт заставляет его принимать всевозможные положения, направляет его внимание во все стороны: еще смутные, неопределившиеся органы его чувств мало-помалу развертываются, свыкаются со своими собственными отправлениями. Повторением своих наблюдений и попыток, беспрерывным возвращением к предметам, к которым они направлены, он выучивается употреблению снарядов, вызываемых ими к деятельности, и

совершенствует самые снаряды. Таким образом, уже одна многочисленность впечатлений должна обусловливать неопределенность и изменчивость побуждений, так сказать, смешивающихся одни с другими. В то же самое время мозговой орган, в котором слагается и вырабатывается самый источник жизни, едва скрепленный охватывающими его, или проскальзывающими в его разделения клетчатыми оболочками, легче приводится в деятельность. Малейшие впечатления, проникающие в него от чувствующих оконечностей, ничтожнейшие возбуждения, возникающие непосредственно внутри его, вызывают с его стороны тем более легкие и тем более быстрые отправления, чем ближе зависят они от инстинкта, и тем более споспешествуют развитию всего тела, чем они шире и распространеннее, чем реже сосредоточиваются в одной определенной точке; так что жизнь, отправляясь постоянно и всюду в одинаковой степени, ежедневно приобретает все большую устойчивость.

С другой стороны, и это является опять-таки вследствие большей раздражаемости органов и более живых движений или более обильных отделений, вызываемых ими; так, с другой стороны, пищеварение совершается с необыкновенной быстротой; желудок ни на минуту не может остаться в праздности; деятельность его требует частого принятия пищи. Но это, столь быстрое пищеварение вообще еще неудовлетворительно: вырабатываемые им продукты обращаются в животные вещества весьма несовершенного свойства. Особенно объемистая в этот возраст печень выделяет значительное количество желчи, но не в состоянии еще придать ей той энергии, которой она будет обладать впоследствии. Желчь похожа в эту эпоху на прочие соки: она студенистого содержания, почти без вкуса и запаха, а обрабатываемый ей питательный сок (хила) влечет за собою в общий поток кровообращения слизистые скопления, которые не могут быть вполне уподоблены по слабости сосудов и легких. Вследствие этого, являются, как неизбежное последствие взаимных и чередующихся действий, прямых и отраженных, новые соки, столько же слизистые и бездеятельные, как и предыдущие; это состояние жидкостей отражается на состоянии сосудов и мозговой системы; наконец, от состояния мозговой системы зависит образ действия ее или влияния, а от этого влияния и от чрезвычайной гибкости волокон — необыкновенная раздражаемость двигательных органов.

Необходимый результат этого состоит в том, что живым, многочисленным, подвижным впечатлениям соответствуют быстрые, смутные, непостоянные представления.

В страстях ребенка, также как в его болезнях, есть что-то судорожное. Предметы его потребностей и удовольствий просты, непосредственны; внимание его к ним не развлечено ни понятиями, которые могут явиться в его мозгу только позже, ни страстями, которые еще решительно ему неизвестны. Все окружающее постоянно возбуждает его внимание. Молодая память его легко получает все впечатления, и

так как в ней не имеется предшествующих воспоминаний, которые бы ослабляли их, то они также хорошо сохраняются, как легко получаются. В эту эпоху слагаются самые важные склонности. Самые общие для человеческой природы понятия и чувства развиваются в ребенке, так сказать, без его ведома, в продолжение этого первого периода; раскрываются они таким же путем, как развертывались многие инстинктивные побуждения во время пребывания его в утробе матери, и во всей совокупности нервной системы приобретают они устойчивость и зрелость таким же точно образом, как раскрывается и крепнет жизнь в отдельных органах — непрерывным повторением впечатлений и движений.

Нередко приходится нам удивляться средствам, употребляемым природой для достижения своих целей, или, выражаясь точнее, для отправлений, вытекающих из общего ее механизма. Если существуют невыгодные условия для жизни животных, то, разумеется, их представляет страдание и болезнь: одна предсказывает, другая свидетельствует о большей или меньшей опасности для их существования. Однако же болезнь и страдание тем не менее неоднократно содействуют отправлениям, посредством которых вызываются в органах новые способности.

В детях замечаются две главные эпохи: я говорю о двух эпохах прорезывания зубов. Всякому наблюдателю дателю известно, какие опасные страдания сопровождают появление первых зубов и какая благоприятная перемена следует для всего организма за его окончанием. Перемена эта казалась мне всегда более замечательной у детей, у которых предшествовало ей более страданий, если бы даже дети эти пользовались хорошим сложением и здоровьем.

Но вторые зубы имеют еще большее влияние на общее состояние жизненных сил. Древние врачи, разделявшие всю жизнь человека на великие климатерические периоды,[67] заканчивали первый появлением зубов на седьмом годе. Они заметили без труда, что твердые части, как и жидкости, принимали тогда более выразительный характер: переход слишком резок, чтобы они могли не заметить его. От этих точных наблюдателей не мог укрыться и переворот, происходящий в то время в нравственной природе детей, и если все образованные народы относят к той же эпохе пробуждение разума, то не должно думать, чтобы это было случайно и без причины.

Между болезнями, свойственными первому возрасту, замечается обыкновенно кровотечение из носу. Мы имеем прекрасную диссертацию Сталя о патологических поражениях различных возрастов, в которой он замечает, что в ту же эпоху соки направляются главным образом к голове. Он объясняет этим даже бред, судороги и другие, столь часто встречающиеся тогда нервные припадки.

[67] Семилетние периоды, на которые делилась вся жизнь; главное из них — пятое, соответствующее 33—35 году, полной зрелости. Пер.

Но нам придется возвратиться несколько назад. Головной мозг теряет постепенно относительный или пропорциональный объем свой. Сначала он привлекает к себе более крови, чем прочие части, и пока внешние оболочки его и междудольные их продолжения не приобретут известной плотности, пока сам он не станет более крепким, до тех пор он не в состоянии противостоять притокам артериальной крови. Кроме того, мы не должны забывать, что по законам животного тела наибольшая деятельность органа необходимо влечет за собой такую же деятельность его сосудов. Таким образом, особенное направление к голове соков, которое древними замечено было также при начале всех острых лихорадок, особенно весенних, или, как они любили выражаться, в детский период года, есть скорее следствие, нежели причина болезней головного мозга. Между тем, направление это тем не менее оказывает в свою очередь большое влияние на отправления этого органа, именно, на образование представлений и относящихся к ним побуждений. Вот почему особенно я счел нужным остановиться на этом.

Но кровотечения из носу случаются чаще всего не до семилетнего возраста; напротив того, кровотечения, (я говорю о самопроизвольных), бывают редко в первые годы жизни. При наступлении же их, обилие и частые их возвращения говорят более о возвышении энергии и плотности, нежели о действительном увеличении массы соков; крайние артериальные сосуды начали срастаться и не пропускать более крови, вследствие чего она бросилась в другие места и проложила путь в таких оконечностях сосудов, которые не успели еще укрепиться достаточно плотной для сопротивления крови кожицей.

Эпоха кровотечений из носу одна из самых интересных для наблюдения; она совпадает с эпохой наступления отрочества. Ее можно считать заключенной между седьмым и четырнадцатым годом и составляющей второй климатический период древних.[68] В этот драгоценный промежуток времени для приобретения первых познаний и особенно для развития разума клетчатая ткань уже более выработана, твердые части окрепли, возбуждения, рассеянные в каждой из жидкостей, получили, как мы только что сказали, большую степень деятельности, и хотя возбуждаемость органов кажется меньшею, тем не менее деятельность их почти также жива и в то же время гораздо устойчивее, чем в первый возраст.

Ж.-Ж. Руссо, который был в одно и то же время, и великим наблюдателем природы, хотя богатый и прекрасный язык его не всегда вполне естествен, и великим мыслителем, хотя своими парадоксами и напыщенностью он хотел, во что бы то ни стало, поставить себя в ряды врагов философии, так Ж. Ж. Руссо в своем плане воспитания употребил все свое старание для того, чтобы обрисовать и показать настоящее значение этого важного периода жизни; он следил за развитием ее с самым строгим вниманием; он изобразил ее с удивительною истиною, и практические его выводы, подтверждаемые примерами, могут считаться образцом

[68] Он продолжается иногда до двадцати одного года, по причинам, которые будут изложены ниже.

анализа. Ни в каком другом его сочинении метод этот не доведен им до такой степени совершенства; едва ли может он получить большую точность в руках самого точного мыслителя, а удивительный талант, с которым писатель изображает раскрываемые этим методом истины, придает им такую жизнь, прелесть и ясность, что они целиком проходят в голову и в сердце человека.

В самом деле, эпоха эта, повторяю, самая решительная для образования разума; впечатления оседают и устанавливаются; память, не теряя все той же легкой способности удерживать их, начинает приводить их в порядок и становится в одно и то же время, и более систематической, и более прочной; внимательность, еще далекая от условий, которые позже будут запечатлевать ее страстностью, приобретает замечательную силу и последовательность; тогда же между отроком и окружающими его чувствующими существами устанавливаются истинно нравственные отношения, и молодое сердце его открывается трогательным, гуманным чувствам. Счастлив он, если преждевременное возбуждение не разовьет в нем скороспелых понятий, не свойственных его возрасту, и не пробудит в нем страстей, которые он не в состоянии, ни направить должным образом, ни ощущать, ни наслаждаться ими.

§ VII. — Итак, во время детства общее стремление соков направляется к голове. По мере того, как дитя приближается к юношеству, это первое направление ослабевает, и кровь притекает все более главным образом к груди. Связь половых органов с грудью не объяснена анатомией, но она доказывается ежедневным наблюдением. Болезни желез, пахов и легкого, состояние яичек и дыхательного горла, или гортани, расстройства в матке и в грудях, взаимно вызывающие друг друга и зависящие одно от другого, не позволяют сомневаться в этой необыкновенной связи между ними. Таким образом, становятся менее удивительны одновременные, местные усилия природы в обоих родах органов, относительное расположение которых требует между тем механического разделения сил и средств, призываемых природой к деятельности.

С другой стороны, даже не принимая вполне сделанного новейшей химией применения теории горения к теории животной теплоты,[69] не думаю, чтобы можно было сомневаться во влиянии дыхания на развитие этой теплоты; сверх того, хорошо известно особенное действие теплоты, в частности, на органы воспроизведения, для которых она, по-видимому, служит самым действительным и неизменным возбудителем.

[69] Против этого применения, слишком решительного и безусловного, сделаны были сильные возражения. Дюма, знаменитый профессор в Монпелье, собрал те, которые приводились до него: он представил новые, опровергнуть которые в самом деле довольно трудно. (См. его «Основания Физиологии», весьма ценное и замечательное сочинение). Не трудно было бы привести другие, которые, как мне кажется, не были бы лишены значения.

Мы знаем, наконец, из опыта, что более возвышенная теплота с большим обилием и силой гонит кровь к легкому; что всасывание семени развивает посредственным путем в крови новую теплоту; что приливы крови к легкому, или местные раздражения, иногда производимые в нем беспорядочным и стесненным кровообращением, непосредственно возбуждают половые органы и развивают более сильное стремление к любострастным наслаждениям. Явление это представляет один из многочисленных примеров, которые мы замечаем в живом теле, именно, что явления в некотором роде переплетаются и поочередно становятся действием и причиной, так что невозможно указать на то, от которого другое, или многие другие, находятся в зависимости. Это и заставило сказать Гиппократа, что *жизнь есть круг, в котором нельзя отыскать ни начала, ни конца*; *ибо*, прибавляет он, *в круге каждая точка окружности может быть и началом, и концом*; и ничто не показывает так ясно, каким образом в организме связаны между собой все части; каким образом нет отправлений, которые бы не предполагали других, более или менее необходимых для поддержания целого.

Физические условия, сопровождающие юношеский возраст, естественным образом переплетены между собою; они составляют систему, с которой находятся в связи некоторые побочные явления, рассмотрение которых увлекло бы нас в слишком мелкие подробности; но так как самое главное из этих условий, развитие и вступление в деятельность половых органов, обнаруживает необыкновенное влияние на нравственное состояние; так как оно внезапно возбуждает новые представления и новые стремления, то мы не можем сомневаться в непосредственной зависимости нового нравственного состояния от совокупности тех же условий и в связи его с теми, которые, при первом взгляде, менее всего дают повод подозревать о существовании между ними действительных отношений.

Но я намереваюсь возвратиться к этому предмету в следующем Мемуаре, в котором мы будем рассматривать влияние полов. Теперь же мы ограничимся несколькими общими замечаниями.

Юношество очевидно вносит в организм целый ряд новых отправлений. Оно застает клетчатую ткань и строение твердых частей в значительной уже степени плотности, выработки и энергии, о которых свидетельствует ежедневно увеличивающаяся сила отправлений. Кровь и прочие соки приобрели уже значительную степень жизненности. Юношество, вызывая в крови новое, чрезвычайно деятельное начало, сильно увеличивает возбуждающие свойства этой жидкости. Относительное количество окрашенных частей и волокнистых, сравнительно с прочими, увеличивается в том же отношении; твердые части, возбуждаемые более живым образом, становятся с каждым днем тоже более крепкими и сильными.

Конец этого периода есть в некотором роде только переход от юности к молодости, так что молодость составляет завершение юности. Можно бы было и вовсе не

разграничивать их, так как в действительности они отличаются только слабыми чертами. Тем не менее, еще древние врачи заметили, что около двадцать первого года совершается в человеке третий переворот, которым заканчиваются некоторые болезни предыдущего возраста, переворот, обыкновенно отличающийся вообще особого рода климатерической смертностью, а в каждом неделимом — возвышением деятельности артериальной системы, порождающей нередко расположение к острым воспалительным лихорадкам и к хроническим поражениям того же характера. В самом деле, в очевидном для всякого внимательного взгляда толчке, который отдается тогда во всем организме, жизнь и густота соков, сила и крепость органов, по-видимому, удваиваются внезапным, так сказать, образом. Но, повторю еще раз, это не новый порядок явлений, это только высшая степень, резко обозначенный оттенок в энергии отправлений.

Вначале юности головной мозг как будто удивлен необыкновенными впечатлениями, доходящими до него; сначала он с трудом распознает настоящий смысл их; многочисленность и напор их не дают ему возможности уловить взаимных отношений их друг ко другу. В эту пору, по самому естественному порядку вещей, мозговой орган во всей своей совокупности получает более всего тех впечатлений, которые, как мы говорили, исключительно ему свойственны, причина которых лежит в нем самом; в эту же пору преобладает господство воображения; это — возраст мечтательности, романических представлений, мечтательности, которую, разумеется, не следует искусственно возбуждать и поддерживать, но совершенно рассеять которую, разом и безразлично, может стремиться только ложный взгляд на природу человека. В эту пору все нежные склонности так легко обращаются в поклонение, в религию. Невидимые силы обожают тогда как любовницу, быть может, единственно потому, что обожание вообще, обожание любовницы необходимо, что все тогда действует на чрезвычайно впечатлительные волокна, что эта ненасытимая, тревожная потребность ощущений никак не может быть достаточным образом удовлетворена действительностью. Отсюда вытекает не только множество наслаждений и скоротечных радостей, но из этого же рождается и развивается большая часть тех симпатических и великодушных стремлений, которые одни обеспечивают будущее счастье, как для людей, воспитывающих эти чувства, так и для тех, которым придется идти с ними в жизни по одной дороге.

Нечего прибавлять, что возраст, в который больше всего чувствуется, в который воображение находится в такой деятельности, несомненно есть также и такой, в который собирается более всего тех представлений и чувствований, которые до того состояли, так сказать, только из предчувствий, а теперь становятся самым драгоценным приобретением для будущего; и когда размышление получит наконец господство над всеми отправлениями мозгового органа, то в основание его ложатся главным образом материалы, добытые в этот важный период.

Что касается до юности собственно, то она, как мы видели, начинается в ту пору, когда крепость и гибкость твердых частей, когда напряжение, возбуждающие свойства и энергия движений в соках вполне устанавливаются и достигают своего высшего предела. Нервная система и мускульные органы находятся тогда в высшей степени деятельности. Энергия сердца и артериальных сосудов преодолевают все препятствия. Обращение всех жидкостей и все зависящие от них жизненные отправления происходят с напряжением, одолевающим всякое противодействие: вот причина, почему возрасту этому свойственны самые острые болезни, самые могучие страсти и смелые мысли, которые еще более усиливаются удивительной самоуверенностью.

Мы сказали, что со времени рождения ребенка, со времени даже образования зародыша до четырнадцатилетнего возраста значительный объем и преобладание головного мозга направляют кровь главным образом к голове; что с четырнадцати лет до конца юности соки направляются главным образом к груди. Кровохарканье или, вернее, легочное кровотечение может характеризовать собою в патологическом отношении этот период. Обозначить точно его продолжительность довольно затруднительно, и наблюдение не дает удовлетворительных признаков относительно его пределов. У некоторых преждевременно развивающихся людей период этот заключается двадцать восьмым годом, когда начинается в организме четвертый семилетний переворот, или второй четырнадцатилетний. Обыкновенно же он наступает около тридцати пяти лет, в конце пятого переворота; это происходит от того, что первый период, в который кровь приливает главным образом к голове, еще продолжается до двадцати одного года, и направление это ослабевает незаметным образом, так что до третьего переворота соки направляются почти равномерно к различным частям выше грудобрюшной преграды, и только тогда движение их устремляется главным образом к легочным органам. Таким образом, становится понятным, почему кровотечения из носу продолжаются долго спустя после четырнадцати лет и почему с этих пор до двадцати одного года жабы, занимающие, по-видимому, промежуточное место между головными и грудными болезнями, так обыкновенны и так опасны в этом периоде.

Таким образом, переход от молодости к зрелому возрасту следует отнести к тридцатипятилетнему возрасту. В эту эпоху происходят не менее замечательные изменения в физической и нравственной природе человека.

§ VIII. — До сих пор деятельность нервной системы, энергия сердца и артерий, жизнь и напряжение соков легко побеждали все сопротивления, какие встречались со стороны все возвышавшейся крепости и силы твердых частей для обращения жидкостей и для различных отправлений, в которые самым существенным образом входит это самое обращение. Многие сосуды срослись последовательно одни за другими: стенки и оконечности других, расширяясь и становясь со дня на день

более плотными и крепкими, мало-помалу потеряли часть своей гибкости; они стали неспособны к уступчивости. Но тем сильнее возросла жизненная энергия; она может без труда преодолеть эти первые препятствия; отправления жизни не сопровождаются еще никаким неловким и тягостным чувством; сознание собственной силы влечет молодого человека все вперед: его сердце и голова, его чувства и мысли исполнены доверия и счастия.

Во все время этого первого, соответствующего друг другу состояния сосудов и жизненных сил, в артериальной системе господствует полнокровие, то есть, артерии содержат сравнительно более обильное количество крови, и кровотечения происходят непосредственно через конечные их разветвления; но когда сопротивление твердых частей начнет перевешивать деятельность нервной системы и напряжение жидкостей, то является почти мгновенный переворот в распределении крови; полнокровие переходит из артерий в вены: тогда появляются венные кровотечения.

Здесь не место излагать механизм двух этих различных состояний в кровообращении: достаточно сказать, что они составляют явление постоянное, подтверждаемое, к тому же, ежедневным наблюдением. Венное полнокровие образуется, или, по крайней мере, обнаруживается сначала в воротной вене и в главных ветвях ее. Оно вызывается вообще более медленным обращением крови в венах; стало быть, естественно, что первые признаки его покажутся преимущественно в тех из сосудов, в которых кровь обращается особенно лениво.

Когда деятельность жизни начинает встречать более могущественные сопротивления, а обращение жидкостей совершаться медленнее, то это сознание силы и благосостояния,[70] отличающее молодость, исчезает не разом, но ослабевает со дня на день довольно заметным образом. Человек перестает считать себя непобедимым; он замечает, что силы его ограничены; мысли и стремления его не направляются вперед с прежнею смелостью; у него нет этой бывшей, безграничной уверенности в самом себе и, как необходимое последствие, он скоро теряет большую часть доверия и к другим.

В самом деле, мудрость и осмотрительность человека зависят от поколебавшейся уверенности в имеющихся в его распоряжении средствах. Пока не явилось сомнения в возможности всего достигнуть, человек идет не колеблясь прямо к цели, указываемой желанием; но как только он не уверен в средствах, то чувствует

[70] Чувство благосостояния не находится, впрочем, в непосредственной зависимости от жизненной энергии. Последняя может быть иногда в таком напряжении, что этим самым вызывает особенное, беспокойное и неловкое чувство. Чувство благосостояния наступает в таком случае позже и является уже в эпоху слабости. Кардан рассказывает, что когда он чувствовал себя вполне здоровым, то его не только тревожила самая беспокойная жажда деятельности, но он был даже неспособен к внимательности, необходимой для умственных занятий. Для пользования всеми своими нравственными способностями ему необходима была болезнь, и для успокоения этого тревожного состояния ему нужно было искусственно возбуждать страдания.

необходимость не пренебрегать ни одним из них и усилить действие наилучшим их употреблением — является старание подкрепить их внешней помощью, доставляемой наблюдением и опытностью. Человека начинает занимать серьезно его настоящее положение, и взгляды его не без беспокойства обращаются к будущему. Это пора бережливости, расширения имеющихся средств, создания новых для будущего; вот почему у всех великих художников, изображавших человеческую природу, зрелый возраст характеризован более сдержанными и обдуманными побуждениями, более осторожным обращением с людьми, с которыми случается приходить в столкновение, старанием расположить к себе общественное мнение, большей склонностью ко всем средствам для достижения благосостояния.

Если мы подымемся к самому источнику счастья, то увидим, что оно главным образом состоит в свободном отправлении способностей, в сознании силы и легкости, с которыми они приводятся в действие. Не все отправления органов необходимы в одинаковой степени; между потребностями одни более способны к остановке и к задержанию, другие — менее; но общее, необходимое условие для живого организма составляет ощущение и движение, и жизнь тем полнее, чем сильнее чувствуют и двигаются все органы, не выходя только из естественного своего порядка. Вот в чем состоит физическое благосостояние; в том же самом состоит и нравственное счастье, составляющее только частное последствие первого, или, вернее, составляющее то же самое благосостояние, рассматриваемое только с другой точки зрения и при других условиях.

Я полагаю, что мне незачем прибавлять, что для счастья не всегда бывает необходимо испытывать на самом деле впечатления, от которых оно зависит: нередко бывает весьма достаточно одного воспоминания о них и сознания, что они остаются в нашей власти.

Но когда сознание это становится сомнительным, когда чувство уверенности начинает притупляться, жизнь делается беспокойною и тягостною: воображению становится необходимо убедить себя в действительности силою впечатлений от внешних предметов, впечатлений, которые, свидетельствуя сами о начале упадка, тем сильнее заставляют чувствовать пустоту, которую человек старается наполнить ими, и составляют весьма слабое вознаграждение за слишком действительные утраты. Зрелый возраст есть поэтому еще возраст честолюбия, этой узкой и мрачной страсти, удовлетворение которой только раздражает ее ненасытимые желания.

Мы видели, что в то время как ослабевает деятельность кровообращения, переполняется венная система и в нее переходят кровотечения. Жизненные отправления, которые почти все находятся в зависимости от движения крови, происходят с большою медленностью; болезни реже становятся воспалительными; развитие, перелом, исход их принимают вообще характер в некотором роде

хронический. Мы видели, кроме того, что система воротной вены, в которой течению густой и жирной крови не содействует прямая деятельность мускулов, как обращению во внешних сосудах, первая испытывает перемену, от которой зависит венное полнокровие. Возвращающиеся из всех подвижных частей брюшной полости соки текут лениво; органы этой полости, особенно печень и селезенка, получают расположение к завалам; отсюда эти упорные, гипохондрические болезни, не только преувеличивающие сознание об упадке сил, но сообщающие всем представлениям и побуждениям особенный, странный характер настойчивости; отсюда эти могучие, обдуманные мысли, эти медленно образующиеся, но удивительно глубокие и неизлечимые страсти. И не следует думать, что тогдашнее состояние умственных и душевных способностей может быть объяснено одной опытностью, новыми и более многочисленными сочетаниями впечатлений, доставленных в продолжении всей жизни; ибо люди, в которых сопротивление твердых частей и затруднительное обращение брюшной венной крови обнаруживается преждевременно, представляют такую же скороспелую зрелость относительно представлений и побуждений этого третьего периода жизни.

Таким образом, непосредственным впечатлением более упорного сопротивления сосудов, или относительной слабости, вызываемой этим сопротивлением, а также ближайшими последствиями венного полнокровия легко объясняются нравственные склонности, свойственные зрелому возрасту; характеризующие его черты непосредственно и неизбежно вызываются несколькими физическими переменами, которые на первый взгляд вовсе не имеют такого важного значения.

Продолжительность зрелого возраста не одинакова у всех людей. Она составляет период в четырнадцать или в двадцать один год, смотря по первоначальной организации человека, по образу его жизни, по посетившим его болезням. Для людей с кратковременной молодостью, или хворых, зрелый возраст оканчивается иногда сорок девятым годом; но нередко он продолжается до пятидесяти шести лет. Конец его отмечается пятым или шестым переворотом, весьма заметным в теле человека. Переворот этот причиняет множество болезней, за которыми следуют кризисы, заслуживающие полного внимания наблюдателей. Время это не менее опасно для мужчин, чем прекращение очищений, (которые по известным, особенным причинам наступают ранее в жарких и умеренных климатах), для женщин: для обоих полов оно составляет настоящий климатерический возраст. Врачебное искусство ежедневно доставляет нам примеры этого переворота, а внимательное сравнение таблиц смертности подтверждает это явление; ибо из таблиц этих следует явно, что вероятность жизни не идет, увеличиваясь или уменьшаясь равномерно, следуя прогрессивным путем, выведенным большею частью вычислений; она прерывается, останавливается на некоторых годах и кажется иногда идущей даже назад на известный, хотя и весьма кратковременный промежуток времени.

Если человек избегнет опасностей этого климатерического возраста, то вступает в старость.

§ IX. — Во все время гипохондрических, брюшных приливов крови железы расположены к образованию в них завалов; в этом периоде нередко образуется род железистых тел в различных местах самой клетчатой ткани. Расположение это всегда сопровождается печальным, меланхолическим душевным состоянием. Но около первого семилетия третьего периода, то есть, около сорок второго года совершается обыкновенно перемена, рассеивающая большую часть господствовавших доселе болезней и заменяющая их новыми.

Вырабатываясь все более и более, соки неизбежно приобретают известную степень едкости: едкость эта вызывает в них начало разложения, они становятся более тонкими и жидкими. С этой минуты затруднения кровообращения в брюшной полости уменьшаются, и поражения, непосредственно зависящие от переполнения воротной вены, уступают место подагре, песочной и каменной болезням, ревматизму, расположениям к апоплексии, удушливому катару, состоящему в апоплексии легкого.

Различные болезни эти, взаимные отношения которых неоднократно возбуждали внимание наблюдателей, находятся, по-видимому, в зависимости от хода того разжижения, о котором мы только что упомянули, от уменьшения различных незаметных испарений, внутренних и внешних, от большого количества землистых частиц, оставляемых в жидкостях вследствие этого уменьшения испарений. Все количество их не поступает теперь на рост или на восстановление костей и, вследствие непосредственного действия разложения жидкостей, фосфорнокислая известь и другие землистые вещества и соли быстро выделяются из них; они не могут быть извлечены естественными выделениями; поэтому, они отлагаются на известные органы и образуют костяные или каменистые скопления различного характера, смотря по расположению, принимаемому частицами, и по состоянию связывающей их клейковины.

Таковы условия, к которым, по-видимому, следует отнести подагру, песочную и каменную болезнь, артериальные окостенения и всякого рода каменистые скопления.

В то же самое время едкость соков оказывает действие на нервы или на их покровы, на мускулы или на их сухожильные оболочки; более других едкие частицы соединяются по какому-то химическому сродству и отлагаются на каком-нибудь отдельном органе: отсюда — ревматизм, апоплексия, удушливый катар.

Наконец, с каждым днем все более и более возрастающее уменьшение внешней, незаметной испарины, как неизбежное последствие постепенного ослабления кровообращения; кроме того, затвердения кожи и различные сочетания всех

причин, о которых мы упоминали, вызывают и обусловливают катарральные поражения в горле, в легком, в мочевом пузыре, и проч., особенно часто встречающиеся у стариков.

Различные физические условия эти составляют нечто целое, род системы, и легко заметить связь с ними и тесную зависимость от них нравственного состояния, свойственного тому же самому периоду жизни.

Когда соки теряют отчасти свою густоту, побуждения и представления, обусловленные обременением брюшных внутренностей, начинают терять в такой же степени черты своего упорного характера. Меланхолическое расположение почти всегда ослабевает в эту пору; нередко оно исчезает совершенно. Но, с одной стороны, едкие соки, особенно желчи, принимающей необыкновенную деятельность и сильно возбуждающей нервные оконечности, с другой стороны, крепость твердых частей, которая, возрастая ежедневно, увеличивает со дня на день сопротивления; оба эти обстоятельства, говорю я, вызывают могущественное отраженное действие нервной системы на самое себя. Жизнь возвращается, по-видимому, назад, и для человека будто бы снова наступает юность.[71] Сохраняя приобретенную силу и прочность, мысли получают прежнюю смелость; страсти снова становятся кипучими и бурными. Таково, в частности, состояние людей, расположенных к апоплексии, у которых, употребляя выражение Бордо, оконечности как бы составили род заговора против головы, стремительно направляя к ней соки, или вызывая в ней деятельность, может быть, другими причинами, обусловливающими это необыкновенное возбуждение.

Появление подагры, ревматизма или каменной болезни изменяет нравственное состояние не менее чем физическое. Различные болезни эти составляют чаще всего просто видоизменение тех, которые вызываются затруднительным кровообращением в системе воротной вены. Они могут быть источником сильных страданий; по природе своей они суть настоящие кризисы, хотя и говорят собой об энергической жизненной деятельности. И когда ревматизм и подагра принимают правильное течение, я хочу сказать, когда вызывающая их причина обращается к оконечностям и не отражается на внутренние органы, когда материалы для каменной болезни удаляются в виде легкого песка, по мере образования своего в мочевом пузыре и в почках, довольная удалением врага своего природа перемешивает нередко с самой острой даже болью чувство благосостояния, выражающееся живой умственной деятельностью, благодушными склонностями и веселостью. Но если каменистые, подагренные и ревматические соки не избрали еще определенного направления, если они бросаются в грудобрюшную область, или угрожают ей, то беспокойство, тоска овладевают всем чувствующим

[71] Этот род второй молодости обозначается у одних людей резче, чем у других. Случается, что он возвращает к иллюзиям и к счастливым грезам юности. Ж. Ж. Руссо представляет нам подобный удивительный пример. Кому неизвестна часть исповеди этого необыкновенного человека, относящаяся к этому периоду его жизни?

существом, разум теряет свою силу и ясность, а душа отказывается от всякого счастливого чувствования.

Вступая в старость, человек весьма явственно замечает свой закат. Но это явление получает свое начало не исключительно с той минуты, в которую закат этот становится очевидным. Уже давно, после того как жизнь достигла высшей вершины своей, она покатилась вниз, и стремится все с ускоряющейся быстротой к той бездне, которая поглощает всякое временное существование. Только в тот период, о котором идет речь, каждый шаг вниз становится более заметным. Твердые части получают еще большую плотность и крепость; чувство тягостного состояния возрастает все более и более; худо очищенные несовершенными или ослабевшими отделениями соки все более и более разлагаются; нервная система, вследствие ли вызываемого ими противоестественного возбуждения, или вследствие падения и затруднения восстановляющих ее отправлений, теряет постепенно свои силы; самый источник движения истощается по мере того, как двигательные снаряды становятся менее способными повиноваться посылаемому в них возбуждению.

Не входя в дальнейшие подробности, легко понять, что по мере движения возрастов умственные отправления с каждым днем должны становиться более медленными и нерешительными; характер становится все более робким, недоверчивым, враждебным ко всякому смелому шагу. Ощущение тягостного состояния увеличивается; роковая необходимость сосредоточивает старика на самом себе; не очевидно ли, что тот эгоизм, в котором упрекают его, непосредственно вызывается самой природой?

Но если сама жизнь обращается в труд для старика,[72] то тем затруднительнее становится для него движение: всюду встречает он одно только сопротивление. Внешние предметы, по-видимому, получают в его глазах силу, неодолимую с каждым днем все более и более. Его собственные органы перестают повиноваться его воле. Все влечет его мало-помалу к покою, пока безусловная невозможность выдержать даже слабые впечатления склоняющейся жизни не разовьет в нем желания вечного покоя,[73] приуготовленного природою для всех существ и наступающего как безмятежная ночь после тревожного дня.[74]

§ X. — Давно замечено было, что в старости легче всего изглаживаются последние впечатления, что впечатления зрелых лет ослабевают, а впечатления первого

[72] Ощущать, в особенности же раздельные впечатления, составляет настоящий труд для него. Нервный орган потерял ту гибкость и ловкость, с которыми он схватывал, сравнивал и различал прежде несколько ощущений разом. Старики, даже те, которые хорошо сохранили свои органы и способности, слышат только шум при разговоре нескольких человек.

[73] Некоторые люди, считающие себя благочестивыми, горько жаловались на это выражение, которое впрочем буквально приведено из одной церковной молитвы об умерших.

[74] Старость могла бы быть разбита на несколько семилетних эпох, подобно прочим великим периодам жизни. Но эти эпохи не обозначаются настоящими переломами: природа делает теперь только безуспешные усилия, и каждый толчок ускоряет или подтверждает ее упадок, вместо того чтобы отстранить его или исправить его последствия.

возраста, наоборот, становятся более живыми и отчетливыми. Это, весьма постоянное и общее явление в самом деле заслуживает особенного внимания: оно должно было броситься в глаза метафизикам и моралистам. С нашей точки зрения, я полагаю, что оно объясняется без всякого затруднения.

В детстве головной мозг по своей мягкости способен ко всем впечатлениям: вследствие его подвижности число их увеличивается, и они беспрерывно повторяются; я говорю о тех, которые относятся к предметам, находящимся пред глазами ребенка и возбуждающим его любопытство. Но число этих предметов ограничено, а отношения, в которых они рассматриваются им, чрезвычайно просты: так что могущество привычки постоянно усиливается влиянием первых и самых настойчивых потребностей и прелестью новизны. Таким образом, все содействует тому, чтобы сочетания, производимые рождающимся разумом, получили устойчивый характер, чтобы они, так сказать, уподобились самой организации и приблизились бы к автоматическим отправлениям инстинкта.

Но по мере того, как головной мозг становится более крепким, а чувствующие оконечности, защищенные более плотными оболочками, менее непосредственным образом открыты действию на них внешних предметов, впечатления становятся не так живы, возобновления их не так легки, сообщения между различными средоточиями чувствительности не так быстры, одним словом, все движения становятся более медленными. В то же самое время число наблюдаемых предметов ежеминутно увеличивается, отношения между ними становятся более сложными, миросозерцание расширяется.

Но, если грубость органов стесняет и затрудняет впечатления, не может быть, чтобы последние не становились, вследствие этого, менее совершенными, ибо совершенство их действия и оставляемые ими следы настолько же глубоки и продолжительны, насколько сами они живы, отчетливы и сильны.

С другой стороны, если великое множество предметов увеличивает и разнообразит впечатления, то оно же делает их, вследствие этого, слабыми и смутными: воспоминания о них, которым, сверх того, влияние совершенной новизны не дает прирожденной исключительно первому возрасту живости, не имеют достаточного времени глубоко отпечатлеться в мозгу; впечатления оставляют в нем в некотором смысле сомнительные следы, продолжительность которых зависит от характера того ряда мыслей и желаний, которые в то время преобладали.

Таким образом, в ту минуту, когда перестает чувствоваться потребность в получении и в сочетании новых впечатлений, когда ни один предмет не возбуждает, так сказать, ни любопытства органов, ни любопытства пресыщенного мозга, то должно замечаться и действительно замечается, что воспоминания стираются в обратном порядке, как получались впечатления, начиная с последних, слабейших, и оканчивая самыми старыми, более всего прочными. И по мере того, как те,

которые, так сказать, обременяли память, исчезают, предшествовавшие им и заслонявшиеся ими показываются. Скоро все интересы, все помыслы, которые более всего занимали нас в продолжении последних лет нашего существования, изглаживаются, и только время, в которое мы начали чувствовать, может привлечь к себе наши взоры; оно одно может еще оживить нашу потухающую внимательность, пока мы не перестанем существовать, потеряв почти разом, и впечатления настоящей минуты, и следы тех светлых и волшебных образов, которые оставлены в нашем мозгу загоравшеюся зарею жизни.

Нередко случается, что старики впадают в настоящее детство. Не только представления и страсти их сосредоточиваются тогда единственно на таких же побуждениях, как побуждения только что родившегося животного, но они принимают даже подвижность, характеризующую детский возраст.[75] Головной мозг, потеряв опору, которая представлялась ему в силе мускулов и в совокупности приобретенных в продолжении всей жизни привычек, находится снова, так сказать, в том же состоянии, когда мягкость органов не оказывала ему никакого сопротивления. Так как свойственная ему энергия ослабела в то же время и в такой же степени, то последнее условие погасающей жизни вполне возмещает отсутствие мягкости в мозговом органе, и сходство двух крайних периодов человеческого существования дополняется относительно подвижности нервной системы; это доказывает, говоря мимоходом, что отсутствие постоянства в побуждениях менее зависит от недостатка крепости в мускульных волокнах, чем от слабости мозговой системы и от бессилия отправлений, сообщающих ей живые ощущения жизни.

Заключение. — Нет, смерть сама по себе, разумеется, ничего не имеет ужасного пред судом разума: все, что может сделать ее тягостною, это разлука с дорогими существами; в этом, собственно, и состоит настоящая смерть. Что касается до прекращения существования, то оно может устрашить только, или слабое воображение, неспособное оценить должным образом, ни того, что оно теряет, ни того, что получает, или душу виновную, которая, к сожалению, о худоупотребленном для своего счастья прошлом, присоединяет нередко боязнь о мщении со стороны неизвестного будущего. Для светлого разума и для чистой совести смерть есть не более как заключение жизни: это — *вечер прекрасного дня.*

Смерть, рассматриваемая независимо от душевных движений, делающих ее нередко тягостною для самого благоразумного человека, может сопровождаться различного рода ощущениями, смотря по возрасту, в который она наступает, и по характеру вызывающей ее болезни. В молодости и в острых болезнях она часто бывает судорожна и нередко очень томительна. Наступление ее может вызвать

[75] Знаменитый герцог Мальборо, которого нельзя обвинить в недостатке твердости в молодых годах и в зрелом возрасте, в старости отличался всеми мелкими страстями ребенка. Он печалился при самом пустом душевном движении, приходил в гнев и плакал при малейшем противоречии.

весьма мучительное состояние. Тем не менее, в этот возраст она вообще не поражает человека малодушным отчаянием или суеверным ужасом; при некоторых обстоятельствах, когда деятельность головного мозга усиливается влиянием самой болезни и когда жизнь пред угасанием своим сосредоточивает, по-видимому, все свои силы в этом органе, разум проникается такою энергией и возвышенностью, а чувства таким мужеством и увлечением, что трагическая развязка получает нечто сверхъестественное пред взволнованными ее свидетелями.

Медленные, чахоточные лихорадки, кажется, особенно свойственны молодости; но известно также, что они обыкновенно сопровождаются обычным чувством благосостояния и надежды. Больные идут навстречу смерти, не подозревая ее; они испускают последний вздох, составляя планы для жизни и лелея себя самыми сладостными мечтами.

Медленные, гипохондрические и меланхолические болезни, честолюбивые, печальные, эгоистические страсти принадлежат зрелому возрасту: в эту эпоху, говоря вообще, умирают, по-видимому, с наибольшим ропотом. Самое плачевное следствие гипохондрических поражений, без сомнения, представляет неодолимый страх смерти, так сказать, преувеличение этого неизбежного события беспрерывным представлением ее образа в воображении, неосмеливающемся взглянуть на него. Острые болезни зрелого возраста обыкновенно бывают запечатлены теми же чертами, и нередко пагубный исход их становится еще более жестоким, вследствие присоединяющихся к ним мрачных представлений и угрюмого отчаяния. Такова на самом деле агония злокачественных нервных лихорадок,[76] желчных горячек, и проч., встречающихся преимущественно у людей средних лет.

В старости и в болезнях, вызываемых разрушением жизненных сил, как например, в различных водяных болезнях, заразах, и проч., разум спокоен, душа не ощущает никакого тягостного чувства боязни или отчаяния. А между тем больной, без сомнения, видит тогда приближение рокового исхода: он говорит о своей собственной смерти, как о смерти постороннего человека, и нередко предсказывает минуту ее наступления с удивительной точностью. В непрерывающихся изнурительных лихорадках, которые можно рассматривать как острые, по отношению к только что упомянутым болезням, наблюдатель находит все то же нравственное состояние: я постоянно имею в виду естественный порядок вещей и не выхожу из предположения, что воображение не воспитано извращенным образом.

Наконец, в смерти от старости больной испытывает только *чувство тягостного состояния*, в котором в некотором роде только и состояла агония Фонтенеля. От жизни чувствуется потребность отдохнуть, как от труда, продолжать который силы

[76] По крайней мере, если больной сохраняет хоть какое-нибудь сознание.

не в состоянии. Заблуждения ослабевающего разума или извращенной чувствительности, направляющихся к воображаемым ужасам, одни только могут помешать в эту минуту наступлению смерти, как покойного сна.

Если бы болезни рассматривались в этом духе, то нетрудно было бы заметить, что обрисовывающие их физические условия и оканчивающий их род смерти находятся в непосредственной и постоянной связи с нравственным состоянием умирающего, и из этой связи можно бы было вывести несколько полезных воззрений на те меры, которые следовало бы принимать, чтобы обратить последние минуты, если не в счастливые, то по крайней мере в покойные.

На предмет этот в свое время Бэкон советовал врачам обратить свои исследования. Уверенный, что обыкновенная продолжительность жизни может быть широко раздвинута множеством средств, изучение которых принадлежит врачебному искусству, он смотрел на облегчение смерти,[77] как на завершение искусства, имеющего целью удаление минуты ее наступления; среди своих пламенных желаний всестороннего усовершенствования, он мечтал о возможности для врачебного искусства соединить все свои средства, чтобы облегчить развязку жизни, подобно тому, как драматический поэт собирает все силы своего гения, чтобы поднять красоту последнего акта своей пьесы. Одним словом, если на его глаза жизнь только тогда может принести все плоды свои, когда не так быстро будут сменяться ее различные эпохи, то он в то же время думал, что вполне благополучна она может быть только в том случае, если будут иметься средства придать ее последним минутам покойный и сладостный исход, который, быть может, и составлял бы самое естественное явление, если бы не извращенный образ нашей жизни и не наши предрассудки.

Когда я буду говорить о влиянии, которое со временем должно оказывать врачебное искусство на совершенствование и на увеличение благосостояния человеческого рода, то надеюсь подробнее рассмотреть оба эти вопроса, указанные Бэконом.[78]

В настоящую же минуту достаточно понять, на основании общих явлений, что всякий возраст имеет свойственные ему болезни; что различные виды болезней и род вызываемой ими смерти имеют весьма определенное отношение к умственному и душевному состоянию; и что, следовательно, даже в ту роковую минуту, в которую, по-видимому, все изглаживается и смешивается, возрасты оказывают еще влияние, следы которого легко обнаруживаются в предсмертных представлениях и нравственных побуждениях.

[77] Это он называет эвтаназией — хорошей смертью.

[78] Предмет этот естественно войдет в сочинение, для которого я собираю материалы и которое будет иметь предметом физическое усовершенствование человеческой породы.

Сочинение это не было издано. Пер.

Мемуар пятый: О влиянии полов на характер представлений и нравственных побуждений.

Введение. — Из того, что происходит в природе, более всего заслуживает нашего внимания именно то, что чаще всего случается. Ничто не приковывает к себе так внимание истинного мыслителя, как правильное повторение одних и тех же явлений, одних и тех же условий; в особенности же, ничто не заслуживает такого удивления, как непрекращающееся возобновление живых форм, как постоянное воспроизведение одних и тех же существ, одних и тех же пород, заключающих в себе самих источник своего существования на беспредельное время.

С каждым шагом вперед в ознакомлении с природою замечается более и более все разнообразие способов, употребляемых ею для продолжения пород. Предмет этот, по-видимому, лежит ближе всего к ее сердцу; она развернула на нем все неистощимое богатство средств своих. Тщетны были усилия, при помощи научных классификаций, привести эти разнообразные явления к определенным, общим и постоянным законам: новые факты постоянно опрокидывали и подрывали гордые выводы из явлений, еще недавно несомненно известных; и едва воображение успеет начертить возможную форму расположения, как природа уже представляет многие примеры ее пред глазами наблюдателя.

В наш план не входит, ни исследование этого вопроса, ежедневно все более и более расширяющегося и усложняющегося, ни тем более обозначение условий, свойственных каждой отдельной форме. Но естествоиспытатели животного царства, особенно изучающие нравы различных пород, необходимо должны теперь сосредоточить свое внимание именно на порядке явлений, о которых идет речь. Может быть, им придется увидеть, что склонности и привычки, свойственные каждой породе, зависят главным образом от способа ее расположения, и что характер ее потребностей, наслаждений, образ жизни, общежительность, способность к совершенствованию, обширность и значение ее отношений, как к другим породам, так и к различным деятелям или внешним предметам, получают свое начало от обстоятельств или условий, с которыми связано ее расположение, и от устройства предназначенных для сего органов.

Мы же будем иметь в виду одного только человека, более широкая и нежная чувствительность которого, охватывая несравненно большее количество предметов и отзываясь на всевозможные оттенки их, может видоизменяться самым необыкновенным образом малейшими переменами, как в образе своего отправления, так и в распределении внешних возбудителей. Итак, мы не выйдем из нашего предмета, и без того слишком обширного, чтобы его можно было охватить

со всех сторон; в самом исследовании полов, составляющем собственно содержание этого Мемуара, чтобы оно не разрослось в целую книгу, нам придется ограничиться общими и главными положениями; и если случится нам остановиться иногда на частных явлениях, то мы сделаем это настолько, насколько знакомство с ними будет необходимо для указания настоящего пути и для ясности наших выводов.

В намерение наше вовсе не входит желание рисовать картины, так могущественно обольщающие воображение, хотя ничего не может быть легче этого. При подобном исследовании физиологу постоянно приходят в голову образы, которые могут смутить и подчинить его самого, и изображение самых страстных чувствований, против воли, примешивается к замечаниям моралиста-мыслителя. Напротив того, мы постараемся удалить все, что не подходит под самое холодное наблюдение; в действительности мы естествоиспытатели, а не поэты, и чтобы не отклонить необходимого для исследования внимания совершенно посторонними для нашей цели впечатлениями, мы отдадим предпочтение простому изучению отправлений природы и ограничимся самым сухим и самым бесстрастным изложением.

§ I. — Человек, как и прочие, самые совершенные животные, во главе которых он стоит по своему строению и по своей отменной чувствительности, располагается при содействии двух существ, весьма сходных по своей организации, но тем не менее различающихся многими отдельными чертами. Он выходит из утробы матери с органами, способными к сопротивлению атмосферному воздуху и к уподоблению пищи; он может уже жить своей собственной жизнью. Ему незачем оставаться еще на некоторое, неопределенное время, подобно яйцеродному, завернутым в постороннюю оболочку и погруженным в глубокий сон, который, по-видимому, почти ничем не отличается от несуществования; ему незачем ожидать, чтобы творческая теплота пробудила в нем движение и жизнь среди питательных, заранее заготовленных природой жидкостей, составляющих нежную пищу для первого возраста, подобно незаметным для глаза точкам зародыша змеи, черепахи или птицы. В матке человеческий зародыш жил оживотворенными соками при посредстве деятельности сосудов матери; тотчас после рождения он живет молоком, которое изготовляется в ней исключительно приспособленными к этому назначению органами.

Но продолжительность беременности, период детства, в который необходимы заботы отца и матери, наступление отрочества, то есть эпохи, в которую обнаруживается заметными признаками способность к воспроизведению, не одинаковы в различных животных породах; эти обстоятельства не связаны и между собою никакими постоянными, однообразными отношениями. Детство человека самое продолжительное, и отрочество наступает для него позже, несмотря на то, что время ношения короче для него, чем для некоторых других пород. Условия эти, еще раз, оказывают самое заметное влияние на потребности, на способности, на

привычки человека. Но, чтобы оценить, как следует, их действие, понятно, что надобно избрать сравнительную меру для детства или для другого периода относительно всей продолжительности жизни.

Итак, подобно самым совершенным животным, человек не рождается со способностью немедленно производить себе подобных; органы, которые со временем должны послужить для этого важного отправления, погружены, по-видимому, в глубокое оцепенение, и побуждающие к нему стремления еще не существуют.

Но природа различила полы не одними только органами, составляющими непосредственное орудие для воспроизведения; между мужчиною и женщиною существуют другие различия в строении, которые относятся скорее к предназначенной им роли, чем к какой-то механической необходимости, которую многие старались отыскать в отношениях всего тела к каждой отдельной его части.

У женщины угол, составляемый костями таза, шире, чем у мужчины, ляшки менее согнуты, колени более подаются назад; при ее походке перемена центра тяжести, сопровождающая каждый шаг, гораздо чувствительнее.

С другой стороны, женские волокна мягче, мускулы ее менее крепки.

Из обоих этих обстоятельств вытекает не только неодинаковое отношение в том или другом поле различных частей костяного скелета, но более сильные мускулы одного постоянной деятельностью своей производят известные изгибы, известные выпуклости в костях, несравненно более заметные; так что произведенные ими, вследствие беспрерывного давления глубокие бороздки могут уже служить признаком для отличия мужского скелета. Из этого же следует также, что центральная часть, или мускулы живота очерчены у женщины менее резко и выразительно, что обложенные со всех сторон мягкой клетчатой тканью органы эти придают членам ее нежную округлость и те прелестные формы, которые так прекрасно воспроизведены великими художниками, изображавшими женскую красоту. Из этого же следует, наконец, что у женщин некоторые части тела, по природе своей более мягкие и более богатые клетчатой жидкостью, сильно наливаются в то время, когда, приняв симпатическое участие в деятельности матки, они привлекают во все свои сосуды более значительное количество соков.

§ II. — Но различия эти замечаются вполне ясно только тогда, когда каждый пол достигнет специального и соответствующего своему назначению развития. В первом детстве они остаются незаметными под внешними признаками, почти одинаковыми у обоих. Мускулы не произвели еще чувствительной перемены в направлении костей; мясистые и железистые части не отличаются еще, ни формой, ни относительным объемом; и различие скелетов трудно еще распознается тогда по расположению бедер и по сравнительной ширине таза.

То же смешение, по-видимому, господствует тогда и в нравственных побуждениях детей того и другого пола. Маленькие девочки также резвы, как и маленькие мальчики, мальчики также подвижны, как и девочки. Представления, склонности, страсти этих маленьких созданий, вырабатывающих основы для душевной жизни, этих неопределившихся еще существ, смешиваемых почти на всех языках под общим названием детей, весьма сходны в том и другом поле. Это не означает, впрочем, чтобы внимательный наблюдатель не находил между ними никаких еще заметных различий, что отличительные черты той и другой природы еще не выказываются, ни в общем устройстве организации, ни в нравственных свойствах и наивных проявлениях душевных движений этого возраста. Без сомнения, в движениях мальчиков уже больше резкости, они обращают меньше внимания на мелочи; при ближайшем наблюдении окажется, может быть, что тело их принимает не только более свободные и выразительные положения, но что оно отличается обычным стремлением скорее к одного рода движениям, чем к другим.

Маленькие девочки уже заметно заняты впечатлением, которое они производят на окружающих их людей; чувство это почти незнакомо в это первое время маленьким мальчикам, по крайней мере, если искусственными возбуждениями не будет развито в них преждевременное тщеславие. Девочки, как основательно замечает Ж. Ж. Руссо, отдают всегда предпочтение тем играм, которые имеют ближайшее отношение к той роли, которую им предназначила природа; они, как будто, желают приготовиться к ней, повторяя ее на всевозможные лады. Наконец, они начинают знакомиться с искусством разговора, которому в будущем они обязаны будут своим влиянием; они постоянно упражняются в нем; исключительно отличающее их пол, изысканное чувство благопристойности, по-видимому, развивается в них, как инстинктивная способность, несравненно прежде, чем явится у мальчиков хотя какое-либо понятие о нем, гораздо прежде даже, чем они познакомятся с вызывающими его впечатлениями и почувствуют, какое значение может оно иметь в жизни.

Но, повторим еще раз, физическое и нравственное различие между полами выражается отчетливо только в отроческом возрасте.

Мы не можем, да может быть и никогда не будем в состоянии определить, какою особенною деятельностью половые органы оказывают влияние на прочие органы, каким образом они управляют в некотором смысле их отправлениями и видоизменяют характер и порядок относящихся к ним явлений. Но влияние это очевидно и неотразимо. Мужчины с отнятыми половыми органами, как по строению тела, так и по душевным свойствам, приближаются к женщине; женщины с маткою и с яичниками, находящимися в недеятельном состоянии в продолжении всей жизни, будет ли это зависеть от какого-нибудь первоначального уродства, или от неестественного отправления чувствительности нервной системы или каких-нибудь ее разветвлений, по телосложению и по склонностям приближаются к

мужчинам. В тех и других, такого неопределенного рода существах, ни расположение членов и форм, ни походка, ни движения, ни звуки голоса, ни физиономия, ни склад ума и желаний не находятся в соответствии с их полом.

Ничего не может быть нелепее объяснений механическими причинами, как этих случайных, так и более нормальных явлений, которым они, правда, противоречат, но зато тем очевиднее подтверждают общие их законы. Ни те, ни другие не могут быть объяснены, ни строением определяющих их органов, ни известной природой приготовляющихся в них жидкостей. Но рассмотрение некоторых, довольно простых самих по себе физиологических условий, кажется, выводит нас из этого хаоса таинственных причин; древние только их и имели в виду при своих исследованиях, а новые ученые ограничились почти только одной переменой названий. Можно даже сказать, что последние, заменив древние предположения новыми, более догматическими объяснениями, породили только более грубые и опасные заблуждения; они приучили умы к дурной привычке искать определений для сущности причин в таких вопросах, в которых наблюдению нашему доступны одни только явления, а в самом определении причин они силились олицетворить обыкновенно полнейшие отвлеченности.

Прежде всего, не подлежит сомнению, независимо от того, каким образом это произошло, что мясные волокна слабее, а клетчатая ткань находится в большем изобилии у женщины, нежели у мужчины. Во-вторых, нечего и сомневаться, что различие это вызывается существованием и влиянием матки и яичников; они неизменно производят его, если органы эти одарены правильным первоначальным устройством и, если развитие их совершается естественным порядком. Но эта слабость мускулов должна внушать инстинктивное отвращение к усиленным движениям; она направляет сначала к забавам, а когда возраст разовьет способность к труду, то к занятиям, требующим сидячей жизни. Можно даже заметить, что особам, с мягкими мускулами и обремененными клетчатою тканью, немного нужно движений для сохранения здоровья; если они принуждены делать их более, то силы их скоро истощаются и они преждевременно стареют. К этому можно присовокупить, что ширина бедер женщины делает для нее походку более тягостною, вследствие большого усилия, необходимого при каждом шаге, как уже было упомянуто, для передвижения центра тяжести. Итак, вот род жизни, начерченный для нее, так сказать, заранее условиями ее организации, может быть, и весьма ничтожными на первый взгляд и едва заметными в детском возрасте. С другой стороны, обычное чувство слабости внушает менее доверия к себе. Чувствуя себя не в силах действовать на предметы прямо, женщина ищет другого, более окольного пути, и чем менее она в состоянии положиться на свои собственные силы, тем большую чувствует она потребность привлекать к себе внимание других и опираться на тех из окружающих ее существ, которые, по ее мнению, лучше могут защитить ее.

Уже одних этих замечаний почти достаточно для объяснения вообще побуждений женщины, ее стремлений и привычек. На этом основании женщины должны предпочитать работу, требующую не мускульной силы, а особенной ловкости, они не обратятся к серьезным занятиям, ум их приобретет, следовательно, более гибкости и проницательности, чем ширины и глубины. Вследствие сидячей жизни, (ибо природа свойственных им занятий не менее удерживает их на одном месте, чем побуждения, непосредственно вытекающие из их организации), в них развивается в некотором роде особенная физическая и нравственная природа. Они чувствуют свою слабость — отсюда потребность нравиться. Им необходимо нравиться — отсюда эта постоянная наблюдательность за всем, что происходит вокруг них, отсюда их притворство, их маленькие уловки, жеманство, прелесть, одним словом их кокетство, на которое при настоящем общественном устройстве, должно смотреть, как на соединение и результат их хороших и дурных качеств.

Напротив того, маленькие мальчики находят в своем инстинкте противоположные, оригинальные и характеристические стремления; вследствие этого, они должны принимать и совершенно противоположные склонности и привычки. Полные чувства развивающейся в них силы и потребности обнаружить ее, они не любят и не выносят покоя; им необходимы живые движения, и они со всей горячностью отдаются им. Таким образом, не входя в большие подробности, становится очевидным, что их самобытные побуждения, предпочитаемые вследствие сего забавы и занятия должны отразиться на складе их понятий и на характере их страстей. Но понятия и страсти взрослого человека суть те же, что ребенка, только развитые и дополненные зрелостью органов и жизненной опытностью.

§ III. — Но до сих пор ничто еще не показывает нам, каким образом эти, столь общие видоизменения могут находиться в зависимости от условий, присущих некоторым отдельным органам. Необходимо, стало быть, возвратиться назад, чтобы посмотреть, нет ли возможности, при объяснении этого великого влияния, производимого органами воспроизведения, узнать чего-либо относительно их устройства, отправлений, физиологической связи их с прочими частями тела.

Мы замечаем прежде всего, что части, одушевляемые нервами, идущими от различных стволов, или образующимися из соединения различных нервов, одарены, или большей чувствительностью, или большей раздражаемостью, и почти всегда отличаются и тою, и другою. Природа, как бы с намерением поместила узлы и сплетения в соседстве с внутренностями, в которых нервное влияние должно быть более всего значительно. Надбрюшие и брюшная область как бы усеяны ими: поэтому, они одарены чрезвычайною чувствительностью, и симпатическая их деятельность распространяется очень широко; относящаяся сюда часть кишечного канала одарена раздражаемостью, с которою едва ли может, или даже вовсе не может сравниться раздражаемость сердца. Вот первый факт, который подлежит вниманию наблюдателя.

Но нервы детородных частей того и другого пола, с виду вовсе не поражающие ни объемом, ни многочисленностью своею, состоят тем не менее из множества различных пучков; они находятся в соединении с нервами всех внутренностей брюшной полости, и посредством их или, вернее, посредством большого симпатического нерва, служащего для них общею связью, с самыми существенными разветвлениями и со всею совокупностью нервной системы. Наконец, вокруг этих частей, или в соседстве с ними, существуют многие другие, столько же чувствительные, которые содействуют своим могущественным и непрерывающимся влиянием к постоянному возбуждению в них наибольшей жизненности.

Людям, хорошо знакомым с живым организмом, известно, какое распространение и какую силу может придать соединение этих различных условий симпатии органа, каковы бы, впрочем, ни были его отправления.

Во-вторых, несомненные наблюдения доказывают, что нервная система, (первоначальная организация и образ деятельности которой определяют общую чувствительность всех органов во всей их совокупности и частную чувствительность каждого, взятого в отдельности), так наблюдения доказывают, что нервная система в свою очередь может быть сама могущественно видоизменена свойством отправлений частей ее, приобретших особенное значение, то есть, другими словами, обычными впечатлениями, приходящими в нее из каких-нибудь наиболее чувствительных ее оконечностей. Потеря одного из органов чувств не только увеличивает энергию и внимательность остальных, которые в таком разе, по-видимому, удваивают свои усилия, чтобы заменить его, но за нею следует еще перемена в способе нервной системы получать ощущения и отражать их, приобретение ею новых отправлений, несомненно связывающихся с небывалыми до того впечатлениями, которые тогда начинают получаться прочими органами чувств. Врачебное искусство ежедневными примерами доказывает нам, что поражения различных частей тела оказывают самое непосредственное влияние на наши вкусы, мысли, страсти. При грудной болезни нравственное расположение вовсе не похоже на то, которое бывает при поражении селезенки или печени. Мы имеем бóльшую или меньшую склонность к известному порядку мыслей или чувствований (как, например, к тому, который относится к религиозным верованиям), смотря по тому или другому, особенному, тягостному состоянию; наибольшая способность к занятиям, требующим, или особенной силы и деятельности воображения, или настойчивых и глубоких размышлений, нередко зависит от общего болезненного состояния, произведенного в организме расстройством отправлений каких-нибудь брюшных внутренностей.

Таким образом, влияние органов, развивших в себе чрезвычайную чувствительность, на весь живой организм вполне согласно с законами животной

жизни, и не трудно понять, что в этом состоит только одно из самых замечательных явлений, относящихся к этим законам.

В-третьих, части половых органов, представляющие, по-видимому, главный источник своей собственной чувствительности,[79] суть железистого устройства; и, говоря мимоходом, эти особенные железы этим и отличаются от большей части прочих, которые почти бесчувственны в естественном состоянии. Но патологические явления доказывают, что железистая система образует в некотором роде отдельное целое, различные части которого сообщаются между собою, и поражение одной живо и глубоко отражается на прочих. Таким образом, опухоль в паховой железе скоро вызывает опухоль под мышками или на шее, а поражения горловых желез отражаются на брыжеечных. Но мы видели в предыдущем Мемуаре,[80] что состояние желез оказывает сильное влияние на состояние головного мозга, энергия которого может быть значительно увеличена или уменьшена этим влиянием; это в особенности должно считаться справедливым относительно желез, именно отличающихся своею отменной чувствительностью.

В-четвертых, нам известно, что у самцов половые органы вырабатывают особенную жидкость, возвращение которой в кровь действует на последнюю, как возбудитель, и делает ее более деятельной. В эпоху образования или созревания этой жидкости голос становится более сильным, мускульные движения более резкими, лицо более смелым и выразительным. Тогда же показываются волоса на лице и на других частях, как несомненные признаки приобретенной крепости. В некоторых животных семенная жидкость сообщает всем прочим сокам сильный запах, по которому легко отличаются, и порода, и пол неделимого; нередко также появление рогов и известных отвердевающих наростов очевидно находится в зависимости от ее присутствия и от ее деятельности.

С другой стороны, все говорит в пользу того, что в женских яичниках вырабатывается таким же образом особенная жидкость, содержащая материалы для зародыша или, по крайней мере, содействующая его образованию, жидкость, возвращение которой в кровь вносит в нее начала, подобные новым возбудителям, отражающимся на весь организм. Лимфатические пузырьки, принимавшиеся многими физиологами за настоящие яйца, и желтые тела (corpora lutea)[81] представляют нам эту жидкость в двух различных формах, которые она может принять при известных, определенных условиях; появление месячных очищений, развитие грудных желез и окружающей их клетчатой ткани, несколько

[79] Ядра и яичники суть настоящие железы.

[80] В котором излагается влияние возрастов на представления и нравственные побуждения.

[81] Желтые тела особенно замечаются в коровах; их находят также в самках некоторых других жвачных пород. У только что зачавших женщин замечаются совершенно подобные же вздувшиеся пузырьки на поверхности яичника, особенно с той его стороны, с которой окружает его выпрямляющаяся бахрома фаллопиевой трубки; маленькие рубчики, по числу которых, по мнению некоторых анатомов, можно определить число зачатий, суть остатки этих пузырьков, отрывавшихся пред тем, чтобы поступить в канал трубки, или, по крайней мере, чтобы излить в нее заключавшуюся в их полости жидкость.

замечательных симпатических отправлений, несуществовавших до вступления в деятельность яичников; более сильный блеск глаз, более выразительный, но и более скромный и сдержанный характер взгляда и всего лица не оставляют никакого сомнения в общем возбуждении всех органов, вследствие присутствия этой жидкости, в возбуждении, соответствующем тому, которое мы заметили уже в юношах, и вполне согласном с особенным назначением женщины.

Доказательством того, что все это происходит под непосредственным влиянием яичников, а также, вероятно, и под влиянием в высшей степени оживотворенной жидкости, приготовляющейся и протекающей в их сосудах, служит то обстоятельство, что в продолжение всего детства, когда эти железистые органы, а по симпатии к ним, и сама матка находятся в оцепенении, не встречается ни одного из приведенных нами явлений. Если состояние это продлится и за естественную пору отрочества, то женщина начинает, по-видимому, приближаться к мужчине, как по некоторым внешним свойствам, так и по некоторым даже склонностям; если же остановка в развитии детородных органов находится в зависимости от какого-нибудь случайного искажения, помимо замедления явлений, свойственных девическому отрочеству, то является особый род болезни, главный признак которой состоит в остановке кровотворения. И болезнь эта не только прекращается тогда, когда матка и яичники вступают в свои естественные отправления, но нередко и излечивается она непосредственным их возбуждением.

Наконец в-пятых, чтобы хорошенько понять неодинаковое влияние этих органов в обоих полах, (ибо все сказанное нами до сих пор так же прилагается к одному полу, как и к другому), необходимо вникнуть в особенные отправления при первоначальном образовании, как нервной системы, так и клетчатой, мускульной и костяной. Нет никакого сомнения, что отправления эти зависят от неизвестных нам условий, управляющих зарождением, развитием и жизнью зародыша; причина их относится, стало быть, к различию полов; простые факты эти должно признать такими, какими они встречаются в действительности, оставив пустую попытку проникнуть далее. Но, если мы раз признаем их, оставив в стороне вызывающую их причину, то можно составить довольно верное понятие, как о том, что такое они в действительности, так в особенности и об истинном значении последующих, связанных с ними явлений. Я полагаю, что будет достаточно нескольких физиологических соображений, непосредственно связанных с известными уже нам истинами, для разъяснения частного вопроса, составляющего в настоящую минуту предмет нашего исследования.

§ IV. — У женщины мозговая мякоть отличается такою же мягкостью, как и прочие части ее тела. Клетчатой ткани, облекающей эту мякоть, или проникающей в ее подразделения, у нее больше, образуемые ею оболочки у нее более слизисты и вялы. Происходящие в этой мякоти движения производятся легче и, стало быть, быстрее; живость и быстрота их зависят, столько же от соответствующей им

послушности мускульных волокон и сосудов, сколько и от относительно меньшей величины всего тела. Но быстрота и живость деятельности нервной системы составляют мерило для общей чувствительности неделимого. С одной же стороны, мы видели, что при случайной даже слабости мясных волокон, действие этой, через меру развитой и быстрой чувствительности скоро должно вызвать это самое ослабление, и наоборот, первоначальная крепость мускулов находится в соответствии с сильными, глубокими и, стало быть, менее быстрыми впечатлениями. С другой стороны, в животном теле энергическое возбуждение может проявиться только при существовании сопротивления; в случае полной для него свободы оно обессиливается и уничтожается. Если энергия отраженной деятельности находится в зависимости от деятельности прямой, то последняя в свою очередь поддерживается следующею за нею отраженною деятельностью, становящеюся для нее необходимым возбудителем. Таким образом, между тем как в мужчине крепость нервной и мускульной системы развиваются взаимодействием одной на другую, женщина должна оказаться и более чувствительною, и более подвижною, потому что строение всех ее органов мягче и жиже, а характер первоначальных органических ее отправлений ежеминутно поддерживается все такою же деятельностью ее чувствительности.

Не должно теперь упускать из виду, что если нервы несут жизнь во все органы, то каждый орган в частности, вследствие получаемых им впечатлений и исполняемых отправлений, оказывает со своей стороны большее или меньшее влияние на состояние всей нервной системы. Действие местного возбуждения становится нередко общим; одна часть тела часто держит, по-видимому, весь организм в своей власти; и чем сильнее будет развита чувствительность, чем свободнее и быстрее будут сообщения, тем более явлений должно вызвать это влияние, и явлений, не устойчивых и глубоких, а внезапных, переменчивых и необыкновенных.

Таким образом, очевидно, что половые органы, вследствие отменной своей чувствительности, вследствие возложенных на них природою отправлений, вследствие свойств вырабатываемых ими жидкостей, должны необходимо оказывать сильнейшее влияние, как вообще на всю нервную систему, так и на другие, столь же чувствительные, как они сами, части, с которыми они находятся в симпатическом сообщении. Эта отраженная деятельность должна выказываться преимущественно в ту эпоху, в которую открываются их отправления. Действительно, только тогда, (ибо все, что происходит в таком же роде в детстве, зависит, по-видимому, главным образом от первоначального органического устройства, о котором мы уже упоминали), так только тогда ряд особенных отправлений возбуждает в том и в другом поле соответствующие назначению того и другого склонности и привычки. Легко также заметить, что то, что принадлежит с этой точки зрения обоим полам, объясняется живостью ощущений и могущественной симпатией детородных органов; а то, чем они отличаются один от другого — первоначальным строением различных частей, которое, без сомнения,

неодинаково в том и другом поле; одним словом, легко заметить, что все законы живого организма и все общие физиологические явления в нем зависят, то непосредственным, то косвенным образом от того явления, которое составляет предмет нашего исследования и которое объясняется всей их совокупностью.

Вот что мы можем узнать относительно главных условий, вызывающих в организме всеобщий переворот, замечаемый в минуту наступления отрочества, условий, объясняющих также и необыкновенные различия в последствиях его для мужчины и для женщины: по крайней мере таким образом понимаю их я; и если в них остается еще кое-что темное и неизвестное, то это не может ни подорвать постоянства самих явлений, ни поколебать незыблемого и плодотворного приложения полученных выводов к нашим философским и нравственным исследованиям.

Но этих главных положений теории еще недостаточно: такие общие выводы необходимо связать с несколькими общеизвестными и несомненными фактами.

Проследим главные видоизменения, производимые природой в том и другом поле с целью лучше приспособить их к предназначенной тому и другому роли.

§ V. — Наступление отрочества, как мы видели, есть эпоха общего переворота во всем существовании человека. Новые органы вступают в деятельность, чувствуются новые потребности, развивается новое нравственное состояние. Дитя перестает быть дитятею, и значение его относительно своей породы обозначается чертами, не признать которые невозможно.

Мы сказали, что переворот этот предсказывался некоторыми физическими условиями, стремящимися различить оба пола все более и более. Само назначение, которое они должны выполнить, требует, чтобы наивное безразличие, господствовавшее между обоими полами до настоящей минуты, не продолжалось бы более. Мы сказали, что свойственные тому и другому внешние формы, принимают более выразительный характер; что различие это обозначается не только в органах, более всего характеризующих его, но что черты его становятся заметными в строении почти всех частей, особенно же в способе производимых ими отправлений.

Между условиями этими существуют два, которые в некотором роде принадлежат однако же одинаково тому и другому полу и заслуживают нашего особенного внимания, потому что они проливают снова некоторый свет на процессы природы. Легко будет увидеть, что они непосредственно относятся к тем же общим выводам, которые были изложены нами выше.

Мы указали на симпатические отношения между всеми ветвями железистой системы, и нам известно, что части детородных органов, которые можно принять за главный источник их отдельной чувствительности, или которые, по-видимому,

возбуждают в прочих частях жизнь и движение, суть, собственно говоря, железы:[82] поэтому, с той минуты, как начинаются их отправления, происходит общее движение во всей лимфатической системе: паховые железы, грудные, подмышечные и шейные наливаются; нередко явление это сопровождается болью. Грудные железы приобретают больший объем не у одних девочек; мне нередко случалось встречать и у мальчиков опухоли в них, принимавшие как бы воспалительные свойства; часто за такие и принимались они невежественными врачами. Обыкновенно явление это сопровождается беспокойством; но беспокойство это причиняется менее болью, (которая, впрочем, сильно стесняет иногда движения), чем влиянием этой новой деятельности на воображение, вследствие всеобщего потрясения в организме.

Первое знакомство с любовными наслаждениями бывает часто необходимо для довершения развития органов, служащих для них источником, и только тогда входит во всю свою деятельность их чувствительность: поэтому, общая опухоль во всех частях тела, в которых расположены железы, особенно груди и передней части шеи часто бывает последствием такого потрясения. Признаки, выказывающие эти опухоли, гораздо выразительнее у женщин; так, впрочем, это и должно быть. Мягкое строение всех органов облегчает у них их внезапное появление: они окружены и проникнуты более обильною клетчатою тканью, которая сама всегда принимает деятельное участие в отправлении частей, с которыми она связана. Стало быть, не без основания древние врачи, и даже некоторые из новейших принимали быстрое образование грудей у девушки за признак потери девственности. Но они были не правы, считая его за признак несомненный и постоянный, что еще далеко от истины.

Опухоли в железистой и лимфатической системах связаны в свою очередь с отдельными внутренними отправлениями и с новым направлением, принимаемым в то же время кровью: эти симпатические отношения составляют второе условие, которое мы имели в виду.

§ VI. — Известно, что вторичное всасывание специальных соков, вырабатываемых детородными органами, и непосредственное влияние, оказываемое живой чувствительностью последних на всю кровеносную систему, придают крови необыкновенную энергию и жизненность. Жидкость эта сильнее возбуждает сосуды, по которым она проходит; сила их, особенно артерий, значительно подымается. Наконец, кровообращение принимает деятельность, какой оно еще не имело. Все это обнаруживается самым очевидным образом возвышением сил и животной теплоты, быстротой жизненных движений, необыкновенным огнем в глазах и выразительностью лица, кровотечениями, то правильными, то

[82] Усилия анатомов отыскать в яичниках отделительные каналы остались тщетными: но только грубые механические воззрения заставили их из этого заключение, что в них не происходит никакого отделения или приготовления особенных жидкостей.

неправильными, но всегда деятельными, внезапными, обнаруживающимися постоянно в одно и то же время. Такие важные перемены в состоянии и в течении жидкости, из которой образуются все прочие соки, необходимо должны произвести всеобщий переворот в организме; каждый из этих соков приобретает такие же свойства, в особенности же получает такое же возбуждение: отделяющие их органы и сосуды удваивают свою деятельность. Но лимфа, железы и принадлежащие им белые сосуды, по своему значению и по обширности своих отправлений, без сомнения, должны почувствовать его на себе одни из первых; к тому же, переворот этот до такой степени входит в чередующиеся отправления жизни, он до такой степени необходим для их связи, что если будет задержан, или общим состоянием слабости нервов и головного мозга, или частным поражением органов, от которых зависит, то вследствие этого является, как мы уже заметили, болезнь, исключительно свойственная этому возрасту и вызываемая исключительно этими обстоятельствами.

Всякому известно, что девушки, у которых не выражается определительными признаками половая зрелость в естественную пору, нередко впадают в худокровное бессилие, известное под именем *девичьей* или *бледной немочи*. Болезнь эту приписывают обыкновенно отсутствию месячного течения, и для ее излечения стараются вызвать или возвратить его. Но это значит принимать действие за причину. Течения этого быть не может, если детородные органы, особенно же яичники не вступили в деятельность, ибо артерии не получают тогда избытка в силе, а кровь — того могучего возбуждения, которое вызывается этими органами: двойное условие, необходимое для кровотечения. С другой стороны, матка, оставаясь в бездействии по сочувствию к бездействию яичников, не привлекает большего количества крови в свои артериальные сосуды, и таким образом недостает материалов и для местного кроветечения. Но что нужно делать в таком случае? Употреблять средства, соединение которых может придать большую энергию кроветворению, и непосредственно возбуждать органы, необходимое действие которых на усовершенствование образования крови одно только может указать новое направление кровеобращению. К счастью, это легко достигается так называемыми *эмменагогическими*, то есть, вызывающими месячное очищение лекарствами, особенно же железом, которое можно считать настоящим специфическим средством против этой болезни. Впрочем, это не единственный пример указания полезного средства, основанного на неполном или даже на ложном теоретическом объяснении причины болезни.

Мы уже указывали на отношения, установленные природой между грудью и детородными органами, на отношения, объясняющие многие, странные, физиологические и патологические явления, которые, кажется, находятся в явной зависимости от того, что кроветворение, находящееся, как мы сейчас говорили, под влиянием этих органов, совершается главным образом в легких. Но чтобы лучше понять однообразие законов природы даже среди различий, которые она, по-

видимому, старалась обозначить всего резче, необходимо заметить, что бледная немочь бывает не у одних только девушек: я встречал ее много раз и у мальчиков в сопровождении всех ее признаков, и видел, что она излечивалась теми же средствами, которые употребляются для восстановления месячного очищения у девушек. У юношей можно также встретить известные нервные поражения, подобные тем, которые так часто вызываются у девушек отправлениями, приготовляющими их к половой зрелости. И опять-таки они излечиваются одними и теми же средствами у неделимых того и другого пола; лучшее из них доставляется самой природой. Известно, каким образом во время первой своей молодости Руссо, на пути за советом к врачам в Момпелье, избавился во время дороги от сердцебиения, и каким образом по прибытии в этот медицинский город им снова овладели тоска и прежнее беспокойство.

Вот все, что касается до физического состояния, свойственного этой эпохе: мы не прибавим ничего больше. Другие, побочные явления, особенно относящиеся к различию между полами, удовлетворительно объясняется тем, что было сказано выше.

§ VII. — Если мы перенесем теперь наш взгляд на нравственное состояние, то нам представится несравненно более широкая картина; заключающиеся в ней предметы и точки зрения на них гораздо многочисленнее и разнообразнее. Чтобы рассмотреть их в порядке, и чтобы не потеряться среди такого множества запутанных явлений, необходимо возвратиться к их источнику и распределить их по отношению к нескольким главным положениям.

Защитники конечных причин [83] нигде не встречают таких сильных аргументов в пользу своего воззрения на природу, как в законах, управляющих воспроизведением живых пород, и в бесчисленных условиях, принимающих в нем участие. По-видимому, нигде употребляемые средства не направлены так очевидно к конечным целям. Но, что не подлежит сомнению, так это то, что если бы средства не вытекали здесь необходимо из общих законов, то породы только проходили бы и существование их давным бы давно прекратилось.

В состоянии одиночества человек есть существо самое слабое, менее всякого другого способное защитить себя от суровой непогоды, от нападения других животных, от голода и жажды, одним словом, самое беспомощное существо для всестороннего удовлетворения своим первым потребностям. Сохранить себя, в особенности же воспроизводить свою породу он может только в жизни общественной. Продолжительность его детства, требующего самых заботливых и постоянных попечений, предполагает по меньшей мере общество отца и матери; одни уже попечения эти, без сомнения, вызвали бы потребность в общественной

[83] Согласно с великим Бэконом я считаю философию конечных причин бесплодной: но я признал в другом месте, что самому осторожному даже человеку чрезвычайно трудно ни разу не обратиться к ней при своем изложении.

жизни, если бы, вследствие предшествовавших еще побуждений и более личных, непосредственных потребностей, общественность эта не была уже вызвана ранее. И тут все находится в зависимости от первоначальных условий, независимых, ни от разума, ни от воли неделимых; все связано, все принято в расчет и направлено, столько же к их наибольшему благополучию, сколько и к мирному, надежному продолжению породы.

Для достижения последней цели, как совершенно основательно заметил Руссо, мужчина должен нападать, женщина — защищаться. Мужчина должен избирать минуту, когда потребность нападения более всего чувствуется, или когда эта самая потребность обеспечивает успех; женщина должна избирать минуту, когда ей выгоднее всего сдаться; она должна уметь уступить вовремя желаниям мужчины, после того как смягчит их характером самого сопротивления, возвышать как только можно цену своего поражения, ставить себе в заслугу сопротивление, хотя в действительности она, быть может, желала бы еще сильнее уступить, чем он — получить; в благоразумном и сладостном счастье, доставляемом взаимными наслаждениями, она должна, наконец, суметь найти средства для обеспечения себя опорою и защитником.

Необходимо, чтобы мужчина был сильным, смелым, предприимчивым; чтобы женщина была слабою, робкою, скрытною.

Таков закон природы.

Из этого первого различия, обусловленного специальным назначением каждого из обоих полов и непосредственно определенного организацией того и другого, вытекает различие в склонностях и привычках.

Уже вследствие силы своей, мужчина менее чувствителен и менее внимателен к мелким впечатлениям; внимание его останавливается только на более резких явлениях; ощущения его, не столь живые и менее быстрые, более глубоки и устойчивы.

Если первая потребность всякого животного состоит в употреблении своих способностей, в развитии их, в расширении, в проведении их в сознание, то очевидно, что явления, или результаты, вытекающие из этого ряда побуждений и отправлений, не могут быть одинаковы, как у мужчины, так и у женщины, способности которых до такой степени различны.

Мужчина чувствует необходимость в употреблении своей силы и в утверждении в себе сознания о ней постоянно деятельностью, в которой она проявляется. Сидячая жизнь для него несносна; он стремится уйти от нее, он борется с непогодою. Ему более по плечу тяжелые занятия; его мужество презирает опасности; он смотрит на природу вообще и на окружающие его существа в частности только с точки зрения власти, которую он может иметь над ними.

Слабость женщины входит в условия ее существования, не только как существенный элемент ее отношений к мужчине, но она в особенности необходима, или по крайней мере чрезвычайно полезна для зачатия, для беременности, для родов, для кормления грудью новорожденного, для забот, необходимых при его воспитании в продолжение первых годов жизни.[84] Мы уже видели, что мускульная слабость связана естественным образом с большей нервной чувствительностью и с более живыми и подвижными впечатлениями; и в настоящем случае, с этой точки зрения или, скорее, в этом отношении с другими, существующими с нею одновременно свойствами следует рассматривать ее.

Вследствие строгой необходимости, обусловленной предназначенной ей от природы ролью, женщина подвергается многим случайностям и неудобствам; все существование ее представляет ряд чередующихся состояний благополучия и страданий; последние нередко даже преобладают над первыми. Необходимо, стало быть, чтобы ее волокна были особенно гибки, и выдерживали бы такие постоянные переходы; чтобы они одарены были не столько сильною, но тем не менее живою и быстрою сокращаемостью, способною приводить их немедленно к среднему состоянию; равным образом, а может быть и еще более, необходимо было, чтобы общая ее чувствительность отличалась бы теми же живыми и быстрыми свойствами, вследствие которых она в состоянии возвращаться к своему естественному напряжению после того, как должна была уступить без всякого сопротивления всем впечатлениям, после того как она была увлечена в некотором роде во все крайности, в ту и в другую сторону. Для довершения очаровывающего обольщения, производимого в нас полом и красотою, природа как будто даже предчувствовала необходимость одарить женщину обычною относительною слабостью. Главное свойство мужчины состоит в его крепости; могущество женщины кроется в более изысканных свойствах; нам не нравится, когда они бывают слишком сильны: вот почему те из них, которые руководятся верным инстинктом, избегают казаться такими даже в таких случаях, которые, составляя принадлежность одной только умственной области, менее всего вызывают представление о телесном и механическом усилии: они хорошо чувствуют, что как только какой-либо предмет потребует напряженного размышления, то он уже не принадлежит им более.

Вследствие своей слабости, везде, где тирания и предрассудки мужчин не исказили ее природы, женщина должна была получить пристрастие к дому. Особенные неудобства и заботы о детях удерживали ее на месте и постоянно возвращали домой: она поневоле должна была привыкнуть к своему жилищу. Неспособная к перенесению усталости, к борьбе с опасностями, к выдерживанию шумного столкновения многолюдных, народных собраний, она предоставила мужчине эти

[84] Зачатие происходит в женщине, по-видимому, гораздо легче и вернее при некотором состоянии слабости: множество наблюдений дают повод думать, что это общий закон для большей части животных.

тягостные занятия, эти опасности, к которым он выказал пристрастие: она не вмешивалась в прения об общественных делах, которые не только должны управляться строгим и могучим умом, но в которых самая сила мысли возвышается звучным голосом и энергией речи. Одним словом, женщина должна была предоставить мужчине внешние заботы, политические и общественные занятия, а за собою оставить внутренние, семейные заботы и домашнее господство, которое придает ей в наших глазах столько прелести и достоинства.

VIII. — Но если слабость составляет, так сказать, часть способностей женщины и средств ее, то живая и подвижная чувствительность еще более необходима была для выполнения ее назначения. Между тем как мужчина действует на природу и на одушевленные существа силою своих органов и могуществом своего разума, женщина должна действовать на мужчину, очаровывая его своим обращением и постоянно наблюдая за всем, что нравится ему и возбуждает его воображение. Для этого ей необходимо уметь сообразоваться с его вкусами, уступать без сопротивления даже временным капризам его и ловить минуты, в которые брошенное, как бы случайно, замечание окажет свое влияние.

Итак, чувствительность, глубже удерживающая впечатления и вызывающая более прочные побуждения, отличает мужчину. Более легкая чувствительность, позволяющая впечатлениям быстро чередоваться одно за другим, и допускающая постоянное преобладание последнего, исключительно свойственна женщинам. Перемените роли — и нравственный мир совершенно изменится. В самом деле, почти вся система нравственных отношений находится в зависимости от отношений общественных, а всякое гражданское общество имеет своим основанием, а вследствие этого и уравнителем, первоначальное семейное устройство.

Несправедливо было бы думать, что жизнь зародыша есть дело только той нераздельной минуты, в которую природа соединяет материалы для ее образования, или пробуждает в них правильное движение развития. Из всех органов матка одарена наибольшим количеством непрерывающейся чувствительности. С минуты зачатия до самых родов она делается, кроме того, целью и средоточием всех симпатий. В ней сходятся самые различные и живые впечатления; она служит общим центром, к которому, особенно в это время, направляется деятельность общей чувствительности; в ней оканчиваются усилия и влияние отдельных органов. В этот промежуток времени физическая чувствительность матки находится в высшей своей степени. Цель всех производимых ею движений состоит в возбуждении жизни в зародыше: необходимо, чтобы настоящим, внутренним насиживанием она с каждым днем все более и более возбуждала ее. Но эта животворная деятельность, как большая часть прочих животных отправлений, возможна только вследствие предварительно полученных самим органом впечатлений. Впечатлениями этими матка обязана

новому существу, присутствие которого постоянно возбуждает и поддерживает их. Необходимо, чтобы она принимала участие и разделяла с ним все отправления, все движения. Образ ее деятельности управляется, стало быть, чрезвычайно летучими и изменчивыми ощущениями.

Убедившись в этом, легко заметить, что с одной стороны, влияние на зародыш матки, составляющей для него источник чувствительности и жизни, должно быть непрерывно, а с другой, что влияние это вызывается до бесконечности разнообразными побуждениями. Оба же эти условия могут существовать только при посредстве жизненной системы, до крайности чувствительной и подвижной.

Новорожденный ребенок долго еще не в состоянии производить самых необходимых для своего сохранения движений. В этом отношении он вовсе не похож на новорожденных других животных пород; органы чувств не доставляют ему никаких точных понятий о внешних предметах; слабые мускулы не могут оказать ему помощи для предохранения его от опасных ударов, ни даже для отыскания груди, которая должна кормить его.

В первое время он мало чем отличается от зародыша, и продолжительное его детство, столь удобное, впрочем, для развития его способностей, требует таких постоянных и нежных попечений, что возможность существования человеческого рода просто кажется сверхъестественной. Захочет ли подчинить себя отец этой неусыпной заботе, будет ли он в состоянии понять тот язык из знаков, смысл которого не выяснился еще даже для того, кто употребляет его? Сумеет ли он предупредить тонкой и верной инстинктивной догадливостью не только первые, ежеминутно возобновляющиеся потребности, но и те мелкие, ничтожные нужды, из которых состоит жизнь ребенка? Разумеется, нет. У мужчины вообще впечатления недостаточно живы, побуждения его медленны. Ребенок долго промучился бы, прежде чем отцовская рука явилась бы к нему на помощь; вспоможение постоянно приходило бы слишком поздно. Помимо того, посмотрите, с какой неловкостью и неповоротливостью ухаживает мужчина за слабым или больным существом; он всегда подвергает дитя в таком случае некоторой опасности; он делает ему больно своими угловатыми движениями или пачкает его в то время, как подносит ко рту его пищу или питье. А когда он берет его на руки и начинает нянчиться с ним, то можно всегда опасаться, чтобы, обратив внимание на какой-нибудь другой предмет, он не уронил его, или среди резких движений своих не ударил его нечаянно о какой-нибудь предмет. Присоедините к этому, что мужчина не отличался никогда, да и не будет никогда отличаться, ни мелочной внимательностью, необходимою чтобы не забыть чего, внимательностью, которою обладают кормилицы и сиделки, ни терпением, которое одно побеждает неудобства, нераздельные с обязанностями той и другой.

Но поставьте на его место женщину — она, по-видимому, чувствует одинаково с ребенком и с больным; она понимает малейший крик, ничтожнейшее движение,

еле заметное изменение в лице, в глазах; она спешит и поспевает всюду; она везде, она думает обо всем; она предупреждает малейший каприз; ничто не возбуждает в ней отвращения, ни характер забот, ни многочисленность их, ни продолжительность.

Но эти трогательные качества женщины необходимо зависят от того рода чувствительности, который, как мы видели, составляет исключительное ее свойство; этою же самою причиною следует объяснять главным образом и внезапное развитие в ней, или вернее, взрыв материнской любви, самого сильного из всех чувств природы, самого удивительного из всех инстинктивных побуждений.

Естествоиспытатели, которые не были строгими мыслителями, воображение которых, впрочем, весьма естественно поражалось и подчинялось величию раскрывавшегося пред их глазами явления, так естествоиспытатели замечали без труда это полнейшее соответствие между способностями и отправлениями женщины или, выражаясь их языком, между средствами и целью, преднамеренно связанными по мудрому плану: они употребляли все свое старание показать это соответствие в образах, которым искусство и поэзия естественно придавали все свое обаяние. Но достаточно одного соображения, чтобы сильно подорвать и тут значение конечной причины: это — что как отправления, так и способности в одинаковой мере зависят от организации, а выходя из одного источника, естественно, что они должны быть необходимо связаны самыми тесными отношениями. Так что защитникам конечных причин придется подниматься выше, и они должны будут признать чудо в самой организации. Но с этой точки зрения здравая логика не может согласиться с их предположениями. Чудеса природы вообще, и чудеса, относящиеся к строению и отправлениям животных в частности, без сомнения, заслуживают удивления со стороны строгого мыслителя: но все они состоят из фактов; в последних можно изучать их, можно даже прославлять их красноречивым языком, вовсе не прибегая к необходимости присоединять к их причинам что-нибудь постороннее, помимо неизбежных условий для всякого существования. Не имеем ли мы по крайней мере права предположить, судя по аналогии с объясненными в настоящее время явлениями, что те, которые объясняются конечной причиной, будут со временем объясняться таким же естественным образом, и что господство конечных причин, уже столь стесненное предшествовавшими открытиями, с каждым днем все более и более будет ограничиваться, по мере того как будут узнаваться нами свойства материи и связь между явлениями.

Впрочем, мы вовсе не имеем в виду поднимать здесь бесполезные споры, тем менее мы имеем притязания разрешить неразрешимые задачи, но мы полагаем, что пора уже убедиться наконец в бесплодности философии, ничего не объясняющей именно потому, что она воображает все объяснить одним словом.

Возвратимся к предмету нашего исследования.

§ IX. — Различия, замечаемые в складке мыслей и страстей мужчины и женщины, соответствуют уже объясненным нами различиям в организации обоих полов и в способе деятельности их чувствительности. В последнем отношении, разумеется, существует между ними множество и сходственных черт: эти-то черты и составляют общие свойства человеческой природы; но между ними очевидны и совершенные различия: последние-то и зависят от особенной природы полов. Точка зрения, с которой мы смотрим на окружающие нас предметы, не может не оказывать сильного влияния на наши понятия о них, но независимо от того, что женщина чувствует иначе чем мужчина, она находится совсем в иных отношениях ко всей природе, а понятия ее о ней настолько же запечатлены другими целями и планами, настолько в основании их лежат иные соображения.

Придавая особенную цену предметам, представляющим различное для нее значение, женщина не одинаково останавливает на них свое внимание; для нее важны только такие, которые имеют отношение к ее нуждам и способностям. Таким образом, между тем как с одной стороны, она избегает тягостных, сопряженных с опасностью занятий, между тем как она избирает такие, которые, находясь в соответствии с ее слабостью, одновременно развивают, и чрезвычайную ловкость ее пальцев, и остроту ее взгляда, и прелесть ее движений, с другой стороны, она весьма основательно пугается умственного труда, требующего глубокого и непрерывного умственного напряжения; она чувствует предпочтение к такому, для которого нужно более сметливости, чем знания, более живой проницательности, чем глубокомыслия, более воображения, чем рассудительности, к такому, для которого уже достаточно легкого уменья незаметно, так сказать, скользить по поверхности предметов.

Она по необходимости должна была усвоить себе ту часть нравственной философии, которая непосредственно опирается на знание человеческого сердца и общества; ибо тщетно заволакивают люди себя и свои страсти однообразными формами, выработанными жизненною практикою: от проницательного взгляда женщины не скроется ни одной прирожденной черты, ни одного оттенка. Постоянная необходимость наблюдать за мужчинами и за своими соперницами дает ее инстинкту быстроту и точность, которые невозможны для самого мудрого мыслителя. Если мне позволено будет так выразиться, глаз ее слышит каждое слово, ее ухо видит каждое движение, и к довершению этого непостижимого искусства, почти всегда она сумеет скрыть эту неизменяющую ей наблюдательность под видом ветрености или робкого смущения.

Если враждебная судьба, или пагубное поклонение неразборчивых друзей направит женщину в противоположную сторону; если, недовольная своею властью над нами, которою она обязана прелести своего природного ума, чарующим своим свойствам и искусству общежительности, которым она одарена, без всякого сомнения, гораздо в высшей степени чем мужчина, она захочет еще удивить нас проявлением

своей силы, и к обаятельным и несомненным средствам своим присоединить еще силу знания; тогда исчезает почти вся ее прелесть; она перестает быть тем, что есть, употребляя тщетные усилия сделаться тем, чем старается казаться, и, теряя свойства, без которых едва ли действие самой красоты возможно и прочно, она и в науке приобретает чаще всего одно педантство и непоследовательность. Ученая женщина, в сущности, вообще ничего не знает основательно: она смешивает и путает все предметы, все понятия; быстрое соображение ее схватывает некоторые отдельные части, а она воображает, что охватила все. Трудности отталкивают ее, ее нетерпение перескакивает через них. Так как она не может долго сосредоточивать своего внимания на одном предмете, то не может испытывать и живого и глубокого наслаждения, доставляемого сильной умственной деятельностью; она просто неспособна даже к нему. Быстро перебегает она от одного предмета к другому и от них остается в ней только несколько частных, неполных признаков, к тому же входящих в ее голове почти всегда в самые странные сочетания.

Судьба того маленького числа из них, которым удалось одержать действительный успех в такого рода занятиях, совершенно чуждых их умственным способностям, может быть, еще печальнее. Какое место займут в молодости, в зрелом возрасте, в старости эти неопределенные существа, не принадлежащие, собственно говоря, ни к какому полу? Каким свойством могут они привлечь к себе молодого человека, ищущего подругу? Какой заботливости могут ожидать от них старые и больные родители? Какой отрадой наполнят они жизнь мужа? Сойдут ли они с высоты своего величия, чтобы позаботиться о своих детях или о своем хозяйстве? Все эти трогательные отношения, составляющие прелесть женщины и упрочивающие ее счастье, тогда не существуют: желая расширить власть свою, она погубит ее. Одним словом, неизменный закон природы и опыт доказывают одинаково, что если слабость мускулов закрывает ей двери гипподрома и гимнастической залы, то качества ее ума и роль, которая ей предназначена в жизни, еще сильнее запрещают ей вход на кафедру или на трибуну.

Существуют впрочем мыслители, которые, не обращая внимания на первоначальную организацию женщины, принимают самую слабость ее за результат того рода жизни, который предписан ей обществом, и полагают, что относительная неспособность ее к науке и к отвлеченному мышлению зависит исключительно от ее дурного воспитания. Мыслители эти опираются на некоторые, редкие явления, которые доказывают только, что и тут, как во многих других случаях, природа может иногда случайно переступить за ею же установленные границы. К тому же, принадлежа к той из живых пород, волокна которой, в одно и то же время, и более всего гибки, и более всего крепки, женщина, без всякого сомнения, может быть могущественно видоизменена привычками, даже противоположными ее прирожденным свойствам. Но вопрос состоит в том, чтобы узнать, не более ли пригодны для нее другие привычки; не охотнее ли она

принимает их; если что-либо случайное и постороннее не насилует ее инстинкта, не становится ли она такою, какою она должна быть по нашему мнению?

Несомненно только то, что необыкновенные, приводимые нам в пример женщины были совсем, или почти неспособны к главному, указанному им природою назначению и к отправлениям, которыми им необходимо ограничиться, чтобы хорошо выполнить их; несомненно также, что среди этой блестящей трескотни новых качеств мужчина ценит только то, что влечет его и удерживает на себе его внимание. Таким образом, счастье женщин будет всегда зависеть от впечатления, производимого ими на мужчин, и я не думаю, чтобы тому, кто действительно любит их, было особенно приятно видеть их с ружьем наперевес идущими в атаку, или поучающими с высоты кафедры, а тем более с трибуны, на которой обсуждаются пользы всего народа.

Из всех писателей, говоривших о женщинах, Жан-Жак Руссо, кажется мне, лучше всего умел различить их природные склонности и указать на их истинное назначение. Вся книга о Софье в «Эмиле» есть образцовое произведение как по необыкновенному, философскому анализу, так и по таланту и языку. Непосредственно после Жан-Жака я назову автора «Физической и нравственной системы женщины», Русселя, члена Национального института.[85] Я полагаю, что нельзя прибавить ничего существенного к собранным тем и другим наблюдениям для указания настоящего места женщины в природе и для обозначения способностей, наиболее пригодных, как для ее собственного благополучия, так и для счастья мужчины. Я не буду, стало быть, останавливаться долее на этом предмете, и для ближайшего ознакомления с ним отсылаю к названным сочинениям.

X. — Нам необходимо вернуться на минуту к отроческому возрасту обоих полов и бросить еще раз взгляд на вызываемые им перемены, так как от них получают начало, и с ними связываются все половые явления, обнаруживающиеся в последующие эпохи жизни.

Если бы не было коренного различия в общей организации мужчины и женщины, то впечатления, сообщаемые нервной системе детородными частями, в сущности, были бы совершенно сходны в том и в другой. В самом деле, в том и в другой наступление отрочества одинаково возбуждает железы и головной мозг, оно вызывает в крови движения и свойства, по-видимому, относительно одинаковые; оно оказывает почти подобное же действие на голосовые снаряды того и другой. Но в общем строении органов того и другого пола и в новых вырабатываемых тогда возбуждающих жидкостях являются существенные различия. В юноше крепость мускулов увеличивается, и все впечатления становятся более резкими. В девушке

[85] Вскоре после того как я таким образом выразился о нем, Руссель похищен был внезапной смертью. Это большая потеря для философии, для литературы и особенно для друзей его.

чрезвычайная легкость движений удерживает их на более низкой степени напряжения; они принимают только более живой характер.

Пробуждающаяся в юноше новая потребность производит в нем смешение смелости и робости: смелости, потому что он чувствует, что все его органы проникнуты небывалою доселе силою, робости, потому что природа желаний, наполняющих его грудь, удивляет его самого, а неуверенность в успехе смущает его. Эта же самая потребность вызывает в девушке еще незнакомое ей чувство *стыдливости*, на которую можно смотреть, как на скрытное выражение желания, или как на бессознательный признак тайных ощущений его: чувство это развивает силу, проявлявшуюся до сего времени весьма несовершенно, кокетство, которое на первый взгляд предназначено будто бы для уравновешивания стыдливости, но которое, на самом деле, умеет одновременно, и доставлять ей, и извлекать из нее новое могущество. Кому неизвестно, наконец, состояние меланхолической мечтательности, в которую погружает отрочество одинаково оба пола, и тот порядок чувствований и понятий, который оно развивает почти внезапно? Уже этих явлений было бы достаточно для доказательства влияния органов воспроизведения на нравственную природу человека; другие явления показывают это влияние, быть может, еще очевиднее.

Независимо от чувствований и понятий, находящихся в зависимости от частных отправлений этих органов, эпоха, о которой идет речь, нередко вызывает совершенный переворот в умственных способностях. Не без основания всегда говорилось, что к девушкам приходит тогда ум, а шутки, относящиеся к способу, посредством которого совершается это мнимое чудо, имеют справедливое, реальное основание. Первые годы, следующие за половою зрелостью, сопровождаются иногда каким-то наплывом талантов разного рода. В этот возраст нередко мне случалось встречать у девушек внезапное появление множества новых мыслей, самое блестящее воображение, удивительную способность ко всем искусствам, которые постепенно потухали и, спустя некоторое время, уступали место самой безусловной умственной посредственности. Те же причины или те же обстоятельства оказывают иногда не менее могущественное влияние на юношей, и нередко счастливые действия их бывают не более продолжительны. Кажется, впрочем, что у женщин чаще встречается, и это климатерическое напряжение чувствительности, и ее падение.

Мы сделаем необыкновенное замечание, находящееся в полнейшей связи с нашим предметом, именно, что безумие почти никогда не встречается в первую эпоху жизни. До отроческого возраста встречаются идиоты и эпилептики; мне случалось также видеть в этом периоде и подверженных истерике, но ранее этой эпохи, насколько мне известно, не бывает собственно так называемого сумасшествия. Чтобы головной мозг был способен к уродливым внутренним возбуждениям, характеризующим помешательство, по-видимому, необходимо, или влияние на

нервы семенной жидкости, или особенные впечатления, зарождение которых обусловливается этой жидкостью. Вот почему некоторые врачи предлагали отнятие половых органов, как крайнее средство в лечении этой жестокой болезни, в которой обыкновенные средства так часто остаются бессильными; и если можно сослаться на примеры, которыми они оправдывают предлагаемую меру, то должно согласиться, что она иногда оказывала свое действие. Как бы то впрочем ни было, мы вполне уверены, что такое средство не всегда может быть полезным, ибо в многолюдных сумасшедших домах нередко случалось, что среди припадков бешенства эти несчастные обрывали друг у друга ядра, что не производило ни малейшего изменения в состоянии их головного мозга; мало того, ежедневный опыт показывает, что сумасшествие может продолжаться до престарелого возраста,[86] то есть, долго спустя после того, как детородные органы потеряли свою деятельность. Правда, природа еще вырабатывает даже в это последнее время некоторое, весьма небольшое количество семенной жидкости, но действие ее на организм можно считать за одно из самых слабых общих возбуждений, так как желания и связанные с ними органические побуждения обыкновенно находятся тогда в полнейшей недеятельности.

Нервное возбуждение, сопровождающее первое месячное очищение, частью возобновляется и в последующие месячные периоды, вызывающие это явление. При каждом наступлении такой эпохи чувствительность становится более нежной и живой. Во все продолжение кризиса внимательные наблюдатели замечали большую игру в лице женщины, большее оживление в ее разговоре и нечто странное и капризное в ее желаниях.

Замечание это можно приложить и к периоду беременности, хотя расположения, вызываемые последней, во многих отношениях отличны от того, которое неразлучно с месячным очищением. Во время беременности женщиною управляет род животного инстинкта, и могущество его тем неотразимее, чем необъяснимее таинственные пружины его; и кто хоть немножко посвящен в язык природы, тот не может не видеть во всем этом и во все продолжение этого времени признаков чувствительности, выражающейся периодически с удвоенною энергиею, чувствительности, которая, отзываясь в известные промежутки времени на самые ничтожные возбуждения, способна на всевозможные отклонения.

§ XI. — Когда наступление половой зрелости совершается правильно и согласно с общим планом жизни, то оно вызывает в животном великое множество полезных изменений. В эту пору исчезают многие болезни, свойственные детству; можно

[86] В 1791 году Парижская госпитальная комиссия, в которой я имел честь состоять членом, нашла в одном из сумасшедших домов безумную старуху восьмидесяти двух лет. Ее принуждены были держать на цепи, так как в наших домах умалишенных не были еще введены нагрудники; нам сообщили, что жестокую зиму с 1788 на 1789 год она провела под навесом, нисколько не чувствуя холода, несмотря на то, что у нее было одно только простое одеяло, которое она, к тому же, часто сбрасывала с себя, чтобы быть совсем голой.

даже надеяться тогда на излечение и хронических поражений, случающихся во всякий возраст. Но, если процессы природы хотя сколько-нибудь будут задержаны, то вследствие того, что они в этом случае приводят в деятельность органы, одаренные чрезвычайною чувствительностью, бессилие, или извращенное направление отправлений вызывает большой беспорядок, как во всем организме, так и в нервной системе. Отсюда проистекает неестественное расположение ума, необыкновенные ощущения и склонности. Всем известны странности, сопровождающие у девушки бледную немочь, и я уже упоминал, что болезнь эта свойственна и подвижным, одаренным нежною организацией юношам. В том и в другом поле безразлично, в ту же самую эпоху является множество других нервных болезней, которые могут непосредственно изменить весь строй привычек. Но не может быть сомнения, что болезни эти находятся в зависимости от состояния детородных органов, потому что они ослабевают по мере того, как уменьшается деятельность последних, и потому что обыкновенно можно даже разом вылечить от них возбуждением деятельности новых, раскрывающихся способностей, или предоставлением, по крайней мере, свободного исхода желаниям, удовлетворение которых входит в естественный порядок отправлений.

Медицинские сочинения и повседневный опыт представляют множество примеров таких болезней, принимающихся часто невежеством за действие какой-нибудь сверхъестественной силы. Весьма нередко случается, что женщины (ибо по причинам, весьма понятным, они чаще подвергаются такому нервному расстройству), так нередко случается, что женщины во время истерических припадков приобретают такую проницательность, такой ум, такой возвышенный образ мыслей и такое красноречие, каких вовсе не имели в естественном состоянии, и все эти необыкновенные свойства суть только болезненные проявления, исчезающие с возвращением здоровья. Роберт Вайт, Лорри, Соваж, Помм, Тиссо, Циммерман, одним словом, все врачи, занимавшиеся исследованием нервных болезней, приводят множество такого рода фактов. Мне самому нередко случалось наблюдать такие, чрезвычайно странные явления; я встречал даже примеры их, хотя без сомнения несравненно реже, в некоторых мужчинах, чувствительных и сильных, но слишком воздержных. В одном из последних томов своих Бюфон приводит известную историю приходского священника в Гиенни, который, вследствие строгого целомудрия, вовсе несоответствовавшего его темпераменту, впал в состояние истерического бреда, граничащего с помешательством. Во все время припадка больной выказывал таланты, которыми до того времени он нисколько не обладал: он сочинял стихи и музыкальные произведения, но, что было всего замечательнее, никогда не бравши в руки карандаша, он срисовывал с удивительной правильностью и точностью предметы, попадавшиеся ему на глаза. Природа излечила его самыми простыми средствами, так что он, по-видимому, умел впоследствии предохранить себя от возвращения припадков. Но, хотя он и оставался всегда умным человеком, тем не менее вместе

с его болезнью в нем исчезла и большая часть вызванных ею блистательных дарований.

Я считаю нужным заметить по этому поводу, что безусловное воздержание производит весьма различное действие, смотря по полу, темпераменту и личному расположению неделимого. У женщин действие это вовсе не походит на то, какое бывает у мужчин. Вообще же они легче в таком случае переносят излишество, и труднее — воздержание; по крайней мере лишение, если оно не безусловно добровольно, вызывает обыкновенно в женщине, особенно при одиночестве и праздности, такие расстройства, которые являются в мужчинах несравненно реже.

Люди, страдающие желчью и меланхолией, с чувствительными и в то же время сильными мускулами, вследствие чрезмерного воздержания, испытывают вообще беспокойство, нередко искажающее совершенно их расположение духа и изменяющее все обычные их склонности. Такой воздержный образ жизни располагает к воспалительным или к нервным болезням, возбуждает опасную деятельность воображения и делает характер суровым, беспокойным, неуживчивым.

Напротив того, для неделимых с мягкими и в то же время слабыми и малочувствительными мускулами,[87] по-видимому, бывает иногда необходимо полнейшее воздержание. При среднем темпераменте, воздержание, если оно не доводится до крайности, усиливает деятельность жизненных отправлений, возвышает степень животной теплоты, придает уму более проницательности, силы, смелости; оно замечательно поддерживает в душе нежные, благодушные и великодушные чувствования; напротив того, ничто не ослабляет так умственных способностей, ничто не унижает так сердца, как злоупотребление наслаждениями любви, в особенности же, если прибегают к искусственным возбуждениям, чтобы вызвать желания, которые перестали быть естественной потребностью.

§ XII. — При исследовании промежутка времени в жизни женщины между первым появлением месячных очищений и совершенным их прекращением, промежутка, составляющего самое драгоценное время ее существования, необходимо войти в некоторые подробности относительно влияния беременности и кормления грудью на нравственную ее природу. Между матерью и зародышем, находящимся в ее утробе, между кормилицей и сосущим ее грудь ребенком устанавливаются отношения, заслуживающие особенного внимания. При том и при другом обстоятельстве природа обоих, связанных друг с другом существ, по-видимому, отождествляется в некотором роде и смешивается, хотя при втором обстоятельстве гораздо менее, чем при первом. Но из того и другого рода симпатии, или, вернее,

[87] Слабым и слишком чувствительным личностям тоже необходимо особенное воздержание в любовных наслаждениях; но, к несчастью, оно гораздо затруднительнее для них.

из обеих степеней ее, так как они принадлежат одному общему источнику,[88] вытекает одинаково ряд чувствований и склонностей, которые могут быть объяснены только влиянием детородных органов. Впрочем, для всестороннего исследования этого вопроса нравственной физиологии потребовалось бы гораздо более места, чем сколько мы можем здесь уделить ему. Поэтому, рассмотрим только факты — мы обозначим ими несомненно и причины: этого будет достаточно, и мы можем в настоящую минуту оставить в стороне исследование вопроса, каким образом причины эти производят свои действия.

Время прекращения месячных течений составляет, без всякого сомнения, важную эпоху в жизни женщины. Когда живое существо теряет способность к деторождению, то оно вступает в совершенно отчужденное существование, ограниченное только вероятной продолжительностью своей собственной жизни. До этого времени оно, так сказать, существовало с целым рядом поколений, оно принадлежало, как всему будущему, так и всему прошедшему времени. Такая важная перемена должна сопровождаться многими другими, одновременными переменами в общих отправлениях и во внутренних побуждениях неделимого. Стало быть, не может быть сомнения в том, что мы имеем основание объяснять одинаково все эти явления состоянием тех частей организма, в которых произошло первоначальное изменение, вызвавшее вслед за собой остальные.

Переворот, происходящий в это время в течении крови женщины, можно сравнить с тем, который мы заметили в мужчине (Мемуар о возрастах) в ту эпоху, когда геморроидальное течение обращается в каменную болезнь, в подагру, в апоплектическое расположение, и проч. Многие врачи рассматривали геморроидальное течение, как род месячного очищения: действительно, наблюдение подтверждает некоторые, замеченные ими сходные черты между ними. Можно даже указать на них, как на новое сходство между обоими полами относительно этих важных явлений; я говорю о так называемой второй молодости, или об изменении темперамента, о которых мы упоминали в том же Мемуаре, и которые соответствуют эпохе, когда переполняются, хотя и временно, брюшные внутренности, вследствие некоторых климатических условий. Явление это обозначается в женщине еще более поразительными признаками во время прекращения очищений. Но, разумеется, его не следует объяснять теми же причинами. Матка, зависимые от нее и некоторые смежные с нею части находятся тогда в особенной деятельности: доведенная до крайней степени возбуждения чувствительность их оказывает такое же отраженное действие на весь организм, особенно на головной мозг. Отсюда — понятия, так часто несоответствующие возрасту, который оставил между тем почти всегда слишком ясно следы свои;

[88] Многие кормилицы сознавались мне, что ребенок во время сосания груди доставлял им живое наслаждение, отражавшееся до некоторой степени на органы воспроизведения. Другие женщины говорили мне, что нередко материнские радости и страдания сопровождались у них возбужденным состоянием матки.

отсюда — более страстные чувства, обращающиеся, вследствие проходящей красоты, нередко в настоящее несчастье. С этой стороны, как и с некоторых других, природа поступила с женщиной весьма сурово. Мужчина почти не имеет права жаловаться, подобно ей, на возобновление в нем вызванных несколько поздним возрастом желаний и чувствований, потому что у него остаются обыкновенно хоть какие-нибудь средства заставить разделить их.

§ XIII. — С прекращением очищений детородные органы не разом останавливают свою деятельность; случается даже, что вызывающие их периодические отправления продолжаются на очень долгое время. Я встречал женщин, которые, спустя десять или двенадцать лет, каждый месяц ощущали местный прилив крови и стеснение в матке со многими другими признаками, сопровождающими действительное месячное очищение. В таком случае, общие перемены, вызываемые прекращением этого течения, казались мне гораздо менее очевидными; тогда женщина остается, к несчастью, все еще женщиной во многих отношениях до самой глубокой старости.[89]

Но если детородные органы, согласно с нормальными законами, указанными природой, теряют в это время часть чувствительности, непосредственно относящейся к воспроизведению породы; если отправления их засыпают постепенно и исчезают в нормальную эпоху, то во всех свойствах женского организма происходят известные, легко уловимые видоизменения. Голос становится более резким; покрывающий лицо легкий пух молодости становится грубее, длиннее, и получает строение, которое желательно встречать разве у мужчины: желания теряют свой нежный и живой характер, мысли принимают иное направление.

Что касается до нравственного состояния, то я приведу один только пример, который, как мне кажется, находится в связи со всем и, так сказать, все объясняет.

Девочки, прежде даже наступления половой зрелости, чувствуют необыкновенное пристрастие к детям: ничто не производит в них такого восторга, как если поручить им уход за детьми, заботу за ними, если позволить им нянчиться с ними. Если они не имеют вокруг себя детей, то заменяют их куклами. Целые дни проводят они в том, что одевают их, укладывают спать, раздают им пищу, учат их говорить, одним словом, возятся с ними на тысячу ладов. Это пристрастие, развивающееся еще сильнее с наступлением половой зрелости, сохраняется до прекращения месячных очищений. В этих склонностях резко обрисовывается назначение женщины. Но в ту минуту, как природа отнимает у нее способность к зачатию, она гасит в ней и побуждения, без которых материнские заботы были бы невозможны. Явление это особенно резко обозначается в старых девах, в которых более обдуманные чувства,

[89] Пагубное воспитание воображения, разумеется, значительно продолжает и усиливает это враждебное для благополучия расположение.

основанные на родственных или дружеских отношениях, не заменяют инстинктивного побуждения. Хотя оно менее явственно в старых женщинах, имевших детей, но для внимательного глаза все-таки еще заметно: они становятся почти тем же, чем бывают обыкновенно вообще все мужчины, которые только отцовским чувством или некоторыми сердечными склонностями могут быть видоизменены в этом отношении. Нужно, впрочем, исключить из этого числа бабушек, также как и дедушек, слепая привязанность которых к маленьким детям представляется весьма сложным чувством, которое следует рассматривать весьма осторожно во всех оттенках его и со всеми капризами, чтобы узнать основательно истинные его источники. Впрочем, чувство это нисколько не похоже на тот род бессознательного инстинкта, о котором идет речь.

Итак, по прекращении месячных очищений, женщина становится тем же, чем бывает, как мы видели, по наступлении отрочества девушка, в которой возраст этот не вызвал к деятельности матку и яичники. Это снова один из тех случаев, в которых средства связаны с целью самым мудрым образом, но это потому, как мы заметили в другом месте, что цель и средства зависят одинаково от одной и той же причины, от законов организации.

§ XIV. — Посмотрим, не происходит ли чего подобного в мужчинах. В тех из них, которые лишены от природы мужественности, или которые потеряли ее с годами, не происходит ли перемен, зависящих от отсутствия этого неразвившегося или потерянного свойства? Вопрос этот побуждает нас сказать несколько слов о действии, производимом отнятием детородных частей.

Наблюдатели всех веков замечали в холощенных животных совокупность особенных свойств, которые не все находятся в непосредственной зависимости от отправлений половых органов. В этих изуродованных существах любострастные желания не только исчезают вполне и невозвратно, или странно изменяют свой характер и вызывают небывалые побуждения, но искажается самая сущность общей организации. Клетчатая ткань является в более обильном количестве и становится рыхлее, мускулы ослабевают, изгибы некоторых костей изменяют свое направление, сочленения распухают, голос становится более резким, наконец, причины некоторых болезней, по-видимому, исчезают, являются новые, критические периоды которых принимают другой порядок.

Перемены, происходящие в нравственном состоянии, быть может, еще более замечательны. Древние полагали, что отнятие половых органов унижает человека и, наоборот, подымает животное. В сущности, оно унижает одинаково, как того, так и другое, ибо искажает их природу. Обращая животное в более слабое, оно делает его более покорным и более годным для целей человека; разрушая связь, самым существенным образом соединяющую его с породой, оно развивает в нем более живое чувство внимательности и благодарности к тому, кто его кормит.

То же самое явление происходит и в человеке. Отнятие органов воспроизведения, так сказать, отделяет его от всего человеческого рода, и божественное пламя человечества почти совершенно погасает в его сердце, вследствие рокового события, лишающего его самых дорогих отношений, установленных природой между подобными друг другу существами.

Известно, что евнухи представляют самый презренный класс людей: они малодушны и лукавы, потому что бессильны, они завистливы и злобны, потому что несчастны. Они сознают отсутствие тех впечатлений, которые возбуждают в головном мозгу столько деятельности, оживотворяют его необычайной жизнью и, воспитывая в душе благородные, великодушные чувства, могущественно возвышают разум и руководят им. Нарзес представляет, быть может, единственное, достаточно полновесное исключение из этого общего, тем не менее вполне справедливого правила: по крайней мере это единственный великий человек из евнухов, имя которого сохранено историей.[90] Из этого можно заключить, до какой степени безнравствен, до какой степени жесток и пагубен для общества этот обычай, вследствие которого можно по произволу унижать людей и уродовать их?.. Будем надеяться, что мудрые предостережения будут наконец услышаны, что поддержанные общественным мнением, они раздаются небесплодно в век, гордящийся своим просвещением и гуманностью.[91]

Различие в том, каким образом производится эта операция и в каком возрасте, обусловливает различие в ее последствиях. Полное отнятие всех внешних органов воспроизведения разрушает совершеннее и всестороннее относящиеся к ним склонности, нежели частное отнятие или разрушение некоторых из них, или перевязка семенных каналов. Если эта операция производится в первом детстве, то она гораздо более искажает природу, и человека, и животного, нежели когда она сделана после наступления отрочества. Я встречал довольно часто в возмужалых людях, у которых, вследствие некоторых болезней, отняты были те из органов, которые отрезываются или разрушаются по второму способу этой операции, сильные любострастные желания, сопровождавшиеся внешними признаками мужественности, вызывавшиеся обыкновенными возбуждениями еще весьма долго спустя после операции. Но нередко также такие люди впадают в глубокую апатию или в мрачную, безвыходную меланхолию, от которой ничто не в состоянии освободить их. Последнее состояние мозговой системы замечалось даже в людях, которые, вследствие возраста, или вследствие убеждений, отказывались безвозвратно от любовных наслаждений.

[90] Можно упомянуть еще о Саломоне, одном из генералов Велисария: в самом деле, евнух этот в войне с вандалами в Африке выказал большое мужество и несомненные дарования.
[91] Слова эти направлены против обычая, бывшего в большем распространении во всей Европе еще в недавнее время, особенно в Италии, между прочим для сохранения весьма ценимого тенорового голоса. Пер.

В молодых людях, лишенных от природы, вполне или только отчасти, мужских способностей, отрочество не вызывает своих обычных последствий; так впрочем и должно быть. Но, помимо того, в эту эпоху все костяные и мускульные части с каждым днем все более и более подходят, как по внешним формам, так и по строению к женскому телу. Я встречал такие неопределенные существа, у которых не только голос был слабее, мускулы — менее упруги, вообще все строение тела — более жидко и вяло, но у которых замечалась еще та сравнительно большая ширина таза, которая, как мы видели, составляет характеристическую черту женского скелета, вследствие которой и походка их походила на женскую большой дугой, описываемой вокруг центра тяжести. В этих случаях физическое сложение, казалось мне, всегда сопровождалось вполне соответствующим ему нравственным состоянием. Но прекращение детородных способностей, составляющее позднее последствие болезней или возраста, не производит такого влияния. Строение волокон и чувствительность неделимого в таком случае бывают уже глубоко видоизменены естественными отправлениями, свойственными его полу. И в бессилии, вызываемом старостью, ослабление происходит медленно, постепенно, следуя нормальным законам природы; ничто не бросается в глаза в этом отношении, потому что все состоит в порядке, потому что необходимость прогрессивного ослабления жизни во всех органах находится в связи с неизбежностью ее невозвратного исчезновения.

В случае прирожденного, детородного бессилия, а также при некоторых болезнях, не вызывающих непосредственно этого состояния, но только уродующих особенным образом половые органы, тем не менее все-таки замечается необыкновенное потрясение всего организма. Я знал трех мужчин, которые среди полного развития сил внезапно поражены были такого рода половым бессилием. Хотя во всех других отношениях они были здоровы, хотя они были постоянно заняты делом, хотя привычка к воздержанию, или по крайней мере к строгой умеренности не вызывала в них большого сожаления о потерянных желаниях, тем не менее все они получили мрачное и грустное расположение духа, а ум их с каждым днем ослабевал все более и более. С другой стороны, знаменитый Рибейро Санхез, ученик Бургаве, в своем «Трактате о хронических венерических болезнях» замечает, что эти болезни особенно располагают к суеверным страхам. Я сам собрал довольно значительное число фактов, подтверждающих его слова, и это странное явление находилось, как мне казалось, в постоянной зависимости от сильного искажения детородных органов.[92]

Заключение. — Таковы, граждане, общие соображения, которые, кажется мне, неопровержимо доказывают великое влияние пола на образование в человеке нравственных побуждений и представлений. Вы легко поймете, что нетрудно бы было распространить приложение его к явлениям, ежедневно представляемым физической и нравственной человеческой природой; для наших исследований

[92] Искажение это вообще делает человека робким и трусливым.

достаточно было, впрочем, указать только на главнейшие, которыми без труда могут быть объяснены все остальные.

Я не стану говорить также о могущественном действии любви на умственные способности и на душевные побуждения и склонности, во-первых, потому, что история этой страсти вообще слишком хорошо известна и говорить о ней здесь было бы бесполезно; а во-вторых, потому, что любовь, какой ее изображают и какой нередко представляет ее себе общество, без сомнения, не входит в первоначальный план природы.

Два обстоятельства главным образом содействовали в новейших обществах к ее искажению искусственной экзальтацией: я имею в виду, во-первых, те неразумные преграды, которыми пытаются стеснить ее родители или общественные учреждения, и все препятствия, встречаемые ею в предрассудках относительно рождения, класса общества и богатства, — ибо, помимо преград и препятствий, в любви может быть много счастья, а не безумия и неистовств; я имею в виду, во-вторых, отсутствие действительно великих общественных интересов и всеобщую праздность достаточных классов в монархических государствах; к этому следует еще присоединить остатки рыцарского духа, как смешные результаты, оставленные нам в наследство ненавистным феодализмом, и тот род заговора большей части талантливых людей, будто стремящихся направить всю человеческую энергию к рассеяниям, которые бы все более и более клонились к тому, чтобы заклепать на вечные времени оковы народа.

Нет, та любовь, которую развивает природа, вовсе не похожа на необузданный поток, все ломающий на пути своем; это не театральный призрак, самоуслаждающийся своим собственным треском, любующийся собственным своим изображением и захлебывающийся от действия, производимого им на присутствующих. Это тем менее то холодное волокитство, играющее с самим собою и со своим предметом, искажающее рассчитанными речами нежное и искреннее чувство и не имеющее притязания даже обмануть того, к кому обращено оно; ни та утонченная метафизика, рожденная бессилием сердца и воображения, нашедшая средство ввести несносную скуку в самые дорогие для искренно чувствующего сердца отношения. Нет, в настоящей любви нет ничего подобного. Древние, едва вышедшие из детства народы чувствовали, кажется, несравненно вернее нас, чем должна быть и что такое в действительности эта страсть, или это могущественное побуждение при естественном порядке вещей: они изображали ее в образах, искаженных, правда, странностями и беспорядочностью, объясняющейся обычаями того времени, но все-таки более простых и более верных.

Под благодетельным действием равенства, под всемогущественным влиянием общественной совести, свободная от цепей, наложенных на нее политическими, гражданскими и суеверными предрассудками, чуждая всякого преувеличения и

смешного энтузиазма, любовь будет утешительницей, а не властительницей жизни; она украсит, но не наполнит ее собою. Когда она наполняет жизнь, то унижает ее и сама скоро угасает среди пресыщения. Бэкон говорил в свое время, что страсть эта более драматична, нежели обыденна, *более пригодна для сцены, чем для жизни: Plus scenae quam vitae prodest*. Станем надеяться, что со временем будет наоборот. Когда в обыденной жизни будут пользоваться ею чаще и лучше, то любовь, изображаемая в нынешних драматических произведениях и в романах, не слишком-то покажется заманчивой. Бэкон говорит в том же месте, что ни один из великих людей древности не был влюблен. Если принимать это слово в том смысле, который обыкновенно придается ему, то, разумеется, нет. Но между ними мало было людей, которые не искали бы в самом сладостном чувстве природы, в чувстве, составляющем основу всего, что только есть прекрасного в человеческом обществе, истинного, ею самою приготовленного блага.

Сердце человеческое есть обширное поле с неистощаемым плодородием, но дурная обработка сделала его, по-видимому, бесплодным; будет еще справедливее, если мы скажем, что поле это в некотором смысле не тронуто. Нельзя и представить себе, какое множество драгоценных плодов может дать оно, если возвратиться в самом деле к здравому смыслу, то есть, к природе. Мудро вопрошая этот единственный, правдивый оракул, и повинуясь ему, преобразовывая по его верным указаниям общественные и нравственные учреждения, скоро увидели бы люди раскрытие целого нового мира. Нечего опасаться, вместе с узкими мыслителями, что нравственность, построенная на здравых началах, враждебная иллюзиям и их призрачным наслаждениям, разрушением их может повредить истинному счастью. Нет и нет: напротив того, только один светлый разум может, не только утвердить господство истинного счастья, но умножить еще средства для его достижения, расширить его область, очистить и совершенствовать его с каждым днем все более и более. Без сомнения, по мере того, как искусство существовать с самим собою и с другими, искусство, столь необходимое для жизни, но тем не менее почти вовсе незнакомое нам, или по крайней мере совершенно чуждое нашей системе воспитания,[93] по мере того как искусство это будет делать успехи, станут исчезать эти пугающие нас призраки, то ложной добродетели, то ложного блага, на которых искони покоилось почти все нравственное существование человека в обществе. Роясь в сокровищах, скрытых в глубине души человеческой, без труда откроют новые, неисчерпаемые источники счастья; с каждым днем станет становиться шире судьба человека; и светлому разуму предстоит сделать в мире нравственном не менее драгоценные открытия, чем какие делаются в мире физическом самыми счастливыми естествоиспытателями.

Таким же точно образом, по мере того как искусство общественной жизни будет двигаться вперед к дальнейшему совершенствованию, почти все эти великие

[93] Искусство это обрабатывалось систематически, по-видимому, только в короткий период существования греческой философии.

чудеса политические, составляющие предмет удивления для истории, обнаженные одно вслед за другим от покрывавшего их призрачного блеска, покажутся не более как суетными и слишком часто пагубными игрушками детского возраста человеческого рода. События, учреждения, мнения, более всего обоготворяемые невежественным энтузиазмом, вызовут разве только какую-нибудь улыбку изумления. Силы человека, постоянно употребляемые только для увеличения его несчастий, для преследования жалких призраков, обратятся наконец к предметам полезным и реальным; самые простые пружины будут направлять их приложение, и вся задача гения будет состоять только в открытии средств для умножения прочных наслаждений и истинного счастья; я хочу сказать наслаждений и счастья, вытекающих непосредственно и бесспорно из нашей природы. Такова должна быть единственная цель, к которой следует стремиться гению; таковы должны быть исследования, единственно заслуживающие того, чтобы над ними изощрялось и на них развертывалось все его могущество; таковы, наконец, должны быть и успехи, которые гений должен считать действительно стоящими, чтобы увенчать и освятить ими свои усилия.

Мемуар шестой: О влиянии темпераментов на образование представлений и нравственных побуждений.

Введение. — С каждым шагом вперед в изучении природы, отношения между предметами расширяются пред нашими глазами, увеличиваются в числе и усложняются, а исследование и систематическое изложение каждого, отдельного порядка их образует то, что называют наукой.

С какой бы точки зрения мы ни стали рассматривать предметы, можно быть вперед уверену найти связь между ними. Но не все отношения между ними одинаково легко уловимы, не все они имеют и одинаковое значение. Между ними встречаются такие, изучение которых достигается только путем многих наблюдений или опытов и которые, так сказать, скрыты в самом строении тел, или в самых неуловимых свойствах их. Существуют и такие отношения, которые, захватывая, или слишком отдаленные от нас, или вовсе неизвестные нам предметы, кажутся совершенно чуждыми главной цели нашего исследования и вызывают одно только обыкновенное любопытство. Некоторые же находятся в зависимости от таких странных или ничтожных соображений, что могут не иметь для нас никакой цены. Есть наконец и такие, которые обязаны своим существованием одному воображению, и входят в обширную область вымыслов.

Самые важные отношения для наблюдения, без сомнения, составляют те, которые замечаются между предметами самыми близкими к нам по своему месту в природе, между предметами, с которыми мы находимся в постоянном столкновении. Не менее очевидно, что если мы имеем право подозревать существование несомненных, непосредственных и широких отношений, то их следует искать между неизменными, ежедневно повторяемыми природою отправлениями и снарядами, которыми они выполняются, между различными отправлениями, совершаемыми одними и теми же снарядами.

С этой двойной точки зрения ничего не может быть полезнее и естественнее исследования зависимости между физическими способностями человека и теми, которые называются нравственными. В самом деле, с одной стороны, самый близкий для нас предмет, разумеется, человек, мы сами; все наше благополучие может быть основано только на разумном употреблении способностей, связанных с нашим существованием. С другой стороны, слова *способности человека*, разумеется, означают только более или менее общее выражение отправлений, вызываемых деятельностью его органов: это — отвлеченное понятие, олицетворения которого часто не могли из бежать самые точные мыслители. Физические способности, из которых рождаются способности нравственные,

составляют, собственно говоря, совокупность тех же самых отправлений: ибо философский язык различает оба эти видоизменения, физическую природу и нравственную, только потому, что наблюдатели, для избежания запутанности при первых исследованиях, должны были рассматривать явления жизни с двух различных точек зрения.

Эти или другие, совершенно подобные же побудительные причины заставили *древних* обратиться к исследованию законов зависимости, существующей между органическим устройством и характером или складом понятий, между непосредственными побуждениями, вызываемыми действием неодушевленных предметов на различные части нашего тела, и более обдуманными побуждениями, вызываемыми сосуществованием и сочувствием с такими же как и мы чувствительными существами. Они должны были подумать даже, что исследование это будет естественно, и не только поведет к определенным результатам, но что оно будет не трудно, и что ежедневная необходимость возвращаться к физическим и нравственным явлениям, не замедлит обнаружить связь между определяющими их условиями.

Судя по попыткам их соединить медицину с философией, по стремлению их ввести свои физиологические познания в гражданские учреждения и в систему воспитания, мы можем составить себе понятие о важном значении, какое придавали они вообще подобному взгляду на человека.

Их учение о *темпераментах* было, быть может, главнейшим плодом этого взгляда. Эти великие наблюдатели скоро заметили, что действие внешних предметов видоизменяет органическое устройство только до известной степени и что существуют более неподвижные условия, находятся ли они в зависимости от внутреннего строения частей, или от способа получения ими впечатлений, условия, которые имеют существеннейшее значение для существования неделимого и которые не могут быть изменены никакой привычкой.

То, что сказано мною в первом Мемуаре об этом учении и о возражениях, которые можно сделать против него, более чем достаточно, и я не стану возвращаться к этому предмету. Сверх того, если мнения наших предшественников имеют важное для нас значение по некоторым вопросам, то немало существует и таких, о которых нам решительно все равно, как они думали. Полезно обращаться к древним по частным фактам, которых они были свидетелями, и даже по некоторым общим явлениям, которые могут снова повториться только после большого промежутка времени, а они имели случай наблюдать их; но когда дело идет о предметах, находящихся постоянно пред нашими глазами, о явлениях, по естественному ходу вещей, ежеминутно повторяющихся, то обратимся с вопросом к природе, а не к книгам; посмотрим, что представляется нам в этих предметах и в этих явлениях, не слишком заботясь о том, что видели в них другие. Если наблюдения их могут иногда руководить нас и облегчить наше наблюдение над самими собой, то слишком часто

леность наша, под предлогом уважения, готова опереться на авторитет: мы перестаем, так сказать, пользоваться своими собственными глазами и смотрим чужими, и скоро сама истина, переходя из книги в книгу, получает все свойства лжи и заблуждения.

В предмете нашего исследования можно с большим, быть может, доверием, чем в каком бы то ни было другом, обращаться непосредственно к природе. Все данные вопроса находятся пред нашими глазами, а искомые нами законы неизменны. Постараемся же отыскать то, что всего очевиднее и проще в относящихся к нему явлениях.

§ I. — Если сравнить человека с другими животными, то легко заметить, что он отличается от них характеристическими чертами, не позволяющими смешивать его с ними. Если сравнить человека с человеком, то можно заметить, что природа положила между неделимыми различия, подобные и соответствующие различиям, замечаемым между породами. Неделимые не одинаковы ростом, они не похожи внешними формами; жизненные отправления происходят не у всех с той же степенью силы или быстроты; склонности их имеют различное направление и принимают не одно и то же направление.

Первые, бросающиеся в глаза различия касаются роста и объема. Есть люди высокого роста, есть и низкого. Одни бывают одарены сильными или жирными мускулами, другие — худощавыми и тощими. Цвет волос, глаз, кожи представляет новые различия, относящиеся к внешнему виду.

Если рассматривать живые организмы в движении, во время деятельности их способностей и в исполнении свойственных им отправлений, то мы найдем, что одни из них живы, проворны, нередко чрезвычайно быстры, другие медленны, неповоротливы, неподвижны. Болезни их во многих отношениях представляют тот же характер, что и физическое их устройство: склонности их, вкусы, привычки повинуются тому же разнообразию, и испытывают видоизменения, подобно как и их болезни, и нередко можно заметить, что первоначальное состояние их органов заглушает некоторые страсти, а в известные, определенные эпохи жизни вызывает другие, новые, одним словом, изменяет всю их нравственную природу.

Устанавливая, таким образом, почти с первого же шагу соответствие между внешними формами тела и характером движений, между характером движений и складом и развитием болезней, направлением склонностей и образованием привычек, без сомнения, мы перескакиваем через многие промежуточные ступени, которыми медленно проходили наблюдения естествоиспытателей. Нужно было много внимательности и много времени, для раскрытия в произведениях природы этой непосредственной зависимости между всеми составляющими их частями и между всеми оживотворяющими их движениями; много нужно было наблюдательности, чтобы составить себе понятие о том, что части эти созданы одна

для другой или, вернее, что систематическое соединение их в одном целом, что свойства их или отправления зависят от известных, общих, охватывающих всю их совокупность законов. Но этот общий взгляд запечатлен такой поразительной очевидностью и несомненностью, он вытекает до такой степени непосредственно из природы вещей и способа нашего понимания их, что было бы совершенно излишним, особенно после того, что сказано мною в приведенном Мемуаре, возвращаться к изложению его доказательств. Таким образом, мы можем без опасения принять его, как непосредственный результат фактов.

Первые замечания эти ставят уже вопрос надлежащим образом.

Но при исследовании человека легко заметить, что изучение внешних форм не имеет большой цены. Самые важные движения самые чувствительные отправления происходят внутри его. Чтобы составить себе точное понятие о них, необходимо изучение внутренних, исполняющих их снарядов. Таким образом, мы достигнем, если это только возможно, до условий, определяющих характер их деятельности.

Действительные успехи анатомии были весьма медленны; так это и должно было быть: но вовсе не нужно было великих открытий, чтобы отыскать в относительном объеме органов, в соразмерности или в плотности их составных частей некоторые различия, находящиеся в связи с различиями во внешних формах, а следовательно, и со свойствами, связь которых с последними уже признана. Относительное количество твердых и жидких частей, разумеется, не одинаково во всех людях; плотность тех и других частей может также весьма значительно изменяться в различных сравниваемых неделимых. Некоторые части с виду совсем сухи, другие, напротив того, смочены и как бы напоены лимфатическими и слизистыми соками. Есть такие, крепкое и плотное мясо и оболочки которых сопротивляются самому сильному давлению, не легко обрываются и также трудно режутся ножом; есть и такие, волокна которых, то влажны, то вялы и не имеют никакой крепости. Явления эти бросаются в глаза сколько-нибудь наблюдательному человеку. Наконец, не трудно было заметить, что головной мозг, легкое, желудок, печень, и проч. могут быть более или менее объемисты, независимо от общей величины тела.

Если мы убедимся, что эти последние обстоятельства связаны постоянно и тесно с вышеприведенными условиями, то мы сделаем уже значительный шаг вперед в предмете нашего исследования.

Нам нет необходимости непременно следовать за медленным движением открытий. В настоящем случае можно безбоязненно принять за точку отправления последние выводы, сделанные наукой: ибо данные, полученные описательной анатомией, имеющей в виду предметы очевидные и непосредственно доступные для органов чувств, относятся к разряду тех, которые мы можем принять с наибольшим доверием, по крайней мере, относительно самых очевидных и

крупных явлений, с условием только, чтобы физиологические рассуждения наши ограничивались бы одними фактами.

Мы сказали в другом месте, что с чисто анатомической точки зрения живое тело может быть приведено к самым простым веществам, именно: 1) к клетчатой ткани, в которой протекают слизистые соки, образующиеся жизненным влиянием, и которая, получив от них различную степень оживотворения, доставляет в свою очередь непосредственные материалы для оболочек и костей; 2) к нервной системе, содержащей в себе начала чувствительности, и 3) к мясной волокнине, составляющей общее орудие движений: кроме того, как мы уже заметили, весьма вероятно, что мясная волокнина есть не более, как результат сочетания нервного вещества с клетчатой тканью, или с находящимися в ней соками, сочетание, в котором, подобно многим химическим сочетаниям, свойства составных частей исчезают совершенно, а на место их являются совсем новые.

Доказано прямыми опытами, что у самых совершенных животных движение и жизнь во всех частях тела возбуждаются нервами или, вернее, нервной системой: ни одно положение физики живого организма не может быть доказано с такой очевидностью.[94] Поэтому, из образа деятельности нервной системы и из того, как эта деятельность передается и проявляется в органах, следует выводить различия, замечаемые в их отправлениях или в способностях, которые в свою очередь суть те же отправления или общие их результаты.

Чтобы составить себе точное понятие о деятельности нервной системы, необходимо рассматривать ее с двух, несколько различных точек зрения: 1) со стороны действия на все одушевляемые ею органы собственною своею чувствительностью; 2) со стороны возбуждения в ней впечатлений чувствующими ее оконечностями, вследствие чего она действует отраженно на двигательные органы, чтобы вызвать в них движения и отправления.

В одном из предыдущих Мемуаров мы указали на главнейшие наблюдения, открывающие образ действия нервных средоточий: несомненность этого действия вытекает, помимо того, из самого факта жизни, или из физической чувствительности, источник которой в этих средоточиях. Последняя действительно вытекает из них и распространяется по всем частям с самой минуты образования зародыша; и вероятно, ее же энергия постепенно организует мертвые материалы, из которых он образуется, вызывая в них жизненное возбуждение. Что касается до способности нервной системы получать впечатления при посредстве чувствующих оконечностей и вызывать соответствующие им движения, то она представляет не менее несомненный факт, к тому же весьма легко поверяемый

[94] Это не мешает, впрочем, существованию жизни и в частях, лишенных нервов, и даже проявлению в них при некоторых условиях довольно живой чувствительности.

ежеминутным опытом и доказывающийся самим собою, так что достаточно только указать на него.

Весьма возможно, что особенные условия, управляющие образованием каждого неделимого одной и той же породы, неизбежно определяют, и степень его энергии, и свойства его чувствительности. Возможно, например, что между человеком и человеком существуют первоначальные различия в том, что можно назвать самым чувствующим началом: по крайней мере, не подлежит сомнению, что существуют эти различия между породами. Но так как мы ничего не знаем, от каких условий зависит явление чувствительности, то мы поневоле должны ограничиться только исследованием причин ее видоизменений в изменениях разных частей тела, в которых она отправляется, и не дозволять себе, по требованию здравого смысла, действительного олицетворения самой чувствительности приписыванием ей свойств, обнаруживающихся только при существовании этих частей, или независимых от условий образования последних.

§ II. — Хотя нервная система и одарена совершенно самостоятельною организациею, тем не менее она подчиняется во многих отношениях общим условиям других живых частей организма. Клетчатая ткань, составляющая внешние ее оболочки и проскользающая между разделениями мозговых пучков, бывает, то более губчатого, то более вялого, то более влажного строения; она является, то более плотною, то более твердою, то более сухою. Сверх того, в самую сердцевину нервов проходит значительное количество сосудов, приносящих им питательные вещества, и из образа употребления их, из образа деятельности этих отправлений и происходящего в глубине их всасывания вытекают значительные различия в их объеме, а следовательно, также и в количестве вырабатывающихся и заключающихся в них соков.

Различия в объеме уже с давних пор останавливали на себе внимание самых недальновидных даже анатомов: нужны только глаза, чтобы заметить их. Различия же в свойствах обнаруживаются только в чрезвычайном состоянии, то есть, когда они вызвали уже заметные перемены, как например, в случае появления затверделостей, изменения цвета, или разложения вещества мозга. Но нам известно, что влажное или слизистое его состояние, его мякоть и вялость связаны с медленными или слабыми ощущениями, что его плотность, крепость и сухость, наоборот, находятся в связи с живыми, быстрыми и устойчивыми ощущениями. Кроме того, мы знаем, что животные соки имеют постоянное стремление к прогрессивному напряжению по мере своего сгущения и концентрирования, в особенности же, если последнее находится в зависимости, как это почти всегда случается, от возвышения в органе движения или деятельности. Из этого мы выводим следствия, проливающие некоторый свет на занимающий нас вопрос. Ибо, хотя сделаны весьма незначительные успехи в исследовании изменений, совершающихся в различных соках, и вызываемых этими изменениями

физиологических явлений, тем не менее несомненные наблюдения показывают нам, что возвышение деятельности в органах вызывает возвышение энергии в жизненных соках, и что в свою очередь, чрезвычайная степень жизненности этих соков, или крайнее напряжение принадлежащих им свойств увеличивает чувствительность органов, которая бывает всегда пропорциональна действию всех естественных возбудителей.

Должно сознаться, что до самого последнего времени приложение результатов химии к животной физике не было очень счастливо. Тем не менее несомненно, что без помощи химии мы никогда не узнали бы многих веществ, образующихся в живом организме или развивающихся при его разложении, а последние опыты французских химиков доставили, по-видимому, новые взгляды и возбудили новые надежды врачебной науки. Им в особенности обязаны мы исследованием *фосфора*, открытого еще в начале столетия,[95] и указанием ему места между естественными, еще неразложенными телами, что стало возможным на основании теории горения, открытой Лавуазье.

Известно, что фосфор получается из животных веществ. Он встречается также и в минеральном царстве, но можно заподозрить, не составляет ли он в последнем, вместе с известковыми землями, продукт разложения животных остатков: по крайней мере тот, который получается прямо из таких остатков, можно принимать за непосредственный продукт чувствительной жизни, за результат изменений, испытанных твердыми и жидкими частями животного тела, или, пожалуй, за простое вещество, которое они в особенности способны уподоблять себе. В телах разлагающихся животных фосфор испытывает, по-видимому, медленное горение: не производя настоящего пламени, не увлекая в большей части случаев в горение соседственных сгораемых частей, он светится и распространяет в темноте блестящий свет, который не раз мог подать повод к тем вызывающим ужас видениям, которые приписываются кладбищу. Части, особенно богатые фосфором, суть головной мозг и его принадлежности, или вернее, вся нервная система, ибо начинающимся разложением мозгового вещества следует объяснять тот фосфорический свет, который так часто является ночью в анатомических залах, и он замечается предпочтительно вокруг обнаженного головного мозга, или вокруг остатков его на анатомических столах. Поэтому, значительное число наблюдений дает мне повод предположить, что количество развивающегося после смерти фосфора пропорционально деятельности нервной системы во время жизни.[96] Мне показалось, что головной мозг людей, умерших от болезней, отличающихся такой напряженной деятельностью, распространял особенно живой и блестящий свет.

[95] То есть, восемнадцатого столетия.

[96] Напряженность света, испускаемого фосфорическими животными, находится в зависимости от жизненной энергии их, или от степени их возбуждения. Свет этот особенно, например, блестящ в период их любви: по-видимому, он предназначен даже во многих породах служить признаком, по которому самец отыскивает самку: в таком случае он буквально играет роль светоча любви.

Мозг людей, умерших от бешенства, особенно светит, мозг умерших от водяных и от мокротных болезней, светит гораздо менее.

§ III. — С тех пор как прекрасные опыты Франклина обратили внимание ученых на электрические явления, нетрудно было заметить, что живые тела имеют способность производить то сгущение этой электрической жидкости, которым обнаруживается ее присутствие. Животные с густой шерстью, в особенности любящие чистоту и тщательно избегающие сырости, как кошки и многие другие породы, обильно одарены электричеством. Свойство шерсти, разумеется, значительно помогает объяснению факта: но и в людях, даже вовсе не покрытых волосами, собирается значительное количество электричества, и обыкновенные, употребляемые физиками приемы могут обнаружить его. Оно составляет непосредственный и естественный результат жизненных отправлений: искусственное возбуждение и трение только значительно увеличивают это количество электричества, собираемого и удерживаемого живыми телами, подобно тому, как это бывает вообще в веществах, особенно склонных к развитию в них электричества. Средства эти нередко вызывают такое его количество, что равновесие восстановляется не иначе, как сильными искрами и треском, которых многие пугаются. Нервный орган представляет, по-видимому, род сгустителя, или вернее, резервуар, как *электричества*, так и *фосфора*. Но он без сомнения отличается от веществ, богатых электричеством, тем, что он в то же самое время превосходный проводник наружного электричества, между тем как последние перенимают, правда, электрический ток, удерживают его и скопляют при помощи трения, но не передают его, когда оно собрано на других, смежных с ними телах. Впрочем, весьма может быть, что нервная система составляет хороший проводник для него только своими внешними, клетчатыми оболочками, а не внутреннею мозговою мякотью, с которою связаны все, исключительно отличающие ее свойства.

Это сгущение электричества, собирающегося в нервной системе во время жизни, по-видимому, не исчезает внезапно с наступлением смерти. Мы имеем основание думать, что оно сохраняется на некоторое время и после смерти; может быть даже, что равновесие наступает только после того, как мозговая мякоть достигнет до известной степени разложения. Может быть также, открыто будет, что изменение это вызывается тем медленным сгоранием фосфора, о котором мы упоминали; это вероятно указало бы нам на отношение между электрическою жидкостью и фосфором, и пролило бы некоторый свет на загадочную природу обоих.

Как бы то ни было, количество электрической жидкости, скопляющейся в живых телах вследствие простого действия отправлений, движения и трения, большею частью неодинаково в различных неделимых; различие между ними в этом отношении весьма значительно, и можно заметить, что самые выгодные условия для наибольшего развития электричества совпадают с условиями, вызывающими

или предвозвещающими сильнейшую деятельность нервной системы, то есть, именно с теми, от которых, как нам показалось, зависит наибольшее развитие фосфора.

Трудно, по-видимому, не согласиться, что явления гальванизма и, следовательно, явления раздражаемости мускульных частей, во время ли жизни, или после смерти, находятся в зависимости от остатков электричества, удержанного в нервах, и освобождающегося более или менее медленно, смотря по породе, возрасту и органическому строению, свойственному каждому животному.[97] С этой точки зрения, раздраженные мясные волокна рядом последовательных сокращений должны бы были освобождать электричество, сгущенное в оживляющих их нервах, а сокращениям этим следовало бы возобновляться, пока не исчерпается все электричество. Каждое раздражение должно бы было произвести электрический толчок; а когда часть тела уже потеряет способность сокращаться от механических или химических возбуждений, то можно возвратить ей ее, на довольно продолжительное еще время, повторенными рассечениями ножом, потому что при каждом разрезе нож прикасался бы и возбуждал к деятельности самые мелкие нервные нити, теряющиеся в мускулах.[98]

Опыт Гальвани дает повод думать, что нервная система есть род Лейденской банки, и что различие между металлом, прикасающимся к нерву, и металлом, прикасающимся к мускулу, соответствует различию между внутренней и внешней поверхностью банки. В этом случае, посредством различных металлов соединяют обе поверхности и вызывают разряжение батареи, или мускульное сокращение, являющееся результатом его. Говорят, что при этом же самом опыте, без посредства металлов, непосредственным приложением обнаженного нерва к мускульным волокнам,[99] является особенного свойства электричество, разряжающееся на свой проводник или проходящее в свой собственный приемник; может быть и в этом случае нерв сохраняет еще свойство Лейденской банки: одна из его оконечностей, разветвляющаяся и исчезающая в мускуле, представляет

[97] Гальванический столб производит на минеральные вещества такое же действие, как и обыкновенная электрическая машина; но из этого нельзя заключить, что мускульные волокна не скопляют части электричества, если из них составить батарею или столб; но все-таки остается необъяснимым, почему они сохраняют еще способность сокращаться на некоторое время после смерти и теряют ее мало-помалу, единственно вследствие простого повторения возбуждений.

[98] Что в действительности и случается.

[99] Таким образом сделан был опыт Вакка-Берлингиери; так по крайней мере он описан был в журналах. Но кажется, что это изложение не совсем точно, или по крайней мере, в отдельных случаях, при которых опыт удавался, действие могло быть объяснено известными законами раздражаемости, или самым гальванизмом, когда возбуждение вызвано было столбом или различными металлами.

Все эти вопросы, как бы они разрешены ни были, не имеют отношения к сущности излагаемого нами учения. Поэтому, я ничего не изменяю в тексте, хотя мне не безызвестно, что мое изложение, может быть, и не покажется вполне согласным с опытами последнего времени. А вопросы, относящиеся к животному электричеству, кажутся мне, недостаточно еще разъяснены, чтобы я решился принять в этом отношении какое-либо определенное мнение. (Год VI.)

внутреннюю поверхность, другая, свободная и искусственно приводимая в соприкосновение с волокнами, играет роль внешней поверхности.[100]

Все наблюдения над живым и мертвым организмом в том и в другом опыте, подтверждают, по-видимому, без всякого затруднения излагаемое нами учение; и самые лучшие физики приписывают единогласно эти явления электричеству. Говоря о *животном электричестве*, не следует, впрочем, придавать слову этому тот же смысл, какой при опытах над неодушевленными машинами приписывается явлениям, находящимся в зависимости от скопления электрической жидкости, распространенной в природе. Все вещества, входящие под влиянием жизни в различные сочетания, испытывают весьма значительные видоизменения: предположив, как я готов допустить, что существование чувствительности невозможно без скопления электрической жидкости, или по крайней мере без того, чтобы скопление это не явилось непосредственным и необходимым результатом жизненных отправлений, тем не менее вовсе не следует думать, что жидкость эта проявляется в живых телах и в остатках их после смерти, как в снарядах среди физических кабинетов и лабораторий, или как в облаках и туманах, в которых неодинаковое распределение ее находится в зависимости от весьма неравной температуры и влажности различных слоев атмосферы. Под влиянием чувствительной природы электричество, разумеется, входит в сочетания, изменяющие его первоначальный характер, а частные, зависящие от этого нового его состояния явления вполне прекращаются только тогда, когда вся жидкость, до последней частицы своей, войдет в свой общий резервуар.[101]

Таким образом, если явления гальванизма сходятся во многих отношениях с явлениями чисто физического электричества, то различия их в других отношениях не дают нам права немедленно отвергнуть тождество вызывающей их причины. Вышеизложенные соображения могут несколько объяснить эту кажущуюся неправильность. А если мы обратим внимание на необыкновенное различие между химическими продуктами, доставляемыми веществами, одаренными жизнью, и веществами, получаемыми из минералов и даже растений, то мы не найдем ничего

---

[100] Что бы ни говорили вначале по этому поводу во Франции, опыт этот прекрасно удается, и объяснение, предлагаемое мною, может считаться правдоподобным. (Год XIII.)

[101] Более двух лет тому назад я высказал эти предположения о явлении, называемом гальванизмом. Многие ученые также старались доказать тождество его с электрической жидкостью. Последние опыты, произведенные комиссарами Института, в особенности же опыты Гумбольдта, по-видимому, сильно пошатнули эту теорию. Я ожидаю более удовлетворительных фактов, чтобы окончательно принять какое-либо мнение; до настоящей же минуты я решился ничего не изменять в том, что я писал по этому поводу. Впрочем, читателю не трудно заметить по осторожности, с которой я выражаюсь, и, смею думать, по всему характеру моих заключений от частных фактов к общим законам, что я всегда готов возвратиться назад, если опыт и наблюдение выскажутся против моего воззрения. (Год VI.)
Опыты знаменитого ученого Вольты, по-видимому, не оставляют никакого сомнения в тождестве гальванической жидкости, или возбудительной причины, которой дали это название, с электричеством. Опыты, сделанные в последнее время в Англии, дали такой же результат. Несмотря на это, я все-таки оставляю в тексте и в примечании под ним то, что написано мною в IV и в VI годах, пока физики не придут к полнейшему соглашению. (Год X.)

удивительного в том, что электричество, входящее в состав первых, не обнаруживается теми же признаками, как то, которое скопляется во вторых вследствие иных причин, и что эта, таким образом разложенная жидкость вызывает ряд в некотором роде совершенно новых явлений.

§ IV. — Я должен признаться, что я еще совершенно не в состоянии сделать прямых выводов из всех приведенных фактов; в особенности я далек от притязания установить какие-либо догматические положения, основываясь на одних только вызываемых ими предположениях, как бы, впрочем, ни казались последние правдоподобны. Примером вырабатывающегося фосфора и возможных изменений в частном состоянии нервной системы и в степени энергии ее отправлений я хотел только показать, до какой степени было бы полезно, до какой степени даже необходимо теперь исследование соединений в живом теле с менее общей точки зрения и с более частной, относительно органического устройства каждой породы и каждого неделимого. В этом-то отношении химические опыты, имеющие в виду определение составных веществ различных животных частей, могут пролить большой свет на организацию животного, доставить выводы, непосредственно приложимые к врачебному искусству, к гигиене и к физическому воспитанию человека, и приподнять, быть может, часть завесы, скрывающей тайны чувствительности. В самом деле, недостаточно еще обозначения отличительных свойств вообще оживотворенного вещества, ни разложения и разрешения на составные части различных органов или различных частных систем их:[102] желательно было бы еще, чтобы те счастливые умы, которым мы обязаны такими прекрасными открытиями, ввели бы в них физиологические[103] и врачебные условия, представляющие существенную задачу для разрешения этого вопроса в неделимом, составляющем предмет их исследования. Мне хотелось бы, если бы мне позволено было высказать мое мнение относительно этого вопроса, чтобы все, относящееся к необыкновенному вырабатыванию фосфора, к соединениям азота, к поглощению и уподоблению кислорода в живых и чувствующих телах, было бы исследовано на основании нового аналитического метода при сравнении породы с породою и части животного с другою его частью, или при сравнении неделимого с другим, того и другого пола, всех возрастов жизни и во всех состояниях, производящих между ними главные и постоянные различия. Тогда заметили бы, и это более чем вероятно, что этим различиям в первоначальной организации живого тела, или в случайном его строении соответствуют определенные, заметные видоизменения в устройстве твердых частей и соков: при совершенно одинаковых

[102] Я приведу имена только моих уважаемых сотоварищей Бертолета и Дейе, которым наука обязана столькими прекрасными открытиями и такими ценными трудами; но я не забываю, что многие другие (как например, гражданин Дюпюитрен) заслуживают быть упомянутыми, если бы я вошел в моем исследовании в большие подробности.

[103] Гумбольдт предпринял несколько опытов в этом направлении относительно гальванизма: но он имел в виду различную раздражаемость частей, а не различие, вытекающее из самого сочетания веществ, из которых состоят эти части. (Год VI.) Многие выводы Гумбольдта формально опрокинуты его последующими опытами, и приводимые в его книге постоянные факты приведены им к общим законам животного электричества. (Год X.)

материалах для их постройки оказалось бы весьма значительное различие в роде и в степени соединений их между собою; одним словом, весьма вероятно оказалось бы, что это совсем различные существа, и понятно, насколько бы выиграло от этих разъяснений изучение человека.

§ V. — Переходя ко второй точке зрения на деятельность нервного органа, (то есть, к способности его получать впечатления посредством чувствующих оконечностей), мы найдем, что чисто анатомические условия, видоизменяющие эту способность, совершенно соответствуют условиям, замечаемым в строении самого органа. В самом деле, оконечности его, то погружены в клетчатые или жирные соки, то разветвленная и почти обнаженная мякоть его открыта впечатлениям без посредника; оконечности его, то мягки и вполне свободны, то они сухи и стянуты.[104] Но наблюдение показывает нам с одной стороны, что действие внешних предметов и внутренних возбудителей необыкновенно ослабляются обилием жира и слизи, с другой стороны, наоборот, что нервные сосочки бывают тем чувствительнее, чем непосредственнее действие на них внешних предметов и возбудителей. Другой общий факт, подтверждаемый наблюдением, состоит в том, что чувствительность частей находится в прямом отношении с плотностью оболочек. Все, что стягивает и высушивает какую-либо часть тела, не делая значительно жестче ее оболочку, развивает ее чувствительность; все, что ослабляет и растягивает ее, делает ее в то же время менее восприимчивою к впечатлению.[105]

Следуя естественному ходу в изложении предмета, может быть, следовало бы теперь исследовать состояние органов движения под влиянием деятельности нервной системы, чтобы узнать таким образом, что в строении их может непосредственно видоизменить образ их действия и, следовательно, видоизменить и влияние чувства или передающих его нервов. Но так как мы встретили бы здесь снова те же общие анатомические условия; так как, помимо того, их недостаточно в большей части случаев для объяснения всех явлений, то мы перейдем к другим соображениям, которые тем более способны разъяснить наш предмет, даже относительно тех сторон его, о которых мы не могли принять никакого решительного мнения, что они вытекают из наблюдения над живым человеком, то есть, из самого предмета нашего исследования, и что в основе их лежит уже не одно изучение соков и мертвых частей, в которых анатомический нож и химический анализ находят только сомнительный отпечаток жизни.

Непостоянство отношений между частями тела касательно их величины, или различие в относительном их объеме, представляется одним из анатомических фактов, прежде всего, по-видимому, бросающимся в глаза; тем не менее, точное исследование его принадлежит новейшим анатомам. Влияние этих видоизменений

[104] Или по крайней мере теряются на поверхности твердых частей, одаренных такими свойствами.
[105] Когда ослабление доходит до изнурения всей системы, или одного из ее отдельных средоточий, то оно, правда, возвышает в них чувствительность, но косвенным или второстепенным образом; непосредственное же или первоначальное его действие всегда притупляет чувствительность.

на различные жизненные отправления подозревались прежде, чем последние были исследованы хотя с некоторою точностью. Видоизменения, относящиеся к возрасту, быть может, были первые, которые были замечены; но мы должны сознаться, что связь их с физиологическими явлениями еще не может быть объяснена удовлетворительным образом. К тому же, последние видоизменения не относятся к вопросу, который мы имеем в виду в настоящее время; мы не будем и говорить о них. Различия, замечаемые между неделимыми одного и того же возраста исследованы с надлежащим вниманием только с тех пор, как стали тщательно заниматься врачебной и патологической анатомией, отыскивающими в трупах источник и причины болезней; и действительно, изучение здорового человека и изучение больного равно необходимы для ясного понимания влияния последних различий на свойства темперамента.

Вследствие известного объема тела, также как вследствие различных жизненных отправлений, свойственных человеческой природе, органы наши должны иметь известные, определенные размеры: они должны быть одарены известной силой, они должны быть способны на известное количество деятельности. Без этого условия организм не сохранял бы своего равновесия, и отправления часто нарушались бы, искажались, а иногда и прекращались бы совершенно. На этом надлежащем отношении между объемом органов и соответствующей им энергией основано совершенство организации; оно вызывает чувство самого высокого благосостояния, поддерживает полноту жизни и ручается за ее продолжительность. То, что зависит от природы в этом счастливом состоянии всестороннего равновесия, составляет драгоценный дар ее: то, что зависит от нас самих (я говорю о всех воззрениях, имеющих в виду произвести его искусственно, особенным образом жизни), должно быть целью самых внимательных наблюдений наших, самых настойчивых опытов. Остережемся тем не менее и здесь, как и всюду, от предположения, что в природе существуют точные, неизменные, неподвижные пределы: она колеблется обыкновенно между известными границами, перешагнуть которые она не в силах, и на средней мере, которая с нашей точки зрения, кажется нам более всего свойственной ей и более обычной, в сущности, может быть, она останавливается всего реже.

Это правило, которое можно принять за общее, особенно приложимо к частному предмету нашего настоящего исследования. В каждом человеке существуют части сравнительно большего или меньшего объема: каждый из нас имеет свой сильный и свой слабый орган; известные отправления господствуют над другими. Наконец, неправильная жизнь, ее ошибки и заблуждения страстей еще более содействуют этим отклонениям природы, направляя всю почти чувствительность в известную сторону и обращая последнюю в средоточие почти всех отправлений.

Различия относительно объема, составляющие в настоящем случае собственно материальное условие, могут быть в зависимости от совершенно разных причин.

Часть может быть больше или объемистее, то вследствие того, что в ней больше энергии и деятельности, и потому она привлекает к себе более значительное количество питательных соков; то, наоборот, вследствие того, что она слабее, и оконечности ее сосудов не имеют достаточно силы для сопротивления возбуждению, производимому соками, почему соки эти собираются в ней в большем количестве, или, говоря языком древней школы, вследствие того, что в ней образуются притеки. Ибо, по законам равновесия, жидкости, заключенные в каналах, встречая со всех сторон сопротивление в их упругих стенках, обращаются к местам, которые представляют им наименьшее сопротивление; и по мере того, как ослабевает последнее в одной точке всей системы, действие его должно становиться более чувствительным в других; а это, по другим законам, свойственным живому организму, должно скоро усилить самую причину этого частного направления соков.

В обоих этих, весьма различных случаях больший объем частей оказывает, разумеется, весьма несходное влияние на свойства темперамента; но в обоих влияние это обозначается резко.

§ VI. — Не будем останавливаться на мелких подробностях: они всегда или неопределенны, или незначительны: сосредоточим наше внимание только на крупных чертах, на обстоятельствах, связь которых с явлениями очевидна, а действие может быть указано и доказано.[106]

Для примера я беру сначала легкое.

Врачи-наблюдатели и художники, воспроизводившие формы природы, с давних времен заметили значительные различия в размерах груди; они нашли, что общее строение тела всегда испытывает на себе более или менее следы этих различий и что крайние их степени обусловливают уродливость в организации и болезненное состояние отправлений. Но мы будем иметь в виду только здоровое состояние.

Наибольшее развитие груди всегда, или почти всегда сопровождается более значительным объемом легкого; весьма вероятно даже, что обыкновенно оно находится от него в зависимости. Объем легкого, кажется, определяет также большею частью объем сердца, или по крайней мере, энергия волокон сердца находится в зависимости от объема легкого, а оба вместе обусловливают общие свойства кровеносной системы.

---

[106] Прежде, чем войти в подробности относительно условий организации и внешних признаков, которые обыкновенно находятся в связи с явлениями, свойственными каждому темпераменту, я считаю необходимым напомнить то, что было уже сказано в первом Мемуаре: именно, что эти признаки и эти условия нельзя принимать за постоянные, несомненные указания. С физиономией и внешними или органическими формами одного темперамента можно иметь темперамент совершенно противоположный, и врачу нередко необходимо бывает иметь очень изощренный взгляд, чтобы не впасть в самую грубую ошибку. Но самые неправильности эти подчинены известным законам, которых я не излагаю здесь, потому что они не столько могут служить к разъяснению нашего вопроса, сколько пособить врачу в некоторых затруднительных для него обстоятельствах.

Всякому известно, что отправление, свойственное легкому, состоит во вдыхании атмосферного воздуха, то есть, в попеременном принятии и выделении части этой жидкости, среди которой мы постоянно находимся. Но дыхание не заключается, как предполагали некоторые физиологи, только в простом механическом движении, предназначенном единственно для того, чтобы вгонять соки в легочные сосуды чередующимся сдавливанием жидкости, прикасающейся к их поверхности; дыхание имеет не одно только назначение — непосредственно возбуждать сердце и через него — артерии, чтобы привести в деятельность весь гидравлический снаряд жизни. Легкое разлагает воздух; вследствие этого, оно вызывает в крови многие замечательные перемены; оно обращает питательный сок в кровь; наконец, несмотря на некоторое сомнение и неизвестность относительно происхождения животной теплоты и сходства явлений ее с явлениями обыкновенного горения, можно безбоязненно предположить, что происхождение ее главным образом зависит от дыхания, потому что в различных животных породах и в различных неделимых каждой породы количество животной теплоты соответствует развитию груди.

Таким образом, более объемистое легкое, при равенстве всех остальных условий, производит более деятельное или более совершенное кроветворение, развивает большее количество животной теплоты и возбуждает в крови более быстрое движение. Чтобы наилучшим образом убедиться в очевидности последнего явления, достаточно припомнить только что приведенное наблюдение, что сердце, как относительно объема, так и относительно силы, находится в зависимости от легкого. Сверх того, более значительная теплота вызывает, или предполагает более быстрое или более сильное кровообращение. Часто бывает также в этом случае, что все тело покрыто густыми волосами; в особенном изобилии встречаются они на груди, что, по-видимому, должно еще более содействовать развитию теплоты.[107]

Сделаем теперь предположение, что все изложенные условия имеют место при посредственной гибкости волокон и при такой же влажности клетчатой ткани; я утверждаю, что так обыкновенно и должно случаться,[108] ибо значительная энергия кровообращения держит сосуды в свободном состоянии, всюду приносит достаточное количество влажности, и самая энергия эта, в соединении с большей жизненной теплотой, не допускает в них медленного прилива, а твердым частям придает более жизни и крепости; так предположим это, столь вероятное по теории и столь часто встречающееся в действительности соединение, — в результате мы получим темперамент, отличающийся живостью и легкостью отправлений. В особенности мы убедимся в неизбежности всего, описанного нами, исследованием органического состояния нервной системы, которая в таком случае находится в

[107] Обилие волос, кажется, зависит обыкновенно от более заметного влияния органов оплодотворения; деятельность же последних в свою очередь странным образом зависит от состояния груди, и ничто так действительно не пробуждает ее, как более значительная теплота и более оживленное кровообращение.

[108] В случае, который я приведу ниже, гибкость или вернее, мягкость становится чрезвычайной.

постоянном соответствии с состоянием прочих частей; по причинам, которые будут изложены ниже, система эта бывает иногда одарена даже чрезмерной деятельностью, которая может содействовать еще большему развитию тех же самых следствий.

В самом деле, что должно бы было произойти в физиологическом случае, который мы охарактеризовали в нашем предположении? Нервные оконечности, исчезающие среди клетчатой ткани, не лишенной слизистых соков, но и не обремененной недеятельными жидкостями, и среди оболочек посредственной плотности, должны получать живые, быстрые, легкие впечатления. Вследствие легкости своей, они должны быть разнообразны; вследствие быстроты своей, они должны следовать одно за другим непрерывно; наконец, вследствие своей живости, они должны взаимно стираться одно другим. Исполняемые гибкими мускулами и послушными волокнами, проникнутыми в то же самое время значительной жизненностью, всюду одинаковой и постоянной, движения должны отличаться такой же легкостью и быстротой, какие обнаружились уже в впечатлениях. Не стесняемые ничем отправления должны породить сильное чувство благосостояния; вызываемые представления будут приятны и светлы, побуждения будут благодушны и радостны. Но склонности должны иметь незначительное постоянство; душевные движения будут отличаться некоторой ветреностью и подвижностью; уму будет недоставать глубины и силы; одним словом, мы получим сангвинический темперамент древних со всеми свойствами, какие они придавали ему в своих описаниях.

Но каким же образом случается, что большая ширина груди или значительнейший объем легкого, которые мы принимаем за главное условие сангвинического темперамента, встречается тем не менее и в самых неподвижных неделимых, в людях, обремененных тканью и жиром и всем известных под родовым названием флегматиков или лимфатиков? Чтобы отвечать на этот вопрос, нужно оставить грудь и перейти к исследованию брюшных внутренностей.

Рассмотрим сначала печень или, лучше, всю систему воротной вены, служащую общей связью для всех органов, заключенных в брюшной полости.

§ VII. — В зародыше печень имеет весьма замечательный, относительный объем, и во все продолжение детства она самым незаметным образом приближается к объему, который должна иметь в последующие годы. Впрочем, в первые времена, хотя печень выделяет и много желчи, но желчь эта слизистая, неподвижная, недеятельная, так что эта внутренность весьма несовершенным еще образом оказывает то огромное влияние, которое она приобретет впоследствии на всю совокупность отправлений животного организма, влияние, которое, впрочем, как я уже говорил, находится в зависимости от того, что будучи средоточием для всех венных сосудов, приносящих кровь к различным свободным частям брюшной полости, печень находится с ними в непосредственной и самой широкой симпатии,

и постоянно вызывает в них живое сочувствие и в известной степени участие в образе деятельности своих отправлений.

Когда преобладание объема печени переживает во взрослом перемены, вызываемые возрастом; когда внутренность эта, после того как желчь получила всю свою деятельность, продолжает отделять ее в том же соответственном изобилии, то явления жизни обнаруживают новые свойства, и приготовляется особый род темперамента.

Между животными соками, легче всего подчиняющимися исследованию, желчь без сомнения заслуживает наибольшего внимания. Образующаяся из крови, освободившейся мало-помалу во время своего течения от чисто лимфатических и слизистых частиц,[109] она обременена маслянистыми и жирными веществами; тем не менее, кровь эта приносит, если можно так выразиться, многочисленные жизненные впечатления в каждый из органов, по которым она проходит. Пред глазами химика желчь представляется особенного рода веществом, негорючим, белковым, щелочным, и проч.; пред глазами физиолога это очень деятельная жидкость с могучею возбудительною силою, действующая как энергическое растворяющее средство на питательные и на всякие другие соки, вызывающая в твердых частях более живые и могущественные движения непосредственным возвышением их естественной, внутренней силы. Значение желчи для питания чрезвычайно важно; действие ее относительно общих отправлений весьма широко; не подлежит сомнению, что желчь оказывает непосредственное влияние и на нервную систему, а через нее, и на ближайшие причины чувствительности.

Возбудительное действие желчи совпадает обыкновенно с действием семенной жидкости. Оба эти продукта столь различных органов и отправлений достигают наибольшей энергии почти в одни и те же эпохи, и чаще всего степени их напряжения находятся в прямом соответствии друг с другом.

Мы говорили в другом месте о влиянии семенного сока и о влиянии органов воспроизведения, приготовляющих его: в настоящем случае достаточно припомнить, что весь склад представлений и побуждений испытывает внезапный и необыкновенный толчок в ту минуту, как эти органы действительно вступают в деятельность, и что появление волос, укрепление связок между сочленениями и некоторые обстоятельства самого окостенения находятся, по-видимому, в прямой и особенной зависимости от той же самой причины.

Возвратимся снова к нашим предположениям. Для примера я избираю человека, печень которого производит большее количество желчи, или более деятельную желчь, чем при обыкновенном состоянии. Весьма вероятно, почти несомненно даже, что анатомическое его исследование обнаружит в нем более объемистую

[109] Или, вернее, слизистые частицы превратились в белковину.

печень, будет ли орган этот таким от рождения, или же большая энергия, большее количество деятельности даст ей размеры выше обыкновенных.

Но мы только что сказали, что энергия семенной жидкости почти постоянно соответствует энергии желчи, или что влияние печени и влияние детородных органов находятся в постоянном соотношении и в согласной деятельности.

Допустим, что так это и встретили мы в предположенном случае; допустим, кроме того, известное общее состояние плотности и крепости во всем организме, всюду, где теряются последние чувствующие оконечности, во всех мускульных волокнах.

Если мы станем исследовать, что должно произойти от соединения всех этих различных, физиологических условий, то легко увидим, что ощущения должны будут получить особенное напряжение, а движения — некоторую порывистость и стремительность.

Для дополнения этих данных, предположим еще, что грудь имеет сильное развитие, а легкое, так же, как и сердце одарены значительным объемом — тогда, к горячим ощущениям и к пылким побуждениям присоединится могущественная энергия кровообращения и высокая степень животной теплоты.

Но почти все эти обстоятельства действуют отраженно одно на другое и усиливают свое собственное действие. Деятельность органов воспроизведения увеличивает действие печени или желчи; деятельность желчи возвышает напряженность всех движений, в особенности же кровообращения; более значительное количество животной теплоты находится в связи с энергией и со скоростью кровообращения; состояние дыхания зависит от состояния кровообращения; наконец, каждое из исчисленных отправлений действует на нервную систему, которая в свою очередь оказывает на всех свое отраженное влияние.

Так как оболочки сухи и плотны, а деятельность желчной и семенной жидкости увеличивает чувствительность нервных оконечностей, то ощущения, повторяю, должны быть необыкновенно живы. Передача их от отдаленных частей к средоточию, отраженное действие нервной системы, побуждение к движениям и исполнение их всюду встретят сопротивление в плотности частей; но все эти препятствия будут энергически преодолены еще большей силой кровообращения, о которой мы упоминали: поэтому, впечатления будут столь же быстры и переменчивы, как и в сангвиническом темпераменте. Так как каждое впечатление одарено будет еще большим напряжением, то временное господство его будет еще сильнее. Отсюда вытекают представления и побуждения более безусловные, более исключительные, и в то же самое время более непостоянные.

Но препятствия, чувствующиеся во всех отправлениях, острые, жгучие свойства, возбуждаемые отправлениями желчи или ее количеством в теплоте тела, чрезвычайная чувствительность всех частей организма вызовут в человеке почти

непрекращающееся чувство беспокойства. Чувство благосостояния сангвиника совершенно ему неизвестно. Только в могущественном движении, только в чувстве, охватывающем и подчиняющем все его силы, только в действии, дающем ему полное и всестороннее сознание об этом, находит он удовольствие и цену существования: он отдыхает, так сказать, только среди чрезвычайной деятельности. Но, еще раз, причины этого возбуждения постоянно поддерживают и возобновляют одна другую непосредственной энергией нервной системы и половых органов, действие которых так могущественно, как на эту систему вообще, так и на прочие, главные органы в частности.

Итак, мы нарисовали черта за чертой желчный темперамент древних. Мы пришли к тому же самому результату, хотя избрали другую дорогу, и это согласие выводов столько же служит новым доказательством их необыкновенной наблюдательности, сколько ручается за верность, как их, так и наших исследований.

Я прибавлю одно только замечание. При этом темпераменте артериальные и венные сосуды имеют больший диаметр, и количество заключающейся в них крови, по-видимому, больше, чем, собственно, в сангвиническом. Сталь первый сделал это замечание, но не объяснил его причины. С нашей точки зрения обстоятельство это объясняется самым естественным образом, так же, как и большая теплота, свойственная желчному темпераменту: в самом деле, то и другое самым вероятным образом зависят от преобладающего влияния легкого и сердца в соединении с влиянием печени. Но Сталь не имел еще точного понятия относительно значения легкого в кроветворении; он не подозревал также связи между дыханием и образованием животной теплоты. Впрочем, немало заслуживает удивления, что древние, принимавшие печень за средоточие и главный узел всей кровеносной системы, не объясняли, однако, скорее этим предположением своего желчного темперамента, чем качествами и количеством желчи. Эти строгие наблюдатели природы основывали свои объяснения на физиологических и на врачебных явлениях, и были в высшей степени правы.

§ VIII. — Теперь, мы в состоянии разъяснить основания недеятельного темперамента, обозначаемого названием лимфатического или флегматического, темперамента, в котором, несмотря, ни на значительное развитие груди, ни на объем легкого,[110] образование животной теплоты и сила кровообращения довольно слабы.

Достаточно будет заметить, что у некоторых людей: 1) волокна по природе своей более мягки; 2) что у них же органы воспроизведения и печень одарены слабой энергией: два общих, органических условия, необходимо вытекающих из

[110] В этом темпераменте легкое часто бывает переполнено и стеснено чрезвычайным обилием жира, так что, как орган дыхания, оно имеет незначительную силу, то есть, оно принимает и, в особенности, разлагает меньшее количество воздуха.

совокупности частных условий, относящихся к веществам, из которых состоят различные части, или к состоянию оживляющей их чувствительности.

Мы могли бы также утверждать, что сама нервная система в этом случае одарена от природы более слабой деятельностью, то есть, что источники жизни в ней менее обильны. Но так как это последнее обстоятельство, несмотря на всю правдоподобность свою, не может быть подтверждено непосредственным наблюдением и опытом, то мы должны оставить его в стороне, что, впрочем, нисколько не изменяет наших выводов.

Зародыш есть, так сказать, не более как организованная слизь. В новорожденном ребенке хрящи и даже многие кости представляются еще слизистыми веществами, сгущаемыми и скрепляемыми возрастающей силой отправлений. До отроческого возраста дитя бывает подвержено слизистым перерождениям: кишки его переполнены слизью, лимфатические сосуды и железы смочены и обременены ею; наконец, клетчатая ткань его тоже рыхлее и богаче соками. В продолжении всей этой первой эпохи противоположное состояние есть в некотором роде состояние болезни; оно предполагает сверхъестественное напряжение в соках, или некоторое, преждевременное развитие чувствительности. Но расположения, свойственные детскому возрасту, изменяются с той минуты, как пробуждается деятельность детородной системы; они постепенно сглаживаются, по мере того как сгущается желчь; наконец, они исчезают тем совершеннее, чем большая степень деятельности развивается в этой жидкости.

Если, следовательно, семя и желчь вырабатываются в меньшем количестве, или если они не одарены всей, свойственной им энергией, то отрочество, юность и первые года зрелого возраста не вызовут тех перемен, о которых мы говорили. Из самых точных наблюдений мы знаем, что присутствие двух этих соков не только изощряет чувствительность, дает бóльшую силу волокнам, но кроме того, оно способствует образованию животной теплоты, или непосредственным образом, или косвенно, возбуждая все отправления, особенно же обращение различных жизненных жидкостей. Таким образом, в данном случае кровообращение будет более медленное, а теплота менее значительная. Из этого же следует, что вторичное всасывание будет слабо и что, следовательно, явится скопление слизистых соков; что уподобляющее питание будет несовершенно и что, следовательно, обилие слизистых соков будет все увеличиваться. Эти, всюду притекающие соки все более и более будут затруднять и ослаблять сосуды; они переполнят легкие и немедленно исказят в самом источнике кроветворение и образование животной теплоты.

Действие их не останавливается на этом. Скоро они притупляют чувствительность нервных оконечностей и усыпляют самую нервную систему; наконец, мясные волокна, смачиваемые этими соками и пробуждаемые только слабыми возбуждениями, постепенно теряют свойственную им крепость, и вообще вся сила мускулов падает и приходит в оцепенение.

Что у флегматиков, или у мокротных, лимфатических людей печень и детородные органы имеют меньшую деятельность, это постоянный факт, подтверждаемый наблюдением. В них вовсе не встречается сильного аппетита и быстрого пищеварения желчных людей. Последствия несовершенного пищеварения их во многом сходны с тем, что замечается в детях. Пищеварение производит в их кишках, как и у детей, обильные слизистые скопления, а извержения их отличаются менее темным цветом. Замечено также, что флегматики испытывают в слабейшей степени перемены, вызываемые в физиономии и в звуках голоса деятельностью семенной жидкости; они менее покрыты волосами и цвет последних у них менее темен; различные соки их одарены менее сильным запахом; наконец, что прямо и более всего бросается в глаза, они менее пристрастны к любовным наслаждениям.

Из всего, что было приведено, весьма нетрудно будет предсказать состояние ощущений, характер движений и направление склонностей.

Ощущения их не отличаются живостью: отсюда вытекают слабые и медленные движения, этим же обусловливается общее направление всех склонностей к успокоению. Так как жизненные отправления не встречают особенных сопротивлений, вследствие мягкости и гибкости всех частей, то флегматику вовсе незнакомо то беспокойство, которым отличается желчный; ему более всего свойственно обычное чувство покойного и сладостного благосостояния. Так как его органы испытывают только слабые раздражения и так как впечатления, получаемые нервными оконечностями, распространяются медленно, то он не имеет ни живости, ни светлой веселости, ни подвижного характера сангвиника. Отправления и всевозможные движения производятся им вяло: жизнь его запечатлена какой-то посредственностью и ограниченностью. Одним словом, флегматик чувствует, думает и действует медленно и мало.

§ IX. — Отличительные свойства желчного темперамента чрезвычайно выразительны: они составляют самое рельефное выражение жизни, какое только замечается в человеческой природе. Тем не менее, некоторые, весьма легкие изменения в существенных условиях этого темперамента вызывают совершенно новый порядок явлений. Вместо этих объемистых, свойственных ему легких и такой же печени предположим узкую и сжатую грудь в соединении с обыкновенным устройством надбрюшной системы — и все изменяет свой вид. Условия для сопротивления доведены почти до крайней своей степени, а между тем средств для их преодоления не существует. Прирожденная крепость твердых частей особенно велика, а вялое кровообращение способствует возвышению этой крепости все более и более. Нервные оконечности одарены живой чувствительностью, мускулы чрезвычайно сильны, отправления жизни совершаются с неослабевающей энергией, но они затруднительны и как бы колеблются. Деятельная и всюду проникающая теплота не допускает оцепенения в оконечностях, к тому же чрезвычайно чувствительных; она не смягчает сухих волокон, она не вызывает в

головном мозгу того движения и того сознания силы, нравственное действие которого, по-видимому, так необходимо для преодоления стольких препятствий.

Я не стану исследовать, зависит ли это затруднение при выделении желчи, этот застой крови в разветвлениях воротной вены и этот прилив ее в губчатую ткань селезенки единственно от стеснения надбрюшной области и, следовательно, от стеснения печени, этого важного помещенного в ней органа; или же частное состояние чувствительности всех брюшных внутренностей оказывает в то же самое время влияние на все эти явления. В животном теле явление, зависимое, по-видимому, от самых простых причин, нередко принадлежит на самом деле чрезвычайно сложным. Впрочем, приводимые мною причины очевидны и несомненны — этого достаточно. Затруднение кровообращения во всей системе воротной вены, усиливаемое сопротивлением грудобрюшной преграды и селезенки, удовлетворительно объясняет медленность в общем кровообращении, затруднительность всех движений, сопровождающее их чувство беспокойства и тягости, недостаток доверия к своим собственным силам, которые между тем весьма значительны, наконец, странности в самом характере ощущений, отличающие меланхолический темперамент. В действительности этот темперамент мы исследовали и изобразили черта за чертою.

Но мы должны обозначить еще одно обстоятельство, без рассмотрения которого, быть может, было бы затруднительно понять могущественную энергию и настойчивую деятельность головного мозга у меланхоликов; я говорю об особенном влиянии детородных органов.

У желчных людей все побуждения быстры, все стремления решительны. У меланхолика стеснение в отправлениях порождает побуждения, отличающиеся нерешительностью и осторожностью: чувства его обдуманны, желания приводятся в исполнение, по-видимому, одним только окольным путем. Вследствие этого, склонности и стремления его принимают скорее характер страсти, чем потребности; действительная цель нередко, по-видимому, совсем упускается им из виду: сильное возбуждение производится одним предметом, а само направляется совершенно к другому. Таким образом, например любовь, составляющая для меланхолика всегда весьма серьезное дело, может в нем принять тысячу различных, искажающих ее форм и сделаться наконец неузнаваемой для глаза, непривыкшего следить за нею во всех ее превращениях. Между тем, внимательный наблюдатель сумеет отыскать ее всюду: он найдет ее, и в строгости исключительной нравственности, и в суеверной восторженности, и в тех необыкновенных болезнях, которые некогда делали из людей того и другого пола пророков, прорицателей, пифий, вокруг которых даже до сих пор не перестают собираться невежественные люди всех классов общества; он укажет ее в представлениях и в склонностях, по-видимому, совсем посторонних первоначальному побуждению, он узнает ее даже в налагаемом им на себя произвольно суеверном или мечтательном

самовоздержании. У меланхолика влияние уже одной семенной жидкости сообщает особенную жизнь всем впечатлениям, побуждениям, движениям: оно-то и возбуждает в глубине мозгового органа те удивительные силы, которые так часто употребляются им для преследования призраков и для создания мечтательных теорий.

Не справедливо ли, что до сих пор мы только следовали шаг за шагом за учением древних греческих врачей, подтверждая его анатомическими фактами и излагая его с новой точки зрения?[111] В самом деле, чем с бóльшим вниманием станем мы вглядываться в живую природу, тем более будем мы убеждаться в верности их наблюдений, хотя впрочем относительно частного вопроса, составляющего предмет настоящего нашего исследования, мы не можем допустить ни их объяснений, ни, следовательно, и образа выражений, который вследствие этого они принуждены были употреблять.

Нам остается, однако же, рассмотреть некоторые обстоятельства, на которые древние не могли обратить внимания, но разъяснение которых тем не менее необходимо для дополнения того очерка темпераментов, который мы стараемся начертить.

§ X. — Внимательное изучение человеческого тела показывает нам, что хотя живые силы и вытекают все из одного и того же источника, тем не менее, производя отдельные отправления, они испытывают видоизменения, которые запечатлевают их собою и отличают их одну от другой. Различие это в особенности становится очевидным в таких случаях, когда силы эти являются в самых разнообразных отношениях между собою. Мы уже видели, что способность к движению не всегда находится в прямом отношении с чувствительностью. Отдельная часть тела, или даже все тело может быть одарено слабой степенью чувствительности, и в то же время могучей движимостью; или — быть мало подвижным и весьма чувствительным: отсюда вытекает известный разлад между чувствительными силами и двигательными или, вернее, между чувствительной энергией нервной системы и способом ее проявления в органах движения.

[111] Древние утверждали, что каждый из четырех темпераментов обусловливается преобладанием или крови, или желчи, или лимфы, или черной желчи (отделений селезенки?). Но 1) в желчном темпераменте сосуды бóльшего калибра и они растянуты более, чем у сангвиника; 2) весьма сомнительно, чтобы влияние желчи было главным условием, устанавливающим и отличающим желчный темперамент; 3) можно предположить, что обилие лимфы во флегматике составляет только последствие более слабой деятельности твердых частей и что, следовательно, оно составляет один из главных признаков этого темперамента, но не обусловливает собою его образование; что в отсутствии крепости в волокнах и в слабой энергии самой чувствительной системы следует отыскивать причину его, а кажущееся состояние органов и характер отправлений, или их результатов, составляет только следствие ее; 4) встречается иногда известное перерождение желчи, придающее ей весьма темный цвет и острые свойства; еще чаще встречаются рвоты и испражнения черных или черноватых веществ, состоящих из перерожденной крови, но черная желчь, такая, какую описывают древние, то есть составляющая естественный сок в организме, собственно вовсе не существует.

Не входя в рассмотрение выводов, вытекающих из этого общего явления, в особенности оставив в стороне подтверждающие его доказательства, мы представляем его же в другом виде, и ставим следующие положения.

- Встречаются люди с преобладанием мозговой и нервной системы над мускульной.
- Встречаются и такие, у которых, наоборот, органы движения преобладают над чувствительными.
- Преобладание нервной системы может встретиться совместно, и с крепкими, и с слабыми мускулами.
- С крепкими мускулами оно производит живые и устойчивые ощущения, с мускулами слабыми оно вызывает живые, но поверхностные ощущения и сообщает различным отправлениям чрезвычайную подвижность.
- При преобладании мускульной системы, последнее зависит, то от природной крепости волокон, то от необыкновенного влияния на нее нервной системы.
- Таким образом, признавая чередующееся преобладание друг над другом известных отдельных органов, мы только расширяем это явление, а сами факты ведут нас к приложению его к обеим, главнейшим системам органов.

Преобладание нервной системы, по-видимому, зависит иногда от более значительного количества мозгового вещества, но несомненно также, что часто оно независимо от этого обстоятельства. Более объемистый головной мозг, более толстый хребтовый мозг, нервные стволы большего диаметра действительно встречаются у некоторых людей с преобладанием живости ощущений над силой движений. Но это господство чувствительности часто бывает скрыто в тайнах организации мозговой системы: оно может находиться в зависимости от качества или количества обращающихся или вырабатывающихся в ней жидкостей, от неизвестных еще нам отношений чувствительного органа к другим частям организма.

Какова бы, впрочем, ни была причина или источник преобладания чувствительности, состояние это обнаруживается очевидными признаками и несомненными явлениями. Мускульная деятельность запечатлевается слабостью; отправления, требующие особенного содействия со стороны движений, чахнут. В то же самое время замечается, что количество впечатлений увеличивается, что внимательность изощряется, что все отправления, непосредственно зависящие от головного мозга, или предполагающие живую симпатию с ним какого-либо другого органа, приобретают необыкновенную энергию. Между тем, особенным образом ослабленные, прочие отправления мало-помалу изменяют ближайшие к ним. Равновесие жизни в различных частях тела нарушается; она разливается по ним неравномерно и сосредоточивается в некоторых, наиболее чувствительных местах; а когда это нарушение равновесия переходит за известные пределы, то влечет за

собою болезни, которые не только довершают повреждение ослабленных органов, но возмущают и искажают самую чувствительность.

Расположение это особенно замечается в людях, выказавших преждевременную склонность к умственным занятиям, наукам и искусствам.

Мы сказали, что преобладающее влияние головного мозга может отразиться на крепких волокнах и на слабых. В первом случае оно вызовет глубокие и настойчивые побуждения, во втором — легкие и мимолетные. Но нетрудно представить себе, какое влияние должно оказать одно это различие на природу и на характер понятий, стремлений и склонностей. В первом случае, я предвижу продолжительные порывы, непогасающий энтузиазм, страстные желания; в последнем — бесчисленные, непрерывно следующие одно за другим и уничтожающие друг друга побуждения, мимолетные представления и склонности, появляющиеся и исчезающие наподобие кругов на возмущенной поверхности воды.

Если бы мы захотели, теперь, строго разделить оба эти видоизменения общей человеческой природы, то мы еще яснее увидели бы, что они разбиваются в самом деле на два, совершенно различных темперамента. А если бы мы взглянули на них относительно их физиологической классификации, то мы заметили бы, что один специально принадлежит *мужчине*, другой особенно свойствен *женской* природе; это не означает, впрочем, чтобы женщина не могла приблизиться иногда к мужчине случайною крепостью волокон, или мужчина подойти к женской организации по своей мускульной слабости или подвижности, но то, что изменчивая чувствительность матки всегда вызывает между тем и другим полом различие, следы которого замечаются даже в таких случаях, которые представляют собою, по-видимому, самым тесным образом переплетенные между собою признаки.

Мы сказали также, что преобладание мускульной силы, в сопровождении слабости и медленности впечатлений, может находиться в зависимости, или от первоначального, прирожденного самой организации расположения, или от некоторых случайных изменений в нервной деятельности и в ее влиянии. Последний случай, кажется, вовсе не относится к нашему исследованию; он выходит из правильного порядка природы и вызывает обыкновенно действительное, болезненное состояние. Между тем, явления его могут служить для разъяснения тех, которые обрисовывают собою первый; может быть даже, что и он зависит также от первоначального расположения организма, но расположения скрытого и раскрывающегося только тогда, когда известные случайные причины вызовут его к деятельности. Стало быть, он заслуживает быть упомянутым.

С давних времен замечено было, что самые крепкие люди, мускулы которых одарены особенным объемом и особенною силою, обыкновенно менее чувствительны к впечатлениям. По мнению древних, атлеты не имеют обыкновения всматриваться близко в предметы. Первообраз их, Геркулес, несмотря на

божественное свое происхождение, славился более своим мужеством, чем смышленостью, и сатирические поэты неоднократно позволяли себе приписывать ему то, что на обыкновенном языке называется просто глупостью, и потешали на его счет народ.

Гиппократ замечает, что крайняя степень атлетической силы становится болезнью, и даже верно объясняет это замечание. Состояние тела, говорит он, ежеминутно изменяется, и когда оно доходит до последней степени благосостояния, то может измениться только к худшему. Но это не единственная причина; быть может, она даже не самая ближайшая. Люди, у которых физическая чувствительность притуплена могущественной мускульной силой, замечают впоследствии расстройства в своем здоровье, но, прежде чем они обратят на это свое внимание, болезнь обыкновенно успеет уже сделать большие успехи. Сверх того, эти могучие для выполнения движений организмы, по-видимому, одарены в некотором роде только механической силой: настоящая энергия, энергия собственно нервной системы чаще встречается в телах, с виду хрупких и слабых. Малейшего расстройства в здоровье нередко бывает достаточно, чтобы сломить силы носильщика и чернорабочего человека. Они не только подвержены воспалительным и острым лихорадкам, но и в лечении от всех болезней они требуют особенно осторожного обращения с их силами. Обильные кровопускания и чрезмерное употребление слабительных быстро ослабляют и убивают их. Балью, кажется, первый сделал это замечание относительно слабительных. Я имел много случаев поверить его в городских больницах, и заметил, что злоупотребление кровопусканиями, к которым прибегают в них с каким-то остервенением, еще более пагубно.

Я, впрочем, мимоходом указываю на эти врачебные соображения только потому, что они проливают некоторый свет на предмет нашего исследования.

Теперь, стало быть, ясно, что следует разуметь под словом *мускульный темперамент* (musculosum-torosum, как выражается Галлер), ибо он и есть тот самый, о котором мы говорили: мы только определили и описали его с большею верностью и точностью.

Не нужно большого труда, чтобы показать, что условие, отличающее этот темперамент, необходимо должно дать особенный отпечаток всем отправлениям; что между человеком, живо или глубоко чувствующим, и человеком, живущим отправлениями физической силы или ее сознанием, должны существовать коренные различия; что склонности их могут казаться принадлежащими, по-видимому, к двум отдельным порядкам существования; дальнейшая жизнь и ее обстоятельства, развивая и укрепляя несходные свойства, должны провести еще более резкую черту отличия между ними.

Что мы сказали о силе физической, то должны сказать и о силе нравственной: чем менее та и другая встречают сопротивления со стороны внешних предметов, тем менее научают они нас познавать их. Представления наши о предметах, на которые мы действуем с несомненным могуществом, всегда неполны или ложны, потому что мы не чувствуем потребности рассматривать их с различных точек зрения. Привычка делать сильные движения, все брать с боя и грубая потребность непрерывно упражнять механические способности делают нас способными нападать, но не наблюдать, разрушать и переворачивать все кверху дном, но не распространять свою власть мирно приложением законов природы, не устраивать и не оживотворять новыми их соединениями. Увлекаемые могущественной и непрерывной деятельностью, опережающей почти всегда голос рассудка, так что последний часто становится невозможным, мы повинуемся в таком случае побуждению нередко, лишенному даже проблеска инстинкта.[112] Наконец, это непрекращающееся, чрезвычайное движение, которое только одно в рассматриваемом случае может доставить нам сознание о нашем существовании, становится все более и более необходимым, подобно тому, как при чрезмерном употреблении крепких напитков, развивается привычка к доставляемым ими сильным и искусственным впечатлениям.[113]

Индивидуальная жизнь состоит в ощущении: вообще, чтобы человек жил, необходимо, чтобы он чувствовал. Чувство составляет первую его потребность. Но, в частности, тот человек, о котором идет речь, чувствует только тогда, когда находится в движении. Вне последнего, чувствительность его смутна, неопределенна, бессильна. Большей частью лишенный обильного источника представлений и побуждений, он по необходимости существует только в самом ограниченном круге понятий и грубых наклонностей.

Я не стану входить в дальнейшее разбирательство того, что должно вытекать из этих живых, многочисленных и глубоких впечатлений с одной стороны, и редких, смутных, бессильных ощущений, с другой; из этого расположения, которое, вследствие обычного чувства некоторой, относительной мускульной слабости, необходимо заставляет поразмыслить о средствах для вознаграждения того, чего недостает в двигательной силе лучше направленным употреблением той, которая имеется; из этого вытекает то, что тогда больше думают, чем действуют, и прежде чем приступают к деятельности, обыкновенно много уже думали; ни того, что вытекает из этого другого, совершенно противоположного расположения, которое, вследствие собственного сознания своей силы, беспрерывно побуждает нас к деятельности, делает ее необходимым ощущением жизни и вызывает привычку все

[112] Замечательно, что самые отъявленные пьяницы принадлежат обыкновенно к тому темпераменту, главные черты которого мы привели здесь.
[113] Правда, что побуждения эти относятся к предметам, не входящим в область инстинкта.

рассматривать, все оценивать с точки зрения силы и ее слишком часто победоносного значения.[114]

Нам следует еще сказать несколько слов о случайном нарушении равновесия, вследствие которого силы, употребленные первоначально в нервах, внезапно переходят в мускулы, и обратно, когда на некоторое время возвышается чувствительность, вследствие понижения двигательных способностей. Для полного разъяснения этих новых явлений необходимо было бы войти в частные подробности и следовало бы даже рассмотреть с общей точки зрения влияние болезней на зависящие от них нравственные склонности. Я имею в виду сделать это в одном из следующих Мемуаров. Здесь же я ограничусь указанием нескольких замечаний или, вернее, нескольких хорошо исследованных фактов.

Случайное преобладание мускульных сил может встретиться при двух, совершенно противоположных обстоятельствах: либо волокна уже вначале одарены были известной энергией, либо наоборот, мускулы находились в состоянии крайнего расслабления. Примером первого случая могут служить бешеные и некоторые эпилептики; второй представляется нам в истерических, слабого сложения женщинах, которые во время конвульсивных припадков нередко приобретают силу, с которой совладать не могут несколько здоровых мужчин. В том и в другом случае, по мере того как обнаруживается и развивается эта сверхъестественная энергия двигательных органов, в той же мере ослабевает чувствительность, и наступающая перемена в мускулах всегда зависит от предшествовавшей ей перемены в нервной системе. Вот что доказывает несомненным образом, что в обыкновенных случаях этого самого преобладания, состояние двигательных волокон находится в зависимости от образа деятельности нервов; что увеличившееся движение представляется здесь только видоизменением чувства, к напряжению которого оно, по-видимому, приблизилось, чтобы сдержать его и послужить ему противовесом. Это доказывает, наконец, что когда чувство притупляется и уступает место движению, то это происходит снова вследствие отправления чувствительной системы.

Таким образом я увеличиваю число главных или простых темпераментов. Вместо четырех я допускаю шесть:

1) темперамент, отличающийся сильным развитием груди, энергией органов воспроизведения, гибкостью твердых частей и пропорциональным

[114] Это неравенство в энергии или в готовности к различным отправлениям может встретиться в одной и той же системе органов или в одном и том же органе, также как в различных системах и в различных органах. Головной мозг, например, бывает часто способен к известным только отправлениям; мускулы вообще и даже такой-то мускул в частности производят известные движения с особенной силою, легкостью и ловкостью. Но эти различия, которые могут быть прирожденными или приобретенными, не образуют новых темпераментов: они, стало быть, не относятся к нашему предмету. Впрочем, я буду иметь случай говорить об этом в другом месте.

количеством жидкостей: он соответствует *сангвиническому* темпераменту древних;

2) темперамент, в котором к двум первым условиям, (то есть, к сильному развитию груди и к энергическому влиянию детородных органов), присоединяется более значительный объем, или более сильная деятельность печени и большая крепость всех твердых частей тела: это — темперамент *желчный*;
3) темперамент, в котором органы воспроизведения сохраняют большую энергию, но грудь узкая, а все твердые части одарены необыкновенною крепостью; печень и вся надбрюшная система находятся в стеснении: этот темперамент занимает у нас место *меланхолического*;
4) темперамент, в котором детородная система и печень не одарены особенною деятельностью, твердые части неплотны, количество жидкостей значительно, и поэтому, несмотря на большой объем легких, кровообращение совершается медленно и вяло, вырабатываемая ими теплота не обильна, перерождения соков свойственны всем органам; это — *флегматический* или мокротный темперамент;
5) темперамент, отличающийся преобладанием нервной или чувствительной системы над мускульною или двигательною;
6) наконец, темперамент, отличающийся, наоборот, преобладанием двигательной системы над чувствительною.

Эти шесть темпераментов смешиваются и переплетаются друг с другом. Количество, в котором они смешиваются, так же бывает различно, как само сочетание, и сплетение, а последние могут быть так же многочисленны, как и различные степени напряжения и оттенки, к которым способен каждый темперамент, то есть, так сказать, до бесконечности. Но легко привести к этим главным отделам все физиологические случаи, доставляемые наблюдением. Каждый из этих случаев может быть рассматриваем с двух сторон, вполне соответствующих одна другой; я хочу сказать, со стороны физической и с той, которую называют нравственной. Я прибавлю, что изучение их и верная оценка взаимных отношений между ними требуют только систематического приложения общих законов, непосредственно вытекающих из всего, что было нами сказано выше.

Обращение к примерам, в особенности же чтобы это сделано было с пользою, вовлекло бы нас в мелкие подробности. Впрочем, примеры эти представятся сами собою во множестве каждому внимательному и привыкшему к размышлению наблюдателю.

§ XI. — Возвращаясь к общему содержанию этого Мемуара, легко было бы определить, который из темпераментов есть наилучший, который можно бы было рассматривать, как общий тип человеческой природы. Очевидно, что все силы, все

органы, все отправления должны быть в нем в совершеннейшем равновесии. Но такой темперамент не составляет ли на самом деле отвлечения, чисто идеального образца? Существовал ли он когда-нибудь в действительной природе? Вероятно нет. И если бы природа создавала иногда людей по этому образцу, то тем вероятнее, что дурные условия жизни не замедлили бы исказить такую счастливую, первоначальную организацию. Наблюдение показывает нам только, что самый совершенный темперамент есть тот, который наиболее приближается к этому типу. Человек, в котором между чувствительными и двигательными силами существует полное равновесие, в котором ни один орган не преобладает заметно над прочими, ни объемом, ни деятельностью, в котором все отправления совершаются самым правильным и, если можно так выразиться, до точности пропорциональным образом, такой человек, разумеется, одарен темпераментом, обещающим одинаковое здоровье, как для тела, так и для души, наибольшее количество мудрости и счастья. Если же он научится вносить ту же пропорциональность и то же равновесие в употребление своих способностей; если он сумеет сдерживать одну склонность другою; если он не будет злоупотреблять силами ни одного органа и держать в бессилии и в недеятельности другие, то, как мы уже заметили, он не только всестороннее и совершеннее воспользуется каждым мгновением жизни, но и все вероятности, ручающиеся за продолжительность такой счастливой и желанной жизни, соединятся в его пользу.

Но привычки, сказал я, бывают нередко в состоянии *видоизменить темперамент*.[115] Можно предложить вопрос: не в состоянии ли они также уничтожить или изменить его совершенно; не зависит ли темперамент даже от одних только привычек; не одно ли только медленное и постепенное влияние их образует его? Ответом на это служат факты, и факты эти сами собою представляются пред наблюдателем.

Наблюдение показывает нам, что темперамент действительно может быть видоизменен до известной степени некоторыми обстоятельствами, то есть, условиями жизни, придавая этому слову самое широкое значение; но оно же показывает нам, что хорошо выразившийся темперамент не изменяется. С прекращением случайных, смягчающих или останавливающих его проявления обстоятельств, он снова восстанавливается; когда влияние этих обстоятельств продлится через меру, то нередко они мало-помалу теряют свою силу, и первоначальная природа обнаруживается со всеми своими признаками.

Наблюдение же показывает нам еще, что свойства организации передаются отцом и матерью детям; что они сохраняются, как неизгладимые черты, среди самых различных условий воспитания, климата, занятий, образа жизни; среди всех испытываемых ими непрерывно, соединенных влияний; пред ними оказывается бессильно само время.

[115] Я возвращусь в отдельном Мемуаре к вопросу о приобретенных темпераментах.

И если бы человеческие породы никогда не смешивались, то все говорит в пользу того, что физическая организация, свойственная каждой из них, по-видимому, вечно передавалась бы из поколения в поколение, так что люди всякой эпохи представляли бы в этом отношении точь-в-точь людей предшествовавшего времени.

Это и замечается в действительности в народах, в племенах и в поколениях, в которых семейства не смешиваются браками, в тех племенах, которые в географическом и гражданском отношении хотя и живут вместе с прочими народами, но не смешивают своей крови с чужою, едва признавая свое первоначальное родство с нею. Среди них-то и встречаются темпераменты с самыми резкими и чистыми чертами. Вероятно, вследствие той же самой причины, у древних греков, стесненных на незначительном пространстве земли, живших внутри отдельных городов и разделенных на племена, не легко сообщавшихся одно с другим, вследствие лежавших между ними естественных границ, темпераменты были несравненно выразительнее и типичнее, чем у новейших народов, в которых торговые сношения стремятся к смешению всех пород, всех форм, всех цветов.

Это общее явление и вытекающие из него последствия подтверждаются, кроме того, исследованием наследственных болезней. Болезни эти, разумеется, находятся в зависимости от условий, управляющих образованием зародыша: это не подлежит сомнению. Мало того, они прирождены, кажется, самой организации: ибо самые точные наблюдения дают повод думать, что они гораздо труднее поддаются врачебному искусству, чем наибольшее число случайных болезней. Можно приостановить припадки такой болезни, можно замаскировать самую болезнь, видоизменить ее, или дать ей новое направление, но, по-видимому, нельзя излечить ее радикально. Но эти болезни могут иметь, да они и действительно имеют значительное влияние на свойства организации. Нередко можно встретить, что темперамент поддерживается в семействах только болезненным состоянием, передающимся от родителей к детям, ибо темперамент в крайней своей степени есть настоящая болезнь и всякая болезнь приближает организм к какому-нибудь порядку физических условий, обозначаемых словом темперамент.

Заключение. — Мудро соображенными законами жизни и настойчивым выполнением их, разумеется, есть возможность оказывать значительное действие на самые свойства организации; следовательно, имеется возможность улучшить отдельную природу каждого человека; предмет этот, столь достойный внимания моралиста и друга человечества, заслуживает, чтобы к нему направлены были все исследования физиолога и врача-наблюдателя. Но если есть возможность видоизменить к лучшему каждый темперамент отдельно, то можно оказать еще более широкое и еще более глубокое влияние на всю человеческую природу, однообразным и непрерывным систематическим действием на все чередующиеся поколения. С такой точки зрения недостаточно гигиены, ограничивающейся

правилами, прилагаемыми к различным обстоятельствам, в которых может очутиться каждый человек в частности: она смеет идти гораздо далее; она должна рассматривать род человеческий, как неделимое, физическое воспитание которого поручено ей, а бесконечная продолжительность его существования дает ей средства непрерывающимся влиянием своим мало-помалу приближать его к совершенному типу, о котором первоначальное его состояние не дало ни малейшего даже намека: одним словом, необходимо, чтобы гигиена стремилась к всестороннему усовершенствованию всей человеческой природы.

Если мы так рачительно занимались средствами улучшить и сделать более красивыми животные породы и полезные и приятные растения; если мы исправляли сотни раз породы лошадей и собак; если мы переносили, прививали, ухаживали на тысячу ладов за плодами и цветами, то не заслуживает ли стыда наше полное нерадение о породе человеческой! Как будто бы дело это вовсе не касается нас, как будто нам гораздо дороже большие и сильные быки, чем крепкие и здоровые люди, пахучие персики и испещренные крапинками тюльпаны, чем умные и хорошие граждане!

В этом отношении, как и во многих других, давно уже пора принять взгляды, более достойные эпохи возрождения; пора уже осмелиться приложить к самим себе то, что нам так счастливо удавалось над многими из спутников нашего существования, осмелиться пересмотреть и исправить дело природы. Смелое предприятие, поистине заслуживающее всей нашей заботливости и, по-видимому, предпочтительно указанное нам самой природой. Ибо, разве не от нее, на самом деле, получили мы эту живую, симпатическую способность, по которой ничто человеческое не остается нам чуждо, которая переносит нас во всякий климат, в котором только может жить и чувствовать человек, которая возвращает нас в среду людей и деятельности прошедших времен, которая заставляет нас принимать участие в существовании всех грядущих поколений? Таким образом можно бы было в конце концов вызвать в огромных количествах людей род равенства в способностях, которого не существовало в первоначальной организации и которое, подобно равенству в правах, послужило бы к распространению света и к усовершенствованию человеческого разума.

Но и при таком порядке вещей не следует думать, чтобы наблюдение не открыло и тогда заметных различий, то относительно свойств и направления живых сил физических, то относительно способностей и свойств мышления и желания. Равенство существовало бы только общее, а в частных случаях оно было бы только приблизительное.

Взгляните на конский завод, на котором воспитывается с одинаковой заботливостью и по одному и тому же плану порода отборных лошадей: последние не совершенно одинаково поддаются одному и тому же воспитанию, они не одинаково способны к одному и тому же роду движений. Все они, правда, хороши и

бодры; у всех есть даже много сходных черт, свидетельствующих о родстве между ними: тем не менее, каждая лошадь имеет свою собственную физиономию, свои преобладающие свойства. Одни бросаются в глаза своей силой, другие — горячностью, легкостью и красотой; одни более непокорны, пылки, неукротимы, другие от природы более кротки, внимательны, послушны и проч., и проч. То же самое и в породе человеческой, усовершенствованной продолжительным, культурным, физическим и нравственным воспитанием: отдельные черты все-таки необходимо будут отличать людей.

Сверх того, в этом отношении, как и во множестве других, между человеком и остальными животными существует огромное различие. По количеству чувствительности и по необыкновенной ее изощренности человек подчинен влиянию бесчисленного множества предметов; поэтому, ничего не может бессмысленнее желания привести всех людей к совершенно однообразному и общему типу. Люди, какими мы воображаем их в настоящую минуту, были бы в одинаковой степени способны к общественной жизни; но они не были бы равно способны ко всем общественным отправлениям: образ их жизни не был бы вполне одинаков, а темперамент, как личное расположение понятий и стремлений, представлял бы еще множество различий для наблюдателя.

Таким образом, только подобного рода взгляды могут служить основанием для прогрессивного усовершенствования частной и общественной гигиены; ибо будет ли иметься в виду приложение законов ее к отдельному, частному случаю, или потребуется приложить их к общим и всесторонним явлениям жизни всего человеческого рода, следует начинать с исследования строения и отправлений животных частей; нужно знать физического человека, чтобы доставило пользу изучение нравственной его природы, чтобы научиться управлять склонностями разума и желания — свойствами органов и темперамента. И чем далее станем мы подвигаться по этому бесконечному пути совершенствования, тем чувствительнее будет важное значение предмета нашего исследования, так что потомки наши будут очень удивлены, когда увидят, что у народов, считавшихся просвещенными, и действительно бывших такими во многих отношениях, предмет этот не имел особенного значения, ни в их ученых теориях, ни в самых хваленых заведениях для воспитания.

Мемуар седьмой: О влиянии болезней на образование представлений и нравственных побуждений.

Введение. — § 1. — В настоящем мемуаре я имею в виду подвергнуть исследованию вопрос, одинаково важный как для врачебного искусства, так и для рациональной философии; он связан самым тесным образом с наукой о человеке и проливает необходимый свет на самые важные явления. Из всех вопросов, входящих в план предпринятого мною труда, он требует, быть может, самого тщательного исследования. К нему, в сущности, приводятся все остальные вопросы; они даже непосредственно зависят от него; в некотором роде все они составляют этот один вопрос, рассматриваемый с различных точек зрения и в главных его развитиях. Но чем важнее и обширнее эта задача, тем слабее моя надежда выполнить ее как следует. Я взялся за перо для ее разрешения, не оправившись еще от болезни, совершенно расстроившей мое здоровье: невозможно, чтобы на мои мысли не отразилось то состояние, среди которого они слагались. Впрочем, так как предмет моего исследования составляет влияние болезни на нравственные отправления, то я представлю самим собою первый пример этого влияния, и боюсь только, чтобы доказательство главного положения моего не было бы слишком очевидно.

Но обратимся к нашему предмету.

Порядок царствует в мире физическом. Существование этого мира и постоянное возвращение известных периодических явлений достаточно доказывают это.

Порядок господствует и в мире нравственном. Таинственная, непрерывно действующая сила безостановочно стремится к расширению и к совершенствованию этого порядка. Истина эта вытекает равным образом из существования общественного быта, из его постепенного улучшения и из его устойчивости, несмотря на учреждения, так часто противоречащие настоящей его цели.

Все красноречие декламаторов бессильно против этих неизменных и общих фактов.

Но, что всего замечательнее в законах, управляющих всем миром, так это то, что если они способны к изменениям, то способны к ним только до известной степени; что беспорядок не может перейти за известные пределы, начерченные, как будто, рукою самой природы; что он несет, по-видимому, в самом себе начала, возвращающие его к порядку или вызывающие охранительные явления.

Итак, порядок существует. Он может быть нарушен, но он тем не менее возвращается, или временем, или чрезмерным действием тех самых обстоятельств, которые стремились к его нарушению.

Помимо того, между этими возмущающими порядок обстоятельствами существуют такие, которые более или менее поддаются влиянию живых существ, одаренных волей; такие, которые мало-помалу могут измениться или не возвращаться более, вследствие автоматического развития свойств материи или непрерывного движения природы. В них, я хочу сказать, в этих двух порядках обстоятельств, как бы в запасе и с целью — обнаружиться в известные эпохи, заключаются действительные условия для всеобщего усовершенствования.

Мы видим, что окружающий нас физический мир, по отношению к нам, с каждым днем совершенствуется. Явление это, без сомнения, зависит в наибольшем числе случаев от присутствия человека и от необыкновенного влияния его деятельности на состояние земли, воды, даже на состояние атмосферы, из которой он извлекает самые первые и необходимые материалы для поддержания жизни. Но, по-видимому, мы имеем право думать, что явление это зависит также, в некотором смысле, и от естественной устойчивости предметов, и от постепенного ослабления естественных условий, которые в начале оказывали сопротивление более выгодным для человека изменениям.[116] Таким образом, несомненные улучшения, замечаемые нами на земном шаре, объясняются не только улучшением общественного быта и вызываемых им предприятий, но они представляются также, в некотором отношении, и делом природы, содействие которой много споспешествует человеку. Ничего нет невероятного в предположении, что замечаемый нами в больших телах природы порядок установился постепенно; что небесные тела весьма долго существовали в другой форме и при других отношениях между собою; что весь этот великий мир может, наконец, совершенствоваться в будущем под влиянием условий, о которых мы не имеем ни малейшего понятия и которые тем не менее могут изменить состояние земного шара, а стало быть, и существование возникающих из его неистощаемого плодородия существ.

Не трудно понять, что влияние человека на физическую природу слабо и ограниченно; оно касается только тех сторон ее, которые, так сказать, непосредственно соприкасаются с ним. Нравственная природа, напротив того,

[116] Во всякой гипотезе, объясняющей происхождение движения в больших массах материи, чувствуется необходимость порядка и правильных отношений, не только между ними, но и между составляющими их, даже самыми разрозненными частицами, порядка и отношений, определяемых и неизбежно вызываемых самой сущностью движения. Понятно также, что этот род гармонии должен постепенно совершенствоваться непрерывным действием уже самого движения, вызывающего эту гармонию; ибо при каждом периодическом возвращении одних и тех же обстоятельств, обусловливаемые ими явления не могут не сделаться, если мне позволено будет так выразиться, более правильными, а каждая частица материи приближаться более и более к тому именно состоянию, к которому силится привести ее сама природа движения.

почти вполне подчинена ему. Составляя результат человеческих побуждений, чувствований и представлений, она изменяется вместе с этими представлениями, чувствованиями и побуждениями. С каждым новым учреждением она принимает иную форму: введение нового обычая, ничтожнейшее открытие нередко бывают достаточны, чтобы разом изменить почти все существовавшие до того отношения. В сущности, независимы и неизменны в ней только те явления, которые находятся в зависимости от вечных и постоянных физических законов: я говорю вечных и постоянных, потому что даже та часть человека, которая чаще всего называется физической, способна к самым великим видоизменениям; она повинуется могущественному и разнообразному влиянию множества внешних деятелей. Но наблюдение и опыт могут научить нас предвидеть, вычислять и направлять это влияние, и человек становится таким образом в ее собственных руках послушным орудием, все пружины и вся деятельность которого, то есть, все его способности и все его отправления могут быть прямо направлены к наибольшему развитию этих самых способностей, к полнейшему удовлетворению его потребностей и к наибольшему увеличению его счастья.

§ II. — Между физическими явлениями, оказывающими могущественное влияние на представления и на нравственные побуждения, я указал на болезни, взятые в общем смысле этого слова. Следует оценить, до какой степени справедливо это положение и есть ли возможность каждой, резко выдавшейся особенности болезненного состояния, найти соответствующее ей изменение в нравственном расположении. В самом деле, так как путем наблюдения мы приобрели средства действовать на нашу физическую природу, изменять состояние наших органов, восстановлять и даже нередко совершенствовать в них порядок естественных отправлений, то мы имеем полное право видеть в рассчитанном и методическом приложении врачебных приемов, не одно только средство для облегчения частных страданий, для восстановления здоровья и для возвращения сил заболевших существ, но и сознавать, что есть возможность улучшением физического состояния улучшить рассудочную деятельность и побуждения человека, и даже мало-помалу совершенствовать понятия и обычаи всего человеческого рода.

Если бы мы захотели ограничиться доказательством, что болезнь действительно оказывает влияние на представления и на страсти, то, разумеется, мы могли бы сделать это без всякого затруднения: для этого достаточно бы было самых обыкновенных и всякому известных фактов. Мы знаем, например, из вседневного опыта, что острое или медленное воспаление головного мозга, некоторые органические расстройства желудка, поражения грудобрюшной преграды и всей надбрюшной области вызывают, то неистовство, то временный или жестокий бред, то бешенство или продолжительное помешательство; мы знаем также, что болезни эти излечиваются известными лекарствами, действующими непосредственно на вызывающую их физическую причину.

При различного рода бреде изменяется не только сущность или порядок мыслей: вместе с ними изменяются вкусы, побуждения, душевные движения. Иначе и быть не может. Побуждения и желания зависят от известных, предшествовавших суждений, более или менее задержанных сознанием, или от непосредственных органических впечатлений: если суждения изменились, если впечатления стали иными, могут ли оставаться теми же побуждения и желания? В других случаях, когда ощущения вообще соответствуют действительным предметам, а суждения вообще верно составлены по ощущениям, мы замечаем, что расстройство в одном органе может вызвать необыкновенные заблуждения относительно известных только предметов, известных только представлений; что вследствие этого, оно может исказить все привычки относительно некоторых частных душевных отправлений. Явления эти, обнаруживающиеся вслед за повреждением, о котором идет речь, вызываются глубокими видоизменениями в физических потребностях, от которых зависят все эти привычки. Я мог бы собрать множество примеров в подтверждение этого положения. Я ограничусь указанием на *бешенство матки*, болезнь, удивительную по простоте вызывающей ее причины, состоящей обыкновенно в медленном воспалении яичников и матки; болезнь омерзительную по своим проявлениям, ибо она превращает самую робкую девушку в развратную женщину и самую застенчивую стыдливость — в бешеное неистовство, с которым не может сравниться самое бесстыдное распутство.

С другой стороны, чтобы войти в подробности всех изменений, производимых в нравственной природе болезненным состоянием здоровья, чтобы проследить за этим состоянием до малейших его оттенков, с целью — указать каждому оттенку соответствующее ему изменение в рассудочной деятельности, в душевных движениях и побуждениях, нам пришлось бы впасть в бесплодную мелочность и принять мечтательные выводы за действительные отправления природы, методические тонкости — за систематические, гениальные обобщения. Избежать этой опасности, в самом деле, довольно трудно, если при исследовании запутанного вопроса не ограничить себя такими его сторонами, которые легче всего поддаются наблюдению и соображению.

К счастью, нам не предстоит здесь, ни доказывать того, что каждый ежеминутно видит своими собственными глазами, ни поддерживать какую-либо пустую гипотезу.

Представления и нравственные побуждения зарождаются вследствие впечатлений, получаемых внешними органами чувств и при содействии впечатлений, свойственных внутренним, самым чувствительным органам.

Доказано прямыми опытами, что эти последние впечатления могут сильно видоизменить все отправления головного мозга.

Но хотя все, как внутренние, так и внешние части равным образом способны к впечатлениям, не все они действуют в одинаковой степени на головной мозг. Те из них, которые способны производить на него раздельное, определенное действие, не всегда производят его непосредственным образом. Помимо головного мозга и хребтового, в живом теле существует множество средоточий чувствительности, в которых впечатления в некотором роде собираются подобно лучам света, и затем, или немедленно отражаются на двигательные мускулы, или передаются во всей своей совокупности в единое, общее им средоточие. Между этими средоточиями и головным мозгом существуют самые живые и самые многочисленные симпатические сношения; через посредство первых части, одаренные менее обширными отправлениями, а следовательно, и более смутными ощущениями, могут сообщаться исключительно, то между собою, то с общим средоточием. Между этими средоточиями, смотря по неделимому, более или менее многочисленными, более или менее чувствительными, мы замечаем в особенности три главных средоточия, (не считая головного мозга и хребтового), от которых прочие находятся в зависимости: 1) грудная область, заключающая в себе грудобрюшную преграду и желудок, верхнее устье которого одарено такой чувствительностью, что Вагельмонт помещал в нем свое начало жизни, или источник, управляющий всеми отправлениями живого организма; 2) грудобрюшная область, к которой принадлежит не только печень и селезенка, но и все верхние брюшные, нервные, сплетения, значительная часть тонких кишок и большое колено ободочной кишки. Оба эти средоточия нередко смешиваются писателями-систематиками под именем надбрюшного; но так как они значительно различаются одно от другого относительно физических и нравственных явлений, производимых соответственным поражением в том или в другом, то здравая врачебная теория и трезвый анализ требуют их различения; 3) последнее, второстепенное средоточие помещается в органах воспроизведения: оно охватывает, кроме того, мочевую систему и систему нижних кишок.

Не забудем также, что независимо от впечатлений, получаемых чувствующими оконечностями, внешними и внутренними, нервная система способна еще получать исключительно ей одной принадлежащие впечатления, ибо источник их лежит или действует в ней самой, то по длине и по пути ее главных стволов, то в различных, отдельных центрах ее, то в самом источнике нервов и в их главном, общем средоточии.

§ III. — Но, чтобы впечатления переданы были надлежащим образом, чтобы вытекающие из них побуждения, представления, душевные движения находились бы в точном соответствии с внешними предметами или с внутренними причинами, от которых они находятся в зависимости, безусловно необходимо содействие известных физических условий, которые могут быть определены наблюдением.

Различные отправления, совокупность которых составляет деятельность чувствительности, относятся не к одной только нервной системе: в деятельности этой принимает участие состояние и отправления прочих частей. Для нее необходима известная соразмерность между общим количеством жидкостей и общим количеством твердых частей: в тех и других необходима известная степень плотности; необходима известная энергия в мускульной системе и известное напряжение в обращающихся жидкостях; одним словом, для надлежащей работы нервов и головного мозга все части тела должны пользоваться определенной деятельностью, а отправления этой деятельности должны быть свободны, полны и непрерывны.

Кроме того, общее состояние нервной системы тоже находится в зависимости от состояния прочих частей. Система эта не только находится в непрерывном сношении с ними, но она образована с ними из тех же материалов, она, так сказать, вылита вместе с ними в одну и ту же форму, и если она не перестает разделять с ними и посылать в них возбуждения, получая от них впечатления и вызывая в них движения, то в ней отражается также их органическое состояние при содействии проходящей в глубину ее клетчатой ткани и многочисленных, орошающих ее сосудов.

При естественном состоянии три, приведенные выше, второстепенные средоточия производят значительное влияние на головной мозг. Возбуждения в области желудка, в грудной полости, в брюшных внутренностях, различные состояния органов воспроизведения отражаются на всю нервную систему. Замечено, что само состояние чувствующих оконечностей, характер и направление побуждений видоизменяются этими же причинами, следуя известным законам, не менее постоянным, как и те, от которых зависят и правильные их отправления; а характер представлений, склад и даже род страсти указывают на эти различные физические условия, столь же безошибочно, как последние предвозвещают нравственные явления, которые будут вызваны ими. Наконец, как мы уже повторяли неоднократно, рассудочная деятельность и побуждения воли вызываются не только впечатлениями, передаваемыми в общее, нервное средоточие внешними органами чувств, но и впечатлениями, получаемыми во всех внутренних частях.

Чувствительность же последних частей может претерпевать значительные видоизменения вследствие свойственных им болезней, между которыми многие кажутся болезнями исключительно самой чувствительности. Одним словом, сочетания, определения и отраженные действия мозгового средоточия зависят от совокупности всех этих данных, и если последнее вызывает в различных частях живого тела движения, то сам образ деятельности этого средоточия тем не менее подчинен различным состояниям соответствующих этим частям отправлений.

Для приведения нравственных влияний болезни к нескольким общим и главным положениям, в особенности, для указания зависимости этих влияний от

вызывающих их причин, нам необходимо войти в некоторые подробности врачебной науки; мы постараемся быть краткими и оставим в стороне побудительные причины, почему мы избрали ту, а не другую классификацию. Мы обратим особенное наше внимание непосредственно на соображения, имеющие несомненное отношение к предмету нашего исследования.

§ IV. — При общем разделении болезней различают поражения твердых частей и поражения, которые можно принимать за исключительно свойственные жидкостям. Хотя это разделение несколько смутно, в сущности, оно довольно удобно; мы можем сохранить его. Не должно, впрочем, думать, чтобы это разделение было безошибочно, свободно от натяжки, и чтобы оно могло быть особенно полезно при практическом изучении больного человека; ибо весьма редко случается, чтобы поражения этих обеих частей живого организма не переплетались бы между собою. Весьма возможно, что источник изменения в состоянии жидкостей заключается в твердых частях, по мнению большей части физиологов, исключительно связанных с жизнью; или вернее, может быть, что как твердые, так и жидкие части поражаются и видоизменяются одновременно.

Вопрос этот, впрочем, не имеет никакого отношения к занимающему нас предмету. Стало быть, как бы то ни было, но болезни твердых частей могут быть разделены, в свою очередь, на болезни, распространяющиеся по всем системам, например: нервной, мускульной, кровеносной, лимфатической, и на болезни, ограниченные отдельными органами, например: желудком, печенью, легким, маткой и проч.

Болезни жидкостей таким же образом могут быть разделены на общие поражения крови, лимфы, слизи и проч., и на отдельные поражения, или производящие значительные видоизменения в этих жидкостях, или вызывающие в них необыкновенные движения, отражающиеся на какую-либо ограниченную часть тела или на какой-либо отдельный орган.

К этому второму подразделению можно причислить еще болезни, которые, по общему мнению, поражают и твердые части, и жидкости, как цинга, золотуха, английская болезнь и проч., и наконец, все разрушающие организм болезни, будут ли они сопровождаться изнурительной лихорадкой или зависеть, по-видимому, от общего падения всех отправлений, или же будут вызваны разжижением какого-либо важного органа.

Так как поражения, свойственные нервной системе, имеют самое непосредственное и самое широкое влияние на рассудочную деятельность и на побуждения воли, то они заслуживают особенного внимания, и аналитическое их исследование, если бы оно было точно, немедленно пролило бы свет на явления, относящиеся и ко всем другим поражениям.

Нервная система, как орган чувствительности и как средоточие отраженной ее деятельности, вызывающей движения, подвержена различным болезненным состояниям, которые можно привести: 1) с одной стороны, к чрезвычайной отзывчивости ее на впечатления, а с другой — к чрезмерному ее действию на двигательные органы; 2) к неспособности принимать впечатления в достаточном количестве и с надлежащей степенью энергии, и к ослаблению деятельности, необходимой для вызова движений; 3) к общему возмущению отправлений этой системы, впрочем, без заметного увеличения их или уменьшения; 4) к извращенному распределению мозгового влияния, выражающемуся весьма неравномерно относительно времени (то есть, чрезмерною деятельностью в одну эпоху и заметною перемежаемостью или прекращением ее в другую эпоху), или неравномерно относительно различных органов, оставляя как бы одни и сосредоточивая в других чувствительность, возбуждения или силы, вызывающие движения.

Различные эти поражения нервной системы могут быть, или самобытными, или симпатическими, то есть, зависеть непосредственно от прирожденного ей строения или от главнейших органов, с которыми она находится в самых широких сообщениях. Поражения эти могут быть вызваны, например, ранами головного мозга, присутствием в нем некоторых жидкостей, влиянием известных привычек, непосредственно нарушающих его отправления, или они могут быть следствием состояния желудка, матки и других брюшных внутренностей. Замечу, что у писателей эти различные нервные поражения безразлично обозначаются родовым названием *спазмов*, названием очевидно чрезвычайно неопределенным и весьма часто злоупотребляемым даже самими врачами. Впрочем, слово это принято, по-видимому, солидистами[117] для обозначения всех неопределенных явлений, сопровождающихся важными беспорядками в отправлениях и даже чувством острой боли, без всякого изменения в органическом строении частей кроме этого, часто мимолетного состояния одушевляющих эти части нервов.

Смотря по степени энергии или деятельности, которою бывают тогда одарены внутренности и двигательные органы, поражения эти вызывают самые разнообразные последствия. Те из них, которые вызываются исключительно расстройством известных органов или известных отправлений, запечатлены особенным характером и обнаруживаются вполне самобытными явлениями.

Можно принять за общее правило, что при всех, так называемых *нервных* поражениях встречается более или менее значительный беспорядок, как в получении впечатлений, так и в образовании из них побуждений, будут ли последние бессознательны или сознательны. Ощущения, с одной стороны, ежеминутно изменяются тогда по живости своей, по энергии, даже по количеству,

[117] Солидисты — защитники твердых частей животного организма, приписывающие им первостепенное значение в явлениях жизни. Пер.

а с другой — сила, быстрота и легкость их отраженного действия бывают тоже весьма неравны. Отсюда вытекает постоянная перемежаемость сильных возбуждений и падения их, одушевления и изнеможения, и такая же необыкновенная подвижность в направлении мыслей и страстей. При таком состоянии душа человека расположена переходить из одной крайности в другую: является чрезмерный напор мыслей, чрезвычайная деятельность, или, напротив того, в некотором роде совершенная неспособность к мышлению. Роберт Вайт сделал весьма основательное замечание, что люди расположенные к гипохондрии бывают попеременно, то трусливы, то мужественны, и так как впечатления у них обыкновенно более или менее несходны с действительностью, то составляемые ими образы чрезвычайно редко бывают согласны с предметами действительного мира, а побуждения их и желания — в соответствии с этими предметами.

Если, теперь, к этим общим различиям, представляемым в таком случае отправлениями нервной системы, присоединится слабость мускульных органов или какой-либо важной внутренней части, например, желудка, то в сходных по сущности явлениях обнаружатся заметные особенности. В минуты изнеможения бессилие мускулов произведет более полное и более безотрадное чувство слабости и падения сил; жизнь будет казаться ежеминутно готовой оставить тело. А это состояние породит в свою очередь грустные, мелочные, эгоистические чувства, ничтожные, узкие мысли, обращающиеся на предметы, не заслуживающие внимания. В минуты одушевления, наступающие тем резче, чем значительнее бессилие, мускульные отправления будут отвечать на возбуждение головного мозга порывисто, без энергии и настойчивости. Возбуждение это только усилит в человеке сознание его действительной немощи и пробудит в нем только чувство нетерпения, неудовольствия и душевного беспокойства. Довольно живые даже стремления, сдерживаемые по большей части обычным сознанием собственного бессилия, еще усиливают тогда безотрадные ощущения. Так как специальный орган мысли не может работать без содействия многих других, так как в это время он разделяет до некоторой степени состояние расслабления органов движения, то мысли являются напором; они зарождаются, но не развиваются; для этого недостает необходимой внимательности; наконец, деятельность воображения, которая, по-видимому, должна бы была вознаградить за потерянные способности, становится новым источником уныния и отчаяния.

§ V. — Состояние желудка, вследствие огромного влияния его на все части нервной системы, особенно на головной мозг, может отразиться на все органы. Например, расслабление его, в соединении с необычайной чувствительностью верхнего его устья и грудобрюшной преграды, быстро передается мускульным волокнам вообще всего тела. Передача эта, может быть, находится в зависимости от некоторых отдельных мускулов через прямое сообщение их нервов с нервами желудка, без содействия общего мозгового средоточия. Как бы то ни было, живая чувствительность, подвижность и обессиление грудного средоточия постоянно

сопровождаются более или менее значительными расслаблениями двигательных органов, и представления, душевные побуждения должны быть, следовательно, запечатлены характером, вытекающим из такого сочетания условий.

Но так как непосредственное действие на головной мозг желудка гораздо шире, чем действие на него всей мускульной системы, то очевидно, что и последствия необходимо будут выразительнее и заметнее в том случае, о котором идет речь: сосредоточивать внимание будет утомительно; приведение в порядок представлений будет затруднительно, в них часто будет недоставать полноты; желания будут нерешительны, не сильны, чувствования — мрачны и печальны; чтобы мысли получили хоть сколько-нибудь силы и легкости, чтобы чувство было хоть сколько-нибудь сносно и живо, человеку необходимо будет умнее пользоваться теми перемежающимися, мимолетными возбуждениями, которые вызываются неравномерной деятельностью его способностей; ибо извращенное распределение сил, являющееся при всяком нервном поражении, особенно замечательно в том случае, когда оно вызывается первоначальным поражением желудка или грудобрюшной преграды. Нам известно из наблюдения, что лица, у которых значительно извращены чувствительность и силы этих органов, постоянно и беспрерывно переходят из одного расположения духа в другое. Ничто не может идти в сравнение с встречающейся в таком случае поспешностью и многочисленностью их представлений и нравственных побуждений; но ничто не может быть и мимолетнее их; они вызывают волнение и беспокойство, но не оставляют за собою почти никаких следов. Наступает время облегчения: такие лица впадают тогда в изнурение, и жизнь их протекает в непрерывно чередующемся ряде маленьких радостей и маленьких печалей, запечатлевающих их существование каким-то ребячеством, тем более удивительным, что оно встречается в людях, отличающихся тем не менее весьма развитым умом.

Замечание это относится одинаковым образом к тому и другому полу, но оно особенно справедливо в приложении к более слабой и более подвижной женщине.

Что касается до общих нервных поражений, вызываемых поражениями половых органов, то они несколько различны в том и другом поле. Если они, по-видимому, увеличивают иногда еще более подвижность женщины и доводят ее вкусы и мысли до крайней степени странности и непоследовательности, то нередко поражения эти вызывают явления, сходные с подобными же явлениями, вызываемыми теми же причинами в мужчине; они придают побуждениям женщины вовсе не свойственную ей силу и постоянство: они могут даже вызвать в ней такую вспыльчивость и жестокость, которые вовсе несовместны с ее нежными, мягкими чувствами. Вообще, когда женщина по выражению жизни своей подходит к мужчине, то это странное явление объясняется состоянием ее матки и яичников; бездеятельность, как и излишняя деятельность этих органов равно способны вызвать его, и в таком

случае замечается, то необыкновенное равнодушие, то неудержимое стремление к любовным наслаждениям.

Мы представили в другом месте общую картину замечательных и внезапных изменений, производимых во всей нравственной природе наступлением отрочества. Живые, нервные поражения органов воспроизведения нередко могут вызвать еще более сильные и разительные явления. Душевная энергия и малодушие, возвышенность ума, обилие мыслей и блистательные их достоинства, так же как почти безусловное отсутствие и немощь рассудочных способностей зависят часто единственно и непосредственно от состояния чрезмерной деятельности, слабости и беспорядочных отправлений половых органов. Я оставляю в стороне известные медленные воспаления, которые так свойственны им и которые способны совершенно исказить отправления всей нервной системы. Я ограничиваюсь указанием только на те необыкновенные, судорожные припадки, которые преимущественно встречаются у женщин, но от которых не освобождены и мужчины, припадки, источник которых находится очевидно в семенной системе и которые сопровождаются странными явлениями, подавшими повод в невежественные времена видеть в них дело какого-то сверхъестественного существа. Столбняк, исступление и все припадки восторженности, характеризующиеся представлениями и красноречием, превосходящими образованность и привычки больного, чаще всего зависят от судорожного состояния органов воспроизведения.

Болезни эти, принадлежащие в некотором роде скорее душевному состоянию, чем состоянию органических частей, после помешательства и, собственно, так называемого бреда, без сомнения, доказывают самым очевидным образом непосредственную связь между физической и нравственной природой. Очевидность эта до того даже разительна, что после того, как отстранены были воображаемые причины, придуманные суеверным невежеством, явилась необходимость поискать других, более действительных — в физических условиях, соответствующих каждому отдельному явлению. Мы должны, впрочем, сознаться, что и в этом случае, как во многих других, вследствие того, что теория опережала наблюдения, знакомство с действительными законами природы не очень-то подвинулось вперед. Таинственные нити, связывающие расстройство органических частей с расстройством чувствительности, не всегда находились удачно; но тем очевиднее становилась зависимость между двумя порядками явлений, и нередко находили возможным определить с достаточною точностью соответствие между явлениями того и другого порядка.

Любопытно было бы исследовать подробно выводы из наблюдений, несомненно и неопровержимо доказывающих это правильное соответствие. Тогда можно было бы указать, что образ чувствования или получения впечатлений, образ их сочетания, характер вытекающих из него представлений, побуждения, страсти, желания

изменяются в то же самое время и в том же порядке, как и органические отправления, подобно тому, как движение часовой стрелки немедленно извращается, как только будет введено какое-либо изменение в состоянии или в ходе колес. Тогда увидели бы, что самые важные беспорядки в этих удивительных способностях, которым человек обязан местом своим во главе всех живых пород и которые обеспечивают за ним такое широкое господство над природою, зависят нередко от самых ничтожных с виду физических условий, и что божественный свет его недостойно помрачается желчью, мокротами или местными раздражениями, источник которых ограничен, по-видимому, весьма тесным пространством.

Но чем убедительнее с этой стороны факты, тем менее приходится нам останавливаться на них. Я замечу только, что как восторженные, так и сходные с ними состояния обусловливаются постоянно сосредоточением чувствительности в одном из главных органов, особенно, как уже упомянуто нами, в брюшной полости. Но первое действие этого сосредоточения, усиливающееся энергией и влиянием самого средоточия, состоит в соответственном уменьшении энергии и влияния прочих органов, и следовательно, в возмущении, как их отправлений, так и взаимных их отношений. Сосредоточение это может даже прервать совершенно отправления в прочих органах и их чувствительность; нередко случается, что оно оканчивается приведением всей жизни к внутренней нервной системе, которая ощущает тогда только внутренние свои впечатления и только ими наполняет свою деятельность.

Что касается до поражений нервной системы, причина которых находится в брюшных внутренностях, то я отсылаю к двум предыдущим Мемуарам, о возрастах и темпераментах. Здесь достаточно будет привести только главные последствия этих поражений.

1) Они придают представлениям, побуждениям и желаниям более настойчивый и упрямый характер.
2) Они зарождают или развивают все робкие и мрачные страсти.
3) Вследствие тех и других условий, они располагают человека к внимательности и к размышлению; они придают органам чувств и рассудочной деятельности привычку исчерпывать в некотором роде те предметы, к которым они обращаются.
4) Они располагают воображение к заблуждениям всякого рода, но могут и обогатить ум многими драгоценными качествами; они часто придают талантам много возвышенности, энергии и блеску. В этом отношении, вообще можно принять за правило, что живое и блестящее воображение предполагает, или уже существующее нервное сосредоточение, или по крайней мере расположение к весьма близкому его образованию; так что само оно может, по-видимому, считаться за род болезненного состояния.

5) Я прибавлю, наконец, что поражения эти, доведенные до крайней своей степени, или превращаются в помешательство и бешенство, (состояние, непосредственно вытекающее из чрезмерного нервного сосредоточения и вызываемого им беспорядка в впечатлениях), или обессиливают и притупляют нервную систему напряженными, неотступными и докучливыми впечатлениями, вызывающими, и разложение сил, и слабоумие.

Из того, что сказано нами, легко видеть, что нервные состояния, характеризующиеся чрезмерной чувствительностью, сходны с состояниями, которые, как мы сказали, зависят от возмущения или беспорядочности отправлений нервной системы. В самом деле, чрезвычайная, повсеместная чувствительность обыкновенно не замедлит сосредоточить свое действие в одном из своих главных центров; во многих случаях сосредоточение это направляется в самый головной мозг, который считается органом мысли; или же, и это случается всего чаще, за периодами крайнего, общего возбуждения следуют периоды апатии и бессилия; второе обстоятельство, то само по себе, то в соединении с первым, почти всегда сопровождает беспорядочные нервные отправления.

§ VI. — Мы можем не останавливать нашего внимания и на местных повреждениях чувствительности, встречающихся иногда в самых органах чувств; во-первых, потому, что если повреждения эти не находятся в зависимости от состояния общей чувствительности, то они вытекают обыкновенно скорее из какого-либо природного недостатка в устройстве, нежели от случайной болезни, подчиненной влиянию условий, которые могут быть изменены или отстранены врачебным искусством; во-вторых, потому что последствия их смешиваются с заблуждениями чувствительности, находящимися в зависимости от состояния общего, нервного средоточия или одного из подразделений его, самого важного или одаренного самой нежной чувствительностью. Слух, например, бывает иногда фальшивым,[118] или потому, что оба уха слышат несогласно, как подтверждает при всех подобных случаях Вандермонд; или потому, что в частях, из которых состоит то и другое ухо, существуют общие причины разногласия относительно действия на них звуковых колебаний. Но и болезнь может вызвать подобное же явление, хотя бы она и не поражала ухо непосредственно. Часто для этого бывает достаточно присутствия испорченных веществ в желудке, пароксизм перемежающейся лихорадки, спазмы в животе или истерический припадок.[119] То же самое бывает и со зрением. Прирожденное строение глаза может иметь различные недостатки. Орган этот часто бывает поражен близорукостью; он может быть и дальнозорким; оба глаза

[118] Чаще всего и голос тогда бывает фальшивым при пении, хотя и верным относительно разговора, между тем как изменения его и ударения требуют особенного рода точности, которую уловить весьма трудно.

[119] При различных этих обстоятельствах самые лучшие певцы могут петь неверно. В других случаях случалось встречать обратное явление, то есть, люди, которые обыкновенно пели фальшиво при здоровом состоянии, вдруг начинали петь верно во время лихорадочного пароксизма или припадка исступленного бреда.

могут быть одарены неодинаковой силой как относительно мускулов, приводящих их в движение, и нервов их, так, следовательно, и относительно самого источника свойственных им ощущений; наконец, они действуют иногда, как настоящие многогранные стекла. В последнем случае, вместо одного предмета человек видит два, три, четыре или даже бесчисленное множество. Мне случилось два раза встретить такое природное устройство глаза. Для избежания заблуждений, искажающих самую мысль, и для облегчения тягостных усилий при исправлении этих заблуждений человек должен прибегать к обыкновенным стеклам, то выпуклым, то вогнутым, смотря по известным органическим особенностям, которые я не был в состоянии определить с точностью и последствия которых можно исправить только тщательным ощупыванием и опытами. В весьма сильных, острых лихорадках, при безумном бреде, в крайней старости, при приближении смерти, предметы тоже иногда двоятся, троятся и т. д. Наконец, не говоря об осязании и о вкусе, тоже способных к странным искажениям, известные лица вовсе почти неспособны ощущать запах. Врачебная практика доставила мне пять или шесть фактов подобного рода у лиц во всех отношениях здоровых; в случаях же болезни мне приходилось встречать подобным же образом, то совершенное или временное прекращение обоняния, то жалобы больного на то, что его преследует какой-нибудь особенный запах, например, ладана, мускуса, сернистого водорода, эфира и проч., которые казались ему решительно новыми и которые он не был в состоянии отнести ни к одному известному ему предмету.

Но не подлежит сомнению, что отсутствие известного порядка ощущений обусловливает отсутствие представлений, соответствующих предметам, вызывающим эти ощущения; и что фальшивые, неправильные или беспредметные ощущения, смотря по большему или меньшему умению человека исправлять последствия их в головном мозгу, должны порождать более или менее важные и опасные заблуждения в понятиях и желаниях.

Между непосредственными нервными поражениями нам остается теперь рассмотреть только те, которые отличаются значительным ослаблением чувствительной способности. Организм может тогда находиться в различных состояниях, которые должны быть точно обозначены.

Иногда это уменьшение чувствительности бывает только местным и ограничивается каким-нибудь слабым от рождения органом, или потерявшим свою силу вследствие последующих изменений, произведенных болезнями или неправильными условиями жизни. В таком случае встречается чаще всего возвышение деятельности в другом или в нескольких других органах, наиболее чувствительных, и следовательно случай этот сводится обыкновенно к одному из тех, которые уже обозначены нами. Иногда же, при совершенном падении общей чувствительности всего организма, встречается значительное возвышение мускульных сил; нередко случается даже, что возвышение это является вследствие

нервного поражения; внешние движения, помимо своей неправильности и судорожности, бывают тогда одарены постоянной энергией, вовсе не соответствующей с энергией прочих отправлений.

В Мемуаре о темпераментах мы пытались обозначить отчасти нравственные явления, обусловливаемые таким состоянием живого организма: по крайней мере, мы указали на самые важные последствия его. В настоящем случае я ограничусь только одним соображением: что судорожное состояние, поглощая в бесплодных и беспорядочных усилиях остаток нервной деятельности, еще более искажает источник ее, и приводя в окончательный беспорядок все отправления организма, вносит в него все более и более коренные изменения.

Уменьшение чувствительности может быть, наконец, в самом деле повсеместным, а последствия его — отражаться на мускульной деятельности, которая в результате всегда находится в зависимости от нервного влияния. В таком случае чувствующие оконечности получают немного впечатлений и впечатления эти смутны и неопределенны. Головной мозг обрабатывает их вяло и несовершенно. Представлений получается мало и представления эти, если они не относятся к непосредственным предметам ежедневных потребностей, постоянно ускользают, по-видимому, от мысли и будто подернуты туманом. Желания трудно зарождаются: они лишены силы, настойчивости, иногда даже сознания цели своей. Таким образом, обычное чувство всеобщего бессилия, по-видимому, должно бы было вызывать в больном робкие и грустные душевные движения; но в таком случае недостает силы чувствовать живо что бы то ни было, и душа бывает погружена в такое же оцепенение, как и тело. Паралитические болезни, на которые следует смотреть как на крайнюю степень состояния, о котором идет речь, вызывают сильный припадок гнева или ужаса только в том случае, когда они ограничены какой-либо местностью, когда еще существует какая-либо часть тела, в которой возможны хотя мимолетные, живые ощущения.

§ VII. — Но не одни только непосредственные поражения нервной системы в состоянии изменить разом, как характер впечатлений, получаемых чувствующими оконечностями, так и характер отправлений головного мозга. Общие повреждения артериальной и венной системы, мускульной, лимфатической вызывают подобные же явления, столько же очевидные и столько же заслуживающие внимания. Я снова отсылаю к Мемуарам о возрастах и темпераментах, относительно влияния на нравственную природу различных состояний, в которых могут находиться мускулы. Главнейшие результаты их приведены с достаточной полнотой. Нам остается рассмотреть кровеносную систему, то есть, совокупность артериальных и венных сосудов, и лимфатический снаряд, охватывающий собою систему желез.

Лихорадочное расположение зависит, разумеется, не исключительно от одного только состояния крови и ее сосудов, как это долго принималось врачами. Расположение это отзывается во всех частях живого организма; оно составляет

постоянный признак всякого почти значительного поражения; и если проследить его до самого отдаленного источника его происхождения, то легко увидеть, что лихорадочное состояние есть всегдашний результат более или менее правильного, отраженного действия всей нервной системы. Но явления его обыкновенно обозначаются особенным образом в артериальных сосудах, деятельность которых, обнаруживая его, видоизменяет непосредственно и при его содействии состояние организма и его отправления. Этим признаком обыкновенно измеряют даже напряжение лихорадочного припадка, хотя этот признак во многих случаях бывает сомнителен. Этого будет достаточно для нашего оправдания в принятии установленных разделений, приложение которых к предмету нашего исследования, к тому же, не представляет никакого неудобства.

Если существуют поражения, несомненно и непосредственно принадлежащие кровеносным сосудам, то это воспаления и диатезы или расположения к воспалениям; ибо, если явления их и зависят, подобно всем явлениям, обнаруживающимся в различных наших органах, от возбуждения со стороны нервной системы, тем не менее местопребывание воспаления находится действительно в артериях, спазмы которых устанавливают или характеризуют его; и хотя воспаление почти всегда вызывает, вследствие продолжительности своей, значительные приливы крови и опухоли в различных частях клетчатого органа, явления эти всегда обусловливаются возвышенной деятельностью артериальных оконечностей, встречаемым ими сопротивлением и излиятиями, которые образуются вследствие этого в их соседстве. Таким образом, мы относим лихорадочные припадки и расположения к воспалению вообще к состоянию кровеносного снаряда, и мы могли бы отнести их в частности к состоянию артериальной системы.

Если рассматривать лихорадочное состояние, как состоящее из ряда однообразных возбуждений, то мы составим о нем совершенно ложное понятие. То, что называлось древними *воздержной* лихорадкой, то есть, лихорадкой, в которой полагалось, что озноб, жар, ускоренное обращение жидкостей шли равномерно и поддерживали друг друга на одной и той же степени, того в действительной природе не существует: это — только отвлечение, обязанное своим существованием утонченному анализу греков и арабов; и когда врачи их создавали из него род образца или общего типа, под который они силились привести свои практические наблюдения, в сущности все отклонявшиеся от него, то они только подчиняли несомненные факты предположениям, и брали за мерило для оценки ежедневно доставляемых наблюдений такие факты, которые в действительности никогда не встречаются.

Во все продолжение лихорадки не только существуют различные периоды, совершенно несходные и вполне выразительные, периоды образования, развития, крайнего напряжения и склонения болезни к упадку, но в цепи явлений,

составляющих весь пароксизм, существуют многие звенья или частные пароксизмы, которые тоже разделяются на различные промежутки, самое тесное сближение которых дает наилучшее понятие об особенной сущности *лихорадочного поражения*. Каждый пароксизм сопровождается тем более резкими и жестокими признаками, чем сам он стремительнее или жесточе.[120] Прежде всего чувствуется тягостное состояние и легкий озноб в конечностях. Озноб распространяется промежутками вдоль спинного хребта: холод в конечностях увеличивается, лицо бледнеет. Пульс все более и более сосредоточивается, иногда же он значительно ослабевает. Вскоре озноб удваивается, все движения, произвольные и бессознательные, прерываются, нервная система впадает как бы в оцепенение, тоскливое состояние в грудобрюшной преграде, более или менее сильное, делает ощущение жизни тягостным и утомительным. В этом состоит первый период лихорадочного пароксизма или лихорадочный озноб.

Но, по неизменным законам живого организма, чем значительнее это обращение внутрь, это сосредоточение всех сил в главных нервных центрах, тем живее и внезапнее будет обратное их действие, по крайней мере, если источник жизни не будет искажен слишком жестоким потрясением. Артерии начинают биться с большей энергией; горячий жар, сосредоточенный во внутренних частях, выходит наружу, несмотря ни на какие препятствия; он развивается мало-помалу и достигает поверхности, разбивая постепенно все спазмы и задержки, встречаемые им на своем пути. Кожа становится жгучей, лицо — красным и воспаленным, глаза — блестящими, дыхание — более широким и возвышенным. Тоскливое беспокойство в грудобрюшной преграде иногда удваивается во время этой борьбы. В этом состоит второй период лихорадочного пароксизма или лихорадочный жар.

Наконец, кожа мало-помалу становится мягкой; является обильный пот; прекратившиеся на все это время выделения или ограничивавшиеся небольшим количеством водянистых жидкостей, обнаруживаются в большем изобилии и получают критический характер. Тогда постепенно восстанавливается грудобрюшное средоточие, лихорадка начинает ослабевать, общий беспорядок исчезает, и организм мало-помалу возвращается к тому состоянию, в котором он находился до пароксизма.

Различные периоды эти обозначаются более или менее резко, и каждый из них продолжается более или менее долго, смотря по характеру лихорадки или по природе первоначальной болезни, вызвавшей ее.

Следя внимательно за нравственным расположением больного во все время лихорадочного пароксизма, не трудно будет убедиться, что оно находится в

[120] В злокачественной, перемежающейся лихорадке не замечается этого правильного рода припадков: организм находится тогда в угнетении, и отраженные движения бессильны. Об этих лихорадках см. в превосходном трактате Алибера, молодого врача, которому наука обязана уже многими замечательными работами.

совершенном соответствии с состоянием органов, то есть, со всеми физическими явлениями. Во время озноба впечатления слабы и смутны, ощущение тягостного состояния, причиняемого во всей грудобрюшной области скоплением крови в толстых сосудах и в сердце, порождает грустное и беспокойное чувство. Головной мозг впадает в оцепенение; он с трудом обрабатывает даже самые обычные и самые непосредственные впечатления;[121] душа находится, по-видимому, в бесчувственном состоянии. Но, по мере того как начинается период жара, нервные оконечности выходят из своего оцепенения; ощущения зарождаются и увеличиваются в числе: они могут даже стать утомительными и спутанными вследствие своей многочисленности и живости. В то же самое время все нервные средоточия, особенно же мозговое, вступают в чрезмерную деятельность. Отсюда — род опьянения, беспорядок в мыслях, бред, принимающие различные оттенки, смотря по испорченным сокам, скопившимся в первых путях или обращающихся в сосудах. Большая деятельность кровообращения и энергическое возвращение крови к поверхности тела уменьшают беспокойство, тягостное чувство, грустное состояние; но душа испытывает то расположение к раздражению, к вспыльчивости, к гневу, то смятение, ту неопределенность желаний, которые всегда составляют следствие, или чрезмерного количества ощущений, или их необыкновенной живости.

§ VIII. — Кроме этого, существует в организме расположение, которое можно назвать общим и которое составляет отличительное свойство всякой болезни. Расположение это относится к отправлениям исключительно пораженного органа, к сокам, образование которых причиняет лихорадку, к роду деятельности, определяемому усилием кризиса и господствующему во все продолжение болезненного поражения. Как ни мало знакомы мы с законами живого организма, мы знаем, что в острой лихорадке усиление ее, имея почти всегда второстепенное только значение, должно принять характер вызвавшей ее болезни, но само оно не определяет ее; что в нервной лихорадке с расслаблением мозговых сил усиление это должно попеременно, то вызывать более выразительные явления, то мгновенно прерывать их; что в злокачественной судорожной лихорадке, если усиление припадков не ведет непосредственно к прекращению спазмов и к восстановлению согласия между глубоко возмущенными отправлениями, то оно увеличивает только опасность и делает ее очевидной; наконец, что обычное состояние рассудочных и душевных способностей находится в соответствии с видоизменениями общего нервного средоточия, произведенными определенными причинами лихорадки и состоянием некоторых органов, на которые она оказывает более непосредственное действие. Люди, которым случалось следить за острыми болезнями хорошо знают, сколько различных особенностей представляет подобное состояние, до какой степени очевидно, что эти особенности постоянно зависят от изменений в физических условиях, потому что как те, так и другие зарождаются и развиваются одновременно, убывают, прерываются и уничтожаются одними и теми же

[121] Я лично убедился, что в этом состоянии круг интересов и понятий чрезвычайно суживается: мои рассудочные и нравственные способности почти подходили к животному инстинкту.

средствами. Впрочем, явления, о которых идет речь, обыкновенно мимолетны; они оставляют настолько глубокие следы, насколько болезнь изменяет органы, и тогда они бывают сходны с явлениями тех хронических болезней, которые следуют за ними.

Но в пароксизмах перемежающейся лихорадки влияние лихорадочного состояния гораздо заметнее и выразительнее: нередко оно вызывает глубокие нравственные поражения, которые, вследствие продолжительности некоторых такого рода лихорадок, обращаются в привычки.

Древние старались все привести в систему в своих физиологических и врачебных теориях. Сначала учение об элементах, потом учение о темпераментах, которое связывалось с первым без особенных усилий, служили им основанием для объяснения явлений, как здорового состояния, так и болезни: учения эти нередко направляли главным образом и практическую теорию лечения. В своих классификациях они делили перемежающуюся лихорадку на столько же главных подразделений и сочетаний их между собою, сколько считали элементов или даже самих темпераментов; и каждое из этих подразделений соответствовало у них одному из элементов или темпераментов, или связывалось с жидкостью, будто бы сходственною с первым и обусловливавшею собою характер второго. Таким образом, ограничивая себя только общими выводами, древние утверждали, что ежедневная лихорадка причиняется критическим обращением крови; лихорадка через день вызывается желчью, лихорадка через два дня в третий — более медленными кризисами черной желчи. Что касается до флегмы, то, смотря по различной степени ее бездеятельности и холодности, она может принять участие в той или другой из этих лихорадок и даже образовать особенные, отличающиеся несравненно более длинными промежутками между пароксизмами. Древние, кроме того, полагали, что, следя за малейшими подробностями в приложении этого учения, можно было бы объяснить себе все явления, особенно же такие, которые без этого, по-видимому, необъяснимы.

Нет никакого сомнения, что надежды их были преувеличены; что и в этом случае, как во множестве других, они перешагнули далеко за пределы того, что доставляет наблюдение. Но, ошибаясь в своих общих гипотезах, они нередко были правы в приложении их к частным фактам: гипотезы их были ложны, но факты замечались ими с великим искусством.

Перемежающиеся лихорадки зависят вообще от известных поражений брюшных внутренностей, в особенности же тех, совокупность которых носит название *надбрюшия*. Желудок и, по симпатии с ним, весь кишечный канал, еще чаще печень, селезенка, а следовательно, и весь желчный снаряд, вся система воротной вены представляют настоящий и первоначальный источник, в котором зарождаются причины лихорадки.

Ежедневная лихорадка чаще всего зависит, по-видимому, от поражения желудка: она склонна более всех перемежающихся лихорадок соединяться с воспалениями и, согласно с наблюдением отцов врачебного искусства, она запечатлена сангвиническим характером.

В трехдневной лихорадке замечается довольно часто страдание печени, нарушение ее отправлений и изменение желчи, то относительно самых существенных свойств ее, то относительно ее количества.

Наконец, четырехдневные лихорадки принадлежат, по-видимому, вообще и постоянно, хотя и не исключительно, так называемому меланхолическому темпераменту в тот возраст, в который обыкновенно образуются в воротной вене приливы крови и появляются обусловливаемые ими тягостные, душевные состояния; одним словом, тому желчному перерождению соков, которое считалось древними за самую крайнюю степень естественного их состояния.

Для самых простых выводов достаточно заметить, что ежедневная лихорадка не предполагает общего и глубокого поражения всех грудобрюшных органов; к тому же, озноб и тягостное состояние в ней гораздо короче: поэтому, она не может произвести в организме, ни таких резких явлений, ни оставить продолжительных следов за собой. Кроме того, эта лихорадка стремится часто разбить свой пароксизм на два: этим она сходна с медленной, изнурительной лихорадкой, которая по большей части не всегда, как это будет объяснено ниже, сопровождается расстройством умственных отправлений и в особенности не всегда развивает грустные и беспокойные чувствования. В трехдневной лихорадке, как уже сказано нами, обыкновенно встречается особенное поражение печени. Но печень, находящаяся, быть может, в не меньшей связи с грудобрюшной преградой, чем желудок, еще теснее соединена с прочими внутренностями брюшной полости; с желудком же она соединена самым прямым образом. Заметим, что озноб продолжается гораздо дольше в этой лихорадке; и, хотя расположение к воспалению встречается в ней довольно редко, но дрожь в ней бывает сильная, резкая и выразительная. Вот почему я полагаю возможным допустить, что нравственное состояние, свойственное этой лихорадке, если она будет продолжаться долго, приближается в некотором отношении постоянно к тому душевному расположению, которое приписывалось древними желчному темпераменту.

Многие из явлений, сопровождающих лихорадку, вовсе не зависят от нее; в особенности же не следует из каждого рода перемежающейся лихорадки или из каждого пароксизма ее выводить известные явления, которые тем не менее обусловливают характер самой лихорадки. Острые лихорадки весьма часто бывают чистительными или критическими; еще чаще бывают такими лихорадки с пароксизмами. Стремление или результат их состоит тогда в разрешении более или менее глубоких спазмов, в исправлении важных перерождений в соках или в

рассеянии приливов, образующихся в главных внутренних органах и возмущающих или задерживающих их отправления. Таким образом, ими вызываются предшествовавшие, болезненные поражения, а не второстепенные повреждения, и в этих случаях к ним должно относить почти все явления, особенно же те, которые отличаются наибольшей устойчивостью. Так, например, глубокая меланхолия, несчастные страсти, которые часто сопровождают четырехдневную лихорадку, составляют результат природного расположения человека или последствие завалов, образовавшихся в грудобрюшной области: они, собственно, вовсе не зависят даже от самих лихорадочных пароксизмов; и так как каждый пароксизм почти всегда стремится рассеять причину их, то нередко бывает, что физические явления, как и нравственные ослабевают постепенно и все более и более, по мере того как повторяется ряд пароксизмов. Я встретил человека с меланхолическими до крайней степени склонностями, у которого пароксизмы упорной четырехдневной лихорадки произвели совершенное изменение в расположении духа, во вкусах, в понятиях, даже в убеждениях. Из самого угрюмого существа, каким он был до болезни, он стал живым, веселым, почти ветреным: естественная суровость его уступила место большой снисходительности. Воображение его наполнено было самыми светлыми и радостными картинами. Так как лихорадка продолжалась у него более года, то новое состояние сделалось для него обычным. Больной этот жил после этого в одном из департаментов, и когда спустя два или три года он возвратился в Париж, то я заметил, что он носил еще в себе следы происшедшей с ним, необыкновенной перемены; и хотя прежнее его состояние мало-помалу возвратилось к нему, тем не менее, ни первоначальная его меланхолия, ни прежняя его суровость никогда вполне в нем не восстановлялись.

И без указания моего легко понять, что в острых болезнях, по сущности своей кратковременных, столь же мимолетны должны быть и оставляемые ими следы. Если только они не оставят после себя какого-либо хронического повреждения, способного повлиять на отправления головного мозга, то вызываемые этими болезнями новые, душевные движения исчезнут вместе с возвращением здоровья. Поэтому, я полагаю, что было бы бесполезно останавливаться на явлениях, вызываемых злокачественными, перемежающимися лихорадками, почти неизбежно убивающими человека третьим или четвертым пароксизмом, если последние не будут предупреждены немедленно. Из превосходных описаний этих лихорадок Меркатуса, Мортона, Торти, Верльгофа и других не трудно убедиться, что они могут явиться под влиянием большей части опасных болезней. Но между различными явлениями, вызываемыми ими, к предмету нашего исследования принадлежат следующие: чувство тягостного состояния в грудобрюшной преграде, бессилие и полное падение рассудочных способностей, уныние и отчаяние. Следует только заметить, что злокачественные, перемежающиеся лихорадки составляют обыкновенно последствие и вызываются продолжительными и важными искажениями в условиях жизни; что пароксизмы их не устанавливают внезапно болезнь, но составляют последнее ее выражение. В самом деле, если

подняться к предшествовавшим такой лихорадке условиям, то всегда, или почти всегда, можно заметить, что уже издавна в привычках заболевшего человека образовались особенные перемены, которые, по-видимому, отразились на физическую его природу только после того, как задолго до того уже замечались в нравственном его состоянии.

Мы не будем останавливаться долее на припадках этих болезней, как и на явлениях некоторых других, сходных с ними, и переходим к медленной лихорадке.

§ IX. — Несмотря на однообразный ход свой и на несложный характер, лихорадка эта не всегда зависит от одних и тех же причин. Она может быть вызвана общим падением всех сил или изнурением, распространяющимся на все органы. Но несравненно чаще она причиняется нагноением или разжижением соков в одной из главных внутренностей. Замечено, что она следует иногда также и за продолжительными спазмами, действие которых состоит в том, что они постепенно разрушают силы, приостанавливая или задерживая отправления.

Припадки ее в различных этих случаях довольно сходны, но последствия их для всей совокупности организма чрезвычайно разнообразны. Лихорадка, сопровождающаяся известными воспалениями, но не усложняющаяся никаким важным искажением или продолжительными спазмами в брюшных внутренностях и в грудобрюшном средоточии, не только не усиливает болезни, но почти всегда рассеивает ее: она сопровождается обыкновенно более свободной и легкой деятельностью головного мозга, одушевляемого и возбуждаемого ускоренным обращением соков. Душевные расположения бывают тогда счастливы, сладостны и снисходительны. Больной находится, по-видимому, в легком опьянении, в котором предметы представляются ему в розовом цвете и наполняют его душу надеждами и радостными впечатлениями. Люди, до того суровые и угрюмые, становятся под ее влиянием кроткими, даже веселыми; люди с жесткой, злой природой становятся чувствительными и благодушными. Давно уже замечено было, что больные, пораженные изнурительными нагноениями, вызывают нежное сочувствие в тех, кто ухаживает за ними, и оставляют по себе чувство глубокого сострадания. Болезни эти развивают, так сказать, внезапно нравственные способности у детей; они освещают рассудок их преждевременным светом; в весьма краткий промежуток времени и в несвойственный возраст они возбуждают в них, как бы в вознаграждение ускользающей от них жизни, самые трогательные чувствования человеческого сердца.

Но при завалах и спазмах брюшных внутренностей; при извращенной чувствительности грудного средоточия; при всеобщем разрушении сил, или при злокачественном разложении какого-либо важного органа; в особенности же в том случае, когда медленная лихорадка зависит от изнурительных поражений брюшных внутренностей, характер ее запечатлевается качествами главной болезни, а нравственные ее последствия находятся в полном соответствии с ними. Но главная

болезнь всегда сопровождается непрерывающимся беспокойством, большим или меньшим избытком чувствительной деятельности, мрачными представлениями и грустными чувствованиями.

Я не считаю необходимым входить в большие подробности относительно воспалений. Последние, для более глубокого действия на нервную систему, должны направиться к одному из ее главных средоточий, то есть, к мозговому органу, к грудному средоточию, к брюшному или к детородным органам. При этих различных обстоятельствах сильное воспаление всегда производит бред. Оно начинается возбуждением отправлений в головном мозгу и часто кончает их искажением и полным уничтожением. Менее слабые воспаления вызывают более слабые и менее продолжительные извращения в воображении и в воле. Но расположение к воспалению, как бы слабо оно ни было, непременно возмущает рассудочные и нравственные отправления, когда поражает непосредственно какую-либо из главных частей нервной системы. Впрочем, из явлений этих наибольшего внимания заслуживают те, которые относятся к хроническим поражениям, весьма часто образующимся под влиянием воспаления. Они заслуживают особенного внимания вследствие своей устойчивости; но не следует забывать, что они, сверх того, запечатлены тем же характером и испытывают те же изменения, что и вызвавшая их болезнь.

Длина этого Мемуара и обилие предстоящих для разрешения вопросов побуждают меня только указать на некоторые перемены, вызываемые лихорадкою, воспалением и разными другими условиями, свойственными острым болезням, то в органах чувств, то в головном мозгу: таковы, например, увеличение или уменьшение чувствительности, появляющиеся в органах осязания, обоняния, зрения, изменение или уничтожение вкуса или слуха; таково, например, ослабление или совершенное разрушение памяти. Тем не менее, я считаю необходимым напомнить здесь в особенности о тех странных, острых болезнях, в которых внезапно зарождаются и развиваются такие рассудочные способности, которые до этого вовсе не существовали. Ибо, если сильные лихорадки нередко могут исказить отправления органов мысли, то они могут также придать им более энергии и совершенства, будет ли явление это милолетно и прекратится вместе с прекращением вызвавшей его причины, или же превращение, обусловливаемое болезнью, как это замечалось неоднократно, произведет такой благоприятный кризис, который изменит к лучшему строение органов чувств и головного мозга, и превратить слабоумного человека на все продолжение жизни в человека умного и талантливого.

Я должен еще упомянуть об изменениях, производимых не только в понятиях и склонностях, но в самих инстинктивных побуждениях некоторыми исключительно нервными болезнями; примером этого может служить бешенство, в котором, без всякого сомнения, яд оказывает непосредственное и глубокое действие на

мозговую систему. Мы видели в первом Мемуаре, что яд этот развивает иногда в человеке инстинкты и повадки волка, собаки, быка или всякого другого животного, которым был укушен больной.[122] В исступленных и спазматических болезнях случается подобным же образом, что органы чувств становятся чувствительны к впечатлениям, которых они не замечали прежде в своем обыкновенном состоянии, или отзываются на впечатления, вовсе не свойственные человеческой природе. Мне часто случалось встречать у женщин, которые в былые времена оказались бы превосходными прорицательницами, самые необыкновенные явления тех изменений, о которых идет речь. Между такими больными некоторые видят простым глазом микроскопические предметы, другие хорошо видят и свободно ходят в совершенной темноте. Встречаются такие, которые могут следить за человеком по его следам, как собака, и по запаху узнают предметы, которые употреблялись им или к которым он только прикасался. Я видел таких, вкус которых изощрялся самым необыкновенным образом и которые выказывали желание и умели выбирать не только полезную для своего здоровья пищу, но даже лекарства с такой проницательностью, которая замечательна только в животных. Можно встретить и таких, которые в состоянии следить в самих себе во время пароксизма, то за образованием кризиса, окончание которого вскоре доказывает верность их ощущения, то за другими органическими изменениями, подтверждающимися изменением пульса или другими, еще более очевидными признаками. Шарлатаны, врачи и жрецы во все времена пользовались с большим успехом истерическими и гипохондрическими женщинами, которые большей частью ничего, впрочем, и не желали лучшего, как привлекать к себе всеобщее внимание и содействовать распространению какого-нибудь нового обмана.

Во всех приведенных случаях нервная система обусловливает особенные привычки, — и перемены, происходящие в живом организме, обнаруживаются не менее заметными изменениями в нравственном состоянии, как и в чисто физических отправлениях главнейших органов.

Можно было бы сделать еще много замечаний о тех кризисах, которыми обусловливается новый порядок отправлений в органах мысли; об общих изменениях в инстинктивных способностях, производимых действием некоторых случайных причин; о крайнем напряжении, или вернее, о сосредоточении чувствительности, которое, то делает впечатления более живыми и сильными в том или другом, отдельном органе чувств, то уничтожает их почти во всех, собственно так называемых внешних чувствах, чтобы сильнее возбудить впечатления во внутренних органах; из чего вытекают весьма важные различия, как в способе

[122] Хотя склонность к подражанию вероятно играет некоторую роль в этих явлениях, все же недостаточно ее одной для вызова их. Сверх того, сама склонность эта есть результат известного физического устройства, в котором болезненное состояние может произвести глубокие перемены: так что при различных случаях склонность эта или способность к подражанию увеличивается, уменьшается или значительно видоизменяется. Это ежедневно могут заметить врачи, практикующие в больших городах.

образования представлений, так и в самом характере материалов, из коих они образуются: философский анализ так же как и физиология много выиграли бы от такого исследования. Но, еще раз, обилие важных вопросов побуждает меня идти вперед и поневоле приходится упоминать только вскользь о некоторых частностях предмета нашего исследования.

В нескольких предыдущих Мемуарах говорилось, что характер впечатлений зависит от состояния органов, и именно от тех частей их, в которых исчезают последние разветвления чувствительных нервов; состояние это в свою очередь может быть значительно изменено болезнями. Твердые части, слишком крепкие, воспаленные, сухие или размягченные, вялые и лишенные упругости и чувствительности; клетчатая ткань, стянутая, затверделая, как бы скорченная или омываемая соками, влажными, слизистыми, лимфатическими; жидкости, густые или редкие, едкие или лишенные свойственных им возбудительных качеств, искажают впечатления самым разнообразным образом не только относительно друг друга, но и относительно естественного своего состояния, представляющего среднюю меру.

В другом месте я пытался представить самые непосредственные и самые общие заключения, вытекающие из наблюдения над этими различными, органическими состояниями. И хотя эти состояния могли бы доставить нам новые интересные подробности, но в третий раз, и вследствие той же причины, я отсылаю по этому вопросу без дальнейших рассуждений к Мемуарам о возрастах, полах и темпераментах.

§ X. — Тем не менее, мне кажется, что нам необходимо рассмотреть припадки некоторых болезней, одновременно поражающих и твердые, и жидкие части. В самом деле, грубые и плохо обработанные жидкости производят в органах завалы, возмущают в них деятельность жизни, задерживают их развитие или делают их чрезмерно объемистыми. Нарушая естественный объем органов, искажая отправления, они изменяют приготовляющиеся в них соки и извращают действие их на весь организм. Из этих изменений вытекают совершенно новые соединения в строении даже твердых частей, а вследствие этого, новые эти соединения вызывают, то увеличение мозговой массы и более живое возбуждение в отправлениях общего средоточия, то уменьшение этой массы и исчезновение той деятельности, которая одушевляет ее отправления. Не менее необходимым считаю я бросить беглый взгляд на те порочные свойства соков, которые изменяют только известные твердые части, известные органы или известные их отправления, которые могут причинить глубокое расстройство в общей чувствительности, не вызывая, по-видимому, значительных возмущений в отправлениях отдельных органов, и которые обессиливают, прерывают или совсем уничтожают эти самые отправления, не производя, по-видимому, никакого изменения в деятельности головного мозга и в состоянии общей чувствительности. Наконец, я считаю нужным указать еще на явления некоторых критических отправлений, в которых снаряд для

образования их, сами отправления и их последствия самым разнообразным образом видоизменяют нервную систему, будут ли отправления эти заключены в определенные периоды, или они будут вызваны отраженным действием, развиваемым природой временно, в неопределенные сроки.

Для первого примера мы возьмем искажение лимфы, обнаруживающееся завалами в желудочной системе. При самой слабой своей степени искажение это производит в теле животного беспорядок, который не распространяется за пределы пораженных органов. Тем не менее, засорения в брыжейке, образование гнойных пузырьков (туберкулов) в легком, перерождение самого вещества печени, поджелудочной железы и вырабатываемых ими соков, завалы в яичниках и в матке, все однородные поражения, часто встречающиеся при золотушных воспалениях, мало-помалу обнаруживают большее или меньшее влияние на весь живой организм. Завалы печени и поджелудочной железы сопровождаются несовершенным пищеварением; засорения брыжейки — затруднительным всасыванием питательного сока и неполной обработкой его брыжеечными железами; образование туберкулов в легком — искажением уподобления питательного сока кровью, неправильным кроветворением; вся же совокупность этих изменений сопровождается задержанием всех отправлений, вялостью их, оцепенениями в рассудочной деятельности и в побуждениях, свойственных воле.

Засорения в матке и в яичниках или обусловливаемая этими обстоятельствами бездеятельность семенных соков вызывают в женщине еще более широкие и бросающиеся в глаза явления; вот почему у золотушных детей эпоха отрочества наступает обыкновенно позже. Несмотря на то, что они могут быть сильны и крепки, что касается до любострастных желаний, детское равнодушие к ним не только дольше продолжается, но кроме того, страсти, вызываемые этими желаниями, развиваются у них в более слабой степени и вообще одарены меньшей энергией и живостью. Мне часто случалось делать такое замечание над молодыми людьми, в которых естественные перевороты, производимые возрастом, не могли уничтожить окончательно золотушного расположения. Я знал многих женщин, у которых такое расположение, задержав первое месячное очищение, впоследствии производило беспорядок при каждом его возвращении, и все привычки таких женщин говорили о слабом действии их половых органов.

Мы не станем останавливаться на тех случаях, когда сильное и всеобщее засорение заглушает чувствительность всех органов и производит самое безусловное слабоумие в некоторых гористых странах, в которых местную болезнь составляют зобы. Такого же рода завалы встречаются в значительном числе несчастных людей, известных под именем кретинов. Мы пройдем таким же молчанием то отупение всей клетчатой ткани, образующее род подобной же болезни, в которой я замечал весьма резкое состояние неловкости, беспокойства и бездеятельности всех нравственных способностей. Замечательно, что у настоящих кретинов, вследствие

того, что головной мозг их не имеет почти никакого значения, как орган рассудочной деятельности, нижнее средоточие получает мало-помалу значительное преобладание, а половые их органы, как бы в естественное вознаграждение, становятся чрезвычайно деятельны и объемисты; а вследствие этого у этих искаженных существ является отвратительная склонность к рукоблудию.

Но может случиться, что перерождение лимфы и неправильное кроветворение обнаружится явлениями, вовсе несходными с обрисованными нами. Оба средоточия, грудное и брюшное, могут приобрести особенную чувствительность; кровь может обратиться в большем изобилии к общему мозговому средоточию, а в ней могут развиться чрезвычайные возбуждающие свойства, которые, говоря мимоходом, могут находиться в зависимости от некоторых условий, возмущающих в то же самое время даже образование костей. Таким образом, между тем как кровь обильно приливает в черепную полость и в полость станового хребта; между тем как отправления заключающихся в них органов получают необыкновенное возбуждение, ослабленные костяные стенки их уступают внутреннему на них давлению; вследствие чего вместимость этих полостей увеличивается, а мозговой орган получает больший объем и большую деятельность. Иногда случается даже, что сами органы чувств непосредственно становятся более чувствительными и изощренными. В этом случае очевидно, что отправления головного мозга должны получить преобладание над отправлениями прочих частей. Подобные же расположения во всей надбрюшной области, в которой, по-видимому, образуются душевные движения, и которая несомненно и исключительно ими приводится в деятельность, должны в таком случае увеличивать число их, возвышать их силу и, так сказать, изощрять почти все впечатления, результатом которых является душевное движение. При равенстве прочих условий нравственная природа должна быть особенно развита в таком случае. Это и замечается обыкновенно у детей, одержимых английской болезнью; а противоречащие этому наблюдению факты, приводимые некоторыми писателями, составляют, по-видимому, редкие исключения в нашем климате; сверх того, они объясняются некоторыми особенными обстоятельствами, не всегда находящимися в зависимости от первоначальной и господствующей болезни.

Вторым нашим примером будет цинготная болезнь. В этой болезни кровь и другие соки разлагаются; свойственная им жизнь чахнет. В начале кровь бывает обременена бездеятельными, слизистыми веществами, но, по мере развития болезни, кровь начинает перерождаться. С другой стороны, вся сила мускульной системы мало-помалу падает; движения становятся неодолимо вялыми. Но желудочное и кишечное пищеварение совершаются исправно: аппетит притупляется и теряется только тогда, когда слабость доходит до своей крайней степени и приближается смерть. Отправления головного мозга равным образом сохраняют свойственную им полноту. Не происходит никакого беспорядка в

ощущениях, никаких изменений в понятиях. Нервная система, по-видимому, не поражена ни с какой стороны, кроме крайнего падения бодрости, составляющего отличительную черту этой болезни: подобно условиям, вызывающим болезнь, это отсутствие бодрости, в свою очередь, необыкновенно усиливает ее. Загляните в описания морских путешествий и в сочинения знаменитых врачей, писавших о цинготной болезни.

Но внимания нашего заслуживают не одни только последствия лимфатического перерождения в засоренных железах и последствия разложения соков. Возьмем, поэтому, третий пример.

Перерождение лимфы обнаруживается часто необыкновенной едкостью соков, злокачественной сыпью, накожными прыщами, раскрывающимися язвами самого жестокого и упорного свойства. При таких обстоятельствах раздражение чувствующих, нервных оконечностей бывает чрезвычайное, весь организм находится в состоянии более или менее сильного беспокойства. Смотря по степени этого состояния, развиваются желания, складываются различного рода привычки. Самая слабая его степень возбуждает только небольшое беспокойство, последствием чего является некоторая суровость в понятиях и частые причуды в расположении духа. Более сильная степень придает понятиям меланхолическое направление, а страстям — более мрачный характер. Наконец, крайняя степень болезни производит род неистовства и в некотором роде обращает человека в дикого зверя. Во всех этих случаях напряженное состояние желчи бывает пропорционально жестокости болезни; напряжение семенной жидкости и возбуждение половых органов достигают тоже крайней своей степени. Древние врачи тщательно очертили эти явления в описаниях различных, злокачественных, накожных болезней, из которых многие почти вовсе исчезли у новейших народов; улучшение это, говоря мимоходом, объясняется большей чистоплотностью, более заботливым выбором пищи и развитием полицейских мер. Не подлежит, впрочем, сомнению, что проказы, половое бешенство, почитание себя зверем находились во все времена в зависимости от глубокого перерождения лимфы и что они обнаруживаются вначале общим засорением всей железистой системы и отвратительными язвами.

Всякий раз, как порядок правильных отправлений будет нарушен какой бы то ни было случайной причиной, если отраженные силы, которыми одарена природа, сохранят свою энергию, то устанавливаются новые ряды отправлений, цель и направление которых состоят в приведении организма в его естественное состояние. Отправления эти не составляют собственно болезни, потому что, напротив того, они предназначены для уничтожения ее, а между тем ими возбуждаются явления, совокупность которых носит название болезни. Таким образом, говоря обыкновенным языком, болезнь составляет дело природы, усилия которой, будут ли они направлены хорошо или худо, имеют всегда одну цель —

оказать сопротивление действительно угрожающей ей опасности. И может быть, мы будем недалеки от истины, если будем рассматривать эти благодетельные силы, как простой и прямой результат предшествовавших привычек, непрерывно и самобытно стремящихся принять естественное свое течение, ибо могуществом привычки управляется весь одушевленный мир. Итак, всякую болезнь можно принять за кризис. Но, по общепринятому условию критическими называются резкие и короткие болезни, стремящиеся к немедленному разрешению, будут ли они состоять из отдельных, определенных пароксизмов, или же они будут составлять только некоторую часть многих других явлений, обозначая собой их важнейшие и решительнейшие эпохи.

Каждый критический припадок состоит из трех резко обозначающихся моментов: приготовления, возмущения или наибольшего усилия и собственно кризиса или окончания припадка. Отличительную черту первого составляет смутное расстройство, беспредметное беспокойство, отсутствие возможности думать и чувствовать обычным порядком; второй обозначается более мятежным беспорядком в нравственных способностях, соответствующим беспорядочным отправлениям во всей физической природе; третий видоизменяется, смотря по самой природе окончания припадка; ибо окончание это может быть благодетельно и смертельно, разрешить окончательно болезнь или оставить за собою возможность нового припадка.

Подагра представляет нам явление, обрисовывающее оба первые периода не менее выразительно, чем самые крайние, критические, лихорадочные пароксизмы; она представляет нам явление, отличающееся в последний момент такими поразительными чертами, которые не встречаются, быть может, ни в какой другой болезни.

Пока подагренные соки, или вернее, подагренное поражение скользит неопределенно по различным органам, только еще угрожая броситься на какую-нибудь из главных внутренностей, человек чувствует тягостное и тоскливое душевное расположение, а рассудок его находится в беспокойном и немощном состоянии. Но как только страдания вполне установятся в конечностях, то, как бы живы они ни были, больной переносит их не только терпеливо, но с каким-то внутренним удовольствием. К нему возвращается веселое расположение духа; понятия его приобретают значительную степень силы и ясности; природа, как мы заметили в другом месте, по-видимому, торжествует свою победу над болезнью.

При антоновом огне, напротив того, после бесполезных усилий, природа покоряется, по-видимому, покойно, но угрюмо; и если после новых попыток живые части не будут отделены от мертвых, то больной испускает последний вздох спокойно, но во всех чертах его является мрачное выражение.

В таком случае встречается иногда то же, что в опасных острых лихорадках, именно, что жизнь сосредоточивается в одном из главных органов, например, в головном мозгу, в желудке и проч. Если сосредоточение направляется к желудку, то оно может вызвать необыкновенный голод, который вместе с другими опасными признаками возвещает несомненную и близкую смерть. Если явление переносится в головной мозг, то мысли принимают необыкновенный полет, а речь приобретает удивительное выражение, которые равным образом составляют тогда признаки смерти.

Находясь в затруднительном положении среди множества предметов, представляемых исследованием того вопроса, которым мы занимались сегодня, я должен был ограничить себя и обратить внимание на самые существенные; я избирал их почти наугад, а примеры и доказательства я развивал почти без всякого порядка. По этому же самому предмету не трудно было бы составить Мемуар, несравненно обширнее настоящего.

Вот почему я спешу окончить его следующими выводами, вытекающими из всех приведенных фактов:

1) Болезненное состояние оказывает непосредственное влияние на образование представлений и нравственных побуждений; в некоторых частных случаях мы могли даже указать, каким образом происходит это влияние; и как бы слабо ни следили за развитием наших доказательств, не трудно убедиться в невозможности, чтобы влияние это не существовало постоянно хотя бы в слабой степени.
2) Так как наблюдение и опыт, открыли нам средства бороться, и весьма нередко с большим успехом, против болезненного состояния, то искусство, пользующееся этими средствами, может, следовательно, видоизменить и усовершенствовать отправления разума и привычки воли.

Развитие этого второго положения составит часть особенного сочинения.

Мемуар восьмой: О влиянии условий жизни на нравственные побуждения и привычки.

Введение. — Мы указали уже несколько звеньев цепи, связывающей нравственную природу с физической. При помощи их нам удалось решить много важных вопросов: в то же самое время они приготовили решение для других, еще более важных, говорить о которых до сих пор мы не считали еще возможным.

По мере того, как мы подвигались вперед в предмете нашего исследования, мы убеждались все более и более, что два великие подразделения человеческого существования соприкасаются и переплетаются бесчисленным множеством соответствующих друг другу сторон; дальнейшее исследование докажет окончательно и самым несомненным образом, что то и другое имеют одну, общую основу; что отправления, называемые нравственными, вытекают непосредственно, как и те, которые называются физическими, или из деятельности некоторых, отдельных органов, или из деятельности всей совокупности живого организма и что все явления разума и воли получают свое начало в первоначальном или случайном состоянии организации, также как и прочие жизненные отправления и различные движения, из которых состоят они, или которые составляют ближайшее их следствие.

Упрощая человеческий организм, эти воззрения и выводы проливают свет на многое: они отстраняют великое множество ложных понятий; они определительно указывают философу-наблюдателю настоящий предмет для его исследований; они предлагают *идеологу* более прочную точку опоры, на которой с полной уверенностью он может строить выводы рационального анализа; они указывают, наконец, моралисту незыблемые основы для всех его практических уроков: ибо, выходя из организации человека, определив вызываемые ею потребности и способности, он может сделать, так сказать, ощутительными побудительные причины всех предлагаемых им правил; кроме того, он мог бы доказать и заставить почувствовать самым очевидным образом, что строжайшее выполнение обязанностей, что самые великодушные и самоотверженные поступки человека, когда они вменяются разумом, связаны самым тесным образом с непосредственной его пользой и собственным его счастьем, и что строгие добродетельные привычки составляют для него столь же необходимую потребность, как и самые приятные склонности и самые сладостные человеческие чувствования обыкновенной жизни.

Сегодня мы рассмотрим влияние условий жизни на отправления органов мысли, на вызов побуждений и на склад привычек, одним словом, на нравственную систему человека.

§ I. — Но, прежде чем войти в предмет нашего исследования, я считаю необходимым точнее определить, что мы должны разуметь под словом условия жизни. Слова эти могут иметь, или слишком широкое, или слишком узкое значение: постараемся же дать им настоящий смысл.

Под условиями жизни многие разумеют только систематический или случайный выбор пищи. Это значение слишком узко.

Под этим словом древние врачи разумели употребление всего, что они так неудачно называли неестественными предметами. Но пища и питье составляют только небольшую частицу этих предметов. В числе тех же предметов они помещали вдыхаемый воздух, деятельность и отдых, бодрствование и сон, обычные занятия, душевные движения.

Очевидно, что последнее значение для нас слишком обширно: ибо душевные движения входят в предмет настоящего нашего исследования не в том отношении, что они вызывают перемены в состоянии органов, хотя они и вызывают их несомненно, а в том отношении, в каком они сами являются результатом тех, которые уже обусловлены физическими привычками.

Таким образом, под словом условия жизни мы будем разуметь совокупность этих привычек, будут ли они порождены случайной необходимостью, или они будут вызваны искусственно и сознательно склонностью или выбором человека.

Как только мы точно обозначим это слово, то можем смело надеяться, что мы будем понятны, как для себя, так и для других; по крайней мере, дальнейшее развитие наших соображений не может быть прервано неопределенностью, неизбежно порождаемой неточным обозначением предмета исследования.

§ II. — Все тела вселенной оказывают взаимное действие друг на друга; но свойства и степень этого действия бывают различны, смотря по природе тел и по условиям, в которых они находятся. Неорганизованные вещества могут испытывать от соседних с ними действие *механическое* или *химическое*. Первое ограничивается изменениями относительно положения, то между различными телами, то между частями, из которых состоят они; второе может образовать вполне новые тела, вызывая или простые разложения, или несуществовавшие до того сочетания.

Но видоизменения, претерпеваемые организованными телами, несравненно многочисленнее; некоторые из этих видоизменений исключительно им свойственны и все видоизменения их имеют гораздо большее значение. В самом деле, кроме испытываемых ими механических или химических перемен, кроме особенного рода отраженного действия, производимого ими на предметы, которые оказывают на них свое влияние, организованные тела могут быть еще глубоко видоизменены в своем внутреннем строении, хотя бы ни один внешний признак не обнаружил этой перемены; они могут приобрести вполне новую способность

получать известные впечатления, производить известные движения, потерять даже до некоторой степени свои природные свойства или те, которые приобретены ими непосредственно в силу их организации; одним словом, изменения эти могут не только уступать особенным, исключительно свойственным им образом действию присутствующих внешних тел, но они могут усваивать особенные состояния, которые затем продолжаются или возобновляются даже при отсутствии вызвавших их причин, то есть, они могут установить привычки. Это и составляет еще более исключительное свойство организованных тел.

Таким образом, искусным уходом за растениями можно вызвать в них безусловно новые свойства, а в плодах их развить такие качества, которых первоначально они вовсе не имели. Искусство сумело даже найти средства закрепить в них эти случайные и искусственных видоизменений, то направляя к своим целям законы естественного наследства, то вызывая чисто искусственное воспроизведение, драгоценнейшее приобретение для нашего господства над природой! Таким же точно образом, животное, под влиянием климата и всех других физических условий, получает особенные свойства, которые могут служить указанием на эти условия и на различия между ними, или же под влиянием пищи, ухода, систематического воспитания со стороны человека оно получает небывалые расположения и приобретает новый ряд привычек. Но привычки эти касаются не только одного строения и физических отправлений органов, они доказывают еще, что и рассудочная, и нравственная природа, свойственные всякому существу, одаренному чувствительностью, тоже развиваются вследствие этого *воспитания*; что известный порядок впечатлений пробуждает в животном известные склонности и известные чувствования; и эти приобретенные им свойства, являющиеся гораздо более выразительными в животном, чем в растении, передаются устойчивее из поколения в поколение и доказывают даже непривыкшему к размышлению уму, до какой степени, при содействии наблюдения и опыта, можно улучшить окружающие нас предметы.

§ III. — Но из всех животных человек, без всякого сомнения, подчинен наибольшему влиянию внешних условий; случайное и преднамеренное действие на него различных предметов внешнего мира может оказать на него более сильное и разнообразное влияние. Более живая, более нежная и более широкая его чувствительность; бесчисленные и необыкновенные симпатические движения разных частей его тела, отличающихся чрезвычайной впечатлительностью; подвижная, мягкая организация, принимающая без усилия всякое состояние и в то же самое время удивительная устойчивость физической, так сказать, памяти, с помощью которой он удерживает так легко устанавливающиеся привычки; одним словом, все способствует человеку приноравливаться к свойствам и к характеру предметов, окружающих его и оказывающих на него свое влияние. В этом и состоит, относительно его, великая сила физического воспитания, из которого вытекает непосредственно сила и нравственного его воспитания; этой стороной своей он

способен к бесконечному совершенствованию и его могуществу, так сказать, нет пределов.

Мы знаем, что наши представления, наши понятия, наши желания находятся в зависимости от впечатлений, получаемых нами со стороны внешних предметов, или испытываемых внутри нас самих, будут ли последние вызваны чувствующими оконечностями нервов, распространяющихся во внутренностях, или из глубины самой нервной системы, или же, наконец, они будут вызваны содействием тех и других, содействием, по-видимому, всегда необходимым для полноты ощущений. Нам известно затем, что изменения, являющиеся в характере, порядке и степени внутренних ощущений, в состоянии видоизменить самым необыкновенным образом впечатления, производимые в нас внешними предметами.

Чтобы доказать влияние условий жизни на образование представлений и нравственных побуждений, достаточно было бы, стало быть, показать, что есть возможность видоизменить внутренние впечатления и естественное состояние вырабатывающих эти впечатления органов. Мало того, между впечатлениями, получаемыми из внешнего мира, существует великое множество таких, которые непосредственно подчинены влиянию условий жизни, в том смысле, который мы дали этому слову, то есть, которые вызываются предметами и отправлениями, охватываемыми условиями жизни. Посмотрим теперь, не подтвердят ли еще сильнее этого влияния наши наблюдения, которые мы постараемся ограничить совокупностью тщательно взвешенных и точно обозначенных фактов.

Явление, вытекающее из каких бы то ни было данных условий, всегда составляет следствие совокупности всех причин и всех действующих сил. Истина эта, очевидная сама по себе, разумеется, не допускает никаких исключений; она становится как бы еще более поразительной, а вытекающие из нее последствия заслуживают еще большего внимания при исследовании явлений жизни. В самом деле, так как все эти, столь сложные, столь изменчивые явления составляют неизменный результат множества одновременно и согласно действующих сил, то каждая из них оказывает влияние на действие не только каждой другой силы, но и на совокупное действие всех; каждая другая сила и все вместе, в свою очередь, оказывают влияние на первую, деятельность которой постоянно пополняется или ограничивается родом и степенью действия этих различных, одновременно действующих сил. Одним словом, по приведенному уже нами выражению Гиппократа, в человеке *все содействует, все споспешествует, все сочувствует друг другу*. Таким образом, при изучении человека, разумеется, необходимо смотреть на него с общей точки зрения, охватывающей все его свойства, все отправления, из которых состоит его существование, чтобы иметь возможность уловить взаимные отношения и одновременную деятельность, из которых вытекает каждое наблюдаемое явление. Этого еще недостаточно. За этим первым взглядом, охватывающим в одной рамке весь предмет, необходимо еще, чтобы при подробном

изучении каждого порядка явлений, без которого систематическое исследование всей совокупности их будет, без сомнения, несовершенно, мы выделяли бы его из прочих порядков и рассматривали бы его отдельно. Строгость аналитических приемов в особенности необходима при исследовании таких разнообразных, таких изменчивых и таких трудноуловимых явлений.

§ IV. — Итак, мы согласились, что общее выражение условия жизни охватывает собою совокупность физических привычек и, сверх того, мы знаем, что эти привычки способны изменить, отчасти или вполне, не только образ деятельности органов, но и внутреннее состояние и характер побуждений живого организма. В самом деле, замечательно, что план жизни, смотря по тому, будет ли он хорош или дурен, может значительно улучшить физическое устройство или исказить его, даже безвозвратно разрушить. Под этим влиянием каждый орган может укрепиться или ослабнуть, отправления его — со дня на день совершенствоваться или искажаться. Ощущения, при содействии которых восстанавливается порядок охранительных отправлений, ощущения, непрерывно стремящиеся ввести новые ряды отправлений, могут испытывать тоже весьма заметные видоизменения. Если вследствие благоприятного или вредного влияния условий жизни, состояние органов, изменяется и они получают новый род деятельности, то они приобретают в то же самое время новые способности получать впечатления. Если наконец, первое изменение будет ограничено одним каким-нибудь отдельным органом, то изменения чувствительности чаще всего вызывают, так сказать, подражание во всем живом организме.

В этом состоит причина и источник тех великих явлений, которые весьма основательно приписывались древними вообще диететике и в частности — гимнастике, хотя сами они уже хорошо понимали неудобства и даже иногда вред последней.[123] Те же самые данные послужили учредителям различных монашеских орденов основанием для выбора более или менее удачных условий жизни — с целью установить согласие между умами и характерами и тем родом жизни, план которой они начертили.

Так как условия жизни оказывают влияние на образ деятельности органов, то они должны оказывать такое же влияние и на их чувствительность; а если они оказывают влияние на характер ощущений, то, разумеется, невозможно допустить, чтобы они не оказывали влияния на представления и побуждения; ибо, оставив даже в стороне глубокие изменения во всем организме, производимые употреблением известных веществ, не трудно заметить, что состояние силы и слабости, беспокойства и веселости, всегда более или менее симпатическое состояние органов, их свободные, живые, легкие, совершенные отправления, или состояние

[123] Геродик хотел приложить гимнастику к лечению острых болезней: Гиппократ доказал, что в таком случае она всегда вредна и что она может причинить большой вред во многих хронических болезнях, если будет чрезмерна или дурно направлена.

тех же самых органов, при котором деятельность их затруднена, вяла, тягостна, несовершенна, не могут возбуждать в специальном органе мысли, непосредственно разделяющем их расположения или симпатически отзывающемся на них, ни одной и той же степени внимательности, ни одной и той же оценки впечатлений, полученных от предметов. Таким образом, наши стремления и желания не могут в таком случае установить одних и тех же отношений между внешними предметами и нами; наши представления, наши понятия и вытекающие из них склонности не могут быть одни и те же. Может ли теперь действие воздуха, пищи, питья, занятий или работ, отдыха или сна, действие, продолжающееся весьма значительное время оказать влияние на все условия, из которых состоит наша физическая природа? Без всякого сомнения никто не ответит на этот вопрос отрицательно.

Мы уже говорили о единстве человеческой природы: все явления, из которых состоит существование человека, находятся в тесной зависимости между собою, и между ними могут возникнуть отношения, то вызывающие в них большее напряжение, то видоизменяющие их, взаимно дополняющие их одно другим или даже совершенно искажающие их. Нередко самое ничтожное само по себе явление, вызванное случайным и мимолетным действием какой-либо причины на маловажные органы, второстепенным образом получает важное значение или пробуждает в прочих, даже существенно важных органах симпатический ряд небывалых, поразительных явлений. Напротив того, случается нередко, что весьма выразительное вначале явление не только не передает в остальной организм возбуждения пораженного органа, но само быстро ослабевает вследствие расположения прочих органов, и скоро исчезает невозвратно.

Вообще, всякое новое отправление, вводимое в живое тело, требует содействия всех условий, действующих на различные органы, всех обстоятельств, видоизменяющих их внутреннее состояние, и оно настолько бывает пропорционально вызвавшей его частной причине, насколько будут содействовать последней побочные силы, смотря по существующему между ними природному соотношению, а также настолько, насколько не будет противодействовать органическое строение результату их деятельности.

§ V. — Воздух оказывает действие на тело человека различными своими свойствами; он может вызвать в нем различного рода видоизменения. Степень его тяжести или легкости, теплоты или холода, сухости или влажности; изменение в количестве составляющих его газов или смешение его с другими, чуждыми для него газами, присутствие которых портит его; наконец, свойство и относительное количество содержащихся в нем разлагающихся веществ вводят значительные изменения в действие его на животное тело; врачебная практика и ежедневные наблюдения доставляют бесчисленные доказательства этого, и вероятно каждому случалось не раз почувствовать на самом себе разнообразное влияние этой жидкости, ежеминутно необходимой для поддержания жизни.

Воздух постоянно действует на нас весьма значительною тяжестью; он охватывает нас со всех сторон; он давит на каждую точку нашего тела, подобно тому, как вода охватывает со всех сторон рыбу и оказывает на нее давление по всем направлениям, но с тем, впрочем, различием, что рыба собственным своим усилием может по произволу подниматься на всякую высоту жидкости, в которой плавает, между тем как мы прикреплены к поверхности почвы, в которую упираются нижние частицы воздуха, и без помощи посторонних сил не можем подняться в более возвышенную область. Давление это, обусловленное неизменными законами природы, кажется, необходимо для поддержания равновесия между твердыми живыми частями и жидкостями, обращающимися или скользящими в глубине их; оно препятствует улетучиванию и отделению газов, входящих в состав тех и других; оно значительно содействует смешению восстановляющих соков, поддерживая энергию и крепость сосудов. Когда давление это значительно усиливается или ослабевает, особенно если это случается внезапно, то оно вызывает соответствующие перемены в состоянии и в отправлениях органов, и явления эти тем неизбежнее, что обыкновенно мы не имеем возможности, как только что помянуто нами, противодействовать им или ослабить их помещением себя, смотря по надобности, на ту или другую высоту этой жидкости. Если тяжесть воздуха уменьшается до известной степени, то самые крепкие люди чувствуют в некотором роде соответственное уменьшение в своих силах; дыхание их становится затруднительно; они испытывают некоторую тяжесть в голове, ощущения их теряют свою живость, рассудочная деятельность становится утомительна: они чувствуют вообще неприятное состояние. Более слабые и более подвижные люди испытывают настоящее тягостное состояние в грудобрюшной преграде, одышку, головокружение, тошноту; они становятся неспособны к внимательности; они не могут следить, ни за мыслями других, ни за своими собственными; они впадают в тоску и в отчаяние. Если это давление менее значительно, то описанные явления тоже менее выразительны. Тогда замечаются некоторые припадки, свойственные истерическим и гипохондрическим поражениям: пустые страхи, странная беспорядочность воображения, нервная дрожь, судорожные спазмы, и проч. У некоторых женщин нежного сложения я замечал, особенно во время очищений или в соседнюю им эпоху, особенный род перемены в образе мыслей и в характере, перемены, которую с полною уверенностью можно было принимать за признак, предвозвещающий или грозу, или удушливый полуденный ветер, сопровождающийся большими изменениями в атмосфере. Впрочем, перемену эту нетрудно отличить от перемены, вызываемой в некоторых малодушных страхом грома. Я замечал даже, что трусливые от природы животные становятся еще более боязливы в так называемую удушливую погоду, во время южных или юго-восточных ветров, вообще же, когда падение ртути в барометре свидетельствует о заметном уменьшении тяжести воздуха.[124]

[124] Ртуть может значительно падать и в хорошую погоду, когда упругость воздуха, по-видимому, вовсе не уменьшается; но случается это довольно редко. Я замечал это явление только в сильный жар и в такой же холод.

Напротив того, при увеличении этой тяжести, на столько же увеличивается, так сказать, крепость всего тела. И если перемена эта происходит умеренно и постепенно, то все отправления происходят свободнее; движения становятся более легкими и сильными, живое чувство энергии, самоуверенности и благосостояния идет навстречу ощущениям, вызывает деятельность, как особенное удовольствие, и превращает ее в потребность. Сами ощущения становятся более раздельными и светлыми; мысль работает с большим удовольствием и с большим совершенством. Наконец, человек, в полном сознании своих сил отстраняет от себя те мрачные, нередко злобные впечатления, составляющие обыкновенное последствие сознания своего бессилия и беспокойного состояния; вследствие этого, он естественно останавливается на мыслях, вызывающих надежду и обещающих успех, на чувствованиях сладостных, возвышенных и великодушных.

Может случиться, что увеличение тяжести воздуха будет слишком сильно и внезапно, как это замечается при быстром наступлении больших холодов. В таком случае чрезмерная крепость твердых частей и в некотором смысле чисто механическое сдавление внешних сосудов и клетчатой ткани отбивают кровь и все другие соки к внутренностям, особенно к тем, которые оказывают наименьшее сопротивление. Отсюда вытекают различные явления, о которых мы будем говорить ниже, когда поведем речь о влиянии холода. Я ограничусь замечанием, приводимым Гмелином, который видел в Сибири, что при внезапном наступлении холода птицы падали на землю и делали тщетные усилия, чтобы снова подняться в воздух, несмотря на то что могли свободно и сильно двигать крыльями; знаменитый путешественник и натуралист объясняет это явление тяжестью и необычайной плотностью воздуха, который, так сказать, давил их. Но вероятнее, что холод действовал здесь непосредственно, сам собою, независимо от особенных изменений, производимых им в состоянии воздуха. На самом деле, не следует забывать, что одушевленные существа, сохраняющие во всех климатах необходимую для своей природы степень животной теплоты, уже вследствие этого должны вырабатывать ее тем более, чем холоднее окружающая их температура. Но, по мере приближения к полярным странам или вступления в область морозов, животные только мало-помалу привыкают производить этот излишек теплоты; а приближаясь к более теплым странам или возвращаясь в умеренный пояс, они с такой же постепенностью теряют привычку производить излишнее для этих стран и для этого климата количество ее. Таким образом, птицы Гмелина, внезапно захваченные неожиданным холодом, не имели еще достаточно своей собственной теплоты для противодействия давлению воздуха; слишком сжатая масса их тела, быть может, не могла также занять необходимое пространство, чтобы свободно подняться в этой жидкости. Не может быть также сомнения, что вследствие действия холода, кровь внезапно прилила в легкое и в головной мозг и произвела то оцепение, о котором мы упомянули, а также весьма вероятно, что и мускулы их крыльев лишились в эту минуту в значительной степени своей крепости.

§ VI. — Но влияния холодного или теплого воздуха несравненно более обширны и важны, чем влияния тяжелого или легкого. Теплота, разрежающая воздух, и холод, увеличивающий упругость его, часто должны быть рассматриваемы, как действительная причина явлений, непосредственно относящихся к изменениям его тяжести; а степень последней бывает слишком часто в соответствии и в соразмерности со степенью его температуры, чтобы мы не имели права рассматривать с одной и той же точки зрения влияние того и другого рода видоизменений.

Браун, автор новой «Системы врачебного искусства», вовсе не заслуживающей своей великой известности, тем не менее совершенно основательно отвергнул общепринятые мнения о действии холода и теплоты на тело животного. Без всякого сомнения, теплота есть непосредственное возбудительное средство; и если холод, обессиливающий и смертоносный по своей природе, часто оказывает противоположное действие, то явление это очевидно вызывается отраженной деятельностью живых органов, и оно всегда пропорционально энергии, отличающей его в каждом частном случае.

Известная степень теплоты необходима для развития, как животных, так и растений:[125] более сильная степень торопит и ускоряет его. В жарких странах дети созревают преждевременно; отрочество в них наступает раньше;[126] понятия и страсти их развиваются прежде срока. Но развитие в них мускульных сил идет об руку с развитием чувствительности и некоторых, специально подчиненных ей отправлений. Сформированные по своим побуждениям и во многих отношениях по зрелости рассудочных способностей, они остаются еще детьми относительно общей деятельности, которая, по плану природы, составляет одновременно, и необходимое орудие сильно развитой нравственной системы, и противовес чувствительным силам, чрезмерно возбужденным этим развитием. Это преждевременное развитие, оказывающее особенное действие на известные органы и на известные отправления, или вернее, отсутствие равновесия между различными частями живого тела вызывает необыкновенные видоизменения во всем нравственном существовании. При естественном порядке душевные движения и побуждения наши зарождаются и развиваются совместно с силами,

[125] По-видимому, всякое химическое изменение в состоянии тел обусловливается или вызывает соответствующую ему перемену в их температуре. Стремление к новым соединениям или само соединение сопровождается возвышением теплоты. Возвышение это заметно при брожении, при гниении, при смешении минеральных кислот с различными жидкостями, и проч. Образование воды и восстановление равновесия в электрической жидкости происходят, по-видимому, при некотором возвышении температуры, и проч.

[126] Это преждевременное наступление отрочества под влиянием теплоты до того справедливо, что если в холодных странах девочки не отходят от печки, то месячные очищения появляются у них также рано, как на берегах Ганга. Но в таком случае многие, относящиеся к ним явления не могут иметь места вследствие отсутствия различных причин, содействующих им в жарких странах. Сверх того, даже мимолетное, но повторяющееся действие холода придает большую плотность и крепость всем мускульным органам. Так что в странах с суровой зимой нет возможности вполне оградить себя от влияния холода.

необходимыми для плодотворного преследования предметов, для их подчинения или усвоения. Само время, то есть, промежуток его по отношению к продолжительности всей жизни, входит необходимым элементом в установления настоящих отношений человека к природе и к людям. Таким образом, с одной стороны, преждевременный вызов отправлений вообще всей чувствительной системы и частных отправлений, по-видимому, ближайшим образом и специально принадлежащих ей; с другой стороны, отсутствие согласия между различными снарядами или между различными работами всей машины, в которой все должно быть в соответственном и согласном действии, — таковы настоящие, или по крайней мере, главнейшие причины тех конвульсивных состояний, которые замечаются при душевном волнении или при болезнях, свойственных жителям жарких стран. Без всякого сомнения, постоянное действие теплоты, состоящее, подобно всякому другому возбудителю, в непрерывном и возрастающем ослаблении мускульных органов, должно усиливать все более и более, и это состояние, и это несогласие. Наконец, стремление к покою и к беспечной жизни, внушаемое обычным чувством слабости и чрезмерной усталостью, сопровождающей каждое движение среди жгучего воздуха, идет на помощь всех предшествующих обстоятельств, чтобы усилить их последствия: поэтому, располагая организм к судорожным состояниям, они воспитывают стремления к созерцательной жизни и дают начало всем меланхолическим и страстным заблуждениям воображения.

Наблюдатели с незапамятных времен заметили, что в жарких странах встречаются чаще всего люди, одаренные живой, *горячей душой*, отдающейся безусловно каждому порыву своих желаний, с умом, в одно и то же время глубоким и причудливым, который силою постоянного созерцания ведет их попеременно, то к самым возвышенным идеалам, то к самым плачевным мечтаниям: и нетрудно убедиться, что так и должно быть. Обычное состояние развернувшихся, чувствующих оконечностей нервной системы и вызываемое им или сопровождающее его, как это доказано нами в другом месте, чувство благосостояния открывают вход внешним впечатлениям, так сказать, через все поры; оно делает эти впечатления более сильными и живыми; оно вызывает необходимость этой чрезмерной силы и живости для поддержания и для восстановления всех жизненных отправлений. Отсюда — та страсть к напиткам или к одуряющим веществам, которая замечается в особенности в жителях жарких стран; отсюда — тот род неистовства, с которым они бросаются на всякое сладострастное ощущение, так часто увлекающее их к странным, скверным или скотским склонностям; отсюда — стремление их к чудесному и преувеличенному; отсюда, наконец — их необыкновенная способность к красноречию, к поэзии и вообще ко всякому искусству, требующему особенной деятельности воображения.

§ VII. — Физическая природа человека холодного климата вовсе не похожа на природу человека экваториальных стран: такое же различие существует и в

нравственной их природе. Но отличающие их различия, рассматриваемые в совокупности, повторяю, не должны быть приписываемы влиянию одного только воздуха. Но, так как здесь не место рассматривать другие, содействующие ему условия, то нам достаточно будет признать действительность факта и таким образом ограничить с самого начала характер наших собственных выводов и предохранить читателя от слишком широкого значения, которого они не могут иметь в действительности.

Чтобы составить себе точное и полное понятие о действии холодного воздуха, или вообще холода на живые тела, разумеется, необходимо принять в расчет степень и продолжительность его действия, ибо действие это бывает различно, смотря по тому, будет ли он более или менее силен и продолжителен. Умеренный холод, действующий на нас непродолжительно, производит легкое сжатие всех сосудов, распространяющихся на поверхности тела и легочных горловых ветвей. За этим первым впечатлением следует быстрое отраженное действие, которое нетрудно распознать по более яркой краске лица, а иногда так и по более темному цвету, или всей кожи, или только частей, подвергшихся действию холода. Таким образом, с одной стороны, непосредственно подымается крепость твердых частей; с другой стороны, живое ощущение силы сообщается во все части тела; условия, вызывающие движения, получают возвышенную деятельность и свободу, соответствующие возвышению энергии, крепости и упругости двигательных органов.

В то же самое время более плотный воздух доставляет легкому сравнительно большее количество кислородного газа; в нем немедленно образуется более значительная степень теплоты:[127] между тем как, со своей стороны, брюшные внутренности, особенно грудобрюшной области, широкое влияние которой на весь организм не подлежит сомнению, тем сильнее призываются к деятельности внезапным обращением к ним соков и сил, и особенною симпатией, связывающей эту область с внешними органами и с мозговым средоточием. Соединение всех этих условий содействует увеличению силы и легкости всех движений и всех отправлений, составляющих результат первого действия умеренного холода.

При более значительном холоде и при более продолжительном соприкосновении его со всем телом, или с некоторыми его частями, сжимающее действие его, по-видимому, заключено в те же самые границы, но отраженная его деятельность бывает иная. Холод оказывает тогда свойственное ему действие, то есть, он непосредственно заглушает жизнь; он убивает жизненные отправления частей, подвергнувшихся его влиянию, и поражает их особенного рода оцепенением. При

[127] Не вся теплота тела образуется в легком; но деятельность этой внутренности развивает значительное ее количество. Впрочем, здесь не место для исследования других причин, содействие которых оказывает влияние на вызов такого важного явления в живом организме. Я отсылаю еще раз к «Физиологии» Дюма, знаменитого профессора, который, несмотря на свою молодость, приобрел уже такое почетное значение в ученом мире.

таких обстоятельствах, соки, встречая непреодолимые препятствия для правильного обращения,[128] принуждены отхлынуть к внутренним органам, особенно к груди и к голове. Вследствие этого, затрудненное состояние головного мозга замедляет дыхательные движения, затрудненное легкое все более и более ослабляет головной мозг, и если действие холода продлится через меру, то человек мало-помалу впадает в сон, большей частью весьма сладостного свойства, но преодолеть который он положительно не в силах, и этот сон скоро оканчивается апоплексией и смертью.

Сильные движения могут, правда, поддержать на значительное время отраженную деятельность даже среди самого сильного холода; нередко, при содействии большего количества вырабатываемой теплоты, они могут предотвратить последние, начерченные нами явления. Но для этого необходимо, чтобы грудобрюшные органы, составляющие средоточие и опору мускульных движений, были бы могущественно возбуждены обильной или трудноваримой пищей, или самыми сильными, перебродившими, горячими напитками. Когда станет обнаруживаться предательский сон, о котором мы только что упоминали, то от пагубного его опьянения можно освободиться сильным и живым возбуждением воли и мускульными движениями, пропорциональными степени холода: но к этому следует прибегнуть вовремя и бодро продолжать сильные движения до тех пор, пока находишься в тех же условиях температуры; в противном случае гибель неизбежна, если не окажется в соседстве людей, сохранивших больше крепости и воли, которые бы вырвали вас из опасности первого оцепенения.

Есть, наконец, средство против этого особенного рода оцепенения, немедленно наступающего в органах, вслед за тем как жизнь их будет убита холодом; но возвращение движения и теплоты должно быть вызвано постепенно: и если следует опасаться, чтобы внешняя теплота не охватила бы разом эти органы и не вошла бы в них в беспорядочные соединения, как в бездушной материи, то не меньшая нужна предосторожность, чтобы пробудившаяся внезапно жизненная деятельность не произвела бы в них сама неисправимого разложения.

Итак, действие умеренного холода состоит в пробуждении большей деятельности во всех органах, особенно в мускулах; в возбуждении всех отправлений, не затрудняя ни одного из них; в вызове сознания своих собственных сил; в

[128] Не следует думать, что обращение соков зависит исключительно от центрального движения сердца и толстых артериальных стволов, дающих ему первый толчок: силы, поддерживающие это движение, распространены по всей системе артерий и прочих сосудов; они действуют одновременно на все точки их стенок. Таким образом, уничтожающее их оцепенение действует не только как чисто механическое препятствие и не вследствие одних только законов равновесия соки обращаются в таком случае к внутренним органам, в особенности к тем из них, которые одарены более слабыми сосудами; законы эти, разумеется, принимают в этом участие, но явление это вытекает главным образом из усилившейся деятельности оставшихся свободными сосудов, сохранивших всю свою жизненную энергию; деятельности, тем более усиливающейся, чем важнее отправления исполняющих ее органов, подвижность которых увеличивается вследствие некоторой, относительной слабости в их строении.

побуждении к движению и к деятельности. В холодное время года и в холодных странах больше едят и делают больше движений. По мере того, как становится необходимо более обильное количество пищи, природа, по-видимому, находит в самой себе более средств и сил для поддержания существования животного. Но уже из одного этого вытекает, что значительная часть жизни расходуется на внешние движения или пропадает в частом принятии пищи: итак, достаточно небольшого размышления для заключения из этого, самого по себе весьма простого обстоятельства, что между жителями севера и жителями юга должны существовать весьма важные *различия*. Первые, постоянно развлекаемые движением или материальными нуждами, имеют немного времени для созерцательного размышления; вторые, довольствующиеся небольшим количеством зерен и плодов, обильно расточаемых вокруг них природой, ищут покоя и чувствуют его потребность, и среди мускульного своего бездействия постоянно направляются к созерцанию. Таким образом, при равенстве даже всех остальных условий, при одинаковости ощущений, и живости их, как в холодной, так и в теплой стране, жители той и другой так же мало должны быть похожи друг друга нравственными привычками, как внешним своим видом и внутренним устройством.[129]

Но по мере того, как холод усиливается и действие его становится продолжительным, постоянные и сильные движения становятся необходимее. Является потребность в более частом и в более обильном принятии пищи. Все внешние органы и все двигательные волокна получают некоторую высшую степень упругости. Движения сохраняют всю свою силу; они приобретают даже новую, но становятся менее свободными и ловкими. Головной мозг, нередко пораженный некоторою оцепенелостью, становится менее чувствительным к действию различных возбудителей, естественных и искусственных. Для пробуждения его, для ощущения, для отраженного действия на внутренности и на двигательные органы ему необходимы тем сильнейшие возбуждения, чем значительнее препятствия, встречаемые им в увеличившейся крепости мускулов, сосудов и различных перепончатых тканей.

Таким образом слагается крепкое, но малочувствительное телосложение народов, о которых выразился Монтескье, что *для того, чтобы их пощекотать, нужно их расцарапать*. Вот чем следует объяснять замечание последних мореплавателей, которым мы обязаны таким прекрасным описанием западных берегов Северной Америки, что дикие жители пролива Кука[130] одарены такою физическою

[129] Весьма часто достаточно бывает работы и мускульных движений, чтобы предупредить вызов размышления и даже заглушить уже утвердившуюся привычку. Размышление вызывается покойной и непрерывающейся деятельностью головного мозга. Для полноты этой деятельности необходимо, чтобы она не развлекалась слишком сильной или слишком продолжительной деятельностью прочих органов, в особенности же мускулов; необходимо также, чтобы разнообразные, внешние ощущения не создавали бы постоянно новых, мимолетных образов в глубине рассудочного органа.
[130] См. Путешествия де-Мареса, Диксона, Ванкувера и проч.

бесчувственностью, с которою едва ли может сравниться свирепость их нравственных привычек. Мореплаватели эти видели, как они вонзали в подошвы ног своих, обыкновенно столь чувствительные вследствие бесчисленного множества рассеянных в них нервных разветвлений, большие куски битых бутылок; битое стекло производит у человека наших стран особенно нестерпимые раны, потому что оно не столько режет, сколько разрывает мясо, а дикари вонзали себе куски стекла, не обращая на боль никакого внимания. А когда матросы выражали им свое удивление, то вместо ответа они делали разрезы по всему своему телу теми же кусками стекла.

Итак, к исчисленным уже нами нравственным явлениям следует присоединить явления, обусловливаемые этим стеснением круга ощущений; эту физическую бесчувственность, не дающую, так сказать, никакой власти душевному движению, развиваемому отраженным действием и симпатией; наконец, эту непрерывную борьбу с грубыми, ежеминутно рождающимися потребностями или с суровостью неблагосклонной природы, предоставившей живым существам, удалившимся в такие угрюмые страны, только тягостные и неприязненные впечатления.

Говоря о необходимости постепенных приемов при лечении оцепенения, причиненного холодом, и о пагубном действии, производимом в таком случае внезапною теплотою, я имел только в виду представить с одной точки зрения ряд частных и тесно связанных между собою явлений; я вовсе не предвидел, что каждая черта в них доставит нам ряд прямых выводов, непосредственно приложимых к предмету нашего исследования. Тем не менее, быть может, вовсе нелишним будет остановиться на одном довольно замечательном факте: именно, что живое тело может перейти внезапно из сильного тепла в значительный холод, не испытывая таких пагубных последствий, как при обратном переходе; по крайней мере, опасность в этом случае совсем иного рода, и некоторые, тщательно взвешенные опыты доказали мне, что эта опасность вовсе не имеет того значения, которое придают ей. Быть может, нам посчастливится отыскать в этом простом замечании непосредственную и специальную причину глубокой меланхолии, испытываемой людьми и животными холодной страны при переселении их в теплый климат, привыкнуть к которому они не могли до самого последнего времени; этою, более общею причиною объясняется то явление, что человеческие породы, размножившись по умеренным поясам земли и распространившись из них одинаково, как к полюсам, так и к экватору, как только достигнут крайних пределов переносимого холода и как только привыкнут к нему, редко и с трудом возвращаются назад, между тем как жители горячих стран без особенных усилий привыкают к умеренному климату и приспособляются даже довольно скоро к самой жестокой стуже.

Как бы то ни было, мы должны ограничить себя самыми убедительными фактами и выводами, не подлежащими сомнению. В этом отношении нам достаточно будет и

этого, потому что мы имеем в виду рассмотреть влияние, производимое климатом, в другом месте.

§ VIII. — Действие сухого и влажного воздуха может быть отнесено к действию увеличения или уменьшения его упругости. Тем не менее, некоторые, особенные обстоятельства, соприкасающиеся с предметом нашего исследования, заслуживают быть упомянутыми. В самом деле, значительная сухость воздуха, в соединении, как это встречается обыкновенно в наших странах, с пронзительными, северными и восточными ветрами, которые еще более усиливают ее, так эта сухость воздуха, благоприятствующая сначала естественной испарине, то схватывая и увлекая ее с поверхности тела по мере ее появления, то вызывая более живую деятельность в твердых частях, оканчивает тем, что высушивает кожу, делает ее более жесткой и зажимает оконечности отделяющих пот сосудов; так что самая крепость органов, еще более раздражаемых этим сопротивлением, сильно затрудняет и отягощает все отправления. Отсюда вытекает, особенно в слишком чувствительных организациях, тягостное и беспокойное состояние, необыкновенное расположение к нетерпеливости и вспыльчивости, бóльшая или мéньшая неспособность к сосредоточению внимания на одном и том же предмете, а вследствие этого — утомительная подвижность мысли.

В некоторых странах, в которых, при сухости воздуха господствует обыкновенно северный ветер, многие ученые врачи и хорошие наблюдатели считали полезным для здоровья жителей такие условия, которые всюду сообщают воздуху постоянные и общие нездоровые свойства: я имею в виду скопление стоячей воды, водосточные канавы и сырые нечистоты, распространенные по улицам. Врачи эти, разумеется, слишком поспешили со своими выводами в этом вопросе; но не может быть сомнения в том, что в тех местностях, к которым относятся их наблюдения, ни испарения стоячих вод, ни испарения водосточных труб, ни даже испарения самых испорченных и зловонных веществ не производят своего обыкновенного действия. Сухой воздух жадно и непрерывно увлекает и поглощает их; в него поступают все частицы, которые только могут распуститься в нем, все они улетучиваются и пожираются им;[131] постоянное движение рассеивает, наконец, злокачественные миазмы, в которых под влиянием только тепловатой влажности могут образоваться и развиться ядовитые свойства.

В жарких странах воздух часто бывает очень сух: жгучие ветры еще более увеличивают его сухость.[132] Ветры эти убивают и в некотором роде разрушают все

[131] Этим объясняется, почему жители Мадрида дают северному ветру название грызущей болезни — las Rubas del ayre.

[132] В Египте ветры эти предотвращают гниение верблюжьих трупов и обращают их в мумии. Они жестоко беспокоят людей огромным количеством тончайшего песку, захваченного могучим движением воздуха и проникающего в самым тщательным образом закупоренные покои. Песок этот, как известно теперь, оказывает, по-видимому, влияние на воспалительные глазные болезни, столь свойственные этой стране; но весьма вероятно, что он не составляет единственной, ни даже главнейшей их причины; ибо не менее известно, что болезни эти в особенности зависят, как в свое

физические силы; в то же самое время рассудочные и нравственные способности впадают в совершенное бессилие. Но обыкновенно явление это бывает столь же скоропреходяще, как и его причина; воздух тогда очищается даже от всех гнилых и злокачественных испарений, и если климат страны вообще здоров, то тело и душа человека скоро восстановляют свою обыкновенную деятельность.

Сырость воздуха, сама по себе производит расслабляющее действие; иногда она бывает полезна именно этим свойством своим, то есть, при известных обстоятельствах уменьшением чрезвычайной крепости организма она может возвратить органам и движениям ту среднюю степень энергии, которая необходима для правильности движений и для свободы отправлений. Но чаще сырость оказывает вредное на них влияние; в соединении с холодом, она глубоко искажает главные отправления и производит цинготные, ревматические поражения, медленные, слизистые перерождения и проч. Но с такими поражениями связаны, как мы видели в предыдущем Мемуаре, известные, соответствующие им нравственные расположения: бездеятельность мысли и желаний, несовершенные, чахлые стремления, ленивые склонности и падение духа.

В соединении с теплотою сырой воздух производит еще более сильное и глубокое расслабление. Известная нездоровость Бендер-Абасси, окрестностей Венеции, Понтинских болот, острова Св. Фомы, Гвианы, Порто-Белло, Карфагена и проч., ужасные действия которой можно видеть в описаниях путешественников и врачей, находится в очевидной зависимости от пагубного сочетания теплоты и сырости. Преждевременная старость, жестокие гипохондрические поражения, злокачественная сыпь, проказа, перемежающиеся лихорадки самого опасного свойства, изнурительные, нервные, гнилые и заразительные горячки составляют, так сказать, неизбежное его последствие;[133] в несчастных странах этих, если и удается людям, при помощи крепкого телосложения или особенно воздержной жизни, избегнуть главнейших из окружающих их опасностей, то жизнь их тем не менее отличается постоянно слабостью и робостью, заглушает их способности и отбивает охоту от всякого занятия. И так как в странах этих человек может удержаться только вследствие деспотического принуждения или под влиянием алчного корыстолюбия и ненасытимой жадности к барышу, то нетрудно понять, что эти физические условия в конце концов необходимо должны произвести в нравственной природе человека самое отвратительное растление.

В превосходном описании характеров, свойственных различным климатам, и главных, обусловливаемых ими форм в животном мире, Бюффон собрал, между прочим, множество фактов, относящихся к влиянию сырого климата. Он доказал,

время заметил Проспер Альпин, от чередующихся действий горячего, сухого воздуха днем и влажного, холодного ночью. (См. особенно точное и философское «Путешествие» Вольнея).

[133] Я умалчиваю о заразительных ветрах, которые дуют на берегах Персидского залива с 15 июня по 15 августа и почти мгновенно убивают застигнутых ими путешественников, оставляя трупы их в состоянии общей, сухой оцепенелости или гангрены. (См. Шардена «Путешествие в Персию»).

что влияние это искажает вообще организацию всех наземных животных, кроме пресмыкающихся и насекомых, и что ни одна из пород не испытывает до такой степени, как человек, расслабляющего его действия. Он замечает, что способность к воспроизведению, как и склонность к любострастным наслаждениям падают тогда особенно сильно; и этот гениальный наблюдатель, никогда не сходящий с философской точки зрения, даже тогда, когда перестает быть строгим в выборе материалов, делает весьма основательный вывод, что это глубокое искажение склонности, из которой вытекают и развиваются почти все остальные чувствования нашей природы, уже достаточно для изменения порядка в общественных отношениях, задержания цивилизации и для приостановления развития самих способностей, одним словом, для удержания народов как бы в детском возрасте. Я прошу позволения напомнить мимоходом то, что было рассмотрено мною в подробности в Мемуаре о *темпераментах*, относительно значения органов воспроизведения и зависящих от них отправлений. Пусть читатель припомнит могущественное влияние этих органов и отправлений не только на зарождение сладостного расположения к любви, к благодушию, к нежной и симпатической общежительности, но и на энергическую деятельность всех прочих органов, в особенности же на мыслительный снаряд или на главное нервное средоточие.

§ IX. — Между испарениями, поступающими при различных обстоятельствах в атмосферный воздух, должно упомянуть прежде всего о газообразных жидкостях, примесь которых может значительно изменить его свойства и его действие. Новейшая химия, при содействии совершенствующегося с каждым днем искусства делать опыты, успела наконец разложить воздух на составные части, произвести его, употребляя выражение гениального человека (прим. Руэлля старшего), из всех вещей, поставить его в такие условия, при которых человек, подражая природе, выказывает самое широкое, в некотором роде творческое свое могущество. Атмосферный воздух состоит из двух первоначальных газов, смешанных в одном, определенном количестве, и это смешение постоянно и продолжается до тех пор, пока отношение между количеством одного и количеством другого не будет чем-либо нарушено. Преобладание того или другого газа в воздухе может быть только мимолетным. Он скоро исчезает при содействии непрекращающегося ни на минуту его движения, так что атмосферный воздух всюду представляется однородным, если только какие-либо постоянные причины не доставляют ему непрерывно избытка одного из составляющих его газов или другого какого-нибудь летучего испарения. Но, так как этот непосредственный материал для жизни ежеминутно необходим для ее поддержания, то и мимолетные даже изменения в нем, тем не менее должны оказывать быстрые действия на строение органов и на ход отправлений.

Известный излишек кислорода производит более живое чувство благосостояния и силы, нервной и мускульной системе он придает большую деятельность; образуется большее количество животной теплоты, все внутренние возбуждения становятся

более живы, все органы получают большую отзывчивость к действию внешних возбудителей. И это не потому, чтобы воздух, богатый кислородом, был здоровее обыкновенного атмосферного воздуха: напротив того, мы имеем полное право думать, что он порождает в живом организме извращенную чувствительность и ряд чрезвычайных возбуждений, и если такое влияние его продлится долго, то он преждевременно исчерпывает жизнь, подобно всем возбудителям, действие которых быстро не ослабляется привычкой. Но именно потому, что продолжительным влиянием он истощает жизнь, временное его действие ненадолго поднимает ее; это свойство его, которым иногда пользуются при лечении некоторых болезней, вызывает в состоянии рассудочной деятельности и душевных движений изменения, постоянно соответствующие изменениям в состоянии органов.

Преобладание в атмосферном воздухе азотного газа производит противоположные действия; затрудненное дыхание, чувство бессилия и беспокойства в грудной области, тяжесть и слабость головы, смешение понятий, падение бодрости и отвращение к движению овладевают людьми, дышащими воздухом, в котором преобладает этот нездоровый газ.

От примеси углекислого газа воздух испытывает другого рода изменения, которые также делают его вредным и даже смертельным. Эта газообразная жидкость, по-видимому, действует на легкое непосредственно смертоносным образом;[134] она немедленно парализует его и, вовсе негодная для дыхания, она, кроме того, притупляет и заглушает силы, вызывающие это оправление. Впрочем, человек вовсе не испытывает беспокойства или тягостного состояния среди атмосферы углекислого газа, и впадает мало-помалу в покойный сон, сопровождающийся сладостными ощущениями; он умирает без всякого сознания об опасности своего положения и главное, не делая никаких усилий выйти из нее.

Следует заметить, что азотный и углекислый газ должны быть смешаны с воздухом в весьма значительной степени, чтобы оказать свойственное им действие на живое тело. Кроме того, действие это возможно только в закрытых местах; обыкновенно же, вследствие относительной легкости своей азотный газ немедленно поднимается и расплывается по всей атмосфере, а углекислый газ, хотя и тяжелее атмосферного воздуха, растворяясь быстро и равномерно, может быть увлечен и рассеян подобно водяным парам и туманам: если же, удерживаемый своей тяжестью, он остается в нижних слоях атмосферы, то малейшее дуновение воздуха разгоняет и рассеивает его на огромные расстояния, в которых растения и

[134] Кажется, этим свойством своим он производит благодетельное действие при некоторых легочных поражениях. Если согласиться с наблюдениями, приводимыми многими писателями, то можно думать, что болезненное поражение поддерживается в таком случае чрезвычайной раздражаемостью органа, а раздражаемость — слишком обильным относительным количеством в воздухе кислорода. Впрочем, объяснение всех этих выводов требует подтверждения со стороны менее предубежденных наблюдателей. Мы полагаем, что исследования врача Бурдена прольют много света на этот вопрос и вообще на употребление различных газов, как врачебных средств.

различные породы насекомых ежеминутно разлагают его,[135] чтобы усвоить себе его основание, вступающее в соединение с питающими их соками.

Газы: сернисто-водородный и фосфористо-водородный, хлористо-водородный и особенно последний в соединении с кислородом; обыкновенный воздух, напитанный сернистой кислотой, тот же воздух с примесью гниющих, ядовитых, заразительных миазмов; азотный воздух, насыщенный испорченными, животными испарениями, которые он, по-видимому, разлагает в огромном количестве и еще усиливает разложение своими сочетаниями с ними: все эти газы вызывают в органах, то внезапно, то мало-помалу, изменения, весьма интересно описанные многими естествоиспытателями. Но по влиянию своему на нравственную природу действие их может быть отнесено к болезненным явлениям. Если бы справедливо было, например, что испарения сернистой кислоты всегда вызывают, как это нередко весьма точно замечено было хорошими наблюдателями, гноеобразное засорение легких и брюшных внутренностей, то припадки бреда и дикие склонности, сопровождающие такие поражения, следует считать следствием скорее гипохондрических поражений, вызываемых косвенным образом, чем непосредственного действия кислых испарений.[136]

§ X. — Устанавливая известные законы относительно влияния различных веществ, действующих или способных оказывать действие на тело человека, не забудем, что эти законы никогда не следует принимать безусловно, в противном случае частные приложения их могут быть весьма ошибочны. Животная организация видоизменяется самым необыкновенным образом под влиянием привычки, которая мало-помалу может обратить в ничто как самые полезные действия, так и самые вредные. Человеческий организм, о необыкновенной гибкости которого мы говорили неоднократно, бывает в состоянии приспособиться ко всякому роду существования, принять бесчисленные формы его. При некоторой постепенности он буквально может привыкнуть к ядам: нередко привычка делает даже необходимыми для него такие впечатления, которые он научился переносить только благодаря ей самой, так что переход от самых дурных условий жизни к самым лучшим и разумным может сопровождаться для него опасностью. Жители нездоровых местностей не всегда чувствуют себя лучше в более здоровом климате: люди, страдающие одышкой, которым может быть полезен вообще только чистый воздух, тем не менее могут иногда чувствовать необходимость в густом и тяжелом воздухе, к которому они привыкли; в таком случае более живой воздух может усилить у них одышку и причинить жестокие припадки ее. Наконец, неоднократно замечалось, что преступники, вышедши здоровыми и крепкими из смрадных темниц, в которых содержались они долгое время за свои преступления,

[135] А может быть также, что и воды помогают этому разложению, как думает Спаланцани.

[136] Сернистые испарения оказывают весьма разнообразные действия, смотря по степени окисления серы, то есть, смотря по количеству кислорода, с которым она соединяется; но здесь не место входить в эти подробности, весьма, впрочем, интересные для гигиены и в особенности для врачебной практики.

становились больны, чахли на чистом воздухе и получали снова свое здоровье только тогда, когда новые преступления возвращали их в прежнее жилище, сделавшееся для них как бы второю родиною.

Впрочем, все, что справедливо относительно влияния атмосферы, быть может, еще более справедливо относительно влияния пищи и питья. Но из этого могущества привычки, которая, разумеется, заключена в границы, подобно всякому иному могуществу, вовсе не следует заключать, что явления, зависящие от условий жизни, не составляют одного, общего, правильного и неизменного порядка, и что вследствие этого нет возможности построить диететику на прочных основаниях: из этого могущества привычки следует только, что при исследовании этих явлений и при избрании этих оснований, следует принять в расчет весьма значительное число исключений, которые в свою очередь могут быть подведены тоже под известные законы. Точно то же случается и со всеми отклонениями, замечаемыми нами в естественном порядке вещей: то, что случается или может случиться ежедневно, необходимо должно быть подчинено известным законам.

§ XI. — Итак, влияние пищи на животное тело тоже весьма обширно: производимые ею действия весьма глубоки и устойчивы. Повторяясь изо дня в день впечатлениями, возобновляющимися обыкновенно по нескольку раз в сутки и продолжающимися, к тому же, известное количество времени, влияние это ускользало бы от наблюдения, если бы, как мы только что сказали, оно не ослаблялось силою привычки и не склонялось бы к ослаблению тем заметнее, чем более силы и живости придают ему некоторые особенные, случайные обстоятельства.

Пища восстанавливает тело животных не одним только количеством содержащихся в ней и доставляемых ею соков, годных к уподоблению: она восстанавливает их тело, может быть, еще более могущественным образом общим движением, возбуждаемым и поддерживаемым деятельностью желудка и всей надбрюшной области: поэтому, влияние ее на состояние всего организма находится, по-видимому, в меньшей зависимости от свойств этих соков, нежели от степени самого возбуждения. Ибо, хотя многие питательные вещества, замечательные некоторыми внешними или химическими свойствами, как например мучнистые, студенистые, жиры или масла, вызывают известные, постоянные явления, объясняемые их свойствами, тем не менее прямыми наблюдениями доказано, что в таком случае они действуют не всегда собственно как питательные вещества; если даже действие их на самом деле получает такое значение, то большую часть времени этого действия такое значение их бывает только второстепенным и является результатом продолжающихся долгое время впечатлений, возбужденных ими в пищеварительных органах. Сверх того, мы составили бы весьма грубое понятие о жизненном восстановлении, если бы рассматривали его с точки зрения простого, ежедневного прибавления и нарастания частиц, предназначенных занять место тех,

которые увлечены различными выделениями: оно состоит особенно в возбуждении и в поддержании различных органических отправлений; сами же выделения составляют только результат их, и притом второстепенный и, так сказать, случайный.

Мы сказали, что человек может привыкнуть ко всякой пище, как и ко всякой температуре или ко всякому климату: но не все климаты и не всякая пища равно пригодны для него, по крайней мере они пробуждают и поддерживают в нем не одни и те же способности, то есть употребление той или другой пищи не дает человеку или не поддерживает в нем одинаковую способность к одним и тем же отправлениям и работам. Он может питаться растительными веществами и животными: но те и другие оказывают на него весьма различное действие. То же самое следует сказать и о напитках, которые мы не можем в этом случае отделить от пищи, так как они почти всегда составляют часть ее и так как они часто заменяют собою пищу, если принять это слово в самом широком его значении.

Животные вещества производят несравненно более возбудительное действие на желудок, чем растительные; при равном количестве они более совершенным образом восстанавливают и более постоянным образом поддерживают силы. Разумеется, что существует огромное различие между людьми, питающимися мясом, и людьми, которые не едят его. Первые несравненно деятельнее и сильнее вторых. При равенстве всех прочих условий, народы, питающиеся мясом, были всегда выше народов, питающихся зернами, в искусствах, требующих большей энергии и настойчивости. Они не только мужественнее их на войне, но и вообще во всех своих предприятиях они оказывают более смелый и упорный характер. Правда, в некоторых климатах природа, по-видимому, требует сама, чтобы люди питались преимущественно животными веществами; в противоположных климатах достаточно растительной пищи для восстановления ежедневных потерь и, быть может, она более пригодна для человека. В холодных странах необходима такая пища, которая бы развивала больше теплоты, и более медленным и более трудным пищеварением возбуждала бы сильную деятельность желудка, необходимую для поддержания крепости всех органов на такой высоте, какая обусловливается температурой и упругостью воздуха. В жарких странах, напротив того, нужно уменьшать количество вырабатывающейся теплоты, осторожно обращаться с слабым желудком, могущественно возбуждаемым непрерывной деятельностью внешнего органа и чрезмерной испариной; необходимо предупреждать злокачественные разложения, свойственные мясной и рыбной пище несравненно более чем растительной, плодам, орехам или зернам. Тем не менее, люди последних стран, употребляющие в пищу в умеренном количестве животные вещества, гораздо крепче тех, которые вовсе не употребляют их; и если только они соблюдают необходимые, диетические условия, то они оказываются не только более способными к перенесению трудов, но и вообще более здоровыми; они легче

уберегаются от той преждевременной старости, которая вызывается в тех странах чрезвычайной раздражаемостью.

Но раздражаемость эта находится в непосредственной зависимости от обычной мускульной слабости, из чего следует, что настоящей причиной невоздержания в этих странах должно считать слабость и сопровождающие ее чувства или, вернее, ложные раздражения и вызываемые ими желания. Нравственная природа испытывает тогда изменения, непосредственно соответствующие изменениям в органах, а состояние последних может доставить наблюдателю мерило для определения беспорядочности рассудочной деятельности и извращенности побуждений.

Основатели многих общин имели прямое намерение ослабить организм запрещением мяса; другие, имея в виду еще более ослабить его, запретили употребление и рыбы. Некоторые же пошли еще далее: они предписали более или менее частые кровопускания и начертали, каким образом следует производить их. Такие приемы они называли на своем варварском латинском наречии minutio monachi; смотря по температуре и по физическим условиям страны, по жизни и по занятиям общин, по темпераменту и по характеру каждого члена ее, они предписывали более или менее частые, более или менее обильные кровопускания, одним словом, *уменьшение неделимого* (minuere monachum), смотря по требованию обстоятельств.

Уже давно замечено было, что неупотребление мясной пищи и вообще строгое воздержание далеко не ослабляют любострастных желаний и не сдерживают воображения, беспорядочная деятельность которого содействует в несравненно сильнейшей степени, чем естественные физические потребности, к поддержанию глубоких и пагубных страстей. Ничего нет нелепее противоположного мнения. Впрочем, не в этом состояло единственное намерение основателей этих общин; это не было даже главной их целью. В чем же состояло на самом деле их намерение? В безусловном подчинении людей в полном цвете лет, людей, в которых одиночество и один и тот же образ жизни вызывали бы одинаковые впечатления и оказывали бы постоянные действия на малейшие обстоятельства их жизни, в которых созерцательное размышление и незнание света, представляя им химерические образы того, что они утратили, необходимо должны были возбудить самые странные понятия и самые пламенные страсти; следовало подчинить эти искаженные существа еще более извращенным законам, насилующим и попирающим все требования, все чувствования природы человеческой. Следовало достигнуть еще большего: внушить им, если это возможно, оправдание и любовь к таким жестоким законам.

Эти пламенные и меланхолические умы; эти юноши с извращенным воображением, с беспокойной жаждой деятельности, со странными стремлениями и с безумными надеждами или со склонностями к лени и к праздности; эти люди, обрекшие себя

на несчастие, с самым странным образом извращенными понятиями и самым причудливым образом направленными страстями, необходимо должны быть подчинены постоянному гнету и как только можно более унижены. Существование их должно было обратиться в непрерывную муку. Об этом, кроме того, можно составить себе понятие из самых точных описаний внутренней жизни подобных общин: возмущения и заговоры всегда готовы вспыхнуть в этих убежищах отчаяния,[137] а безопасность начальников оправдывает, по-видимому, непосредственное понижение физических сил этих несчастных существ.[138] Сверх того, если меланхолическое расположение, склонность к энтузиазму, сосредоточенные чувствования, неистовые и любострастные исступления еще усиливаются воздержанием, то, с другой стороны, исполнение наложенных на них нравственных обязанностей становится еще более тягостным для их измученного воображения. Гораздо легче подчинить души униженные, и действовать на них воображаемым страхом и мрачными, внушающими ужас, призраками. Несчастные жертвы становились, разумеется, еще более несчастными; но зато в то же самое время они находились в полном повиновении; был ли уверен основатель такой общины в будущем благополучии членов ее, или нет, но он обеспечивал за собою в настоящем власть свою: главнейшая цель его была достигнута.[139]

Я не войду, впрочем, ни в какие подробности относительно странных понятий и побуждений, нередко искаженных и даже опасных, порождаемых подобными условиями жизни. Хотя воздержание вообще или известный род его в частности может принять в них большое участие, тем не менее явления эти вызываются обыкновенно совокупностью условий, из которых каждое должно быть принято в соображение.

Читатель может обратиться по этому вопросу к «Трактату об одиночестве» Циммермана. Он найдет в нем верное описание безумной жестокости, которою отличались в первое время общины такого рода на востоке, непостижимых

---

[137] Люди, хорошо знакомые с внутренней жизнью таких общин, особенно отличающихся чрезмерной строгостью, подтверждают, что между членами их происходит непрекращающаяся вражда, а начальникам их постоянно грозит кинжал или яд.

[138] В уставе Гига существует статья о кровопускании или de minutione: Minuimur in anno quinquies; в противном случае, эти несчастные впадали в неукротимое помешательство и община обуревалась такими же неистовствами и соблазнами, которые встречаются только в тюрьмах и острогах. Этот Гиг управлял общиной с 1109 по 1136. См. Les annales de l'ordre des Chartreux, par dom Masson, который свидетельствует, что в его время, то есть, в XVII столетии, к кровопусканиям прибегали несравненно реже.

[139] Я знаю и не хочу умолчать о том, что вначале общины эти оказали большие услуги земледелию; что некоторые из них были весьма полезны для науки. В известные, несчастные эпохи философы не имели иного убежища от тирании; нигде не было возможности думать и вести мирно жизнь свою. Я прибавлю даже, что существуют некоторые работы, для успешного ведения которых добровольно сложившиеся общины, с однообразными для всех условиями жизни, могут быть весьма полезны. Но те учреждения с кровопусканиями, о которых идет речь, тем не менее были донельзя пагубны. Желательно, чтобы история их была написана беспристрастно каким-нибудь ученым, посвященным во внутреннюю жизнь их: может быть, если это только возможно, мы могли бы воспользоваться некоторыми неизвестными нам воззрениями, как для начертания новых правил, приложимых и к нашему образованному времени, так и для ознакомления с тем, как следует вести это дело.

сумасбродств, обусловливаемых жгучим солнцем Египта, наконец, лицемерие, испорченные нравы и глубокое несчастье в Европе, в которой, подобно армиям, повинующимся деспотам, они держали в угнетении народ, не становясь чрез это сами хоть сколько-нибудь счастливее.

Привычки, свойственные народам, питающимся рыбою, находятся в несравненно меньшей зависимости от свойств их обычной пищи, чем от характера занятий, с которыми связано добывание ее, или от впечатлений, вызываемых доставляющею эту пищу областью, и победами над всякого рода опасностями. То же следует сказать и о народах, живущих охотою. Орды охотников, (ибо они могут образовать только орды), всюду представляют и всегда представляли почти один и тот же строй привычек, за исключением во всяком случае различий, вызываемых, или климатом, или характером отношений, установившихся между этими ордами и соседними народами. Принужденные пробегать значительные расстояния, чтобы добыть необходимое количество дичи; в постоянной вражде со всяким, кто осмелится поделиться с ними добычею, доставляемою лесом; побуждаемые нуждою, матерью всякой промышленности, внушающею им необходимость иметь оружие, выдумать западню, изучить нравы, отличающие каждый род дичи; наконец, в вечном столкновении с непогодою, — таковы в действительности главные причины привычек, замечаемых у охотничьих народов. Повторяю, таким же точно образом постоянная необходимость вести жизнь на сырых берегах, на водах покрытых туманом, бороться с волнами и ветром, обратить рыбную ловлю в настоящее искусство и приспособлять правила его к каждому обстоятельству непременно должны развить известный порядок понятий, вызвать известные побуждения и страсти. Но в обоих случаях замечается, что явления находятся в совершенном соответствии с вызывающими их причинами, так что на основании сравнения мы получаем право утверждать зависимость, раскрываемую нам и непосредственным наблюдением.

Таким образом, обычаи людей, питающихся рыбою, следует приписать исключительному влиянию их занятий.

Тем не менее, исключительное и постоянное употребление в пищу рыбы может оказать непосредственное действие на свойства темперамента и отразиться, поэтому, косвенным образом на отправления органов мысли и воли. Рыба вообще, особенно добываемая в морях и в больших озерах, которые, впрочем, только и могут доставить необходимое количество ее для целых народов, содержит в себе в большем изобилии жирные и студенистые вещества, способные к немедленному и быстрому разложению. Введенные в соки вещества эти приносят с собою излишек в питательном материале, который разливается в ячейки клетчатой ткани и производит бездеятельную, холодную, часто весьма беспокойную дородность. От этой же пищи часто образуются упорные завалы во всей железистой системе, более или менее тягостные или неприятные накожные болезни, которые всегда

сопровождаются постоянным раздражением нервной системы. Это раздражение вызывает в свою очередь причудливые вкусы, а иногда жестокие и пагубные страсти.

Я не говорю в настоящем случае о некоторых злокачественных язвах, являющихся вследствие неумеренного употребления известных пород рыбы во время метания икры. Ужасные болезни эти вносят смятение во все отправления и пробуждают род неистовства в любострастных наслаждениях; они причиняют такое тягостное состояние и вызывают такие беспорядочные возбуждения, что застигнутый ими больной может решиться на самые ужасные и отчаянные поступки. В прежние времена такие факты встречались довольно часто, но в последнее время они стали случаться гораздо реже, по мере того как начали совершенствоваться полицейские меры, а большее и общее довольство придало жизни более правильный, диетический характер и развило привычку держать в опрятности, как тело, так и жилища.

Действие, производимое исключительным употреблением жирной и студенистой рыбной пищи сходно с действием различных других питательных веществ, отличающихся грубостью и неудобоваримостью. От постоянного употребления тех и других в железах весьма часто образуются завалы; вырабатывается чрезмерное количество желчи; в соках является злокачественное разложение или стремление к нему; жировая и клетчатая ткань засоривается; иногда же она делается до того жесткою, что затрудняет все отправления.

Незадолго до революции я был приглашен на консилиум к одной женщине, в которой это засорение и эта общая затверделость заглушили мало-помалу все отправления. Говорить с нею следовало чрезвычайно медленно. Она отвечала только через несколько минут и еще медленнее. Рассудок ее, по-видимому, колебался и сомневался при каждом слове. Перед болезнью она отличалась особенным умом, но я застал ее почти в идиотическом состоянии. Она была очень жива от природы — но при мне она не была в состоянии сложить никакого желания; она не выказывала ни склонности к чему бы то ни было, ни отвращения.

Действие грубых питательных веществ, в особенности вспомоществуемое соответствующими ему напитками, состоит в отупении в различной степени ощущений и в соответствующем ему задержании деятельности двигательных органов. Действие это бывает особенно сильно, и оно отличается даже особенным образом при засорении нижней части живота. Это было замечено в свое время еще Гиппократом. Наконец, действие это тем сильнее, чем ближе наблюдаемый случай к тому, который описан мною.

Таким образом, в некоторых странах, в которых бедные классы питаются исключительно каштанами, сарачинским пшеном или другими, грубыми, питательными веществами, замечается безусловная почти тупость этих классов и

необыкновенная вялость в их желаниях. Люди в этих странах тем глупее и ленивее, чем исключительнее они питаются этими веществами; и еще в самые древние времена замечено было духовными их учителями, что все усилия внушить какие-либо религиозные и нравственные понятия этим одичалым людям были еще более бесплодны в те времена, в которые они питались сырыми каштанами. Примесь мясной пищи и в особенности умеренное употребление некислого вина составляют, по-видимому, лучшее средство для уменьшения пагубного действия такой пищи; ибо между жителями стран, богатых каштановыми лесами и жителями стран, богатых виноградными, существует еще большее различие, чем между первыми и жителями хлебородных стран. Пройдя леса, по мере приближения к виноградникам, замечается уменьшение этого различия между населяющими их людьми.

Молоко, которое я рассматриваю здесь как пищу, а не как напиток, оказывает самое разнообразное действие на человека, смотря по прирожденному темпераменту и случайному состоянию, в котором находится тело в минуту его употребления. При изменениях, испытываемых молоком, вследствие искусственного его изменения, оно оказывает действие вовсе непохожее на то, которое свойственно его естественной природе. Свежее и чистое молоко действует на весь организм успокоительным образом, не производя однако ослабления; оно умеряет обращение соков; оно вносит особенное успокоение в органы чувствований; оно располагает к отдохновению двигательные органы. Под влиянием его понятия, по-видимому, становятся более точными, но деятельность мысли слаба; побуждения делаются покойными и сладостными, но они вообще теряют энергию; и хотя это удобоваримое вещество поддерживает в достаточной степени общие силы, тем не менее оно обусловливает ленивые склонности: человек мало думает, мало желает, мало действует.

Таковы действия молока, замеченные на самих себе людьми, которые, по причине болезни, разом переходили с более возбуждающей пищи на строгую, молочную диету и которые могли, стало быть, лучше оценить действительное влияние последнего рода пищи при такой всесторонней и быстрой перемене. Можно полагать, что явления эти находятся в непосредственной зависимости от слабости или от смутности впечатлений, производимых молоком в желудке, и от неполной деятельности, вызываемой им в этой внутренности и во всем пищеварительном снаряде. Быть может, они зависят также, только косвенным образом и вследствие более отдаленных впечатлений, от маслянистой природы этого вещества: ибо всякое молоко содержит в изменяющихся пропорциях масло, обыкновенную слизь и в слабой степени оживотворенную клейковину, соединенные между собою в сочетании, достаточно крепком для удержания их от какого бы то ни было внезапного, специального перерождения, но недостаточно совершенном для вызова перерождения, свойственного более тесным соединениям тех же веществ.

Но при известных темпераментах и при известных болезненных состояниях употребление в пищу молока оказывает особенное действие, вполне отличное от тех общих влияний, которые мы только что описали. Иногда оно причиняет непосредственно меланхолические расположения, которые, если получат упорный характер, то скоро вызывают за собою расстройство воображения и следующее обыкновенно за ним, как мы неоднократно повторяли, искажение отправлений воли. Еще чаще за ним следует злокачественное, весьма опасное расстройство пищеварения или перерождение желчи, завалы в печени, в селезенке и во всей брюшной полости, которые в свою очередь влекут за собою глубокое искажение во многих важных отправлениях.

В предмет моего исследования не входит рассмотрение различных действий, производимых свежим и чистым молоком на организм человека, ни условий, сопровождающих эти действия: я ограничусь только замечанием, что это питательное вещество, считающееся по общепринятому понятию главным средством против хронических грудных болезней, может быть весьма вредным, и требует почти всегда, даже в том случае, когда употребление его может оказать действительную пользу, особенной осмотрительности, как в выборе для него времени, так и в образе его употребления. Я прибавлю, что молоко, несмотря на свою удобоваримость, оказывается вообще более полезным людям, привыкшим к движению, чем к тем, которые ведут сидячую жизнь. Сверх того, оно может оказаться настоящим ядом для людей, страдающих желчью и завалами в брюшной полости, и редко может принести пользу лицам, одаренным деятельной нравственной природой, все отправления которых тесно связаны с живыми и постоянными ощущениями. Наконец, молоко, подобно мучнистым веществам, доставляет в обильном количестве восстанавливающие материалы; подобно им оно запечатлевает вялостью мускульные движения, и хотя оно и поддерживает, по-видимому, их органическую силу, но не притупляет в такой же степени чувствительности; оно умеряет только ее деятельность и ограничивается понижением крепости нервной системы.

То, что сказано было мною до сих пор о молоке, я должен повторить и о всех других питательных веществах; в предмет моего исследования не может войти ни рассмотрение всех производимых ими действий, ни вывода из наблюдений диетических и врачебных правил. Такой обширный предмет потребовал бы не коротенького параграфа, а длинного мемуара. Для нас достаточно подтверждения несколькими общими явлениями влияния пищи на нравственное состояние человека. Гигиене, получившей такое философское значение под пером новейших ученых врачей, принадлежит более подробное исследование фактов; ей следует оценить все видоизменения их и оттенки, на основании глубокого их изучения начертать и более подробные правила, приложимые к каждому частному случаю и имеющие в виду все большее улучшение физической природы человека, а вследствие этого, его понятий, его мудрости и его счастья.

§ XII. — Прежде чем я оставлю пищу, чтобы перейти к напиткам, я считаю уместным сказать несколько слов об известных веществах, которые не могут быть отнесены ни к той, ни к другим, но которые, тем не менее, в том или другом виде, находятся в общем употреблении у всех народов; я имею в виду наркотические или усыпляющие вещества.

Животное тело часто впадает в бессилие, или вследствие излишней, или вследствие недостаточной, или вследствие извращенной чувствительности. Из этого вытекает пристрастие всех народов к возбудительным средствам. Большая часть животных пристрастна к ним не менее человека. Хотя возбудительные средства, собственно, не одни и те же для различных пород животных, быть может, между возбудителями, вошедшими в употребление человека, нет ни одного, к которому было бы в самом непродолжительном времени нельзя бы было приучить всех животных, живущих вокруг нас в прирученном состоянии. Не может подлежать сомнению, что умеренное употребление тех, которые избираются ими свободно, столько же им полезно, как и приятно. Следующее за этим употреблением, хотя и временное только, ощущение силы и бодрости придает им, как и нам, более сладостное ощущение жизни; и для них, как для человека, часто бывает необходимо это ощущение для поддержания или для возобновления отправлений.

Хотя действие наркотических веществ отличается от действия чистых возбудителей, оба рода этих веществ имеют между собою много общего. В настоящее время считается несомненным, что наркотические вещества одарены настоящим возбудительным действием. Правда, действие это не простое; они оказывают в то же самое время и другое действие, которое в соединении с первым составляет их полное свойство: но в этом собственно и состоит их огромная польза при лечении известных болезней, их опасность при лечении некоторых других, в которых они сначала употреблялись, сладостное ощущение, доставляемое ими в известных обстоятельствах, и неудержимое влечение к ним, зарождающееся вследствие их употребления.

Я считаю нужным войти по этому поводу в некоторые разъяснения.

Животный организм, разумеется, представляет одну систему, в которой все находится в соотношении и в самой тесной связи, но, чтобы отправления ее постоянно происходили бы в совершенно правильном, взаимном порядке, необходимы многие условия. Мы знаем, что чувствительность нервного органа может отличаться силою и живостью, между тем как в то же самое время движения мускульных волокон будут весьма слабы; обратно, двигательные силы могут быть чрезвычайно энергичны при бессилии и как бы оцепенении ощущений. Мы знаем также, что некоторые органы или некоторые системы органов могут преобладать над прочими органами и системами. Но это неправильное распределение сил и эта несоразмерная деятельность отправлений, смотря по обстоятельствам, обусловливают, или известное общее строение (темперамент), или различного рода

болезни, а именно бóльшую часть таких, которые развиваются медленно, рядом последовательных беспорядков в организме. Умственные занятия, например, чрезвычайно возбуждают чувствительность нервной системы и уменьшают, как бы в соразмерном отношении крепость мускульных волокон; напротив того, телесные упражнения, в особенности же не требующие особенных соображений и размышлений, укрепляют мускулы и притупляют в то же самое время чувствительность. Мы замечаем, помимо того, что некоторые случайные обстоятельства, или известный образ жизни обессиливают или укрепляют некоторые отдельные органы. Бесчисленные наблюдения показали нам, наконец, что между веществами, которые могут быть приведены в соприкосновение с живым телом, существуют такие, действие которых обращается на один какой-либо определенный порядок сил, на один или на несколько специальных органов, на один, определенный порядок отправлений. Таким образом, известные, заразительные испарения мгновенно разрушают чувствительность мозговой системы. Существуют другие, действие которых прямо направляется на мускульные силы. Укушение гремучей змеи производит во всех частях тела и во всех соках злокачественное разложение; укушение найи или очковой змеи вызывает конвульсии и род сухой гангрены в укушенной части; укушение аспида или египетской ехидны производит глубокий сон. Таким же точно образом, принятое внутрь алоэ гонит кровь в обильном количестве и с большею силою в нижние части тела. Наконец, чтобы не умножать числа приводимых примеров, шпанская муха оказывает прямое и исключительное действие на мочевые пути и на всю систему органов воспроизведения.

Но нередко то исключительное действие, о котором идет речь, присоединяется к случайным явлениям, или вернее, оно слагается из двух или трехчастных явлений, производимых одной и той же причиной. Признанное, например, всеми наблюдателями действие шпанской мухи, принятой внутрь, сопровождается более или менее сильным воспалением внутренней оболочки желудка, воспалением, которое, вследствие многочисленных симпатий этой внутренности, раздается, так сказать, всюду, особенно же в мозговом органе. Внешнее употребление шпанской мухи может тоже раздражить мочевой пузырь и почки; но в таком случае, если действие ее будет сколько-нибудь значительно, быстрыми симпатическими путями оно переходит из почек в желудок. Наконец, полезное действие, столь же единодушно признанное за *крестоцветными* или четырехмочными растениями при лечении цинготных болезней, зависит, в одинаковой степени, и от непосредственного, возбудительного действия их на пищеварительные органы, и от свойственного им мочегонного действия, и от более совершенного уподобления, развиваемого ими в крови и в прочих соках.

Не менее сложное действие принадлежит и наркотическим веществам. Употребление их вызывает два замечательных, различных явления: одно состоит в уменьшении чувствительности, другое — в усилении кровообращения и через него,

или еще более прямым путем, при посредстве нервной системы, в усилении двигательных органов. Единственно с последней точки зрения наркотические вещества могут рассматриваться, как возбудители. Тем не менее, они оказывают еще одно действие, отождествляющееся, впрочем, до такой степени с двумя первыми, что, по-видимому, оно не может быть отделено от них; я имею в виду обусловливаемое ими могущественное движение к голове артериальной крови: вот почему для действительного возвышения мускульных сил наркотические вещества следует употреблять в умеренном количестве; ибо, по мере усиления приемов, усиливается и оцепенение нервов; а головной мозг, все более и более обременяемый чрезмерными приливами крови, тем слабее передает в мускулы раздражение, и может даже прекратить его совершенно.

Из этого краткого очерка действий наркотических веществ, при помощи соображения, можно составить себе понятие, какой род ощущений и представлений должен вызываться употреблением этих веществ. При господствующем образе жизни, вследствие смутных впечатлений и неправильно распределенных занятий, нередко обусловливаемых различными обстоятельствами, является неизбежно порочное распределение сил между различными органами; в различных частях организма образуется извращенная чувствительность и сосредоточивается жизненная энергия: равновесие исчезает, и хотя само состояние это нередко вызывает в нервной системе большую способность к тому или другому отдельному отправлению, тем не менее за ним скоро следуют, особенно если не сильно искажена внимательность мозгового средоточия, болезненные ощущения, соответствующие напряжению появляющихся тогда спазматических припадков, а еще более — значению пораженных ими, или вызывающих их органов. Но наркотические вещества рассеивают эти спазмы и разгоняют их тем скорее и совершеннее, что тройственное действие их одновременно стремится к одной этой цели. Ибо 1) постоянно замечается, что когда тупеет чувствительность, то в частях, случайно сделавшихся более чувствительными, без постоянной какой-либо местной причины, обнаруживается прежде всего отупение и оно выражается в них заметнее; 2) усиленное кровообращение явным образом содействует разрешению спазмов; иногда оно одно может разогнать их, как это доказывается действием, производимым движением, лихорадкой и некоторыми возбудителями, употребляемыми в тех же случаях и вызывающими те же непосредственные и аналогические явления; 3) постепенное отупение мозгового органа влечет за собой общее оцепенение; а на основании постоянных законов животного тела, это общее оцепенение бывает тем полнее, чем выразительнее было противоположное ему состояние.

Первые ощущения такого состояния развивают чувство высокого благосостояния. Сладостные ощущения становятся еще более живы вследствие особенной деятельности, возбуждаемой в головном мозгу энергическим кровообращением,

вследствие направления ее к новым предметам и вследствие приятного сознания могущественной, мускульной силы во всем теле. Наконец, более значительное количество крови, приносимой к головному мозгу, возбуждает в нем сладостный трепет в соединении с легким беспокойством, объясняющий то состояние туманной мечтательности, которое, в соединении с сознанием, как я только что упомянул, большей двигательной силы, вызывает самое высокое чувство благосостояния. Состояние это продолжается до тех пор, пока количество крови или стремительность ее обращения не перейдет за известные пределы; ибо, если первое или вторая перейдут за эти пределы, то вызывают сон, а за дальнейшим их возвышением следует уже апоплексия или смерть.

Наркотические вещества считаются по общепринятому мнению прямыми возбудителями и любострастных желаний. Если это мнение основательно, то оно могло бы несколько объяснить сладостные ощущения, вызываемые употреблением этих веществ. В самом деле, мы видели в другом Мемуаре, какое огромное влияние оказывают органы воспроизведения на весь организм и до какой степени возбуждение их живо чувствуется в особенности в мозговом средоточии. Но весьма возможно, что наркотические вещества оказывают на детородные части такое же действие, как и на прочие органы, то есть, они действительно возбуждают их, но в соразмерности с усилением кровообращения и крепости мускульных волокон, как уже неоднократно было упомянуто нами. Возможно также, что вызываемые ими нередко сладострастные впечатления находятся в зависимости от тех условий, при которых обыкновенно прибегают к ним, и что впечатления эти связаны с другими ощущениями, или вызываемыми этими впечатлениями особенными представлениями. Если для султана, лежащего на своем диване, опьянение, производимое опиумом, сопровождается самыми сладостными образами; если оно порождает в нем приятное, живое волнение, обусловливаемое первым действием опиума на нервную систему, то в голове янычара или спага это опьянение сопровождается представлениями крови и убийств, увлечением и одушевлением, варварское неистовство которых, разумеется, не имеет ничего общего с самыми живыми волнениями любви. Так что совершенно неосновательно, в доказательство необыкновенного действия опиума на любострастные желания, приводят возбужденное состояние половых органов, которое часто замечается в трупах турков, оставшихся на поле сражения. Состояние это, разумеется, вызвано сильными и общими спазмами или судорожными движениями, сопровождавшими минуту наступления смерти, но это все, что можно вывести из этого наблюдения, ибо оно неоднократно замечалось и в наших странах на трупах повешенных. Сверх того, мы имеем повод думать, что в жарких странах встречается это же явление у людей, умерших от конвульсивных болезней, а у нас оно замечено у некоторых эпилептиков, окончивших жизнь среди жестокого припадка своей болезни.

Неумеренное или постоянное употребление наркотических веществ сильно содействует к наступлению преждевременной старости, которая так часто

встречается в жарких странах. Известно, что одного повторения сильных возбуждений бывает уже достаточно для ослабления нервной системы. Возбуждения эти производят несравненно более опасные последствия, когда они усложняются другими впечатлениями, непосредственно притупляющими чувствительность; они становятся несравненно более пагубными в частном случае, о котором идет речь, вследствие сильных приливов крови к мозговому средоточию, сосуды которого, слабые сами по себе, чрезмерно расширяются стремительным напором крови. Итак, постоянное употребление наркотических веществ преждевременно ослабляет человека; оно располагает к апоплексии и к параличу; оно поражает головной мозг оцепенением, которое может быть удалено только на некоторое время новым приемом наркотического вещества, за которым следует еще худшее положение, так что оцепенение это с каждым днем все более усиливается; неумеренное употребление этих веществ разрушает, наконец, мало-помалу всякую способность к мышлению и развивает привычку к неопределенной мечтательности, которая, без всякого сомнения, более всего способна поразить бесплодием силы рассудка.

Из совокупности[140] всех этих условий вытекает стремление к лени и к апатии, бессмысленные, грубые побуждения, над которыми бессильно могущество разума, и необузданные страсти, жестокие и способные на самые ужасные преступления. Известно неистовство индейских негров, которые, после того как отвращение к жизни охватит их душу, проглотив сильный прием гашиша,[141] смешанного с опиумом, яростно выбегают с кинжалом в руке на улицу и убивают всякого встречного, пока не будут убиты сами, как дикие звери, окружившей их вооруженной толпой.

Действие наркотических веществ вообще мы приводим здесь к некоторым, свойственным всем им явлениям; в самом деле, все эти вещества имеют между собою много общего. Впрочем, при подробном исследовании свойств их, разумеется, следовало бы для большей точности отличить и разделить их на классы по их многочисленным и замечательным различиям. Таким образом, найдено бы было, что одни из них действуют, по-видимому, более непосредственно на желудок и производят головокружения, поднимая эту внутренность;[142] что другие причиняют особенного рода сжатие, сухость и жар в горле. Действие одних из них длится

---

[140] Должно, впрочем, заметить, что опиум, употребляемый в слабых приемах сохраняет надолго простое, возбудительное действие. Я знал одного старика, употреблявшего его для предупреждения летаргических припадков, к которым он был сильно расположен. Я сам употреблял его с успехом и с той же целью над другим стариком, который, вследствие внезапно бросившейся внутрь испарины, впал в сильно сонливое состояние. Но в последнем случае я счел нужным присоединить к опиуму крепительные вещества.

[141] Гашиш — экстракт конопли, опиум — экстракт мака.
Пер.

[142] О мнимом поднятии желудка см. прекрасное исследование Мажанди, сущность которого и превосходные опыты приведены мною на стр. 484 и след. в примечаниях к «Физиологическим исследованиям о Жизни и Смерти» Биша. Пер.

чрезвычайно долго, действие других почти мимолетно. Некоторые из них оказывают более возбудительное действие, некоторые же другие, напротив того, действуют, по-видимому, только как усыпители.

Из всех наркотических веществ опиум, при умеренном употреблении, менее других притупляет и обессиливает; гашиш более всего расслабляет человека. Дурман, если действие его не смертельно, оставляет за собою неизлечимое отупение. Но эти подробности до нас не касаются: мы должны ограничиться только указанием их.

§ XIII. — При исследовании действий, производимых напитками, равным образом невозможно ни ограничить себя общими выводами, ни вдаться в частности, чтобы оценить как следует все обстоятельства, которые могут в этом отношении видоизменить явление. Во избежание неопределенности первого приема и нескончаемых мелочей второго, я полагаю возможным подразделить все существенные факты на следующие отделы, то есть отнести их к действию:

1) Воды, в различных состояниях, в которых она встречается в природе;
2) Перебродивших (хмельных) напитков;
3) Горячих напитков (спиртов);
4) Некоторых настоев или растворов, употребление которых распространено между различными народами и изготовляемых, или через посредство воды, или через посредство перебродивших жидкостей и спиртов.

С давних времен, еще Гиппократом замечено было огромное влияние воды на отправления животного организма и непосредственное влияние этих отправлений на привычки и на рассудок, на душевные движения и на побуждения. Солодоковатая вода, насыщенная гнилыми, растительными разложениями, землистыми веществами или значительным количеством сернокислой извести, оказывает весьма вредное действие на желудок и на все прочие, пищеварительные органы. Употребление ее вызывает различного рода болезни, острые или хронические, постоянно сопровождающиеся состоянием замечательного общего расслабления, особенно нервной системы. Но это общее расслабление сопровождается в свою очередь безотрадным, гипохондрическим расположением духа, содержащим рассудок в состоянии постоянного беспокойства и уныния, или почти совершенным падением отправлений и состоянием настоящего отупения. Так называемые твердые и сырые воды, то есть, насыщенные чрезмерным количеством сернокислой извести и соответствующим ему уменьшением кислорода или вернее, атмосферного воздуха,[143] быстро распространяют гибельное расслабление из желудка и внутренностей во всю систему желез и всасывающих сосудов; они производят завалы, перерождают лимфу и затрудняют всякое всасывание.

[143] Относительное количество кислорода, входящего в состав воды, составляет почти 85 частей на 15 водорода, то есть, почти 6/1. Но при некоторых обстоятельствах вода, как и воздух, может распустить в себе большее количество того или другого из составляющих ее веществ. Большее количество кислорода делает воду вообще более тяжелой и трудноваримой.

Засорение желез и перерождение лимфы порождают болезни, вследствие которых, должно сознаться, усиливается деятельность головного мозга, но еще чаще последний тоже засоряется; болезни эти могут довести его до такого состояния, что в нем едва остается слабая степень необходимой деятельности для поддержания жизненных отправлений. Затруднение различных всасываний вызывает новые изменения в органах и в их способностях, изменения, клонящиеся все к большему понижению крепости волокон и отправлений нервной системы. Явления эти составляют последний результат действия *твердой* и *сырой* воды, для полного выражения которого вероятно необходимо содействие некоторых других условий, которые не определены еще наблюдением с достаточною точностью. Но в таком даже случае, когда болезни, вызванные затруднениями всасывающей системы, выражены более слабыми чертами и ограничиваются упорными завалами в различных внутренностях брюшной полости, они тем не менее сопровождаются гипохондрическим и меланхолическим расположением духа, нравственные последствия которого известны нам в достаточной степени.

Холодная вода, принятая внутрь, производит вообще укрепляющее действие. Известно, что теми же свойствами отличаются холодные ванны: но это явление находится не в исключительной зависимости от отраженного действия холода в том и другом случае. Многие наблюдения, из которых я не могу еще сделать окончательного вывода, дают мне право предположить, что внутри тела или на его поверхности происходит разложение жидкости, возвращающее назад значительное количество ее кислорода и почти весь водород ее. Вероятно, вероятно, вследствие тех же причин, даже теплые ванны оказывают нередко прямое крепительное действие.[144] И если теплые напитки должны быть насыщены посторонними веществами, чтобы не причинить общего расслабления, то с одной стороны это обусловливается тем, что вследствие особенного расположения желудок, если можно так выразиться, любит и желает ощущений холода, а с другой — расслабление его, каким бы образом оно ни было вызвано, быстро распространяется во все прочие органы, во все отправления.

Действие воды, принятой внутрь, зависит, впрочем, от качества и количества содержащихся в ней, посторонних веществ. Таким образом, если она содержит в себе медь, то вызывает рвоты и сильный понос, и может даже причинить немедленную смерть. Чисто соленые воды, содержащие, например, хлористые или сернокислые соли, хлористую или сернокислую известь и магнезию, азотнокислые соли, азотнокислую известь и проч., действуют в силу веществ, которые находятся в них в растворенном состоянии. Соли, заключающиеся в воде, оказывают, по-видимому, тем сильнейшее действие, чем в большем количестве этой жидкости они растворены; по крайней мере, замечание это могли сделать все врачи, делавшие наблюдения над слабительными солеными водами, встречаемыми в естественном

[144] Слабительные, делая отправления более свободными, могут оказать точно такое же действие, как и крепительные лекарства; но легко заметным образом.

виде или приготовляемыми искусственно. Равным образом, ежедневно можно заметить, что вода, содержащая в себе железо, в сернистых ли соединениях, в углеродистых, или в растворении без тесных и совершенных сочетаний, вызываемых углекислым, сернистоводородным и другими газами, получает во многих отношениях несравненно сильнейшие крепительные свойства; то же самое следует сказать и о прочих веществах, соленых, металлических и проч. Но при исследовании действия воды, видоизмененной этими различными, посторонними ей веществами, на мозговой орган и на его отправления, необходимо, согласно с Гиппократом, делать наблюдения и взвешивать действия ее на внутренности брюшной полости и косвенное влияние последних вообще на всю нервную систему.

Опьянение, производимое употреблением значительного количества перебродивших напитков, имеет некоторое сходство с опьянением, вызываемым употреблением наркотических или одуряющих веществ; но оно и отличается от него некоторыми, весьма важными последствиями. Во-первых, оно скорее проходит и оставляет за собою только слабые и временные следы, расстраивающие нервную систему. Во-вторых, напитки эти производят не одно только умеренное возбуждение, непосредственно вызываемое в желудке; они действуют, как мягкие, укрепляющие средства влиянием растворенных в них обыкновенно экстрактных веществ, которые одновременно, и умеряют, и делают более продолжительным их действие. Быть может также, согласно с мнением многих знаменитых врачей, они оказывают еще прямое, противоразлагающее действие, предупреждающее злокачественное перерождение пищевых веществ и восстанавливающих соков.

В действии, производимом различными перебродившими жидкостями, замечаются некоторые несходства. Когда сахаристые и способные к брожению частицы находятся в соединении с весьма сильным, ароматическим началом, как это бывает в напитках, приготовляемых некоторыми дикими племенами из различных пряностей, измельченных и смешанных с соком некоторых древесных пород или плодов, то оно оказывает более глубокое и более продолжительное действие: действие это обусловливается чрезвычайно жгучим маслянистым веществом, заключающимся в этих напитках, а обильное и продолжительное употребление их кончается разрушением сил желудка постоянным и энергическим его возбуждением. Это влечет за собою различные хронические поражения, сопровождающиеся гнилой сыпью, необыкновенной худобой и замечательным расслаблением всей мозговой системы.

Напитки, приготовляемые из перебродивших хлебных зерен, производят более мягкое и недолго продолжающееся действие; но количество содержащихся в них питательных веществ требует более или менее значительной работы со стороны желудка и прочих уподобляющих органов. Употребление их в обильном количестве может вызвать тягостные расстройства в желудке, а продолжительное их

употребление, хотя бы и в небольших приемах, нередко засоряет брюшные внутренности и орошает мясные волокна несовершенно выработанными соками.

Самые здоровые, как и самые приятные из перебродивших напитков, без сомнения, получаются непосредственно из плодов, богатых сахарным веществом, а из последних во многих отношениях должно отдать предпочтение виноградному вину.

Вследствие вызываемых им сладостных впечатлений, приятного возбуждения головного мозга, живого ощущения возвышения мускульных сил, употребление вина пробуждает и возобновляет веселое расположение духа, поддерживает деятельность мысли и развивает благодушные чувствования, доверчивость и радушие. В странах, богатых виноградниками, люди вообще более веселы, умны и общительны; они более откровенны и предупредительны. Ссоры их отличаются чрезвычайной вспыльчивостью, но злоба их скоро проходит, и месть их не отличается ничем мрачным или вероломным.

Непомерное употребление виноградного вина, как и всякого возбудительного вещества, без сомнения, может разрушить силы нервной системы, ослабить рассудочные способности, исказить до последней степени, как физическую, так и нравственную природу человека; но подобное действие вина возможно только тогда, когда злоупотребление достигнет последних пределов; такое явление весьма редко может случиться без содействия спиртных напитков, которыми обыкновенно кончают все пьяницы, когда виноградное вино перестанет действовать на вкус их и на головной мозг. Я знал многих стариков, которые всю жизнь свою пользовались в широких размерах употреблением вина и до самых преклонных лет сохранили всю силу рассудка и почти все свои физические силы. Быть может даже, что в странах, настолько богатых вином, что оно вошло в условия жизни, как обыкновенный, ежедневный напиток, можно отыскать сравнительно большее число восьмидесяти и девяностолетних стариков, деятельных, крепких и широко пользующихся жизнью.

Хотя различные сорты вин оказывают весьма сходные последствия, образ их действия на желудок и на нервную систему тем не менее представляет оттенки и различия, достойные нашего внимания. Чтобы понять причину этого, достаточно заметить: 1) что различные вина содержат сравнительно неодинаковое количество спирту, экстрактных веществ и водянистой жидкости; 2) что бродящее начало в них неодинаково развито или видоизменено; 3) что самые виннокаменные соли находятся в них в различных состояниях и в различных количествах. Таким образом, например, вина, богатые спиртом, оказывают быстрое и сильное действие, богатые экстрактными веществами производят приятное и продолжительное действие; вина, перебродившие несовершенным образом и содержащие большое количество не вошедшего в соединение углекислого газа, оказывают быстрое, но мимолетное действие; наконец, вина, в которых бродящее вещество сохранило еще значительное количество сахаристых частиц, оказывают одновременно, и сильное, и продолжительное действие. Вареные вина вообще, особенно южных стран, долго

остаются в желудке, вследствие чего они энергически восстанавливают силы, но приемы их должны быть очень невелики.

Многие ученые наблюдатели утверждают, что народы стран, богатых виноградниками, имеют характер, сходный со свойствами их вина. Некоторые из них полагают, что от превосходства и силы вина древней Греции находились в зависимости быстрое развитие ее цивилизации, необыкновенный талант к поэзии, к красноречию, к искусствам, которыми некогда отличались ее жители и которыми они отличались бы до настоящего времени, если бы находились под управлением благоразумного правительства. Были между ними и такие, которые не задумываются приписать возбудительной силе некоторых из тех же самых вин те эротические увлечения их женщин, которые доходили до последней степени страстности в праздники, посвященные Бахусу. Быть может, мыслители эти слишком поспешили со своими выводами, приписав чисто физическим причинам, особенно нескольким одиноким физическим условиям совокупность нравственных явлений, сложившихся, вероятно, под влиянием множества различных причин; но они были правы в предположении, что ряд сильных и постоянно повторяющихся ощущений не мог не оказать сильного влияния на склад понятий и обычаев.

Мы не будем долго останавливаться на действии горячих, спиртных напитков. В холодных странах, особенно в таких, в которых обильно употребляется жирная пища, люди пьют без всякого вреда для себя много водки и других спиртных напитков. Последние не производят на нервные сосочки рта и желудка такого же впечатления, как в наших, более умеренных странах. Чтобы вызвать опьянение в Петербурге нужно выпить в несколько раз больше, чем в Париже или даже в Лондоне, где люди рабочего класса привыкли к большему употреблению водки; ее нужно также гораздо больше для туземцев, чем для прибывших в эти страны жителей южного климата.

Спиртные напитки, по-видимому, полезны в холодных странах. В жарких местностях они бывают иногда необходимы для поддержания сил и в особенности для возбуждения желудка, ибо постоянные раздражения всех внешних органов и направление отправлений к поверхности тела мало-помалу ослабляют крепость этой внутренности. Замечено даже, что в самых жарких поясах, как в самых холодных, напитки эти менее истощают жизнь, чем в умеренных странах, в особенности если употреблять их во время сильной испарины и небольшими, но часто повторяющимися приемами. Благоразумное их употребление может, стало быть, принести пользу в странах, в которых возбуждающее действие знойной атмосферы побуждает человека прибегать к сильным внутренним средствам, чтобы вознаградить за те силы, которые постоянно расходуются поверхностью тела. Но в наших климатах напитки эти должны быть предоставлены исключительно военным людям, день и ночь находящимся в борьбе с непогодой, и работникам, занятия которых сопровождаются теми же обстоятельствами; но и они даже должны быть

умеренными в их употреблении. Как бы то ни было, за исключением немногих случаев внезапного ослабления, для рассеяния которого требуется сильное возбуждение, или медленных, лимфатических болезней, излечение которых требует могущественного возбуждения всего организма; за исключением, наконец, известных расположений бездеятельного темперамента, при которых жизнь начинает чахнуть, как только перестанет поддерживаться искусственными возбудителями, так за исключением этих случаев, встречающихся несравненно реже, чем это обыкновенно предполагается, употребление спиртных напитков всегда бесполезно, часто вредно, а иногда положительно пагубно. В самом деле, наблюдение доказывает, что злоупотребление ими искажает чувствительную систему не менее чем злоупотребление наркотическими веществами. Оно притупляет равным образом отправления мозгового органа; оно уменьшает еще более непосредственным образом чувствительность нервных оконечностей скорчением и затвердением твердых частей, которыми окружены или покрыты они,[145] а затруднение отправлений вследствие этих обстоятельств вызывает в организме обычное чувство беспокойства. В то же самое время противоестественное возбуждение, причиняемое чрезвычайной энергией этих возбудителей, поддерживает род непрерывной лихорадки. Таким образом, спиртные напитки не только поражают глубоким отупением головной мозг, подобно наркотическим веществам, но они, сверх того, изменяют механическое расположение сокращающихся частиц; они пробуждают в них излишек движения, а вследствие затруднения, противопоставляемого этими частицами, образуется ряд смешанных ощущений, в которых сознание увеличившейся силы в некотором роде парализуется и становится тягостным от напряжения и колебания жизненных усилий: вот почему замечается, что привычка к такого рода опьянению порождает одновременно, и обессиление рассудочных отправлений, и обычное беспокойное расположение духа, и стремления к насилию. Крайнее последствие ее составляет смесь зверства и тупоумия.[146]

Кому неизвестно огромное влияние на судьбу Европы, произведенное открытием пути в Индию мимо мыса Доброй надежды, открытием островов и материка Америки и установлением новых политических и коммерческих отношений, следовавших за этими обоими великими событиями? Известно, что первые здравые понятия и первые проблески истинной свободы у новейших народов ведут свое начало с этого времени. С этих пор охватившая весь мир торговля вызвала на различных точках древнего материка деятельные промышленные центры и,

[145] Отвердение твердых частей часто увеличивает чувствительность; но в настоящем случае в соединении с оцепенением нервной системы оно производит совершенно противоположное действие. Сверх того, когда затверделость переходит за известные границы, то задерживает все отправления и ставит преграды для всякой жизненной деятельности.

[146] Почти все замечательные преступники были люди крепкого телосложения и отличались твердостью и плотностью мускульных волокон. Почти все они еще более усиливали эту крепость, как физических, так и нравственных свойств своих злоупотреблением горячих напитков и всякого рода едких возбудителей.

уменьшив зависимость бедного и слабого от богатого и сильного, подготовляла царство действительного общественного равенства. В это же почти время ум человеческий освободился[147] отчасти от самых тяжелых и самых унизительных из цепей своих, и начал ту смелую борьбу, которая рано или поздно должна вручить в его руки все силы нравственного мира; человек свободно и открытыми глазами осмелился взглянуть бесстрашно на пугавшие его до того призраки. История и развитие этих великих перемен составляют историю мысли человеческой, и в особенности с этого времени можно заметить постоянную деятельность двух всемогущих пружин, науки и промышленности, стремящихся к окончательному разрушению в общественной жизни господства личного произвола и мрачного суеверия.

Но коммерческие сношения с обеими Индиями вызвали в условиях жизни европейских народов другие, весьма замечательные перемены. Различные чужеземные предметы потребления, с которыми теперь познакомились и которые распространялись с каждым днем все более и более по мере удешевления перевозки, должны были необходимо повлечь за собою новые привычки, а эти привычки — улучшить или ухудшить физическое строение и нравственную природу человека.

Уже с давних времен английские врачи приписывали уменьшение цинготных и злокачественных накожных болезней распространению употребления сахара. Болезни эти в последнее время стали встречаться с каждым днем все реже и реже. Факт этот не подлежит сомнению, но, разумеется, он не может быть объяснен одною только причиною. Успехи цивилизации и в особенности развитие полицейских мер, как мы сказали в другом месте, много содействовали к искоренению этих болезней, вызываемых нездоровостью городов, неопрятностью жилищ, злокачественными свойствами самых необходимых съестных припасов. Тем не менее, в настоящее время всеми признано, что сахар заключает в себе очень здоровые питательные вещества. Животные, раз отведавшие его, получают к нему неодолимое пристрастие; на всех их он производит одинаково здоровое действие. Действие сахара, как обычной приправы, состоит не в одном только улучшении вкуса такой пищи, которая без него неприятна, но он делает еще ее более здоровою и облегчает растворение ее в слабом желудке. Обильное, ежедневное употребление его, сверх того, притупляет ощущение языка ко вкусу других, даже сильных веществ; он порождает некоторое отвращение к вину; он ослабляет склонность к спиртным напиткам; вообще же он вызывает нежные и мягкие, как сам он, склонности, и если бы сахар оказал свое содействие к постепенному уменьшению злоупотребления некоторых народов, как возбудителями в твердом виде, так и крепкими напитками, то он сохранил бы многих людей, а также, как это уже было высказано многими, он оказал бы влияние на развитие самых счастливых общественных привычек вызываемыми им склонностями.

[147] Реформацией.

Между сахаристым началом и питательным, исключительно восстанавливающим веществом существует огромное сходство. Это очевидным образом можно заметить в некоторых изнурительных болезнях, в которых начало это отделяется в своем естественном виде. При действительном поражении мочевых органов обильная, густая моча иногда строением своим, часто цветом и постоянно вкусом походит на мед. В большей части первоначальных, легочных чахоток болезнь, обнаруживающаяся вначале соленою харкотиною, становится более и более опасною, как только вкус харкотины покажется больному сахаристым и сладким. Первое замечание принадлежит Миду, второе сделано было еще Гиппократом, и оба они подтверждаются одинаковым образом ежедневным наблюдением.

О пряностях и об употреблении их в пищу в виде приправы, говорено слишком много дурного. Врачи тысячу раз произносили против них проклятия, справедливость которых нисколько не подтверждалась наблюдением, и те же самые люди, которые прописывали в больших приемах гвоздику, корицу, мускатный орех в небольшой смеси с опиумом или слабительной кашкой, считали долгом своим преследовать самые ничтожные количества этих веществ, разведенных в значительном количестве пищи. С таким же основанием некоторые практические врачи долгое время придерживались упрямого мнения о сахаре, как о вредном питательном веществе. Но, в то время как они изгоняли его из употребления, они без всякого затруднения прописывали его в широких приемах в своих сиропах и микстурах.

Употребление пряностей, разумеется, нетрудно довести до излишества. Они производят тогда действие, подобное тому, которое вызывается злоупотреблением всеми сильными возбудителями: они притупляют чувствительность всего организма; они непосредственно расслабляют желудок. Но это злоупотребление, нередко вызывающее в соках известные изменения, находящиеся в зависимости от чрезмерной деятельности органов и следующего за нею бессилия, не оставляет за собою, ни отупения нервной системы, производимого наркотическими веществами, ни присоединяющегося к этому отупению затвердения волокон и оболочек, причиняемого неумеренным употреблением горячих напитков. Умеренное употребление пряностей поддерживает желудочное пищеварение, оживляет общее кровообращение, возобновляет энергию мускульных органов, держит нервную систему в постоянной и средней степени возбуждения; все эти обстоятельства способствуют увеличению числа впечатлений, как внутренних, так и внешних, облегчению отправлений рассудочного снаряда, возвышению гибкости, свободы и живости всех отправлений воли, одним словом, пробуждению сильного ощущения жизни и поддержанию в органах и во всех отправлениях жизни постоянной степени напряжения.

Из всех чужеземных произведений, распространенных более других торговыми сношениями, мелочная, невежественная или предубежденная врачебная практика

нападала с наибольшим ожесточением и с наименьшею основательностью на кофе. Мы не будем спорить, что кофе, производя сильное и постоянное действие на организм, может оказаться вредным для некоторых людей или при некоторых болезненных состояниях организма, но справедливо также, что врачебные предостережения против него нарушаются ежедневно без всяких вредных последствий. Каждый может убедиться на самом себе, что удовольствие, доставляемое этим напитком, ничтожно в сравнении с наступающим после принятия его чувством благосостояния; к тому же, при действительном вреде, им причиняемом, страдания почти никогда не замаскировываются приятными впечатлениями и обнаруживаются немедленно непосредственными возбуждениями, которые действительно могут или вызвать некоторый беспорядок в нервных отправлениях, или направиться и сосредоточиться извращенным образом на слишком чувствительных органах, или, наконец, произвести в артериальной системе спазматические припадки воспалительного свойства.

Не без основания кофе назван некоторыми писателями умственным напитком. Повсеместное употребление его учеными, литераторами, художниками, одним словом, всеми людьми, занятия которых требуют особенной деятельности рассудочного снаряда, оправдывается бесчисленным множеством наблюдений и самыми точными опытами. В самом деле, никакой другой напиток не способствует до такой степени рассеянию тягостного состояния, сопровождающего затруднительное пищеварение. Возбудительное действие кофе, одинаково распространяющееся как на чувствительные, так и на двигательные силы, вовсе не нарушая естественного равновесия между ними, поддерживает его и делает его более совершенным. Ощущения становятся и более живы, и более раздельны, мысль — более деятельною и более точною; так что кофе не только не представляет неудобств, свойственных наркотическим веществам, горячим напиткам, даже вину, но он составляет еще самое действительное средство против вредных действий, производимых ими.

Я считаю бесполезным входить в дальнейшие подробности для доказательства огромного нравственного влияния этого нового предмета потребления, введенного в условия европейской жизни благодетельными успехами торговли. Влияние это тем обширнее, что доставляемая им польза не ограничивается несколькими отдельными личностями, а становится мало-помалу общим достоянием; и когда здравые понятия равенства, проникая все глубже в законы и обычаи, вызовут между людьми более справедливое распределение наслаждений, то не станут уже исчислять тех людей, которые в состоянии пользоваться этими драгоценными плодами человеческой промышленности; скорее будут указывать на тех, которым они недоступны; а это улучшение, в свою очередь, отразится на дальнейшие победы разума и на его благородные стремления.

Величайшее открытие кровообращения в последнем веке пролило живой свет на многие явления животного тела; но в то же самое время оно породило многие, нелепые врачебные теории. Все внимание обращено было только на средства держать кровь в достаточно жидком состоянии, чтобы она легче могла проникнуть в мелкие сосуды, а сосуды в таком гибком и свободном состоянии, чтобы они всегда были готовы принять ее. Это повлекло за собою то ужасное злоупотребление кровопусканиями[148] и теплыми расслабляющими напитками, которое пущено было в ход с особенного рода неистовством некоторыми врачами. Это безумие доведено было до своей крайней степени в Голландии. Немалое содействие оказал ему Бонтекое своим исследованием о чае. Вот почему между голландцами прежде других распространилось пристрастие к нему.[149] В первое время на чай смотрели, как на лекарство, но впоследствии у многих народов он сделался самым необходимым напитком.

Бонтекое и его приверженцы слишком уже превознесли качества чая: новейшие врачи, со своей стороны, полагаю я, преувеличили его неудобства. Без всякого сомнения, чай вовсе не производит тех чудес, которые, при начале его распространения, искренно или притворно, приписывались ему; но он не производит и дурных последствий, в которых его обвиняют. Подобно теплой воде, чай расслабляет желудок, а следовательно и нервную систему, так быстро отзывающуюся на впечатления этой внутренности, но вяжущее экстрактное вещество, заключающееся в чае в концентрированном состоянии, сильно умеряет это действие. В странах, в которых чай находится во всеобщем употреблении, вовсе не замечается, чтобы люди, воздерживающиеся от него, при равенстве прочих условий, были бы здоровее тех, которые пьют его. Кроме вяжущего вещества и ароматического начала, содержащихся в его листьях, кажется, что чай заключает в себе небольшое число наркотических или усыпительных частиц; и, может быть, вследствие этого тройственного сочетания, на одних он действует непосредственно успокоительным образом, между тем как в других он вызывает волнение и беспокойство, совершенно подобные тем, которые следуют за употреблением опиума.

§ XIV. — Влияние телесных упражнений на расположения и на нравственные привычки производится трояким образом: 1) непосредственно вызываемыми ими впечатлениями и состоянием, в которое они приводят органы; 2) последовательными видоизменениями, производимыми ими, как в самом органическом строении различных частей тела, так и в характере их отправлений;

[148] Пьемонтец Боталь, врач Генриха III, содействовал к распространению кровопусканий задолго до окончательного утверждения в школе учения о кровообращении; но действительно систематическое пролитие целых потоков крови началось только с того времени, когда все почти болезни стали объяснять сгущением крови и засорением сосудов.

[149] Пристрастие это было, впрочем, не вполне бескорыстным; немалой долей входил в него и расчет. Вследствие исключительных сношений с Японией, голландцы захватили в свои руки всю чайную торговлю: вот почему правительство щедро наградило Бонтекое за его диссертацию.

3) особенным строем привычек, обусловливаемых в конце концов этими впечатлениями и этими видоизменениями.

Во все времена наблюдатели признавали огромную пользу телесных упражнений для сохранения здоровья. В самом деле, упражнения эти, вызывая наружу силы, которые в состоянии покоя почти неизменно стремятся к сосредоточению, то в головном мозгу, то в брюшных внутренностях, дают им более правильное распределение: они восстановляют и поддерживают равновесие между ними, они оживляют кровообращение, вызывают небольшую испарину и в некотором роде возбуждают животную теплоту, а возвышением силы мускульных волокон они предупреждают порочное преобладание чувствительной системы. Но телесные упражнения не одинаково полезны во всех климатах и требуют важных видоизменений, смотря по темпераментам и по различным состояниям, в которых может находиться человек. В жарких странах теплота, вызывая силы на поверхность тела, уже во многих отношениях заменяет движения, а расслабляющая испарина, которая и без них вызывается в чрезмерном количестве, может быть вредною при упражнениях. У людей с мягкими волокнами, у которых узкие и слабые сосуды плавают в жире, движение должно быть весьма умеренно, чтобы не истощить коренным образом мускульные силы, лишенные настоящей, природной энергии. Сильное и продолжительное движение в таком случае может вызвать иногда сальное воспаление в брюшных внутренностях.[150] Наконец, не считая острых болезней, во время которых мускульная деятельность неизбежно вредна, бывают такие состояния организма, при которых польза от телесных упражнений весьма сомнительна; могут даже встретиться случаи, в которых они принесут положительный вред. Я находил их, например, постоянно вредными при хроническом расположении к воспалению легких, особенно если оно осложнялось природною слабостью сосудов; и хотя в этом случае, требующем со стороны врача особенной осмотрительности и проницательности, лечение должно быть окончено и заключено укрепляющими средствами, в число которых входит телесное упражнение, тем не менее следует начинать лечение совершенно противоположными средствами и, пока продолжается действительное расположение к воспалению, предписывать почти безусловный покой.

Итак, прямое действие телесных упражнений состоит в привлечении сил и, если я могу так выразиться, жизненной внимательности к мускульным органам, в более живом ощущении и в усилении энергии этих органов, в умножении внешних ощущений и в однообразном возбуждении всех органов чувств, в изменении порядка внутренних впечатлений и в изглаживании привычек, обусловливаемых покоем. Таким образом, мускульные движения, особенно на открытом воздухе, среди новых и разнообразных предметов, мешают рассудочной деятельности,[151]

[150] Это то, что называется таянием жира в животных.

[151] Движение вообще увеличивает деятельность головного мозга; это замечено было еще Плинием младшим над самим собою: Mirum est ut animus agitatione motuque excitetur. Монтань сделал над

мышлению и работам, требующим соединения и сосредоточения всех сил ума на отдельном предмете, разумеется, если вызов и сочетание понятий не связываются привычкою с известным рядом мускульных движений. Впрочем, замечено также, что люди, привыкшие думать во время движения, вообще легче работают воображением и чувством, нежели мышлением, требующим особенного напряжения внимания. Только при отсутствии внешних впечатлений рассудок становится более всего способен схватить множество отношений и следить за длинною цепью чисто отвлеченных суждений.

Мы уже заметили в одном из предыдущих Мемуаров, что упражнение мускульной силы притупляет чувствительность нервной системы, что ощущение этой самой силы вызывает побуждения, которые беспрерывно выводят человека из себя и не дозволяют ему взвесить впечатления, переданные в головной мозг. Если впечатления эти еще умножатся обстоятельствами, способными производить отвлечение сил наружу, то можно себе представить, насколько увеличивается затруднение различать их и останавливаться необходимое время на каждом впечатлении! Насколько деятельность мозгового органа зависит тогда от новых, ежеминутно получаемых ощущений! Насколько многочисленность суждений извращает делаемые из них выводы! Наконец, уже вследствие того только, что впечатления постоянно меняются, что порядок, а может быть во многих отношениях и самый характер и направление органических отправлений изменяются, может ли нервная система не испытывать тех же самых изменений? В самом деле, не подлежит сомнению, что во многих случаях впечатления изменяют состояние некоторых отдельных органов, отличных от тех, в которых получены они, только после того, как они переданы будут в мозговое средоточие посредством отраженной на них деятельности; и хотя существуют различные средоточия отраженной деятельности, хотя в них может сходиться бесчисленное множество различных разветвлений нервной системы и каждое из них может относиться к тому или другому отдельному роду впечатлений и движений, тем не менее поддерживание общей чувствительности и даже влияние этих второстепенных центров в естественном состоянии живого тела обусловливаются сообщениями всех разделений нервной системы с общим мозговым средоточием.

Мы должны заметить, что коренная и неизменная сила органов должна находиться в зависимости от силы чувствительности, чтобы головной мозг был способен к настойчивой внимательности: преобладание чувствительной системы над двигательною, когда оно переходит за известные пределы, лишает рассудочные отправления полноты и необходимой степени энергии. Но не менее справедливо, что живость ощущений, легкость сочетаний между ними, сосредоточение отправлений в мозговом органе, все условия, необходимые для работы мысли,

собою то же замечание, что и Плиний. Чаще же всего случается, что движение и вытекающие из него разнообразные впечатления заставляют рассудок переходить от одной мысли к другой и затрудняют глубокое сосредоточение на одной из них.

бывают уже не те, когда внешние органы находятся под постоянным влиянием чувства сознаваемой силы и деятельности. Таким образом, условия жизни, пригодные для атлета, развивающие, впрочем, только самые грубые силы живого тела и уменьшающие, к тому же, вероятность продолжительной жизни, то привлечением в мускулы значительного количества деятельности, предназначенной для нервной системы, то подвергая организм новым, разрушающим его действиям, так условия атлетической жизни вовсе непригодны людям, занимающимся науками, литературой или искусствами. Если телесные упражнения могут быть им несомненно полезны предупреждением чрезмерного сосредоточения сил и отправлений, поддержанием в двигательных органах такой степени крепости, какая необходима для деятельности головного мозга, недопущением, наконец, до гибельного ослабления восстанавливающих отправлений, то, с другой стороны, упражнения эти не должны быть, ни чрезмерно сильны, ни чрезмерно продолжительны; в особенности же прибегать к ним следует только в период отдохновения рассудочной деятельности. В самом деле, ничто так прямо и таким коренным образом не искажает жизненных сил, как могущественные и одновременные усилия противоположных отправлений организма: ибо эти неестественные судорожные усилия потребляют несравненно более значительное количество сил, чем сколько их понадобилось бы отдельно для каждого движения; сверх того, недействительные, недоведенные до конца порывы, требующие даже небольшое количество сил, утомляют организм гораздо более, чем могущественные усилия, вполне заключенные успешным их окончанием.

Возвышая коренную силу и поднимая крепость мускульных частей, упражнение уменьшает в результате нервную подвижность. Таким образом, если бессилие рассудочных отправлений обусловливается этой чрезмерно живою подвижностью, то телесное упражнение поддерживает в значительной степени их устойчивость и энергию. Случается, что деятельность мускульных органов, приведенных в движение, связывается прямою зависимостью с внутренними побуждениями и представлениями, и составляет внешнее их выражение; иногда же, как мы недавно упоминали, слагается привычка думать во время движения, и в таком случае телесное упражнение становится, так сказать, необходимым для такой работы головного мозга, которая требует сосредоточенности и размышления. Но можно положить за общее правило, что сильные и долгое время продолжающиеся упражнения уменьшают чувствительность нервной системы; они ослабляют ее деятельность почти в такой же степени, в какой возвышают деятельность мускульной системы; наконец, сознанием силы и постоянною привычкою к деятельности они развивают в конце концов в нравственной природе расположение к насилию и к бесполезности размышления.[152]

[152] Тягостное чувство бессилия может также вызвать расположение к гневу и к нетерпеливости; но беспокойные побуждения, обусловливаемые этим чувством, не имеют ничего общего с расположением к насилию, рождаемым сознанием и постоянным упражнением чрезмерной силы.

Таковы вообще прямые последствия, вызываемые телесным упражнением; таковы и главнейшие, более отдаленные их результаты.

§ XV. — Нетрудно понять, что покой должен оказывать действие совершенно противоположное движению. Оставляя в бездеятельном состоянии значительную часть мускульных волокон, покой непосредственно ослабляет их; не пробуждая прирожденных им свойств, он поощряет естественное стремление этих сил к сосредоточению в нервной системе. Вследствие этого, все отправления, находящиеся в непосредственной зависимости от чувствительности, получают заметное преобладание над отправлениями, обусловливаемыми собственно движением; вот почему, при равенстве прочих условий, замечается, что у людей, проводящих жизнь в бездействии, голова работает сильнее, если только бездействие их не будет прерываться промежутками чрезмерного движения. Одновременно живые и глубокие чувствования составляют удел таких также людей, внешние впечатления и движения которых не выводят их постоянно из себя. Тем не менее, покой или вернее, сон, который во многих отношениях можно рассматривать как крайнюю степень покоя, производит совершенно противоположное действие. Чрезмерно продолжительный, ежедневный сон приводит в оцепенение нервную систему и может, наконец, довести до полного отупения отправления головного мозга. Нетрудно убедиться, что так и должно быть, если оценить как следует, что сон прерывает большую часть чувствительных отправлений, особенно тех, которые, по-видимому, предназначены исключительно для возбуждения всех остальных, ибо от них приходят самые важные впечатления, деятельность которых, доставляя для мысли самые необходимые материалы, направляет, расширяет и укрепляет наибольшее число чувствительных отправлений, и посредством симпатии отраженно действует на остальные: я имею в виду деятельность собственно так называемых органов чувств.

При состоянии покоя деятельность нервной системы поддерживается различного рода впечатлениями, влияние которых обусловливается привычками, свойственными каждому человеку. У людей, привыкших к ручным работам, требующим больших усилий, ближайшее действие на головной мозг, оказывают, по-видимому, пищеварительные органы. И действие это зависит, как мы повторяли неоднократно, не только от прибывающих в мозг питательных соков; оно зависит еще в особенности от симпатических движений, вызываемых во время пищеварения, движений, одушевляемых и возобновляемых им, поддерживающих самый инстинкт жизни и вызывающих рассудочные отправления. Этим объясняется то обстоятельство, что при насильственном покое, без особенной болезни, которая была бы в состоянии причинить непосредственное ослабление желудка, люди требуют большого количества пищи для поддержания своего существования: так что, несмотря на уменьшение их пищеварительной способности, которое в таком случае возможно в них, как и в каждом человеке в естественном состоянии, они едят во время покоя несравненно больше, нежели во время самых усиленных трудов.

Излишек в пище составляет тогда для них единственное средство доставить себе часть тех сильных ощущений, привычка к которым сделалась для них необходимостью, и вызвать из оцепенения и тягостного состояния естественную бездеятельность головного мозга.

В людях, незнакомых с сильными мускульными движениями, более развитая чувствительность которых, вследствие преобладания нервной системы, нуждается, так сказать, только в самой себе для возобновления своей деятельности, для собственного своего пробуждения и для поддержания непрерывной цепи своих отправлений, покой еще более усиливает обычную слабость желудка и еще более увеличивает необходимость воздержания. В этом случае отправления мыслящего органа связываются с впечатлениями, зарождающимися в самой глубине нервной системы или в некоторых частях, отличающихся особенной чувствительностью, как например, органы оплодотворения или брыжеечное сплетение. И в таком случае можно заметить, что чрезвычайная деятельность рассудочного органа часто сопровождается спазмами в брюшных внутренностях или беспорядочной, местной чувствительностью в той же области; из чего можно, кажется, заключить, что физическое, болезненное состояние нередко бывает способно содействовать быстрому и блистательному развитию, как понятий, так и самых нежных и светлых душевных движений; из этого же можно сделать и дальнейшее заключение, что через восстановление равновесия между различными отправлениями, без всякого сомнения, здоровье и благосостояние человека должны только выиграть, но в большей части случаев мы не имеем права сказать того же самого относительно блеска талантов, особенно входящих в область воображения. Наконец, хотя тягостные впечатления, обусловливаемые болезненным состоянием, часто вызывают чувствования и страсти, противоположные симпатическому снисхождению,[153] составляющему основу всех добродетелей, тем не менее, повторяю, случается нередко, что возвышенность, нежность, чистота нравственных побуждений[154] находятся в зависимости от некоторых живых и глубоких отправлений, вызванных возбуждением общей чувствительности или сосредоточением ее в известных отдельных органах, то есть, двумя обстоятельствами, при которых нарушается равновесие отправлений, свойственных здоровому состоянию.[155]

Мы обозначили самые общие и самые постоянные последствия сна: то, что сказано нами о покое, можно приложить в еще более широких размерах и ко сну. При различных условиях сон оказывает весьма разнообразное действие на все органы,

[153] Болезненное состояние, сосредоточивая мысли человека на самом себе, часто делает из него эгоиста, занятого только собою.

[154] Я знал больных, которые становились прекрасными людьми под влиянием болезни, но вовсе не были такими в действительности. Плиний младший говорит: Optimos nos esse dum infirmi sumus. В таком виде, разумеется, это слишком широкое обобщение, тем не менее часто оно бывает вполне справедливо. Все письмо Плиния к Максиму заслуживает прочтения.

[155] Еще раз, нарушение это зависит от природной, относительной силы органов и от привычек каждого человека.

особенно на головной мозг. Нет никакого сомнения, что множество болезней излечивается несравненно легче, если удастся вызвать сон; существуют такие, против которых сон составляет, по-видимому, единственное, верное средство; но есть болезни, которые им усиливаются; иногда же сон заставляет болезнь принять роковой исход. Он может в одинаковой степени и поочередно, то возбудить новую жизнь в рассудочном органе и придать особенное совершенство всем его отправлениям, то ослабить его, привести в оцепенение, отнять всякую энергию у его отправлений.

Например, люди, отличающиеся особенною чувствительностью и получающие много впечатлений, нуждаются в продолжительном сне. Долгое бодрствование производит в их умственных способностях такую же усталость и такую же перемену, какие испытываются постоянно в таком случае мускульными силами. Но если чрезмерная чувствительность находится в зависимости от бездействия желудка, то сон, еще увеличивая это бездействие, непосредственно расслабляет весь мозговой орган и извращает, стало быть, все отправления мысли и воли. Вот почему при некоторых нервных болезнях припадки обнаруживаются обыкновенно при пробуждении, и если больные долго остаются в постели, то чувствуют постепенное ухудшение своего положения, а для извлечения их бывает иногда достаточно не давать им долго спать. Но эти случаи принадлежат к числу тех, точная оценка которых требует со стороны врача особенной проницательности. Ибо слабость желудка и его бездействие могут быть нередко ложными; они могут находиться в зависимости от чрезвычайной его чувствительности, прирожденной или случайной, и в таком случае беспорядочное пищеварение и вызываемые им извращенные нервные отправления успешнее всего излечиваются, напротив того, более продолжительным сном, особенно после принятия пищи.

Чтобы показать, до какой степени важно составление гигиенических правил относительно сна и до какой степени необходимо иметь верные понятия о производимом им действии, будем ли мы смотреть на сон, как на ежедневный и необходимый восстановитель сил, или захотим поместить его в число врачебных средств и приложить к лечению некоторых болезней, я ограничусь следующими замечаниями, которые изложу в общем виде, не входя ни в какие подробности, относящиеся к бесчисленному множеству вытекающих из них практических следствий, так как эти следствия имеют только косвенное и далекое отношение к предмету нашего исследования.

1) Сон не составляет чисто страдательного состояния: он есть особенное отправление головного мозга, продолжающееся во все время, в продолжение которого в этом органе совершается ряд особенных движений, прекращение которых производит бодрственное состояние, или же последнее состояние непосредственно производится внешними причинами, вызывающими пробуждение.

2) Некоторая степень усталости или слабости мускульных волокон, по-видимому, содействует ему. Сознание силы и деятельности, вызывающее в этих волокнах движение, в действительности составляет само собою прямой возбудитель нервной системы. Но когда эта усталость и эта слабость переходят за известные границы, то сон становится невозможен; многочисленные и несомненные факты показали врачам, что для вызова сна следует в таком случае прибегать к средствам, совершенно противоположным тем, которые оказываются успешными в обыкновенных случаях, то есть, заменять прямые успокоительные и расслабляющие средства деятельными возбудителями и сильными крепительными средствами.

3) При здоровом состоянии сон восстановляет силы не только всесторонним отдохновением, доставляемым некоторым органам и уменьшением деятельности всех; благодетельные действия его состоят в особенности в передаче из мозгового средоточия во все части тела нового количества возбуждаемости. Ибо, когда он ограничивается прекращением только внешних ощущений и движений, то благодетельные его действия уже более ограничены; а в некоторых болезненных состояниях, при которых нервный орган бывает не в силах восстановить все количество исчерпываемой им самим возбуждаемости, сон утомляет члены вместо того, чтобы дать им отдохновение, он истощает мускульные силы вместо того, чтобы возобновить их.

4) Более значительный прилив крови к голове, обусловливаемый сном или обусловливающий его, не может не ослабить в значительной степени, особенно если сон продолжается долго, сосуды, состоящие из лишенных какой бы то ни было опоры, которая бы могла поддержать их: растяжение их увеличивается тогда все более и более и кончает тем, что гибельно сдавливает волоконца мозговой мякоти, и рано или поздно заглушает в них способность к деятельности.

5) Так как сон составляет деятельное состояние головного мозга, то из этого вытекает, что слишком частое его повторение и, в особенности, чрезмерная его продолжительность должны расслаблять этот орган, подобно всякому другому отправлению по отношению к исполняющим его органам, когда продолжительность и энергия этого отправления переходит за пределы той силы, которая свойственна органам. Итак, чрезмерный сон не только приводит в оцепенение и в угнетение мозговое средоточие, как мы неоднократно упоминали: он расслабляет его прямым образом, и непосредственно и радикально исчерпывает жизненные силы.

6) Органы, деятельность которых прекращается во время сна, засыпают неодновременно. Орган слуха, например, находится долгое еще время в бодрственном состоянии после того, как зрение перестало получать впечатления. При болезненном сонливом состоянии нередко замечается, что обоняние, а еще чаще вкус или осязание ощущают еще живо, когда зрение и слух не подают и

признака чувствительности. То же самое следует сказать и о различных частях организма, отправления которых только замедляются и умеряются сном: легкие, желудок, печень, половые органы засыпают не в одно и то же время и не в одинаковой степени. Это столько же относится и к самим мускульным волокнам: некоторые движения продолжают исполняться при первом наступлении сна, известные сокращения получают даже более выразительности по мере того, как сон становится глубже.[156] Если в правильном сне постоянная, самобытная сила мускулов засыпает обыкновенно вместе с сокращениями, то при известных сонливых болезнях, при которых мускульные движения происходят непроизвольно, волокна удерживают вместе с самобытною, весьма постоянною крепостью такую степень сокращаемости, какую пожелают им дать присутствующие. Заметим, кроме того, что впечатления, возбуждаемые тогда, или чувствующими внутренними или внешними оконечностями, или самими нервными волокнами в глубине нервной системы, способны симпатически пробудить некоторые, соответствующие им части головного мозга и сделать сон неполным. В сущности, в этом состоит настоящая причина сновидений; в подобной же несогласной деятельности между различными частями головного мозга следует отыскивать причины всякого рода бреда.

Но это взаимное отношение во время сна между головным мозгом и прочими органами неодинаково, ни у всех людей, ни при всех обстоятельствах; результаты его обнаруживаются не в одинаковой степени и не в одной и той же последовательности. Явления эти следует, стало быть, рассматривать отдельно в каждом человеке и при каждом особенном обстоятельстве; а направленное таким образом изучение не только доставляет более точные указания, как следует пользоваться сном, но оно может еще пролить большой свет на отличительные свойства известных темпераментов и известных болезней; оно дает совершенно новые объяснения даже для таких явлений, которые до сих пор считались загадочными.

§ XVI. — Наблюдатели всех веков смотрели на труд не только как на средство для сохранения физических сил и здоровья, не только как на источник всякого богатства, частного и общественного, но и как на источник здравого смысла и доброй нравственности, как на настоящий регулятор нравственной природы человека. Трудолюбивые люди отличаются привычками в рассудительности, порядочности и честности. Кто может добыть себе безупречным путем достаточных или даже богатых средств для существования, тот не станет прибегать к недобросовестным средствам, которые необходимо поставят его во враждебные отношения к обществу и употребление которых сопряжено с постоянными опасностями; у человека, посвящающего свое время и свои силы правильным занятиям, не достанет времени обратить свое воображение и свои желания на такие

[156] Сокращения, например, сгибающих мышц ноги и руки. Ришеран первый объяснил причину этого явления.

предметы, преследование которых нарушает общественное спокойствие; наконец, человек, рассудок которого занят мыслями или приисканием таких только средств, полезность которых находится в строгом соответствии с их благоразумием, непременно дает здравое и честное направление своей рассудочной деятельности. Среди одного и того же народа люди, привыкшие к труду, легко отличаются от людей, живущих в праздности. Между различными народами те, которые коснеют в лени, принадлежат, по-видимому, совершенно к иной породе, сравнительно с народом, развернувшаяся промышленность которого одушевляет и призывает к деятельности большое число людей, и преимущество последних постоянно находится в прямом отношении с обширностью и значением их занятий. Следует, впрочем, заметить, что как праздношатающаяся деятельность не составляет ни настоящей любви к труду, ни его содержания для отдельного человека, таким же точно образом беспокойный и безрассудный характер предприятий не составляет настоящей промышленности народов; и если дурные законы могут исказить самый плодотворный народный труд, то известная беспорядочность в торговых или политических отношениях может вызвать различного рода испорченность в народе, которая не замедлит отразиться на его здравом смысле и на его нравственном характере.

Жить значит получать впечатления и производить вызываемые этими впечатлениями движения. Упражнения каждой из способностей, которыми одарены мы для удовлетворения нашим потребностям, составляет условие, без которого существование всегда более или менее неполно; наконец, каждое движение, в свою очередь, служит началом или причиною новых впечатлений, частое повторение и разнообразный характер которых должны с каждым днем расширять круг наших понятий и неуклонно стремиться к их исправлению. Из этого следует, что труд, давая этому слову самое широкое значение, не может не оказывать бесконечно полезного влияния на привычки рассудка, а следовательно и на привычки воли. И если бы вошло во всеобщее сознание, что понятия и желания, с настоящей точки зрения на них, составляют результат некоторых, особенных, органических отправлений, вполне соответствующих отправлениям прочих органов, не исключая из них самых грубых даже мускульных движений, то в настоящую минуту нам вовсе не предстояло бы делать общепринятого деления занятий на умственные и телесные; мы охватили бы их все одним словом, а производимое ими влияние оказалось бы только еще более широким. Но тогда, как я заметил в другом месте при определении выражения условия жизни, влияние это оказалось бы слишком обширным для предмета нашего исследования; нам пришлось бы распространиться более, чем сколько нужно, и чрезмерно обобщенными доказательствами в действительности мы подтвердили бы то, что не может подлежать сомнению.

В самом деле, если бы под общим выражением занятия мы разумели бы все рассудочные отправления, то, разумеется, вовсе не было бы необходимости

доказывать, что занятия оказывают влияние на нравственные расположения и привычки; к тому же, это вовсе не составляет нашей цели. Таким образом, мы ограничиваем значение слова занятие; мы будем разуметь под ним только ручную и механическую часть работ человека в различных классах общества; ибо при исследовании условий жизни нам важно оценить влияние на нравственную природу особенно, и даже исключительно, только такого рода работ; что же касается до плодотворности занятий вообще, то, как мы только что упоминали, она не нуждается в новых доказательствах и сомневаться в ней никто не станет.

Каждое отдельное занятие, смотря по природе своей, производит весьма замечательное нравственное действие; действие это, бóльшею частью полезное, тем не менее может быть иногда вредным. Таким образом, становится весьма важным точное исследование вопроса с этой точки зрения, с целью, не только подобрать примеры, подтверждающие постоянную зависимость между физическою и нравственною природою человека, но и указать еще главным образом новый предмет для исследований и соображений мыслителя-моралиста, открытия которого должны всегда руководить законодателя и освещать путь его.

При разделении занятий можно прежде всего отличить занятия на открытом воздухе от тех, которые происходят в закрытых местах; затем, занятия, называемые сидячими, потому что человек исполняет их сидя, и наконец, такие, которые требуют, будет ли это в открытых или в закрытых местах, чтобы работник был в стоячем положении. Но главнейшее различие установлено как бы самою природою между тяжкою работою, требующею значительного напряжения мускульных сил, и более легкими занятиями, исполняемыми без особенных усилий. Для составления верного понятия о влиянии, производимом на нравственные привычки различного рода занятиями, следует еще принять в соображение свойство 1) употребляемых орудий, 2) обрабатываемых материалов и 3) условий, действующих на человека во время производства работы.

В закрытых мастерских, при трудно возобновляемом воздухе, мускульные силы быстро падают, развитие животной теплоты затрудняется, и люди с самым крепким телосложением получают подвижный, капризный, подобно женскому характер. Организм, лишенный благодетельного влияния свежего воздуха и оживотворяющего солнечного света, которыми мы пользуемся на открытом воздухе, в некотором роде чахнет, подобно растению, лишенному воздуха и света; нервная система его приходит в отупение, из которого она пробуждается только беспорядочными возбуждениями. Кроме того, однообразие передаваемых в нее впечатлений не может не сузить самым заметным образом круга ее отправлений. К этому следует еще присоединить, что при значительном числе рабочих постепенная порча воздуха оказывает прямое, вредоносное действие сначала на легкие, от которых кровь получает свое животворное свойство, а потом и на самый головной мозг, непосредственный орган мысли. Таким образом, помимо нередко

злокачественных испарений от обрабатываемых материалов или от веществ, употребляемых для выделки их, в закрытых мастерских соединяются все условия, оказывающие пагубное действие, как на физическую, так и на нравственную природу человека.

Всем известно, как легко распространяется всякого рода испорченность между людьми заключенными или скученными в одном месте. Явление это обыкновенно объясняется одними нравственными причинами; осмелиться отнести его главным образом к физическим условиям — значит поднять против себя такие возражения, которые непременно следует избегать по сущности занимающих нас исследований. Поэтому, я не стану останавливаться на некоторых воззрениях, которые, впрочем, естественно вытекают из совокупности наблюдений, собранных в этих Мемуарах; я ограничусь только замечанием, что не меньше предстоит затруднений для отстранения физических неудобств закрытых мастерских посредством возобновления воздуха, введения хорошего освещения и точного соблюдения чистоты, чем для предупреждения развивающейся в них нравственной беспорядочности строгими постановлениями и быстрыми наказаниями за их нарушения.

Существует, впрочем, несколько замечательных выгод, представляемых работами в закрытых помещениях. Работники предохранены в них прежде всего от болезней, вызываемых непогодою, в особенности же внезапными переменами в температуре воздуха. Легко понять, что одно это обстоятельство влечет за собою последствия, равносильные с числом и количеством самих болезней. Но, помимо того, вследствие прямого действия работ, производимых в закрытых мастерских, увеличивается чувствительность нервной системы, человек становится способным отзываться на более тонкие впечатления и, при равенстве всех остальных условий, особенные, физические расположения, от которых, по-видимому, находятся в непосредственной зависимости общественные стремления, получают большее развитие и напряжение.

Работы, производящиеся на открытом воздухе, оказывают полезное действие совсем иного рода; они вызывают большую силу и жизнь в двигательных органах; они умножают предметы и разнообразят в значительной степени характер впечатлений; они закаляют тело и нередко доставляют более обильные материалы для рассудочных отправлений; и если они не поддерживают в нервной системе более живой и, так сказать, мелочной чувствительности, то тем не менее ощущениями, самое разнообразие которых необходимо привлекает и сосредоточивает внимание, они держат эту систему в неизменном бодрственном состоянии.[157]

[157] Адам Смит делает замечание, что работник-земледелец имеет больше понятий, чем городской ремесленник, потому что внимание его останавливается на большем числе предметов. (См. кн. I, гл. X второй части, вслед за статьей об обучении). По той же самой причине чрезмерное разделение труда,

Вот почему, люди, занимающиеся этими работами, отличаются от предыдущих большей отвагой, смелостью и твердостью, складом характера и ума, лучше приспособляющимися к известным обстоятельствам, большей находчивостью среди всякого положения, большей независимостью и гордостью. Но существуют такие соображения, зарождение которых не допускается чувством сознания своей силы и обычным ее упражнением, такие нравственные познания, приобретение которых при этом чувстве затруднительно. Таких соображений люди эти не будут делать, они не приобретут таких познаний; обращение их будет жестко, вкусы их будут грубы, и, при равенстве прочих условий, стремления и побуждения их будут в некоторой степени менее общежительны.

Но, повторяю, несравненно более важное различие между работами вытекает из различной степени требуемого для выполнения их усилия. Собственно этим своим свойством они могущественно видоизменяют привычки органов. Работы, требующие больших усилий, производящиеся в стоячем и напряженном положении тела, направляют ко всей совокупности мускульной системы или к известным отдельным частям мускулов большее количество живых сил. Таким образом, равновесие между чувствующим органом и двигательными нарушается. Сверх того, обнаруживающееся вскоре материальное истощение последних, требуя более частого и более обильного восстановления, большей деятельности желудка и всех органов, уподобляющих пищу, еще более усиливается, а вследствие этого в такой же степени уменьшается деятельность мозгового средоточия.

Напротив того, занятия, требующие только слабых движений, в особенности же таких, которые исполняются в сидячем положении, скоро ослабляют мускульные силы уже одним отсутствием упражнения. Вследствие этого, увеличивается впечатлительность нервной системы; обыкновенно она становится даже неправильной. Это обусловливает собою, то многочисленность впечатлений, особенно того порядка их, который вызывается внутренними, чувствующими оконечностями или которые рождаются из глубины самого нервного органа, то гипохондрические и спазматические болезненные припадки, свойственные людям, ведущим сидячую жизнь и объясняющиеся почти всегда, или бездействием тела, или вернее, занятиями, среди которых работают одни только внутренние органы и не делается никаких внешних движений. Но при обоих этих условиях, которые, к тому же, обычно смешиваются и сливаются одно с другим, изменяются все нравственные расположения, и вскоре образуются особенные привычки, обнаруживающиеся рядом различных явлений, нередко поразительных, часто странных и постоянно интересных для наблюдения.

Устанавливая, таким образом, чрезвычайное преобладание в первом случае мускульной системы, а во втором нервной, мы делаем предположение, что

столь выгодное для усовершенствования производства, суживает все более и более понятия работника.

усиленные телесные работы вовсе не прерываются правильными промежутками размышления в сидячем положении, а сидячие работы, требующие небольшого напряжения двигательных сил — часто повторяемыми и продолжительными телесными упражнениями. При этом предположении, в действительности согласном с большим числом частных случаев, можно еще заметить, что людям, занимающимся первыми работами, недостает материальным образом необходимого для размышления времени, а работы их принадлежат обыкновенно к числу тех, для которых менее всего требуется умственной деятельности; между тем как вторые работы, напротив того, предоставляют для отправлений мысли известный промежуток времени и нередко непосредственно вызывают и воспитывают ее.

Мы не считаем, впрочем, необходимым представлять обстоятельного описания различных изменений, вызываемых в нравственном состоянии каждым отдельным порядком условий; это значило бы потеряться в драгоценных, правда, подробностях, но относящихся не к нашему предмету исследования. Для нас достаточно доказательств, что изменения эти существуют и должны существовать, что они имеют и должны иметь известный общий характер, и что средства для предупреждения их или для содействия им не следует искать ни в чем другом, как во внимательном и обдуманном изучении самой вызвавшей их причины.

Наконец, условие, по-видимому, самым глубоким образом видоизменяющее непосредственное нравственное действие различных занятий, находится в зависимости от характера употребляемых при работе орудий и от свойств предметов, действующих при ней на органы чувств. Во всех странах сделано замечание, что люди, исполняющие в обществе самые отвратительные работы, скоро усваивают привычки, находящиеся в соответствии с вызываемыми их занятием ощущениями; что в людях, занимающихся работами, сопряженными с опасностями, — к ежеминутно необходимой для них смелости или беззаботности почти постоянно присоединяются, то обычные суеверные понятия, то не отличающийся благоразумием строй поведения, а часто одновременно и первые, и последние. Люди, постоянно употребляющие в дело оружие, могут ли не усвоить себе привычек, отличающихся повелительным и насильственным характером? Сознание могущественной силы и упражнение ее не должны ли направлять к ней все понятия и страсти, даже понятия о справедливости, даже страсти, имеющие своим предметом благо? Люди, привыкшие, вследствие своих занятий, проливать кровь животных, смотрят равнодушными глазами на целые потоки ее, отличаются вообще суровым,[158] безжалостным, жестоким нравом. Всякому известно, что существуют страны, в которых, по отношению к разным общественным обязанностям, законодательство в некотором роде отделяет их от прочих граждан.

[158] Я вовсе не думаю отвергать частных исключений из этого правила, хотя последнее тем не менее постоянно, и признается таким всеми цивилизованными народами.

Способ употребления смертоносного оружия представляет многие различия: вот почему привычки и склонности охотника не те же, что привычки и склонности мясника; но образ жизни и в особенности привычка убивать животных необходимо ожесточает до известной степени, а переносимые труды и побеждаемые нередко опасности могут служить превосходной школой для людей, предназначающих себя к войне, и приучить их к преодолению другого рода трудов и к борьбе с большими еще опасностями.

Охотничьи народы, независимо от испытываемых ими затруднений при добывании средств для своего существования, вследствие обычного обращения с оружием и непрерывной борьбы со всеми животными, воспитывают в себе жестокие склонности, которые впоследствии так легко развиваются в приложении их к самому человеку.[159] И так как охота их состоит не только в нападении открытою силою, так как при ловле животных они прибегают ко всякого рода засадам и западням, то и характер их состоит из смешения отваги и хитрости, а нравы отличаются жестокостью и вероломством.

Постоянно окружающая эти народы, мрачная, суровая природа, разумеется, сильно помогает укреплению в них жестоких побуждений. Какие сладостные впечатления могут запасть в душу человеческую среди этих дремучих лесов, покрытых снегом, среди этого вечного тумана, среди этих смрадных болот, окруженных убийственными испарениями, при виде этих торчащих скал, подножие которых подтачивается и подмывается бешеными потоками? Постоянное присутствие этих картин разрушения, война с дикими зверями, постоянно враждующими с человеком за обладание этими печальными странами, наконец борьба с жестокою, суровою непогодою, всякое изменение которой сопровождается только новыми бедствиями, одним словом, все это не содействует ли воспитанию в душе только мрачных чувствований и кровожадных стремлений, закалению сердца против сострадания, как и против страха, заглушению и искоренению в нем почти всех симпатических, душевных, человеческих движений.

Подобные же привычки и склонности замечаются у народов, занимающихся рыбною ловлею, особенно у живущих на берегах Ледовитого моря; еще раз, так это и должно быть. Быть может даже, что суровый характер стихии, из которой они получают свою главную пищу, опасности, которым они подвергаются при добывании ее, мрачные картины, постоянно окружающие их, жестокая стужа и всякого рода тягостные впечатления должны сделать их еще более дикими и

[159] Охотничьи народы легко становятся людоедами. Некоторые путешественники высказывают предположение, что в Америке немногие племена не отведывали человеческого мяса. Впрочем, употребление такого рода пищи, по-видимому, искажает все природные побуждения. В странах, даже небогатых дичью, людоед производит всеобщий ужас. В путешествии Геврна можно найти, что жители берегов Гудзонова залива и вообще полярных стран Америки чувствуют отвращение, как к дикому зверю, к человеку, раз попробовавшему человеческого мяса. Достаточно одного подозрения, что дикарь вынужден был голодом к такой роковой крайности, чтобы он подвергся всеобщему преследованию и погиб самым ужасным образом.

жестокосердыми. Что касается до умственных их способностей, то, хотя обычные их занятия и требуют многих соображений, тем не менее, при равенстве прочих условий, они менее развиты, чем пастушеские народы: отстраняя непосредственные нравственные причины, которые в настоящем случае мы не принимаем в соображение, явление это может находиться в зависимости, или от отсутствия затруднений при добывании пищи, или от известных особенных болезней, производимых или развиваемых ею, или, наконец, от климата, то есть, от совокупности всех физических условий, свойственных той местности, в которой они поселились.

Некоторые предания, принимающиеся за исторические, вымыслы поэтов, мечтания многих даже мыслителей представляли пастушескую жизнь, как образец добродетелей и счастья. Но эти блистательные картины опровергнуты всевозможными фактами действительности. Чисто пастушеские народы были во все времена, как и в настоящую минуту, ордами грабителей и разбойников. Среди бродячей жизни в них сложилось убеждение, что все, производимое землею, принадлежит им по праву; они не имеют никакого понятия о поземельной собственности, первоначальные законы которой составляют основу или источник всякого гражданского законодательства; в особенности они незнакомы с последующими договорами, появившимися вскоре между земледельческими и торговыми народами и освятившими безразлично и в равной степени всякого рода собственность. В насильственном разъединении с прочими народами пастушеские племена получают привычку относиться враждебно ко всему чужеземному. Эта всеобщая и постоянная ненависть к подобным себе существам необходимо воспитывает в их сердце чувства несправедливости, жестокие, угрюмые. Только в некоторых благословенных уголках земли и, кроме того, хорошо обработанных, только среди немногих счастливых долин богатые и миролюбивые пастушеские племена могли обратить особенное внимание на уход за своими стадами; только в таких местностях довольства пастушеской жизни и выработанный ею счастливый досуг, обратив умственную деятельность человека к занятию поэзиею или к наблюдению звездного неба, были в состоянии пробудить в нем более изящные общественные стремления и придать большую чистоту его нравам. Но даже соглашаясь на подобную уступку, которая, к тому же, легко может еще оспариваться, мы тем не менее должны сказать, что следует отвергнуть те ложные картины, в которых привыкли изображать жизнь пастушеских народов Вавилона, Аркадии или Сицилии, все то, что было неосновательно присоединено к настоящей действительности увлечением буколических поэтов и все то, чем воображение читателей дополняло выдумки поэтов. Тогда только, может быть, явится возможность отнести эти прелестные изображения к каким-нибудь действительно существующим предметам. Но, во всяком случае, в настоящее время похвалы деревенской жизни имеют совершенно иные основания: в этой жизни ничего нет пастушеского, да ничего подобного и искать в ней не следует; ложные картины

только закрывают действительные светлые стороны такой жизни от глаз деревенских жителей.

Земледельческие народы, средства существования которых более обеспечены, отличаются более прочным общественным устройством; в них больше можно встретить здравого смысла и добродетелей. С самого начала своего существования народы эти должны были, стало быть, пользоваться большим благоденствием. Вскоре среди них явилась торговля, которая стала рассевать мало-помалу предрассудки и распространять здравые понятия: ее деятельное влияние пробуждает все таланты, открывая трудолюбивому человеку новые источники богатства, а богатому — новые средства к наслаждению и, ставя первого с каждым днем в бóльшую независимость от второго, она зарождает и развивает понятия о свободе, любовь к ней и необходимость ее. Только тогда раскрывается пред человеческою природою прекрасный и всесторонний путь к улучшениям и к истинному счастью; другу человечества остается тогда одно только желание: чтобы правительство, подчиненное влиянию общественного здравого смысла, своим утверждением немедленно переводило бы в закон действительные успехи в понятиях; чтобы законодатели и верховые правители народа со такою же заботливостью старались собирать плоды знания и распространять их все более и более, с какою деспоты и шарлатаны стараются душить их и клеветать на них. И, говоря мимоходом, достаточно одного этого соображения, чтобы показать благодетельное значение правительственной системы, основанной на равенстве и свободе; таким образом, легко понять, до какой степени тщетны усилия тиранов и продажных декламаторов подорвать или исказить такие вечные истины.

Без всякого сомнения, в различных состояниях общества нравственные условия всегда переплетаются с физическими при вызове явлений, замечаемых наблюдателями; но характер занятий, определяя собою склад ежедневных привычек, входит, следовательно, в число условий, заслуживающих особенного внимания в настоящем случае. Впрочем, для нас достаточно доказательства, что занятия принимают участие во влиянии на нравственное расположение людей, а вследствие этого, и на народные обычаи.

Впрочем, давно уже пора кончить этот длинный Мемуар, так как я считаю лишним входить в подробности, относительно каждого отдельного рода занятий, влияния которых ежедневно бросаются в глаза. Таковы, например, работы, производящиеся среди лесов или гор, в отдаленности от жилищ человеческих. Известно, что такого рода продолжительные работы придают понятиям и нравам грубый, суровый, дикий характер. Таковы также работы на стеклянных и железоделательных заводах, которые одновременно требуют могущественных мускульных движений и держат головной мозг, так сказать, в постоянном кипучем состоянии. Ибо этим последним

обстоятельством объясняется большая часть припадков опьянения,[160] сопровождающихся насилием, воспитываемым сознанием большой телесной силы и ее упражнением. Таковы же, наконец, работы, непосредственно причиняющие известные болезни, которые в свою очередь могут изменить коренным образом нравственную природу человека. Для примера укажем на занятия, требующие ежедневного обращения с ртутью, свинцом, кобальтом и проч.

Еще менее считаю я нужным останавливаться на нравственном влиянии различных работ по отношению к предметам, действующим во время их производства на органы чувств.

Существует, без всякого сомнения, огромное различие между человеком, занятия которого удерживают его в многолюдном городе и человеком, живущим в уединении,[161] между жителем скал, окаймляющих вечно волнующееся море, и богатых, тихих долин, мрачных подземелий и мест, освещаемых солнечным светом, между жителем жгучей африканской степи и жителем ледников Шпицбергена или Гренландии. При таких различных обстоятельствах, ни предметы, ни производимые ими на нас впечатления, ни результаты этих впечатлений не могут быть сходны; при них невозможны, ни составление одинаковых понятий, ни пробуждение одинаковых побуждений, ни образование одних и тех же привычек. Простая истина эта должна быть, полагаю я, понятной без дальнейших объяснений; и хотя изложение этих различных действий могло бы представить нам множество любопытных подробностей, мы должны предоставить проницательности читателя эти соображения, которые в настоящую минуту будут излишни для предмета нашего исследования.

Заключение. — Итак, условия жизни, то есть, ежедневное действие воздуха, пищи, напитков, бодрствования, сна и различных занятий оказывает самое широкое влияние на понятия, на страсти, на привычки, одним словом, на всю нравственную природу человека.

Вследствие этого, весьма важно, чтобы гигиена определила и точно взвесила все эти действия; чтобы из систематического наблюдения их она начертила бы правила, которые бы можно было приложить ко всякому случаю и которые способствовали бы совершенствованию человеческой жизни; наконец, чтобы истинная философия показала бы точную связь их с так называемыми чисто нравственными явлениями, чтобы вернее направить их к единственной разумной цели всякого исследования и всякой работы — улучшению человека и увеличению его благополучия.

---

[160] Я вовсе не имею здесь в виду пристрастия, развиваемого этими работами к хмельным и к горячим напиткам и скоро обращающегося в непреодолимую потребность.

[161] Циммерман в трактате «Об уединении», прекрасно определил выгоды и неудобства одиночества. Он показал, что, смотря по обстоятельствам, оно может развить таланты и высокие добродетели, или вызвать тупое или неистовое помешательство и воспитать жестокие и разрушительные чувства; одним словом, создать великих людей или мошенников, залечить раны несчастного грустной задумчивостью или породить в горячем сердце все муки ада.

Мемуар девятый: О влиянии климатов на нравственные привычки.

Введение. — § I.— Чем далее подвигаемся мы в исследовании по указанному мною пути, тем очевиднее становится для нас, что все предстоящие нам для решения вопросы тесно связаны между собою и переплетаются одни с другими; что между ними нет ни одного, который бы мог быть вполне исчерпан, независимо от большей или меньшей разработки всех остальных и что все они проливают друг на друга свет и доставляют друг другу материалы и даже решения.

Вопрос о нравственном влиянии климатов принадлежит, по-видимому, к числу тех, которые лучше всего подтверждают эту тесную связь между ними: я постараюсь доказать это в настоящем Мемуаре или, вернее, связь эта составляет результат того исследования, на главные предметы которого я постараюсь обратить ваше внимание.

Но прежде, чем приступить к делу, следует составить себе точное понятие о самом вопросе и постараться поставить его в более определенные границы, чем это делалось доселе.

Проследив, шаг за шагом, за путешественниками и естествоиспытателями в сделанных ими описаниях различных стран земного шара, охватив одним взглядом всю эту огромную картину, и желая сблизить и сравнить замечательнейшие из частей ее, невольно поражаешься как представляемыми ею сходствами, так и различиями. Каждая широта запечатлена своим характером, каждый климат оттенен своеобразными красками. Тем не менее, бесчисленные существа, вызванные в них природою или ежедневно в них воспроизводящиеся, не только приспособились к физическим условиям каждой широты и каждого климата, но кроме того, все они запечатлены общими чертами и, так сказать, окрашены в одну и ту же краску. Характер вод находится в соответствии с характером местности; воздух находится в зависимости от местоположения почвы, от условий ее орошения водою, от направления рек и гор, от состава воздуха и поднимающихся в него из земли испарений. Растительные произведения местности запечатлены качествами почвы и вод; они применяются к различным состояниям воздуха. Наконец, животные, природа которых отличается еще большей гибкостью, которые беспрерывно видоизменяются и преобразуются под влиянием различного рода впечатлений, получаемых ими от внешних предметов, под влиянием качества пищи и питья, доставляемых им почвой, так животные представляют в некотором роде живой образ страны, ее растительных произведений, ее местоположения, неба, под которым они находятся. А человек, самое гибкое из всех животных, исключительным образом одаренное всякого рода подражательной способностью

и способное отзываться на всевозможные впечатления, до такой степени непохож на самого себя в различных климатах, что многие естествоиспытатели считают себя вправе разделить род человеческий на несколько отдельных видов. С другой стороны, физическое соответствие между человеком и окружающими его предметами, которые он должен приспособить к своим потребностям, до такой степени поразительно, что достаточно одного поверхностного взгляда на любого человека, для указания природы и местности, к которым он принадлежит: «*В самом деле*, - говорит Гиппократ, - *между людьми встречаются породы и отдельные лица, весьма сходные с горными странами, покрытыми лесами; есть между ними и такие, которые напоминают счастливые почвы, обильно орошаемые источниками; некоторых из них можно сравнить с их лугами и болотами, других — с сухими и бесплодными равнинами*».[162]

Великий человек этот прибавляет: «*Времена года обусловливают формы; но времена года различаются между собою; одно и то же время года различается в различных странах, и на формах живых существ отражаются эти различия*».

Говоря о некоторых народах, живущих на окраинах, разделяющих Азию от Европы, у Меотийского болота, и сравнивая внешние привычки их с привычками азиатцев и египтян, он прибавляет: «*Дикая природа занимаемых ими стран и резкие перемены погоды, которые они должны переносить, вызывают в отдельных людях, составляющих эти племена, такие различия, которые вовсе не существуют в народах, о которых мы только что говорили*».

В другом месте, свое описание отдельной местности в Скифии он заключает следующими словами: «*Вы видите, что времена года не испытывают у них больших и внезапных перемен, что они, напротив того, сохраняют однообразное течение и сменяются почти незаметно: вот почему и привычки жителей представляют мало разнообразия. Все они питаются одной и той же пищей, носят одну и ту же одежду зимою и летом, дышат одним и тем же, сырым, насыщенным водяными парами воздухом, пьют одну и ту же воду, образующуюся из растаявшего снега или льда... Поэтому, они жирны и мясисты, сочленения их толсты, но слабы, а полости, особенно брюшная, сыры.... Вследствие полноты и гладкой кожи люди эти очень похожи друг на друга, мужчины на мужчин, женщины на женщин*».

Желая сравнить почву Азии с почвой Европы, он выражается таким образом при начале сравнения: «*Если азиатцы, расслабленные изнеженностью, бездеятельные, лишенные мужества, менее воинственны, чем европейцы, если они отличаются более кроткими нравами, то причину этого следует опять-таки отыскивать во*

[162] Если я не воспользовался переводом гражданина Корая, то это потому, что Мемуар этот написан прежде появления его перевода. Я готов, впрочем, прежде всякого другого признать достоинства трудов этого знаменитого ученого, личное мое уважение к которому столько же несомненно, как и мое удивление к его проницательной критике и его обширной учености.

влиянии климата и в изменениях времен года. В Азии чередующиеся перемены в холоде и в тепле никогда не бывают велики и резки: вследствие этого, жизненные силы никогда не бывают поражены мгновенным отупением; никогда тело не выходит там неожиданно из своего естественного состояния. Но эти сильные потрясения увеличивают животную теплоту, воспитывают холерическое расположение, изощряют рассудок, то есть, свойства, которые не развиваются в такой же степени однообразным и постоянным состоянием погоды. А между тем только перемены возбуждают умственные силы человека и не дают им успокоиться».

В другом месте он возвращается к сравнению двух этих частей света. «*В Европе люди значительно отличаются друг от друга, и ростом, и телосложением, вследствие больших и частых изменений погоды в продолжение года. Сильные жары, жестокие стужи, обильные дожди, упрямые засухи, буйные ветры, словом, всевозможные состояния атмосферы попеременно господствуют в ней и поочередно следуют друг за другом... Вот почему по внешнему виду своему европейцы различаются от одного города к другому... Действие климата можно заметить таким же образом и в их нравах. Эти условия способствуют образованию более энергических, более непокорных характеров. Беспрерывные потрясения вызывают меньшую общительность и большую суровость; они препятствуют распространению мягких и приветливых привычек. По той же причине европейцы должны быть мужественнее азиатцев. Повторяю, однообразный порядок вещей должен зародить бездеятельность; напротив того, разнообразие возбуждает и тело, и разум к работе».*

На основании этих и других, подобных им наблюдений, входить в подробности которых я считаю бесполезным, Гиппократ уже в свое время установил учение о влиянии климатов на нравственные привычки народов.

Некоторые из новейших мыслителей, заимствовав у него эти положения, повели их далее, и, быть может, придали им слишком широкое значение; по крайней мере, не подлежит сомнению, что они перешли за те пределы, в которые считал нужным заключить их знаменитый греческий естествоиспытатель.

Другие философы, заслуживающие не меньшего уважения за распространяемые ими полезные истины, воспользовались этим случаем, чтобы напасть на самую сущность его учения: они приняли это влияние за химерическое и отвергли безусловно все следствия, выводимые из него Гиппократом и особенно новейшими его последователями.

Оба противоположные взгляда, подвергшиеся особенному исследованию в середине XVIII столетия, имели своих защитников и противников; тот и другой составляют до последнего времени предмет споров между людьми одинаково просвещенными.

Так что вопрос остается, по-видимому, нерешенным. Но, разумеется, он не остался бы таким, если бы собрать голоса: наибольшее число естествоиспытателей разделяет мнение Гиппократа и Монтескье, но и мнение Гельвеция имеет за собою весьма уважаемых мыслителей. Таким образом, если бы вопрос этот и не входил необходимым образом в предмет настоящего моего труда, то он заслуживал бы нового исследования; а между важнейшими вопросами, поднятыми философской наукой, и имеющими непосредственное значение для самого общественного устройства, быть может, нет ни одного, который бы заслуживал большего внимания и всестороннего изучения.

§ II. — Когда для решения какого-либо вопроса недостает необходимых фактов, ничего нет естественнее считать этот вопрос нерешенным: следует даже самым настойчивым образом сдерживать то нетерпение и ту торопливость, которые так часто испытываются человеком в самых важных исследованиях и которые побуждают его к выводам прежде, чем собраны будут необходимые для них данные: осторожность в таком случае необходима, если мы придаем хоть какое-нибудь значение истине. Но когда факты, относящиеся к какому-нибудь вопросу, собраны; когда они рассмотрены с различных точек зрения людьми, способными оценить их и вывести из них все последствия, а вопрос все-таки остается нерешенным, то это может произойти только от того, что сам вопрос неверно схвачен, что он был бы решен, если бы был правильно поставлен. Никто не отрицает, что факты, относящиеся к вопросу о нравственном влиянии климатов, собраны и даже что они тщательно исследованы. В спорах по этому вопросу мыслители, опровергающие влияние климатов, как и подтверждающие его, согласны между собою в том отношении, что имеются все средства для точного решения этого вопроса. Из этого следует, что должна существовать неопределенность в выражениях, что последние лишены необходимой точности, одним словом, что вопрос худо поставлен; а разумеется, при каком бы то ни было споре, необходимее всего отстранение туманности в выражениях и неопределенности в словах, чтобы не потерять нити для точных выводов.

Если, например, некоторые писатели под словом климат разумели только широту места и степень холода или теплоты, свойственную каждой стране, то очевидно, что они не могли сойтись в выводах с теми из естествоиспытателей, которые придают этому слову более широкое значение; в самом деле, некоторые мыслители придавали, быть может, слишком уже преувеличенное значение действию холода или теплоты. Но в настоящую минуту речь идет уже не об этом: опровержения против них не ограничивались указанием того, что они довели до крайности в сущности верные воззрения, а силились опровергнуть все последствия, вытекающие из этих воззрений, и доказать положительным образом, что различия в нравственной природе человека различных стран не могут находиться в какой бы то ни было зависимости от физических условий местности.

Возвратимся к определению Гиппократа или, так как он не занимался постановкою схоластических определений, поищем лучше во взгляде его на этот предмет, какой смысл он придавал слову климат.

Уже одно заглавие его сочинения могло бы указать нам на дух всего его исследования. Сочинение его названо: «О водах, воздухе и местности». В предложенных исследованиях Гиппократ имел, стало быть, в виду показать влияние не только температуры воздуха, но и совокупности всех прочих условий, влияние не только широты места, но и ее природы, ее произведений и орошающих ее вод. В самом сочинении автор старается тщательно описать все особенности, которые могут поразить наблюдателя при исследовании различных стран и которые составляют существенное отличие каждой. Для решения вопроса он считает необходимым исследование всех главных предметов, свойственных каждой почве, каждой местности, всех важных и постоянных свойств, которыми предметы эти могут действовать на чувства и видоизменять человеческую природу; нетрудно понять, что это и составляет самое широкое значение слова климат. Таким образом, климат не ограничивается одними только условиями широты или холода и тепла; он охватывает безусловным образом совокупность физических условий, свойственных каждой местности; эта совокупность условий и есть климат, а все характеристические черты, которыми природа отличила каждую отдельную страну, входят в понятие, составляемое нами о *климате*.

Что следует теперь разуметь под *нравственными привычками*? Каким образом привычки эти могут зародиться и развиваться? Ибо, для точной оценки условий, оказывающих влияние на их зарождение, необходимо знать законы или порядок, по которым влияние это происходит.

Если рассматривать нравственные привычки целого народа, как это сделано было Гиппократом и Монтескье, то нетрудно заметить, что их составляет обычный ряд его душевных движений или побуждений, понятий или убеждений, намерений или действий, составляющих результат и убеждений их, и побуждений. С неменьшей же очевидностью можно заметить, что привычки эти не могут образоваться иным путем, чем привычки отдельных людей, то есть, что они составляют необходимый результат впечатлений, ежедневно получаемых этим народом, понятий или суждений, вызываемых этими впечатлениями, желаний, инстинктивных или сознательных, развиваемых совокупным действием тех же впечатлений и суждений.

Таким образом, в результате следует искать в роде и в характере впечатлений настоящую, определенную причину рода и характера привычек. Но так как впечатления зависят от вызывающих их предметов и от устройства чувствительных органов, на которые предметы эти действуют, то ясно, что они должны различаться, смотря по свойствам предметов и по состоянию чувствительных частей, получающих от них впечатления.

Таким образом, вопрос можно поставить иным образом: 1) Одарены ли предметы одинаковыми свойствами в различных климатах? 2) Если не подлежит сомнению, что предметы неодинаковы в них, то не должна ли чувствительность испытывать видоизменения вследствие присутствия и постоянного действия на нее этих различных предметов?

Вот мы и вошли, как мне кажется, в самую сущность вопроса.

Теперь следует определить, действительно ли тождественны свойства предметов и самые предметы в различных климатах? Но можно ли сделать подобный вопрос? Разве всевозможные факты не подтверждали всегда, как и теперь, этого различия? Решится ли кто когда-нибудь утверждать, что предметы одинаковы, как на берегах Сенегала и Амазонской реки, так и в Гренландии или на Шпицбергене?

Затем, следует определить, может или не может влияние внешних предметов и веществ, приходящих в ежедневное соприкосновение с телом человека, видоизменять его чувствительность; действительно ли чувствительность остается всегда и везде одной и той же, способна ли она всегда и везде не только к одним и тем же впечатлениям, но и к приведению различных впечатлений к одному, общему характеру, к приведению, которое противники Гиппократа, если желают остаться последовательными, должны принять за неизменное свойство человеческой природы, существенно необходимое для ее развития и помимо разнообразия внешних условий.[163]

При такой, более обстоятельной и более точной постановке вопроса, вторая его половина таким же образом не может оспариваться, как и первая. Ибо, если бы все сделанные нами предположения имели основание, то люди были бы безусловно неспособны к какому бы то ни было воспитанию. Тем не менее, должно согласиться, что для всестороннего исследования предмета следовало бы пересмотреть множество второстепенных вопросов и что получение решений, которые не допускали бы никаких недоразумений, возможно бы было только при исследовании живого и чувствующего организма со всех главных точек зрения и при изучении самых важных законов, действие которых на организм и обусловливает его существование.

Но достаточно одного беглого взгляда на предметы, необходимо входящие в это исследование, чтобы увидеть, что нам пришлось бы возвратиться ко многим вопросам, уже достаточно разъясненным в предыдущих Мемуарах. Мы должны были бы вернуться к тем же фактам и повторять те же соображения.

§ III. — Мы доказали (таково, по крайней мере, мое убеждение), что темпераменты, условия жизни, природа занятий, требуемых ими орудий, род и свойства различных болезней оказывают могущественное влияние на отправления мысли, воли,

[163] В этом, собственно, и состоит самая щекотливая и самая существенная сторона вопроса.

инстинкта, потому что они способны изменить состояние чувствительности в различных органах, состояние, от которого одинаково зависят все эти отправления. Если мы докажем теперь, что сложение темпераментов, условия жизни, природа занятий и, следовательно, требуемых ими орудий, наконец, что род, характер и ход болезней находятся в зависимости от различных физических условий, свойственных каждой местности, то будет очевидно, что климат, по точному определению этого слова, оказывает несомненное влияние на образование нравственных привычек; ибо последнее, в свою очередь, как сейчас было показано, составляют только совокупность представлений и убеждений, сознательных или инстинктивных побуждений, и действий, вытекающих из тех и других в жизни каждого отдельного человека.

Всякому известно, что животная природа одарена необыкновенной способностью к подражанию. Все существа, одаренные чувствительностью, подражают движениям, которые остановят на себе их внимание; в особенности же они подражают самим себе, то есть, что они имеют замечательное стремление подражать действию, раз ими произведенному; они повторяют его тем легче и тем лучше, чем чаще оно вызывается; наконец, они повторяют его в одно и то же время и в том же последовательном порядке относительно других движений, связанных с ним, или некоторыми сходствами, или привычкой памяти. Стремление это обнаруживается еще более очевидным образом в бессознательных движениях животного, чем в тех, в которых принимает участие рассудок. Чисто физические отправления, от которых исключительно зависит сохранение жизни, начинаются и оканчиваются все в определенные периоды и в определенные промежутки; и если периоды эти не одинаковы для каждого неделимого, то неизменность возвращения, в каждом отдельном случае находящаяся во всегдашнем соответствии с зависимостью между первым и вторым актом, устанавливающими отправление, между вторым и каждым из следующих, только подтверждает всеобщность закона. Таким образом, хотя голод, потребность сна, желание извергнуть различные отделения, и проч. не возвращаются для каждого в одни и те же часы, тем не менее, не подлежит сомнению, что при постоянно правильном образе жизни каждый испытывает их периодически. С неменьшею очевидностью подтверждается этот закон в повторяющихся пароксизмах лихорадки и в развитии острых болезней, когда остающиеся у природы силы бывают достаточны для подчинения хода болезни постоянным законам. На этом физическом стремлении к подражанию, как мы неоднократно повторяли, на этом могуществе привычки основано могущество воспитания, то есть, способность к совершенствованию, свойственная всякой чувствительной природе, способность, которою одарен особенным образом человек, стоящий во главе всех животных земного шара.

Но могущество привычки не ограничивается этими глубокими и неизгладимыми чертами, оставляемыми ею в каждом неделимом; она способна еще, по крайней мере до некоторой степени, передаваться путем наследства. Большая способность

приводить в деятельность известные органы, производить ими известные движения, исполнять известные отправления, одним словом, особенные, доведенные до высшей степени развития способности могут передаваться из поколения в поколение;[164] и если причины, вызвавшие привычку, не прекращают своего действия в продолжение многих, последовательно сменяющих друг друга поколений, то образуется новая, приобретенная природа, которая, в свою очередь, не может быть изменена иначе, как если перестанут на долгое время действовать эти причины и в особенности пока действие новых причин не вызовет в теле животного ряда иных стремлений.

Итак, особенные впечатления, одни и те же, и постоянно повторяющиеся, способны видоизменить органическое строение и утвердить видоизменение путем наследства. Но самые постоянные и самые неизменные впечатления находятся в несомненной зависимости от природы страны, которая ничем не может быть изменена и переделана, ни даже деятельностью и стараниями человека; мы видели, к тому же, в другом Мемуаре, что, несомненно, следует искать в известном органическом строении причину различных темпераментов. Если, стало быть, впечатления бывают настолько различны в различных климатах, что изменяют состояние органов, то и темпераменты должны представлять замечательные различия.

Не выходя из данного климата, замечается, что перемена времен года оказывает важное влияние на состояние животного тела. Каждое время года свойственным ему характером вызывает в организме ряд особенных отправлений; уступая место другому времени года, оно оставляет в теле тем более выразительные следы, чем сильнее и чем дольше продолжалось его самобытное действие; и если бы следующее за ним время года не вызывало в свою очередь новых отправлений, следы эти становились бы все более глубокими, вызываемые ими стремления обратились бы в привычки, и новая организация заняла бы место первоначальной; или, выражаясь точнее, органическое строение видоизменилось бы пропорционально действующей причине и в границах, в которых изменение это возможно в различных направлениях.

Древние врачи, искавшие всюду аналогий, старались связать свое учение о животных соках с учением о стихиях, а с тем и другим свою теорию темпераментов. Факты, по-видимому, доказывают, что им больше посчастливилось в установлении некоторых отношений между временами года, климатами, возрастами и темпераментами или органическим строением, обусловливаемым этими различными общими обстоятельствами или свойственными им частными особенностями. Они заметили, что соки или жидкости, которые, по их мнению,

[164] В письмах о животных Леруа замечает, что хотя в естественном состоянии собака не делает стойки, тем не менее суки превосходных пород, приученных к стойке, рождают щенков, которые весьма часто без предварительного обучения останавливаются над дичью с первого раза, как постигнут ее.

приходят в организме в деятельность по законам особенного рода приливов и отливов, бывают способны к различным необыкновенным движениям. Жидкости эти вздуваются, подымаются и с особенным неистовством бросаются из одного места в другое. В известных климатах, в известное время года, в известные эпохи жизни движения эти зарождаются как бы сами собою и происходят с большею силою. Между этими соками и этими обстоятельствами существуют заметные отношения, исследование которых необходимо для изучения человека и для практического врачебного искусства. Кровотечения и воспалительные болезни свойственны юности, весне, странам, в которых господствует это время года. Молодости, лету, жарким и сухим странам соответствует образование желчи и желчные болезни. В зрелом возрасте и в период жизни, сливающийся со старостью, осенью, в странах с влажным и резким воздухом, с изменчивою температурою, господствует гипохондрия и вызываемые ею болезни. Наконец, холодная флегма и катарральные поражения свойственны старости, зиме, сырым и холодным странам.

§ IV. — Хотя, при объяснении темпераментов различными соками, древние и не восходили до органического строения, обусловливающего состояние самих соков, тем не менее, они не могли заблуждаться в своих выводах, которые составляли самый точный результат фактов: вот почему эти превосходные наблюдатели без всякой натяжки построили прямую аналогию между темпераментами, климатами и возрастами, особенно же между временами года и темпераментами.

Весною, прибавляли они еще, чувствуешь себя как бы моложе и ближе к сангвиническому темпераменту. Летом человек бывает более желчным и расположен к болезням, в которых желчь играет главную роль. Осенью преобладает гипохондрия и развиваются исключительно гипохондрические болезни, с сопровождающими их поражениями. Наконец, зимою, слабые люди и старики чувствуют себя хуже; это — эпоха ревматических, мокротных, катарральных болезней, продолжающаяся до тех пор, пока действие холода, в соединении с впечатлениями, вызываемыми возвращением в наши страны солнца, снова не вызовет воспалительных расположений, усложняющихся следующими за ними некоторое время слизистыми перерождениями.

В настоящую минуту я употребляю выражения, не принадлежащие никакому древнему врачу; тем не менее, в них заключается их настоящее учение, особенно Гиппократа, из которого я делаю извлечение с точки зрения, подходящей к нашему предмету.

Но влияние времен года не одинаково во всех странах; они не везде одинаково отличаются одно от другого. В некоторых местностях бывает только зима и лето; в других изменчивая осенняя погода господствует в продолжение всего года. Экваториальный пояс испытывает едва заметное, мимолетное уменьшение теплоты; полярные страны лежат в вечном почти оцепенении от холода; наконец, есть счастливые уголки земли, в которых царствует постоянная весна.

Оставив общую точку зрения на влияние местных причин на живой организм или на известное органическое строение, можно заметить, что и подробности, то есть, даже самые частные факты в совокупности представляют еще более убедительные и решительные доказательства этого влияния.

Достаточно одного беглого взгляда на общую картину, представляемую различными климатами, чтобы увидеть, какое бесчисленное множество разнообразных форм, обусловливаемых особенными обстоятельствами, развивается, по-видимому, самым капризным образом жизнью. Каждая обширная часть земного шара, каждая значительная по объему отдельная местность населена животными, которые не встречаются ни в какой другой. Какое в них необыкновенное разнообразие в строении, в инстинкте, в привычках! Какое множество новых черт представляется в них для наблюдения, то в способе удовлетворения потребностей, то в роде и в характере их первоначальных способностей, то в складе и в направлении этих способностей и потребностей! Но эти особенные привычки, эти новые породы, изменение форм самих пород часто находятся в зависимости от свойств почвы и ее произведений; и если существуют растения, которые гибнут при перенесении их из родной местности, то есть немало и животных пород, которые не выносят переселения, не могут быть вывезены из своей страны без коренного повреждения самой природы их, нередко оканчивающегося непосредственною смертью неделимых.

Факты эти всем известны и не могут быть подвергнуты сомнению; они показывают уже самым непреложным образом могущественное влияние климата на одушевленные и чувствительные существа. Но это влияние выказывается сильнее всего, в особенности по отношению к предмету нашего исследования, в действии, производимом климатом на одни и те же породы, потому что он не только видоизменяет до бесконечности их свойства и внутреннее строение, но может еще иногда изглаживать во внешнем их устройстве, в их стремлениях и особенностях такие черты, которые считались их отличительными признаками. Лошадь, собака, бык представляются в некотором роде особенными видами в различных частях земного шара: в одной они смелы, дики, неукротимы, в другой они кротки, боязливы, послушны; в одной местности они удивляют своим проворством, смышленостью, легкостью, с которою подчиняются тому воспитанию, которого требует от них человек; в другой, — несмотря на самый заботливый уход, они остаются глупыми, неповоротливыми, столь же грубыми, как окружающая их природа, бесчувственными к ласке и неспособными ни к какой выучке.

Рост этих животных, их телосложение, физиономия, словом, весь внешний вид их находится в несомненной зависимости от произведшей их почвы, от ежедневно получаемых ими впечатлений, от рода их жизни; в особенности от доставляемой почвою пищи.

В некоторых странах бык не имеет рогов, в других он одарен ими в чудовищных размерах. Его рост и объем всего тела принимают весьма значительные размеры во влажных и умеренно холодных странах, а под полярными кругами и в очень сухой местности сильно уменьшаются. Под известными широтами кожа его покрывается длинною и мягкою шерстью, а на спине является один, а иногда и два мясистых горба. Наконец, чтобы не увеличивать число примеров, заметим, что можно разбить и лошадь на породы, отличающиеся множеством разнообразных признаков, смотря по местности, к которым принадлежат эти породы, а от исландской или сибирской собаки до собаки экваториальных стран можно заметить ряд форм и различных признаков, соседственные оттенки которых, по-видимому, сливаются и незаметным образом переходят один в другой.

Я прибавлю одно только замечание, именно, что в некоторых странах собаки вовсе не лают, в других они не подвержены бешенству. Привозимые в эти страны собаки из других мест в первом случае теряют голос в непродолжительном времени; во втором случае они становятся неспособны к водобоязни, по крайней мере насколько можно судить по довольно продолжительным наблюдениям. Таким образом, мы получаем право заключать, что эти изменения в природе собаки зависят единственно от климата или от физических условий, свойственных различным странам, в которых сделаны были эти наблюдения.

Вот настоящая причина, почему различные породы животных обыкновенно перерождаются, а иногда так и совершенствуются при переселении их из одной местности в другую, и почему новое отечество оканчивает обыкновенно приближением их к туземным породам того же вида, если человек не употребит старания поддерживать первоначальную их природу заботливым уходом и воспитанием.[165]

§ V. — Мы говорили уже неоднократно, что сравнительно со всеми известными, животными породами, человек одарен самою гибкою и самою подвижною чувствительностью, так что все, оказывающее влияние на животные существа, действует на него в большей еще степени. Но, кроме того, бесчисленное множество фактов, относящихся к различным порядкам явлений, доказали нам, что если природа человеческая поддается действию на нее различных обстоятельств, то под влиянием их она быстро видоизменяется и приспособляется к новым, получаемым ею впечатлениям. Поэтому, может быть, было бы бесполезно доказывать, что если климат оказывает могущественное действие на всех животных, то человек никаким образом не может составлять исключения из этого общего закона, так как очевидно, что его зависимость от таких бесчисленных и, так сказать, господствующих над ним

[165] См. превосходное сочинение Гузара о конских заводах и Добентона, Жильбера, Тессье и проч. об уходе за овцами.

влияний вытекает именно из свойств, отличающих его организацию и обусловливающих ее превосходство.

Но, как бы ни были строги выводы из подобного сравнения, они могут еще оставить в голове некоторое сомнение и неопределенность. Поэтому, мы обращаемся к более непосредственным доказательствам, то есть, к фактам; и так как без сомнения было бы столько же докучливо, как и излишне входить во все подробности, то мы бросим беглый взгляд только на такие, которые, по отношению к прочим, имеют значение общих выводов.

Известно, что в различных частях земного шара человек отличается неодинаковыми внешними формами. Цвет его кожи, покрывающих ее волос, природа их и внутреннее строение, отношение между твердыми частями и соками, объем мускулов, само устройство и сложение некоторых костей или некоторых их поверхностей, все эти обстоятельства представляют видоизменения у жителей различных климатов, и могут служить указанием широты места или природы, в которой они встречаются. Каждый народ отличается внешним видом, быть может, не менее выразительным, как и язык, на котором он говорит. Англичанин, голландец, итальянец имеют не такую физиономию как француз; тело их отличается неодинаковыми способностями. В стране, населенной одною и тою же человеческою породою, при значительном разнообразии в местности, можно всегда встретить, если мне позволено будет так выразиться, копию с него в известном, соответствующем ему разнообразии отличительных черт в строении, в цвете, в физиономии жителей каждой отдельной местности. Горные жители не похожи на жителей долин; встречаются даже весьма заметные различия между жителями той и другой долины, тех и других гор. Люди, живущие на Пиренеях, не похожи на людей, населяющих Альпы. Светлые, плодоносные берега Гароны отличаются людьми, непохожими на людей, живущих в не менее светлых и не менее плодоносных долинах Луары и Сены; нередко даже в одном и том же округе, между жителями двух деревень встречаются несходства, которые, при одном и том же языке, при общих законах и общих обычаях, могут быть объяснены только условиями, присущими почве.

Основываясь на сильных различиях в формах человеческого тела и даже в строении и в складе костей, обусловливающих формы, многие писатели полагали, что столь различные существа, хотя и принадлежащие к одному роду, не могут составлять одного вида, и для объяснения этого явления они сочли необходимым допустить несколько первоначальных видов, вполне отличных и одаренных признаками, столь же неподвижными и неизгладимыми, как сама природа. Сознаюсь, что я не разделяю их мнения. Я нахожу мнение Бюффона, который принимал разности, представляемые человеком различных климатов, за случайные признаки, вызванные самим климатом, более правдоподобным, 1) потому что от одного климата к другому свойственные им породы связываются посредственными

звеньями, оттенки и перерождения которых смешиваются и сливаются; 2) потому что нередко одна и та же широта представляет различные климаты, то есть большие различия в совокупности физических условий, свойственных каждой местности, и в таком случае не только каждая особенность почвы производит отдельную породу, но если какая-нибудь местность случайно сходна будет с другою, отдаленною местностью, то люди той и другой сложены будто по одному образцу, и сходство климатов оказывается важнее даже близкого соседства и смешения крови и привычек, следующих неизменно за частыми сношениями; 3) потому что ежедневно замечается, что в странах, отличающихся выразительным климатом, через небольшое число поколений иностранцы получают его отпечаток;[166] потому, наконец, что защитники первого мнения для поддержания его должны прибегать к множеству предположений. Я прибавлю, что почти все аргументы их отрицательного свойства и что устойчивость некоторых признаков в породах, по-видимому, не выносящих переселения и смешения их с другими народами, решительно ничего не доказывает. В самом деле, для подтверждения и для убедительности этого заключения не было сделано ни наблюдений, ни надлежащих опытов; короткий промежуток человеческой жизни редко дает возможность оценить точным образом действие, оказываемое временем на все отправления природы; а между тем это необходимо, ибо, располагая по своей воле силою времени, как всеми другими средствами, природа пользуется ею, как и ими, в удивительно широких размерах.

Впрочем, вопрос о различии видов в человеческой породе не имеет почти никакого отношения к вопросу о влиянии климата на темперамент; первый может считаться нерешенным, и тем не менее не бросать и тени сомнения на доказательства, подтверждающие это влияние; и хотя оба явления составляют результат, по-видимому, одной и той же причины, они вовсе не представляются до такой степени связанными, чтобы не могли существовать иначе, как одновременно.

Влияние климата на темперамент, или общее соответствие между темпераментами и климатами есть самый простой вопрос о факте. Следует только показать физиологическим и врачебным описанием различных народов, вызывает ли климат безусловно во всех людях, здоровых и больных, одни и те же физические привычки; при значительных различиях в обстоятельствах, обусловливающих климат, не соответствуют ли им в том же порядке различия в привычках; наконец, при сходстве последних, можно ли доказать легко уловимыми для наблюдения законами, что они не находятся в связи с различиями в климате.

[166] Я указываю на факт, приводимый многими путешественниками и относящийся к португальским семействам, поселившимся на островах Зеленого Мыса не далее, как в пятнадцатом веке; в продолжение этого времени, которое мы не можем признать за особенно продолжительное, семейства эти стали почти сходны с туземными неграми и жителями соседственного материка. Факт этот составляет, по-видимому, непосредственное опровержение и теории различных видов человеческой породы.

§ VI. — При исследовании влияния, оказываемого образом жизни на представления и побуждения, мы рассмотрели последовательно, хотя и частные, но важные причины, принимающие участие в действии всего, что следует разуметь под словом *условия жизни*. Мы видели, что воздух, смотря по состоянию его температуры и по характеру насыщающих его веществ, пища и питье, смотря по их свойствам, занятия, смотря по упражняемым ими способностям, словом, все тела и все предметы, оказывающие влияние на человека и приносящие ему особенные впечатления, могут в то же самое время могущественно видоизменять его нравственную природу. Но мы видели также, что впечатления эти оказывают влияние на деятельность мысли и воли, из которой состоит нравственная природа, изменением состояния и стремлений органов; когда же состояние и стремлений органов становятся устойчивыми, то они и образуют то, что называется *темпераментом*.

Тем не менее, мы сказали в другом месте, что в основании темперамента лежит первоначальная организация, которая может быть временно замаскирована родом жизни, но оказывает сильное сопротивление всякой внешней причине и, по-видимому, ничем не может быть изглажена. Это требует некоторого разъяснения.

В самом деле, мы сказали, и ежедневный опыт подтверждает, что основания резко выразившегося, природного темперамента вполне отождествляются с самою организацией, но в то же самое время мы упоминали, что существуют приобретенные темпераменты. Условия жизни могут породить видоизменения во всем, что не составляет этого основания, и коренным образом изменить неопределенный темперамент; мы обещали подвергнуть этот вопрос отдельному исследованию. В сущности, здесь нет никакого противоречия. Во всех темпераментах случайные признаки вообще могут быть изменены; в немалом числе случаев все, до самого основания может быть подвергнуто весьма важным видоизменениям. Случается, наконец, что сам темперамент оказывается способным изменить свою природу: по природным свойствам неопределенный темперамент может даже, вследствие известных, внешних и случайных причин, поступить в разряд таких, признаки которых отличаются особенною выразительностью. Заметим, кроме того, что если причины эти недостаточно сильны, чтобы оказать свое влияние на отдельные личности, то они оказывают тем не менее могущественное действие на породы; ибо неизменные и постоянные условия, каким оказывается климат, действуют непрерывно на все чередующиеся поколения все в одном и том же направлении; и так как дети получают от родителей приобретенные ими расположения, как и природные, то невозможно, чтобы породы избегли влияния этих причин, которые, как бы слабы ни были, продолжают свое действие бесконечное время.

Но, повторяю, насчет всех этих вопросов несравненно выразительнее говорит великое множество самых положительных фактов.

Мы видели, что Гиппократ, рисуя нравственные привычки племени, живущего в соседстве Меотидского болота, и скифской орды, населяющей местность, отличающуюся особенными свойствами климата, выводит эти привычки из свойств темперамента, а свойства темперамента из совокупности местных физических условий, оказывающих на него непрерывное влияние. Наблюдения этого великого естествоиспытателя всегда отличаются необыкновенной точностью; к тому же, они могут быть проверены и в наше время в сходных с описываемыми им местностях, и законы, выводимые им о видоизменениях, вызываемых определенными, климатическими условиями в человеке, совершенно тождественны с результатами тех фактов, которые мы сами можем собрать и взвесить.

Вот как он описывает берега Фазиса и характер его жителей: в Европе можно найти целые страны, с которых Гиппократ будто срисовывал главные черты своей картины.

> «Перейдем, - говорит он, - к жителям Фазиса. Страна их сырая, болотистая, теплая, покрытая лесом. Она обильно орошается дождями или, вернее, дожди неистово заливают ее. Жилища людей помещены в ней среди болот; построены они из камыша и дерева на мокрой почве. Жители редко отправляются в города и в соседние рынки. Грубо выдолбленные древесные стволы служат им лодками, составляющими их единственное средство сообщения; на этих лодках плавают они по множеству каналов, перекрещивающих их страну. Стоячая вода, испорченная действием солнца и возобновляемая только дождями, составляет их единственное питье.
>
> Прибавьте, что самый Фазис есть самая покойная и медленно текущая река. Растущие на берегах ее плоды и растения никогда не достигают полного своего развития; они не имеют тех свойств, которые отличают каждую отдельную породу и придают ей принадлежащие ей здоровые качества. Всюду господствующая сырость держит эти растения и плоды в несовершенном состоянии: они не могут достигнуть надлежащей зрелости. Наконец, воздух наполнен нездоровыми туманами, поднимающимися с болот, и все небо как бы обложено злокачественными испарениями.
>
> Вследствие совокупного действия всех этих причин жители Фазиса представляют отдельный народ и отличаются особенными чертами; они высокого роста и весьма дородны, сочленения их и сосуды зарыты в нездоровом жире; кожа их бледного цвета или, вернее, цветом кожи они похожи на людей, страдающих желтухой, и так как вдыхаемый ими воздух заражен, наполнен туманом и сыростью, то они одарены таким хриплым голосом, какой только может выходить из груди человеческой. Кроме того, они отличаются чрезвычайной медленностью движений и безусловным почти отсутствием деятельности».

Чтобы ничего не опустить в описании климата, к которому он относит такие физические и нравственные привычки, — привычки, которые, как мы сказали в одном из Мемуаров, очевидно принадлежат к тому темпераменту, в котором преобладают вообще соки и в особенности слизистые, Гиппократ возвращается назад, и прибавляет:

> «Климат Фазиса испытывает ничтожные изменения в температуре воздуха. Времена года, периодическое возвращение холода и тепла происходят там правильно и без внезапных переходов. Южные ветры дуют почти непрерывно. Один из них исключительно свойствен стране: его называют Сенхрон. Нередко он дует с необыкновенной силой; приносимая им теплота расслабляет и разлагает силы. Северный ветер бывает редко, и если случается, то не отличается силой, живостью и пронзительностью».

Таким образом Гиппократ нарисовал климат, вызывающий так называемый *флегматический* темперамент. Но так как он говорит о дикой стране, в которой земледелие и промышленность не сделали почти ни одного шагу вперед, то можно сделать вопрос, принадлежат ли эти условия, принимаемые Гиппократом за существенно принадлежащие почве, к числу тех, которые успешно побеждаются и отстраняются деятельностью человека? Факты дают положительный ответ на эти вопросы.

Искусство человека оказывает чрезвычайно широкое влияние на почву; нередко оно бывает в состоянии превратить болота в плодоносные луга, безводные холмы в цветущие виноградники, дремучие и нездоровые леса в благодатные долины, покрывающиеся богатыми жатвами. Тем не менее, невозможно привести ни одного, резко очерченного климата, который бы не представил непреодолимого сопротивления всем усилиям гражданского общества и всем предпринимаемым им улучшениям. Отличающие подобный климат черты до такой степени отождествлены со свойствами, представляемыми землей и строением почвы, они закалены так крепко могущественной рукой природы, что все усилия человека стереть их остаются бесплодны. Какое бы изменение ни произошло на поверхности земли, ее коренные свойства, широта, обилие или недостаток воды, близкое или дальнее соседство морей и гор, свойства и направление рек удерживают за ней навсегда главные, природные ее свойства; и непосредственным образом, самим собой, или косвенным, родом и особенными качествами своих произведений, климат не прекращает своего непрерывного действия на темперамент. В этом нетрудно убедиться примером, представляемым жителями Бельгии и Голландии: последние, многими существенными чертами, особенно близко подходят к тем народам Фазиса, которые с такой точностью обрисованы Гиппократом и которые, подобно им, жили в сырой местности и среди постоянных туманов.

В Мемуаре о влиянии условий жизни мы говорили, что холодный и суровый климат увеличивает мускульные силы и, напротив того, в соответствующей степени

притупляет чувствительность. Прямое действие его состоит, стало быть, в развитии того рода темперамента, в котором двигательные способности преобладают над чувствительными; и нетрудно убедиться, что так и должно быть, ибо, в противном случае, в таком климате у человека было бы слишком много чувствительности, и он не мог бы выдержать внешних ощущений холода, или слишком мало деятельности, и он не был бы в состоянии удовлетворить всем своим потребностям: так как, с одной стороны, все впечатления в таком климате очень сильны и почти все они были бы тягостны для тела, неприспособленного к ним; а с другой стороны, для поддержания существования каждого отдельного человека требуется большое количество пищи и вообще почти все непосредственные потребности в таком климате несравненно многочисленнее и важнее.

По мнению Гиппократа жители известных горных стран и некоторых местностей, отличающихся особенной суровостью, имеют почти такие же склонности темперамента и нравы, как жители очень холодных стран.

> «*Существуют*, - говорит он, - *горные страны и возвышенные, безводные местности, в которых времена года сменяются и отличаются особенным образом. Угрюмая природа отражается суровыми чертами своими и на жителей. Люди в таких странах высоки ростом и крепки; такими они рождаются, и все условия, по-видимому, стремятся одарить их силами, способными переносить самые тяжкие труды. Но подобные темпераменты обусловливают собою грубые обычаи и жестокие побуждения*».

§ VII. — В том же Мемуаре мы показали, что очень теплый климат, напротив того, вызывает вообще такие склонности в темпераменте, в которых чувствительность преобладает над двигательными силами, и мы не только убедились в неизменности и действительности этого факта, но и знаем, почему это так бывает. Ибо нам известно, что в жгучем климате 1) постоянно вызываемые наружу силы не имеют возможности получить тот избыток энергии, который приобретается ими в случае их сосредоточения или, вернее, вследствие непрерывно чередующегося колебания от направления их, то внутрь, то наружу; 2) нервные оконечности развертываются от действия теплоты и становятся, стало быть, более восприимчивыми; 3) чрезвычайная жара, делая тягостным всякое сильное движение, постоянно располагает к покою; 4) люди тем с большей жадностью ищут в таком случае ощущений, чем они чувствительнее, чем менее истрачивается их деятельность мускульными движениями и чем более расточено вокруг них природою предметов, доставляющих приятные ощущения; 5) наконец, все первые потребности их несравненно ограниченнее, и, богатые щедрыми дарами почвы и климата, эти любимцы судьбы имеют менее побудительных причин бороться со сладостной ленью, составляющей их благополучие.

К этим главным и прямым причинам следует еще присоединить мускульное расслабление, вытекающее из злоупотребления ощущениями, в особенности же

расслабление, вызываемое *скороспелостью* (если я могу так выразиться), органов воспроизведения. В самом деле, в том и другом случае, которые обыкновенно сливаются, нервная подвижность становится чрезвычайной, а всем известно, что любострастные желания, относящиеся к ним причуды воображения, питающая их извращенная чувствительность весьма часто переживают способность удовлетворять этим желаниям: эта физическая и нравственная беспорядочность, пагубная сама по себе, способна, сверх того, породить второстепенным образом множество новых, еще более важных и пагубных беспорядков.

Гиппократ, слова которого я не перестану приводить в продолжение всего Мемуара, заметил между скифами род особенного полового бессилия, особенно распространенного между богатыми людьми. Он полагал, что причина этого заключается 1) в верховой езде, которая составляет самое обычное занятие этих племен, 2) в обильном кровопускании из заушной вены, к которому они прибегали, по его мнению, для излечения от особенного рода опухоли в сочленениях, происходящей, по мнению того же знаменитого врача, все от той же верховой езды. Несмотря на все мое уважение к нему, сознаюсь, что все эти выводы сделаны им на основании чистых предположений. Верховая езда не вызывает полового бессилия: это доказывается наблюдениями всех веков и всех народов. Висячее положение ног не производит в людях, ездящих верхом, опухоли в сочленениях:[167] это тоже подтверждается фактами. Обильные кровопускания могут, наконец, ослабить весь организм, но они не оказывают специального действия на тот или другой орган, и всякое кровопускание из какой бы то ни было вены производит почти одни и те же общие последствия.

На этот раз, против своего обыкновения, Гиппократ обращается к далекому объяснению, вместо того, чтобы посмотреть на дело ближе. От наблюдательности его не ускользнуло, что скифы вообще мало склонны к любовным удовольствиям. «*Любострастные желания*, - говорит он, - *чувствуются ими довольно редко и в слабой степени: вот почему весь народ мало способен к воспроизведению*». Ясно, что со скифами происходило то же самое, что и со всеми кочующими племенами, отличающимися необеспеченной жизнью, переносящими чрезвычайные лишения, подвергающимися всем переменам суровой непогоды и не употребляющими животной пищи, обилие которой постоянно восстановляло бы истощенные силы. Богатые люди между ними легче могли добывать красивых рабынь для своих удовольствий: они не давали времени образоваться вполне своим желаниям, так что впадали в расслабление ранее других — ничего не может быть естественнее. Общественные условия, доставляющие людям слишком много средств для удовлетворения страстей, оказывают на самом деле не менее вредное влияние на их благополучие, как тот климат, в котором природа, идя, по-видимому, навстречу

[167] Постоянная и шибкая верховая езда производит расположение к растяжению кровевозвратной вены; нередко она причиняет аневризмы; но двойное это явление зависит вовсе не от тех причин, которые приводятся Гиппократом.

всякой потребности, тем не менее искажает и расслабляет деятельность человека и его энергию.

§ VIII. — Темперамент, отличающийся легкостью и свободою всех отправлений, счастливым направлением всех побуждений и представлений, редко и затруднительно развивается в очень холодных и в очень жарких странах. В первых внешнее сопротивление слишком могущественно, и впечатления получаются с трудом; во-вторых, желчь получает слишком возбудительные качества, обессиление половых органов наступает преждевременно, центральные силы постоянно расслабляются рассеянием и развлечением, наконец, постоянно слабый желудок производит нервное расстройство, которое в свою очередь вызывает боязливые склонности и падение духа.

Умеренный климат, местность, усеянная холмами, орошаемая текучими водами, покрытая виноградниками или плодовыми деревьями, плодородная и легкая почва которой богата природной зеленью и тенистыми рощами, более всего способствуют развитию в человеке и закреплению в породе того счастливого темперамента, о котором идет речь. Не подлежит также сомнению, что умеренное употребление вина может в продолжение значительного времени развить известную часть физических и нравственных привычек, из которых состоит этот темперамент. Ясное небо, благорастворенный воздух, постоянное присутствие светлых картин, сочная и вкусная, возбуждающая и нежная пища, содействуя первым условиям, должны неизменным образом побудить организм к принятию такого счастливого расположения; и если общественные учреждения не препятствуют климату оказывать мирное действие на несколько поколений, то окажется, что обрисованная нами страна бывает населена постоянно такой породой людей, склад ума которой, страсти и желания запечатлены именно таким характером и проявляются сходными или соответствующими им чертами.

Разумеется, следующие слова Гиппократа не вполне относятся к таким странам и к таким жителям, но очевидно, что характер обрисовываемой им местности и характер, приписываемый им ее жителям, находятся в полном соответствии друг с другом, и подтверждают представленное нами воззрение. «*Жители возвышенных мест, не отличающихся особенною неровностью и гористостью, с которых постоянные ветры сметают все злокачественные испарения, которые повсеместно орошаются чистою, текучею водою, так жители таких мест одарены вообще высоким ростом; они мало отличаются друг от друга и одарены покойным умом и кроткими чувствами*».

Мы сказали, что жара возбуждает желчь; в соединении с засухою она оказывает это действие скорее и сильнее. Таким образом, жаркие и сухие страны должны изобиловать желчными темпераментами, то есть, людьми, в которых особенно

преобладает печеночная система и вырабатываемые ею соки.[168] Но желчные темпераменты встречаются не только в таких странах: Гиппократ с обычною точностью определяет главные свойства страны, более всего способной вызывать такого рода темперамент. Вот как он выражается:

> «*В стране голой, открытой со всех сторон, усеянной бесплодными скалами и сжигаемой знойным летом, за которым следует суровая зима, люди бывают худощавы, мускулисты, коренасты, покрыты волосами; сочленения их крепки и резко обозначены. Они отличаются необыкновенною предприимчивостью и настойчивостью в приведении в исполнение своих замыслов; сердце их редко раскрывается сладостным чувствам. Они высокомерны, вспыльчивы, упрямы. Они успешно занимаются искусствами и, по-видимому, от рождения одарены всеми военными способностями*».

Древние заметили, что люди с меланхолическим темпераментом, отличительные черты которого составляют сжатая грудь, чрезвычайная плотность соков, затруднительное их обращение, особенная чувствительность органов воспроизведения, и проч. расположены в то же самое время к тем гипохондрическим болезням, преобладающий признак которых составляет желчь, густая, тягучая, черноватая или совершенно зеленая, наполняющая кишки, задерживаемая ворсиною их стенок, нередко бросающаяся на какой-нибудь отдельный орган, искажающая его отправления и вырабатываемые им соки, иногда же распространяющаяся по всем частям тела и окрашивающая их в темный цвет или покрывающая их отвратительными опухолями или разъедающими нарывами самого злокачественного характера. Сверх того, они заметили, что болезни эти более свойственны теплым странам с переменчивою температурою воздуха, чем холодным местностям или странам, не испытывающим ни знойной жары, ни жестокой стужи. Они увидели, наконец, что если меланхолический темперамент имеет прирожденное расположение к желчным болезням, то последние, в свою очередь, развивают в организме привычки того же темперамента, и что можно принять за общее правило, что нравственные последствия, непосредственно вытекающие из известного органического расположения, имеют свойство развивать это самое расположение даже в том случае, когда они вызваны условиями, вполне независимыми от него.

Внимательное чтение древних писателей по врачебной науке показывает, что желчные болезни, в особенности искажения, производимые ими в состоянии двух систем, лимфатической и накожной встречались в прежние времена несравненно чаще, чем теперь. Причины этого заключаются далеко не в одном только изменении физических условий. Усовершенствование полицейских мер[169] и рассеяние многих

[168] Темперамент этот отличается еще сильным развитием кровеносной системы, обусловливаемым объемистою грудью и большим количеством вырабатываемой животной теплоты.
[169] Как это не раз было замечено нами.

заблуждений в условиях жизни, вызванная распространением здравых понятий и увеличением всеобщего довольства между новейшими народами, должны считаться главнейшими из этих причин.[170] Но справедливо также, что состояние почвы и некоторых произведений ее, направление и даже назначение известной части вод, свойства их, находящихся в зависимости от направления, характер испарений, поднимающихся из земли и из воды, а стало быть, и состояние воздуха, одним словом, самый климат может быть, по крайней мере в некоторых отношениях и до известной степени, видоизменен рукою человека. Такие цели действительно были достигнуты мудро направленною человеческою деятельностью в некоторых странах, негостеприимная природа которых, по-видимому, одинаково не допускала поселиться в них, ни человеку, ни прирученным им животным породам, обратившимся для него в предмет первой потребности, но в которых мужество его, настойчивость и энергия, составляющие удел одной только свободы, создали искусственные источники богатства и благосостояния. Вот почему еще более подымается значение исследований всякого рода явлений, вызываемых различными, чисто физическими, местными обстоятельствами, ибо как только причины эти будут хорошо известны и оценены, то является возможность отыскать или усовершенствовать средства для улучшения благоприятных обстоятельств и принять, насколько это возможно, меры против таких, последствия которых пагубны.

Мы сказали, что древние относили меланхолический темперамент к осени, к времени года, в продолжение которого желчные болезни действительно чаще всего случаются и которое, сверх того, по-видимому, особенно легко вызывает душевное расположение, свойственное этому темпераменту. Они также хорошо заметили, что грубая пища может произвести, или по крайней мере усилить в значительной степени некоторые из главнейших его явлений. Им небезызвестно было, наконец, что мрачный и суровый климат вызывает мрачное расположение духа, что такое душевное состояние располагает к завалам в селезенке и в печени, вследствие чего являются в свою очередь глубокие ипохондрические поражения, которые, передаваясь из поколения в поколение, вызывают мало-помалу строение, свойственное меланхолическому темпераменту и наконец закрепляют его уже неизгладимыми чертами. Основываясь на наблюдениях новейших естествоиспытателей, в особенности практических врачей, делавших описание болезней, не имея в виду никакой, заранее предположенной теории, мы можем прибавить два замечания к воззрениям древних. Во-первых, осень тем более порождает желчных болезней и тем более гибельные следы оставляет после своих опустошений, чем жарче и суше было лето и чем сама осень сырее, холоднее и переменчивее. Во-вторых, мрачный, туманный климат производит действие, тем более сходное с действием осени, чем более содействия оказывают ему вредные

[170] Быть может, впереди всего следовало бы тут поставить улучшение здоровых свойств почвы вследствие успехов земледелия и гидравлических предприятий, имевших ввиду изменение направления рек и сооружение каналов.

условия жизни, особенно неумеренное употребление грубой и трудно-варимой пищи; обратно, последняя редко производит беспорядки в организации, если местные условия не будут действовать в том же направлении.

Таким образом, опираясь на самые незыблемые факты, действие климата на образование меланхолического темперамента следует привести к следующим простым положениям:

1) Темперамент этот должен чаще всего встречаться в теплых странах, в которых жара часто и внезапно прерывается сырым холодом и пронзительными, холодными ветрами.

2) Он должен также встречаться, хотя и реже, в странах, в которых природа как бы одета в густые туманы и в которых господствуют мрачные, однообразные и неокрашенные картины; в особенности он будет встречаться в них часто, если влиянию таких впечатлений будет содействовать характер пищи. В таком случае замечается, что темперамент, выразительный по обусловливающему его внутреннему строению, редко бывает таким по внешним признакам, так что часто можно принять его за нечто временное и случайное.

3) Вредные условия жизни вообще и неумеренное употребление грубой пищи в частности могут тоже принять участие в образовании меланхолического темперамента; но действие такого рода причин недостаточно, если климат не придаст им особенной силы и не закрепит влияние, остающееся иногда на довольно долгое время неопределенным, так как ослабление желудка и перерождение соков, производимые пищей, могут вызвать самые разнообразные расстройства в организации.

§ IX. — Так как влияние климата на образование болезней связано многими своими сторонами с влиянием его на образование темпераментов, то я полагаю, что здесь уместно будет привести несколько соображений в пользу этого воззрения. В самом деле, с одной стороны, между выразительными болезнями весьма мало таких, которые по характеру своему не приближались бы более или менее к одному из темпераментов; с другой стороны, крайняя степень каждого темперамента есть болезненное состояние, так что нередко случается, что болезнь и темперамент попеременно рождаются друг от друга. Кроме того, влияние климата на расстройства в животном теле слишком очевидно, и само по себе не нуждалось бы в отдельном доказательстве. Мало есть людей, которым не было бы известно, что некоторые болезни свойственны известным только местностям и что они находятся в зависимости исключительно от местных условий; и в каждом частном случае, будет ли известна причина болезни, или она останется еще неразгаданной, причина эта постоянно зависит от свойств почвы и от характера местности. Таким образом, не оставляя в стороне и сущности вопроса, в настоящем случае следует обратить главным образом внимание на то, принадлежат ли болезни, прямое влияние

которых на нравственное состояние не подлежит сомнению, к числу таких, которые, в свою очередь, подчинены влиянию климата, и не приписывались ли они в самом деле некоторым особенным странам, по единодушному мнению, лучших естествоиспытателей всех веков?

Прежде всего, признано, что цинготная болезнь и все относящиеся к ней перерождения соков несравненно чаще встречаются в сырых и холодных странах, на берегах полярных морей, среди влажных и болотистых лесов, чем в жарких или умеренных местностях, сухих, открытых и орошаемых текучей водой. Известно также, что низменная почва, глинистый грунт, задерживающий воду близ поверхности земли, близкое соседство болот, мест, покрытых скоплениями разлагающихся растительных и животных веществ, кишат перемежающимися и возвратными лихорадками, сходными между собою многими отличительными признаками и более или менее опасными, смотря по характеру времени года, погоды и по особенному индивидуальному расположению человека.

В других странах, напротив того, перемежающиеся лихорадки встречаются чрезвычайно редко; есть даже местности, в которых вовсе неизвестны некоторые роды лихорадок: например, по утверждению эдинбургских врачей и особенно Куллена, в Шотландии ни разу не была замечена лихорадка через два дня в третий.

Известно также, что особенные железистые засорения, желудочная резь, некоторые ревматические поражения, чесоточная сыпь господствуют исключительно в определенных местностях; и хотя не всегда удавалось открыть настоящую причину их, но так как они встречаются несравненно реже в других местностях, или не получают в них такого сильного развития, то мы имеем достаточное право приписать их действию природы или состоянию почвы, воды, воздуха, словом, климату. Наконец, другие болезни, как трясение или столбняк у новорожденных детей, волосатик или медицинский глист,[171] неистовая болезнь или адское бешенство Линнея, паразитные кишечные черви, описанные Этмюллером и Горстиусом, особенный вид безумия на равнинах Мартиники, иав или пиан (пупырчатая сыпь),[172] польский колтун, и проч., по-видимому, до такой степени свойственны некоторым странам, что если встречаются в другом месте, то оказываются перенесенными самими больными или, если они прилипчивого свойства, как пиан, то обыкновенно в короткое время перерождаются в новом, несвойственном им климате; иногда же достаточно одного выселения больного, чтобы болезнь его совершенно рассеялась.[173]

---

[171] В Египте, Нубии, Аравии и др. теплых странах.
Пер.

[172] В Гваделупе, С. Доминго, Бразилии, Ямайке, Гвинее. В 1752 г. свирепствовал в южной Франции.
Пер.

[173] Сравнивая различные условия при избрании места для города, Гиппократ находит, что при одной и той же широте места и при одинаковой почве, местоположение должно вызвать заметные различия в физическом и нравственном расположении его жителей. «*Если город, — говорит он, — защищен горами от северных ветров и, напротив того, открыт теплым ветрам, дующим с запада, юга и*

востока, то прикрывающие его горы доставляют городу воду в обильном количестве, но она почти всегда богата солями. Вода эта естественно бывает холодна зимою и тепла летом: это порождает расстройства, которых не знают города, более счастливо расположенные относительно ветров и солнца. Расстройства эти будут еще значительнее для городов, получающих из болот или из озер воду, которая не может быть исправлена, ни солнцем, ни ветрами».

Сделав подробное исчисление болезней, развивающихся при обоих этих обстоятельствах, и обозначив видоизменения, испытываемые ими вследствие свойств и хода времен года, Гиппократ прибавляет: «*На болезни эти следует смотреть, как на принадлежащие почве. Если явится эпидемия, то у них достаточно будет силы чтобы сообщить ей свой характер*».

«*Совсем иное происходит в городах, помещенных среди противоположных условий, то есть, обращенных к северу и подверженных суровым ветрам, особенно дующим между летним восходом и закатом. Эти пронзительные, сухие ветры дуют там непрерывно. Более теплые и более влажные, как полуденный, совершенно там неизвестны*».

Вот что из этого следует по мнению Гиппократа: «*Употребляемая в таких городах вода бывает холодна, тверда, нередко сладковата. Люди в них отличаются худощавостью и крепостью; они имеют сжатую и легко расстраивающуюся брюшную полость, желчь преобладает у них над флегмою; они одарены сильною и здоровою головою*».

Здесь автор снова пускается в подробное описание свойственных этим странам болезней, которые все находит в полном соответствии с темпераментом, а последний, в свою очередь, соответствующим климату.

Далее он говорит о городе, обращенном к востоку.

> «*Положение его, говорит он, здоровье городов, обращенных к северу или югу. В самом деле, холод и теплота в нем умереннее. Воды, на которые падают первые солнечные лучи, более светлы и приятны на запах, более мягки и здоровы; ибо действие этого светила, особенно в минуту его восхода, очищает их и исправляет; а воздух, на который утренний свет действует с большею силою, как бы проникается животворным началом, обильно разливаемым в атмосфере.*
>
> *Жители таким образом расположенного города вообще более живы и бодры, лицо их ярче окрашено и более одушевлено; все в них, до звука голоса, запечатлевается влиянием благоприятной местности. Живые и впечатлительные, они способны на сильные страсти; но счастливый инстинкт направляет и приводит их к мудрой рассудительности. Эти чередующиеся, внезапные и постоянные переходы из одного состояния в противоположное ему, хотя и вполне естественные, делают все отправления жизни более совершенными и полными. Я не сомневаюсь, что превосходством своим над большей частью прочих людей они обязаны тому обстоятельству, что все произведения такой, счастливо расположенной местности более питательны и вкусны, и что вследствие обработки они получают свойства, неизвестные другим местностям. Так как в городе, о котором идет речь, холод и теплота находятся в равновесии и умеряют друг друга, то в нем зарождается мало болезней; и хотя по характеру своему они приближаются к болезням, замечаемым в городах, открытых теплым ветрам, тем менее они отличаются мягкостью и редко сопровождаются злокачественными и опасными припадками*».

Переходя, наконец, к последнему из главных, описываемых им расположений, Гиппократ утверждает, что город, обращенный к западу, недоступный восточным и открытый для всех теплых и северных ветров, находится в весьма нездоровых и неблагоприятных во всяком отношении условиях.

Затем, он объясняет причины этого: 1) воды его не могут быть чисты и свежи, так как прозрачность и прочие, первостепенные их качества уничтожаются ежедневно господствующими, утренними туманами, которые расцвечиваются с трудом и дают доступ солнцу, когда оно поднимется уже высоко над горизонтом; 2) летом жара в таком городе становится невыносимой вследствие продолжительного присутствия на небе солнца, действие которого, длящееся с утра до вечера, не дозволяет, так сказать, развиться ночной свежести; 3) западные ветры имеют постоянное стремление принять характер осенних, и в данном случае все изменения, какие могут только с утра до вечера случиться в температуре воздуха, следуют друг за другом неожиданно, и резко ощущаются. Из этого видно, какое значение придавал Гиппократ не только климату, рассматриваемому с общей точки зрения, но и каждому из условий, образующих, по его мнению, климат. Я привел эти места из него, так как заключающиеся в них замечания обращены большею частью на самые тонкие и менее всего резкие оттенки. Можно было бы еще лучше показать, с какою разборчивостью он рассматривает каждое обстоятельство, если бы мы проследили подробно за его исследованием действий, производимых различными водами: но эти подробности, несмотря на свою заманчивость и на свой интерес, не имеют ближайшего отношения к нашему предмету. Слишком мелкие подробности,

§ X. — Между болезнями, непосредственно возмущающими отправления разума и воли, должно упомянуть о воспалениях мозгового средоточия, в особенности медленных, слабое вначале действие которых впоследствии становится устойчивым и закрепляется. Вопрос идет здесь не о том, каким образом действуют эти воспаления, обыкновенно обращающиеся исключительно на какую-либо отдельную точку средоточия или даже на какую-нибудь отдельную часть облекающих его покровов; бесчисленным множеством несомненных фактов доказано, что воспаления эти могут произвесть расстройства в рассудочной деятельности, острые или хронические, более или менее сильные, смотря по месту, по характеру, по степени напряжения самого воспаления. Факты эти доказывают равномерно, что эти болезни как будто свойственны только некоторым местностям и что если они могут развиться под влиянием нравственных причин в других, противоположных им странах, то все, или почти все вызывающие их физические причины большей частью зависят от климата или от обусловливаемых им явлений. То же самое следует сказать и о воспалении матки и яичников, или о бешенстве матки (нимфомании) и о воспалении соответствующих органов мужчины, или о неистовой половой похоти (сатириазисе). Последние болезни, так глубоко искажающие всю нравственную природу человека, могущие совершенно стереть привычки, отождествленные стыдливостью с инстинктом, так болезни эти, по самым тщательным и умным наблюдениям, принадлежат, так сказать, исключительно известным климатам; они весьма часто встречаются в жарких и сухих странах, и почти совсем неизвестны в сырых и холодных местностях.

В Италии и в некоторых из наших южных департаментов легочные чахотки вызываются обыкновенно медленным воспалением в органах дыхания. Но, при дальнейшем развитии болезнь становится прилипчива, вследствие чего ее нельзя уже тогда причислять к разряду скоро проходящих воспалительных поражений; часто она делается наследственной, так что дети погубленных ею родителей могут постоянно опасаться получить ее, пока не достигнут такого возраста, в который утихают воспалительные расположения, и пока легкое не окрепнет силою собственных своих отправлений.

В сырых и холодных странах медленное воспаление легкого встречается редко, а настоящее острое воспаление его вовсе не встречается так часто, как воображают некоторые теоретики. Чахотка зависит в них обыкновенно от других причин, как например от завалов в печени и брыжейке, от некоторых изнурительных, желудочных поражений, от нарывов и слизистых перерождений в легком. Во всех этих случаях она, кажется, не прилипчива;[174] она редко даже оставляет настолько глубокие следы в организме, чтобы могла обратиться в наследственную, кроме

приложение которых может показаться покоящимся на тонком анализе, не могут идти в дело для поддержания мнения, подтверждаемого таким обилием прямых доказательств.

[174] Не доказано, впрочем, что в последнем своем периоде чахотка с гнойными пупырышками на легком не может передаться непосредственным прикосновением. Многие наблюдения заставляют меня склониться скорее к противоположному мнению.

гнойных нарывов, предрасполагающая причина которых, говоря языком врачей, может в самом деле передаваться от родителей к детям.

Но все эти болезни вызывают значительные перемены в нравственном состоянии, и перемены эти весьма разнообразны, смотря по отличающим их свойствам, по принимаемому ими направлению или исходу.

В чахотках чисто воспалительного характера, как только вполне установится изнурительная лихорадка, больной, по-видимому, испытывает сладостное ощущение во всей нервной системе: он утешает себя светлыми картинами и питается химерическими надеждами. Спокойное, а нередко и счастливое состояние, испытываемое им, в соединении с неразлучными впечатлениями, вызываемыми падением сил, которого он не может не заметить, внушает ему кроткие и приветливые чувства, столь обычные при покойном расслаблении. В самом деле, злой человек почти всегда становится таким, или вследствие тягостного сознания постоянно болезненного состояния, или вследствие сознания в некотором роде излишней силы, ибо подобная сила, если она не подчиняется рассудку, легко становится зловредной вследствие слепого и случайного ее приложения.

При чахотках, образующихся вследствие завалов в брюшной полости и вследствие желудочных поражений, почти всегда сопровождающихся истерическими и судорожными расположениями, больные, напротив того, питают мрачные и безотрадные чувства. Вовсе не обращая своих надежд на будущее, они испытывают одну боязнь, падение бодрости и отчаяние; они угрюмы, задумчивы, всем недовольны, и обращают на ухаживающих за ними те тягостные чувства, которые гложут их душу.

В странах, отличающихся твердой и сырой водой, суровой атмосферой, грубыми питательными веществами, чаще всего встречаются те засорения, или лимфатической системы, или клетчатой ткани, которые мало-помалу заглушают жизнь или главнейшие из ее отправлений. В одном из предыдущих Мемуаров мы видели пример такого заглушения жизни, причиненное затвердением клетчатой ткани; я привел его, как крайнюю степень состояния, встречающегося довольно часто в некоторых странах, но которое случается редко среди нас по мнению знаменитого Лорри. Но изменения, испытываемые в таком случае головным мозгом, бывают обыкновенно пропорциональны степени болезни; они даже с трудом бывают уловимы, пока болезнь находится в первом своем периоде и на первой степени развития. Безумие кретинов обусловливается той же самой причиной: оно составляет неизбежное последствие общего засорения лимфатической системы и извращенной симпатии, связывающей отправления некоторых брюшных внутренностей с отправлениями всей мозговой системы. Но если к лимфатическим засорениям присоединится искажение самих материалов или отправлений, имеющих целью образование костей, то нередко случается, что

давление на толстые сосуды, производимое увеличившимися в объеме внутренностями брюшной и грудной полости, обращая к голове большее количество крови, заставляют черепные кости уступить ее напору; головной мозг принимает больший объем и большую деятельность, и все нравственные способности развиваются самым необыкновенным образом. Явление это должно в таком случае принимать за признак или, вернее, за результат болезни. Должно, впрочем, сознаться, что оно встречается не всегда: нередко, как я уже упоминал в другом месте, дети, страдающие английской болезнью, бывают глупы, или становятся такими уже вследствие состояния их лимфы и условий, употребляемых природой для образования костей; так что искривление ног и изогнутый становой хребет не всегда сопровождаются развитием умственных способностей.

Таким же образом, мы сказали, что цинготные болезни, глубоко искажая мускульные силы и отправления кроветворения, не оказывают почти никакого вредного действия на деятельность головного мозга. Больные сохраняют полное сознание до самой последней минуты; вся нервная система, по-видимому, отделяется от остальной части тела и, за исключением отвращения к какому бы то ни было движению, сопровождающего последний период болезни, можно подумать, что головной мозг сохраняет сообщение с прочими частями тела настолько, насколько именно необходимо для поддержания жизни. Но болезни эти не всюду отличаются таким характером. Хотя они более всего свойственны сырым и холодным странам, но встречаются и в умеренном климате; в последнем они усложняются даже многими другими хроническими болезнями, от которых получают отличающие их признаки или которым сообщают свой характер. В умеренном климате они находятся в зависимости от других причин, чем в холодном; они отличаются иным развитием и иным действием на нравственную природу; они излечиваются иными средствами. В первоначальном ослаблении нервной системы или в расстройстве желудочного пищеварения следует обыкновенно искать тогда их причину. Развитие их идет медленно, и не имеет ничего правильного. В соединении с истерическим или спазматическим расстройством они заимствуют от него беспокойное направление и беспорядочное воображение. Наконец, средства, излечивающие даже острую цинготную болезнь холодных стран, часто усиливают хроническую болезнь эту в жарком или умеренном климате.

§ XI. — Темперамент, отличающийся преобладанием жидкостей над твердыми частями и обилием слизистых, несовершенным образом оживотворенных веществ, принадлежит, по-видимому, к разряду тех, на которые сильнее всего отражается влияние климата. Существуют целые страны, которым свойствен такой темперамент. Коренные их жители носят на себе глубокие черты его; прежние получают их несколько поколений; случается даже, что он развивается и замечается у людей, по-видимому, весьма далеких от него, и первые признаки его передаются и закрепляются с каждым новым поколением.

Природа почвы, воды, обычное состояние атмосферы, характер всех произведений, обусловливаемый совокупным действием всех этих обстоятельств, вот причины, почему флегматический темперамент встречается так часто в некоторых странах. Эти самые обстоятельства, то есть, почва сырая и болотистая, но жирная и плодородная, стоячие воды, насыщенные различными веществами, туманная, суровая атмосфера, пища водянистая, но обильная и питательная, могут встретиться со слабой и худой организацией, и тогда последствия совокупного их действия бывают более заметны и постоянны. Но если чрезмерно сильное действие их обращается на здорового во всех отношениях человека, то оно тем не менее вызывает и в нем изменения в соках и в отправлениях, обусловливающих флегматический темперамент и составляющих крайнее его выражение. В самом деле, тогда обнаруживаются бесчисленные, хронические, ревматические болезни, всякого рода катаральные поражения, слизистые перерождения, водяные, оканчивающиеся лимфатическими излитиями, и проч.; а нам известно, что болезни эти запечатлевают все представления, все чувствования своим холодным, бездеятельным, апатическим характером.

Наблюдения, сделанные врачами в жарких странах, доказывают таким же образом, что в них развиваются исключительно свойственные им болезни; они доказывают, кроме того, что болезни, общие им с прочими странами, под жгучим солнцем представляют совершенно новые явления.

Всякий раз, как к теплоте почвы присоединяется сырость в сопровождении с постоянно туманной атмосферой, острые поражения принимают характер изнурительных, злокачественных болезней; хронические болезни склоняются к таким, основанием которых служит цинга или злокачественная водяная: все они зависят или, по крайней мере, стремятся к ослаблению всех жизненных отправлений, к разложению всех соков. Обратно, когда сухость почвы и воздуха не представляют никакого препятствия для действия жгучего солнца, то острые болезни, или принимают настоящий воспалительный характер, или чаще они замаскировывают внешним воспалением, как побочным признаком, желчное расстройство, лежащее обыкновенно в их основании, или же, наконец, они обнаруживаются черными рвотами, истинной черной желчью древних, то есть, желчью, искаженной чрезмерным ее сосредоточением или обильными внутренними кровотечениями, так как кровь, разлагающаяся в кишках, постоянно принимает темный цвет. Почти все хронические болезни жарких и сухих стран зависят от медленных воспалений, от завалов в брюшной полости, или от разложения желчи, внесенной во все соки. Но изменения, производимые этими различными физическими причинами в нравственной природе, уже указаны нами, как в настоящем, так и в предшествовавших Мемуарах.

Болезни жарких климатов вообще оказывают ближайшее влияние на нервную систему. Там чаще всего встречаются глубокие, спазматические поражения,

возмущающие весь порядок отправлений, даже чувствительных. Там, и мы можем сказать, почти только там восторженные состояния и столбняк получают крайнюю степень своего напряжения; наконец, там же без исключения все болезни становятся конвульсивными и является возможность следить за всеми степенями преобладания чувствительной способности над двигательною.

Но мы уже знаем, какие бывают нравственные явления вследствие отсутствия согласия в главных силах и в главных отправлениях, или вследствие такого расположения организма, вызывающего в нем всевозможные странности и беспорядки.

Таким образом, я заключаю этим то, что хотел сказать о влиянии климата на образование болезней. Действительность этого влияния вообще, не только не может подлежать сомнению для сколько-нибудь непредубежденного ума, но становится еще очевидным, что влияние это действует особенным образом на все болезни, отражающиеся в свою очередь прямым образом на отправления, совокупность которых образует нравственную природу человека.

Тем не менее, я считаю необходимым присоединить несколько замечаний относительно видоизменений, требуемых лечением одних и тех же болезней в различных климатах, так как ничто не может так осязательно показать тех изменений, которые вызываются в животном теле продолжительным действием болезни. Чтобы не потеряться в мелких подробностях, мы ограничимся общими взглядами.

§ XII. — Если естественная история нуждается в хорошей физической географии, то для изучения человека столько же необходима врачебная география. И хотя последняя менее обработана чем первая, тем не менее, факты, собранные врачами-наблюдателями, могут уже доставить много драгоценных выводов.

Баливи, отдавая отчет в результатах своего лечения, и стараясь вывести самые верные практические правила из своих наблюдений, считал своею обязанностью оградить себя следующими словами: живу и пишу среди римского воздуха. Вовсе не похожий в этом отношении на многих смелых теоретиков, которые, недовольствуясь установлением общих правил на основании нескольких частных фактах, спешат с приложением их ко всем странам, тогда как они не доказаны еще и для одной, Баливи признавал, что нередко приходится изменять способы лечения от одного города к другому, и как нет всеобщего лекарства от всех болезней, так нет его и для одной и той же болезни во всяком климате. Для доказательства этого мнения, подтвержденного множеством, быть может, лучше сделанных после него наблюдений, он входит в очень тонкие соображения, не относящиеся к нашему предмету, а мы имеем в виду ограничиться только общими положениями.

Чувствительность находится на различных ступенях развития, от крайнего своего напряжения в экваториальных странах, до крайнего своего оцепенения под полярными кругами. В жарком климате человек приходит в волнение от малейшего раздражения, в холодных странах он может быть приведен в такое же состояние действием только самых сильных и живых возбудителей.

Первый быстро переходит от ощущения к ощущению; в одну минуту, если можно так выразиться, он проходит через все ступени человеческой чувствительности. У него один только шаг от крайнего напряжения до последней степени ослабления. Он постоянно нуждается то в действии успокоительных средств, то в возбуждении себя ароматическими веществами или спиртными напитками; а если перемены эти станут хоть несколько серьезными, то является ежеминутная необходимость в укреплении и поддержании жизненных сил крепкими средствами, одно из прямых действий которых состоит в предупреждении отклонений чувствительности в ту и другую сторону. *Защитники конечных причин* с удовольствием заметят, что чаще всего необходимые в жарких странах средства для излечения от подобных расстройств обильно рассеяны в них щедрой рукой природы; но они будут сожалеть вместе с нами о частой несостоятельности этого закона относительно средств, необходимых для болезней, встречающихся во всех климатах или только в некоторых странах.

Житель холодной страны не способен получать разом столько впечатлений; он получает их более раздельно, медленно и слабо. Но стремления его органов более устойчивы; новые предметы, то есть новые впечатления, изменяют или нарушают их с большим затруднением. Они удерживаются с большим постоянством, потому что начались с меньшей стремительностью; действие их правильно, потому что не развлекается новыми, внезапно наступающими побуждениями.

Здесь вовсе не встречается необходимости умерять или укреплять впечатления, которые требуют, напротив того, вызова, усиления, поддержки. Это и достигается вполне живыми ощущениями холода, вызываемыми ими могущественным движением, потребностью в животной пище и в спиртных напитках, которые сам климат делает необходимыми для северного человека.

Если болезни слагаются в нем медленнее, если они обнаруживаются уже после того, как подкопают силы организма, то они более упорны и требуют более деятельного и более постоянного лечения. Катаральный и неподающийся характер их уступает только могущественным растворяющим средствам; вызываемые ими общие, злокачественные разложения могут быть восстановлены только едкими, противоцинготными средствами; слабительные и рвотные должны быть сильны и прописываться в больших приемах; потогонные должны приближаться к ядам: вот почему, если лекарства холодных стран переносятся в наши, более южные местности, то употребление их нуждается в необыкновенной осмотрительности.

Прежде чем Санхес указал Ван-Свитену на едкую сулему,[175] как на весьма действительное средство при лечении венерических болезней, меркуриальное лекарство это употреблялось против завалов и накожных болезней русскими в Азии и сибиряками. Немецкие врачи пытались употреблять псинку (черный паслен), цикуту (болиголов), ядовитый латук; на севере нередко употребляется также аконит (прострельная трава), а при лечении перемежающейся лихорадки там прибегали даже к мышьяку,[176] смягчая его действие постоянными щелочными солями; и хотя обращение к последнему яду было всюду неудачно, но некоторые французские врачи не побоялись обратиться в нашем умеренном климате к тому же средству, оказавшемуся еще более плачевным и смертельным.

Наконец, если бы кто пожелал подкрепить это мнение подобными же фактами из жизни грубых народов, у которых общеупотребительные средства не могут иметь в своем основании никаких теорий, являющихся столь часто пустыми у ученых, тот может обратиться к Путешествию Линнея в Лапландию: в нем можно найти, что этот бессмертный естествоиспытатель видел туземцев, употреблявших в похлебке молодые побеги аконита, как мы употребляем побеги спаржи или капусты; а лица, к которым он обращался с замечаниями о таком воображаемом неблагоразумии, встречали смехом его серьезные советы. В том же сочинении, сверх того, можно отыскать, что самое обыкновенное слабительное лапландцев есть табачное масло, и что они принимают в огромных приемах это ужасное лекарство при лечении желудочной рези, к которой они весьма склонны. Наконец, можно найти в Путешествии Палласа, что во многих местностях русские крестьяне безнаказанно употребляют в пищу такие породы ядовитых грибов, которые чрезвычайно вредны для жителей жарких или умеренных стран.

§ XIII. — Если мы припомним значение слов *условия жизни*, объясненных в начале предыдущего Мемуара, и слова климат, которым мы начали настоящий, то нам нетрудно будет понять, что климат должен оказывать влияние на условия жизни, и если в числе последних найдутся некоторые, которые освобождаются деятельностью человека из-под зависимости от местности, то все-таки наибольшее число их вызывается причинами, зависящими от почвы, от широты места, от природы вод, от состояния воздуха.

Климат оказывает влияние на условия жизни двумя различными способами: 1) природою или свойствами доставляемой им пищи; 2) вызываемыми им привычками, источник которых не может подлежать сомнению, когда привычки эти, как это часто случается, необходимы в данной местности для сохранения пород и для благосостояния неделимых.

---

[175] Хлористая ртуть.
Пер.

[176] Россель, врач английской Ост-Индской компании, в хорошем сочинении о бенгальских змеях, уверяет, что туземцы прибегают с успехом против укушения самых ядовитых видов к смеси из мышьяка, опиума и других ароматических возбудителей.

Бесспорно, нам вовсе не предстоит необходимости долго останавливаться на том, что природа и свойства пищи, доставляемой почвою, изменяются, смотря по различным климатам. Между растениями и животными, употребляемыми в пищу человеком, существуют такие, которые бывают свойственны только известным широтам и нигде более не встречаются. Что касается до тех, которые свойственны почти всем населенным странам, то они изменяются часто самым поразительным образом в каждой долине, на каждом холму одной и той же местности вследствие различных питательных веществ, извлекаемых ими самими из почвы или из ее произведений. Наконец, свойства воды и состояние воздуха тоже существенно изменяются, смотря по различным местностям. Последние условия оказывают на гибкую организацию человека еще более сильное действие, чем на организацию всех других животных; и если какие бы то ни было местные условия достаточно могущественны, чтобы изменить свойства растений и плодов, то можно быть уверенным, что действия их не избегнет ни одно животное. Таким образом, питательные вещества,[177] влияние которых на главнейшие отправления животного тела нам известно, весьма несходны в различных странах, и климат придает им свойства, которые мы уже признали способными глубоко видоизменять это влияние, свойства, вследствие которых сами питательные вещества оказывают более или менее сильное действие на весь организм вообще, или только на известные его отправления.

С тех пор как установились торговые сношения между всеми цивилизованными народами, произведения каждой страны распространились более или менее по всем прочим. Нам могут, следовательно, возразить, что влияние климата на условия жизни далеко не сходно и не пропорционально с влиянием климата на природу и на качество произведений почвы. Я вовсе не отрицаю важных последствий ежедневно усиливающихся торговых сношений между всеми странами земного шара, последствий этого благодетельного обмена сокровищ, доставляемых природою или создаваемых мудрыми усилиями человеческой деятельности. Но наибольшее число естественных произведений земли не может перевозиться всюду: оно необходимо потребляется в местах, в которых явилось на свет. Произведения, которые могут даже легко перемещаться и которые настолько прочны, что выдерживают перевозку в дальние страны, вообще потребляются в несравненно большем изобилии народами, имеющими их под рукою, нежели теми, которым приходится получать их дорогою ценою на далеких рынках; к тому же, беднейшие классы, к сожалению, всюду многочисленные, не могут обратить в ежедневную потребность произведения, получающиеся из далеких мест, и если случается им пользоваться ими, то во всяком случае такое пользование составляет для них исключительный случай: главную пищу их составляют всегда туземные произведения.

[177] Под этим родовым названием следует разуметь, вместе с веществами, служащими пищею человеку, воздух, вечно необходимый для поддержания жизни, и воду, без которой ни одна страна не может иметь населения.

Таким образом, например, вино, не представляющее затруднений при перевозке и составляющее предмет ежедневного потребления во многих странах, не производящих его, оказывает тем не менее неодинаковое и неоднообразное действие на жителей этих стран, как на жителей местностей, богатых виноградниками, особенно таких округов, которые производят скорее обильное количество вина, чем вина, отличающиеся своею ценностью и изысканным вкусом.

Хотя опиум можно добывать из различных видов мака, всюду распространенных природою, тем не менее породы, растущие в жарких странах Азии и северной Африки, производят его в большем количестве и лучшего качества. Поэтому, употребление его между мусульманами, особенно вследствие запрещения вина,[178] распространено более всего в тех местностях, в которых жатвы мака легко обратились в богатство почвы, или в странах, связанных с ними постоянными торговыми сношениями. Вот почему, по всей справедливости, влияние опиума можно принимать, как местное и как зависимое от климата. Но самые осторожные наблюдатели нисколько не сомневаются, что постоянное злоупотребление веществом, приводящим головной мозг и весь организм в такое чрезвычайное состояние, принимает значительную долю участия в условиях, под влиянием которых слагаются физические привычки и обычаи восточных народов.

Таким же точно образом, кофе, получаемый нами из обеих Индий и вошедший среди нас во всеобщее употребление, находится в несравненно большем и общем распространении в странах, производящих его, или весьма близких к ним. И хотя влияние его, разумеется, не может быть ограничено одной или несколькими отдельными от прочих странами; хотя с перенесением его в Европу перенесена с ним, так сказать, часть климата, необходимого для этого кустарника, — сам кофе тем не менее остается доказательством того, что могущество местных условий оказывает сопротивление всем искусственным сближениям и что существует постоянно огромная разница между предметом какого бы то ни было потребления, хотя бы он обратился в первую необходимость, будет ли он туземным или привозным.

Гиппократ, как мы уже видели, подробно исследовал воды и действие их на животное тело. Разобрав стоячие воды болотистых местностей и низвергающиеся с высоких гор, он подтверждает то, что сказал в другом месте, что источники, обращенные к солнечному восходу, особенно к летнему, отличаются лучшими качествами, что воды их более прозрачны, легки и приятны на запах. Он прибавляет, что хуже других соленые и твердые воды, в которых трудно развариваются овощи и мясо. Я должен, наконец, сделать здесь необходимое замечание, что частые случаи особенного рода помешательств в некоторых странах он объясняет чрезмерным употреблением орошающей их дурной воды.

[178] По свидетельству Левалье по мере распространения в Турции вина потребление опиума с каждым днем падает.

Вот к чему могут быть приведены в нескольких словах выводы по этому вопросу из самых непосредственных, по-видимому, наблюдений.

Воды, вытекающие из глубины земли, или долгое время текущие по ее поверхности, насыщаются находящимися в ней веществами: они бывают соленые, сернистые, в состав их может входить железо, медь, различные роды газов. Настоящие минеральные воды, то есть, содержащие значительное количество соленых или металлических частиц, даже воды из ключей, колодезей, фонтанов, рек, никогда не бывающие свободными от них, оказывают на организм действие, которое более или менее поддерживает или расстраивает отправления жизни или равновесие в здоровом.

Из продолжительных наблюдений известно, что твердые и сырые воды засоряют лимфатическую систему, что стоячие и низвергающиеся воды притупляют чувствительность, ослабляют мускульные силы и располагают ко всякого рода хроническим и холодным болезням. Должно также заметить, что во многих богатых и плодородных странах жители бывают принуждены употреблять такую вредную воду. Производимые ею расстройства не замедлят обнаружиться во всех частях организма: ослабление быстро распространяется из органов на представления, на побуждения, словом, на нравственную природу. Влияние это, следовательно, очевидно подчинено условиям местности.

Беру другой пример. Из минеральных веществ, которыми могут быть насыщены воды и произведения земли, быть может, нет ни одного, которое бы было так распространено и которое бы оказывало такое сильное действие на животное тело, как железо: ни одно не в состоянии поднять до такой степени общие силы органов и возбудить в душе такую степень энергии, которую можно принимать почти за постоянный признак его непосредственного действия. Большая часть ключей содержит в себе железо, то в окисленном состоянии, то в виде более или менее совершенных солей. Металл этот находится в соках животных и многих растений. Растворенный в кислороде воздуха, а может быть и в самом воздухе, он содержится в нем вследствие своих соединений или чрезвычайной своей делимости. Таким образом, в странах, богатых железом, последнее попадает в организм с пищею, с питьем, с воздухом. В таком смысле влияние климата на условия жизни существует и замечается до последней степени очевидности во всех главнейших отправлениях жизни: оно представляется в некотором роде результатом действия всех возможных веществ.

§ XIV. — Привычки народа невозможно отделить от его занятий. В известных странах некоторые занятия жителей обусловлены их привычками, но еще чаще последние составляют необходимое и прямое последствие занятий, или наибольшего числа жителей, или той части их, которая оказывает сильнейшее влияние на общество.

Таким образом, обычаи в некоторых странах вытеснили одни занятия и, напротив того, поддерживали другие; иногда они были в состоянии воспитать страстное влечение к последним и обратить их в потребность. Спартанцы и римляне заклеймили своими варварскими учреждениями и нелепыми предрассудками всякое занятие промышленностью и торговлею. Грубые искусства их, отданные в руки рабов, не могли делать никаких успехов и составляли род беспорядка в государстве. Многие работы египтян, по свойству своему, требовали рабских рук, а все работы греков, напротив того, требовали людей свободных; занятия финикиян и карфагенян более всего были приличны ловким торговцам, ценившим выше всего богатство, смелые предприятия и усилия искусства, посредством которых можно получить их, таким расчетливым умам, которые имели уверенность привести в зависимость от своей промышленности всякий, сколько-нибудь цивилизованный народ, вызвав в нем новые потребности и познакомив его с новыми наслаждениями, и которые прибегали к оружию, как прибегает к нему путешественник в караване для обеспечения своего пути. Занятия римлян, если можно назвать занятиями предприятия воинственного и разбойнического народа, в сущности были одинаковы, как в период их наибольшего благосостояния, так и в то время, когда для поддержания своего существования они принуждены были грабить стада и запасы у своих соседей; своими привычками они всегда походили на шатающихся грабителей, всегда готовых обобрать первого встречного; даже удивление к необыкновенной энергии, выказанной римлянами во многих случаях, и к великим характерам, образовавшимся среди них, нисколько не подрывает убеждения, что Рим в сущности был всегда только вертепом общественных грабителей, до той самой минуты, когда гнет, которым он давил весь мир, обрушился на его голову и обратил его самого в жертву всех возможных беспорядков, неистовства и зверства.

Более тесная связь между людьми, вводимая духом секты, часто обусловливала возможность таких работ, на которые не решились бы те же самые люди, находящиеся в других, хотя бы и весьма благоприятных условиях. Привычке к оседлой жизни некоторых народов обязаны мы возникновением и усовершенствованием многих искусств, совершенно неизвестных, или очень слабо развитых у народов, ведущих деятельную жизнь. Наконец, дикие народы чувствуют вообще отвращение к мирным и полезным занятиям образованных народов, и предпочитают жизнь среди лишений и опасностей — ничего не может быть справедливее этого. И это предпочтение тягостного и ненадежного существования благам, доставляемым лучшим общественным устройством, может быть объяснено только могуществом привычки, а ни в каком случае не сознательным сравнением двух родов жизни, как это поддерживалось некоторыми декламаторами.

С другой стороны, очевидно, что привычки народов, как и привычки отдельных людей, чаще всего зависят от природы их занятий. Огромное различие между охотничьими и пастушескими народами, между живущими рыбной ловлей и занимающимися земледелием, между кочующими ордами и правильно

устроенными обществами, прикрепленными к питающей их почве, так огромное их различие находится в существенной зависимости от рода и свойств их занятий. Нравы воинственных народов вовсе не похожи на обычаи народов земледельческих; предприимчивые мореплаватели резко отличаются от боязливых работников, прикованных к своим мастерским. А почему? Не ясно ли, что причины этого несходства следует искать особенно, и можно сказать исключительно, в природе занятий, наполняющих жизнь тех и других? От них же, стало быть, находится в зависимости характер их чувствований и представлений; известные, определенные впечатления, связанные с этими занятиями, необходимо должны ежеминутно вызывать эти чувствования и представления. Разбойнический характер народов кочующих, жестокий и вероломный нрав занимающихся звериным промыслом, наконец, более кроткий характер земледельцев, торговцев, ремесленников, довольство и благосостояние которых более обеспечено, находятся в полнейшем соответствии с их занятиями и с вызываемой ими деятельностью. Если бы афиняне окружены были теми же условиями жизни, что и спартанцы, то они были бы столько же высокомерны и жестокосердны; обратно, промышленные и торговые предприятия, занятие философией и искусствами сделали бы спартанцев столько же любезными и приветливыми, как афиняне. Римское жестокосердие почти не уступало пред сношениями с более просвещенными греками, ни даже пред научными занятиями, в которых римляне соперничали с ними; это во-первых, потому что они постоянно отворачивались с презрением от промышленных работ и от торговли, которые, быть может, способны скорее всего оказать благодетельное влияние на весь народ; а во-вторых, потому что они точно так же относились ко всем искусствам, которые требуют ручной работы, хотя бы последняя направлена была к гениальному творчеству: вот почему Рим никогда не имел в числе своих граждан ни одного ваятеля, ни одного живописца, ни одного зодчего, имя которого с уважением сохранилось бы потомством.

Теперь остается посмотреть, находятся ли сами привычки и занятия, оказывающиеся в различной степени зависимости друг от друга, под влиянием климата: в этом состоит последний вопрос. Но он уже решен с самого начала. По крайней мере, для отстранения небольшого числа представляемых им мелких затруднений, достаточно привести несколько общих выводов или несколько общих фактов, не подлежащих сомнению.

Привычки к лени, к праздности принадлежат жарким странам; они неизменно вызываются климатом. Привычки к деятельности, к настойчивой работе принадлежат холодным или умеренным странам. В благодатных странах, пользующихся счастливым климатом, органы чувств, размягчаемые светлыми картинами и отсутствием затруднений для удовлетворения первых потребностей, всегда открыты для радостных впечатлений. Усидчивый труд, правильное распределение времени, соображения, вызываемые работой, по-видимому, вовсе

неизвестны их жителям; стремление к наслаждениям, живые, но мимолетные ощущения составляют основу их характера, а ветреность их еще более способствует развитию их обычной приветливости. Напротив того, в местности, лишенной средств существования, поселиться в которой человеку удалось только после необыкновенных усилий, люди принуждены к настойчивому труду; они неизбежно стали воздержаны, благоразумны, деятельны; только искусством и предприимчивостью они могли одолеть неблагоприятные местные условия: они должны были вступить в борьбу с климатом, чтобы он не раздавил их. Беглецы, искавшие в лагунах Адриатического моря убежища против опустошений и тирании, губивших под различными наименованиями так долго всю Италию,[179] необходимо должны были, или изменить вид этих гнилых болот, или погибнуть сами от заразительных болезней и голода. Почва Батавии должна была развить в населении любовь к труду, настойчивость, терпеливость, чрезвычайную заботливость; она должна была вызвать в них привычку к порядку, к бережливости, создать новые виды промышленности, овладеть торговлей, словом, необходимо было, чтобы Батавия покрыла свою почву мануфактурами, а самые отдаленные даже моря своими кораблями, или чтобы она возвратила океану ту самую почву, которую отбила от его вторжений ценою неимоверных усилий, настойчивым трудом и свободой.

Если мы обратимся к менее общим явлениям, то не представится ли нам, что характер почвы, природа ее произведений, температура и все условия, связывающие страну с соседними местностями, приглашают человека избрать предпочтительно тот или другой род занятий? Приглашение это не имеет ли часто свойства прямой необходимости? Не запрещает ли оно в то же самое время другие занятия затруднением добыть для них необходимые материалы и орудия производства? На высоких горах, покрытых богатыми пастбищами и не доставляющих возможности получить какую бы то ни было другую жатву, люди должны были ограничиться скотоводством; они становятся пастухами, собирают масло, приготовляют сыр, и часто одна только торговля этими произведениями или самими животными связывает их с жителями самых соседних долин. На годных для земледелия равнинах, которые доставляют богатые и разнообразные жатвы зерен, овощей, плодов, люди становятся земледельцами. На склонах счастливых холмов, богатых виноградниками, они занимаются виноделием. В глубине лесов они ведут грубую жизнь и, так сказать, в товариществе с дикими зверями, они сами становятся дики и жестоки. Берега моря, представляя удобства для более обильной, но и более опасной рыбной ловли, развивают в населении мужество, побуждают его к соображениям, как победить волны и непогоду, внушают ему охоту к дальним путешествиям; наконец, и одного этого обстоятельства достаточно уже для создания особенного и весьма обширного рода занятий, берега эти представляют места, удобные для склада товаров и убежище для мореплавателей.

[179] Выселение это началось со времени нашествия на Италию Аттилы.

Что касается собственно торговли, мы можем заметить, что характер каждой торговли, захватываемой каким бы то ни было народом, обусловливается обыкновенно географическим положением страны и характером ее произведений; следовательно, нравственное влияние торговли вообще может быть часто в зависимости от климата.

Страны, легко доставляющие пищу человеку, в особенности если жара усиливает в них стремление к беззаботности, вызываемой довольством, ослабляют силы организма. Но так как они доставляют более времени для умственной деятельности, то рассудок развивается в них сильнее, нравы становятся более мягкими и изысканными. В холодных странах, как мы уже говорили несколько раз, необходима более обильная пища, между тем как земля производит ее мало, а более значительные мускульные силы доставляют возможность переносить тягостность и продолжительность работ; работы эти, или заменяющее их сильное движение, становятся даже необходимы для поддержания крепкого здоровья. Таким образом, человек этих стран будет стоять выше человека теплого климата, что касается до работ, требующих крепкого телосложения; он будет часто ниже его, и это было бы постоянно так при равенстве прочих условий, в занятиях, зависящих от воспитания ума и в особенности в искусствах, основанных на воображении.

Одно исследование жизни в рудниках могло бы доставить нам материалы для обширной статьи. Понятия, склонности, привычки рудокопов, словом, вся жизнь их отличается от жизни всех прочих людей. Но отличие это очевидно находится в зависимости от характера их занятий, а самые занятия эти возможны только в почве, богатой минеральными веществами, то есть, что они в свою очередь почти неизбежно определяются условием, составляющим часть климата.

§ XV. — Я вовсе не имею намерения возвращаться в настоящем случае к вопросу о нравственном влиянии занятий, хотя нетрудно было бы подтвердить многими новыми доказательствами то, что было сказано мною в предыдущем Мемуаре. Но я считаю необходимым заметить, что различные занятия не одинаково воспитывают все органы. Уже одно обстоятельство это необходимо установляет большие различия во влиянии их на привычки. Весьма немного существует, например, ручных ремесел, которые распределяли бы движение в равной степени по всем частям тела. Обыкновенно же они упражняют некоторые, оставляя прочие в совершенном бездействии. Они укрепляют то руки, то ноги, и совершенствуют, поочередно, то зрение, то слух, то осязание. Вот причина постоянно бросающихся в глаза различий в понятиях, в обычных склонностях художников и ремесленников. Когда какой-либо из органов чувств становится более точным или получает более ощущений, то рассудок составляет более правильные понятия, или в нем увеличивается число представлений о тех предметах, к которым исключительно прилагается отправление органа. Сверх того, не подлежит сомнению, что большая часть наших побуждений зависит от развития известных органов. Сильные руки не

всегда предполагают такие же ноги. Вследствие соответствия между всеми частями организма, изменения в одной сообщаются, или всем прочим, или только одной, более симпатической части, или поднимают отправления, или ослабляют их, или нарушают их порядок. Таким образом, если, например, какое-нибудь занятие часто пробуждает внимательность органов воспроизведения, то оно усилит побуждения к любви и стремления к доставляемым ею удовольствиям; оно породит множество преждевременных представлений и привычек, относящихся к этой страсти. Обратно, если бы существовали занятия, влияние которых состояло бы в продлении оцепенелого состояния этих органов, то они задержали бы развитие, а впоследствии и ослабили бы в значительной степени нравственные расположения, имеющие в корне своем физическое развитие, теперь прекратившееся.

А это приводит нас еще более прямым образом к влиянию климата.

В самом деле, некоторые страны явно ускоряют, другие задерживают наступление отрочества; в теплых климатах оно предупреждает окончание детства, в холодных оно едва обнаруживается с наступлением юношества, и силы двигательных органов уже вновь уступают, прежде чем проявятся первые желания любви.

Мы заметили в другом месте, что обстоятельство это оказывает необыкновенное влияние на все привычки народов жарких стран. Так как молодые люди бывают в них расслаблены весьма часто, прежде чем организм их получит все свое развитие, то люди такие нередко испытывают преждевременное бессилие, и состояние это тем более тягостно для них, что все вокруг дышит сладострастием, все вызывает беспрестанно образы его и пробуждает в потухающем сердце последние искры желания. Но чувства не всегда оживляются по воле воображения. Вот почему употребление, а потом и злоупотребление возбудительными веществами так сильно распространено в жарких странах. Злоупотребление это окончательно истощает уже коренным образом ослабленные силы, и порождает все неудобства и страдания преждевременной старости. Самые мрачные гипохондрические болезни, самые странные и извращенные побуждения, самая глубокая безнравственность, самое хладнокровное жестокосердие представляются постоянно роковым следствием этого несчастья, и весь человек оказывается искаженным вследствие сцепления последовательных явлений, вызываемых очень простым изменением в порядке развития некоторых только сил и некоторых потребностей.

Но последствия преждевременной зрелости, быть может, еще более замечательны и всесторонни для женщины, чем для мужчины; а вследствие прямого или косвенного влияния женщины на семейную и общественную жизнь, последствия эти получают еще более широкое значение и для мужчин. За ними можно проследить до самых сокровенных условий общественного быта.

Прежде всего, женщины эти, созревшие среди детства, прежде чем началось даже их воспитание, могут ли пробудить в мужчине другое чувство, кроме основанного

на непосредственном и мимолетном влечении к наслаждению? Не принесены ли они судьбою заранее в жертву их повелителю? не обречены ли они быть поочередно, то рабами его желаний, то жертвами его пресыщения? Чтобы женщина была настоящею подругою мужчины, чтобы она могла получить сладостное господство в семье, управление которою предоставлено ей самою природою, необходимо, чтобы способности ее созрели под влиянием наблюдения, опыта и размышления, необходимо, чтобы природа ее испытала всю цепь впечатлений, совокупность которых составляет, если я могу так выразиться, необходимый запас для путешествия в жизни. В противном случае, при переходе от преждевременного юношества к еще более преждевременной старости, для нее не существует почти периода от детства первого возраста до детства последнего; а в продолжении обоих ей остаются одинаково незнакомы истинные блага человеческой жизни; она испытывает только бесконечные огорчения и страдания; счастлива еще она, если невежество и неспособность к рассуждению будут настолько полны, что спасут ее от сознания ее несчастий, помогут ей тупо подчиниться судьбе и не пробудят в ней даже подозрения, насколько радостнее может быть положение ее в других странах.

Задержание половой зрелости и наступление ее в поздней юности оказывает в некотором отношении вредное действие на развитие умственных способностей, но обусловливает крепкое телосложение; оно сохраняет энергию чувства и придает ему особенную свежесть; эти благоприятные последствия, по-видимому, щедро вознаграждают за некоторые частные и недолго продолжающиеся неудобства.

Я не войду в исследование этого двойного явления, а предлагаю его на рассмотрение мыслителей. Им нетрудно будет оценить непосредственное, могущественное влияние климата, действие которого в этом случае не может подлежать сомнению, на привычки не только отдельных людей, но и на основания общественного быта.

§ XVI. — Если бы мнение о зависимости различных языков от влияния климата было вполне установлено, то оно подтвердило бы еще сильнее общие выводы наших исследований и изысканий. Со времени Локка стали подозревать влияние языка на представления; со времени Кондильяка стало известным, что успехи человеческого разума зависят в значительной степени от совершенства языка каждой науки, и в особенности от богатства языка, свойственного каждому из великих народов. Мыслитель этот и многие из учеников его пытались даже привести к одному только хорошо сложенному языку каждую науку в частности и все мышление человеческое вообще. Не подлежит сомнению, что более или менее обработанные языки, вследствие условий, заправляющих их образованием, и природы создающих язык людей, сами оказывают, наконец, действие на людей, а через них и на образование, и на подчинение самих условий. По остроумной сказке язык некогда связал диких людей, смягчил их жестокость, построил города и стены, поселил среди их людей и соединил их общественностью, то есть, дал им законы.

Мудрец открывает новые истины только очищением своего языка и приданием ему большей точности. Софист замаскировывает свою ложь только искусным употреблением неопределенных выражений. Народ, обладающий хорошо обработанным языком, рано или поздно необходимо должен освободиться от всех своих предрассудков и внести светоч разума во все интересующие его вопросы, довершить науку, возвысить искусство; он должен на прочном основании построить свою свободу и ежедневно умножать свои наслаждения и свое счастье. Народ с плохим языком, по-видимому, не может выйти за известные пределы в науках и искусствах, и в особенности необходимо должен остаться позади относительно общественных улучшений. Если он и подвигается вперед, то ощупью и, так сказать, случайно. Попытки освободиться от заблуждений нередко еще более удаляют его от истины. Необходимо, чтобы свет знания пришел к нему от соседей, или чтобы необыкновенные умы зажгли его внезапно пред его глазами как бы откровением, и в таком случае действительное развитие его непременно сопровождается значительными успехами языка.

Вот какому обстоятельству в особенности обязаны были греки своим превосходством, при первом появлении своем, над всеми современными им народами. Вот почему, если бы римляне, погубив их свободу, не исказили их прекрасного языка, то тот же самый дух, который вдохновил их к созданию таких великих произведений поэзии и красноречия, который полагал уже истинные основы для рациональной философии и нравственности, так этот дух необходимо привел бы их ко всем благотворным выводам, ко всем истинам: он преобразил бы в науку и в практическую деятельность самые глубокие чувствования этого народа, самого свободного, которым только может гордиться порода человеческая; а усилия эти, без всякого сомнения, на несколько веков ускорили бы наступление истинной свободы.

Вот почему также, китайцы, вопреки приписываемой им необыкновенной мудрости, представляются во многих отношениях совершенно варварским народом, который вечно останется под игом господствующих над ним предрассудков, не сделает ни одного великого открытия и не присоединит, быть может, ничего нового к тому, что ему передано было каким-нибудь изобретательным народом; ибо в особенности одна только письменность в состоянии придать языку правильные формы; она совершенствует его, обнаруживая его красоты и недостатки, сохраняя на вечные времена самые удачные и изящные выражения и выбрасывая из него мало-помалу все негодное. Таким образом, для оценки языка достаточно уже познакомиться с механизмом знаков, которыми он действует на глаза. Наши западные языки, как и лучшие языки востока, воспроизводят слова при помощи сочетаний небольшого числа букв. В китайском языке каждое почти слово имеет особенный знак: таким образом, нужно огромное количество времени, чтобы выучиться письму. Неопределенность и сбивчивость смысла слов, переходя постепенно из устной речи в письменную и из письма в

устную речь, порождают такое смешение понятий, от которого не могут освободиться самые ученые их люди.[180] Ясно, что такой язык пригоден только для продления детского состояния народа, ибо он потребляет бесплодно усилия лучших умов и затмевает самый источник мысли.

Но может ли на самом деле различие в языках, вызываемое несомненно не одним порядком явлений, зависеть во многих отношениях от влияния климатов? Я склоняюсь в пользу этого мнения, но тем не менее я должен сознаться, что мнение это, по-видимому, недостаточно доказано. Хотя в последнее время сделано множество исследований о древности и о происхождении народов; хотя найдены довольно точные указания нескольких местностей на земном шаре, из которых распространились многие из народов, населяющих в настоящее время известные страны, все-таки нет возможности утверждать положительно, что греческий язык, например, скорее южного происхождения, чем северного, что англо-саксонский, родоначальник немецкого и английского, принадлежит скорее Европе, чем Азии. Таким образом, в исследовании, из которого всякие гипотезы должны быть тем строже изгнаны, что оно имеет предметом своим истины, имеющие обыкновенно важное значение в науке о человеке, я не позволю себе опереться на такие доводы, которые могут показаться сомнительными.

Тем не менее, довольно трудно предположить, чтобы свойства ежедневных впечатлений не изменяли снаряд, воспроизводящий и приводящий их в сочетания, чтобы свойства их, мрачные или светлые, суровые или радостные, глубокие или мимолетные, не оставляли бы до некоторой степени следа в соответствующих им знаках. Одним словом, человек, живущий под счастливым небом, среди свежей прохлады и воздуха, напитанного запахом цветов, ухо которого привыкло слушать только пение птиц и журчание прозрачных, бегущих ключей, не должен употреблять те же звуки, делать в них те же ударения и перемены в голосе, как человек, живущий среди ужасов дикой природы, постоянно бродящий в темных, дремучих лесах, среди ущелий неприступных гор, усеянных скалами и покрытых вечным снегом, ухо которого привыкло к шуму вздувшегося моря или падающих в бездну потоков. Различные эти условия, картины, ощущения не могут не отразиться на все органы человека, отменно склонные к подражанию, так что мы не могли бы представить себе такого явления, чтобы язык, то есть, верное зеркало полученных впечатлений, оставался бы всегда неизменным. Не подлежит сомнению, что климат оказывает влияние на обычное состояние и на строение голосовых органов; но могли ли бы в свою очередь это строение и это состояние не оказывать влияния на избрание звуков, а последние — на общий характер речи?

[180] По сказанию последних путешественников самые законы, то есть, постановления правительства, при исполнении своем, служат предметом различного толкования мандаринами, и почти всегда без всякого преднамеренного желания со стороны последних исказить постановление и нарушить закон.

Вот причина того соответствия, которое найдено было между языками и климатом народов, говорящих на них; замечено было, или считалось замеченным, что известные звуки, известные ударения, известные придыхания и относительное количество согласных и гласных могут служить отличительным признаком языков, свойственных различным широтам или, вернее, различным физическим условиям, взятым во всей совокупности их и рассматриваемым в случаях, в которых влияние их должно оказать сильнейшее действие. M-me Сталь, в сочинении, богатом глубокими мыслями и новыми воззрениями, пыталась даже провести границу между северными и южными языками, которые она принимает за два великие подразделения всех известных нам языков; и хотя можно не согласиться с нею относительно превосходства, приписываемого ею северной литературе, нельзя отказать ей в таланте и в точности, с которыми она обрисовала те и другие.

Но, повторю, мы оставим в стороне доказательства, вытекающие из различия между языками под различными широтами и из соответствующих им, тождественных или сходных, местных условий. И помимо их, влияние климата на нравственные привычки человека доказывается самым бесспорным образом; все наши доводы, смею думать с полнейшим беспристрастием, не могут оставить никакого сомнения в этом отношении.[181]

Можно было бы подумать, каким образом в просвещенный век такая простая и очевидная истина могла оспариваться людьми, которые оказали такое могущественное содействие для успехов мысли? Не может ли это быть объяснено тем обстоятельством, что мыслители противоположного направления приписывали слишком безусловное и широкое влияние климата на образ правления? В самом деле, при частном приложении этого закона бесчисленное множество примеров решительно опрокидывают его; а из этого следует, что должна существовать ошибка в самом основании теории, если один из главнейших выводов ее противоречит фактам. Но не в этом состоит главным образом учение Гиппократа. Этот врач-философ признает, что нравственные привычки народа составляют результат бесчисленного множества совершенно отличных друг от друга условий: при сравнительной оценке их он придает такое значение общественному устройству, какое может пожелать сам Гельвеций; мы убедимся в этом одной из последних цитат, из его «Трактата о водах, воздухе и местности». Но Гиппократ полагал, что влияние климата имеет огромное значение; он рассматривал его, как одну из постоянных сил природы, действие которой обеспечено самим временем, потому что человек может оказать ей только отдельное и столь же преходящее как

[181] Один из просвещенных друзей моих заметил мне, что влияние климата вовсе неодинаково, как на богатого, так и на бедного. Это совершенно справедливо. Климат действует столько же неодинаково и на различные классы ремесленников и рабочих; мало того, влияние его более или менее могущественно, смотря по различной степени общественного устройства. Не упустить ничего из виду при исследовании такого обширного вопроса, невозможно. Я возвращусь к нему в другом сочинении, предметом которого будет *Совершенствование физического человека*; я разсмотрю в нем эти вопросы более подробно, чем я мог сделать это, как в Мемуаре об условиях жизни, так и в настоящем.

сам он сопротивление; а как только сопротивление это прекратится, то действие климата снова берет всю свою силу, и снова вызывает явления, которые были, так сказать, только отсрочены. Это соображение, необходимое для врачей и моралистов, следует иметь в виду философам и законодателям. Последние, разумеется, не примут его в расчет, когда дело будет идти о приведении в порядок этих вечных и общих законов, основания которых, свойственные всем временам и странам, самою природою вложены в организацию человека и в неизменные отправления его чувствительности, но оно весьма может быть пригодно для них при выборе тех или других учреждений, которые не могут быть, ни одинаковы во всех странах, ни вызывать одни и те же последствия.

Вот то место у Гиппократа, о котором я только что упомянул. Описав климат Азии и определив нравственные последствия, которые, по его мнению, неизбежно вызываются ими, он говорит:

> «Но в этом случае политические учреждения оказали могущественное содействие влиянию местных условий, и необычайным образом усилили их дурные последствия.
>
> Большая часть Азии находится под властью царей. Но люди, не принимавшие участия в законах, которыми управляются, люди, не принадлежащие самим себе и находящиеся под деспотическим ярмом, не имеют никакой побудительной причины заниматься военным искусством; напротив того, они имеют весьма основательную причину не быть воинственными. Между ими и их повелителями ничего нет общего: они не связаны, ни общими трудами и опасностями, выпадающими на долю первых, ни выгодами и славою, которым следовало бы пасть на голову как тех, так и других, но в которых почти вовсе не принимают участия солдаты. Когда жалкие рабы эти бывают принуждены оставлять свои дома, своих жен, детей и друзей и идти в поход, чтобы нести за собою опустошение, то все победы, добытые их усилиями, только увеличивают сокровища их алчных повелителей; на их же долю выпадают одни опасности, раны и потеря жизни. Равнодушные, таким образом, к успехам войны, они неспособны долго поддерживать ее: они даже совершенно неспособны к деятельности на таком поприще, на котором энергия их не возбуждается никакою определенною надеждою, никакою вероятностью выгоды. Такие люди оставляют в запустении неблагодарную землю, на которой они живут, и население их редеет, а если между ними и найдутся души, одаренные от природы хоть каким-нибудь мужеством и энергией, то они проклинают и отвергают законы, возбуждающие только их ненависть.
>
> Другое важное обстоятельство подтверждает слова мои. Самые воинственные народы Азии суть греки и те из варваров, которые не признают никакой деспотической власти и сохранили свою независимость. Так как все предприятия их добровольны, то они собирают от них все выгоды. Если они

побеждают опасности, то это для себя самих и только для себя самих. Поэтому, мужество их всегда вознаграждается, и они несут на самих себе все последствия трусости».

Гиппократ сравнивает еще с этой точки зрения европейцев с азиатцами. «Если первые, говорит он, так заметно превосходят последних, то это потому, что они не живут, подобно им, под властью царей. Народы, подчиненные самопроизвольной власти одного, неизбежно трусливы. Души, унижаемые и искажаемые рабством, скоро теряют всякую энергию и добродетель».

Мемуар десятый: Рассуждения о животной жизни, о первых проявлениях чувствительности, об инстинкте, о симпатии, о сне и о бреде.

Первый отдел

Введение. — § I.— Прежде чем я начну этот Мемуар, я считаю необходимым объяснить некоторые изменения, вызванные выполнением первых и главнейших отделов моего сочинения в тех частях, которыми предстоит окончить его. При первоначальном изложении плана я упомянул, что инстинкт, симпатия, сон и бред составят предмет стольких же отдельных Мемуаров, в которых я намеревался развить теорию этих различных явлений. Связанные бесчисленным множеством сторон с отправлениями рассудочной деятельности и с зарождением побуждений, явления эти, казалось мне, не потребуют всестороннего исследования в сочинении, имеющем целью связать их с законами организации и с непосредственными отправлениями жизни. Но, собрав все данные, относящиеся к этим различным вопросам, я тотчас же заметил, что для того, чтобы положить их в основание теории, потребуется более обширное изложение подробностей; что они даже вызовут, быть может, такое обилие доказательств, которое заставит нас потерять из виду главный предмет наших исследований. Такой труд образовал бы почти самостоятельное сочинение, составляющее, правда, следствие первого, но не существенную часть его. Поэтому, я счел необходимым сузить слишком широко задуманный план и представить в одной общей картине соображения, связывающие все эти отдельные вопросы с главным нашим предметом. Предмет этот уже слишком обширен и сам по себе. Не желая, по возможности, оставить в нем ничего смутного и неопределенного, я вынужден снова обратиться к первым проявлениям чувствительности, так как совершенно правильный взгляд на эти основные отправления необходим, чтобы составить себе понятие о бесчисленном множестве тонких и едва уловимых явлений, причины которых сливаются с самой организацией.

Поэтому, я посвящаю настоящий Мемуар общему исследованию животной жизни и первых проявлений чувствительности; затем, я возвращусь к *инстинкту* и к *симпатиям*; наконец, изложением теории *сна* и *бреда* я попытаюсь осветить небольшое число понятий, лежащих в основании учений двух знаменитых школ, момпельерской и эдинбургской, справедливость которых, по моему мнению, может быть подтверждена и признана только с нашей точки зрения на деятельность чувствующих оконечностей и нервного средоточия.

Я считаю также необходимым напомнить, что в Мемуаре о нравственном влиянии темпераментов я коснулся нескольких соображений о приобретенных темпераментах и намеревался изложить дальнейшие выводы из них вслед за Мемуаром о влиянии условий жизни; но, так как приобретенные темпераменты находятся большей частью в зависимости от привычек, получаемых умственными способностями и страстями, то мне показалось более удобным определить сначала, в чем состоит отраженное действие нравственной природы на физическую, и обозначить действительные границы его влияния,[182] а потом уже обратить внимание на случайные формы организации, вызываемые совокупным действием всех условий, между которыми важное значение принадлежит энергии самой отраженной деятельности. В таком собственно порядке изложены будут последние части этого сочинения.

О животной жизни.

§ II. — Условия, сопровождающие образование организации, покрыты для нас густым покровом; вероятно, нам никогда не удастся проникнуть в них. Если бы даже и удалось нам приподнять хоть небольшую часть его, то есть, привести некоторые явления, свойственные организованным телам, в зависимость от других более общих и известных нам законов, то затруднение наше нисколько не уменьшилось бы относительно главного факта, причиной которого могут быть только первоначальные, деятельные силы природы, о которых мы не имеем и не можем иметь никакого точного понятия. Соображение это тем не менее нисколько не подрывает необходимости наибольшего числа наблюдений и опытов; напротив того, мы должны проникнуть во все тайны организации и осветить те явления, которые находятся в зависимости друг от друга, ибо наука тогда только покоится на незыблемом основании, когда все выводы ее могут быть приведены к самым простым, постоянным и определенным законам; она может считаться совершенной только тогда, когда строгое исследование неизменно установит в этих законах то, что может быть доступно нашему знанию. Мы даже имеем полное право быть уверенными, что для человека не может быть действительной необходимости выйти за пределы, предписанные его способностям; чего он знать не может, то бесполезно для него; пустое любопытство может увлечь его желания из той области, которая свойственна его природе, и несомненное значение имеет для него только то, что доступно его чувствам и его разуму.

Какие бы затруднения ни представлялись нам при исследовании таинственных отправлений, заправляющих преобразованием одного тела в другое, тем не менее, не подлежит сомнению, что мудрое наблюдение и такой же опыт разрешили уже многие, весьма важные вопросы относительно этого предмета; они осветили такие таинственные явления, которые можно считать непроницаемыми. Почему бы основные законы, по которым образуются организованные тела, не могли бы быть

[182] Это составит предмет одиннадцатого Мемуара.

известны нам когда-нибудь с такой же точностью, как например законы, управляющие образованием атмосферного воздуха и воды? Почему бы условия, необходимые для обнаружения жизни в животных, были бы менее доступны для нашего понимания, чем условия, при которых образуются молния, град, снег, и проч., или чем еще более затруднительные для прямого наблюдения условия, по которым различные вещества внезапно входят в химические соединения и принимают бесчисленное множество новых свойств, вовсе не существовавших в них при уединенном их состоянии?[183]

Я должен сознаться, что сведения наши по этим вопросам еще весьма ограничены. Тем не менее, я полагаю, что дальнейшие исследования покажут нам, что надлежит к порядку таких явлений, причины которых исторгнуты уже из окружавшего их мрака, а другие, по тем же приемам мысли.

Прежде всего, мы имеем уже достаточное право считать мечтательным различие, которое силился установить Бюффон между *мертвой* и *живой* материей, или между неорганическими телами и органическими. Растения могут жить и расти при содействии только воздуха и воды, содержащих в себе в естественном состоянии только кислород, водород и азот. Разлагая углекислый газ, который, при известных обстоятельствах, плавает на поверхности почвы и разносится движением воздуха, растения поглощают углерод и оставляют в свободном состоянии кислород, как это точно доказывается прямыми опытами. Кажется, что они могут разлагать также сернисто-водородный газ, хотя присутствие его, особенно чрезмерное, вероятно, скорее вредно, чем полезно для многих пород растений; они разлагают также углеродисто-водородный газ, гибельное действие которого на животный организм, по-видимому, умеряется в значительной степени растительностью в местностях, в которых большие и прекрасные деревья окружают болота, богатые этим газом; наконец, растения, кажется, поглощают свет, или по крайней мере они получают из него начало, входящее в них в соединения, и отсутствие которого непосредственно вызывает заметное расслабление в их жизни и в свойственных им качествах.

Составных частей этих, встречаемых, так сказать, явным образом в различных частях растений, весьма часто бывает достаточно для полного развития растения и для образования в различных частях его новых веществ, которые не только доставляют непосредственную пищу животным, но и сами стремятся к оживотворению, ибо мы знаем из опыта, что нет ни одного растительного вещества, которое, при определенных условиях, не способствовало бы зарождению особенных, микроскопических животных, в которых это вещество обращается при содействии одной только сырости и почти всегда внезапно. В этом случае мы видим несомненную и неразрывную связь так называемой мертвой природы с

[183] Еще раз, общая причина свойств материи, во имя которых известные данные условия вызывают определенные сочетания, все-таки остается неизвестной; но исследование условий явления и составляет большей частью то, что мы называем его объяснением.

оживотворенной; мы видим соединение неорганических веществ для образования тел организованных, и из произведений растительной жизни вытекают жизнь и чувства со всеми главнейшими их признаками. Таким образом, если только не сделать предположения о повсеместном распространении жизни, замаскировываемой только различными внешними условиями тел и их свойствами (что противоречило бы гипотезе), то необходимо приходится признать, что при содействии некоторых условий бездушная материя способна организоваться, жить и чувствовать.

Но в чем состоят теперь эти условия? Нет никакого сомнения, что они нам плохо известны. Но останутся ли они такими навсегда по своей природе? Трудно принять такое предположение, когда мы видим, что можно не только искусственно воспроизвести растение при помощи какой-нибудь его части, которая в естественном порядке вовсе не предназначена к такому отправлению, и узнать условия, способствующие такой попытке или сопротивляющиеся ей; когда мы видим, что в нашей власти исказить их свойства, вызвать новые, создать небывалые породы животных, то есть, вызывая в телах известные изменения, развивать в них новые жизненные свойства, и по своему произволу, так сказать, вызывать к жизни существа, которые не имеют себе подобных в природе.[184]

Но, что вызывается человеком при помощи известных искусственных приемов, то еще чаще производится природою при помощи ее отклонений. На больных деревьях образуются новые растения, никогда не встречающиеся на совершенно здоровых деревьях; на них развиваются различные породы маленьких насекомых, которым они служат жилищем и образование которых зависит исключительно от присутствия и даже от характера болезни. На коже четвероногих, птиц, как и внутри различных частей их тела, встречаются целые населения всевозможных маленьких животных, которые можно принимать за преобразованное вещество каждого неделимого. Всякий класс животных и всякий род изменений в их жизненных отправлениях призывают к жизни неизвестные до того породы, по-видимому, никогда не существовавшие. Многие части человеческого тела ежедневно представляют примеры таких случайных зарождений, обусловливаемых, или бессилием отправлений, или, косвенным путем, неправильными соединениями соков. В кишках детей нередко зарождаются черви, потому что слабые еще органы их не способны к совершенному пищеварению, а пищевые каналы их обыкновенно переполнены слизистыми веществами, в которых под влиянием жизни началось

[184] Уксусные угрицы, например, картонные и переплетные черви, и проч., все породы, образующиеся исключительно в веществах, изготовляемых искусственно.
Факты, приводимые Кабанисом в подтверждение самозарождения, считаются опровергнутыми в новейшей науке. Я не делаю к ним отдельных примечаний, потому что они потребовали бы полного и всестороннего изложения вопроса о самозарождении; к тому же, они нисколько не изменяют сущности и главных оснований учения, развиваемого Кабанисом.
Пер.

уже оживотворение. То же самое случается и с взрослыми при слабом желудке и при расстроенном пищеварении.

Можно следить в некотором роде простым глазом за различными степенями этих образований, ибо довольно часто можно заметить, особенно при употреблении сильных слабительных, обрывки этих едва развившихся червей вместе с более или менее значительными количествами слизи, в которой организованные части теряются и исчезают в незаметных перерождениях. В особенной болезни, действие которой вероятно направляется главным образом на почки и на мочевой пузырь, моча несет с собою маленьких, черных, роговидных насекомых, заметных простым глазом, которые несомненно составляют случайный продукт болезни, потому что они исчезают вслед за правильными приемами бальзамических и крепительных лекарств, излечивающих эту болезнь. Вшивая болезнь, часто встречающаяся у стариков и даже у людей зрелого возраста вследствие разложения соков и клетчатой ткани, принадлежит к тому же разряду. Все эти насекомые, очевидно, составляют результат известных условий, свойственных человеческому телу, потому что они (по крайней мере в большей части случаев) отличаются особенными признаками, которые вовсе не встречаются в других породах и что даже те из них, которые живут в кишках различных пород рыб, как fascia lata, встречаются иногда вполне развитые в теле ребенка, еще не оставившего матку. Я не решусь, впрочем, сказать утвердительно, являются ли все эти животные самопроизвольным зарождением, или посредством зародышей. Можно заметить только, что люди, утверждающие, что без зародышей не может быть зарождений, должны предположить, что зародыши всех возможных пород всюду распространены в природе в ожидании свойственных для их развития условий; но, в сущности, это значит сказать то же самое другими только словами, то есть, что всякая частица материи способна ко всякому роду организации.

Но мы вовсе не видим необходимости допустить существование предполагаемых телец, незаметных и неуловимых для наблюдения. На каком основании примем мы за объяснение самого важного явления в природе такое неопределенное слово, как *зародыш*, ставшее еще более неопределенным вследствие последних опытов над прозабением и над воспроизведением животных. В самом деле, судя по результатам этих опытов, природа материалов, из которых непосредственно образуются зародыши, становится несколько понятнее; вероятно даже, что условия, управляющие их первоначальным развитием в естественном состоянии, не всегда бывают необходимы для призвания их к жизни, и физика находится в настоящую минуту, кажется, накануне определения по крайней мере части изменений, испытываемых материей при переходе от неорганического состояния к растительной организации и от несовершенной жизни дерева или растения к жизни самых совершенных животных.[185] Наконец, в настоящее время, быть может, мы не

[185] Я считаю нужным заметить, что растительная материя дает непосредственное начало микроскопическим животным, лишенным нервов и воли, и что только из животных веществ

были бы нисколько удивлены, если бы опыты показали, что достаточно встречи и взаимодействия некоторых количеств материи в определенном состоянии для зарождения живых существ, одаренных особенными, свойственными им качествами, подобно тому, как бывает достаточно встречи, при благоприятных для соединения обстоятельствах, кислоты с щелочью или землистым основанием, чтобы явилось новое химическое тело, подчиненное постоянным кристаллическим законам и одаренное свойствами, не имеющими ничего общего с веществами, из которых оно образовалось.

Древние говорили, что если жизнь есть мать смерти, то в свою очередь смерть рождает и увековечивает жизнь, то есть, говоря без метафор, материя находится в вечном движении и испытывает постоянные видоизменения. Для природы нет смерти; юность ее так же вечна, как ее деятельность и ее плодородие; смерть есть понятие, относящееся к преходящим существам, к изменчивым формам, на которых последовательно отражается луч жизни, и эти непрекращающиеся превращения составляют порядок и движение вселенной.

При переходе от смерти к жизни и от жизни к смерти не всегда встречается безусловная невозможность проследить за процессами природы или за переменами, испытываемыми материей. На аспидных досках и на черепицах, покрывающих наши крыши, мы замечаем образование, под влиянием воздуха и дождя, плесени, мха, лишаев, а из вещества их рождаются вскоре особенные, микроскопические животные. Выбрасываемыми землетрясениями из глубины земли лавы, разжиженные минеральные вещества, обращенные подземным огнем в более или менее кристаллическое состояние, со временем разлагаются на воздухе, поверхность их тускнеет, становится рыхлой и покрывается растительностью, сначала бесформенной и вовсе бесполезной для больших животных, но среди ее уже образуются и живут мириады незаметных пород, остатки которых вместе с остатками горной растительности с каждым днем увеличивается слой чернозема; поколения следуют за поколениями, порода за породою, и скопляющиеся остатки их, под влиянием действия воды и атмосферного воздуха, представляют почву, на которой богатая зелень растений и деревьев вызывает к жизни породы более совершенные и более достойные, по нашему мнению, покрыть землю и распространить жизнь на ней. Таким образом, большая часть островов великого океана, неудачно называемых нами «Южными морями»,[186] лежит на скалах, представляющих результат работы особенных пород крошечных морских насекомых; таким же точно образом, поднявшись мало-помалу на поверхность воды, в которой эти неусыпные работники производят такие колоссальные сооружения, острова эти подымаются все более и более, испытывая чередующееся

образуются живые тела, одаренные особенным снарядом органов, который новейшие анатомические изыскания принимали за настоящую нервную и мозговую систему.

[186] См. новое разделение и новую номенклатуру морей товарища моего Флёрье, одного из талантливых географов и мореплавателей Европы.

влияние сухости и влажности, действие первоначальных газов, из которых состоят воздух и вода, влияние воздушных явлений, солнца, времен года и последующих изменений; они покрываются наконец, подобно только что приведенным лавам, поколениями растений и животных, способных зародиться из первоначальных материалов этой новой земли и приспособляющихся без особенных усилий к климату.[187]

Если бы спросили нас, мог ли человек и большие животные, которые воспроизводятся в настоящее время только посредством рождения, образоваться вначале тем же путем, какой свойствен едва организованным растениям и грубым зачаткам животных, то мы отвечали бы, что положительно не знаем и никогда не узнаем этого. Род человеческий не мог получить никакого точного сведения о первоначальном своем происхождении; ему не дано способности иметь правильные понятия об условиях, сопровождавших его возникновение, как каждому человеку, в частности, не дано способности сохранить воспоминание об обстоятельствах своего рождения, так что нужно было прибегнуть к сверхъестественной помощи, чтобы внушить людям, что они должны думать об этом предмете.

Не подлежит сомнению, что неделимые человеческой породы, многие другие из самых совершенных животных и даже растений высшего порядка образуются в настоящее время и на наших глазах такими способами, которые не имеют ничего общего с непосредственной организацией мертвой материи; но из этого вовсе не следует, чтобы они не могли произойти на самом деле теми способами, в начале своем сходными с теми, которые еще теперь вызывают к жизни все эти новые породы неизвестных нам микроскопических животных; ибо, как только последние

[187] Фрай, военный комиссар в Лиможе, был настолько любезен, что сообщил мне ряд наблюдений и любопытных опытов над микроскопическими зарождениями. По-видимому, из них следует: 1) что все растительные и животные вещества, даже самого древнего происхождения, как мумии и деревянные остатки из древних построек, распускаются в дистиллированной воде в шарики, одаренные постоянным движением; что шарики эти вовсе не животные, (как думал Мюллер, назвавший их монадами), ибо Фрай видел, что они соединялись в более или менее значительном числе, чтобы образовать более раздельных животных; 2) что растительные и животные вещества в дистиллированной воде или в различных газах, вне влияния атмосферного воздуха, постоянно зарождают различных насекомых, о которых до сих пор думали, что они происходят из зародышей, оставленных на этих веществах насекомыми той же породы, или что они принесены постоянным движением воздуха, в котором зародыши эти легко распространяются вследствие необыкновенной своей делимости; 3) что самая чистая, дистиллированная вода, даже прокипяченная в продолжении нескольких часов на большом огне прежде перегонки, при соединении с различными газами, как кислород, азот, углекислота, и при содействии света и теплоты, может зародить минеральные вещества, растения и заметные простым глазом животные.
Наблюдения и опыты, из которых сделаны такие драгоценные выводы, разумеется, требуют пересмотра и повторения на сотни различных ладов; впрочем, автор делал их с такою осмотрительностью и заботливостью, он рассказывает их с такою убедительною простотою, что я не мог удержаться от удовольствия заявить о работе, возбуждающей такие прекрасные надежды. К тому же, Фрай предполагает отдаться на суд Национального института в споре между ним и учеными, которые захотят оспаривать справедливость его положений, так что, каково бы ни было окончательное решение, вызываемое с полною доверенностью этим достойным уважения естествоиспытателем, всякое сомнение по этому предмету будет отстранено.

одарены жизнью, то воспроизводятся также и рождением. С этого времени продолжение этих пород подчиняется то одному из двух способов, свойственных самым совершенным видам, то третьему способу, состоящему в некотором роде из двух. Стало быть, если бы к ним приложено было такое же рассуждение, на основании только того, что они рождаются друг от друга, то нельзя было бы допустить возможности их происхождения из неодушевленной материи: но такое заключение, опровергаемое фактами, было бы совершенно ложно; и в этом отношении более справедливое, чем мы думаем, мнение принадлежит тем сказаниям, которые переданы нам древней Азией и которые считают землю общей матерью всех одушевленных существ, населяющих ее.

Наконец, вовсе еще не доказано, чтобы породы в настоящую минуту были точно такими, какими были при первоначальном своем происхождении. Напротив того, множество фактов доказывает, что многие, самые совершенные породы, то есть, по организации своей более всего близкие к человеку, несут на себе отпечаток климата, среди которого живут, питательных веществ, употребляемых ими в пищу, привычек, которым подчинены они вследствие господства над ними человека или вследствие отношений их к другим живым существам. Факты доказывают также, что они могут испытывать некоторые случайные изменения, причину которых нельзя обозначить с достоверной точностью, и что все эти случайные признаки, будут ли они вызваны какими-либо неизвестными обстоятельствами или искусственными стараниями человека, способны укрепляться в породах и передаваться на неопределенное время из поколения в поколение. Остатки животных, погребенных в недрах земли и в настоящее время не имеющих своих представителей, дают право заключить, что многие породы вымерли, или вследствие переворотов, следы которых можно встретить всюду на земном шаре, или вследствие относительного несовершенства своей организации, оказавшейся неспособной к продолжительной жизни, или, наконец, вследствие постепенного распространения владычества человека, которому породы эти рано или поздно должны уступить все пространства, которые могут им обрабатываться, а если раз он завладеет какой-либо местностью, то его присутствие вскоре изгонит всех животных, которые окажутся для него вредными.

Но прекрасное открытие это, которым мы обязаны исключительно исследованиям ученого собрата нашего, Кювье, дает повод предположить, что многие из существующих ныне пород могли совершенно измениться со времени своего первого возникновения. Человек, подобно прочим животным, мог пройти чрез бесчисленные видоизменения, а может быть и чрез весьма важные преобразования в продолжении длинного ряда веков, оставивших на земле неизгладимые следы. Если существование человека на земле ограничить даже периодом со времени последнего переворота земного шара, который действительно не может быть отнесен к чрезвычайно отдаленной древности, то все-таки мы имеем право предположить, что даже в такой недлинный период времени в первоначальной

организации человека произошли многие, существенные изменения, следы которых, отразившиеся неизгладимыми чертами в различных человеческих породах, говорят о всем разнообразии этих изменений. Но эта гипотеза о новейшем происхождении человеческой породы, по-видимому, решительно не может быть допущена; по крайней мере она не может быть поддержана никаким полновесным доказательством и поднимает против себя множество возражений.

Прежде всего, не только этот огромный переворот земного шара, но и другие, еще более отдаленные, остались в памяти людей и сохранены преданиями: история и поверия почти всех народов сохраняют ясные воспоминания о нем; воображение людей надолго проникнуто было ужасом, и многие религии, по-видимому, имели главнейшею целью своею освятить обстоятельства этих ужасных событий. Но каким образом распространились бы повсеместно все эти сказания, если бы существование человеческих обществ не относилось бы к более отдаленному времени? ибо, если бы мы даже отвергли безразлично все предания, говорящие об одной и той же эпохе, тем не менее, мы вынуждены признать, что невежественные, грубые, дикие люди, какими они вышли из рук природы, не могли составить себе понятия, ни о состоянии земли, отличном от того, в каком они ее видели, ни в особенности о перевороте, изменившем землю, потому что по гипотезе переворот предшествовал их происхождению. Помимо того, составить себе понятие о происхождении человека и других, самых совершенных животных тем более затруднительно, что оно относится к самым близким к нам временам, что оно обусловливает предположение о состоянии земли совершенно сходном с теперешним, наконец, что оно требует отрицания изменений, испытанных теми породами, которые считаются в настоящее время самыми устойчивыми. Но разве мы не вынуждены допустить большую древность животных, о которой говорят ископаемые остатки их, встречающиеся на весьма значительной глубине земли? Можно ли отрицать возможность изменений, произведенных в них действием времени и могущественными земными переворотами, изменений, поразительные примеры которых мы имеем пред нашими глазами, несмотря на более покойное состояние земли в настоящее время и на более мирное действие стихий. Можно ли сомневаться в настоящее время в этих неоднократных переворотах, древность которых, обширное распространение и огромное значение доказываются геологическими исследованиями? Наконец, можно ли не принимать во внимание, быть может, еще более обширные и важные изменения, необходимо произведенные ими на земной поверхности? Итак, если мы составим себе точное понятие об этой цепи условий, которым должны были мало-помалу подчиниться все живые породы, к которым они должны были приспособиться и из которых, при каждом частном обстоятельстве, вероятно произошли многие, совершенно новые породы, лучше приспособленные к новому порядку явлений; если идти от этих положений, частью несомненных, частью вполне вероятных, то исчезает безусловная невозможность сблизить первое происхождение больших животных с происхождением микроскопических зарождений. Последние животные, составляющие дальнейшие

и необыкновенные произведения, вызываемые в некотором роде столько же искусственно, как и естественно, по-видимому, действительно предоставлены для наших опытов и для нашего наставления, потому что мы можем по произволу вызвать их из небытия одними только изменениями в физическом и химическом состоянии веществ, в которых они способны зародиться. И, вовсе не намереваясь приподнять этим завесу, скрывающую от нас тайны природы, не имеем ли мы право внести свет в тот мрак, поддержание которого может быть желательно только для суеверия и для шарлатанства?[188]

§ III. — Если мы имеем возможность следить за последовательными степенями организации и оживотворения материи, то мы можем пойти и обратным путем, нисходя к состоянию безусловной смерти по цепи, начинающейся самым совершенным состоянием жизни. При разложении своем животные вещества отделяют газы, жадно поглощаемые растениями, способствующие быстрому развитию последних и более обильному их оплодотворению: ибо эти газы суть те самые, которые, как мы сказали, входят в состав их, так что в некотором роде необходимы только благоприятные условия, чтобы они обратились в деревья или растения, в цветы и плоды.[189]

Остовы всех четвероногих, птиц, в особенности же рыб и раковин, залегающие в глубине земли, в толстых и широко распространенных слоях, составляют основу различных известковых земель; эти скопления могли бы, по-видимому, иссушить всю землю вследствие поглощения ими огромного количества воды, если бы природа не извлекала ее из них действием подземного огня или другими, более медленными процессами. Без всякой предварительной обработки эти самые земли большею частью весьма способствуют ускорению и усовершенствованию растительности, и это действие производится ими, или освобождением газов из разложившейся в них воды, или непосредственным выделением более значительного количества углекислоты, или же пробуждением в соприкасающейся с ними почве более быстрого, более обильного поглощения из воздуха кислорода.[190]

Если измельчить в куски и предоставить свободному разложению растительные вещества, богатые слизью, например миндальные зерна, в которых слизь эта служит

---

[188] Все явления вселенной всегда были и всегда будут следствиями свойств материи или законов, управляющих всем сущим: этими свойствами и этими законами обнаруживается пред нами первая причина; вот почему Вангельмонт на поэтическом языке своем называл их божественным порядком.

[189] Мы слышали неоднократно рассказ Франклина, наблюдавшего в лесах северной Америки особенную породу птиц, которая, подобно паламедеи или пигалице, имеет на сгибе крыльев два роговидных нароста. Оба эти нароста, рассказывал он, после смерти птицы становятся зародышами двух растительных стеблей, питающихся сначала соками ее трупа, а впоследствии прикрепляющихся к земле подобно растениям и деревьям. Я сообщал этот факт многим ученым естествоиспытателям, между прочим, моему знаменитому сотоварищу Ласепеду, но они ничего не слыхали о нем. Таким образом, несмотря на всю правдивость Франклина, я сообщаю этот факт со всею осторожностью и не вывожу из него никаких заключений.

[190] Гумбольдт доказал несомненными, по-видимому, опытами, что последнее обстоятельство оказывает самое действительное влияние на прозябение.

средством для соединения масла, то через известный, более или менее длинный промежуток времени, можно заметить, что вещества эти сами собою обращаются в более мелкий порошок и что объем их прежде всего мало-помалу уменьшается; простым глазом, впрочем, не замечается в них никакого другого изменения, кроме изменения в цвете, который становится несколько темнее. Но, при помощи хорошего микроскопа, оказывается, что уже все маслянисто-слизистое вещество обратилось в мириады крошечных животных одной или двух пород; животные эти быстро двигаются, овладевают остатками изменившихся миндальных частиц, пожирают друг друга, размножаются до тех пор, пока имеют чем питаться, погибают, когда им нечего есть, и из трупов их, по-видимому, зарождаются другие, еще меньшие животные, которые в свою очередь оставляют за собою опять новых животных. И вероятно, что эти чередующиеся разрушения и возникновения следуют таким порядком друг за другом гораздо более продолжительное время, чем длилось мое наблюдение. Но наступает минута, когда самые сильные стекла микроскопа не открывают никакого следа движения, когда все, по-видимому, погружается в состояние покоя и самого безусловного отсутствия чувствительности. Тогда миндальный порошок представляет крайний предел делимости и потерял по крайней мере пять шестых своего объема; в нем можно распознать только остатки кожицы, сохранившейся, благодаря своей горечи и своим смолистым свойствам, от разложения и от прожорливости маленьких животных. Случай этот представляет новый пример перехода материи из растительного состояния к жизни и от жизни к смерти.

Таким образом, если бы даже открытия естествоиспытателей и не уменьшали с каждым днем промежутка, разделяющего различные царства природы; если бы между животным и растением, между растением и минералом они и не нашли бесчисленного множества посредствующих переходов, связывающих самые отдаленные друг от друга существа, то простой взгляд на ежедневные явления, вызываемые вечным движением материи, показал бы нам всевозможные ее превращения; уже его достаточно было бы для доказательства, что управляющие ею законы относятся непосредственно к физическим или химическим условиям, при которых частицы ее встречаются и сталкиваются. Кристаллизующиеся соли, по сближении первоначальных частиц своих, вовсе не сходны, ни с грубыми веществами, подчиненными одним только законам притяжения, ни с жидкостями, движениями которых управляют законы равновесия, состоящего в том же притяжении, рассматриваемом только с другой точки зрения. С другой стороны, постепенное нарастание некоторых минеральных пород и их разветвления, по-видимому, приближают их, так сказать, к самым несовершенным растениям, по крайней мере, что касается до способа их нарастания и до их стремления принимать известные направления, соответственно природе окружающей их почве. Между растительным и животным царством стоят так называемые животно-растения (зоофиты), а может быть и некоторые раздражительные растения, движения которых, подобно движениям живых мускульных органов, вызываются

особенными возбуждениями, и как бы для полноты сходства возбуждения эти не всегда должны быть приложены к тем частям, в которых обнаруживаются сокращения. Наконец, в бесконечном разнообразии животных организация их и способности, смотря по породам, представляют всевозможные степени развития, начиная с тупых моллюсков, все существование которых ограничивается, по-видимому, одним только распространением породы, до совершеннейшего существа, чувствительность которого возбуждается всевозможными предметами, до существа, которое превосходству своей природы, а не случайным обстоятельствам, как полагают некоторые философы, обязано своим господством над землею, разум которого сумел создать новые силы, способные с каждым днем все более и более увеличивать его могущество и умножать его наслаждения и его благополучие.

Второй отдел

О первых проявлениях чувствительности.

§ I. — Просвещеннейшие врачи весьма основательно изгнали из науки о живых существах неоднократные попытки сделать скороспелые приложения к ней чисто механических, физических или химических теорий; им нетрудно было доказать, до какой степени приложения эти неопределенны, смутны, недостаточны, до какой степени они противоречат друг другу, а нередко и самым несомненным фактам; исследования их, направляемые самым строгим философским методом, доставили возможность показать до последней степени очевидности, что живые организмы подчинены законам прочих тел только с некоторых точек зрения, не имеющих для них особенно важного значения, что они управляются только им свойственными законами и что изучение их может быть плодотворно только в наблюдении над явлениями, непосредственно ими доставляемыми.

Но, хотя положение это несомненно, хотя под влиянием чувствительности в телах развиваются свойства, нисколько не похожие на свойства составных частей их, прежде чем последние испытали оживотворившее их влияние, вовсе не следует думать, что стремление к организации, что организация, вызываемая чувствительностью, что жизнь, которая состоит только в деятельности и правильном развитии того и другой, сами не вытекают из общих законов, управляющих материей. Человек впадает в бездну заблуждений и химер, когда он вообразит необходимость отыскивать причину этих явлений где бы то ни было, кроме природы известных условий, среди которых первоначальные вещества, вследствие сродства между собою, проникаются друг другом, организуются и, вследствие этих новых сочетаний, получают качества, которых прежде не имели.

Нам неизвестно, почему частицы материи постоянно стремятся приблизиться одна к другой, но само явление не может подлежать сомнению. Законы, управляющие тяжестью, равновесием, определяющие направление пушечного ядра,

непосредственно зависят от этого явления: наблюдение и вычисление приводят к нему всякое движение больших масс вселенной; даже неподвижность тел, остающихся в самом безусловном покое, тем не менее свидетельствует об этом стремлении с неменьшей очевидностью, чем быстрота небесных тел, пущенных по орбитам, от размера которых мутится воображение.

Но между веществами, одаренными взаимной химической деятельностью, притяжение совершается уже не столь случайно: частицы материи отыскивают друг друга, сближаются и смешиваются не с одинаковой готовностью; уже сложившиеся сочетания могут распасться на составные части вследствие присутствия различных веществ, к которым некоторые из этих частей сильнее влекутся; между двумя или несколькими сочетаниями, при благоприятных условиях, может даже произойти такой обмен веществ, что из остатков их немедленно образуются новые сочетания, нисколько непохожие на только что разрушившиеся. В этом случае притяжение является не слепой силой, безразличной к вызываемому ею стремлению: в нем начинает проявляться род воли, оно делает выбор; вот почему, с точки зрения этих особенных явлений, оно названо знаменитым естествоиспытателем химическим сродством.

§ II. — Переходя постепенно от одного порядка явлений к другому, если мы проследим это самое притяжение в сродстве растительном, то найдем, что сила эта одарена способностью выбора в несравненно более широких размерах, и, если мне позволено будет так выразиться, как бы более светлою проницательностью инстинкта. В сфере животного сродства могущество ее становится еще замечательнее: выбор ее отличается большею мудростью, а иногда и большею странностью. Из обстоятельств, при которых вызываемых характером первоначальных частиц обнаруживает свою деятельность, вытекают известные свойства и известные явления, которые всегда остаются в зависимости от сродства, и вероятно это сродство получает способность само вызывать их вследствие новых законов, которым подчинена его деятельность в силу каждого частного сочетания.

В самом деле, что видим мы при образовании растения или животного или, по крайней мере, какой благоразумный вывод имеем мы право сделать из тех условий этого явления, над которыми можно было сделать наблюдения? Может ли подлежать сомнению, что во всяком случае, было ли замечено в рассеянных материалах зародыша стремление к соединению, или они находились уже в сочетаниях или в простом соприкосновении в веществах, которые служили им маткою или колыбелью, так что недоставало только толчка, чтобы возбудить в них движение и вызвать организацию и жизнь, так во всех этих случаях не было ли постоянно замечено образование средоточия притяжения, к которому стремятся родственные частицы и вокруг которого они располагаются и укладываются в порядке, определяемом их свойствами и взаимными отношениями?

Притяжение частиц есть следствие общих законов материи; взаимное сродство их, или стремление их друг к другу есть результат свойств, вызванных в ней предшествовавшими ее преобразованиями и условиями, при которых частицы ее были привлечены одни к другим; наконец, новые свойства ее, развиваемые сочетаниями, вытекают из порядка и расположения, в котором частицы соединились и уложились, другими словами, они вытекают из организации.

§ III. — Мы говорим, что образуется средоточие притяжения, что притяжение из окружающих частиц избирает такие, которые родственны с образующимся узлом, что оно непосредственно определяет законы этого первого соединения и становится посредствующею причиною ряда последующих явлений, свойственных каждому отдельному условию, ибо явления эти зарождаются и развиваются сообразно с первым явлением. В самом деле, в настоящее время уже невозможно принять чисто метафизической гипотезы о вечных зародышах, заключенных один в другом и заключающих в себе каждый бесчисленное множество зародышей, ни другой, последовательной, более физической и потому более подлежащей исследованию гипотезы, предполагающей все части уже вполне образованными в зародышах и утверждающей, что толчок жизни и ее дальнейшее развитие изменяют только объем этих частей и их относительные размеры.

Стебель и цветы растения вовсе не находятся в его корне, корень его заключен не в коре. Только уединением различных частей его, способных воспроизвести весь организм, составную часть которого они составляют и которое своею силою держит их в подчинении и в связи с собою, только предоставлением им отдельного существования можно вызвать в них способность обратиться в средоточие отправлений, дать им возможность образовать недостающие частицы и обратить их в полное и совершенное растение той же породы.

Если разрезать на части полип, то голова его может воспроизвести желудок и конечности, конечности воспроизводят желудок и голову; то же самое бывает и с прочими его частями; между ними нет ни одной, которая, по отделении от всего животного, не была бы способна воспроизвести его во всей целости, со всею совокупностью его жизни и отличающих ее свойств.

Но замечательнее всего, что опыты Гарвея, Мальпиги, Галлера и многих других показали, что при развитии некоторых, более совершенных животных, как птицы, органы образуются последовательно; что отношения между ними, что касается объема и расположения, не остаются неизменны со дня зарождения; что некоторые, весьма существенные органы образуются в несколько приемов, раздельными промежутками; что эти органы связываются в силу особенного, чрезвычайно могущественного сродства и сливаются со всею организациею, получающею тогда свое единство. Таким образом, например, оба сердечные желудочка остаются сначала разъединенными со своими предсердиями. Они плавают в таком виде в продолжении некоторого времени в жидкости, из которой образовались, или из

которой вышли составляющие их части; но вскоре обнаруживается стремление между ними, они приближаются друг к другу, по-видимому, чувствуют и призывают друг друга живым трепетанием; наконец, с последним, самым быстрым из всех движений, они сближаются и склеиваются, чтобы не разлучиться более на все то время, пока будет длиться жизнь неделимого.

Приведенные соображения наталкивают, по-видимому, на мысль о какой-то аналогии между животною чувствительностью, растительным инстинктом, химическим сродством и простым притяжением, постоянно существующим между всеми частицами материи. Несмотря на существенные различия, открываемые в них наблюдением, нет сомнения, что эти три порядка явлений представляют одно и то же, непосредственное стремление тел друг ко другу, что это стремление действует по более или менее разнообразным и сложным законам, смотря по состоянию, в котором находятся разделенные друг от друга частицы, и по условиям, при которых они встречаются, а из этого вытекают все новые свойства, обнаруживающиеся в различных их сочетаниях.

Но имеем ли мы право вести так далеко наши выводы? Растительное сродство, химическое притяжение, само это с виду слепое стремление вещества к средоточию притяжения, в сфере которого оно очутилось, эти различные свойства или эти различные явления происходят ли в силу какого-нибудь всемирного инстинкта, присущего каждой частице материи? Инстинкт этот, столь смутный на последней своей степени и поднимающийся к тому, который следует за ним, развивается ли в побуждение по одному и тому же, постоянному пути? и может ли наблюдатель позволить себе предвидеть в его дальнейшем развитии будущее душевное движение? В самом деле, не вызывают ли известные впечатления сходные побуждения, как в растениях, так и в животных? Наконец, не этот ли самый инстинкт, развиваясь все более и более в последних и проходя чрез различные степени организации, поднимается до удивительных явлений разума и чувства? Чувствительностью ли следует объяснять всякое притяжение или притяжением — чувствительность и посредствующие между ними стремления? Вот вопросы, на которые невозможно отвечать при настоящем состоянии нашего знания. Но если дальнейшие исследования и наблюдения доставят нам возможность привести весь порядок физических явлений к одной общей определенной причине, то вероятно мы достигнем этого скорее изучением самых широких, самых совершенных, и более всего бросающихся в глаза явлений, чем ограниченных и трудно уловимых; ибо в настоящем случае дело идет вовсе не о том, чтобы начинать с простого и восходить к сложному, потому что сложное необходимо становится предметом ежедневных наблюдений, и своим разнообразием доставляет множество фактов для сравнения их с подобными или противоположными им фактами; между тем как простое не поражает нас, ускользает даже от нашего наблюдения, сливаясь с самым существованием предметов, и уже вследствие этого ни с чем не может сравниваться. К тому же, не естественно ли думать, что отправления, характер

которых в самих себе, могут скорее осветить явления, происходящие вдали от нас, нежели последние могут нам объяснить то, что мы чувствуем или что происходит в нас ежеминутно? Как бы то, впрочем, ни было, я не войду в настоящем случае в рассмотрение этого вопроса, так как средства наши для понимания его, или скорее, наши настоящие знания не дают нам надежды достигнуть какого бы то ни было удовлетворительного его решения.

Замечу только, что чем проще и ограниченнее явления какого-либо притяжения, тем устойчивее сочетание, при котором они происходят; обратно, чем разнообразнее и сложнее явления и само сочетание, тем менее устойчиво последнее и тем легче оно разрушается. Нетрудно понять, что этот закон имеет непосредственное приложение к большим массам материи, состояние которой может измениться только с разрушением вселенной. Что касается до кристаллизации, то она появляется постоянно в одних и тех же формах, и с одними и теми же свойствами после тысячи разрушений, лишь бы только сложились необходимые для нее условия. Наконец, раз разрушенные, растительные сочетания не могут уже быть восстановлены искусственно, но они оказывают более значительное сопротивление разрушению, чем живые и чувствующие существа. Закон этот получает особенную силу и очевидность в приложении к различным произведениям животного притяжения. Жизнь полипов, по-видимому, переносит почти все внешние удары: она не погибает от деления неделимого ножом. Различные инфузории, лишенные, подобно полипам, мозговой системы, легко переносят самую жестокую стужу, действие которой ограничивается, по-видимому, приведением их в преходящее оцепенение среди замерзшей, окружающей их жидкости. Многие из них переносят безнаказанно в продолжение многих часов сряду действие весьма сильного жара.[191] Водяные коловратки могут быть высушены и обращены, так сказать, в пыль. В этом состоянии они одинаково легко переносят, и стужу и жар; но хотя они и приведены в состояние самой недеятельной материи, тем не менее они сохраняют способность возвратиться к жизни и к движению: достаточно смочить их небольшим количеством воды, чтобы они воскресли.

Я прибавлю, что самые живучие, как и самые несовершенные по своей организации животные суть те, в которых жизнь распределена, так сказать, неопределенно по всему телу, все отправления которых могут, по-видимому, производиться безразлично во всех частях, которые чувствуют, двигаются, дышат, уподобляют пищу и проч. одними и теми же органами. Когда нервная система резко разграничена от мускульной, то животное обладает более совершенными способностями, но жизнь его тем легче может быть разрушена. С умножением и с совершенствованием способностей жизнь подвергается все большей опасности. Условия разрушения становятся многочисленнее, по мере того как пищеварительная система, сосудистые органы, дыхательный снаряд и проч.

[191] Жар они переносят еще легче чем холод.

становятся раздельными, по мере того как влияние их друг на друга становится шире и по мере того, как все они связываются общей и тесной зависимостью.

Таким образом, если бы более развитая рассудочная способность совершенных животных не доставляла бы им средства для самосохранения, развивающиеся по мере того, как усложняется устройство их организации, то породы эти первыми исчезли бы с поверхности земли: вместо владычества, принадлежащего им в силу их превосходства, они были бы игралищем и жертвами всех окружающих предметов и всех явлений природы. Вот причина, почему человек, когда он предоставлен ограниченным и ненадежным средствам дикого состояния, несмотря на то, что даже в нем, для своего самосохранения и благоденствия, он успел извлечь из своего разума многие средства, которые на вечные времена останутся недоступны прочим, самым умным животным; так человек среди такой ненадежной жизни окружен всякого рода бедствиями и носит в груди своей жестокие и пагубные чувствования, составляющие необходимое последствие постоянного несчастья; народонаселение не растет в печальной стране, в которую цивилизация не принесла еще своей защиты и своего утешения.

§ IV. — Нам известно, что в самых совершенных животных органы, между которыми распределены различные, главнейшие отправления, разделяются и слагаются в самостоятельные системы; что различные системы эти, связанные многочисленными отношениями и предназначенные для достижения общей цели, находятся во взаимном подчинении на основании некоторых, особенных законов, и что отправления их происходят в известном порядке, или приводятся в деятельность одним, общим движением. В этом и состоит, по-видимому, все совершенство животной организации.

Еще прежде того, мы заметили, что не все части зародыша образуются одновременно: они появляются последовательно, в порядке, соответствующем их значению, и располагаются и организуются вокруг средоточия притяжения. При каждом сложении или новом сочетании сродство между ними изменяется и расширяется; каждое сочетание или дальнейшее движение сообразуется и связывается с предшествовавшим. Вот факты, еще ближе относящиеся к первоначальному состоянию одушевленных тел.

Присоединим еще к ним, что если органы образуются неодновременно, то еще более различаются эпохи, в которые начинается их деятельность. Недостаточно еще существования какой-либо части тела, чтобы начались в ней свойственные ей отправления: почти все они, за исключением частей, принадлежащих только детскому возрасту и затем исчезающих, должны еще созреть и развиться, чтобы достигнуть своего относительного совершенства; некоторые из них должны оставаться даже в оцепенении, которое задерживает дальнейший рост их сравнительно с прочими частями тела, а последние получают свой естественный

объем только с наступлением эпохи, когда начнутся свойственные им отправления и нередко получают его еще позже.

Наконец, нетрудно убедиться, что все эти особенные стремления, вызывающие образование и первоначальное развитие животного, необходимо управляют и дальнейшим его развитием; мы заметили также, что, с одной стороны, его склонности, а следовательно его потребности и страсти, которые суть те же страсти, рассматриваемые только с особенной точки зрения, что, с другой стороны, все его способности, которые, в свою очередь состоят в свойстве получать известные впечатления и исполнять известные движения, словом, все побуждения и все отправления, составляющие его жизнь, находятся в постоянном подчинении этим стремлениям, видоизменяющимся, смотря по различным состояниям, через которые проходит животное, состоящее из совокупности чувствительных сочетаний.

Уже эти первые соображения показывают нам в настоящем свете отправления животного организма. Для рассеяния, по крайней мере, насколько это возможно, тумана, заволакивающего чувствительную деятельность, мы обратимся еще раз к свойствам нервной системы.

Самые внимательные исследования новейшей анатомии не могли открыть ни нервов, ни мозговой системы в некоторых несовершенных животных, как полипы и инфузории: между тем животные эти чувствуют и двигаются, они получают впечатления, которые вызывают в них ряд последовательных и правильных движений. Противники Галлера, в том числе знаменитая момпельерская школа, доказали, что даже в животных, одаренных вполне раздельной нервной системой, многие части, не имеющие нервов, обыкновенно обнаруживают или, при известных, особых обстоятельствах, могут приобрести живую чувствительность; а так как эти части, над которыми сделаны были наблюдения и опыты, объявлены были Галлером и его последователями лишенными нервов и, стало быть, безусловно бесчувственными, то они должны были прибегнуть ко многим бесплодным тонкостям для опровержения такого прямого и полновесного аргумента.

Тем не менее, не может подлежать сомнению, как мы сказали в другом месте, что в позвоночных животных, нервная система которых имеет такое широкое влияние и распространяется на все органы, все отправления чувствительности подчинены этой системе, что правильность их обусловливается ее неповрежденностью, наконец, что отправления эти длятся только до тех пор, пока мозговое средоточие сохраняет всю свою деятельность и все свои отношения к другим, отдельным системам. Таким образом, чтобы хорошо ознакомиться с законами жизни в этих животных, следует изучать в особенности законы, управляющие их нервным органом, так как из него чувствительность, так сказать, рассеивается и распространяется по всем частям. Но превосходство организации нервов и головного мозга человека и могущество, ежедневно приобретаемое ими вследствие

одного только упражнения их благородных способностей, то есть представлений и чувствований, показывает, что жизнь его, по-видимому, находится в меньшей зависимости, чем жизнь всякого другого животного, от механического и материального состояния органов; что у человека более раздельно, чем у другого животного, можно следить за переменами или за неизменными отпечатками той внутренней силы, которая обнаруживается внешними формами и внешней деятельностью.

Многие философы и даже многие физиологи признают чувствительность только там, где можно ясно уловить сознательные впечатления; это сознание составляет для них отличительный и исключительный признак чувствительности. А между тем, можно утверждать не задумываясь, положение это решительно противоречит самым бесспорным физиологическим фактам, и оно бессильно для объяснения рассудочных явлений.

Хотя и не подлежит сомнению, что сознание впечатлений бесспорно предполагает присутствие и деятельность чувствительности, тем не менее последняя существует в таких частях, в которых самосознание вовсе не заявляет о своем присутствии, и она, тем не менее, вызывает множество весьма важных и правильных отправлений, не давая знать сознанию о их деятельности. Нервы, несущие в органы сознание, несут в них или получают от них впечатления, из чего вытекают все эти неуловимые отправления; условия, которые лишают их способности чувствовать, в то же самое время прекращают такие их отправления, которые происходят без содействия, а иногда так и резко наперекор воли неделимого. Хотя перевязка и перерез нерва совершенно отделяют всякую часть тела, тем не менее есть возможность, при действии на отделенную часть различных возбудителей, возвратить деятельность мускулам, которым нерв этот приносил жизнь. Даже когда смерть разрушила связь, державшую в соединении все части животного и беспрерывно восстановлявшую их отправлениями, остающиеся еще в нервах остатки чувствительной силы могут быть вызваны искусственно в продолжении более или менее значительного времени, и можно обнаружить, разом и безразлично, сознательные и бессознательные стремления раздражением нервов, возбуждающих эти части и управляющих ими в живом животном. Но подобные искусственные раздражения вызывают только неправильные отправления, не опирающиеся ни на совокупность всей организации, ни на соответствующие им органы; возбуждающая их причина вследствие того, что не возобновляется всею жизнью тела, скоро истощается и предоставляет, обратившиеся в труп части новым сочетаниям, вызываемым гниением.

С другой стороны, при тщательном изучении всех отправлений, обусловливающих рассудочную деятельность и зарождение побуждений, нетрудно увидеть, что между отправлениями органов, менее всего зависимых от сознания и воли, существуют многие, влияние которых оказывает непосредственное и могущественное

содействие этим, более совершенным отправлениям. Условия, сопровождающие кровообращение, пищеварение, отделение желчи, движение мускулов, уподобление волосных сосудов: все отправления эти, в которых не принимает участия, ни сознание, ни воля неделимого, и совершающиеся без их ведома, тем не менее, самым быстрым и заметным образом видоизменяют всю нравственную природу или всю совокупность представлений и душевных движений. Доказательства этого мы видели во всех предыдущих Мемуарах: бесчисленное множество новых может себе представить всякий читатель; и хотя продолжительная привычка может доставить отправлениям нервной системы и головного мозга почти полную независимость от каких бы то ни было органов низшего порядка, тем не менее, в природном и правильном состоянии, быть может, нет ни одного между ними, который бы не оказывал своего содействия прочим: несомненно даже, что органы, имеющие наибольшее значение, особенно те из них, стремления которых, по-видимому, более всего освобождены из-под власти сознания, ни на одно мгновение не прекращают своего важного влияния на мозговое средоточие.[192]

§ V. — Таким образом, в животном организме происходит множество отправлений бессознательных, но тем не менее зависимых от чувствительной системы. Нервы могут, стало быть, получать впечатления, вызывающие известные отправления, незамечаемые мозговым средоточием, в котором слагаются представления и побуждения воли. Мало того, некоторые беспозвоночные животные переживают разрушение своего головного мозга. Во всех породах мускульные части, отделенные от средоточия чувствительности, на более или менее продолжительное время сохраняют еще отправления, поддерживаемые влиянием, так сказать, посмертной чувствительности. Наконец, как мы сказали, встречаются бесформенные организации, которые образуются, развиваются и пользуются настоящей жизнью

[192] По прочтении этой статьи, один из друзей моих, хорошо знакомый с философскими вопросами, сказал мне: — Вы говорите, стало быть, что существует *чувствительность без ощущений*, то есть, без сознательных впечатлений?
— Да, разумеется: это даже основное положение в учении о физической чувствительности.
— Но, что вы считаете возможным назвать *чувствительностью*, не есть ли именно то, что физиологи называют раздражаемостью?
— Нет; и вот различие между ними. Раздражаемость есть свойство, по-видимому, прирожденное мускульному волокну и сохраняемое им после смерти или после того, как оно отделено будет от первых средоточий отраженной деятельности. Под влиянием различных возбудителей волокно попеременно съеживается и удлиняется — вот и все. В правильных органических отправлениях есть нечто большее — все признают это. Но, кроме отправлений, вызываемых сознательными впечатлениями, существует множество таких, которые вызываются бессознательными впечатлениями и которые весьма часто неуловимы даже; между тем, подобно первым, они исчезают вместе с жизнью или с прерыванием связи органа с чувствительными средоточиями, словом, с чувствительностью; с нею они возникают и с нею прекращаются. Итак, чувствительность есть основное условие, без которого впечатления, вызывающие эти отправления, остаются без последствий, без которого сами впечатления не существуют, так как мы можем составить о них понятие только по отправлениям. Таким образом, так как мы называем ощущением только сознанное впечатление, то действительно существует чувствительность без ощущений. Этот вопрос будет нами еще раз рассмотрен ниже.

животного без рассевающегося головного мозга,[193] даже без хребтового, и в которых совокупные отправления органов, за отсутствием их в таком случае, не могут поддерживать этого источника жизни.

Таким образом, нервная система способна еще разбиваться на несколько отдельных, низшего разряда систем, из которых каждая имеет свое средоточие притяжения и отдельной отраженной деятельности, в которое приходят и из которого распространяются побуждения к отправлениям. Системы эти более или менее многочисленны, смотря по породам, по индивидуальной организации и по различным другим условиям, которые, по-видимому, не могут быть обозначены с достаточною точностью. Быть может, как думал о различных органах Вангельмонт, в каждой системе и в каждом средоточии образуется род самостоятельного самосознания (я) относительно получаемых им впечатлений и вызываемых из него отправлений. Аналогия, по-видимому, указывает, что действительно происходит нечто в этом роде. Но мы не можем составить себе ясного и точного понятия об этих частных волях, потому что все ощущения наши о самих себе относятся нами исключительно к общему средоточию и потому что средства наши получать точные понятия о самих себе, как и обо всех остальных явлениях природы, ограничиваются только условиями, которыми они обнаруживаются и связью между ними.

Как бы, впрочем, мы ни приняли это воззрение, которое, говоря мимоходом, указало бы на необходимость рассматривать всякое средоточие отраженной деятельности как местопребывание отдельного и *действительного самосознания*, несомненно, что в животной организации, насколько она доступна для нашего понимания, самосознание находится в общем средоточии; что в него приходит из всех частей тела, а именно из внешних, чувствующих оконечностей бесчисленное множество ощущений, из которых рождаются суждения; что из него во все органы, подчиненные воле, идет отраженная двигательная деятельность, вызываемая теми же суждениями. Но, если самосознание существует только в общем средоточии и в силу переданных в него впечатлений, то вовсе не следует из этого, чтобы все, достигающие в него впечатления сознавались; напротив того, существует бесчисленное множество их, навсегда остающихся ему вполне неизвестными. С общим средоточием бывает в таком случае то же, что с прочими органами; одни из возбуждений и отправлений замечаются им, другие — нет; многие физиологи утверждают даже, что из самых сокровенных частей этого средоточия вытекает возбуждение частей, более всего независимых от сознания и воли.[194]

К этим свойствам, открытым в нервной системе путем наблюдений, нужно присоединить еще следующее, которое может считаться главнейшим. Все части этой системы сообщаются между собою через посредство хребтового и головного мозга; все действуют, прямо и отраженно, друг на друга; общее средоточие,

[193] Я употребляю выражение, освященное момпельерской школой.
[194] Например, часть мозга, возбуждающая органы воспроизведения.

отдельные центры и оконечности связаны между собою постоянными и взаимными отношениями.

Мало того, ежеминутно могут возникать между ними новые отношения и новые центры. От этого зависят случайные и более или менее преходящие симпатии, которыми независимые один от другого органы могут иногда взаимно видоизменять с необыкновенною силою соответствующие им отправления и даже способность получать ощущения. Эта видоизменяющаяся до бесконечности деятельность, все более усложняясь, дает начало всем странным явлениям, замечаемым особенно у людей, одаренных чрезвычайною чувствительностью.

Таким образом, нервный орган, способный чувствовать всеми своими точками и всеми своими разветвлениями, находится в постоянной деятельности, непрерываемой даже сном; впечатления и побуждения скользят по нему и скрещиваются по всем возможным направлениям, подобно лучам света в пространстве. То оконечности управляют средоточием, то сами управляются им. Не забудем еще, что хребтовый и головной мозг одарены значительным количеством сосудов и клетчатой ткани. Поэтому, самостоятельные отправления, распространяющиеся по всему органу из каждой точки его, и различные изменения, происходящие в обращающихся в нем жидкостях, составляют обильный источник впечатлений, в которых чувствующие оконечности не принимают никакого, по крайней мере прямого участия. Вероятно, в этих обстоятельствах следует искать причину большей части тех смутных отношений, которые связывают головной мозг и нервы с состоянием известных органов, (в которых самое тщательное внимание неделимого не может открыть никакого ощущения), а также причину беспредметных и бесцельных стремлений, которые так часто замечаются в органических болезнях, несопровождающихся страданиями, особенно брюшных внутренностей.

§ VI. — Что касается до способов соединения между собою различных частей нервной системы, до действия их на органы и до вызова в них отправлений, то все эти вопросы покрыты в настоящее время густым покровом. Все механические, физические и химические теории оказываются несостоятельны при объяснении этих первых отправлений жизни; объяснения эти могут быть доставлены только животною химией, животною физикой и животною механикой. Наблюдения следует делать над живыми телами, только их должны иметь в виду непосредственные опыты, и только из фактов, полученных таким путем, можно будет составить точные понятия о тех силах, результатом которых они являются.

Разумеется, немало предстоит трудностей для раскрытия всех этих тайн природы, но не следует терять надежду на успех. Причина самой чувствительности, сливающаяся с первыми причинами, не может быть предметом наших изысканий; но способы, по которым органы приходят в деятельность и по которым полученные впечатления передаются из одного органа в другой, могут быть обнаружены более

обстоятельным изучением явлений, будут ли последние происходить по естественным законам, или они будут, вызваны искусственно волею наблюдателя с целью получить ответ от природы. Последние опыты Парижской врачебной школы, позднейшие опыты, сделанные в Англии, в особенности гальванические опыты знаменитого Вольты, по-видимому, доказали самым положительным образом совершенное тождество жидкости, получившей это название, с жидкостью, вызывающею электрические явления. Мне всегда казалось, я должен признаться в этом, что электричество, видоизмененное жизненною деятельностью, есть невидимая сила, которая, пробегая постоянно по нервной системе, переносит впечатления из чувствующих оконечностей в средоточия, и из последних передает в двигательные части то возбуждение, которое вызывает в них движение. В высшей степени вероятно, по крайней мере на мои глаза, что чем более сделано будет наблюдений в этом направлении, тем очевиднее будет это тождество. Таким путем должны, по-видимому, обнаружиться точным образом природа и значение видоизменений, испытываемых электричеством при животном сочетании; и, быть может, одного этого достаточно будет для рассеяния в некоторых людях сомнений, опирающихся на неопределенности некоторых наблюдений и на предположениях нескольких ученых. Возможно также, что по осторожном исследовании фактов, относящихся к влиянию на животную организацию магнетизма, и по сравнении их с влиянием гальванизма и особенно электричества, явилась бы возможность определить с достаточною точностью степень сходства между обеими жидкостями или степень различия, на основании которого пришлось бы принять их за существенно различные силы природы.

§ VII. — Мы сказали, что не все части тела образуются одновременно и не все одновременно развиваются; что они вступают в отправления в различные эпохи; что они имеют различную степень значения; что возвращение их деятельности случается более или менее часто, а сами отправления бывают более или менее продолжительны,

Все, по-видимому, доказывает, что прежде всего и одновременно образуются системы нервная и кровеносная. В самом деле, как только станет заметна бьющаяся точка, обозначающая будущее сердце, то с помощью микроскопа можно уже обнаружить подле нее беловатое волоконце, из которого должен развиться весь мозговой снаряд.

Так как в это первое время питание производится непосредственным всасыванием кровеносных сосудов, то замечается, что пищеварительные органы, хилоносная система, уподобляющая, составляющая часть ее вместе с печенью, селезенкою, поджелудочною железою, и проч., которые, содействуя отправлениям этих систем, находятся между собою в различных отношениях зависимости и более или менее широкой симпатии, так замечается, что различные эти органы и системы должны развиться в дальнейшее время и в последовательном порядке, смотря по эпохе, в

которую деятельность каждого отправления окажется нужною для сохранения неделимого.

Органы дыхания, которые впоследствии получают такое важное значение, как для приготовления, так и для обращения крови, в первые минуты жизни представляют почти бесполезные придатки кровеносной системы. Тем не менее, они уже существуют вполне готовыми; по-видимому, они способны даже до некоторой степени исполнять свои отправления; ибо, если им безусловно необходимо действие воздуха, чтобы получить и передать во все тело сопровождающие его впечатления, то факты, по-видимому, доказывают, что эти органы способны к перенесению этого действия задолго до той обычной эпохи, в которую начнет дышать зародыш.

По мере того, как растут члены в облегающих их первоначально оболочках, мускулы мало-помалу обозначаются и укрепляются. Одаренные, по-видимому, прирожденной им способностью, чередующиеся сокращения и растяжения их производят движения, живость и частые повторения которых увеличиваются по мере приближения времени выхода зародыша из матки или из яйца.

Наконец, собственно, так называемые органы чувств получили в эту эпоху почти все свое материальное развитие; но даже те из них, которые могли получить какие-нибудь впечатления, погружены еще в оцепенение, а прочие нуждаются в действии на них внешних, соответствующих им предметов для усовершенствования и полного развития их организации.

§ VIII. — Порядок, в котором образуются органы и устанавливаются отправления описанным нами путем, принадлежит только породам, в которых жизнь развивается по таким же законам, как у человека. Существуют целые классы менее совершенных животных, образование которых, развитие и первоначальные отправления происходят не в этом порядке, а различные органы и свойственные им отправления имеют иные значения и оказывают иные влияния друг на друга. Но в настоящем случае вопрос идет, собственно, о человеке, и если нам случается иногда обращаться к явлениям жизни в прочих животных, то мы делаем это единственно с целью осветить те явления, условия которых не так удобно замечаются в человеке и безошибочно отыскать связь их с другими, предыдущими или последующими явлениями.

В человеке, и в близких к нему животных, образуется, стало быть, прежде всего мозговое средоточие, которое можно принимать за начало и конец нервной системы, и средоточие кровеносной системы или сердце, из которого рассеваются все артерии и в котором сходятся все вены; средоточия эти первые получают жизненные впечатления и исполняют отправления, или в них прежде всего впечатления вызывают стремления, соответствующие породе и степени рождающейся в них чувствительности. Таким образом, впечатления и

свойственные им стремления (или их отправления) отождествляются с самой жизнью; с нею они начинаются, и во все продолжение жизни они тесно связаны с ее сохранением.

Выше мы сказали, что условия, из которых рождается организация, побуждают материалы, из которых должны образоваться органы, соединяться по определенным законам сродства. Но законы эти относятся к каждому отдельному порядку условий; а с той минуты, как материя организована, новые ее сочетания вызывают в ней новые ряды отправлений.

Живые части суть живые только в силу того, что они получают впечатления и что впечатления эти вызывают соответствующие им отправления в силу того, что они чувствуют и что в них происходят отправления. Итак, чувствовать и, вследствие этого, производить тот или другой род отправлений есть существенное свойство органа, одаренного жизнью; в нем состоит первоначальная потребность, становящаяся ежеминутно все более и более могущественною, вследствие силы привычки и повторения, потребность, деятельность которой тем более способна возобновлять и продолжать эти отправления, чем дольше они существуют, чем чаще и энергичнее, чем правильнее и полнее они повторяются.

Раз это так, впечатления и стремления, свойственные нервной и кровеносной системам, составляющие необходимые условия и, так сказать, основу жизни, впечатления и стремления, с полным прекращением которых, по-видимому, мгновенно прекращается жизнь, постоянным повторением своим должны вызвать в непродолжительном времени первую, самую неизменную и самую сильную из привычек инстинкта, привычку к самосохранению. В этом состоит, в самом деле, доступный нам результат живой организации, результат, стоящий впереди всего, что мы можем охватить нашей мыслью; привычка эта не менее прямым и необходимым образом вытекает из законов животной организации, чем первые и самые простые жизненные стремления.

В первый период жизни зародыша желудок его и прочие пищеварительные органы находятся, по-видимому, в совершенном бездействии. Питание совершается пупочной веной; приносимая ею в сердце кровь разносится из него по всем частям зародыша; она доставляет им материалы для развития и для всех выделений. Излишек или остатки этой питательной жидкости возвращаются в место двумя соответствующими друг другу артериями, исполняющими, так сказать, роль легочных артерий; ибо, пройдя весь круг кровообращения, в этой губчатой ткани кровь смешивается с кровью матери и принимает из нее часть кислорода и качества, без которых она негодна для питания. Во все это время желудок находится в свернутом состоянии; в нем не происходит никаких отправлений, кроме тех, которые необходимы для его органического развития. Кишки заключают в себе, по-видимому, только некоторые остатки жидкостей, излитых в них отдельными сосудами. Печень слагается и принимает значительный объем, но она не выделяет

еще настоящей желчи в двенадцатиперстную кишку. То же самое можно сказать и о всех прочих органах, содействующих отправлениям пищеварительного канала; все они бывают вначале погружены как бы в оцепенение.

Вскоре, впрочем, в желудке и в кишках замечаются следы возбуждений; в полости их поступают слизистые жидкости, приносимые сосудами и отделяемые их сосочками или просто извлекаемыми из воды сорочки, так как, по-видимому, ничто не препятствует их проникновению в рот и в пищепроводный канал.[195] В то же самое время в печени начинается приготовление желчи, несовершенной, правда, но уже одаренной возбудительными свойствами; селезенка приходит в зависимость от печени, а поджелудочная и прочие отделительные железы начинают вырабатывать свои соки. Возбуждаемые присутствием этих различных жидкостей желудок и кишки начинают нечто вроде пищеварения, скопившиеся мало-помалу продукты которого образуют те черноватые и тягучие вещества, которые более или менее наполняют пищевой канал новорожденных детей и для извержения которых часто бывает достаточно первых движений грудобрюшной преграды, приведенной в деятельность дыханием.

В пищеварении, как и во всяком отправлении животного тела, замечается особенный ряд впечатлений и вызываемых ими отправлений. Привычка и необходимость тех и других определяет новый порядок стремлений или сродства. Отсюда позывы, относящиеся к питательным веществам, или инстинкт питания; инстинкт этот быстро приобретает необыкновенное значение, так как он стремится к приятным впечатлениям и отвергает тягостные. Он укрепляется еще сильнее своими прямыми и постоянными отношениями с *инстинктом самосохранения*. Наконец, симпатия всех брюшных внутренностей с органами вкуса и обоняния производит то, что известная степень возбуждения последних сопровождает неизменно ряд впечатлений и отправлений, из которых состоит пищеварение. Это обстоятельство должно усиливать, и действительно усиливает энергию инстинкта питания; особенно оно делает позывы его более раздельными и ясными, и можно заметить, что совершенство их находится в прямом отношении с совершенством вкуса и обоняния.

§ IX. — По-видимому, одно из существенных свойств всякой живой, организованной материи состоит в способности производить самобытные колебательные движения, и во все продолжение жизни переходить из чередующегося состояния сокращений в состояние растяжений. Но эти перемены едва замечаются в клетчатых оболочках и еще менее уловимы в слизистых соках и в крови, в которых

[195] Явление это не следует объяснять сосанием, которое не может происходить без давления внешнего воздуха на высасываемую жидкость или на сосуд, в котором заключена она, при неизменяющейся пустоте того сосуда, в который поступает жидкость и при неизменяющемся же растяжении стенок его. Но сообщение полости сорочки с полостью желудка довольно свободно, так что вода первой может без особенного затруднения проникнуть во вторую посредством пищепроводного горла. Для этого вовсе не требуется никакого особенного инстинкта со стороны зародыша, и достаточно раскрытия рта и случайного растяжения полости желудка.

тем не менее открыты они остроумными опытами.[196] Высшую степень их энергии и напряжения представляют двигательные или мускульные волокна, которыми совершаются движения, побеждающие значительные сопротивления, ибо мускулы, составляющие настоящее орудие деятельной силы животных, суть более или менее объемистые пучки этих самых волокон, сокращения и растяжения которых производят все движения, исполняемые органами. Я должен заметить здесь, что я употребляю слово *растяжение*, а не ослабление, употребляемое школой Галлера, ибо в настоящее время несомненно доказано, что состояние волокон, противоположное сокращению, не всегда бывает страдательным, и что отправления многих важных органов происходят настоящим деятельным растяжением мускульных пучков.

Стремление к сокращению и к растяжению, составляющее основное свойство этих волокон, совершенно сходно, стало быть, со всяким другим животным стремлением; оно вытекает прямо и необходимо из природы организации. Это, в настоящем смысле слова, действительная потребность, энергия которой, продолжительность, возвращение и оттенки видоизменяются, смотря по природе отправлений и по состоянию органов, к которым принадлежат волокна или пучки их; а это стремление, укрепляемое более свободным возвращением движений вследствие привычки, устанавливает инстинктивные побуждения, свойственные вообще всей мускульной системе и в частности каждому мускулу или каждому двигательному волокну.

Вот, стало быть, еще новый инстинкт, инстинкт движения, новый ряд позывов, побудительные причины которых раскрываются природою с полною очевидностью, и мы можем уже предвидеть удивительное их устройство и предчувствовать их последствия. По мере своего развития инстинкт этот входит в тесную связь, как во многих отношениях сам он зависит от нервного влияния и от действия кровообращения, с другой стороны — с инстинктом питания, так как восстановление двигательных сил совершается скорее симпатией мускулов с пищеварительными органами, чем возобновлением и прикосновением питательных соков, и так как, сверх того, прочность точки опоры, поддерживающей грудобрюшную область при всех мускульных усилиях, зависит от состояния желудка, грудобрюшной преграды и всех смежных внутренностей. Таким образом, стремление к двигательной деятельности и характер каждого, отдельного движения находятся во многих отношениях в зависимости от стремлений к самосохранению и питанию; в бесчисленном множестве случаев они даже вызываются ими непосредственно; они содействуют им или, вернее, приводят их в исполнение и обнаруживают; наконец, они принимают тем более правильное и

[196] В крови, извлеченной даже из живых сосудов, замечены были чередующиеся движения сокращений и растяжений. Не эти ли непосредственные материалы мускульных волокон, плавающие в крови, сообщают им их свойство? и не принимают ли они какого-нибудь участия в биении артерий? См. «Основания физиологии» Дюма, монпельерского профессора; сочинение это еще более увеличило славу автора, и окончание его ожидается с большим нетерпением всеми друзьями науки.

верное направление, они тем лучше приспособляются к пользе животного, чем шире зависимость их от обоих первоначальных инстинктов и чем совершеннее и раздельнее последние. Отсюда происходят эти, столь замечательные различия в двигательных стремлениях в различных животных породах; этим же объясняются те странные явления, которые отвергаются некоторыми философами, за невозможностью составить о них точное понятие, и которыми пользуются в то же самое время многие духовидцы для подтверждения своих видений; явления и различия, одинаково принадлежащие общим законам каждой живой организации и видоизменениям этих законов в каждой породе или даже в каждом отдельном животном.

§ X. — Де-Траси, товарищ мой по Сенату и собрат по Национальному институту,[197] чрезвычайно остроумно доказывает, что всякое понятие о внешней форме тела предполагает впечатления, вызываемые сопротивлением, а последние становятся раздельны только вследствие чувства, рождаемого движением. Он доказывает, кроме того, что чувство движения зависит от чувства исполняющей его или силящейся произвести его воли, что ею только оно действительно существует; что вследствие этого ощущение самого себя или самосознание, или отличие самого себя от прочих существований может приобретаться только сознанием желаемого усилия, словом, что самосознание находится исключительно в воле.

На основании этого, мы полагаем, что зародыш уже получил первые впечатления, из которых составляется понятие о сопротивлении, о посторонних телах, о себе самом, ибо он производит движения, ограничиваемые и сдерживаемые облекающими его оболочками, он имеет потребность и желание, то есть, волю производить эти движения; что же касается до самосознания, можно думать, что для приобретения его ему достаточно уже ощущений благосостояния и неловкости, попыток продлить первое и прекратить вторую, и желаемых усилий, как бы они ни были смутны и неопределенны. Я прибавлю, что для получения ощущения от встреченного сопротивления, присутствие посторонних тел, по-видимому, вовсе не необходимо, потому что вес наших собственных членов и необходимая для приведения их в движение мускульная сила, которые, та и другая, весьма переменчивы, должны неизбежно привести *самосознание* в то самое положение, из которого, мы уже знаем теперь, вытекает понятие о посторонних предметах.

Таким образом, при появлении своем на свет, в головном мозгу зародыша существуют уже первые следы основных понятий, которые должны мало-помалу развиться отношениями его ко всему видимому миру и действием предметов на нервные его оконечности. Центральный орган этот, в который приносятся впечатления и из которого исходят побуждения, орган, который отличается от прочих отдельных нервных средоточий только тем, что общая воля управляет им или воспроизводится в нем ежеминутно, испытал уже многие видоизменения,

[197] См. Записки его в сборнике второго класса Института, а также его «Основания идеологии».

которые освобождают его из простых инстинктивных стремлений. Это уже не tabula rasa, как полагают многие идеологи: головному мозгу новорожденного знакомо уже сознание и воля; в нем, стало быть, существуют слабые понятия, а возвращение их и повторение уже вызвало побуждения. С этой точки зрения следует отправляться для аналитического исследования рассудочных отправлений с целью захватить их действительное, первоначальное происхождение. Мы сейчас увидим, что для точного ознакомления с их механизмом существуют еще другие, первоначальные данные, которые нельзя безнаказанно оставить без внимания.

Я не стану, впрочем, говорить здесь о впечатлениях, относящихся к всасывающей системе, хотя они не должны быть так смутны в зародыше, какими становятся впоследствии, в зрелом возрасте, в котором внимание, постоянно развлекаемое внешними предметами, отклоняется от внутренних ощущений, возбуждаемых этими впечатлениями. Вероятно, впрочем, что явления всасывания ограничиваются в том и в другом возрасте одним только чувством благосостояния или неловкости, а в случае ослабления всасывания в полостях внутренностей и в клетчатой ткани — состоянием нервного оцепенения и тупости, постоянно сопровождающих это ослабление.

Я не буду говорить также о симпатических проявлениях в зародыше, вызываемых его тесными отношениями с матерью. Я замечу только, что мать производит на него самое широкое влияние не только действием передаваемой ему питательной жидкости, но и силою, так сказать, нервного насиживания, которое испытывается им в матке, отменная чувствительность которой известна каждому. Отсюда вытекает полное согласие, полная связь существования и чувствительности зародыша и матери; этим объясняется передача болезней, нравственных расположений, некоторых привычек и склонностей от матери к зародышу: явления замечаются особенно резко при чрезмерной чувствительности одной и при слабости первоначальной организации другого. Предмет этот, разумеется, заслуживает более обстоятельного исследования, но для этого пришлось бы войти в подробности, несоответствующие размерам этого Мемуара.

Необходимо, впрочем, заметить еще, что зародышу уже несколько знакомы два рода ощущений, хотя соответствующие им органы приходят в полную свою деятельность только после рождения: я говорю об ощущениях света и звука. Множество физиологических и патологических фактов доказывает, что действие внешнего света не необходимо для того, чтобы мозговое средоточие и даже непосредственный орган зрения получили световые впечатления. Опыт также показывает нам, что известное давление на совершенно закрытые глаза вызывает представление светящихся пучков или бесчисленного множества искр, становящееся наконец утомительным. То же самое явление вызывается сильным сотрясением черепного свода; при многих болезнях нервов и головного мозга, в гипохондрии, в помешательстве, словом, в различных состояниях бреда, острого и

хронического, больной, среди совершенной темноты, нередко ощущает живой свет, видит постоянные или мимолетные огни, сильно освещенные и ярко окрашенные предметы. Впечатления эти бывают иногда при темной воде, когда глаза неспособны получать никакого непосредственного ощущения света. Поэтому, быть может, переступают за пределы истины, когда безразлично утверждают, что слепорожденный не может получать и никогда не получал никаких световых впечатлений; такое утверждение еще более смело, когда прилагается к зародышу, пользующемуся здоровыми глазами и зрительными нервами, одаренными тем родом чувствительности и такою ее степенью, какие необходимы для их отправлений. Но из этого вовсе не следует, что слепорожденный и даже зародыш могут иметь какое-нибудь понятие о свете дня или о красках, сравнивать которые и отличать возможно выучиться только при одновременном действии лучей света на глаз и на внешние предметы: без всякого сомнения это безусловно невозможно.

Что касается до слуха, то всякому известно, что орган этот может быть возбужден различного рода звуками, смотря по состоянию головного мозга и вообще нервов, особенно брюшных внутренностей. Известно также, что трение или простое, механическое прикосновение к внешнему уху могут дать ему способность различать более или менее раздельные звуки и шумы. Наконец, многие опыты, между которыми я укажу на произведенные под водолазным колоколом, доказали, что звуки могут передаваться через водянистые жидкости, что, говоря мимоходом, разрешило все сомнения относительно упругости их, долгое время формально отвергавшейся физиками. Но влажные, лимфатические, студенистые и слизистые жидкости, заключающиеся в оболочках зародыша, омывающие полости и проходящие по брюшным покровам матери, одарены несравненно большей упругостью вследствие растворенных в них оживотворенных веществ, не говоря уже о непосредственной сокращательной способности, приписываемой этим жидкостям многими физиологами. Таким образом, зародыш мог, стало быть, получить впечатления звука, или он слышал по крайней мере неопределенные шумы. По-видимому, даже довольно трудно понять, чтобы эти впечатления не повторялись во все время пребывания его в матке. Из этого не следует, впрочем, заключать, что воспитание уха было особенно значительно; но при утверждении, что внешние звуки производят в новорожденном совершенно незнакомые ему сотрясения, опираются на неточные физиологические понятия, и начинать ими аналитическое исследование ощущений, представлений и побуждений было бы предосудительно.

Таково приблизительно душевное развитие зародыша в минуту его появления на свет.

Состояние это во многих отношениях общее для целых классов животных; но понятно, что оно необходимо будет видоизменено в породах общими различиями в организации, а в неделимых некоторыми особенностями, зависящими от

организации отца и матери, и от впечатлений, которые непрерывно передаются матерью зародышу, находящемуся в ее утробе. Способ отправления чувствительности, возникающие суждения, стремления, привычки, словом, все находится тогда, как и будет находиться после, в зависимости от законов соответствующих животных сочетаний, от рода вызываемых ими отправлений, от образа их деятельности или от того, каким образом все движения, принимая слово это в самом широком смысле, связываются со свойствами и отправлениями чувствительности.

Приведением образования организованных тел и сопровождающих его явлений к особенным стремлениям, большая часть которых еще неизвестна нам, мы вовсе не имели в виду уменьшить справедливое удивление, возбуждаемое взглядом на растительную и живую природу. Таинственные и первоначальные законы, создающие эти стремления тем не менее останутся на вечные времена предметом размышления для мудрого человека. Мы пытались только ограничить несколько, если это возможно, область вымыслов и мечтаний, приблизиться как можно ближе к первым причинам, о которых, как доказано нами, мы не можем составить себе никакого удовлетворительного понятия. Мы имели в виду привести к одному началу, деятельность которого не может быть оспариваема, разумеется, в высшей степени достойные удивления факты, но люди, более одаренные воображением, чем рассудительностью, слишком часто представляли эти факты за ряд чудес, и поэтому факты эти, вследствие такого смутного и суеверного их толкования, косвенным образом стали опорою множества смешных и опасных заблуждений. Эти слабые или предубежденные умы, особенно шарлатаны, которые управляют теми и другими по своей воле, нередко подымают вопль о нечестии, когда физические науки проникнут за какой-нибудь окоп, за которым спрятаны конечные причины. Но был ли нечестивым Ньютон, когда подчинял одному и тому же закону все движения небесных тел, и следовательно, все общие явления, вытекающие для нас из смены дня ночью и из перемен времен года? Когда Франклин доказывал тождество электрической жидкости с молниею, был ли он нечестивым? Разумеется — нет. Кто воздерживается от желания проникнуть в первые причины, кто объявляет их недоступными для наших исследований, непостижимыми, неизобразимыми, тот вовсе не заслуживает обвинения в нечестии. Обвинение это, разумеется несравненно справедливее можно приложить к тем людям, которые желают заставить деятельную силу вселенной действовать согласно с их узкими воззрениями, подчинить ее своим химерам, страстям и капризам, — людям, которые, не довольствуясь определением и обозначением свойств ее, хотят еще быть истолкователями ее намерений, и, неспособные вопрошать законы природы, которыми только и сообщается с нами эта причина, готовы попирать, так сказать, ногами эти самые законы и с угрозами требовать почтения их свидетельства — свидетельству вселенной.

Но даже и этих людей не всегда можно обвинить в нечестии, ибо есть между ними такие, заблуждения которых искренни.

§ XI. — Предприятием, вполне достойным философии восемнадцатого века, было разложение разума человеческого и приведение всех его отправлений к небольшому числу главнейших: самым гениальным приемом ума была мысль рассмотреть отдельно каждый из внешних источников наших представлений или исследовать один за другим каждый орган чувств; постараться определить, что происходит с рассудочным органом под влиянием впечатлений, простых или сложных, сходных или различных; наконец, показать, каким образом сознанные впечатления, сравнение их и сочетание рождают суждения и желания.

До настоящего времени можно было делать полезные исследования о рассудочной способности, указывать на общие пути к истине, определять признаки, по которым можно узнать ее и обозначать лучшие средства для ее усвоения; но не имели еще и, быть может, не могли еще иметь никакого точного понятия, ни о том, каким образом происходят наши сообщения с внешним миром, ни о свойстве материалов для наших представлений, ни о ряде отправлений, которыми органы чувств и головной мозг получают впечатления от предметов, преобразовывают их в ощущения или в сознанные впечатления, а из последних слагается вся рассудочная и нравственная природа. Следует, впрочем, сознаться, что исследования эти, так сильно двинувшие идеологию, далеко еще несовершенны: они даже оставляют в голове много ложных понятий о характере отправлений чувствующей и мозговой системы, о том влиянии, которое они испытывают со стороны прочих органических отправлений, о необходимых отношениях между собою всех жизненных отправлений, выводя их одинаковым образом в каждой породе и в каждом неделимом из первоначальной организации и из соответствующего состояния различных частей тела. Предшествующие Мемуары, кажется мне, по крайней мере приготовили нас к исследованию этих различных вопросов. Они могут, полагаю я, дать более справедливые понятия о человеке, рассматриваемом с двух точек зрения, *физической* и *нравственной*, в которых все явления сведены к одному только началу. Для окончательного рассеяния всякой туманности, мне остается сделать несколько замечаний на прекрасные исследования Бюффона, Бонне и Кондильяка или, вернее, на некоторое ложное направление, которое они могут дать идеологии и (скажу смело) на препятствия, которые они, быть может, способны противопоставить ее успехам.

Без всякого сомнения, ничто так мало не похоже на настоящего человека, как статуя, которая предполагает, ни с того ни с сего, одаренною способностью испытывать раздельные впечатления, приписываемые каждому отдельному органу чувств, приносящие ей суждения и образующие побуждения. Каким образом могли бы исполняться различные эти отправления без постепенного развития органов, частная деятельность которых или взаимное содействие друг другу необходимы

для самого простого явления чувствительности, для самого нехитрого рассудочного действия, для самого неопределенного желания; без того, что уже рядом отправлений, вызываемых в них зарождающейся жизнью, органы эти получили мало-помалу род воспоминания, которое одно в состоянии развить в них способность исполнять свойственные им отправления, соединить их усилия и направить их к одной, общей цели.

Таким же точно образом, ничто так мало не похоже на то, каким образом действительно сознаются ощущения, слагаются представления и желания, как эти частные отправления отдельного органа чувства, если его уединить от всего организма и лишить даже жизненного влияния, без которого и быть не может ощущения. В особенности, ничто до такой степени не мечтательно, как взгляд на отправления рассудочного органа, как на самостоятельную, независимую силу, деятельность которой смело отделяется от бесчисленного множества симпатических органов, влияние которых на нее не только чрезвычайно обширно, но и нервы которых передают в головной мозг большую часть материалов для мысли или отправлений, принимающих участие в ее образовании.

Мы знаем, что прежде еще появления своего на свет зародыш получал в утробе матери множество различных впечатлений, из которых образовались в нем целые ряды стремлений, что он усвоил уже привычки, что он испытывает позывы и имеет уже побуждения. Эти впечатления и эти стремления вовсе не ограничены узкою сферою одного или нескольких органов, они не относятся к какому-либо одному из средоточий отраженной деятельности, управляющих отправлениями, не имеющими первостепенного значения. Образовавшись мало-помалу в известных, общих системах органов, они сделались общими для всего организма. Из них-то и вытекают привычки, склонности, побуждения, появление которых может быть объяснено только деятельностью всего нервного органа и совокупность которых составляет первоначальный инстинкт.[198]

Итак, в минуту рождения мозговое средоточие ребенка получало и слагало уже множество впечатлений; оно вовсе не *tabula rasa*, принимая слова эти в самом широком смысле. Впечатления эти, правда, все почти внутренние, и головной мозг, разумеется, *tabula rasa* относительно внешнего мира, ибо приобретение понятий о нем может быть плодом только повторенных и одновременных возбуждений всех органов чувств, а рассудочный орган, по отношению к внешнему миру, приходит в деятельность только тогда, когда предметы и вызываемые ими ощущения определяются и становятся раздельны для *самосознания*.

Но не может быть, чтобы ощущения, побуждения и суждения, появляющиеся только после рождения, были вне зависимости от предшествовавшего состояния

[198] Ниже будет объяснено, почему я называю их первоначальным инстинктом. В самом деле, в последующие эпохи жизни развиваются многие другие побуждения, которые равным образом должны быть отнесены к инстинкту.

зародыша. Достаточно немногих соображений, чтобы убедиться в этом: 1) характер и даже род ощущений находятся в зависимости от общего состояния нервной системы, ибо в особенности этим состоянием различаются породы и отдельные животные; 2) частные привычки различных органов или систем органов, связанных тесною симпатией с головным мозгом, не могут не оказывать влияния на его отправления, так как род деятельности, возбуждаемой в нем со стороны этих органов, обусловливается постоянно их чувствительностью и способностью производить движения, свойственные их природе; 3) направление мыслей и даже характер их до некоторой степени всегда обусловливаются предшествовавшими побуждениями, и огромное число суждений исключительно зависит от склонностей.

Словом, все отправления рассудочного органа необходимо видоизменяются общими или частными побуждениями или привычками инстинкта.

В самом деле, возможно ли, чтобы самые автоматические даже побуждения *инстинкта самосохранения* не оказывали влияния на способ нашего воззрения на предметы, на направление наших исследований по отношению к ним, на составляемые нами суждения о них? Могут ли позывы и отвращения, относящиеся к пище, не принимать участия в образовании или в направлении целого порядка представлений, имеющих такое важное значение, особенно в первом возрасте? Каким образом они не оказывали бы влияния на совокупность рассудочных отправлений теми изменениями, которые, как это доказано, постоянно вызываются ими в отношениях между желудком и головным мозгом? Каким образом, наконец, привычки всей чувствительной системы, внутренностей или других главнейших органов и характер их симпатий с мозговым средоточием остались бы вне этой цепи приведенных в порядок отправлений, совершающихся в нем и вырабатывающих мысль? Я не стану развивать эти соображения, ни многие другие, находящиеся в связи с ними: одного указания на них достаточно уже для настоящей их оценки. Подробное и всестороннее исследование рассудочной деятельности ребенка не принадлежит к вопросам, о которых можно бы было говорить мимоходом: оно должно составить предмет сочинения, которого недостает нам и приступить к которому в настоящее время, быть может, уже не так затруднительно.

Перейдем ко второму положению, и постараемся несколько разъяснить его: я говорю о положительной невозможности для какого бы то ни было отдельного органа чувства войти в независимую деятельность, или о невозможности возбуждения в нем свойственных ему впечатлений без присоединения к ним впечатлений прочих органов или без содействия органов симпатических. Вот в нескольких словах доказательства этого.

Прежде всего, не подлежит сомнению, что чувство осязания, первообраз или общий источник для всех других, до некоторой степени постоянно принимает участие в их отправлениях; что было бы невозможно, например, вполне отделить впечатления,

получаемые глазом, как органом зрения, от впечатлений, которые возбуждают его как часть, одаренную бесчисленным множеством чувствующих оконечностей. Глаз, нос, ухо, независимо от тонких, исключительно свойственных им ощущений, одарены чрезвычайно развитым чувством осязания; некоторые наблюдения над слепорожденными, которым возвращено было зрение, дают повод думать, что вначале действие на глаз света мало чем отличается от осязания, которым сетчатая оболочка ощущает каждою своею точкою прикосновение постороннего тела.

Известно, что звук производится колебанием воздуха, и в некоторых случаях колебания эти могут замечаться нервными оконечностями всей поверхности тела. Известно также, (каждый мог сотни раз делать это наблюдение над самим собою), что некоторые сильные запахи производят такое впечатление на слизистую оболочку, как будто обоняемые частицы вооружены остроконечиями, которыми и производят болезненное ощущение. Что касается до органа вкуса, то я считаю решительно излишним подтверждать им мои доказательства: в самом деле, все впечатления вкуса видимо родственны с осязанием, то есть, все они связаны с прямым физическим действием пищи или питья на сосочки языка и нёба.

Но и помимо этой общей связи, поддерживающей постоянные отношения между всеми чувствами, органы их могут еще находиться в более частной и тесной зависимости между собою; вследствие этого, соответствующие им отправления должны быть связаны такими же тесными отношениями. Соседство, непосредственное сообщение и сходство в анатомическом строении органов вкуса и обоняния не составляют единственного условия, связывающего эти чувства, и в некотором роде смешивающего их в общеизвестном физиологическом смысле; свойственные им ощущения связываются еще другими, менее материальными отношениями, хотя причины этих ощущений вполне различны и вовсе не сходны, ни по природе своей, ни по влиянию, оказываемому ими на весь организм. Сверх того, ощущения эти перемешиваются самым причудливым образом; они взаимно направляются, помогают друг другу, видоизменяют и могут даже исказить друг друга. Обоняние, по-видимому, есть руководитель и сторож вкуса; последний, в свою очередь оказывает могущественное действие на обоняние. Обоняние может уединить свои отправления от отправлений вкуса: что нравится одному, то не всегда бывает приятно другому. Но так как пища и питье не могут проходить через рот, не оказывая более или менее значительного действия на оболочки носа, то всякий раз, как они становятся неприятны для вкуса, они становятся неприятны и для обоняния, а пища и питье, противные для последнего, побеждают мало-помалу это отвращение, когда они нравятся вкусу.

Чтобы не потеряться в бесчисленном множестве представляющихся примеров, я ограничусь одним замечанием, самым важным по общему своему значению. Без всякого сомнения, далеко не одно и то же для каждого органа чувства — получать одинокие впечатления от действующих на него предметов, или получать их при

содействии другого или нескольких других чувств, то есть одновременно с впечатлениями, производимыми в них теми же предметами. При вышеприведенном предположении, например, когда Кондильяк заставляет свою статую нюхать розу, то ощущение ограничивается одним обонянием, оно не сопровождается никаким посторонним впечатлением: он имеет, стало быть, право сказать, что статуя *становится* по отношению к самой себе *запахом розы*, но ничего более, и это выражение, столь же точное, как и остроумное, передает в совершенстве простое видоизменение, испытываемое в ту минуту головным мозгом. Но если вместо этого совершенного уединения обоняния мы станем рассматривать деятельность его в согласии, как это и бывает почти всегда в действительности, с деятельностью всех или по крайней мере многих органов, если в то время как обоняние ощущает запах розы, зрение получает впечатления ее цвета, приятной формы, и руки, подносящей ее, если ухо слышит шаги и голос человека, держащего цветок, то можно ли предположить, что сознание и суждение мозга ограничится тем, что предполагает Кондильяк? И так как признано, что суждение изменяет или исправляет ощущения, то можно ли сомневаться в том, что запах розы не получил новых свойств вследствие одновременного содействия ему прочих ощущений? Если, наконец, желание стремится к удаляющемуся цветку, который не возвращается более, или если он возвращается, когда желания не существует, и эти чередующиеся обстоятельства повторяются так часто, что оставляют выразительные следы в головном мозге, то не представляют ли они совокупность данных, из которых должны вытекать представления или понятия о внешних предметах?[199] И хотя сопротивление желанию в настоящем случае не есть физическое сопротивление для желаемого движения, не достаточно ли уже одного его, особенно при вспомоществовании со стороны различных, посторонних ощущений, чтобы самосознание составило два раздельных понятия о том, что вне его?

Несомненно, что статуя, даже с точки зрения действия на нее одних только ощущений, производимых обонянием, в действительности все-таки не то, чем она должна быть по предположению Кондильяка, то есть не *простой запах розы*. Ибо, уже вследствие только того, что органы чувств не могут получать уединенных впечатлений и что они не действуют отдельно один от другого, они находятся в неизменной, взаимной зависимости; отправления их усложняются и видоизменяются, а результаты ощущений, свойственных каждому из них, принимают характер, обусловливаемый природою и соответствующий степени того влияния, которому подчинен каждый из них.

Мало того: особенные симпатии связывают органы каждого чувства с различными другими органами, всякое возбуждение которых они разделяют и состояние

[199] Хотя сам я склоняюсь к тому, что явление происходит именно таким образом, я не решаюсь произнести решительное слово об этом важном вопросе: мой товарищ, сенатор де-Траси, придерживается противоположного мнения, а мнения его, по-моему, весьма полновесны.

которых оказывает влияние на характер свойственных им ощущений. Многие болезни нервной системы, некоторые болезни, относящиеся исключительно к желудку и к грудобрюшной преграде, способны до такой степени исказить отправления слуха, что все звуки совершенно изменяются, слышатся такие, какие вовсе не существуют, или является полнейшая глухота. Брюшные внутренности оказывают такое же могущественное влияние и на отправления зрения. Большая часть глазных болезней зависит от вредных веществ, попавших или скопившихся в пищеварительном канале: некоторые гипохондрические припадки и различные расстройства матки и яичников мгновенно парализуют зрительный нерв и производят временную слепоту. Мы заметили в другом месте, что обоняние находится в необыкновенной симпатической связи с органами воспроизведения. Не менее тесная связь существует между обонянием же и пищеварительным каналом, и если различные болезненные состояния пищеварительных органов могут исказить впечатления запахов, то многие болезни брюшных внутренностей совершенно уничтожают способность получать их. Что касается до вкуса, всякому известно, что ощущения его находятся в полном подчинении сознанию общего благосостояния или болезни, особенно же чувству, вызываемому состоянием желудка и других частей, принимающих прямое участие в пищеварении, состоянием, которое направляет его обыкновенно с необыкновенной безошибочностью, что касается до выбора пищи и до ее количества, если только воображение не извратит этого благодетельного инстинкта.

Заметим еще, что так как каждое чувство не может войти в деятельность иначе, как в силу предварительной деятельности всех общих систем органов, и поддерживаться только силой всех одновременных отправлений, то оно неизменно и необходимо испытывает на себе влияние их привычек и более или менее разделяет самые обычные их возбуждения. Таким образом, степень чувствительности нервной системы и равновесие ее с двигательной системой оказывают сильное влияние на характер впечатлений, получаемых отдельно каждым органом чувств. Этим-то обстоятельством, столько же, если еще, быть может, не больше, чем непосредственным состоянием органа, приводимого в деятельность, объясняется сила их или слабость, живость или вялость, продолжительность или мимолетность. Таким образом, состояние кровообращения и привычки кровеносной системы придают ощущениям различный характер, который напрасно старались бы мы объяснить особенным строением органа чувства, получающего эти ощущения; ничтожного различия в одной скорости обращения соков достаточно, чтобы исправить или исказить, оживить или притупить разом все ощущения.

Заметим, наконец, что все органы чувств исполняют свойственные им отправления только в силу своих прямых и постоянных сообщений с головным мозгом, что на них первых отражаются изменения в его строении и что состояние его есть условие,

более всего способное видоизменить и даже вполне прервать порядок и характер ощущений.

Я остановлюсь на этом: новые доказательства мало придали бы весу тому, что уже сказано мною. Мы можем, стало быть, с полной уверенностью сделать заключение, что при рациональном анализе невозможно отделить отправления ни одного органа чувств от отправлений остальных; что все они иногда необходимо, но большей частью случайно, содействуют друг другу; что все отправления их находятся в постоянной зависимости от влияния различных органов или внутренностей, и что они определяются и направляются еще более прямой и могущественной деятельностью общих систем, особенно мозгового средоточия.

Соображения эти открывают совершенно новые пути для изучения человека; они обозначают с большей точностью источники, из которых рождаются и которыми направляются первые стремления, первые представления и первые побуждения; словом, все изложенные соображения, в совокупности своей, представляют программу и как бы план нового «Трактата об ощущениях», исполнение которого в обозначенном направлении и со всеми необходимыми подробностями, может быть, было бы не менее полезно в настоящую минуту для успехов идеологии, чем был полезен в свое время трактат Кондильяка.

Об инстинкте.

§ I. — Обстоятельное изложение подробностей относительно инстинктивных склонностей, развивающихся в зародыше, прежде чем внешний мир подействует на него, позволяет мне представить в нескольких словах то, что осталось мне сказать об инстинкте вообще.

Мы видели, что частицы или материалы, из которых образуются животные вещества, сами составляют только особенные сочетания, являющиеся следствием постоянного стремления друг ко другу всех частиц материи. Мы видели далее, что организация есть результат новых стремлений, получаемых этими материалами при своем образовании, и что по мере увеличения числа сочетаний, последние устраиваются по иным законам и получают новые свойства; что образуются, наконец, другие, особенные стремления, из которых в свою очередь рождаются новые порядки явлений, по-видимому, не имеющих ничего общего со стремлениями предшествовавших, первоначальных сочетаний. Таким образом, сильное стремление азотной кислоты к поташу не замечается ни в азоте, ни в кислороде, а свойства различных эфиров не обнаруживаются ни в спирте, ни в соответствующих им эфирных кислотах.

Природа каждого сочетания, разумеется, зависит от природы составляющих его веществ, но она зависит также и от относительного количества их и от условий, при которых они слагаются. Условий этих бывает нередко достаточно для совершенного

изменения последствий. Если, например, сера, недостаточно насыщенная кислородом, образует летучую кислоту с острым запахом, то та же самая сера и тот же самый кислород, при полном насыщении, образуют кислоту тяжелую, постоянную и почти без запаха. Таким же точно образом, достаточно некоторых особенных и различных условий, при которых соединяются азот и кислород, чтобы образовались, то азотистая, то азотная кислота, то простой атмосферный воздух.

Мы уже признали из физиологического исследования ощущений, и подтвердили новыми доказательствами, что деятельность нервной системы, как органа чувствительности и как источника жизненных отправлений состоит в соединении в общем средоточии впечатлений, полученных чувствующими оконечностями, и в распространении из него, силою настоящей отраженной деятельности, последовательных и соответствующих побуждений, приводящих в движение все части, входящие в сферу деятельности этого самого средоточия. Кроме того, мы убедились, что в животном организме может существовать первоначально или образоваться силою последовательных жизненных привычек более или менее значительное число этих нервных средоточий, которые, несмотря на свое подчинение общему средоточию, одарены собственною им чувствительностью, оказывают свое собственное влияние и часто остаются уединенными в соответствующей им области относительно, то получаемых впечатлений, то исполняемых движений; тогда же замечено было нами, что в общем средоточии отраженная деятельность получает характер воли и что в нем находится самосознание; что если все органы могут оказывать на него действие, соответствующее их значению, то образующиеся внутри его самого побуждения охватывают собою все органы и согласуются с их различными отправлениями и с состоянием каждого из них отдельно. Исследовав, наконец, что различные системы органов и относящиеся к ним потребности развиваются неодновременно, но последовательно и постепенно; что позывы, вызываемые этими потребностями или составляющие эти самые потребности в деятельном состоянии, слагаются необходимо в чередующемся порядке, мы заметили, что с каждою системою органов зарождается и упрочивается особенное, свойственное ей, инстинктивное стремление: сначала *самосохранения*, потом тесно связанного с ним питания и, наконец, *движения*, находящегося в зависимости от того и другого; и так как все потребности, которые не могут существовать для нас отдельно от способностей, отнесены нами к животному стремлению, вызываемому каждым новым сочетанием,[200] то нам удалось, не выходя из несомненных физиологических фактов и из непосредственных аналогий, доставляемых законами, общими всем частицам материи, составить простое и определенное понятие о живущем, чувствующем и желающем животном, появляющемся на свет из яйца или из материнской утробы. Но точно такими же способами и точно таким же рядом отправлений образуются и

[200] Не должно думать, что эти сочетания происходят только во время образования животного или только в первый период его жизни: в нем ежедневно могут слагаться новые, до несомненной смерти его.

впоследствии его понятия относительно различных предметов внешнего мира, склонности или страсти, вызываемые этими понятиями, и побуждения, сознаваемые в силу этих страстей и склонностей; я хочу сказать, что впечатления, получаемые нервными оконечностями, из коих состоят непосредственные органы чувств, переданные в мозговое средоточие, вызывают в нем отраженную деятельность и стремления, согласные с природою этих органов, как это происходило до той поры с идущими от внутренностей впечатлениями, которые только и получались в отдельных средоточиях и в головном мозгу.[201]

Впрочем, что касается до результатов, то легко заметить в них некоторое различие. Так как *самосознание* находится только в общем средоточии, то все отправления, не выходящие из сферы частных средоточий, не могут вызвать, ни замечаемого суждения, ни чувствуемого желания, и так как приходящие от внутренних нервных оконечностей впечатления далеко не так раздельны и не могут так разлагаться и приводиться в порядок, как впечатления, доставляемые собственно органами чувств, то как они, так и последствия их всегда бывают, да легко понять, что они и должны быть несколько смутными и неопределенными.

Итак, первые стремления и первые привычки инстинкта составляют ряд законов образования и развития органов; они особенно принадлежат внутренним впечатлениям и побуждениям, вызываемым последними во всем организме животного. Образующиеся в последующие эпохи жизни проникаются несравненно сильнее участием и влиянием впечатлений внешнего мира, получаемых органами чувств, но существованием своим они обязаны всегда состоянию нервных разветвлений, рассеянных в глубине внутренностей и главнейших органов, а иногда так и внутренним расположением в самой мозговой системе, и постоянно бывают запечатлены смутным характером, доказывающим слабую их зависимость от рассудка и воли.

§ II. — К первому классу этих привычек и стремлений явным образом должно отнести те, которые обнаруживаются в минуту появления на свет животного. Таким образом, неосвободившаяся еще совершенно от яичной скорлупы перепелка или куропатка бежит уже за зерном или насекомым; котенок и щенок со слепыми глазами тянутся к соску матери; утенок стремится к воде, как только почувствует близость ее, и бросается в нее, как только ее увидит, несмотря на беспокойные крики матери, принадлежащей к другой породе и предупреждающей о кажущейся ей для него опасности; молодая черепаха, которая не обсохла еще от жидкости яйца, из которого она с трудом выползла, немедленно направляется к морю, избирает дорогу, не сворачивает с нее, и десять раз пускается в путь, несмотря на расстояние, и куда бы ни обратили ее головой; все эти явления относятся к

[201] Я считаю бесполезным присоединять, что впечатления, получаемые органами чувств, сами согласуются с предшествовавшими инстинктивными привычками и что они видоизменяются еще современными им, внутренними впечатлениями.

первоначальным стремлениям, и вытекают из законов организации и из порядка ее развития. Быть может, следовало бы поместить в тот же класс некоторые другие склонности или особенные побуждения, получающие всю свою силу гораздо позже, когда тело животного примет почти все свое развитие, как например инстинкт охотничьей собаки, которая, смотря по породе, к которой принадлежит, следует за тою или другою дичью, и пользуется естественно, без всякого предварительного воспитания, различными средствами для ее достижения; свирепость тигра, который не поддается ни строгому, ни ласковому обращению и, несмотря на то, что досыта упитался мясом и кровью, еще с большею яростью бросается на все, что хоть сколько-нибудь одушевлено жизнью; ненависть хорька к кролику, один вид и запах которого, даже на далеком расстоянии, немедленно приводят его в бешенство, которого он тотчас же признает за своего врага, к истреблению которого он чувствует непобедимое стремление, несмотря на то, что никогда не видал его, несмотря на то, что в его памяти нет и следа, относящегося к этому безвредному для него и слабому животному.

В самом деле, все эти стремления инстинкта существенным образом зависят от внутренней природы организации; первые черты их начерчены, разумеется, в мозговой системе в самую минуту зарождения зародыша, и если энергия их развивается уже в зрелом почти животном, то это потому что для выражения ее необходима более значительная степень силы в членах. Но, как бы то ни было, мы отнесем ко второму классу инстинктивных привычек и побуждений, то есть, к тому, который представляют собою последующие эпохи, более или менее удаленные от рождения, побуждения, вызываемые развитием некоторых отдельных органов, например органов воспроизведения; стремления или отвращения к некоторым веществам,[202] служащим пищею или лекарством, замечаемые в большей части болезней; инстинкты или даже страсти, несвойственные породе и встречающиеся при некоторых поражениях нервной системы.

Достаточно, впрочем, напомнить в настоящем случае то, что было говорено в другом месте об этих различных явлениях; и вовсе не входя в новые подробности, можно считать несомненным, что инстинктивные стремления, наступающие в продолжение жизни, вытекают, подобно тем, которые обнаруживаются животным тотчас по своем рождении, из внутренних впечатлений, при своем происхождении нисколько не зависимых от впечатлений, получаемых собственно так называемыми органами чувств, хотя вскоре примешиваются ко всем ощущениям, и до некоторой степени могут быть видоизменены рассудком и волею.

Основываясь на замечаниях, изложенных в этом Мемуаре, а также на тех, которые приведены нами в физиологическом исследовании ощущений, мы не можем

[202] Ниже мы увидим, что стремления и отвращения зависят от одного рода причин: таким же точно образом, в электрической и магнитной жидкости, в которых обнаруживаются притяжение и отталкивание, оба эти явления управляются или находятся в зависимости от одних и тех же законов.

сомневаться, ни в существовании порядка побуждений и склонностей, порождаемых впечатлениями, почти независимыми от внешнего мира, ни в характере, отличающем эти склонности и эти побуждения воли, вытекающие из более или менее отчетливо ощущаемых, но действительно *сознаваемых* впечатлений, ни в существовании условий, которые почти всегда слагают и соединяют, а иногда и смешивают оба рода этих склонностей. Я полагаю, что совокупность этих замечаний проливает новый свет на изучение человека. Я полагаю также, что если профессор Драпарно [203] исполнит прекрасный план предположенных им опытов для обозначения соответствующей степени развития рассудочных способностей или чувствительности, свойственных различным породам животных, и для начертания, так сказать, идеологической лестницы их, то ему небесполезно будет принять за точку отправления те положения, к которым привели нас наши исследования. Быть может, он согласится, что изыскания его должны быть направлены в том же смысле; и может быть еще, что не окажется с нашей стороны излишней смелостью предсказание, что он постоянно встретит тем более прямой и прочный инстинкт, чем проще средства для самосохранения и для питания, или чем проще сама организация; что он найдет его тем более развитым, широким и живым, чем изощреннее будет чувствительность внутренних органов и чем значительнее будет влияние их на мозговое средоточие; что для оценки, наконец, степени рассудочных способностей каждой породы почти постоянно будет ему достаточно знать только грозящие ей опасности, затруднения для приыскания себе пищи и количество впечатлений, необходимо получаемых ею со стороны внешних предметов, особенно со стороны прочих живых существ, будет ли она жить с ними в мире и в согласии, или вести с ними жестокие и постоянные войны.

О симпатии.

§ I. — По общему закону, не допускающему никаких исключений, частицы материи стремятся друг к другу. По мере того, как частицы эти, которые мы предполагаем простыми и первоначальными, сближаются, соединяются и слагаются, они получают новые стремления. Дальнейшие притяжения между ними совершаются уже не случайно: с этой минуты тела стремятся друг к другу по выбору; они оказывают друг другу предпочтение; и чем далее они удаляются от первоначальной простоты, тем легче замечается обыкновенно в новых стремлениях их тот характер сродства, законы которого, по-видимому, представляются основным порядком вселенной.

Организованное вещество, особенно животное, вызванное первоначально теми же средствами и в силу тех же законов, остается в подчинении им при всех дальнейших развитиях своих, во всех последовательных сочетаниях, к которым оно стремится

[203] Драпарно, профессор общей грамматики в центральной монпельерской школе, столько же замечательный естествоиспытатель, как и философ.

до минуты совершенного своего разложения. Из этого непосредственно вытекают все явления, в которых выражается самобытность жизни, все внутренние отправления, развивающие органы животного, и все первоначальные движения, раскрывающие и запечатлевающие собою его склонности и действительные побуждения.

Во всяком отдельном организме сходство или аналогия веществ влекут их преимущественно одно к другому; по-видимому, даже, сливаясь друг с другом они становятся все более и более сходными. Таким путем одушевленные части мало-помалу вырастают и восстанавливаются ежедневные потери; таким образом совершенствуется организация и исправляются искажения, неизбежные при выборе пищи или при ее употреблении, и более или менее важные беспорядки, столько же неизбежные при многочисленных отправлениях, содействующих пищеварению.

Животные вещества оказывают тем сильнейшее взаимное сродство, они стремятся к организации тем непосредственнее, чем более уже оживотворены они. Таким образом, например, когда студенистое и волокнистое вещество находятся вне потока кровообращения, в котором они держатся в разъединенном состоянии, то волокнина, отличающаяся большею степенью оживотворения, захватывает студенистое вещество, увлекает его, так сказать, в сферу своей деятельности и, сообщая ему часть своего стремления к сгущению, организует его в оболочки, принимающие различные строения и различные степени его, смотря по форме, по отправлениям и по чувствительности соседственных частей.

Пойдем далее; мы увидим слизистые излития, состоящие из лимфы, волокнистого и студенистого вещества, часто образующиеся во время воспалительных болезней в сильно пораженных внутренних частях; они организуются тем поспешнее, они приближаются тем сильнее к состоянию живых частей, чем более чувствительны или деятельны эти внутренние части; и если только условия хоть сколько-нибудь будут благоприятны для их взаимного соединения, то вскоре нервы и сосуды последних распространяются и спаиваются с соответствующими им нервами и сосудами другой части, так что можно следить глазом за случайным образованием этого, покрывающего их нароста. Точно таким же образом стягиваются разрезы, материалы которых, хорошо известные в настоящее время, суть слизистые жидкости, встречающиеся обыкновенно в клетчатой ткани; в самом деле, соки эти, смешиваясь с волокнистыми веществами, отделяемыми воспаленными органами, сгущаются в крепкую ткань, в которой вскоре развиваются все жизненные явления: самобытное движение, обращение соков, чувствительность.[204] Наконец, части вполне организованные и приложенные друг к другу таким образом, чтобы грубая кожица или водянистые соки не препятствовали их соединению, сращиваются подобно черенкам деревьев, сложенных при прививке; их соответствующие нервы

[204] Известно, что Крюксганк, а после него Фонтана видели возрождение нервов.

и сосуды, стремясь друг к другу и спаиваясь между собою, проникают из одной части в другую, так что обе они слагаются в одну, живут одной, общей жизнью, и всякое отдельное движение, исполняемое одной из них, соответствует впечатлениям, которыми они обмениваются и взаимно посылают из одной в другую. Это явление подало Тальякоти, хирургу шестнадцатого века, странную, но весьма остроумную мысль — восстанавливать некоторые части лица, как нос, губы, и проч., разрушенные болезнями или ранами. Он делал надрез, открывал живое мясо, и прикладывал к нему необходимую часть клетчатой ткани, например руки, и не трогал до тех пор, пока не был уверен, что прививка удалась на всех точках. Все хирургические сочинения говорят об этом средстве или, вернее, упоминают о нем, ибо, по-видимому, к нему прибегали весьма редко даже во время жизни изобретателя; а впоследствии, по причине сопровождающих его затруднений, оно решительно было оставлено.

Все, сказанное нами, относится к животному веществу, одаренному жизнью; в этом только состоянии, которое само, как мы сейчас говорили, находится в зависимости от условий его первоначального образования и от устойчивости одних и тех же расположений, проявляется это могущественное стремление к взаимной организации. Но как только оно будет охвачено смертью, то, чем более энергическим стремлением к образованию новых соединений одарены были его частицы, тем поспешнее они разделяются смертью и тем скорее, следовательно, разрушаются тела, которые состоят только в правильном их сочетании.

§ II. — Симпатия, как стремление одного живого существа к другим существам того же или различного с ним вида, входит в область инстинкта; она даже в некотором роде и есть самый инстинкт, если принимать ее в самом широком значении. Животное стремление и отвращение, как мы уже заметили, находится в зависимости от того же порядка причин, от потребностей животного и от его организации. Но последняя явно обусловливается обстоятельствами, управлявшими первоначальным образованием средоточия жизненного притяжения. Инстинкт этот, выросший, видоизмененный, преобразованный потребностями, развивается по всем направлениям, принимает различный характер, проходит через все степени и оттенки, начиная с мягкого и живого общественного стремления человека, пчелы, муравья, до произвольного, дикого одиночества кабана, до ненасытимой ярости тигра; и так как потребности животного обусловливаются его породой, то все инстинктивные стремления, находясь в зависимости от потребностей, необходимо должны согласоваться со всеми степенями и со всеми способами оживотворения.

Вот причина, почему, например, стремление к самосохранению побуждает робкую породу обращаться в бегство при виде какой бы то ни было змеи, между тем как другие породы, побуждаемые инстинктом питания, храбро бросаются на них, раздирают на части и пожирают. Все породы гремучих змей распространяют на

далекое расстояние вокруг себя ужас одним звуком своих хвостовых чешуй и отвратительным своим запахом; они приводят в неподвижное оцепенение слабых животных, которые чаще всего не покушаются даже бежать от них; они нередко приводят в такое же состояние самих птиц, которым, по-видимому, ничто не мешает укрыться в воздухе от их смертоносных зубов. Но некоторые, более смелые животные, как тапиры или даже свиньи, перевезенные из Европы в Америку, без всякого страха хватают их, раздирают на части и глотают прежде, чем в них потухнет жизнь.

Лев одарен такою могущественною силою, он вооружен такими страшными зубами и когтями, что все почти животные с ужасом бегут от него. Судя по рассказам путешественников, смело проникших в знойные пустыни, в которых крепкие мускулы и могущественная его природа получают полное свое развитие, собаки, лошади, быки теряют всякую бодрость в его присутствии; они трепещут от ужаса и убегают, как только издали раздастся его голос; они дрожат, шерсть их подымается, тело их покрывается потом, когда где-нибудь по соседству рыщет лев, хотя присутствие его часто не обнаруживается еще никаким заметным признаком для человека;[205] и этот таинственный, инстинктивный ужас их не раз служил благодетельным предостережением для путешественника, заблудившегося в лесу вместе с ними. Несмотря на это, потребность в пище и общие интересы связали льва с шакалом, породою, одаренною более тонким обонянием, большею проницательностью для отыскания добычи, большею ловкостью и настойчивостью для ее преследования и согласившеюся охотиться в его пользу, то есть загонять дичь в его когти, с условием получить свою долю в добыче. Таким же точно образом, новоголландские собаки,[206] составляющие нечто среднее между шакалом и лисицею, одарены ненасытимою алчностью ко всякой породе птиц и не поддаются никакому исправлению несмотря на то, что во всяком другом отношении собаки эти необыкновенно послушны. Чтобы не увеличивать числа относящихся сюда примеров, заметим, наконец, что в орле и в орлице инстинкт общественный и семейный, относительно выведенных ими орлят, побеждается индивидуальными потребностями самосохранения: они не задумываясь прогоняют слабых еще орлят из своих владений в воздухе и на земле, которые считают принадлежащими исключительно только себе.[207]

Я останавливаюсь особенно на отвращении (антипатии), потому что примеры симпатии представляются во множестве всеми общественными породами и потому что симпатия есть в некотором роде общий закон живой природы. Легко понять, что исключения обусловливаются всегда враждебным состоянием, вызываемым

[205] См. различные Путешествия в Африку, в особенности путешествия Левальяна, Снормана, Патерсона и проч.
[206] См. Коллена о построении Ботани-бея (приложение).
[207] Морские орлы, населяющие острова больших северо-американских озер, живут мирно многочисленными стаями, вследствие огромного количества рыбы, доставляющей им обильную и легко добываемую пищу.

необходимостью или некоторым особенным строением тела, определяемым физическими свойствами составляющих его частиц. Для симпатического стремления друг к другу двух одушевленных существ достаточно, чтобы потребности их при начале своего происхождения не вынуждали их избегать, нападать и пожирать друг друга; чтобы передаваемые из поколения в поколение впечатления не обратили этих стремлений в устойчивый инстинкт, или чтобы известные привычки организма, известные сочетания представлений, воспоминаний и даже самых смутных возбуждений не производили в них искусственного инстинкта, или же наконец, для этого, может быть, необходимо, чтобы взаимные их расположения относительно животной электрической жидкости или всякого другого животного начала, способного отделяться от их тела и образовать вокруг их отвращающую от них атмосферу, не ставили их друг к другу в такое положение, которое необходимо должно вызвать отвращение.

Все сказанное в особенности прилагается к симпатическим инстинктивным стремлениям, слагающимся и рождающимся вместе с животным. Стремления, развивающиеся в последующие эпохи жизни, представляют совершенно подобные же явления, и отличаются только разве временем, в которое они обнаруживаются, характером привычек, уже усвоенных тогда организмом и природою органов, состоянием или возбуждением которых они непосредственно вызываются. И подобно тому, как в болезнях, с одной стороны, обнаруживаются различные позывы к предметам наших физических потребностей и различные побуждения, направляющиеся к известным определенным существам, а с другой стороны, появляются особенные антипатии, отвращения, омерзения, таким же точно образом, два стремления, два побуждения природы, запечатленные самою сильною симпатией, любовь и материнское чувство, рассматриваемые как простые животные стремления, не всегда обозначаются теми физическими склонностями, которыми они исключительно отличаются; весьма часто они видоизменяются, нередко они искажаются преобладающими отвращениями, не всегда обусловливаемыми одними только препятствиями, встреченными для удовлетворения потребности. И, что всего замечательнее, самые поразительные искажения симпатии встречаются вообще в породах и в отдельных животных, одаренных чрезвычайною нервною чувствительностью; частью вследствие встречаемых ими препятствий, для удовлетворения потребностей, частью вследствие полного искажения инстинкта, именно в них, рядом с этою симпатией и даже вследствие непосредственного ее действия, встречаются самые странные антипатии, самые непобедимые отвращения, доходящие до слепого неистовства.[208]

[208] Многие животные из самых умных пород, как кошки, и из одаренных самою нежною материнскою любовью, как куры, иногда убивают и пожирают своих маленьких. Не должно смешивать этого искажения инстинкта со слепою прожорливостью глупых пород, как например, свиньи, тоже нередко съедающей своих поросят.

Это рассудочное и нравственное явление зависит еще от непосредственных физических причин, оно обусловливается другим физиологическим законом, о котором мы неоднократно упоминали; я имею в виду, что самые чувствительные существа легче всего подвергаются судорожным болезням и различным искажениям чувствительности.

§ III. — Симпатия вытекает вообще из чувства самосознания, из сознания, хотя бы и весьма смутного, воли: она даже необходимо связывается с этим чувством и с этим сознанием. Мы можем разделять страдание какого-либо существа только в силу того, что предполагаем в нем такую же способность чувствовать, какою обладаем сами. В самом деле, каким бы образом без этого понять это страдание? Чтобы предположить, что животное чувствует, необходимо предположить в нем *самосознание*. Когда поэты желают сильнее заинтересовать нас цветами, растениями и лесами, они одушевляют их инстинктом и жизнью; когда они имеют в виду оживить пустынное место предметами, которые сильнее подействовали бы на наше сердце, они одушевляют реки, горы, пещеры, скалы.

С той минуты, как мы одарили какое-либо существо ощущениями, побуждениями, самосознанием, как бы мало ни возбуждало оно наше внимание, мы не можем быть к нему равнодушны. Симпатия влечет нас к нему или антипатия отталкивает нас от него; мы присоединяем себя к его существованию, или оно становится для нас предметом ужаса, отвращения, ненависти и гнева. Для существа, одаренного чувствительностью, столь же естественно стремиться к тому, в чем он предполагает такое же чувство, отождествляться с ним или избегать его присутствия, ненавидеть представление о нем, как стремиться к ощущениям удовольствия и избегать неприятных ощущений.

Без всякого сомнения, как только расположения эти поднимутся над чистым инстинктом, то есть, как только они перестанут быть простыми животными стремлениями, или побуждениями, относящимися к самосохранению животного, к питанию, к развитию и к употреблению образовавшихся органов, то они становятся преимуществами, которыми мы можем пользоваться, действиями, которых мы желаем или которых мы опасаемся, намерениями, которые мы предполагаем в них относительно нас, деятельностью, которую мы надеемся или не надеемся подчинить нашей воле. Но в эти последние чувствования входит незаметным образом множество соображений. Могущественная потребность действовать на постороннюю волю и присоединять ее к своей собственной, из чего можно вывести большую часть явлений нравственной симпатии, под влиянием жизни становятся сильно осмысленным чувством, так что на самое мимолетное только время может оно быть отнесено к первоначальному стремлению инстинкта, но тем не менее оно никогда не бывает вполне свободно от него.

О симпатии следует сказать то же самое, что и о других первоначальных инстинктивных стремлениях: хотя она образуется в силу привычек организма,

предшествующих рождению животного, она исполняется различными органами чувств, с отправлениями которых она связана заранее законами организации, во впечатлениях которых она присоединяется, ими освещается и направляется. Зрение, обоняние, слух, осязание становятся поочередно, а иногда совокупно орудиями для ее проявления. Живые, светлые, так сказать, воздушные, как и вызывающее их начало, симпатические впечатления составляют не только источник бесчисленных представлений и познаний, но они рождают еще или обусловливают множество душевных побуждений, которые не могут быть отнесены вполне к рассудочной деятельности. Ощущения, получаемые глазом от живых существ, отличаются по характеру своему от ощущений, доставляемых неодушевленными предметами. Их формы, краски, положение относительно других тел природы, даже ожидаемая от них польза или вред не достаточны для объяснения особенного рода вызываемых ими внутренних движений. Взгляд на произвольное движение дает нам знать о том, что они одарены самосознанием, подобным тому, которым связано наше собственное существование. С этой минуты устанавливаются между нами иные отношения, и, может быть, независимо от побуждений и представлений, обнаруживаемых внешним видом их или игрою их физиономии, светлые лучи, вытекающие из их тела, особенно из глаз, одарены некоторыми физическими свойствами, отличными от лучей, исходящих из тел, лишенных жизни и чувства.

У птиц, у которых преобладающий орган чувств есть зрение, с отправлениями этого органа связана предпочтительно большая часть инстинктивных стремлений. Рассекая воздух, острым зрением охватывают они обширное пространство; из самых высоких слоев атмосферы устремляют они глаза в самые низменные долины и в самую глубину леса. Этим широким и могущественным взглядом отыскивают и узнают они издалека предмет своей любви; отлучаясь на далекое расстояние за пищею для маленьких, они могут не упускать из виду гнезда, знать о малейшей опасности для них и немедленно спешить к ним на помощь. Тою же самою способностью они подстерегают добычу, преследуют ее и падают на нее как молния, рассчитывая пространство с необыкновенною верностью и пролетая его с удивительною точностью; ею же они замечают и разрушают все намерения всякого, подстерегающего или преследующего их неприятеля.

§ IV. — У животных, зрение и слух которых не прилагается к разнообразным предметам, в особенности, если им не приходится замечать множества отношений между ними, по-видимому, главный орган инстинкта есть обоняние; оно же, поэтому, есть главный орган симпатии. Многие породы явным образом направляются к существам той же или иной с ними породы отделяемым их телом запахом, который указывает след их и дает знать о их присутствии гораздо ранее, чем услышат их уши или увидят глаза. У четвероногих, рождающихся и остающихся некоторое время после рождения с закрытыми глазами, обоняние и осязание составляют, по-видимому, единственный руководитель первоначального

инстинкта, между тем как цыпленок, маленькая перепелка и куропатка, тотчас по выходе из яйца, пользуются необыкновенно верным зрением и, бегая за насекомыми, они точно приспособляют к расстояниям мускульные усилия своих ног, и так же безошибочно направляют мускулы головы и шеи, чтобы схватить слабым клювом свою маленькую добычу. Щенки и котята, привлекаемые приятною и влажною теплотою матери, особенным запахом ее тела и грудей, наполненных молоком, поворачиваются к ним, отыскивают их и овладевают этими хранилищами, в которых первая пища их уже вполне приготовлена природой. В период любви самцы и самки чувствуют присутствие и узнают друг друга издали при содействии запаха, отделяемого их телом, которое одарено в эту эпоху большей жизненностью.

Можно предположить, что каждая порода и даже каждое отдельное животное испускает особенный запах, что вокруг него образуется как бы атмосфера из животных испарений, постоянно возобновляемая самою жизнью;[209] и когда животное перемещается, то постоянно оставляет за собою частицы, по которым могут безошибочно следить за ним животные той же породы или другой, одаренной тонким обонянием. Таким образом собака отличает след зайца, лисицы, оленя и лани; между многими оленями она умеет распознать след того, за которым она прежде всего бросилась, и вовсе не допускает обмануть себя хитростями, употребляемыми преследуемым животным против такого верного и опасного для него инстинкта.

Испарения молодых и сильных животных вообще здоровы; поэтому, они вызывают приятные, более или менее замечающиеся впечатления. Отсюда рождается та склонность инстинкта, которая привлекает к ним и которая доставляет какое-то органическое удовольствие при взгляде на них, при их приближении, прежде чем присоединится к ней какое бы то ни было отношение пользы или расположения к ним. Воздух конюшен, в которых опрятно содержатся коровы и лошади, таким же образом здоров и приятен; существует мнение, и оно не лишено основания, что этот воздух может быть полезен для излечения от некоторых болезней. Монтань рассказывает, что один врач в Тулузе, встретив его у старика, больного худосочием, который был на его попечении, пораженный бодрым видом и свежестью молодого человека (философу было тогда едва двадцать лет), посоветовал своему больному окружить себя молодыми людьми с такою же целью развлечь себя, как и восстановить свои силы. Древние хорошо знали, до какой степени может быть полезно для расслабленных стариков и для больных, истощенных любострастными наслаждениями, жить в атмосфере, насыщенной восстанавливающими испарениями молодых и здоровых людей. Мы знаем из третьей Книги царств, что Давид спал с хорошенькими девушками, чтобы согреть себя и восстановить свои силы. По свидетельству Галена[210] греческим врачам при лечении различного рода

[209] В слабых породах, или в бессильных отдельных животных запах этот менее выразителен: он заметен особенно в сильно оживотворенных породах и в крепких организмах.
[210] Methodus medendi (способы лечения), lib. III, cap. XII

сухотки с давних времен известна была польза — заставить больного сосать грудь молодой и здоровой кормилицы, и опыт показал им, что не получается того же самого результата если больной будет принимать то же самое молоко, выжатое в сосуд. Капиваций спас от сухотки наследника одного знатного итальянского семейства, заставив его спать с двумя молодыми и сильными девушками. Форест приводит, что один молодой болонец излечился от той же болезни, проводя день и ночь подле двадцатилетней кормилицы, и результат лечения был до того поразителен, что явилось опасение, как бы выздоравливающий снова не потерял сил своих с тою, которая возвратила их ему. Наконец, чтобы окончить с этим предметом, Бургаве говорил своим ученикам, что видел, как был спасен один немецкий принц тем же средством, которое некогда так удалось Капивациусу.

Если инстинктивные побуждения, относящиеся к симпатии, весьма часто возбуждаются и направляются обонянием, то и те из них, которым дано название антипатии, столь же часто связаны с отправлениями этого же органа. Ими предупреждаются животные низшего порядка о приближении льва. Различные породы гремучих змей, особенно лютый гремучник, как мы упоминали, распространяют вокруг себя запах, который узнается издали четвероногими и птицами, служащими им пищею, и который поражает их глубоким ужасом. То же самое следует сказать и о многих породах боа, особенно о священном удаве, чудовищном пресмыкающемся, который кольцами своими душит коз, газелей, телок и даже самых сильных быков. Наконец, это же относится почти ко всем хищным породам, существующим только войною, кровью и разрушением. Испарения каждой из них, оставляемые ими за собою или всюду предшествующие им, часто служат предостережением для несчастных жертв, которые далеко убегают от них, но часто также последние тем вернее становятся их добычею, что эти испарения лишают их возможности бежать, поражая их оцепенением.

§ V. — Ухо передает в головной мозг множество внешних впечатлений и доставляет обильные материалы для знаний: вот, может быть, причина, почему оно принимает меньшее участие в инстинктивных стремлениях и оказывает слабое содействие условиям, вызывающим и обнаруживающим их. Все чувствительные способности уха, отличающиеся, впрочем, необыкновенною живостью, чуткостью и разнообразием, по-видимому, поглощены бесчисленным множеством всякого рода впечатлений, предназначенных почти исключительно для вызова рассудочных отправлений, для сложения сознательных суждений и для возбуждения раздельных и определенных желаний. Тем не менее, в некотором роде всеобщее могущество музыки на животную природу доказывает, что возбуждения, свойственные уху, далеко не все могут быть приведены к ощущениям, сознаваемым и сравниваемым рассудочным органом: в этих возбуждениях есть нечто более непосредственное. Люди, стоящие на самой низкой степени развития, не менее пристрастны к пению, чем люди, слух которых стал более чувствительным и изощренным вследствие общественной жизни. Не говоря уже о крылатом певце, великолепное горло

которого в этом отношении есть чудо природы, великое множество птичьих пород наполняет воздух приятным пением; многие домашние животные и некоторые породы еще неприрученных, по-видимому, слушают с удовольствием пение человека и искусственные звуки его музыкальных инструментов. Существуют особенные сочетания звуков и даже простых восклицаний, которые охватывают все чувствительные способности, которые непосредственным действием мгновенно рождают в душе известные чувствования, по-видимому, подчиненные им в силу первоначальных законов организации. Нежность, грусть, мрачное страдание, живая радость, беззаботная веселость, горячее мужество, гнев могут быть вызваны или успокоены самыми простыми песнями: действие последних будет даже тем вернее, чем они проще, чем слова их короче и чем более они доступны. В разговорной речи равным образом есть звуки, которые, по-видимому, потрясают весь чувствующий организм: в ней существуют восклицания, которые без содействия каких бы то ни было слов, а иногда так наперекор сопровождающим их смешным или самым обыкновенным словам, идут прямо в сердце и вызывают в нем глубокое чувство. Проникнутый угрозою и увлечением голос проповедника оказывает сильнейшее влияние на грубых слушателей, нежели слова его проповеди и в особенности его рассуждения, которыми он усиливается привлечь их на свою сторону. Для успеха его вовсе не необходимо, чтобы слушающие могли следить за его доводами и понимать проповедь; известно, что сделанные ими обращения часто были тем многочисленнее и тем успешнее, чем меньше знали они язык страны, в которой проповедовали.[211] Если звуки их голоса верны, выразительны, трогательны, то ничего не значит, что слова их не имеют смысла и значения.

Все эти явления явным образом относятся к области симпатии, и рассудочный орган принимает в них действительное участие, только как общее средоточие чувствительности.

§ VI. — Что касается до осязания, то механическая, так сказать, точность его отправлений или, вернее, более определенный характер подлежащих ему отношений между предметами не допускают особенного значения его в порядке стремлений и склонностей, по природе своей неизбежно несколько смутных. Симпатическое действие его, по-видимому, может происходить только при содействии животной теплоты. Теплота эта, действие которой вовсе не следует смешивать с действием какой бы то ни было другой теплоты, во многих случаях бесспорно служит руководителем инстинкта, а сладостное влияние ее вызывает ощущение, которое может быть отнесено только к простому животному действию. Множество явлений подобного рода представляется ежедневно пред нашими глазами; но наблюдения не собраны еще; в этом отношении предстояло бы даже сделать различные опыты, которые, кажется мне, не приходили никому в голову.

[211] Сен-Бернард проповедовал немецким крестьянам о крестовом походе на латинском языке, и известно, какое одушевление возбуждал он в этих добрых людях своими проповедями, в которых они не понимали ни одного слова.

Поэтому, в настоящую минуту я ограничиваюсь одним только указанием на множество постоянных и всем известных фактов.

Хотя внешние чувства остаются некоторое время бездеятельны в человеческом зародыше и в зародыше пород, более всего близких к человеку по характеру своей чувствительности, тем не менее, так как первоначальные законы организации связывают одну с другою все части тела, так как отправления одних подчиняются отправлениям других в силу различных таинственных отношений, восстанавливающихся более или менее продолжительным сном некоторых органов, то легко понять, что даже в самую минуту рождения собственно так называемые чувства могут уже содействовать инстинктивным стремлениям, и что они должны принимать в них большее или меньшее участие, смотря по характеру потребностей и по способностям животного.

Но это еще не все.

Мы видели, что эти стремления скоро присоединяются к рассудочным отправлениям, что они видоизменяют их и в свою очередь видоизменяются ими; и, говоря мимоходом, не подлежит сомнению, что заблуждение философов, придававших чрезмерное значение то рассудку, то инстинкту, объясняется этим последним обстоятельством. Но в настоящее время признано, что непосредственные органы чувств составляют в этом отношении главнейшие орудия рассудочного органа. Отправления их, как причина, зарождающая мысль, оказывают, стало быть, первоначальное влияние на все отправления, с которыми связаны и которым оказывают содействие, и мысль, и вызываемые ею желания.

Таким образом, новые, весьма многочисленные, хотя и не столь прямые отношения устанавливают новый порядок взаимной зависимости между отправлениями и симпатическими стремлениями: эти отношения тем шире даже, а эта зависимость тем заметнее в животных, чем высшей степенью ума одарены породы, а в человеке — чем сильнее его развитие и чем выше условия его общественной жизни; так что скоро становится невозможным различить того, что принадлежит в симпатии органическим условиям, от того, что постоянно примешивается к ней со стороны отношений человека к подобным ему существам и ко всем предметам вселенной.

С этой точки зрения и со стороны сочетаний с рассудочными отправлениями симпатические стремления уже весьма далеки от животного сродства, из которого сами выросли: они теряют даже сходство с чистым инстинктом. С этой минуты — это уже более или менее хорошо сознаваемые чувства, более или менее осмысливаемые душевные движения: по отношению к инстинкту те и другие составляют то, что мысль и осмысленное желание — по отношению к ощущению, подобно тому как в свою очередь инстинкт, по отношению к первоначальному животному сродству, составляют то, что ощущение — относительно самого простого впечатления, то есть, такого, которое получается нервными

оконечностями, принадлежащими отдельному, частному средоточию. Достигши до этого предела, симпатические стремления легко могли обмануть самых внимательных и строгих естествоиспытателей. Огромное затруднение, встречаемое при отыскании настоящей причины некоторых явлений, для объяснения их могло породить мысль о необходимости неизвестных способностей. Стремления эти действительно составляют тогда то, что разумеют под *нравственной симпатией*, пресловутое начало в сочинениях шотландских философов, необыкновенное могущество которого для образования чувствований признано было Гутчесоном, начало, о котором Адам Смит сделал исследование, замечательное по глубокой проницательности, но тем не менее несовершенное, за отсутствием связи его с законами физическими, и которое удалось M-me Кондорсе самыми простыми рациональными соображениями почти совершенно освободить от неопределенности, в которой оно оставалось даже после «*Теории нравственных чувств*».

Нравственная симпатия состоит в способности разделять чужие мысли и чувства, в желании — заставить других разделять свои собственные, в потребности — действовать на чужую волю.

Как только мы заметим или даже представим себе, что какое-либо существо одарено жизнью, то мы необходимо приписываем ему сознание, понятия, желания, и в нас рождается потребность отгадать их. Как только это будет узнано или даже вообразится нами, то в нас является желание принять в них участие в силу того же прямого, животного сродства, которое влечет к нему; и в обоих этих явлениях стремление это подчинено почти одним и тем же законам; оно остается в одних и тех же границах, то есть, деятельность его прекращается только страхом или сомнением, и принимает противоположное направление только в таком случае, когда существо это принимается нами за действительного неприятеля, и когда мы предположим в нем вредные для нас свойства и враждебные намерения. Но в этом отправлении нравственной симпатии есть нечто большее — это то, что в нем замечается уже способность подражания, составляющая отличительное свойство всякой чувствительной природы, особенно человеческой. В самом деле, когда мы принимаем участие в душевном движении человека, то повторяем, хотя в общих чертах, те рассудочные отправления, которые породили его; мы подражаем ему: вот почему люди, одаренные высшей степенью таланта к подражанию, в то же самое время отличаются воображением, при содействии которого они могут с необыкновенной быстротой, с удивительной силой и талантом они изображают страсти и даже образы, лишенные жизни, увлекающие и поражающие нас настолько, насколько приняла в них участие симпатия.

Эта способность к подражанию отправлениям чувствующего и мыслящего средоточия совершенно сходна со способностью подражать движениям внешних, мускульных частей: в последней мы подражаем только другим органам и другие

органы подражают ей: во всех других отношениях все сходно в воспроизведении самых разнообразных движений; в самих копируемых движениях и в характере средств, которыми они воспроизводятся все подчинено и все исполняется по одним и тем же законам.

Если идти далее, то можно увидеть, что способность подражать другому вытекает из способности подражать самому себе: это та же способность воспроизводить, не нуждаясь в большей степени силы и внимательности, все движения, которые были раз исполнены органами, способность, вырастающая по мере повторения одних и тех же действий. Но способность эта нераздельна с каждым животным существованием и составляет отличительное его свойство; и если представить себе верную картину того, каким образом жизнь, действием своим на все части организма, вызывает в нем все отправления, то легко представить себе, что так и должно быть. В самом деле, мускульное волокно, которое мы берем для примера, деятельностью своею побеждает все препятствия, встречаемые при его сокращении. Те из этих препятствий, которые не находятся в непосредственной зависимости от тяжести, которую оно должно поднять или привести в движение, не могут не ослабевать с каждым новым сокращением; и так как этим упражнением само оно приобретает новую силу, которой первоначально не имело, лишь бы только усилие не было чрезвычайно и слишком продолжительно, так как с другой стороны, жизненное могущество не только не утрачивает в двигательной деятельности своей живости и энергии, но еще мало-помалу возрастает вследствие такого осторожного повторения и совершенствования отправлений, то понятно, что коренная сила, в особенности ловкость движений должны увеличиваться по мере их повторения, во всяком случае, при предположении, что каждый раз они исполняются одинаково.

С другими отправлениями происходит то же самое, что и в мускульной деятельности: дело идет только о других органах, о других порядках движений, и следовательно получаются иные результаты. Физические законы в неодушевленных машинах представляют нам два примера увеличения силы и способности, вызываемого непрерывностью или постоянным возвращением тех же действий. Электрические снаряды, при одних и тех же условиях, производят тем сильнейшее действие, чем чаще делаются с ними опыты, а искусственные магниты одною только непрерывностью своего действия способны приобрести силу, несравненно превосходящую ту, которую имели первоначально.

Если бы когда-нибудь открыта была природа внутреннего возбудителя, приводящего в деятельность мозговой орган и служащего проводником, чрез посредство его оконечностей, между им и всеми прочими органами, то, может быть, отстранена бы была безусловная невозможность связать двойное явление, о котором идет речь, с теми, которые заслуживают наибольшего удивления в животном организме.

§ VII. — Нравственная симпатия обнаруживает свою деятельность взглядом, игрою физиономии, внешними движениями, разговорным языком, звуками голоса, словом, всеми знаками: деятельность ее может испытываться всеми чувствами. Действие взгляда, игры физиономии, даже телодвижений не только нравственное; в нем есть еще, если мне позволено будет так выразиться, примесь непосредственного органического влияния, по-видимому, независимого от соображения. Но нельзя отрицать, что самая важная сторона искусства знаков подлежит воспитанию, что успехи ее пропорциональны усилиям и способности разума, наконец, что симпатические, нравственные чувства почти всегда составляют следствие неуловимых соображений.

Мы не поведем далее нашего исследования; с той точки, до которой мы довели его, оно входит в область идеологии и нравственности; дальнейшие выводы принадлежат этим наукам.

Я прибавлю одно только замечание: именно, что подражательная способность, отличающая всякую чувствительную природу, особенно человеческую, есть главное средство для воспитания, как для отдельных лиц, так и для обществ; что при своем источнике она в некотором роде смешивается с симпатическими стремлениями, лежащими в основании общественного инстинкта и всех почти нравственных чувств; и что стремление и способность к подражанию составляет часть существенных свойств животной материи, сложившейся в организм. Таким образом, причины, развивающие все рассудочные и нравственные способности, неразрывно связаны с причинами, которые вызывают, сохраняют и приводят в деятельность организацию, и в самой организации человеческой породы лежит источник ее усовершаемости.

О сне и бреде.

§ I. — Куллен первый заметил постоянные и определенные отношения между сновидениями и бредом; в особенности он первый показал, что при начале и во все продолжение сна различные органы могут засыпать только последовательно и неравномерно, и что отдельное возбуждение соответствующих им частей головного мозга, нарушая согласие в его отправлениях, должно вызывать тогда неправильные и смутные образы, не имеющие никакого основания в действительности. В этом же состоит несомненно и характер бреда. Но, за недостатком более подробного исследования ощущений, способа их образования и влияния различных внутренних впечатлений на впечатления, получаемые нами извне, положение Куллена осталось совершенно необработано: верное в своем основании, оно не могло объяснить длинного ряда фактов, доказывающих, что бред и сновидения часто вызываются причинами, совершенно непохожими на указываемые Кулленом; словом, положение его не было доказано. Наши исследования дают нам возможность идти далее, и я полагаю, что мы можем только изложить с большею точностью то, что в

нем есть справедливого, но и привести его к более широким воззрениям, которые одни могут установить теорию на прочном основании.

В самом деле, мы знаем различные источники наших представлений и наших нравственных движений, и мы определили различные условия, принимающие участие в их образовании. Чувствительность отправляется не исключительно одними только внешними оконечностями нервной системы; не одни впечатления, получаемые собственно чувствами, приводят в деятельность рассудочный орган, и нельзя отнести к одному только действию предметов, находящихся вне нас, ни образования мыслей, ни образования желаний. Во втором и третьем Мемуаре мы видели, что чувствительность, совместно с органами внешних чувств, отправляется внутренними нервными оконечностями, устилающими различные части, и что впечатления, возбуждаемые в них при различных состояниях живого организма, тесно связывают все отправления главных органов с отправлениями мозгового средоточия. В обоих Мемуарах, кроме того, мы видели, что нервная система во всей своей совокупности и рассудочное средоточие, в частности, способны действовать в силу еще более глубоких впечатлений, причина которых лежит в самой мозговой мякоти. Наконец, мы только что видели, что инстинктивные стремления и вытекающие из них непосредственные побуждения смешиваются с представлениями, образовавшимися путем внешних чувств, что они видоизменяют их и сами видоизменяются ими, управляют ими или подчинены им. Таким образом, незачем прибегать к двум началам деятельности в человеке, чтобы понять образование душевных движений и объяснить себе состояние колебания или чередующихся преобладаний, которые часто то смешивают их с рассудочными отправлениями, то отличают их друг от друга и ставят их в совершенную противоположность. С нашей точки зрения, в явлении не будет даже ничего удивительного, если мы припомним, что различные внутренние впечатления доставляют в некотором роде почти все материалы для инстинктивных стремлений и что они оказывают на них несравненно сильнейшее влияние, чем на рассудочные отправления.

Все эти обстоятельства могут принимать и действительно принимают участие в образовании мыслей и сознательных желаний. Таким образом, при всестороннем исследовании всех условий, способных изменять отправления разума и воли, не должно упускать из виду ни одного из них; и хотя значение каждого из них в этом отношении не одинаково, тем не менее нет между ними ни одного, влияние которого не заслуживало бы внимания.

Вот в нескольких словах мое воззрение.

Беспорядок в мысли и в воле может быть в зависимости:

1) От, собственно, так называемых ощущений;

2) От впечатлений, вызываемых условиями, лежащими в глубине самой нервной системы;
3) От впечатлений, получаемых внутренними чувствующими оконечностями;
4) От инстинктивных стремлений и желаний, или от непосредственно относящихся к ним склонностей.

§ II. — Собственно так называемые ощущения извращаются болезнями органа, передающего их в головной мозг, симпатиями, связывающими его отправления с отправлениями других, больных органов и известными поражениями нервной системы, обнаруживающимися только в чувствующих ее оконечностях.

При воспалении глаза или уха, которое я беру как пример для первого случая, ощущения зрения и слуха часто вовсе не относятся к причинам, которые возбуждают их в нормальном порядке; иногда они становятся даже совершенно определенными и сильными вне зависимости от какой бы то ни было настоящей внешней причины. Чрезвычайного обращения крови в артериях лица и соседственных частей бывает достаточно для возбуждения в глазах образов, не существующих в действительности. Одному, страдающему лихорадкой больному казалось, что он видит на своей постели ползущую, красную змею; Галиен, лечивший его совместно со многими другими врачами, исследовал разгорячившееся лицо его, биение височных артерий, горячие глаза, и смело предсказал близкое кровотечение из носа, которое не замедлило тотчас подтвердить верность его соображений. Некоторые катарральные поражения и множество болезней горла, действие которых распространяется на внутреннюю оболочку носа, совершенно искажают отправление обоняния. Действие их то ограничивается уничтожением в ней всякой чувствительности, то оно возбуждает в ней странные впечатления, причина которых обусловливается только болезненным состоянием органа. Но частные искажения того рода, о котором идет речь, легко исправляются более верными ощущениями прочих чувств, особенно же согласным их действием; поэтому за ними не следует настоящего бреда.

Симпатическое действие на вкус, зрение, слух, обоняние и даже на само осязание некоторых больных внутренностей несравненно шире. При многих поражениях пищепроводного канала и органов воспроизведения беспорядочность может явиться в каждом отдельном чувстве. Но и при одновременном искажении всех даже чувств, явление это может, по-видимому, не оказать никакого прямого действия на чувствующее средоточие, по крайней мере случающаяся иногда беспорядочность в нем явно вызывается тогда поражениями внешних его оконечностей.

Известно, что болезни различных органов пищеварения почти всегда более или менее извращают вкус и обоняние. Бледная немочь, зависящая от бездеятельности или от неправильных и судорожных отправлений в яичниках, часто внушает молодым девушкам самое непобедимое стремление к отвратительным и

зловонным веществам. Нередко в них можно заметить в таком случае некоторый беспорядок в мыслях, непосредственно причиняемый этими самыми стремлениями. Некоторые ядовитые вещества, попадая в желудок, обращают свое действие преимущественно на тот или другой отдельный орган чувств, не поражая заметным образом головного мозга. Белена, например, действует непосредственно на зрение, аконит (волчий корень) и экстракт конопли могут совершенно исказить ощущения зрения и осязания, и оставить еще для мысли возможность сознания этого необыкновенного явления, чтобы отнести его к настоящей причине. Множество наблюдений показало мне, что спазматическое состояние, в особенности кишок, будет ли оно следствием какого-нибудь хронического нервного расстройства, или будет оно вызвано случайным действием какого-либо едкого, раздражающего и острого вещества, оказывает преимущественное влияние на обоняние и на слух, и что, смотря по степени расстройства, больной то вовсе не чувствует запахов или ощущает несуществующие и даже совсем ему незнакомые, то преследуется неприятными звуками, тягостным звоном в ушах или слышит сладостные мелодии и гармоническое пение.

При других беспорядках в ощущениях, несколько примеров которых приведено нами в другом месте, больной чувствует, что он поочередно то вырастает, то уменьшается, или воображает, что одарен такой необыкновенной легкостью, что может летать по воздуху и не в силах сопротивляться дуновению ветра, или ему кажется, что предметы ускользают из его рук, переменяют свою форму, теряют плотность, температуру, или наконец, что он внезапно теряет зрение.[212] Во всех этих случаях мозговая система бывает, по-видимому, поражена только в чувствующих своих оконечностях, ибо в людях с органом мысли, привыкшим к точным и глубоким отправлениям, эти ошибочные впечатления, редко поражающие разом все органы чувств, могут быть исправлены сознанием. Но совсем иное бывает с большей частью женщин, быстрое и подвижное воображение которых не может оказать сопротивления получаемым ощущениям; они не позволяют даже, чтобы сомневались в испытываемых ими самых нелепых ощущениях, и начинают сомневаться в верности их только тогда, когда сами перестают их испытывать. Встречаются между ними такие, которые не могут разубедиться, что нос или губы их принимают необыкновенные размеры, что воздух их комнаты напитан мускусом, амброй или другим каким-либо преследующим их запахом, что ноги их не касаются земли, что между ними и окружающими их предметами нет ничего общего. Мужчины с живым воображением и со слабым характером тоже поддаются иногда этим иллюзиям. От них не избавлены даже гениальные умы. Паскаль во время падения с моста в Нёльи до того был потрясен испугом, что потом ему казалось постоянно, что он находится на краю пропасти; чтобы представление это не мешало его размышлениям, он должен был отстранять его каким-нибудь темным

[212] Как это замечается при сильном спазматическом поражении матки и яичников.

предметом, который он помещал между глазом и тем местом, в котором чудилась ему пропасть.

§ III. — Мы только что сказали о действии, производимом болезненными впечатлениями внутренних чувствующих оконечностей на органы чувств в силу некоторых особенных симпатий. Но эти самые впечатления оказывают несравненно более частое и сильное действие на мозговое средоточие, непосредственный орган мысли; изменением его состояния, связанного, вследствие этого отправления, более тесным образом с состоянием внешних нервных оконечностей, впечатления эти часто искажают ощущения последних. Бред может быть причинен простыми желчными и испорченными веществами, которые не имели еще достаточно времени распространить свое действие за пределы нервов этой внутренности, воспалениями желудка, других грудобрюшных частей, яичек, яичников, матки, обильным присутствием желчных веществ во всей брюшной полости, спазмами, вызываемыми в этой же полости различными причинами, и проч. Во всех этих случаях расстройства в отправлениях головного мозга, смотря по природе первоначального поражения, принимают то острый, то хронический характер; иногда же они проявляются периодически. При первом месячном очищении, когда спазматическое расположение матки затрудняет или возмущает рассудочные отправления, нередко замечается настоящий, более или менее выразительный, острый бред; при некоторых обстоятельствах бред этот находится в полном соответствии с ходом продолжительных, воспалительных лихорадок.

Мы имели случай неоднократно заметить упорный характер желчных болезней: вот почему беспорядочное воображение, покойное безумие, как и исступление и неистовое бешенство, вызываемые этими болезнями, отличаются такою настойчивостью, что они остаются, когда уже исчезла вызвавшая их причина. Медленное воспаление в органах воспроизведения, как у мужчин, так и у женщин, почти постоянно сопровождается значительным искажением рассудочных отправлений, и это искажение принимает тогда такой же медленный и хронический характер. Наконец, когда сильные спазмы и конвульсивные брюшные поражения, которых, как мы сказали, могут вызвать бред, успокоиваются или возвращаются через известные, определенные промежутки времени, бред подчиняется тоже этому периодическому возвращению. Повторяю, во всех этих случаях искажения мысли могут быть вызваны одним только симпатическим влиянием первоначально пораженных органов, без всякого непосредственного повреждения чувствующей системы головного мозга.

§ IV. — Все прирожденные нервной системе причины, нередко вызывающие бред и помешательство, принадлежат к двум главным отделам: 1) к свойственным этой системе болезням; 2) к усваиваемым ею порочным привычкам.

В сочинении, написанном истинным гением во врачебной науке, Пинель говорит, что неоднократно заметил у безумных значительное сжатие черепного свода. Во врачебной практике мало кому не случалось сделать того же замечания. Но Пинель привел его к геометрическим законам и ими определяет формы, более всего пригодные как для деятельности и для свободного развития мозгового органа, так и мешающие его росту и возмущающие его отправления. Мне также случалось нередко встречать безумие, произведенное подобными причинами. В других случаях, казалось, что я был вправе отнести его к чрезвычайно малым размерам головы, к ее необыкновенно круглой, почти сферической форме, в особенности к сплющению затылочной части и задних частей темени. Эти погрешности в организации, несмотря на то что ни источник, ни вызывающая их причина совершенно независимы от головного мозга, тем не менее оказывают такое непосредственное, органическое влияние на обычное его состояние, что их можно включить в число свойственных ему болезней. К тому же классу я причисляю также окостенения или окаменения мозговых оболочек (особенно волокнистой), их затверделые перерождения и сильные воспаления. Все эти болезни могут внести важные расстройства в рассудочные отправления, и возмущения, производимые ими в деятельности чувствительной системы, обнаруживаются обыкновенно конвульсивными припадками, сопровождающимися бредом.

Анатомические вскрытия показали в значительном числе людей, умерших в состоянии безумия, различные искажения в цвете, в плотности и во всех заметных признаках головного мозга. Пинель утверждает, что никогда не замечал ничего подобного во вскрытых им трупах, а утверждения такого проницательного и такого добросовестного наблюдателя заслуживают полного доверия, но мы не имеем права отвергнуть наблюдений многих ученых анатомов, не менее заслуживающих доверия. Кроме погрешностей в устройстве костяного черепа и искажений в оболочках, о которых мы только что упоминали, Гизи, Бонне, Литре, Моргани и многие другие признали в трупах помешанных различные, более глубокие перерождения в самом веществе головного мозга. В нем встречали затверделости, скопления фосфорнокислой извести, многие роды настоящего камня, костяные обломки, излияния едких жидкостей; сосуды мозговых желудочков находили, то переполненными яркой, красной кровью, то изобилующими темными, смолистыми, злокачественными веществами; и так как в более слабой степени эти органические искажения весьма часто сопровождались соответствующими и пропорциональными им беспорядками в умственных способностях, и так как они встречаются при бешеном и неистовом помешательстве, то трудно последние не приписать их действию.

Но самые замечательные наблюдения принадлежат Моргани,[213] который при своих многочисленных вскрытиях головного мозга помешанных встречал почти постоянно увеличение или уменьшение в плотности головного мозга, а еще чаще

[213] Я говорил о них в первом Мемуаре; важное значение их не ускользнуло от внимания Куллена.

неравномерность ее: так что мозг не всегда был, или слишком тверд, или слишком мягок, обыкновенно же мягкость одних частей была в противоречии с твердостью других, что, по-видимому, непосредственно объясняет отсутствие согласия в отправлениях — отсутствием согласия в самобытных силах, свойственных различным частям органа.

Бесчисленным множеством фактов, собранных во все времена и во всех странах, доказывается постоянная и правильная связь помешательства с различными болезнями брюшных внутренностей и с известными поражениями мозговой мякоти или соседственных частей, от которых она находится в зависимости. Но, что подтверждает еще сильнее эту связь, то это столь же несомненная польза некоторых врачебных средств, действие которых на первоначальный источник болезни уничтожает и помешательство. Таким образом, при лечении помешательства, вызванного желчным расстройством, древние прибегали к средствам, которые и в новейшие времена оказывались действительными, именно, к растворяющим лекарствам, к рвотным и к сильным слабительным; в помешательстве, вызываемом хроническими воспалениями в органах воспроизведения и в самом головном мозгу, или более острым воспалением в желудке, в других пищеварительных органах, в мозговых оболочках — кровопускания, в особенности из артерий[214] производили внезапные, как бы сверхъестественные выздоровления. Таким образом, бред, вызываемый брюшными спазмами или общим судорожным состоянием, излечивается, с большею, быть может медленностью, но с такою же верностью правильным употреблением теплых или холодных ванн, успокоительными и крепительными нервными средствами. Таким же, наконец, образом, Вепфер и Сиденгам не побоялись в некоторых случаях прибегнуть к самим наркотическим средствам, а последний лечил простыми крепительными лекарствами покойный бред, нередко следующий за перемежающимися лихорадками и усиливающийся постоянно при употреблении всяких других средств.

§ V. — Но должно сознаться, что часто помешательство не может быть объяснено никакою заметною органическою причиною; что наблюдение ограничивается нередко только одними видимыми признаками, а вызывающие их изменения в нервах ускользают от исследования анатомическим ножом или микроскопом. Хотя в большей части случаев такого рода вероятно существуют настоящие органические повреждения, тем не менее, так как нет никакой возможности уловить следы их, то их следует причислить к разряду тех, которые вызываются просто неправильными привычками мозговой системы, привычками, которые, как мы видим, вытекают почти всегда из внешних впечатлений и из представлений и побуждений, главным источником которых служат очевидно те же самые впечатления.

[214] Например, из височной артерии, кровопускание из которой, как было замечено неоднократно, оказывало благодетельные результаты.

Древние врачи, так внимательно следившие за влиянием физических явлений на нравственные отправления, очень хорошо знакомы были с этим, так сказать, более рассудочным помешательством, излечение которого требует совершенного изменения во всех привычках больного, а иногда сильного потрясения, которое прервало бы порядок отправлений нервной системы и сообщило бы ей новый.

Аретей тщательно различает бред, причиняемый брюшными, желчными завалами, от бреда, вызываемого непосредственными отправлениями головного мозга. По его мнению, первый запечатлевается гипохондрией или бешенством, а второй — беспорядком в ощущениях и во всех рассудочных отправлениях. Он замечает, что при известных обстоятельствах больные получают необыкновенную точность зрения и осязания, которые не действуют на чувства при естественном состоянии. В другом месте он говорит: «*Встречаются и такие больные, которые получают необыкновенную и необъяснимую проницательность и соображение: они выучиваются или отгадывают без помощи учителя астрономические истины, знают философию, не изучая ее, и музы, по-видимому, открыли им все тайны поэзии по какому-то внезапному вдохновению*». Помешательства, излечивавшиеся во все времена путешествиями для рассеяния, для поклонения храмам, ответами оракулов, молитвами и различными религиозными обрядами, возложением различных предметов обожания, волшебством и магическими заклинаниями, разумеется, никогда не зависели от действительных и глубоких органических поражений; и нет никакого сомнения, что бред, уступающий быстрому погружению в холодную воду, и более медленные помешательства, над которыми многим врачам удалось одержать победу, то страхом, то ласковыми мерами, а быть может еще чаще одновременно, и лаской, и строгостью, кротким и суровым обращением, входят скорее в область нравственной гигиены, нежели собственно так называемого врачебного искусства. По мнению Пинеля, этот род помешательства распространен гораздо шире, чем это полагается. По-видимому, он готов причислить к нему наибольшую часть тех, за которыми он следил в Бисетрской и Сальпетриерской больницах. Он причисляет к ним даже помешательства, разрешающиеся рядом критических припадков, в которых периодически усиливающийся бред излечивается сам собою, подобно тому, как перемежающаяся лихорадка определенным количеством пароксизмов уничтожает вызывающую ее причину;[215] и в таком случае, при лечении следует главным образом обращать внимание на нравственные средства и на условия жизни.

Мы полагаем, что в большой части случаев Пинель прав; но превосходному уму его не безызвестно, что все, что слывет под именем *нравственного*, пробуждает весьма смутные и часто весьма ложные понятия. Могущественное влияние представлений и страстей на все органы вообще, или на некоторые из них в частности,

[215] Этот род помешательства, над которым первые наблюдения сделаны были талантливым и уважаемым Пюссеном, смотрителем за сумасшедшими в Бисетре, был исследован с новых сторон и впервые описан Пинелем.

принадлежит еще к числу сокровенных сил, которые, вследствие окружающего их мрака, составляют опору для духовидцев и для невежественных людей; а влияние это, способное изменить порядок отправлений в человеческом организме, совершенно необъяснимое с точки зрения, допускающей в человеке два раздельных и отличных начала, тем легче породило новые заблуждения и обратилось в предмет новых мечтаний. Разумеется, было бы весьма желательно, чтобы Пинель, которому идеология была бы обязана не меньшей благодарностью, чем врачебная наука, направил бы свои исследования к разрешению этой важной задачи. Но так как он не сделал этого, то в следующем Мемуаре я постараюсь поставить этот вопрос в более определенной форме, и из простого сближения явлений, из которых психологи извлекли отвлеченное понятие о *нравственной природе*, ясно будет видно, что влияние ее на *физическую природу*, или на состояние и на способности органов, не представляя ничего сверхъестественного, подчинено общим законам живой организации и совокупности ее отправлений.

Собственно о сне.

§ I. — Чтобы оценить действие сна на рассудочный орган и увидеть, до какой степени сновидения действительно сходны с бредом, необходимо представить себе в общих чертах условия, вызывающие их и завершающие усыпление; в особенности необходимо охватить одним, общим взглядом ряд явлений, сопровождающих каждую степень сна.

Все потребности возобновляются, все отправления совершаются в определенные и в равновременные периоды. Продолжительность отправлений одинакова для каждого из периодов; каждый позыв или каждая потребность возвращаются в определенный час; и если они не будут удовлетворены, то ослабевают и проходят через известное время, чтобы дать себя почувствовать с большей силой и настойчивостью в следующий период обычного своего возвращения. Этот периодический характер особенно резко обозначается в возвращении и в продолжительности сна: сон ежедневно возвращается обыкновенно в один и тот же час; он продолжается одно и то же количество времени, и замечено, что чем правильнее бывает его периодичность, тем легче человек засыпает, тем благодетельнее бывает сон и тем совершеннее он восстанавливает силы.

Итак, не входя в настоящем случае в исследование причин этого явления,[216] можно заметить, что привычка ложиться и засыпать ежедневно в один и тот же час благоприятствует возвращению сна.

[216] Вероятно, причины эти находятся в зависимости от более общих законов природы; возможно также, что периодические отправления животного тела должны быть отнесены единственно к движениям нашей планетной системы, в особенности светила, обусловливающего перемены дня и времен года, и распределяющего таким образом время на равные промежутки.

Усыпление непосредственно вызывается, помимо того, действием свежего воздуха, отбивающего внутрь часть отправлений; однообразным шумом, который, прекращая внимательность прочих чувств, скоро симпатически усыпляет само ухо; тишиной, темнотой, теплыми ваннами, прохладительными напитками; словом, всеми средствами, понижающими крепость общей чувствительности, особенным образом умеряющими внешние возбуждения и, стало быть, уменьшающими число и живость ощущений.

Хмельные напитки, действие которых состоит вначале в возбуждении деятельности мыслящего органа и затем в возмущении его отправлений привлечением к нему большей части чувствительных сил, принадлежащих нервным оконечностям; наркотические вещества, непосредственно парализующие эти силы и в то же самое время набрасывающие более или менее густой покров на все выводы мысли, вследствие чрезмерного прилива к головному мозгу крови; действие сильного внешнего холода; наконец, все обстоятельства, значительно притупляющие впечатления или ослабляющие энергию общего нервного средоточия, вызывают более или менее внезапно глубокий сон.

Состояние животного организма, легче всего уступающее действию других причин, вызывающих усыпление, есть небольшая усталость различных органов, в особенности чувств и мускулов, подчиненных воле. Чрезмерная усталость сопровождается тягостным ощущением и вследствие этого уже становится новой причиной возбуждения. В самом деле, очень усталым людям, прежде чем заснуть, необходимо принять теплую ванну, укрепляющее питье или пищу, или по крайней мере отдохнуть среди тишины и темноты.

Некоторое состояние расслабления также способствует сну; но это расслабление не должно переходить за известные границы или, вернее, оно должно охватывать только органы движения, а не коренные силы нервной системы; ибо, если оно переступит за эти пределы, то не только не вызывает сна, но, как беспокойное и глубоко тягостное чувство, оно возбуждает упорное бодрственное состояние, которое в свою очередь только еще усиливает расслабление.

Наступает ли сон вследствие настоятельной необходимости покоя для чувствующих оконечностей и для двигательных органов, вызывается ли он обыкновенной периодической деятельностью головного мозга, самопроизвольно вызвавшего в самом себе более значительное количество отправлений, — отличительные черты явления сна состоят в возвращении нервных сил к своему источнику, или в сосредоточении самых деятельных из живых сил. Как только в головном мозгу начинает приготовляться это состояние, кровь, по закону, постоянно управляющему ее обращением, направляется к нему в большем изобилии, ибо кровообращение всегда направляется заметнее к тем частям

животного тела, в которых собираются возбуждающие причины;[217] а слабость наполняющихся кровью сосудов, не представляя ей почти никакого сопротивления, не изменяет направления крови, как это случается при некоторых сосредоточениях нервной деятельности, при которых общие силы страдающего органа не дают свободного доступа к нему жидкости. В то же самое время пульс и дыхание падают, восстановление животной теплоты ослабевает, растяжимость мускульных волокон уменьшается, все впечатления становятся смутны, все движения делаются вялы и неопределенны.

Но не все впечатления притупляются одновременно, ни в одинаковой степени; отправления становятся вялыми, прекращаются или, по-видимому, теряют только незначительную часть своей силы и живости в последовательном порядке и в различной степени, смотря по природе и по значению различного рода отправлений. Мускулы рук и ног опускаются, ослабевают и перестают двигаться прежде мускулов, поддерживающих голову, последние — прежде мускулов, поддерживающих туловищный хребет. Когда глаза закрываются веками, и зрение не получает уже более впечатлений, то прочие чувства сохраняют еще всю почти свою чувствительность. Обоняние засыпает только после вкуса, слух — только после обоняния, а осязание — только после слуха. И даже среди самого глубокого сна происходят еще отражения, вызываемые смутным осязанием. Мы повинуемся впечатлениям осязания, когда переменяем положение нашего тела в постели, когда оставляем естественным образом неловкое положение или ставшее неловким вследствие своей продолжительности; и это происходит большею частью без всякого перерыва самого сна.

Если чувства засыпают неодновременно, то и сон их бывает глубок неодинаково. Вкус и обоняние просыпаются последними. Зрение, по-видимому, просыпается труднее чем слух; неожиданный шум нередко вызывает из летаргии сонамбулов, на которых самый яркий свет не производил никакого впечатления, несмотря на раскрытые глаза их. Наконец, сон осязания, очевидно, прерывается легче, нежели сон слуха. Замечательно, что спать можно весьма покойным образом среди самого ужасного шума, часто даже вовсе без всякой привычки к этому, и, напротив того, достаточно самого незначительного возбуждения осязания, чтобы прервать

[217] Возбуждающие условия не распространены тогда в таком большем числе во всех частях тела; и хотя в таком случае головной мозг не выказывает во многих отношениях всей своей деятельности, как в бодрственном состоянии, тем не менее в нем сосредоточиваются эти условия. Причина, почему присутствие их, дав головному мозгу возбуждение в одном смысле, кончает оцепенением его во всяком другом отношении, зависит от физиологических законов, разбирать которые здесь не место. Факт этот тем не менее постоянен. (Примечание первого издания.)
Некоторые люди, по-видимому, не так поняли эти слова; я вовсе не говорил, что в головном мозгу во время сна происходит больше деятельности, чем во время бодрствования, но что сон не есть чисто страдательное отправление, что возбудительные причины сосредоточиваются в нем и вызывают это отправление и что с этим органом происходит то же самое, что и со всяким другим, исполняющим какое бы то ни было отправление: сном отдыхает он от бодрствования и бодрствованием — от сна; но он никогда не находится в том бездеятельном состоянии, которое вымышлено людьми, вносящими в науку о жизни грубые, механические понятия (Год XIII).

глубокий сон: человек, которого не могли разбудить внезапным и сильным шумом, вскакивает мгновенно от слабого щекотания подошвы его ноги.

§ II. — Что происходит в органах чувств и в других внешних частях тела, то представляет верный сколок с того, что совершается в органах, одушевляющих внутренние чувствующие оконечности. Внутренности засыпают одна вслед за другою, и засыпают весьма неодинаково.

Мы уже заметили, что с приближением сна дыхание замедляется; во все его продолжение, особенно в первые часы, дыхание происходит медленно и глубоко. Таким образом, не приписывая единственно состоянию легкого замечаемое в то же самое время уменьшение теплоты, можно заметить, что легкое засыпает только отчасти, но зато прежде самих органов чувств, а обильные отхаркивания, нередко наступающие спустя полчаса или час после пробуждения, показывают, что орган этот, совершенно не в пример другим, например зрению и осязанию, только мало-помалу вступает во всю свою силу и деятельность.

Желудок во время сна действует обыкновенно более медленно и менее совершенно; червеобразные движения кишек становятся вялыми; самые соки, смачивающие пищеварительный канал и содействующие растворению пищевых веществ, по-видимому, бывают одарены меньшей энергией; отделения испражнений задерживаются, словом, все отправления, входящие в пищеварение, ослабляются и замедляются. Это не означает, чтобы люди, в особенности занимающиеся грубыми мускульными работами или делающие много движений, имели во время сна трудное пищеварение; существуют даже такие, желудок которых работает тогда еще лучше, чем в бодрственном состоянии: но у первых пищеварение, хотя легкое и совершенное, все-таки происходит тогда гораздо медленнее; у вторых, именно вследствие того, что отправление это замедляется и становится покойнее, оно исполняется лучше; а если некоторые люди действительно варят пищу скорее во время сна, чем в бодрственном состоянии, то исключение это представляет собою только новый пример разнообразия и странности, представляемых животным организмом, или новое доказательство в пользу могущества привычки.

Прибавим, что исключение это может быть отнесено к числу других подобных же явлений, представляемых отправлениями внешних органов.

С одной стороны, мы видим, что сонамбулы пользуются с необыкновенною силою и ловкостью мускулами рук и ног, между тем как чувства их погружены в глубокий сон. Пораженные столбняком, остающиеся чаще всего бесчувственными к какому бы то ни было внешнему возбуждению, тем не менее нередко могут сохранять данное им положение, для чего требуется продолжительное сокращение мускулов, необходимых для принятия и для сохранения этих положений; иногда они могут идти довольно долго прямо и удержать на некоторое время данное им направление

и силу, с которою их толкнули: факт этот я сам имел случай наблюдать неоднократно.[218]

С другой стороны, известно, что люди могут легко получить привычку спать на лошади, у которых, стало быть, воля управляет тогда еще многими мускулами спины. Другие могут спать стоя. По-видимому, многие путешественники, вовсе не бывшие сонамбулами, проходили в состоянии несомненного сна довольно значительные расстояния. Гален говорит,[219] что долго отвергал все подобные рассказы, пока сам на себе не испытал справедливость их. В одном ночном путешествии он заснул на ходу, прошел около стадии (85 саж.) среди глубокого сна и проснулся, оступившись о камень.

Эти необыкновенные случаи не составляют единственного примера движений, производимых во время сна остатком воли; ибо в силу известных, непосредственных ощущений человек во время сна отгоняет рукой муху, ходящую по лицу его, тянет на себя одеяло, тщательно заворачивается в него, или, как мы уже заметили, переворачивается, чтобы принять более удобное положение. Силой воли мы удерживаем во время сна сокращение сжимательной мышцы мочевого пузыря, против усилий мочи, стремящейся наружу; ей направляется движение руки, отыскивающей ночной горшок и умеющей найти его, ей же объясняется, что мы несколько минут можем пользоваться им и поставить его на место, не пробуждаясь окончательно. Наконец, не без основания многие физиологи приписывают влиянию воли сокращение многих мускулов, движение которых поддерживает во время сна дыхание.

§ III. — Но по способу своего возбуждения во время сна наибольшего внимания заслуживают органы воспроизведения. В бодрственном состоянии деятельность их, по-видимому, совершенно независима от воли: возбуждающие их причины заключены в них самих или зависят от впечатлений, получаемых другими органами и прямо передаваемых им особенной, непосредственной симпатией; мыслящий орган, по-видимому, принимает в них участие только для составления или для призыва образов, относящихся к этим впечатлениям, и таким образом укрепляет только их первое действие. Во время сна они не призываются более к деятельности действием внешних чувств; стремления их вызываются тогда только их собственными впечатлениями, впечатлениями нескольких внутренностей, тесно связанных с ними природой своих отправлений или родом своей чувствительности, и образами, пробуждающимися в головном мозгу. Тем не менее, вовсе не разделяя утомления внешних чувств, по мере того как засыпают последние, органы воспроизведения приобретают тем сильнейшую раздражаемость; самые мимолетные, сладострастные образы, слагающиеся в нервном средоточии, или

[218] Вансвитен в своих Записках о падучей болезни приводит еще более поразительный пример девушки, пораженной каталепсией, которая среди самого глубокого сна говорила и ходила с большей живостью.
[219] Gal. De motu musculorum (О движении мускулов), lib. II, cap. IV.

самые слабые возбуждения нервных оконечностей этих органов бывают достаточны для приведения их в деятельность. Возбуждения эти можно отчасти отнести к теплой постели, которая, без сомнения, действует на них как прямой возбудитель, в особенности же — к спазмам нижней части живота; ибо, не встречая противодействия со стороны внешних мускульных движений, спазмы эти действительно получают тогда гораздо большее могущество, и быстро распространяются по всем частям тела, связанным с ними самой слабой симпатией или даже только близким соседством.

Я показал в другом месте, что зарождающиеся в мозгу образы во время сна необходимо должны оказывать сильнейшее влияние на органы, отправления которых находятся в зависимости от них, ибо обманчивость их не исправляется и не сдерживается уже, как в бодрственном состоянии, непосредственными ощущениями и действительностью предметов.

Но и независимо от различных условий этих, действие и могущество которых не может подлежать сомнению, сон сам собой, состоянием, в которое он приводит всю нервную систему, новой цепью или новым ходом отправлений, возбуждаемых им в различных отдельных системах, словом, вносимыми им изменениями, то в отправления всех органов, то в самую их возбуждаемость, постоянно и непосредственно увеличивает еще, как деятельность органов воспроизведения, так и мускульную их силу. Все почти наркотические вещества, если только приемы их не будут настолько велики, что приведут в оцепенение жизненные силы, возбуждают желания любви и хотя временно усиливают возможность их удовлетворения в то же самое время, как вызывают известную степень усыпления. Часто замечено было, что трупы турецких и персидских солдат, оставшихся на поле сражения, находились в состоянии упорного полового возбуждения, которое не только не уступало судорожному страданию, но усиливалось им и сохранялось на долгое время после смерти. Возбуждение это явно причинялось опьянением от опиума.

Органы, как внешние, так и внутренние, не только засыпают в различной степени и в последовательном порядке, но кроме того, между ними, особенно между последними, устанавливаются новые симпатические отношения, новая зависимость впечатлений, или исключительно свойственных им, или полученных извне и смешивающихся с ними по воспоминанию. Из этого вытекает новый порядок влияния их чувствующих оконечностей на общее мозговое средоточие. Таким образом, например, спазмы в кишках, в грудобрюшной преграде, во всей грудобрюшной области, переполнение сосудов воротной вены или тягостное состояние пищеварения вызывают в головном мозгу иные образы во время сна, чем в бодрственном состоянии, а способ возникновения их во время сна, как мы сейчас увидим, совершенно сходен со способом зарождения призраков, свойственных

бреду и помешательству при болезненных поражениях различных внутренних органов.

Помимо того, это преобладание особенного порядка впечатлений или отправлений, которые с полным основанием принимались за отличительную черту целого класса умопомешательств, встречается, однако же, как во время сна, так и в продолжение различных болезней, и даже при некоторых особенных состояниях, только удаляющихся от естественного порядка. Внутренние, обнаруживающие наибольшую готовность разделять усыпление внешних чувств, сами могут обратиться в средоточие этой преобладающей деятельности. Существуют нервные поражения, пробуждающие во время сна такую деятельность в желудке и в кишках, которой они вовсе не имеют во всякое другое время. Я встречал много таких больных, которые, ложась спать, принуждены были класть на свой столик что-нибудь, что они могли бы съесть ночью. Люди, не принимающие достаточного количества пищи, во время сна почти постоянно преследуются образами, относящимися к неудовлетворенной ими потребности. Тренк говорит, что когда он умирал с голоду в своей тюрьме, то сновидения каждую ночь представляли ему роскошные берлинские обеды; он видел столы, уставленные самыми вкусными и обильными кушаньями, себя — среди пирующих, принимающего наконец за удовлетворение несносной, мучившей его потребности.

§ IV. — Таким образом, из трех родов впечатлений, из которых образуются представления и побуждения, засыпают вполне или почти вполне только те, которые получаются нами извне; внутренние впечатления сохраняют свою деятельность относительно отправлений в органах, их симпатий, их текущего состояния и их привычек; возбуждения, лежащие в глубине самой нервной системы, не развлекаясь более впечатлениями внешних чувств, и раз приведенные в деятельность, часто должны брать верх над теми, которые находятся или отправляются в различных, внутренних, чувствующих оконечностях. Таким образом, снится иногда, что чувствуешь боль в груди или во внутренностях, а пробуждение доказывает, что это чистый обман. Можно также чувствовать во сне голод, когда желудок обременен пищею,[220] и если непосредственное возбуждение половых органов часто составляет настоящую причину сладострастных образов, слагающихся в головном мозгу во время сна, то весьма нередко только от этих образов зависит само возбуждение этих органов.

С другой стороны, известно, что помешательство состоит вообще в непобедимом преобладании известного порядка мыслей и в отсутствии отношений между ними и действительными, внешними предметами. Если обратиться к производящему этот беспорядок физическому состоянию, то нетрудно заметить значительное несогласие между различными впечатлениями, непосредственное возмущение или ослабление тех, которые должны получаться органами чувств, а в крайней степени

[220] Многие наблюдения не оставляют во мне ни малейшего сомнения в действительности этого факта.

помешательства можно увидеть даже, что последние впечатления почти вовсе не замечаются рассудочным органом, и вся чувствительность сосредоточивается, по-видимому, во внутренностях или в нервной системе.

Я вовсе не имею здесь в виду безумия, находящегося в зависимости от отсутствия раздельно сознаваемых ощущений, и вследствие этого подчиняющих все почти действия идиота простым законам инстинкта. Равным образом, я прохожу молчанием о той слабости и подвижности мысли, вследствие которых она постоянно перебегает от одного представления к другому и которые не позволяют ей остановиться ни на одном; состояние это вызывается отсутствием согласия между мозговым органом и прочими, как внутренними, так и внешними системами, вследствие чего мятежная деятельность первого не встречает во вторых необходимого противодействия, чтобы доставить ему прочную точку опоры. Я не считаю также нужным останавливаться на тех ложных сочетаниях представлений, которые навсегда вызывают настоящее помешательство, но которые составляют непосредственный источник множества неверных мыслей и извращенного воображения. В самом деле, сочетания эти еще очевиднее принадлежат к тому разногласию, о котором мы сейчас упоминали, ибо без всякого сомнения они вытекают из того, что головной мозг, рассматривая представления с известной только точки зрения, связывает их между собою несовершенными сходствами и различиями; но он рассматривает их таким образом, потому что известные преобладающие впечатления подчиняют и заглушают все остальные.

§ V. — Но в чем состоят теперь эти сновидения или ряды отправлений, которые головной мозг, как рассудочный орган, может еще производить во время сна или, вернее, каким родом впечатлений и каким состоянием животного организма вызываются сновидения?

Из того, что сказано нами, становится очевидным, что они появляются в состоянии, при котором прерываются отправления внешних чувств, которое умеряет деятельность многих внутренних органов и вызываемых ими впечатлений, но умеряет их в различной степени и даже увеличивает чувствительность и силу некоторых из них; наконец, очевидно, что состояние это в то же самое время сводит и сосредоточивает бóльшую часть нервных сил в мозговой орган, и представляет его на произвол собственных его впечатлений или впечатлений, получаемых внутренними чувствующими оконечностями, которые не могут быть уравновешены и исправлены внешними чувствами.

Сочетания представлений, слагающихся в бодрственном состоянии, могут возобновиться во время сна. Вот почему известная мысль так легко и так быстро напоминает множество других, почему такой-то образ влечет за собою целую толпу других, которые, по-видимому, не имеют с ним ничего общего. Мимолетные впечатления связываются таким же образом с целою цепью представлений, с целыми рядами самых разнообразных картин: достаточно, чтобы сочетание

произошло один раз, чтобы оно могло быть воспроизведено во всякое время, в особенности, когда молчание внешних чувств уменьшает в значительной степени вероятность новых сочетаний.

Если во время сна возникнет в мозговом органе какое-нибудь отдельное впечатление, будет ли оно вызвано непосредственно из глубины самой нервной мякоти его, придет ли оно со стороны чувствующих оконечностей, одушевляющих внутренние органы, за ним могут немедленно последовать длинные, подробные сновидения, в которых предметы, казавшиеся почти изгладившимися из памяти, появляются с необыкновенною силою и отчетливостью. Сдавление грудобрюшной преграды, пищеварительные процессы, деятельность органов воспроизведения нередко вызывают или давно случившиеся события, или лица, мысли, картины, давным-давно утраченные из виду; ибо вовсе несправедливо, чтобы сновидения были независимы от предметов, которыми обыкновенно мы занимаемся в бодрственном состоянии. Без сомнения, сочетаниями этих предметов с впечатлениями, которые вследствие привычки к ним легче всего возвращаются, объясняется то, что они легко возникают сами собою, но очевидно также, что сновидения нередко переносят нас далеко от самих себя, от наших понятий и обычных чувствований.

И это еще не все. В нас могут зародиться во время сна мысли, которых мы никогда не имели. Мы рассуждаем, например, с человеком, который говорит нам такие вещи, о которых мы не слыхали — и вовсе не следует удивляться, что в невежественные времена легковерные умы приписывали эти необыкновенные явления сверхъестественным причинам. Я знал одного очень умного и очень образованного человека,[221] который верил, что много раз узнавал во сне об исходе интересовавших его в то время предприятий. Крепкая голова его, во всех отношениях свободная от предрассудков, не могла освободиться от суеверных понятий относительно этих внутренних предупреждений. Он не хотел обратить внимания на то, что глубокий ум его и редкая проницательность направляли еще деятельность его головного мозга во время сна, как это нередко замечается даже среди бреда у людей с развитою нравственною природою. В самом деле, мысль может производить свои исследования во время сна;[222] она может идти вперед определенным рядом размышлений к таким понятиям, которых она не имела; она может совершать по своему произволу, как это и делается ею ежеминутно в бодрственном состоянии, быстрые соображения, которые раскрывают пред нею будущее; наконец, некоторые ряды внутренних впечатлений, в связи с предшествовавшими им представлениями, могут привести в деятельность все силы воображения и представить пред человеком цепь явлений, о которых может

[221] Знаменитого В. Франклина.

[222] Кондильяк рассказывал мне, что работая за своим курсом, ему нередко случалось идти спать и оставлять почти оконченную, но еще не отделанную работу, и что при пробуждении он неоднократно находил ее вполне готовою в своей голове.

показаться ему, что он узнал, со всеми подробностями из действительного разговора.

Таковы отношения между сновидениями и бредом, между причинами, вызывающими сон, и причинами, производящими помешательство. Я прибавлю, что спиртные напитки и одуряющие растительные вещества, способные, при различных приемах, причинить более или менее глубокий сон, могут также исказить в различной степени умственные отправления и даже вызвать неистовый бред. Некоторые припадки помешательства постоянно открываются спячкою или столбняком. Наконец злоупотребления сном всегда искажают более или менее отправления рассудочного органа и, в конце концов, могут причинить настоящее помешательство. Формей приводит,[223] что один знакомый врач Бургаве, проведя большую часть жизни своей среди сна, мало-помалу лишился рассудка и кончил жизнь в доме умалишенных.

Это не означает, впрочем, что помешательство и бред всегда зависят от этой причины или что они постоянно связаны с тождественными условиями: напротив того, случается довольно часто, что они вызываются непосредственно чрезмерной чувствительностью органов чувств и чрезмерной продолжительностью их возбуждения. Люди, одаренные сильным воображением, за рассудок которых следует более всего опасаться, бывают обычно весьма чувствительны к внешним впечатлениям. Тем не менее, этот несомненный факт не противоречит до такой степени вышеприведенным наблюдениям, как это может показаться на первый взгляд. Когда воображение складывает свои образы, чувства молчат; когда обнаруживается помешательство, производимое чрезмерными ощущениями, чувство и отправления сосредоточиваются во внутренностях и в глубине нервной системы, и степень этого сосредоточения можно принимать за точную меру помешательства или исступленного состояния, отличающего всякий род сильного возбуждения мозгового органа, не исключая и слабой степени бреда, которой дают название вдохновения.

§ VI. — *Заключение.* — Здесь я оканчиваю, и эту параллель, и этот длинный Мемуар. Разумеется, многое еще можно бы было сказать об отношениях между помешательством и различными, частными состояниями органов; в особенности было бы чрезвычайно интересно проследить, каким образом помешательство и некоторые представления взаимно возбуждают и уничтожают друг друга. Если бы эти исследования были продолжены как можно дальше, то, разумеется, из них вытекли бы более точные понятия, как о каждом роде бреда, так и о предохранительных средствах, к которым следует прибегать при первом появлении признаков его, так, наконец, и о правильном ходе физического и нравственного лечения, наиболее пригодного в каждом отдельном случае. Было бы в высшей степени интересно показать в подробности, по какому прямому закону каждый

[223] Сборник философских статей

отдельный орган или совокупная деятельность нескольких, не исключая, разумеется, и органа мысли, может произвести беспорядок в рассудочных отправлениях; каким образом следует действовать на них, чтобы прекратить этот беспорядок. Наконец, было бы в высшей степени выгодно получить возможность привести в порядок, и не на основании теоретических соображений, а на основании несомненных фактов и постоянных признаков, различные роды умопомешательства, смотря по соответствующим им причинам, и точно отличить те из них, которые излечимы, от тех, против которых все усилия остаются бесплодны. Врачебная наука, как и идеология выиграли бы одинаково от такого прекрасного труда.

Мемуар одиннадцатый: О влиянии нравственной природы на физическую.

Введение. — § I.— Все части вселенной находятся в известных отношениях друг к другу, все движения находятся в соответствии, все явления связаны между собою, уравновешивают или необходимо вызывают одно другое. Этот правильный механизм, этот порядок, эта связь, эта зависимость с давних времен должны были поразить умы, настолько светлые, чтобы заметить и признать их. Ничто не могло до такой степени привлечь внимание наблюдателей, поразить удивлением живое и сильное воображение, возбудить энтузиазм в чувствительных душах, и действительно, ничто так не заслуживает нашего удивления. Кто не заплатил тысячу раз этой дани природе! Кто оставался бесстрастным и холодным зрителем той красоты, которую постоянно расточает она пред нашими глазами и разливает вокруг нас с такою мудрою щедростью.

Но какое бы восхищение ни охватывало нас среди этого созерцательного поклонения природе и среди сопровождающей его смутной мечтательности, не следует отдаваться им безусловно. Когда они выходят из-под власти рассудка, то все эти впечатления, вызываемые в нас чудесами природы, становятся не только бесплодными, но могут еще породить в разуме порочные привычки и дать нам совершенно ложные понятия о нас самих и об окружающем нас мире.

Таким образом, если будут побеждены эти восхищения и если мы проникнем в самую глубину вещей, то нам нетрудно будет увидеть, что настоящий порядок, в сущности, не есть единственно возможный, и что необходим только какой бы то ни было порядок при предположении материи, находящейся в *движении*. В самом деле, если бы мы предположили даже, что частицы материи не связаны между собою и не находятся во взаимной зависимости, что движения их беспорядочны и даже противоположны друг другу, то преобладающее движение, или становящееся преобладающим, совокупным действием нескольких, скоро должно бы было подчинить остальные и привести их в порядок; частицы же материи, которые окажут сопротивление внушаемому им направлению, были бы, или вполне преобразованы для всестороннего перерождения, или по крайней мере видоизменены со стороны, оказывающей сопротивление, пока они не придут в согласие со всеми остальными и не получат возможность исполнять предназначенное им действие. Если бы даже вся материя была постоянно и совершенно однородна, то есть, если бы все частицы ее были одарены одним только свойством и не были бы в состоянии приобрести никакого нового качества при содействии движения, то можно заключить, что между этими различными частицами возникли бы исключительно только чисто механические отношения, касающиеся только их местопребывания. Но если, напротив того, материя одарена

многими различными свойствами, если, кроме того, она способна приобретать бесчисленное множество других, совершенно новых, свойств в силу последующих сочетаний, необходимо вызываемых движением, то это неизбежно повлечет за собою бесчисленное множество правильных явлений; и если раз будет определена природа движения или движений, так же как и свойства самой материи, то становится очевидным, что все явления должны вызываться и связываться в определенном порядке не менее могущественной необходимостью, чем та необходимость, по которой тяжелое тело должно повиноваться законам тяжести.

Итак, порядок есть существенное свойство материи, находящейся в движении, а порядок всегда предполагает единство в общем движении или соответствие между всеми существующими явлениями.

Сверх того, очевидно, что если сохранение всего настоящего порядка зависит от точного согласия между силами, приводящими его в движение, то это согласие еще более необходимо для сохранения отдельных частей, особенно организованных существ, или мимолетных форм, которые, по-видимому, извлечены на время особенными силами из механических законов общего движения.

Таким образом, если бы в человеке действовали первоначально различные и даже противоположные начала, то они скоро были бы приведены к единству, то есть, еще раз, к такому состоянию движений, в котором они смешиваются в одно, или которое подчиняет слабое — сильному, связывает его с ним, и этим обращает последнее в одно, общее движение. Ничего, стало быть, нет удивительного в том, что отправления, совокупность которых носит название *нравственной природы*, находятся в связи с другими отправлениями, называемыми обыкновенно *физическими*, и что они находятся во взаимодействии, примем ли мы два начала или несколько отдельных начал, заправляющих всеми, многоразличными, органическими отправлениями.

Но из этого вовсе еще не следует, чтобы различные отправления доказывали различие в вызывающих эти отправления причинах. Две машины приведены в действие одной и той же силой, а работы их, может быть, не будут иметь ни одной сходной черты: для этого достаточно, чтобы машины различались по своему устройству. Обратно, две совершенно различные силы могут быть поочередно приложены к одной и той же машине и нисколько не изменить ее работы. Отправления, предназначенные легкому, желудку, органам воспроизведения, органам произвольного движения, разумеется, весьма несходны. Но разве это дает нам право приписывать живому телу столько деятельных сил, сколько мы находим в нем действий и отправлений, и увеличивать число деятелей соответственно с числом явлений? И если мысль существенно отличается от животной теплоты, как последняя отличается от питательного сока или семенной жидкости, то из этого вовсе не следует, чтобы мы имели право прибегать к неизвестным, особенным для каждого отправления силам, которые приводили бы в деятельность органы

рассудочной деятельности и объясняли бы влияние их на прочие части животного организма. Наконец, на каком основании имеем мы право отвергнуть это влияние в других явлениях, аналогических и совершенно подобных, если мы не имеем в виду преднамеренного желания задернуть густым покровом исследование впечатлений, побуждений, жизненных отправлений и движений, вообще исследование жизни, какою она является под непосредственным наблюдением ее явлений?

Органы способны вступить в деятельность и производить известные отправления настолько, насколько они одарены жизнью или насколько они чувствительны; только чувствительностью они одушевляются, только в силу ее законов они получают впечатления и побуждаются к движению. Впечатления, получаемые их чувствующими оконечностями, переносятся в средоточие отраженной деятельности; средоточие это, частное или общее, посылает в соответствующий ему орган стремления, совокупность которых составляет отправление, свойственное этому органу. Если, как это иногда случается, впечатления получены другим органом, не тем, которому следует произвести соответствующие этим впечатлениям отправления, то нервная система служит посредником между ними или средством сообщения. Причина впечатлений может, наконец, находиться в самой глубине мозговой системы; в таком случае впечатление вытекает из той части средоточия, которая особенным образом связана с органом, отправление которого следует ей вызвать.

Точно то же самое происходит и в отдельных органах, непосредственное отправление которых состоит в произведении мысли и воли. Впечатления, из которых вытекает суждение, передаются чувствующими оконечностями и получаются в средоточии системы; суждение слагается из их сравнения; воля рождается из суждения.[224] Хотя на зарождение мысли и воли могут оказывать большее или меньшее влияние различные органы, хотя в известных случаях, кажется даже, что мыслишь и желаешь некоторыми отдельными, отменно чувствительными внутренностями, но и в этих случаях средоточие отраженной деятельности есть всегда само мозговое средоточие; из него вытекают все последующие стремления, на которые следует смотреть совершенно таким же образом, как на всякое отправление, производимое целым органом, приведенным в действие.

С другой стороны, мы замечаем, что органы отзываются на возбуждение каждого из них, что они вступают в согласную деятельность, что они раздражают друг друга, уравновешивают и противодействуют друг другу соответствующими им отправлениями. Они соединены общей связью, они составляют части одного и того же целого. Степень их чувствительности, природа и значение их отправлений, их

[224] Существует постоянно известное суждение, действительное или вызываемое привычкой, даже в таких душевных движениях, которые отвергаются рассудком. Если припомнить то, что было уже сказано нами о происхождении первых стремлений и об инстинкте, то это явление не представит никаких затруднений.

относительное расположение, их стремление, цель и употребление определяют характер и устанавливают границы этого взаимного влияния. Но, помимо того, между ними могут возникнуть случайные и особенные связи; симпатии, вовсе не свойственные всем вообще людям, могут быть случайно вызваны пропорциональным различием в силе или в чувствительности соответствующих органов, будет ли зависеть это различие от прирожденной организации, или оно будет следствием известных болезней или других случайных обстоятельств. Законы, управляющие, например, брюшными внутренностями, управляют явным образом и органами мысли; последние подчинены им без какого бы то ни было ограничения. Если система воротной вены оказывает влияние на печень и на селезенку, печень и селезенка — на желудок, желудок — на органы воспроизведения, органы воспроизведения — на те и на другие, и обратно, то мозговой орган, рассматриваемый как орган мысли, обычным или временным состоянием, вытекающим из его отправлений, связан не менее тесной и взаимной зависимостью с печенью, селезенкой, желудком и детородными частями. И если в симпатии внутренностей мы замечаем иногда различные, совершенно новые явления, если органы эти оказывают самое разнообразное действие друг на друга, если даже устанавливаются между ними небывалые и необыкновенные отношения, то влияние их на мыслящий орган и влияние на них мозга нередко совершенно нарушается, так что иногда один и тот же внутренний орган принимает самое деятельное участие в вызове мысли, а в другой раз совершенно отстранен от него.

Вот, говорю я, постоянные факты, беспрестанно встречаемые наблюдением.

§ II. — Чтобы составить себе точное понятие о вопросе, составляющем предмет этого Мемуара, необходимо войти в некоторые подробности.

Огромное влияние того, что называют *нравственной природой*, на то, что называют *физической природой*, есть общий и несомненный факт; бесчисленные примеры ежедневно подтверждают его, и всякий человек, сколько-нибудь способный к наблюдению, в самом себе тысячи раз находил его подтверждение. Многие физиологи и моралисты собрали доказательства, более всего способные показать самым осязательным образом это могущество мыслей и страстей над различными органами и над различными отправлениями живого организма. Нет ни одного человека, который бы не мог присоединить какого-либо нового факта к собранным наблюдениям. Самые невежественные и легковерные люди говорят о действии воображения; если они чаще других бывают игрушкой его и жертвой, то они умеют по крайней мере замечать и признавать это действие в других.

Не подлежит сомнению, что, смотря по состоянию мысли, по различной природе представлений и нравственных побуждений, деятельность органов может быть поочередно возбуждена, прервана или совершенно изменена.

Взгляните на сильного и здорового человека, только что хорошо пообедавшего; среди чувства благосостояния, разливающегося по всему его телу присутствием в желудке питательных веществ, пищеварение совершается энергично, и пищеварительные соки растворяют их легко и быстро. Как только человек этот получит неприятное известие, или как только подымутся в его душе мрачные и гибельные страсти, желудок и кишки его мгновенно прекращают свое действие на заключающиеся в них питательные вещества. Самые соки, которые почти совсем уже растворили их, как будто поражены смертельным отуплением; и, между тем как нервное влияние, управляющее пищеварением вполне прерывается, нервное влияние, заведующее испражнением остатков, получает значительное напряжение, и немедленно изгоняет наружу все вещества, заключающиеся в кишечном канале.

Известно, что нет органа, который бы находился в таком подчинении воображению как органы воспроизведения. Представление милого предмета приятно возбуждает их, отвратительный образ приводит их в оцепенение. Страсть может почти постоянно увеличить в значительной степени физическое могущество любви даже в самых слабых людях, но и чрезвычайное ее напряжение может иногда, как заметил Монтень, уничтожить любострастные силы, и мгновенно парализовать их даже в самых сильных людях.

Эти два противоположных явления не составляют единственного примера. Я знал одного молодого студента медицинского факультета, у которого, вследствие припадка ревности, явилось на несколько часов непобедимое и до крайней степени болезненное половое возбуждение (приапизм) в сопровождении попеременного извержения семени и почти чистой крови.

Страх понижает и может убить мускульные и дыхательные силы; радость, надежда, мужественные чувства удесятеряют их; гнев может увеличивать их в некотором роде до бесконечности.

Но и сама деятельность чувствительности находится в неменьшей зависимости от представлений и душевных побуждений. На человека, удрученного печальными мыслями, озабоченного горестными чувствами, внешние предметы производят совсем иные впечатления, чем на него же, когда он взволнован сладостными и приятными образами, или когда он находится в счастливом и покойном состоянии.

Впечатления находятся в нас самих, а не в предметах; последние могут быть только случаем для их возникновения. Но каким образом мы ощущаем их присутствие и их действие на нас — зависит от нашего настроения; волею мы можем иногда даже совершенно исказить то действие, которое производят они на чувствующий орган. Наконец, оставляя в стороне обманы чувств, которые так часто случаются с людьми, одаренными сильным воображением, и которые представлялись обыкновенно как сильное возражение *противниками философии Локка*; оставляя в стороне в особенности другое, еще более необыкновенное влияние воображения матери на

зародыш, заключенный в матке, (влияние, подтверждаемое весьма многими, заслуживающими доверия наблюдателями, отрицать действительность которого, быть может, было бы столько же неблагоразумно, как и слепо принимать на веру все, приводимые ими примеры), достаточно самого поверхностного знакомства с животным телом, чтобы убедиться в широком влиянии нравственного состояния на все органы и на все их отправления.

§ III. — В предыдущих Мемуарах мы признали, что ряд полученных впечатлений и отраженной деятельности различных средоточий чувствительности возбуждает органы и вызывает в них свойственные им отправления. Мы знаем, что природа впечатлений и отправлений, соответствующая природе каждой породе и каждому отдельному животному, соответствует также природе каждого органа и собственных ему отправлений. Равным образом, неоднократными исследованиями мы убедились, что представления, инстинктивные стремления, сознательные желания и какие бы то ни было побуждения слагаются совершенно подобным же механизмом, как и самые простые органические отправления и движения, и что если мозговая система, непосредственное орудие этих более возвышенных процессов, оказывает сильнейшее действие на животные системы низшего порядка, то это действие вполне сходно, как по своим причинам, так и по образу своего происхождения, с действием, которое они оказывают друг на друга и от которого не освобождена сама мозговая система.

Тем не менее, так как органы мысли и воли, как бы наперекор этому совершенному сходству, представляют несколько особенных черт, которыми они, по-видимому, отличаются от прочих частей живого организма, то я считаю необходимым еще раз окинуть быстрым взглядом эту картину; и чтобы составить себе более полное понятие о предмете нашего настоящего исследования, мы рассмотрим условия, которые усиливают или уменьшают взаимное влияние отдельных органов, чтобы сравнить их с условиями, производящими то же самое действие на отношения к ним мозговой системы.

Органы мысли и воли тем отличаются от всех других органов, что последние получают от них жизнь и деятельность,[225] что они способны правильно чувствовать и двигаться только в силу получаемого ими нервного влияния, источник которого находится в мозговой системе; что в отношении чувствительности, их можно рассматривать, как произведения или как части этой системы, которые, несмотря на свое превращение, находятся у нее в подчинении. В самом деле, — мозговая система своими оконечностями одушевляет все тело. Она присутствует всюду, она всем заправляет, чувствует, приводит в деятельность и видоизменяет живые части,

[225] Все эти положения вполне справедливы только для более совершенных животных; многие обстоятельства заставляют думать, что даже в них все части тела чувствительны, хотя и в различной степени. Но чувствительность их поддерживается, возобновляется, возрастает непосредственно через сообщение их с нервной системой: она совершенно потухает или перестает сознаваться, как только нервы этих частей будут отделены от общего ствола.

даже нередко перерождает их. Таким образом, хотя ее отправления, как мыслящего и желающего органа, совершаются по тем же самым законам, которые управляют прочими частями животного организма, нельзя не смотреть на нее с двух различных точек зрения. Она — прежде всего корень и общая связь всех частей, источник и распределитель общей чувствительности; затем — ей принадлежат некоторые, тем более важные отправления, что они сохраняют и руководят животное; вот почему, как бы тесны и многочисленны ни были отношения между частными органами, органы мысли и воли связаны со всеми остальными еще более тесными и многочисленными отношениями; и легко понять, что это так и должно быть, потому что в них сходятся все части организма, что стремления их составляют результат всех возможных впечатлений, раздельно сознаваемых или незамечаемых, и что они не только передают во все прочие органы жизненную деятельность, но, помимо того, сами они ежеминутно получают от них бессвязные материалы всех их отправлений. Словом, мозговая система, с одной стороны одушевляет все части, а с другой собирает все впечатления, которые получены ими вследствие ее же содействия; она судит, желает и вызывает все необходимые движения.

Но этот источник жизни не представляет собою начала независимого и безусловного. Ему самому необходимо в свою очередь возбуждение, чтобы действовать и оказывать влияние на прочие системы. Все отправления связаны между собою и составляют цепь, которая не может быть прервана. Отправления мозгового органа не составляют исключения из общего закона; и хотя они отличаются особенными, весьма замечательными чертами, образ деятельности их тем не менее совершенно тот же, которым запечатлены прочие органы и которым обусловлены прочие отправления.

§ IV. — Еще раз, всякое отправление органа, всякое движение, всякое стремление предполагает предшествовавшие ему впечатления. Будут ли эти впечатления получены чувствующими, внешними или внутренними оконечностями, будет ли причина их лежать в самой глубине мозговой мякоти, они всегда приводятся к средоточию отраженной деятельности, которое обращает их назад в виде стремлений, движений, отправлений — к частям, которым свойственны последние. Эта прямая и отраженная деятельность часто может происходить в животном без всякого о ней сознания. В самом деле, так это и случается всякий раз, как впечатления ограничиваются отдельным средоточием, если только вызванные ими отправления не станут источником других, последующих впечатлений, достигающих до общего средоточия; случается даже, что многие из тех, которые должны оказывать содействие более раздельным впечатлениям, переданные органами чувств, не сознаются сами собою, или как впечатления, но сознаются, как результаты их, то есть, как суждения и сознанные желания, вытекающие из сочетания их в мозговом средоточии.

Исследование этих различных свойств полученных впечатлений или, вернее, различных отношений их к живому организму, безусловно необходимо, для составления точного понятия о всех жизненных отправлениях и для избежания крайне ложных понятий о природе и законах чувствительности.

Но различие состоит здесь не в механизме, которым получаются и передаются впечатления, слагаются стремления и исполняются отправления; оно заключается только в роде и в характере средоточий отраженной деятельности и вызываемых ими отправлений; и будем ли мы рассматривать мозговой орган, как общее хранилище чувствительности, как животворный посредник между всеми частями тела, или как специальный орган суждения и сознанного желания, мы всегда найдем, что он вступает в прямую и отраженную деятельность и исполняет отправления совершенно таким же образом, как самое незначительное средоточие, в котором вызываются самые смутные и ограниченные отправления.[226]

В этой непрерывной цепи впечатлений, стремлений, отправлений, всякого рода движений, как внутренних, так и внешних, все органы оказывают взаимное действие друг на друга: они сообщают друг другу свои возбуждения, они поощряют или сдерживают друг друга, они содействуют или противодействуют друг другу и взаимно уравновешиваются. Связанные отношениями строения, местоположения или неразрывности, как части одного целого, они тем более составляют одно целое вследствие общей цели, к которой стремятся, вследствие влияния, оказываемого каждым из них, на все отправления, имеющие предметом своим общее самосохранение неделимого. Таким образом, питание можно рассматривать, как самое необходимое в этом отношении отправление. Но для его отправления нужно, чтобы желудок и кишки получали нервное возбуждение, необходимое для их деятельности, чтобы печень, поджелудочная железа и железистые мешочки смачивали их растворяющими соками: нужно, стало быть, с одной стороны, чтобы нервный орган был возбужден, как следует, симпатическими впечатлениями, вызывающими это действие; с другой стороны — чтобы обращение общих жидкостей и отделение особенных соков совершалось бы правильно в соответствующих им органах. Но для того, чтобы нервный орган был возбужден, как следует, необходимо, чтобы его поддержало кровообращение; нужно, кроме того, чтобы животная теплота разветвила самые существенные чувствующие оконечности; а состояние кровообращения, в свою очередь, подчинено дыханию, принимающему могущественное участие в производстве животной теплоты.

Если мы исследуем таким образом одно за другим все главнейшие отправления, то найдем, что каждое из них связано со всеми другими более или менее непосредственными отношениями; что они должны взаимно поддерживать и

[226] В наибольшем числе отправлений мозгового средоточия, органа мысли и воли, предшествовавшие впечатления и суждения входят в качестве условий для настоящих суждений и побуждений: они играют тогда совершенно такую же роль как и современные им впечатления и, подобно им, вызывают или принимают участие в вызове отраженной деятельности мозгового средоточия.

возбуждать друг друга; что они составляют, следовательно, круг, в котором обращается жизнь, поддерживаемая этими взаимными влияниями.

Сверх того, существуют отправления, энергия которых зависит ближайшим образом от энергии прочих, предварительных отправлений, за которыми, по-видимому, они непосредственно следуют. Таким образом, для могущественной мускульной деятельности необходимо правильное пищеварение; таким же точно образом, при плохом пищеварении любострастные желания не могут быть особенно сильны. Для совершенного образования костей необходима свободная деятельность лимфатической и железистой системы; последний процесс может быть даже нарушен поражением таких органов, которые не имеют, по-видимому, никакого непосредственного отношения к костяной системе. Он становится, например, вялым и слабым вследствие отнятия половых органов: так что простое отделение двух уединенных железистых тел производит в животном теле род или начало английской болезни. Наконец, более сходная чувствительность некоторых, отдельных частей устанавливает между ними особенные отношения, как например между органами воспроизведения и органами голоса или обоняния. Нередко случается, что эти отношения бывают свойственны исключительно известным темпераментам или известным только неделимым: они образуют в таком случае исключительные или особенные симпатии, замечательные примеры которых собраны многими писателями; иногда же эти самые симпатии бывают только случайными следствиями, вызываемыми болезнями, условиями жизни или природою занятий.

§ V. — При внимательном исследовании всех условий, первоначально вызывающих эти отношения, или управляющих позднейшим их образованием, оказывается, что они могут быть приведены к нескольким определенным причинам и остаются в постоянном подчинении некоторым неизменным законам даже среди самых странных неправильностей.

Сходное строение, близкое соседство или непрерываемость, еще более действительные органические отношения, устанавливаемые множеством общих нервов и сосудов, не объясняют большей части симпатий; но они составляют очевидную причину некоторых, и дают средства для понимания других. В своем «*Трактате о слизистых телах*», Бордо, припоминая учение древних относительно двух великих разделений человеческого тела, с одной стороны на правое и левое, а с другой — на верхнее и нижнее, учение, подтверждаемое ежедневною врачебною практикою, но отвергаемое новейшими механическими теориями, потому что оно, по-видимому, не подтверждает их, так Бордо, говорю я, доказал, что большие распределения клетчатой ткани подтверждают во многих отношениях это разделение, сделанное древними на основании простого наблюдения над жизненными явлениями; он подтверждал даже, что теория некоторых болезненных припадков, особенно, обусловливаемых отделениями заушных желез и

выхаркиваниями, требует для своего объяснения анатомического знакомства с верхним клетчатым распространением и с его сообщениями с грудными органами или с лимфатическим шейным снарядом.

Что касается до отношений, вытекающих из сходства или подобия в строении, то оно ясно обнаруживается при болезнях желез, в которых поражение некоторых из них быстро сообщается другим, отдаленным железам, не касаясь общей лимфатической системы.

Поразительный пример отношений, вызываемых соседством частей, представляет необыкновенное влияние желудка, печени и селезенки на грудобрюшную преграду. В самом деле, по-видимому, нет другой причины, объясняющей эту тесную зависимость последней от этих органов; и еще очевиднее следует приписать общему устройству организации, общим большим нервным стволам и сосудам — многочисленные, взаимные симпатии всех брюшных внутренностей и значение геморроидальных засорений при многих болезнях этих внутренностей, особенно при завалах.

Но род влияния, оказываемого на все части тела каким-либо главным и преобладающим органом, вообще находится в зависимости от двух особенных обстоятельств: я имею в виду степень его чувствительности и значение его отправлений.

Особенная чувствительность органа обусловливается большим числом оживотворяющих его нервов. Стенки желудка и поверхность кожи, особенно ладоней рук и подошв ног, тоже одаренных особенной, нежной и чуткой чувствительностью, всюду усеяны нервными разветвлениями, а клетчатая ткань, по-видимому, лишенная их, совершенно почти лишена способности получать впечатления, по крайней мере в естественном своем состоянии.

Но это не всегда так бывает, ибо мы видим, что мускулы, получающие относительно большое количество нервов, одарены весьма смутной чувствительностью, а яички, получающие мало нервов, чрезвычайно раздражительны.

Следовательно, анатомия не всегда может объяснить и определить степень чувствительности органов, — это получается единственно наблюдением.

Но наблюдение показывает нам, что внешний орган, о котором мы говорим, и отдельные части которого предназначены для получения ощущений осязания, не только действует, вследствие самого назначения своего, с большей силою на мозговую систему, но, кроме того, он ежеминутно передает свои возбуждения легким, грудобрюшной преграде, желудку, кишкам и вообще всем брюшным внутренностям; что желудок оказывает, быть может, еще более могущественное влияние на внешний орган, на всю систему детородных органов, на двигательные

силы и в особенности на мозговое средоточие, ибо вполне справедливо, как сказал поэт-философ, что желудок управляет головою.

Наблюдение доказывает, наконец, что детородные части тоже оказывают весьма широкое влияние, как на состояние, так и на возбуждения, и на частные отправления головного мозга, мускулов, желудка и даже всей накожной системы.

Я вижу, что снова говорю о том, что было неоднократно сказано мною, и прошу извинить меня за повторения; они объясняются самим характером нашего исследования, все части которого, смею утверждать, тесно связаны и взаимно развивают и объясняют друг друга; так что последующие положения часто служат простым следствием предыдущих, и одно их перечисление бывает почти всегда достаточно для подтверждения первых. Но, с другой стороны, так как наши воззрения значительно удаляются от обыкновенной точки зрения на них, и так как главнейшие выводы высказываются нами впервые, то я поневоле должен опасаться каких-либо недоразумений. Таким образом, я нахожусь постоянно среди двух опасений, или повторяться, или не высказать вполне моей мысли. Но, признаюсь, последнее я считаю несравненно более важным, и нахожу несравненно лучшим утомить ваше внимание несколькими повторениями, чем рисковать быть непонятым.

Тем не менее, мы ограничимся несколькими только примерами для каждого рода органического влияния, о котором мы только что упоминали.

§ VI. — Действие желудка на мускульную систему зависит не единственно только от влияния, производимого различными состояниями простого питательного восстановления, главным деятелем которого служит эта внутренность; оно обусловливается еще особенною его чувствительностью и следует, стало быть, за всеми переменчивыми и капризными ее состояниями. Самое слабое и самое мимолетное нервное поражение желудка часто бывает достаточно для мгновенного уничтожения двигательных сил и для потери всякого сознания. Энергия или бессилие этого органа вызывает почти всегда подобное же состояние в органах воспроизведения. Мне случилось пользовать одного молодого человека, в котором внезапное бессилие последних произведено было искажением желудочного пищеварения, и который немедленно получил свойственную его возрасту силу, как только исправилось его пищеварение. Чаще всего, вследствие особенного состояния желудка, кровообращение усиливается или замедляется, совершается правильно или беспорядочно, а кожа становится гладкой или сжатой и сморщенной. Это двойное условие управляет ходом отправлений, распространяющихся от средоточия к поверхности и идущих от поверхности к средоточию; оно увеличивает или уменьшает внешнее испарение и всасывание, оно устанавливает между ними новые отношения, которые отражаются на все части организма. Оно же определяет органическое состояние накожных, нервных разветвлений, и этим видоизменяет в некотором роде по своей воле их

чувствительную деятельность и даже способность к впечатлениям. Наконец, из всех существенных органов головной мозг, как общий источник чувствительности и как непосредственный снаряд рассудочных отправлений, по-видимому, живее и быстрее всего отзывается на состояние желудка и на все впечатления, какие только получаются этой внутренностью. Из весьма интересного опыта известно, что достаточно маленького кусочка гнилого желтка, чтобы вызвать в ту самую минуту, как он будет проглочен, дурноту, головокружение, смешение понятий, невыразимую тоску, наконец, все припадки злокачественной нервной лихорадки,[227] — и весь этот беспорядок может прекратиться тотчас, как ничтожная причина его будет извергнута естественной или искусственной рвотой. Гран опиума, принятого кстати, может вызвать самый сладостный и покойный сон; иногда для этого благодетельного действия вовсе не бывает нужно, чтобы он был разложен пищеварительными соками, что подтверждается тем, что он возвращается целиком, слабой рвотой при пробуждении.

Полнота желудка или пустота, деятельность или бездействие, благосостояние или болезнь, словом, все, до самых мимолетных странностей вкуса и позывов, немедленно отдается в мозговом средоточии, и нередко следы самых ничтожных поражений его отражаются в характере или в направлении мыслей, в самых отчетливых побуждениях, как и в менее всего сознаваемых инстинктивных стремлениях.

Если с одной стороны грудобрюшные органы, в особенности желудок, составляют средоточие или внутреннюю точку опоры для самобытных колебательных движений, идущих от средоточия к поверхности и возвращающихся от поверхности к средоточию, то с другой стороны, накожный орган служит для них внешней точкой опоры и пределом. К нему направляется прилив, и от него начинается отлив. Он поддерживается усилием центральной деятельности; во многих отношениях он умеряет и даже направляет ее, видоизменяя ту, которая отбивает ее в силу впечатлений, им самим получаемых. Смотря по различному состоянию воздуха, ткань кожи может испытывать все степени сжатия или растяжения; иногда она бывает полна силы и жизни, в другой раз она вяла и неплотна; оконечности ее, то раскрываются и идут навстречу всем ощущениям, то стягиваются и скрываются от действия внешних деятелей. Иногда же они тщетно усиливаются избегнуть впечатлений, потому что сама ткань их может заключать в себе причину тягостных ощущений. Возвращение внутрь накожной испарины, сопровождающееся чаще всего, так сказать, пропорциональным усилием влажного всасывания, быстро отдается во всем надбрюшье, во всем пищеварительном канале, в легком, в мозговой системе. Слабое сжатие, испытываемое кожей от действия умеренного холода, вызывает во всех внутренних органах живое чувство благосостояния. Ее постепенное расширение, следующее за действием столь же умеренной теплоты,

[227] Опыт этот был произведен Беллини, и приводился Бургаве, несмотря на то, что он опрокидывает его теорию.

передает органам воспроизведения непрерывный ряд сладостных впечатлений, держащих их в возбужденном состоянии. Некоторые из ее болезней могут вызвать непосредственным образом деятельность этих же самых органов: в таком случае вызваны будут только неприятные ощущения, чаще всего болезненное раздражение, неистовые желания без сладострастия. Иногда даже, жгучий зуд, испытываемый кожей, сообщается всей нервной системе, извращает все мозговые отправления и вызывает самую странную беспорядочность в воображении и в побуждениях.

В двух Мемуарах, о возрастах и полах, мы уже видели широкое и могущественное влияние органов воспроизведения на органы мысли; мы не только заметили, что целый порядок представлений и побуждений обязан своим происхождением развитию первых, но, кроме того, признали еще, что энергия их, направляемая умеренными привычками, есть плодотворный источник самых великих мыслей, самых высоких и великодушных чувствований.

Но эти органы, без которых мускульная система не может ни приобрести, ни сохранить своей крепости, действуют отраженно на все части надбрюшия, как действуют на них последние, в особенности желудок. Животворные впечатления сладострастных желаний живо отражаются в пищеприемном горле, или в верхнем устье желудка и в грудобрюшной преграде; та и другая не менее верно разделяют состояние слабости, в которое приводятся органы воспроизведения злоупотреблением наслаждениями любви. Кто, наконец, может сомневаться в том, что половые органы связаны тесной симпатией с внешним органом, если испытываемые ими перемены непосредственно вызывают, останавливают или видоизменяют появление волос, получающих происхождение и вырастающих в ткани их, а с другой стороны, если любострастные желания усиливают до такой степени незаметную испарину, что самый серьезный и самый ученый врач считал себя вправе считать эти желания за самое лучшее потогонное средство.

§ VII. — Но это огромное влияние некоторых органов на другие, разумеется, не обусловливается одной только степенью их чувствительности: значение их отправлений есть другое обстоятельство, на которое следует смотреть, как на принимающее большее участие в этом влиянии. Наблюдение не оставляет на этот счет ни малейшего сомнения. Печень, селезенка, легкое, хотя и малочувствительные, тем не менее оказывают самое широкое влияние на многие другие органы или даже на весь организм. Следовательно, характером значения, принадлежащего им в животном теле, следует объяснять могущественное симпатическое действие, которого, по-видимому, должны бы быть лишены они вследствие своей слабой чувствительной способности. В сущности, нам неизвестны настоящие отправления селезенки; но вероятно они имеют важное значение, так как болезни ее нередко могут нарушить деятельность различных брюшных внутренностей и внести самый сильный беспорядок во всю нервную систему.

Известно, что печень отделяет растворяющий сок, необходимый для довершения кишечного пищеварения, возбудительное действие которого на весь снаряд кровообращения и на мускульные волокна придает им замечательную степень энергии. Что касается до легкого, то в силу ли непосредственного действия его на обращение крови, в силу ли значения его, как специального органа дыхания и кровотворения, которых в свою очередь принимают значительное участие в производстве животной теплоты, орган этот, разумеется, есть один из существеннейших во всем живом организме, и ничего нет удивительного в том, что его поражение так живо отдается во всех главных органах, и что питание последних, так же как общее состояние сил, находится в большой зависимости от состояния его отправлений.

Не позабудем, кроме того, что в самой чувствительности органов могут произойти значительные изменения: в самом деле, она может увеличиваться в одних, уменьшаться в других, и этим новым распределением своим вызвать между ними новые симпатические отношения или, по крайней мере, изменить те из них, которые вытекают из первоначального образования.

Причины этих изменений сводятся к неправильному усилению деятельности органов, к непосредственному их расслаблению и к некоторым особенным болезням, которыми могут быть поражены они.

Возвышенная деятельность какого-либо важного органа естественным образом должна вести за собою соответствующее ей усиленное влияние на прочие органы, связанные с нею симпатией, ибо она часто становится в таком случае целью для сосредоточенной чувствительности, а отправления, из которых вытекает ее влияние, становятся тогда более энергичны и в особенности более многочисленны, потому что сами они входят в сумму этой деятельности.

Но, что действительно кажется на первый взгляд необъяснимым, это, что увеличение чувствительности в органе часто составляет следствие его расслабления: тем менее факт этот не подлежит сомнению; это, как замечает знаменитый Куллен, составляет даже общий закон нервной системы, то есть, состояние или чувство слабости становится причиною возбуждения органа. Некоторые особенные болезни могут равным образом произвести значительное увеличение влияния того или другого органа. Таким образом, например, при различных болезненных состояниях, желудок и органы воспроизведения действуют более непосредственным и действительным образом на двигательные силы и на головной мозг. Но в таком случае подобное действие всегда может быть отнесено к возвышенной деятельности или к сосредоточению чувствительности, вследствие чего случай этот сводится к одному из предыдущих.

§ VIII. — *Заключение*. — Если привести теперь к одному общему взгляду различные условия, вызывающие и увеличивающие силу влияния какого бы то ни было органа

на некоторые другие, отдельные органы или на всю совокупность организма, то можно заметить, что все они соединяются в пользу мозгового органа, то есть, что нет между ними ни одного, который бы, по законам живого тела, одарен был более постоянною, более энергическою и более распространенною деятельностью.

1) Разветвления его, распространенные по всем частям тела и раскрывающиеся в некотором роде на каждой точке, не только связаны с ним отношениями общей организации и общим единством ее, но и самим веществом, из которого они образованы и которое всюду одинаково.
2) Так как впечатления получаются им его оконечностями, то все органы не только подобны ему, но они они однородны с ним, по крайней мере чувствующими своими частями.
3) Он одарен самой живой чувствительностью или, вернее, если он не есть источник чувствительности всех остальных органов, то он есть общий резервуар, пополняющий и поддерживающий ее.
4) Отправления его не одинаково важны, как по возбуждению жизни во всем животном теле, так и по значению их, как отправлений мысли и воли.

Таким образом, ясно, что мозговая система должна оказывать постоянное, весьма широкое и могущественное влияние на все части живой машины, и влияние это должно быть тем значительнее, чем более энергии и деятельности в ее отправлениях.

Итак, мы не можем уже затрудняться в действительном смысле выражения: *влияние нравственной природы на физическую*; очевидно, что оно обозначает собою это самое влияние мозговой системы, как органа мысли и воли, на прочие органы, все отправления которых симпатической деятельностью ее возбуждаются, прерываются и даже искажаются. Вот настоящее значение этого выражения и в нем не может быть ничего более.

Если бы было нужно, положение это могло бы быть еще подтверждено исследованием условий, которые случайно придают иногда влиянию мозговой системы чрезмерную силу и значение. В самом деле, все эти условия могут быть приведены: 1) к возвышению ее деятельности или чувствительности, 2) к ее ослаблению, 3) к ее болезням. Следовательно, она подчинена, даже во всех этих случаях, законам, общим как для нее, так и для всех прочих частей живого организма.

Таким образом, все явления жизни, без всякого исключения, приводятся к одной и той же причине; все отправления, как общие, так и частные, вытекают из одного и того же начала деятельности.

Такова всюду простота природы, производящей чудеса самыми ничтожными средствами. Но склонный к гипотезам ум человеческий, всюду, где явления

поражают его сложностью или разнообразием, считает необходимым увеличить число действующих пружин. Таким образом, течение светил, воздушные явления, движение вод в океане, прозябение, оплодотворение растений, словом, все явления мира вначале были подчинены стольким же различным причинам. Аполлон управлял солнечной колесницей, Диана — луною, Юпитер царил над небом, управлял грозою и метал молнии, Нептун поднимал моря, а Пан, Церера, Флора, Помона разделяли господство над стадами, жатвами, цветами и плодами. Нужно было много времени, чтобы дойти до признания в природе одной только силы; быть может, потребуется еще более, чтобы убедиться, что за неимением возможности сравнения ее с чем бы то ни было, мы не можем составить себе никакого действительного понятия о ее свойствах, и что наши смутные понятия о ее существовании, сложившиеся единственно по наблюдению законов, управляющих вокруг нас всеми предметами, и недостаточность средств для самого наблюдения должны на вечные времена держать эти понятия в самых узких и ограниченных пределах.

Мемуар двенадцатый: О приобретенных темпераментах.

Введение. — § I. — Мы доказали, что различия в темпераментах зависят от первоначального строения организации и от способа ее отправлений; что каждый темперамент определяется привычками общей чувствительности и привычками отдельных органов.

Мы признали равным образом, что всякое отправление животного тела, всякое действие, всякое движение есть результат предшествовавших впечатлений, внешних или внутренних, что повторение впечатлений облегчает относящиеся к ним отправления, что сами они имеют тем большее стремление повториться, чем чаще они вызывались и чем долее они продолжались, так что частое повторение одних и тех же впечатлений и относящихся к ним отправлений способно изменить в значительной степени деятельность органов и даже первоначальное устройство чувствительности.

Таким образом, если причины некоторых впечатлений действуют на организм довольно часто и продолжительно, то они могут изменить его привычки и привычки органов; они, следовательно, могут ввести в него случайные расположения или образовать новые темпераменты, обусловливаемые этими привычками. Вот настоящий источник происхождения *приобретенных темпераментов*.

Так как случайные расположения способны мало-помалу укрепляться, стать устойчивыми и передаваться из поколения в поколение, то на приобретенные темпераменты, по-видимому, можно смотреть с двух различных точек зрения: как на случайные свойства отдельных неделимых, независящие от их первоначальной организации, или как на результат медленного и постепенного развития, от поколения к поколению укрепляемого непрерывным действием одних и тех же причин и передаваемого от родителей детям в продолжение бесчисленного множества лет. Но ясно, что последний случай приводится к первоначальным и природным темпераментам. Действительно, природа для нас есть настоящее состояние или настоящий порядок вещей, какие бы перемены или видоизменения ни испытали они в предшествующее время; она не может быть для нас первоначальным состоянием, которое почти всегда покрыто неизвестностью; она есть единственный постоянный порядок, какой передан нам прошедшим. Под *природным темпераментом* следует, стало быть, разуметь тот, который рождается с неделимым, или тот, расположение к которому является в нем вместе с появлением на свет, а под *приобретенным темпераментом* — тот, который слагается в неделимых продолжительным действием случайных впечатлений, которым они подвергаются.

В различные эпохи жизни в организме слагаются новые расположения: отправления органов не совершаются одинаковым образом, между ними устанавливаются новые отношения. В обоих полах способности к различным впечатлениям и склонности к соответствующим им отправлениям неодинаковы; различные органические привычки оказывают большее или меньшее стремление, чтобы установиться в организме; между ними существуют такие, которые в некотором роде нераздельны от пола, или причина которых, действуя в неделимых с первой минуты жизни, развивается последовательно со всеми прочими, свойственными им способностями. Основываясь на том, что было сказано выше, оба рода этих расположений и привычек опять-таки не имеют отношения к тому, что следует разуметь под именем *приобретенного темперамента*. Хотя всякий последнего рода темперамент слагается только мало-помалу действием известных впечатлений, из которых многие приходят извне, тем не менее, причина его составляет одну из тайн первоначальной организации, обнаруживающуюся постоянно в определенное время.

Условия, которые могут переделать или видоизменить темперамент, суть болезни, климат, условия жизни, обычные занятия тела и ума.

Заметим только, что могущество этих условий всегда подчинено до известной степени стремлениям, вытекающим из природной организации. Если последняя глубока, то мы знаем из опыта, что она может оказать сопротивление всем дальнейшим впечатлениям, и если она поверхностна даже, то всегда умеряет действие условий, стремящихся к ее изменению; ибо она подчиняется им настолько, насколько живой организм способен воспринимать новые впечатления, а самый характер этих впечатлений зависит большей частью от предшествовавших расположений всего чувствующего органа.

§ II. — Если проследить внимательно за ходом различных болезней и разборчиво сравнить их между собою, то в действии и в последствиях их обнаружатся особенные черты, которые не следует упускать из виду. Всякий природный темперамент, всякое первоначальное расположение, разумеется, видоизменяют действие самых могущественных ядов и вредных веществ, а ловкость врача, при выборе тех или других средств при лечении, подтверждает на практике такую истину, справедливость которой указывается уже теорией. Тем не менее, каждый род болезни отличается свойственной ей природой и, то причина ее, то ход и окончание ее, то оставляемые ею следы составляют отличительные признаки, по которым узнается она наблюдателем.

Самой природой, как и нашими классификациями, болезни разделяются прежде всего на острые и хронические. Оба рода их отличаются столько же своим действием на организм, как своей продолжительностью. В острых болезнях отправления бывают обыкновенно сильны и энергичны: эти болезни становятся настоящими кризисами, то есть, они рассеивают и разрешают другие,

предшествовавшие болезни, против которых бессильно боролись силы самосохранения и все усилия врачебного искусства. В хронических болезнях, напротив того, отраженные силы природы отличаются слабостью и вялостью: поэтому, они почти не бывают критическими; редко даже случается, чтобы природа излечивала их рядом правильных отправлений; и, наперекор общераспространенному мнению, в лечении их в особенности обнаруживается, а стало быть, и становится необходимым врачебное искусство, без помощи которого большая часть их бывает обыкновенно неизлечима. Перемены, производимые в организме острыми болезнями, большей частью полезны; перемены, вызываемые хроническими болезнями или следующие за ними, почти всегда неблагоприятны.

Тем не менее, справедливо, что если сильные непрерывные лихорадки и даже некоторые, сходные с ними в этом отношении болезни, сопровождающиеся пароксизмами, часто рассеивают многие предшествовавшие, хронические поражения, то случается, что вследствие упорного и опасного своего характера, или вследствие неудачного лечения, они начинают собою цепь многих других, последующих хронических болезней, по отношению к которым их можно принимать за непосредственную их причину. Постоянно встречается, что в известных случаях, весьма выразительная, хроническая болезнь прогоняет другую, менее выразительную, или принадлежащую даже к иному с ней роду. Тогда последняя может быть вылечена, не вызывая первой, так что на нее следует смотреть как на критическую относительно другой. Но это частные подробности теории, на которых нам вовсе бесполезно останавливаться.

Какая бы, впрочем, ни была причина и природа перемен, вводимых в организм различными болезнями, наблюдение показывает нам, что они бывают настолько сильны, что могут вызвать новые привычки в органах и развить новые темпераменты.

Введение новых привычек при содействии болезней более или менее возможно, смотря по природе обусловливаемых ими изменений: расположение нервной системы и состояние органов не изменяются с такою же поспешностью по всем направлениям, или не удерживают на себе случайных отпечатков с одною и тою же степенью силы и устойчивости; различные видоизменения, испытываемые, вследствие этого, темпераментами, встречаются более или менее часто. Таким образом, болезни производят почти всегда, и часто оставляют за собою значительное преобладание чувствительной системы над двигательной. Напротив того, редко случается, чтобы они притупили чувствительность нервного органа и подняли силы мускульных органов выше обыкновенного отношения между ними. Темперамент, известный под именем сангвинического, весьма часто приближается к меланхолическому, но последний никогда почти не переходит в него. Желчный приводится с трудом, или даже вовсе не приводится к сангвиническому: он спускается к флегматическому не иначе, как безусловным искажением всей

организации; он легче переходит в меланхолический, во всяком случае удерживая за собою многие черты своей первоначальной природы. Наконец флегматический темперамент часто приобретает возвышение чувствительности, вследствие чего он получает некоторые свойства меланхолического, а когда он испытывает внезапное и соответствующее возвышение мускульных сил, то может получить признаки сангвинического; но во всяком случае он совершенно отличен от того и другого, и не представляет ни малейшей черты желчного темперамента.[228]

Болезни обыкновенно ускоряют или подготавливают развитие чувствительности: в болезненных детях нравственная природа развивается вообще преждевременно. Хотя явление это может быть иногда вызвано впечатлениями, независимыми от болезненного состояния органов, не подлежит сомнению, что ослабление или беспорядок в жизненных отправлениях, увеличением числа и разнообразия в получаемых впечатлениях, вообще возвышает деятельность нервной системы, и в известных случаях непосредственные изменения, производимые болезненным состоянием, увеличивают даже прямым образом силы и деятельность рассудочного органа. Поражения желудка и внутренностей, завалы в печени и в селезенке, болезни в органах воспроизведения почти всегда возвышают подвижность всего организма и увеличивают впечатлительность всех чувствующих его оконечностей. Когда хронический ход одних и тех же поражений дозволяет этому состоянию сделаться обычным, то весьма часто случается, что состояние это продолжается, когда вызвавшие его причины совершенно исчезнут. Некоторые меланхолические и истерические поражения внезапно развивают необыкновенные умственные способности; они вызывают неизвестные до того чувствования, и, хотя действие их обыкновенно ослабляется с окончательным прекращением болезни, тем не менее мозговой орган сохраняет обыкновенно на долгое время следы своего необыкновенного состояния, обусловливаемого только большими беспорядками в физической природе. Острые лихорадки нередко изглаживали следы безумия, продолжавшегося от рождения или сложившегося в первом возрасте, и обращали иногда идиота в развитого и даже замечательного по уму человека. Известно, что английская болезнь обыкновенно ускоряет нравственное развитие детей. Но действия ее не ограничиваются первым возрастом; они распространяются на всю продолжительность жизни, и самым поверхностным наблюдателям не безызвестно, что лица, в которых она оставила заметные следы, вообще отличаются остротой и живостью своего ума. Но различные болезни эти не могут произвести подобных результатов, не возвышая деятельности нервной системы, не расширяя и не оживляя способности получать впечатления.

В этом состоит самое обыкновенное действие болезней. Но не все из них возвышают чувствительность именно таким путем: напротив того, некоторые

[228] Я употребляю общепринятые названия, не удаляясь от предполагаемой ими классификации. Из шестого Мемуара читатель знает, какой собственно смысл я придаю этим словам и какая классификация принята мною для темпераментов.

ослабляют и притупляют ее. Большая часть поражений всасывающей системы и клетчатого органа, и даже целый класс нервных болезней и головного мозга прямым или косвенным образом поражают отупением чувствительные способности, не понижая в такой же степени мускульные и двигательные силы. Мало того, существуют такие болезни, прямое действие которых состоит в непомерном возвышении последних. Эпилептические болезни, например, состоят почти всегда из самых могущественных конвульсивных движений в соединении с глубоким отупением чувствительной системы. Вслед за острыми лихорадками, имеющими значение кризисов относительно других, предшествовавших им болезней, взаимные отношения силы и деятельности между обеими системами, чувствительной и двигательной, изменяются обыкновенно в пользу последней; и хотя чувствительность не уменьшается в таком случае до разрушения равновесия между обеими, тем не менее, мускульные органы постоянно получают расположение и сознание большей своей крепости.

Однако же, несмотря на эти весьма постоянные факты и на множество других, подобных им, которыми они подтверждаются, чрезвычайно редко случается, чтобы изменения, производимые болезнями в привычках органов, развили бы особенный темперамент, отличающийся преобладанием двигательной системы над чувствительной.

Некоторые поражения груди, сопровождающиеся изнурительной лихорадкой, нередко вносят в организм привычки, свойственные *сангвиническому* темпераменту; и в случаях, по правде, довольно редких, в которых гибельный исход этих поражений может быть остановлен, органические расположения, развиваемые их действием, закрепляются и могут обратиться в постоянное и устойчивое состояние. Другие изнурительные лихорадки, сопровождающиеся общим расслаблением органов, и свободные от всякого спазматического противодействия, вызывают вслед за собою подобный же ряд впечатлений, способных принять тоже некоторую устойчивость. В практике встречаются также некоторые болезни нервной и мозговой системы, отличительные признаки которых состоят в том, что они вызывают сладостные и светлые ощущения и запечатлевают различные отправления чувством довольства и благосостояния.

Смотря по степени своей силы и по состоянию, в котором они застигают организм, болезни производят весьма различное действие. Таким образом, когда засорения брюшных внутренностей образуются в *сангвиническом* темпераменте, то они обращают его в *желчный*, если сами они незначительны, или в *меланхолический*, если засорения эти очень глубоки. Если они слагаются в желчном темпераменте, то обращают его, или в тихую меланхолию, или в неистовое помешательство; таким же образом, перемежающиеся лихорадки разбивают иногда эти завалы направляющимися к этой цели пароксизмами; иногда же, наоборот, сами они производят их: засорения усиливаются с каждым пароксизмом, и с производимыми

ими последствиями можно успешно бороться только присоединением к лекарствам, разбивающим завалы, лекарства, останавливающие лихорадку. Но при этих различных условиях болезни большей частью не оставляют за собою одни и те же следы в привычках темперамента. Таким образом, случается, что чрезвычайные раздражения органов воспроизведения пробуждают поочередно, смотря по предшествовавшему состоянию организма и по своему собственному напряжению, расположения *сангвинического*, *желчного* или *меланхолического* темперамента. Раздражения эти могут возрасти до того, что изменят порядок всех отправлений и исказят природу и характер впечатлений.

Существуют, впрочем, некоторые болезни, производящие постоянно одно и то же действие на состояние и на привычки органов. Засорения воротной вены, например, влекут за собою всегда меланхолическое расположение и нервные расстройства, вызываемые в свою очередь этим расположением. Мы заметили, что хронические поражения желудка и внутренностей в такой же степени повышают чувствительность, в какой понижают мускульные силы. То же самое следует сказать и о постоянно сопровождающих их поражениях грудобрюшной преграды: непосредственное действие их состоит в преобладании чувствующих сил над двигательными; с другой стороны, все условия, способные обратить чувствительность к нервному средоточию, уже этим самым и в неопределенных размерах возвышают мускульные силы, и в то же самое время прерывают, по-видимому, сообщения мозгового органа с внешним миром и в некотором роде прекращают получение ощущений.

Чтобы оказать влияние на темперамент, болезнь должна вообще принять участие в вызове постоянного расположения в органах; она должна даже состоять в этом. Чтобы изменить его, ей следует заглушить привычки органов и заменить их новыми. Наконец, чтобы изменение было прочно, ей следует привести к бездействию условия, установившие предшествующее состояние, или запечатлеть по крайней мере условия, вызывающие настоящее состояние, весьма значительной силой и устойчивостью.

§ III. — Условия жизни, охватывающие все привычки жизни и рассматриваемые во всей своей совокупности, во многих отношениях находятся в зависимости от климата, то есть, от всех физических условий, свойственных какой-либо местности; но они могут быть с некоторых сторон и независимы от него; вот почему, при исследовании условий жизни и климата на отправления разума и воли, мы рассмотрели прежде первые, а затем второй. Говоря о влиянии их на темперамент, я не нахожу нужным следовать тому же порядку. Так как то, что нам предстоит сказать о климате, ограничивается только несколькими общими замечаниями, то мы и переходим к ним в дальнейшем нашем исследовании.

Крайние степени холода и теплоты вызывают в живом организме два совершенно противоположные состояния. В очень холодных странах мускульные силы весьма

деятельны и могущественны, а чувствительные силы слабы и тупы. Это доказывается свидетельством всех путешественников, особенно Гмелина, Палласа, Линнея, Диксона, Мареса, Ванкувера, и проч. В очень жарких климатах, напротив того, мускульные силы бывают слабы и вялы, между тем как чувствительность отличается особенным развитием, живостью и распространением. Это подтверждают самые знаменитые врачи, пользовавшиеся в этих странах, как Кемпфер, Бонциус, Руссель, Поасонье, Бажон, Гиллари, Шальмерс и многие другие. Таким образом, темперамент, отличающийся смутными и многочисленными впечатлениями и избытком в силе и деятельности органов движения, принадлежит северным странам; напротив того, темперамент, отличающийся многочисленностью, разнообразием и живостью впечатлений и слабостью, бездеятельностью или, по крайней мере, отсутствием устойчивости и настойчивости в мускульных силах, принадлежит экваториальным и тропическим странам. Чтобы дополнить последнее наблюдение, прибавим, что крепкие члены могут развиться и под жгучим солнцем, но организм всегда получает тогда судорожные привычки, и привычки эти непосредственно обусловливаются постоянным расстройством непомерной чувствительности.

В одном из предыдущих Мемуаров я привел замечательное место из Гиппократа, относящееся к жителям Фазиса и познакомившее нас с климатом, способным произвести так называемый флегматический темперамент: это — сырая и болотистая почва, тяжелый, наполненный туманами воздух, стоячие воды, насыщенные разложившимися и в них же зародившимися растениями, словом, все местные условия, способные расслабить организм и замедлить все жизненные отправления.

По этому вопросу, я не могу скрыть, что люди, заслуживающие большого уважения, авторитет которых во всех отношениях имеет для меня большое значение, объясняют этот темперамент другими причинами и отличают его иными органическими условиями. По мнению этих физиологов, образование его вызывается нарушением равновесия между различными родами сосудов и в обычном преобладании всасывающей системы. Мнение это могло бы быть без всякого затруднения приведено к моему общему воззрению на темпераменты, и я должен сознаться, что оно представлялось мне весьма правдоподобным с этой точки зрения, но после внимательного исследования, признаюсь с тою же искренностью, что мне невозможно было принять его. В самом деле, 1) люди так называемого *флегматического* темперамента суть именно те, у которых внутреннее всасывание происходит самым медленным и несовершенным образом; 2) болезни, приближающиеся к этому темпераменту, требуют для своего излечения возбуждения всасывающих отправлений, возвышения их силы и деятельности; 3) чтобы достигнуть этого результата, не прибегают к одним только средствам, исключительно укрепляющим лимфатическую систему и недействующим на прочие части живого тела: единственные, действительные против них средства в

одинаковой степени подымают крепость всех органов и возбуждают разом все отправления; 4) всасывание, производимое внешними оконечностями сосудов, совершается безусловно таким же точно образом, как и внутреннее. Человек, сидящий в ванне, всасывает тем меньшее количество воды, чем ближе темперамент его к *флегматическому*, и тем большее — чем он далее от него.[229] Ничто не дает повода думать, чтобы не происходило того же самого относительно атмосферного воздуха, из которого, заметим, тело наше поглощает большее или меньшее количество влаги. Заметим еще, что чем слабее организм, (а все флегматики отличаются по крайней мере относительною слабостью), тем легче в нем вгоняется внутрь незаметная испарина; обстоятельство это не должно ни в каком случае упускать из виду, чтобы не впасть в большие ошибки при измерении действительного количества всасывания.

Существует, впрочем, факт, говорящий, по-видимому, в пользу мнения, о котором идет речь, и вероятно он первый повел к нему. В некоторых случаях водяной болезни, ежедневное скопление жидкостей значительно превышает количество принятого питья и общий вес питательных веществ. Без сомнения, этот излишек в жидкости получается из воздуха, поглощаемого с большею быстротою всасывающими порами. Наблюдения показали в таком случае, что чем более в воздухе сырости, тем значительнее бывает количество поглощаемой воды; по словам многих, заслуживающих полного доверия врачей, количество это доходило иногда до такой степени, что они боялись привести то, что видели, чтобы их не обвинили во лжи. Но предположим, что все эти рассказы справедливы, (что касается до меня, то я вовсе не оспариваю их верности), избыток в деятельности всасывающих сосудов кожи вовсе не доказывает еще их действительной силы: с этими сосудами может в таком случае быть то же самое, что с кишками в случае поноса, при котором беспорядочная и стремительная деятельность последних органов есть результат их прямого расслабления. Сверх того, в настоящем случае только внешние всасывающие органы бывают случайно одарены большею деятельностью; остальные, напротив того, погружены в самое глубокое оцепенение.

Мягкий климат, ясное небо, легкая вода, постоянная температура и безоблачная атмосфера развивают чувствительность нервных оконечностей и обусловливают свободные отправления. К совокупности этих физических условий принадлежат,

[229] Если бы я имел в виду установить в этом отношении теорию и общие законы, то я скорее всего принял бы мнение, что всасывающая лимфатическая система действительно преобладает у лиц, подверженных истерике и меланхолии. Я постоянно замечал, что они поглощали более значительное количество воды в ваннах: всасывание обильного количества питья происходит в них быстрее и с меньшим утомлении пищеварительных органов; мне кажется также, что тело их с особенною деятельностью поглощает влагу из воздуха; и, может быть, этою причиною следует объяснять и чрезвычайное обилие слюны и водянистой мочи, постоянно отделяемых ими.
Напротив того, у мокротных или флегматических людей всасывание совершается медленно, затруднительно и несовершенно: сырой воздух расслабляет их, они поглощают весьма незначительное количество воды из ванны, обильное питье обременяет их желудок и кишки, и часто обращается в водянистый понос.

стало быть, привычки органов, обозначаемых названием *сангвинического темперамента.* Сильная жара, резкие перемены в состоянии воздуха, большое разнообразие в природе окружающих предметов оказывают могущественное содействие к образованию темперамента, называемого *желчным. Меланхолический* темперамент свойствен, по-видимому, теплым странам, отличающимся переменами температуры, воздухом, наполненным испарениями, и твердыми, сырыми водами, то есть, насыщенными нерастворимыми солями или землистыми частицами. Мягкая температура в соединении со всеми другими счастливыми условиями, но часто переменяющаяся, дает начало *желчно-сангвиническому* темпераменту; и если условия жизни, занятия и различные нравственные причины окажут свое содействие его образованию, то такой темперамент скоро становится общим целой стране. Вызываемые или предполагаемые им качества, по-видимому, более всего пригодны для индивидуального благополучия и для успеха общественного быта, как по степени деятельности, им возбуждаемой, так и по отличающей его гибкости ума и мягкости нравов. Этот темперамент вообще преобладает во Франции. Если бы мы захотели войти в некоторые подробности, то было бы легко показать, что он оказывал постоянное влияние на наши народные привычки с того времени, как действие цивилизации окончательно установило наш климат. *Желчно-меланхолический*, напротив того, есть самый несчастный и самый пагубный из всех темпераментов. Он более всего свойствен фанатическим, мстительным и кровожадным народам. Он выразился в мрачном неистовстве Тиверия и Силлы, в лицемерной жестокости Доминика, Людовика XI и Робеспьера, в капризном безумии Генриха VIII, в обдуманной и упрямой мстительности Филиппа II. В нем соединяются смелость и насилие с глубоким честолюбием и злопамятством, а мрачное душевное состояние, ведущее его от преступления к преступлению, еще более укрепляется собственными своими злодеяниями.

Я повторяю, здесь относительно климата то, что говорил о болезнях. Климат не перерождает, не отклоняет и даже не видоизменяет темперамента иначе, как если действие его будет настолько сильно и продолжительно, что изглаживает по крайней мере отчасти предшествовавшие привычки органов. Тем не менее, тот и другой род причин существенно отличаются один от другого. Болезнь есть вообще состояние мимолетное, и новые впечатления изгоняют те, которые были вызваны. Климат, напротив того, отличается признаками постоянными; действие его непрерывно, то есть, достаточно остаться в стране, жить среди одних и тех же местных условий, испытывать действие одних и тех же явлений, словом, получать постоянно одни и те же впечатления.

§ IV. — Влияние климата покажется нам еще более широким, если мы примем во внимание, что от него зависит во многих отношениях влияние условий жизни. В самом деле, климат обусловливает природу пищи и питья, он видоизменяет воздух, которым мы дышим, он вменяет бóльшую часть привычек жизни, он особенно определяет известные занятия. Влияние условий жизни может быть, следовательно,

отделено от влияния климата только в отвлечении: обе причины действуют обыкновенно согласно, и самые глубокие, самые устойчивые изменения, испытываемые животным организмом, бóльшей частью обязаны их совокупному действию.

Итак, чтобы пища и питье оказали полное свое влияние на органические привычки, необходимо, по-видимому, чтобы влияние это было поддержано действием климата. В одном из предыдущих Мемуаров мы заметили, что жители двух соседних стран, весьма сходных по физическим условиям, тем не менее могут представить поразительные различия в темпераментах и в организации, и мы признали, что в таком случае главную причину этих различий должно приписать хорошим или дурным свойствам воды, нежной или грубой пище, и употреблению или неупотреблению вина. Турки живут в той же самой стране, которую населяли древние греки, а есть ли возможность найти хоть малейшую черту сходства между их объемистым телом, неподвижным темпераментом и организацией, обрисованной Гиппократом и другими врачами, его соотечественниками? Сами племена новейших греков, хотя всюду смешанные со своими тупыми поработителями, не существенно ли отличаются от них во всех отношениях? Продолжительные следы, оставляемые в организме постоянным действием опиума и других наркотических веществ, устанавливают, по-видимому, главным образом важнейшие различия между народами, употребляющими их ежедневно, и народами, прибегающими к ним только в случае болезни, или вовсе даже незнакомыми с ними.

Можно принять за общее правило, что употребление вина совместно с питательной и удобоваримой пищей приближает мало-помалу темперамент к сангвиническому; что грубая, но питательная пища способствует развитию мускульных сил; что возбуждающие напитки, как кофе, в соединении с употреблением ароматических веществ, напротив того, дают преобладание чувствительным силам; что злоупотребление пряностями и крепкими напитками направляет темперамент к желчному; что образованию меланхолического темперамента сильно способствует постоянное употребление трудноперевáримой пищи, сырой и твердой воды, в особенности, если этим условиям оказывают свое содействие другие, способные извратить чувствительность; наконец, что привычка к наркотическим веществам непосредственно ослабляет нервную систему и косвенным образом понижает мускульные силы, хотя одно из действий этих веществ состоит во временном возвышении, если не природной энергии последних, то по крайней мере более могущественного их действия.

Излишний сон или недостаток его также может мало-помалу сильно изменить, как общее, так и частное состояние органов. Условие это в особенности способно ввести совершенно новые отношения между различными способностями и различными отправлениями.

Но еще более замечательное влияние на темперамент оказывают обычные занятия. Чтобы убедиться, что иначе и быть не может, достаточно принять в соображение, что, смотря по природе своей, занятия могут излечивать предшествовавшие болезни и вызывать, как бы искусственно, новые, что они обусловливают собою почти все случайные привычки жизни и что в огромном числе случаев им одинаково подчинена, как нравственная, так и физическая природа.

Мы знаем, например, что работы, требующие сильных движений и значительных мускульных сил, воспитывают эти самые силы, развивают и возвышают их и, напротив того, притупляют чувствительность нервной системы. Мы знаем также, что работы, производящиеся в сидячем положении и не требующие физических усилий, расслабляют мускульную систему, и если они хоть немного упражняют нравственные способности, то придают всему мозговому и чувствительному органу замечательный избыток ловкости и деятельности. Дровосеки, носильщики, рабочие в портах, словом, все чернорабочие менее чувствительны и более крепки; сапожники, портные, ткачи, и проч. более слабы и более впечатлительны.

Когда работы или сильные телесные упражнения сопровождаются условиями, способными возбудить сильные, душевные страсти, то они более или менее в состоянии вызвать черты, свойственные желчному темпераменту. Вот почему черты эти встречаются, по-видимому, в военных людях и в охотниках, особенно в последних, преследующих диких зверей среди лесов и в глубине пустынь. Когда сидячие работы по природе своей способны развить нравственные способности и когда продолжительность их производит, как это и случается обыкновенно в таком случае, засорения в брюшных внутренностях и во всей системе воротной вены, то они не только причиняют в непродолжительном времени нервные расстройства и воспитывают причудливое воображение, свойственное меланхолическому темпераменту, но и в прочие отправления вносят беспорядок, которым он патологически отличается. Замечание это, к сожалению на каждом шагу, можно ежедневно поверить наблюдением над художниками, литераторами и учеными.

Я считаю в настоящем случае бесполезным входить в подробное исследование болезней, вызываемых различными занятиями: они очень разнообразны и очень многочисленны, а действие их на организм более или менее постоянно, как и более или менее важно.

Равным образом, мы пройдем молчанием и о таких болезнях, которые вызываются некоторыми особенными занятиями или излечиваются ими. Мало есть хронических болезней, на которые телесные упражнения не оказывали бы непосредственно благодетельного действия; многие из них не нуждаются даже в другом лечении.

Достаточно только указать на обе эти второстепенные причины, изменяющие темперамент.

Но если темперамент может быть изменен действительным образом, то это совокупным и согласным действием всех условий; но и тогда даже трудно было бы привести вполне бесспорные примеры полной перемены в устройстве организации: если природное строение прочно и глубоко, то оно редко может быть изглажено. Случайные условия жизни присоединяют, правда, к нему другие, посторонние черты, они видоизменяют его, дают новое направление органическим привычкам, но обыкновенно этим и ограничивается их действие. Эти видоизменения в состоянии организма, эти новые направления привычек и составляют то, что можно назвать *приобретенным темпераментом*; никогда, или почти никогда положительное наблюдение и действительность не представляли ничего более.

Нравственное влияние приобретенного темперамента, быть может, еще более разнообразно и не менее широко, как влияние природного темперамента; но все, что мы могли бы сказать вообще по этому поводу, относилось бы к соображениям, изложенным довольно подробно в другом месте (см. Мемуары 6, 7, 8 и 9); а то, что мы могли бы прибавить нового, потребовало бы изложения болезней и заставило бы нас войти в подробности врачебной науки, слишком обстоятельные и совершенно неподходящие к цели и плану этого сочинения.

КОНЕЦ